ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ

Роберт К. МЭССИ

ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Немецкая принцесса София Фредерика Августа из захолустного Ангальт-Цербского княжества, ставшая императрицей Екатериной II… Волею судеб она взошла на российский престол и самодержавно управляла империей в течение почти тридцати пяти лет (1762–1796).

- Роберт К. Мэсси
  -
  - Часть I
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
  - Часть II
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
  - Часть III
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30

- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40

○ Часть IV
- 41
- 42
- 43
- 44

○ Часть V
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57

○ Часть VI
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63

○ Часть VII
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70

        - 71
        - 72
        - 73
    - Выражение признательности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14

Роберт К. Мэсси
Екатерина Великая. Портрет женщины

Посвящается Деборе

И Бобу Лумису. Двадцать четыре года, четыре книги. Спасибо.

Она была императрицей, оставаясь при этом женщиной. Пожалуй, это самая точная характеристика для нее.

Герцог Бэкингем, британский посол в России, 1762-1765 годы

© Robert K. Massie, 2011
© Перевод. Н. Нестерова, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Часть I
Немецкая принцесса

1
Детство Софии

Принц Христиан Август Ангальт-Цербстский практически ничем не выделялся среди многочисленных обедневших дворян, чьи владения были разбросаны по маленьким германским княжествам восемнадцатого столетия. Принц Христиан, не отличавшийся ни выдающейся добродетелью, ни опасными пороками, тем не менее демонстрировал доблесть истинного прусского дворянина – строгую приверженность порядку, дисциплинированность, честность, бережливость и набожность, а также абсолютное равнодушие к сплетням, интригам, литературе и всему, что происходило во внешнем мире. Он родился в 1690 году и служил в армии прусского короля Фридриха Вильгельма. Его участие в военных походах против Швеции, Франции и Австрии не было отмечено никакими заслугами и никоим образом не поспособствовало, но и не воспрепятствовало дальнейшему продвижению по службе. Когда наступил мир, король, который, по словам очевидцев, однажды назвал своего преданного офицера не иначе, как «тот идиот Цербстский», поручил ему командование пехотным полком, размещенным в городе Штеттине, который, в свою очередь, находился в недавно отвоеванном у Швеции герцогстве Померания на Балтийском побережье. Именно там в 1727 году принц Христиан, остававшийся до тридцати семи лет холостяком, уступил мольбам родных и решил обзавестись наследником. Надев свой лучший синий мундир и прицепив сияющую церемониальную шпагу, он пошел под венец с пятнадцатилетней принцессой Иоганной-Елизаветой Гольштейн-Готторпской, с которой был едва знаком. Его семья, устроившая этот брак, была просто счастлива не только вследствие того, что теперь у них появилась надежда на продолжение династии Ангальт-Цербстских, но и потому, что семья Иоганны находилась выше их по социальной лестнице.

Это был неравный брак. Разница в возрасте оказалась слишком велика. Обычно, отдавая девушку-подростка замуж за мужчину средних лет, семейство руководствовалось определенными мотивами и ожиданиями. Когда Иоганна – девушка из хорошей, но бедной семьи – достигла брачного возраста, ее родители, не посоветовавшись с ней, сосватали ее зрелому мужчине, почти втрое старше ее, и у Иоганны не оставалось другого выбора, кроме как дать свое согласие.

Христиан Август был человеком прямолинейным и честным, но занудным, замкнутым и скупым; Иоганна-Елизавета же, напротив, оказалась девушкой непростой, живой, расточительной и большой любительницей развлечений. Ее считали красавицей – изогнутые брови, светлые волнистые волосы – а ее умение очаровывать и огромное желание нравиться, помогали ей привлекать к себе людей. Находясь в обществе, она испытывала необходимость во внимании окружающих, но с годами ее стремление привлечь к себе всеобщее внимание стало чрезмерным. За свою страсть к веселым беседам она снискала себе репутацию пустой особы; когда ей перечили, на смену очарованию приходила раздражительность, и ее вспыльчивый нрав не раз давал о себе знать. Иоганна понимала, что причина подобного поведения заключалась в том, что ее брак оказался ужасной и теперь уже неизбежной ошибкой.

Впервые она осознала это, увидев дом в Штеттине, куда привез ее супруг. Свое детство и юность Иоганна провела в великосветском окружении. Поскольку она была одной из двенадцати детей в семействе, которое представляло собой боковую ветвь герцогов Гольштейнов, ее отец, лютеранский епископ Любека, отправил Иоганну на воспитание к ее крестной матери – бездетной герцогине Брауншвейгской. Находясь при самом роскошном и великолепном дворе Северной Германии, Иоганна привыкла к красивым нарядам, изысканному обществу, балам, опере, концертам, фейерверкам, охотам и необременительным легким беседам.

Ее супруг, Христиан Август, кадровый офицер, живущий на скудное армейское жалованье, был не в состоянии обеспечить ее всем этим. Самое большее, что он мог себе позволить, – это скромный дом из серого камня, вечно обдуваемый ветрами и поливаемый холодным дождем. Окруженный крепостной стеной Штеттин располагался на берегу мрачного Северного моря. В городе царила суровая военная дисциплина, и не было места для веселья и изысканных манер. Жены офицеров гарнизона вели скучное, однообразное существование, а жизнь простых горожан была еще безрадостнее. Именно здесь молодая, полная жизни женщина, привыкшая к роскоши и развлечениям Брауншвейгского двора, должна была коротать свои дни: мириться со скромными доходами и терпеть своего мужа-пуританина, который был предан своей службе, одержим жесткой экономией и привык раздавать приказы, а не беседовать, и который страстно желал, чтобы супруга преуспела в деле, ради которого он и вступил с ней в брак, то есть родила ему наследника. Иоганна старалась изо всех сил – она была

послушной, хоть и несчастной женой. Но в глубине души все время мечтала о свободе: ей хотелось избавиться от скучного мужа, от безденежья и вырваться из узкого провинциального мирка Штеттина. Она считала, что достойна лучшего. А потом, через восемнадцать месяцев брака, у нее родился ребенок.

В шестнадцать лет Иоганна оказалась не готова исполнять обязанности матери. Беременная она жила мечтами, что ребенок будет во всем похож на нее, и что, в конце концов, их жизнь наладится, и она сможет реализовать все свои устремления. В своих мечтах она не сомневалась, ребенок, которого она носит, будет сыном, наследником своего отца и, что более важно, красивым и выдающимся мальчиком, чьей блистательной карьерой она будет руководить и чьими заслугами непременно воспользуется.

В 2.30 ночи 21 апреля 1729 года в холодный серый предрассветный час Иоганна родила ребенка. Увы, этим маленьким созданием оказалась девочка. Иоганна и Христиан Август нарекли ребенка Софией Августой Фредерикой, однако с самого начала Иоганна не испытывала и не проявляла к новорожденной никаких материнских чувств. Она не занималась своей маленькой дочкой, не сидела над ее колыбелью и не баюкала на руках. Вместо этого она тут же отдала ребенка на попечение слуг и кормилиц.

Возможно, одним из объяснений поведения Иоганны было то, что она едва не умерла при родах: в течение девятнадцати недель после рождения Софии ее молодая мать оказалась прикована к постели. Кроме того, Иоганна сама была еще очень юной, а ее многочисленные амбиции остались практически нереализованными. Но главное, ребенок оказался девочкой, а не мальчиком. Если бы тогда Иоганна знала, что рождение дочери стало самым важным достижением в ее жизни! Если бы ребенок оказался сыном, которого она так страстно желала, и если бы ему суждено было возмужать, он унаследовал бы от отца титул князя Ангальт-Цербстского. И тогда история России развивалась бы по совершенно иному пути, а Иоганна-Елизавета не получила бы даже той маленькой роли, которую она в итоге сыграла.

Через восемнадцать месяцев после рождения первого ребенка Иоганна произвела на свет мальчика, о котором мечтала. Ее нежность ко второму младенцу, нареченному Вильгельмом Христианом, проявилась еще сильнее, когда она поняла, что ребенок родился не совсем здоровым. Мальчик, страдавший рахитом, стал ее страстью: она пестовала его, баловала, практически не выпускала из поля зрения, окружала той

нежностью и заботой, которой была лишена ее дочь. София, к тому времени уже осознавшая, что ее рождение стало разочарованием для матери, видела, с какой любовью мать относилась к ее младшему брату. Нежные поцелуи, ласковые слова, которые она нашептывала ему на ухо, заботливые прикосновения, – все доставалось мальчику, София лишь наблюдала за этим. Разумеется, матери калек или хронически больных детей часто проводят больше времени с больным ребенком, и остальные дети вполне естественно обижаются, что им уделяется не так много внимания. Но Иоганна отвергла Софию еще до рождения Вильгельма, а впоследствии ее равнодушие к дочери лишь усилилось. В результате любовь матери к брату стала для девочки незаживающей раной. Большинство детей, отвергнутых или заброшенных ради своих братьев или сестер, реагируют примерно так же, как София; чтобы избежать еще больших страданий, она скрывала свои эмоции – она ничего не получит и поэтому ничего не ждала. Маленький Вильгельм принимал материнскую любовь как должное и был совершенно невиновен в творившейся в семье несправедливости, однако София ненавидела его. Сорок лет спустя при написании «Мемуаров» она по-прежнему не могла скрыть своей неприязни к брату:

> «Мне говорили, что мое рождение было воспринято без особой радости… отец почитал меня за ангела; мать же мало занималась мною. Через полтора года она [Иоганна] родила сына, которого боготворила. Меня едва терпели, часто сердито и даже зло отчитывали, причем незаслуженно. Я чувствовала все это, но не могла понять, в чем причина».

Далее в своих «Мемуарах» она больше не упоминала Вильгельма Христиана до его смерти в 1742 году в возрасте двенадцати лет. Она описывала это коротко и абсолютно безо всяких эмоций:

> «Он едва дожил до двенадцати лет. Лишь после смерти стала известна причина его болезненности, из-за которой он передвигался на костылях, и почему лекарства, которые ему давали, оказались бесполезными, как и рекомендации самых известных врачей Германии. Они советовали отправить его на воды в Баден и Карлсбад, но по возвращении домой он продолжал хромать, как и до своего отъезда. А чем больше он рос, тем короче становилась его нога. После смерти его тело

вскрыли, и выяснилось, что нога была вывихнута, вероятно, еще в младенческом возрасте <…> После его смерти моя мать была безутешна, и лишь участие всей семьи помогало ей справиться с горем».

В этих горьких словах содержится лишь намек на ту сильнейшую обиду, что София затаила на свою мать. Боль, которую Иоганна причиняла своей маленькой дочери, открыто предпочитая ее брата, сильно отразилась на характере Софии. Недостаток материнского внимания в детстве помогает объяснить, почему, повзрослев, она стремилась получить то, чего была лишена в детстве. Даже добившись высшей власти и став императрицей Екатериной II, она хотела не только восхищения ее незаурядным умом и преклонения перед ней как перед царственной особой, но также жаждала обычного человеческого тепла, которым в детстве мать окружала ее брата и которым была обделена она сама.

В восемнадцатом веке даже обедневшие княжеские фамилии старались соответствовать своему статусу. У детей из благородных семей были няни, гувернантки, воспитатели, учителя музыки, танцев, верховой езды и богословия; их обучали этикету, манерам и религиозным нормам, принятым при европейских дворах. Этикет был самым главным: маленькие ученики упражнялись в том, как нужно кланяться и делать реверансы, пока не достигали совершенства и автоматизма. Уроки иностранных языков имели первостепенную важность. Юные принцы и принцессы должны были говорить и писать на французском – языке образованных европейцев. В аристократических немецких семьях немецкий язык считался вульгарным.

Влияние гувернантки Елизаветы (Бабетты) Кардель на жизнь юной Софии было очень сильным. Бабетте, француженке-гугенотке, которой протестантская Германия казалась ближе по духу и безопасней, нежели католическая Франция, было доверено обучение Софии. Бабетта понимала, что причиной воинственного поведения ее ученицы часто являлись ее одиночество и недостаток внимания и заботы. Бабетта давала ей все это. Она также привила Софии любовь к французскому языку, оставшуюся с ней до конца жизни, продемонстрировала всю логичность, деликатность, остроумие и живость этого языка в письменной и устной речи. Уроки начинались с басен де Лафонтена, затем они переходили к Корнелю, Расину и Мольеру. Позднее София пришла к выводу, что большая часть ее обучения строилась на

заучивании наизусть. «Все очень рано заметили, что у меня хорошая память, поэтому меня постоянно мучили, заставляя все заучивать наизусть. У меня до сих пор сохранилась Библия на немецком, где красными чернилами подчеркнуты строки, которые я должна была выучить».

Педагогические методы Бабетты были значительно мягче тех, что использовал пастор Вагнер, педантичный армейский капеллан, которому отец Софии – ревностный лютеранин – поручил обучить свою дочь религии, географии и истории. Строгий Вагнер требовал постоянного заучивания и повторения, но такой подход не имел особого успеха у воспитанницы, которую Бабетта уже в то время называла esprit gauche[1]. Девочка задавала обескураживающие вопросы: «Почему великие люди античности, такие как Марк Аврелий, были навечно прокляты? Неужели из-за того, что они не знали о спасении Христа и, следовательно, не могли быть спасены?» Вагнер отвечал, что на то была воля Божья. «Какова была природа Вселенной до Сотворения мира?» Вагнер объяснял, что до этого был хаос. Тогда София попросила описать первоначальный хаос, но этого Вагнер сделать не смог. Слово «обрезание», которое использовал Вагнер, вызвало естественный вопрос: «Что это означает?» Вагнер, придя в ужас от положения, в котором очутился, отказался отвечать. Подробно рассказывая о кошмарах Страшного суда и трудностях спасения, Вагнер так запугал свою ученицу, что «ночью, перед рассветом, я подошла к окну и заплакала». Однако на следующий день она нанесла ответный удар: «Как бесконечная доброта Господа может сочетаться с ужасами Страшного суда?» Вагнер принялся кричать, что не существует рациональных ответов на эти вопросы, а все, что он ей говорит, нужно принимать на веру, и даже стал угрожать своей тростью. Тогда вмешалась Бабетта. Позже София писала: «Я была полностью уверена, что герр Вагнер – тупица. – И добавила: – Все свою жизнь я уступала лишь доброте и разуму и сопротивлялась любому давлению на меня».

Тем не менее ни доброта, ни давление не помогали ее учителю музыки герру Рёллигу. «Он приводил с собой человека, который ревел басом, – позже писала она своему другу Фридриху Мельхиору Гримму, – и заставлял его петь в моей комнате. Я слушала и говорила себе: «Он же ревет, как бык», но герр Рёллиг приходил в неописуемый восторг, слушая бас». Она никогда не преувеличивала свои возможности ценить гармонию музыки: «Мне так хочется слушать музыку и наслаждаться ею, – писала София-Екатерина в своих «Мемуарах», – но все мои старания тщетны. Я слышу только шум и ничего больше».

Екатерина не забыла уроков Бабетты Кардель и годы спустя,

уже став императрицей, она с благодарностью высказалась о ней: «Она обладала благородной душой, выдающимся умом, золотым сердцем; она была терпеливой, доброй, веселой, справедливой, постоянной – именно такую гувернантку должен иметь каждый ребенок». Вольтеру она писала, что была «ученицей мадмуазель Кардель». В 1776 году в возрасте сорока семи лет она написала Гримму:

> «Порою невозможно узнать, о чем дети думают. Детей трудно понять, особенно когда их методично приучают к покорности, а личный опыт заставляет проявлять осторожность в беседах с учителями. Разве не наталкивает это вас на мысль, что нужно не бранить детей, а завоевывать их доверие, дабы они не скрывали от нас свою глупость?»

Чем более независимой становилась София, тем сильнее это тревожило ее мать. Девочка была заносчивой и непокорной, поэтому Иоганна решила искоренить эти черты прежде, чем возникла необходимость подыскивать ей подходящую партию. Поскольку замужество было единственной перспективой для юной принцессы, Иоганна твердо вознамерилась «изгнать из нее дьявола гордыни». Она постоянно твердила дочери, какой та была некрасивой и глупой. Софии запрещалось разговаривать, если только к ней не обращались, и высказывать в присутствии взрослых свое мнение. Ей надлежало опускаться на колени и целовать подол платья всех знатных дам, посещавших их. София подчинялась. Несмотря на то что девочка была обделена нежностью и заботой своей матери, она сохраняла уважительное отношение к ней, оставалась молчалива, выполняла распоряжения Иоганны и держала свое мнение при себе. Позже умение сдерживать свою гордость и терпеть унижения очень пригодилось Софии – ставшей к тому времени Екатериной – она использовала эти навыки в критических ситуациях и перед лицом опасности. Если ей угрожали, она заворачивалась в плащ смирения и преклонения и на время становилась покорной. В этом она также брала пример с Бабетты Кардель – женщины благородного происхождения, смирившейся с более низким по статусу положением гувернантки, но сумевшей сохранить уважение к себе, чувство собственного достоинства и гордость, что поднимало ее в глазах Софии и ставило даже выше матери.

Со стороны София казалась веселым ребенком. Отчасти это происходило из-за ее чрезмерной любознательности и пытливого ума, а отчасти – вследствие энергичного темперамента. Ей требовались физические нагрузки. Прогулок по парку с Бабеттой

Кардель оказалось недостаточно, и родители разрешили ей играть с городскими детьми. София с легкостью становилась лидером маленьких групп из мальчишек и девчонок и не только потому, что она была принцессой, но и благодаря врожденным лидерским качествам и воображению, позволявшему придумывать игры, в которые хотели играть все дети.

В конце концов, Христиан Август получил повышение – из командира гарнизона он превратился в губернатора Штеттина, это позволило ему перевезти семью в одно из крыльев гранитного замка, располагавшегося на главной площади города. Иоганну переезд в замок не особенно обрадовал. Она по-прежнему была несчастна и все никак не могла примириться с положением, в котором оказалась. Она вышла замуж за человека, который был ниже ее по положению и вместо блистательной жизни, о которой мечтала, вела жизнь провинциальной дамы в городе, где размещался гарнизон. Вслед за первыми двумя детьми у нее появилось еще двое – сын и дочь, – но и они не принесли ей счастья.

В своем стремлении вырваться из этого мира она старалась поддерживать те связи с высшим обществом, которые ей еще удалось сохранить. От рождения Иоганна принадлежала к одной из самых знатных семей Германии – Гольштейн-Готторпскому герцогскому дому, и она по-прежнему была уверена, что благодаря положению своей семьи, собственному уму, обаянию и живому нраву она может устроиться намного лучше. Иоганна начала переписываться со своими родственниками, наносить им визиты. Она часто ездила в Брауншвейг – блестящий дворец своего детства, где на стенах висели картины Рембранта и Ван Дейка. Затем каждый февраль на Масленицу Иоганна стала выезжать в Берлин, чтобы навестить короля Пруссии. Она была страстной интриганкой, а в Штеттине даже праздные интриги маленьких германских дворов, где она так хотела блистать, казались ей невероятно привлекательными. Но так случалось, что куда бы Иоганна ни приезжала, везде к ней относились как к бедной родственнице, девушке из хорошей семьи, неудачно вышедшей замуж.

Когда Софии исполнилось восемь, Иоганна стала брать ее с собой в поездки. Иоганна считала своим долгом подыскать для дочери выгодную партию, и было бы неплохо, даже на столь раннем этапе, оповестить общественность о том, что в Штеттине подрастает юная принцесса. Во время этих раутов замужество являлось основной темой для бесед между матерью и дочерью. К тому времени, когда Софии исполнилось десять, разговоры о ее

предполагаемом супруге стали обычным делом среди ее тетушек и дядюшек. София никогда не возражала против поездок с матерью, ей они даже нравились. Повзрослев, она не только узнала о цели этих визитов, но и полностью их одобрила. Замужество позволило бы ей вырваться из-под опеки своей семьи и матери, к тому же, София знала о существовании другой, куда более пугающей альтернативы. Речь шла об участи ее тетушек, оставшихся старыми девами, и непристроенных дочерей из бедных дворянских семей Северной Германии, которых запирали в дальних комнатах в фамильных замках или отправляли в протестантские монастыри. София хорошо запомнила визит к одной из этих несчастных, старшей сестре ее матери, у которой было шестнадцать мопсов, спавших, евших и справлявших нужду в комнате своей хозяйки. «К тому же в этой комнате жило много попугаев, – писала София. – И можно себе представить, какой запах там стоял».

Несмотря на желание выйти замуж, шансы Софии на хорошую партию были ничтожно малы. С каждым годом в Европе появлялись новые принцессы, желавшие найти себе супруга и способные предложить намного больше королевским и знатным фамилиям, нежели союз с крошечным княжеством Цербстским. Кроме того, София не отличалась исключительной красотой. В десять лет у нее было невыразительное лицо с острым, вздернутым подбородком, который Бабетта Кардель советовала ей держать немного опущенным. София знала о недостатках своей внешности. Позже она написала:

> «Не знаю, была ли я в действительности некрасивым ребенком, но хорошо помню, что мне часто об этом говорили и о том, что я должна прилагать все усилия, дабы демонстрировать свою добродетельность и ум. Лет до четырнадцати или пятнадцати я считала себя некрасивой и старалась развить мои духовные качества, уделяя гораздо меньше внимания своей внешности. Я видела свой портрет, написанный, когда мне было десять лет, и на нем я выглядела просто уродливой. Если он имел со мной сходство, значит, все, что говорили о моем внешнем облике, было правдой».

И все же, несмотря на довольно средние перспективы и невыразительную внешность, София путешествовала по Северной Германии вместе со своей матерью. Во время этих поездок она освоила для себя много нового. Слушая сплетни взрослых, она узнала генеалогию почти всех королевских семей Европы. Один из визитов представлял особый интерес. В 1739 году брат

Иоганны, Адольф Фридрих, князь-епископ Любека, был назначен опекуном юного герцога Гольштейнского, одиннадцатилетнего Карла Петера Ульриха – мальчика из очень влиятельной семьи, которому было уготовано блистательное будущее. Он являлся единственным на тот момент внуком Петра Великого из России, а также одним из первоочередных наследников шведской короны. Он был на год старше Софии и приходился ей троюродным братом по материнской линии. Когда Петер Ульрих стал подопечным ее брата, Иоганна решила не тратить время попусту, собрала Софию и нанесла визит родственнику. В своих мемуарах София-Екатерина описывала Петера Ульриха как человека «приятной наружности и хорошо воспитанного, хотя его склонность к пьянству уже была заметна». Это описание одиннадцатилетнего сироты является далеко не полным. В реальности Петер Ульрих был невысокого роста, худощавого телосложения, болезненного вида, с выпученными глазами, едва заметным подбородком и редкими светлыми волосами, которые спадали ему на плечи. В эмоциональном и физическом плане он был недоразвит. Этот застенчивый и одинокий подросток жил в окружении наставников и солдафонов. Он не общался со сверстниками, ничего не читал и имел наклонность к чревоугодию. Но Иоганна, как и любая мать девушки на выданье, следила за каждым его движением, и ее душа воспарила, когда она увидела, что ее десятилетняя София беседует с ним. Позже София наблюдала, как перешептывались мать и тетушки. Несмотря на юный возраст, она знала, что они обсуждали возможный брачный союз между ней и этим странным мальчиком. Она не возражала и даже дала волю своему воображению:

> «Я знала, что однажды он станет королем Швеции, и хотя я была еще ребенком, королевский титул ласкал мой слух. С того момента окружавшие меня люди стали дразнить меня из-за него, и постепенно я свыклась с мыслью, что мне было уготовано стать его женой».

Между тем во внешнем облике Софии произошли значительные перемены к лучшему. К тринадцати годам она превратилась в стройную девушку с шелковистыми темно-каштановыми волосами, высоким лбом, сверкающими синими глазами и красиво изогнутыми розовыми губами. Ее внутренние качества также привлекали всеобщее внимание: она была образованна и отличалась живым умом. Далеко не все считали ее пустышкой. Шведский дипломат граф Хеннинг Юлленборг, встретивший Софию в доме ее бабушки в Гамбурге, был поражен

ее умом и сказал Иоганне в присутствии Софии: «Мадам, вы не знаете этого ребенка. Уверяю вас, у нее гораздо больше ума и силы воли, чем вы думаете. И я умоляю вас уделять вашей дочери больше внимания, ибо она этого, несомненно, заслуживает». На Иоганну эти слова не произвели особого впечатления, но София никогда их не забывала.

Она научилась завоевывать расположение людей и впоследствии блестяще этим пользовалась. Речь шла не об искусстве обольщения, София, – а позднее Екатерина, – никогда не была кокеткой; она стремилась пробуждать в людях не сексуальный интерес, а теплоту, сочувствие и понимание, которые проявил по отношению к ней граф Юлленборг. Для достижения своей цели она использовала средства настолько простые и благопристойные, что они выглядели безупречными. Она понимала, люди предпочитают говорить, а не слушать, и говорить о себе, а не о других. В этом отношении ее мать в своем жалком лихорадочном стремлении показать свою значимость служила для Софии образцом того, как не нужно себя вести.

Со временем в ее душе стали зарождаться новые желания. В Софии проснулась чувственность. В тринадцать-четырнадцать лет по ночам она часто испытывала сильное нервное возбуждение и начинала ходить по комнате. Пытаясь успокоиться, она садилась на кровать, клала жесткую подушку между ног и воображала, будто скачет на лошади – «скачу галопом до полного изнеможения». Когда служанки, заслышав шум в ее комнате, приходили посмотреть, что случилось, они видели Софию тихо лежащей в кровати и притворяющуюся спящей. «Они ни разу не застали меня за этим делом», – вспоминала она. На людях София старалась строго контролировать свое поведение. У нее было лишь одно огромное желание – вырваться из-под опеки своей матери. И она понимала, что единственным избавлением для нее оставался брак. Поэтому она должна была выйти замуж – и не за обычного мужчину, а за человека, который оказался бы как можно выше ее по титулу, чтобы возвыситься над Иоганной.

Но и она не избежала кратковременной юношеской влюбленности. В четырнадцать София ненадолго увлеклась своим красивым молодым дядей, младшим братом матери – Георгом Людвигом. Он был на десять лет старше Софии, и его очаровали свежесть и невинность неожиданно расцветшей племянницы. Этот напомаженный офицер кирасирского полка стал ухаживать за девушкой. София описала в своих мемуарах развитие этого маленького романа, который неожиданно закончился предложением руки и сердца от ее дяди Георга. Девушка была потрясена. «Я ничего не знала о любви и совершенно не

связывала с ним это чувство». Польщенная, она все же медлила с ответом – этот человек был родным братом ее матери. «Мои родители не одобрят нашего союза», – сказала она. Георг Людвиг заметил, что отношения между их семьями не станут преградой, подобные союзы не были редкостью в аристократических семьях Европы. София была смущена и позволила дяде Георгу продолжать свои ухаживания. «Он был очень хорош собой в то время, у него были красивые глаза, и он прекрасно изучил мой нрав. Я привыкла к нему. Прониклась к нему симпатией и больше не избегала встреч с ним». В конце концов, она осторожно приняла предложение, после чего «мои отец и мать дали согласие. В этот момент мой дядя полностью отдался своей страсти и проявил необычайную опытность. Он пользовался любой возможностью, чтобы заключить меня в объятия, был необычайно изобретателен, придумывая способы, чтобы мы могли уединиться, но, не считая нескольких поцелуев, все было весьма невинно».

Неужели София была готова отказаться от своих амбиций стать королевой и согласилась бы с ролью невестки своей собственной матери? Какое-то время она колебалась. Не исключено, что она могла бы сдаться и позволила бы Георгу Людвигу взять ее в жены, но прежде чем наступила развязка, из Петербурга прибыло письмо.

2
Приглашение в Россию

Письмо из России стало сюрпризом, однако именно о таком послании мечтала Иоганна, именно оно было предметом ее чаяний и надежд. Пока амбициозная мать возила свою дочь по маленьким дворам княжеств Северной Германии, она старалась наладить более важные связи. Семейная история связывала родственников Иоганны из дома Гольштейнов с Романовыми – императорской династией России. В декабре 1741 года, когда Софии было двенадцать, Елизавета, младшая дочь Петра Великого, взошла на трон в результате дворцового переворота. Новая императрица имела прочные связи с домом Гольштейнов. Во-первых, через любимую сестру Елизаветы Анну, старшую дочь Петра Великого, которая вышла замуж за кузена Иоганны Карла Фридриха, герцога Гольштейна. В результате этого брачного союза на свет появился маленький, болезненный Питер Ульрих, а через три месяца после родов Анна умерла.

Однако Елизавета имела и еще более близкие связи с домом Гольштейнов. В семнадцать лет она была помолвлена со старшим братом Иоганны Карлом Августом. В 1726 году этот гольштейнский принц отправился в Санкт-Петербург, чтобы вступить в брак, но за несколько недель до бракосочетания жених заболел оспой и умер в русской столице. Елизавета сильно горевала и с тех пор относилась к дому Гольштейнов как к своей родной семье.

Теперь же, когда стало известно, что Елизавета взошла на российский престол, Иоганна немедленно написала письмо с поздравлениями новой императрице, которая в свое время едва не стала ее невесткой. Ответ Елизаветы был полон нежности и расположения. Между ними установились дружеские отношения. У Иоганны сохранился портрет покойной сестры Елизаветы Анны, который императрица хотела получить. Елизавета написала своей «дорогой кузине» и попросила ее вернуть портрет в Россию, на что Иоганна с большой радостью согласилась сделать это одолжение. Вскоре из русского посольства в Берлине в Штеттин прибыл секретарь и привез миниатюрный портрет Елизаветы, вставленный в великолепную, украшенную бриллиантами раму, которая стоила восемнадцать тысяч рублей.

Стараясь укрепить отношения, Иоганна взяла с собой в Берлин дочь, где прусский придворный художник Антуан Пэн написал портрет Софии, который был послан в дар императрице.

Этот портрет не обладал особыми художественными достоинствами. Почти все работы Пэна были очень похожи друг на друга. На портрете Софии мы видим типичное изображение миловидной молодой женщины восемнадцатого века. Тем не менее, после того как картина была доставлена в Санкт-Петербург, последовал желаемый ответ: «Императрица очарована прелестным лицом юной принцессы».

Таким образом, Иоганна не упускала ни малейшей возможности добавить новые звенья к своей семейной цепи. В конце 1742 года она произвела на свет вторую дочь – единственную сестру Софии. Вскоре после рождения дочери Иоганна написала императрице письмо и сообщила, что ребенка нарекут Елизаветой, а также попросила Ее Величество оказать честь и стать крестной матерью девочки. Елизавета согласилась, и вскоре еще один портрет императрицы в украшенной бриллиантами рамке был доставлен в Штеттин.

Тем временем произошло еще несколько приятных для Иоганны событий. В январе 1742 года молодой Петер Ульрих из Гольштейна, мальчик-сирота, с которым София познакомилась три года назад, неожиданно исчез из Киля и вскоре объявился в Санкт-Петербурге, где был принят своей тетей Елизаветой и объявлен наследником российского престола. Этот мальчик, теперь уже будущий император России, приходился кузеном Иоганне (и, соответственно, Софии). В 1743 году в жизни Иоганны произошло еще одно чудесное и неожиданное событие. Поскольку Петер Ульрих стал наследником российского престола, маленький гольштейнский принц отказался от притязаний на шведский трон. По условиям соглашения, заключенного между Россией и Швецией, императрице Елизавете было позволено подыскать замену своему племяннику в качестве наследника шведского трона. Она выбрала брата Иоганны, Адольфа Фридриха, князя-епископа Любека, который являлся опекуном Петера Ульриха. Таким образом, после того, как все замены и перестановки были произведены, Иоганна оказалась в самом центре колеса фортуны. Из-за оспы она в свое время потеряла брата, который теперь мог бы стать консортом при нынешней императрице России, однако обрела кузена – наследника русского престола, и кроме того, ее старший брат должен был стать королем Швеции.

Пока его жена добивалась расположения Санкт-Петербурга и возила свою дочь по Северной Германии, князь Христиан Август, муж и отец, оставался дома. Разменяв шестой десяток, он по-прежнему был верен дисциплине и умеренному образу жизни.

Ему удалось оправиться после кратковременного паралича, вызванного апоплексическим ударом, и дожить до очередного повышения по службе. В 1742 году новый король Пруссии Фридрих II присвоил ему звание генерал-фельдмаршала прусской армии. В ноябре того же года князь и его старший брат добились суверенитета для маленького княжества Ангальт-Цербстского, находившегося к юго-западу от Берлина. Это был город, окруженный средневековой крепостной стеной с башнями, рвом и домами с остроконечными крышами. Уволившись из армии и покинув Штеттин, Христиан Август переехал с семьей в Цербст и посвятил себя заботе о своих двадцати четырех тысячах подданных. Иоганну не очень обрадовало это событие – она стала правительницей маленького, совсем крошечного германского княжества и поселилась в миниатюрном барочном дворце. Несмотря на переписку с императрицей и визиты к более знатным родственникам, ей по-прежнему казалось, будто жизнь проходит мимо.

Затем 1 января 1744 года, когда после службы в часовне замка семья уселась, чтобы отпраздновать наступление нового года, посыльный доставил Иоганне запечатанное письмо. Она немедленно открыла его. Письмо оказалось из Санкт-Петербурга и написано было Отто Брюммером, гофмаршалом при дворе Петера Ульриха, юного герцога Гольштейнского, а ныне наследника российского престола. Брюммер писал:

> «По личному поручению Ее Императорского Величества [императрицы Елизаветы] я должен сообщить вам, мадам, что императрица желает, чтобы Ваше Высочество вместе с принцессой, вашей старшей дочерью, приехали в Россию как можно скорее и поселились бы в доме, специально отведенном для вас Императорским двором. Ваше Высочество достаточно умны и должны понять истинную причину желания императрицы увидеть как можно скорее вас, а также вашу дочь принцессу, о которой она хорошо отзывалась. В то же самое время наша несравненная государыня недвусмысленно намекнула мне передать Вашему Высочеству, что Его Высочество князь ни при каких обстоятельствах не должен принимать участия в этом путешествии. У Ее Величества есть на то веские причины. Полагаю, вы в точности исполните волю нашей божественной императрицы».

В письме Брюммера содержались и другие требования. Он просил, чтобы Иоганна инкогнито доехала до Риги, находившейся

на российской границе, и по возможности сохранила в секрете место своего назначения. Если же каким-либо образом станет известно о том, куда она направляется, принцесса должна объяснить это чувством долга, данью вежливости и желанием лично отблагодарить русскую императрицу за ее щедрость к дому Гольштейнов. Чтобы покрыть расходы Иоганны, Брюммер приложил вексель, в обмен на который она должна была получить десять тысяч рублей в берлинском банке. В письме не указывались истинные причины приглашения, но второе послание, доставленное другим курьером через несколько часов, помогло пролить на них свет. Это оказалось письмо от Фридриха II Прусского, и оно также было адресовано Иоганне:

> «Я больше не буду скрывать тот факт, что помимо уважения, которое я всегда питал к вам и к вашей дочери принцессе, я всегда желал устроить судьбу последней наилучшим образом, поэтому меня посетила мысль организовать ее брак с кузеном, великим князем Петром из России».

Строгие указания Брюммера касательно принца Христиана Августа, на которого не распространялось приглашение императрицы, подкрепленные письмом Фридриха, адресованного лично Иоганне, были весьма унизительными для главы семейства, хотя это звание, по сути, было чисто формальным. Формулировки обоих писем ясно говорили о том, что все вовлеченные в это предприятие лица были уверены: жена сможет преодолеть любые возражения, которые выдвинет ее недалекий супруг не только по поводу отсутствия приглашения, но и касательно остальных аспектов предполагаемого брака. Они боялись, что речь пойдет о требовании к немецкой принцессе отказаться от протестантской веры и принять православие при заключении брака с будущим царем. Все хорошо знали, что Христиан Август – ревностный лютеранин, и опасались, как бы он не начал возражать против смены веры его дочери.

Для Иоганны этот день стал настоящим триумфом. После пятнадцати тягостных лет замужества императрица и король открыли перед ней перспективы, которые помогли бы реализовать все ее чаяния и надежды. Она станет важной особой, серьезным игроком на мировой арене, все важные качества ее личности, которые прежде оставались невостребованными, найдут применения. Она пребывала в эйфории. Шли дни, а в Цербст из России и Берлина летели новые письма. В Санкт-Петербурге Брюммер, подстрекаемый нетерпеливой императрицей, сообщил Елизавете, что Иоганна написала: «Будь у меня крылья, я

немедленно прилетела бы в Россию». На самом деле примерно так и обстояло дело. Иоганне понадобилось всего десять дней, чтобы приготовиться к отъезду.

Пока мать Софии наслаждалась судьбоносным моментом, ее отец сидел, закрывшись у себя в кабинете. Старый солдат всегда знал, как вести себя на поле брани, но не представлял, что ему делать теперь. Он был возмущен тем, что его не пригласили, однако хотел поддержать свою дочь. Ему претила мысль о том, что ее заставят сменить веру, и он с трудом мирился с тем, что Софию увозят так далеко от дома в нестабильную в политическом смысле Россию. Наконец, несмотря на все эти волнения и сомнения, добрый старый солдат понял: у него не осталось выбора, он должен послушаться свою жену и подчиниться приказу короля Фридриха II. Он запер дверь кабинета на ключ и принялся сочинять поучительные советы дочери о том, как вести себя при русском дворе:

> «В присутствии императрицы, Ее Величества, выказывай особое почтение великому князю [Петру, ее будущему мужу], относись к нему как к своему владыке, отцу и суверену; кроме того при первой же возможности стремись завоевать заботой и нежностью его доверие и любовь. Твой повелитель и его воля должны стоять выше всех сокровищ и мирских радостей, и ничем ты не должна вызывать его неудовольствие».

Через три дня Иоганна уже отчитывалась перед Фридрихом: «Князь, мой муж, дал письменное согласие. Путешествие, которое представляется весьма опасным в это время года, не пугает меня. Я приняла решение и твердо уверена: что бы ни случилось, все в руках Божьих».

Князь Христиан был не единственным членом цербстского семейства, чья роль в этом важном предприятии оказалась сугубо второстепенной. Пока Иоганна читала и писала, раздавала приказания и примеряла наряды, София осталась совершенно забытой и заброшенной. Полученные деньги пошли на гардероб ее матери: дочери не досталось ничего. Гардероб Софии, если так можно выразиться, ее приданое состояло из трех старых платьев, дюжины сорочек, нескольких пар чулок и нескольких платков. Ее свадебное постельное белье было сшито из старых простыней матери. Все ее вещи заняли лишь половину маленького сундука, который легко могла бы унести с собой деревенская девушка, если бы ей предстояло выйти замуж за парня из соседнего села.

София уже знала о случившемся. Она мельком взглянула на письмо Брюммера и увидела, что оно пришло из России. Когда

мать открывала его, она успела прочитать слова: «вместе с принцессой, вашей старшей дочерью». Последовавшая за этим возбужденная и радостная реакция матери и то, как, перешептываясь о чем-то, ее родители удалились, убедили ее в том, что письмо касалось ее будущего. София знала, как важно выйти замуж, и помнила, в какое волнение пришла ее мать четыре года назад, познакомившись с маленьким герцогом Петером Ульрихом; кроме того, ей было известно, что ее портрет отправили в Россию. Наконец, не в силах больше сдерживать любопытство, она обратилась с вопросом к своей матери. Иоганна рассказала о содержании писем, а также посвятила ее в некоторые детали. «Она сказала мне, – писала позже Екатерина, – что риск велик, учитывая непростую ситуацию в стране. Я ответила, что Господь обеспечит стабильность, если такова его воля, и что у меня хватит мужества взглянуть опасности в лицо, однако сердце подсказывает мне, что все будет хорошо». Вопрос, так сильно мучивший ее отца и касавшийся смены веры, не особенно тревожил Софию. Ее отношение к религии, как в этом уже убедился пастор Вагнер, было вполне прагматичным.

Всю последнюю неделю, которую она провела в родительском доме, София не сообщала Бабетте Кардель о своем предстоящем отъезде. Родители запретили ей упоминать об этом; они лишь сказали, что вместе с дочерью покидают Цербст, чтобы совершить ежегодную поездку в Берлин. Бабетта, хорошо изучившая характер своей ученицы, видела, что от нее что-то скрывают. Но ученица, со слезами на глазах прощаясь с любимой учительницей, так и не сказала ей правды. Они больше никогда не увиделись.

10 января 1744 года мать, отец и дочь сели в карету и поехали в Берлин, где должны были встретиться с королем Фридрихом. Теперь София испытывала такое же нетерпение, как и ее мать. Это был тот самый побег, о котором она мечтала, ее первый шаг на пути к блестящей судьбе. Она покидала Цербст и направлялась в прусскую столицу без горечи и сожаления. София поцеловала своего девятилетнего брата Фридриха (Вильгельм – брат, которого она ненавидела, – к тому времени уже умер) и младшую сестру Елизавету. Ее дядя, Георг Людвиг, которого она когда-то целовала и обещала стать его женой, был к тому времени уже забыт. Когда карета выехала за городские ворота на почтовую дорогу, София ни разу не оглянулась. В следующие более чем пятьдесят лет она так и не вернется сюда.

3
Фридрих II и путешествие в Россию

Когда за три с половиной года до приезда Софии и ее родителей в Берлин двадцативосьмилетний Фридрих II занял прусский трон, Европа представляла собой настоящий клубок интриг и противоречий. Новый монарх обладал просвещенным умом, неуемной энергией, политической проницательностью и выдающимися, хотя на тот момент еще и не успевшими проявиться, способностями полководца. Когда этот задумчивый любитель философии, литературы и искусства и вместе с тем суровый сторонник государственного устройства по Макиавелли взошел на трон, его маленькое королевство уже было готово к серьезным военным завоеваниям, чтобы расширить свои границы и оставить след в истории Европы. Фридриху лишь оставалось отдать приказ и двинуться в поход.

Ни Европа, ни Пруссия не ожидали подобного. В детстве Фридрих был мечтательным, слабым ребенком, которого отец – король Фридрих Вильгельм I – часто порол за недостаток мужественности. Подростком он носил длинные волнистые волосы до талии и одевался в украшенные вышивкой бархатные камзолы. Он читал французских писателей, сочинял стихи на французском и исполнял камерную музыку на скрипке, клавесине и флейте. (Игра на флейте стала его увлечением на всю жизнь, он написал более сотни сонат и концертов для флейты.) В двадцать пять он смирился со своей судьбой, стал королем и взял командование над пехотным полком. 31 мая 1740 года он стал Фридрихом II, королем Пруссии. Фридрих не отличался запоминающейся внешностью – при росте пять футов семь дюймов он имел вытянутое лицо, высокий лоб и большие голубые глаза немного навыкате, но ни для кого из окружающих и уж тем более для самого Фридриха это не имело значения. У него не оставалось времени для красивых одежд и прочей безделицы, не было даже формальной коронации. Через шесть месяцев Фридрих неожиданно вверг свое королевство в войну.

Фридрих Прусский унаследовал маленькое государство, расположенное на разрозненных территориях от Рейна до Балтики, с немногочисленным населением и скудными природными ресурсами. В центре находилось курфюршество Бранденбургское, столицей которого был Берлин. На востоке располагалась Восточная Пруссия, отделенная от Бранденбурга землями, принадлежавшими королевству Польскому. На западе

было несколько независимых анклавов на Рейне, в Вестфалии, Восточной Фризии и у побережья Северного моря. Но если отсутствие территориальной целостности являлось слабой стороной государства, то имелось у Фридриха и серьезное преимущество. Прусская армия и все ее солдаты до единого считались самыми лучшими в Европе. Восемьдесят три тысячи прекрасно натренированных, профессиональных солдат и кадровых офицеров, а также арсенал самого современного вооружения. Фридрих хотел противопоставить географической разрозненности своей страны несокрушимую военную мощь Пруссии.

Вскоре ему представился благоприятный случай. 20 октября 1740 года через пять месяцев после восхождения Фридриха на прусский трон неожиданно умер император Священной Римской империи Карл VI Австрийский. Карл был последним представителем Габсбургов по мужской линии. У него осталось две дочери, и старшая, Мария Терезия, претендовала на австрийский трон. Фридрих решил воспользоваться этим шансом и немедленно созвал своих генералов. К 28 октября он намеревался захватить провинцию Силезию – одно из богатейших габсбургских владений. Он выдвинул довольно веский аргумент: его собственная армия была готова к войне, в то время как оставшаяся без монарха Австрия оказалась слаба и на грани финансового разорения. Все прочие доводы Фридрих отринул: тот факт, что он торжественно поклялся признать власть Марии Терезии над всеми габсбургскими владениями, не остановил его. Позже, в «Истории моего времени», он искренне признавался, что «амбиции, возможность достичь цели, желание утвердить свою репутацию сыграли решающую роль, и эта война была неизбежной». Он выбрал Силезию, поскольку она была богата в сельскохозяйственном и индустриальном плане, а ее население, которое преимущественно состояло из протестантов, могло значительно укрепить его маленькое королевство.

16 декабря под промозглым, холодным дождем Фридрих повел тридцать две тысячи своих солдат к границе Силезии. Он практически не встретил сопротивления, кампания больше напоминала оккупацию, чем вторжение. К концу января Фридрих вернулся в Берлин. Однако планируя этот поход, молодой король не учел одного важного момента: характера женщины, которую он сделал своим врагом. Мария Терезия, эрцгерцогиня Австрии и королева Венгрии, имела обманчивую кукольную внешность, голубые глаза и золотистые волосы. В напряженных ситуациях она сохраняла невозмутимое спокойствие, которое некоторые принимали за проявление глупости. Но они заблуждались. Мария

Терезия обладала умом, отвагой и силой воли. Когда Фридрих напал и захватил Силезию, в Вене все были буквально парализованы от неожиданности, все, кроме Марии Терезии. Несмотря на то что женщина находилась на позднем сроке беременности, она отреагировала на случившееся бурно и яростно. Мария Терезия собрала деньги, мобилизовала армию и вдохновила своих подданных. В то же самое время она произвела на свет будущего императора Иосифа II. Фридрих был поражен – эта молодая неопытная женщина проявила упорство и отказалась отдавать отнятую у нее провинцию. Еще больше он удивился, когда в апреле австрийская армия, преодолев горы Богемии, снова вошла в Силезию. Прусская армия опять одержала победу над австрийцами, и в результате подписанного впоследствии перемирия Фридрих сохранил за собой Силезию с ее четырнадцатью тысячами милей плодородных фермерских земель, богатыми угольными месторождениями, процветающими городами и населением в 1 500 000 человек, большую часть которых составляли немецкие протестанты. Теперь, в дополнение к подданным, которых Фридрих унаследовал от своего отца, население Пруссии увеличилось до четырех миллионов. Но эти завоевания дорого обошлись ему. Мария Терезия объявила борьбу за габсбургское наследство своим священным долгом. Агрессивная военная политика Фридриха сделала его врагом Марии Терезии на всю жизнь, а прусско-австрийское противостояние продлилось целое столетие.

Несмотря на победу в Силезии, Фридрих оказался в довольно опасном положении. Пруссия оставалась маленькой страной, ее территория была все такой же фрагментарной, а растущая сила вызывала тревогу у могущественных соседей. Две великие империи, каждая из которых была больше и потенциально сильнее Пруссии, могли стать ее врагами. Одной из таких империй была Австрия, управляемая суровой Марией Терезией. Второй – Россия – обширная империя, располагавшаяся к северу и востоку от Пруссии, которой правила недавно коронованная императрица Елизавета. В такой ситуации для Фридриха стало особенно важным подружиться или по крайней мере соблюсти нейтралитет с Россией. Он помнил, что на смертном одре отец предостерегал его от войны с Россией – она все равно принесет больше потерь, нежели приобретений. Кроме того, Фридрих еще не знал, какие шаги предпримет императрица Елизавета.

Сразу же после того как Елизавета взошла на престол, она поручила решение главных политических вопросов человеку, ненавидевшему Пруссию – новому вице-канцлеру графу Алексею

Бестужеву-Рюмину. Бестужев мечтал, чтобы Россия заключила альянс с ведущими морскими державами – Англией и Голландией, а также могущественными государствами Центральной Европы – Австрией, и Саксонией и Польшей. Зная о взглядах Бестужева, Фридрих полагал, что достижению политических соглашений между ним и императрицей мешал только вице-канцлер. Поэтому данную преграду нужно было непременно устранить.

По расчетам Фридриха, некоторые политические хитросплетения можно было сгладить, если он примет участие в поисках невесты для пятнадцатилетнего племянника императрицы, которого она сделала своим наследником. За год до этого прусский посол в Санкт-Петербурге сообщил, что Бестужев пытался убедить императрицу выбрать дочь Августа III, курфюрста Саксонии и короля Польши. Этот брак, если бы он состоялся, мог стать критическим моментом в политике вице-канцлера по созданию альянса против Пруссии. Фридрих вознамерился предотвратить брачный союз с саксонской принцессой. Для этого ему нужна была немецкая принцесса из достаточно знатного рода. Когда императрица Елизавета выбрала Софию, маленькую пешку из княжества Ангальт-Цербстского, Фридриха это устроило как нельзя лучше.

К новому, 1744, году переговоры по этому вопросу достигли критической точки. Настойчивые требования соблюдать секретность и действовать как можно быстрее, изложенные Брюммером в письме Иоганне, а также вновь повторенные в письме Фридриха, были вызваны тем, что Бестужев продолжал давление на императрицу по поводу саксоно-польской принцессы Марианны. Теперь, когда Елизавета выбрала Софию, они с Фридрихом хотели, чтобы гольштейнская принцесса добралась до Санкт-Петербурга как можно скорее. Для Фридриха было важно, чтобы у императрицы не осталось времени изменить свое решение.

Фридрих II хотел поскорее увидеть принцессу из Цербста, чтобы самому оценить, какой прием может быть оказан ей в Санкт-Петербурге. Однако по прибытии в Берлин Иоганна, либо переживая, что София может разочаровать короля в его ожиданиях, либо опасаясь, что Фридрих больше заинтересован в ее дочери, нежели в ней самой, явилась ко двору одна. Когда Фридрих спросил ее о Софии, Иоганна ответила, что ее дочь заболела. На следующий день она снова предоставила такой же ответ. Когда же от нее потребовали объяснений, она сказала, что ее дочь не может явиться ко двору, так как у нее нет

соответствующего данному месту наряда. Потеряв терпение, Фридрих приказал немедленно передать Софии платье одной из его сестер.

Когда София наконец-то явилась, Фридрих увидел девушку, которую нельзя было назвать ни красавицей, ни дурнушкой, она была одета в платье, не подходившее ей по размеру, без украшений, с ненапудренными волосами. Робость Софии сменилась удивлением, когда девушка узнала, что именно она, а не ее мать или отец будет сидеть за столом с королем. Вслед за удивлением пришел ужас, когда ее усадили рядом с монархом. Фридрих попытался успокоить девушку. Он говорил с ней, как вспоминала позже Екатерина, «об опере, театре, поэзии, танцах, и я сама уже не помню о чем, но, наверное, о тысяче разных пустяков, о которых говорят с четырнадцатилетней девушкой, чтобы развлечь ее». Наконец, обретя уверенность в себе, София смогла остроумно отвечать и позже с гордостью заметила, что «все придворные с изумлением наблюдали, как король ведет беседу с ребенком». Она произвела на Фридриха приятное впечатление. Когда король попросил ее передать блюдо с вареньем другому гостю, то улыбнулся и сказал этому человеку: «Примите дар из рук самой Любви и Грации». Для Софии этот вечер стал настоящим триумфом. А король Фридрих был совершенно искренне восхищен своей соседкой по обеденному столу. Императрице Елизавете он написал: «Маленькая принцесса из Цербста сочетает свойственные ее возрасту веселость и непринужденность с умом и остроумием, которые удивительно было обнаружить у столь юной особы». София в ту пору являлась всего лишь политической пешкой, но Фридрих знал, что когда-нибудь она сможет сыграть более значительную роль. Ей было четырнадцать, ему – тридцать два, это оказалась первая и единственная встреча двух выдающихся монархов. Оба они впоследствии получили титул «великие». И вокруг них на долгие десятилетия будет сосредоточена история Центральной и Восточной Европы.

Несмотря на публичное внимание, которое Фридрих уделил Софии, все дела король вел лично с ее матерью. Фридрих планировал, что в Санкт-Петербурге Иоганна станет неофициальным политическим агентом Пруссии. Таким образом, помимо значительного преимущества в связи с браком Софии и наследника русского трона, он намеревался усилить влияние Пруссии за счет того, что Иоганна будет постоянно находиться подле императрицы. Он информировал ее о Бестужеве и его политике. А также подчеркнул, что вице-канцлер, будучи заклятым врагом Пруссии, сделает все, что в его власти, дабы

помешать браку Софии. Поэтому в интересах Иоганны было по возможности ослабить позицию Бестужева.

Королю Фридриху не составило труда разжечь энтузиазм в душе Иоганны. Секретная миссия, которая была ей доверена, грела ее сердце. Теперь она поедет в Россию как второстепенная персона, спутница своей дочери, но тем не менее как одна из центральных фигур в крупном дипломатическом предприятии, целью которого было свержение вице-канцлера. Эти мысли так вскружили ей голову, что она забыла о благодарности и преданности Елизавете, о которых так часто заявляла, забыла о советах своего строгого провинциального супруга – не участвовать в политических играх, и о подлинной цели своего путешествия – сопроводить дочь в Россию.

В пятницу 16 января София с родителями выехали из Берлина в составе маленькой процессии, состоявшей из четырех экипажей. Согласно инструкциям Брюммера, численность группы, направлявшейся в Россию, была строго ограничена: две принцессы, один офицер, одна придворная дама, две горничные, один лакей и повар. Как и было оговорено, Иоганна путешествовала под вымышленным именем графини Рейнбек. Через пятьдесят миль к востоку от Берлина, в городе Шведт на реке Одер, князь Христиан Август попрощался со своей дочерью. Оба плакали, хотя в тот момент еще не знали, что никогда больше не увидятся. Свои чувства, пусть и в очень официальной форме, София выразила в письме, которое она написала две недели спустя из Кенигсберга (в настоящее время Калининград). София дала обещание, которое непременно доставило ему радость: постараться исполнить его волю и остаться лютеранкой.

> «Мой господин, уверяю, что ваши советы и ваши увещевания навсегда останутся в моем сердце, как и семена святой веры, посеянные в моей душе; я молю Бога дать мне силы выдержать все искушения, которым мне придется подвергнуться <…> Надеюсь обрести утешение от мысли, что оказалась достойной этого, а также рассчитываю получать добрые известия от моего милого Рара. Ваша до конца дней, с глубочайшим уважением, мой господин, скромная, послушная и преданная дочь и слуга Вашего Высочества, София».

Отправляясь в незнакомую страну, благодаря сентиментальным настроениям императрицы, материнским амбициями и интригам короля Пруссии юная девушка окунулась в серьезную авантюру. Когда грусть расставания с отцом прошла,

сердце Софии наполнилось волнением. Она не боялась долгого пути или трудностей, связанных с предстоящим браком с юношей, которого она видела лишь однажды четыре года назад. То, что ее будущего мужа считали невежественным и упрямым, что его здоровье было хрупким и он был несчастлив в России, совершенно не волновало Софию. Она ехала в Россию не ради Петера Ульриха. Гораздо больше ее интересовала сама Россия, а также близость к трону Петра Великого.

Даже летом дорога из Берлина в Санкт-Петербург была такой тяжелой, что большинство путешественников предпочитали добираться морем. Зимой же по ней ездили только дипломатические и почтовые кареты, спешившие по срочным поручениям. Однако императрица требовала приехать как можно скорее, и у Иоганны не было выбора. В тот год к середине января еще не выпал снег, поэтому воспользоваться санями не было никакой возможности. Путешественники весь день тряслись в тяжелых каретах, которые раскачивались и подпрыгивали на замерзших рытвинах. А дувший с Балтики ледяной ветер свистел сквозь трещины в полу и стенах. Мать с дочерью сидели в карете, прижимаясь друг к дружке и кутаясь в тяжелые шубки, их лица закрывали шерстяные маски. У Софии часто так сильно замерзали ноги, что ее выносили из кареты на руках, когда они наконец останавливались на постой.

Фридрих сообщил, что сделал все возможное, дабы облегчить путешествие «графини Рейнбек» и ее дочери, а в немецких городах Данциг и Кенигсберг по его приказу были предоставлены достаточно комфортные условия. После дня, проведенного под скрип колес и щелканье хлыста кучера, путешественников встречали теплые комнаты, кувшины с горячим шоколадом и жареная птица на ужин. Но когда они стали продвигаться дальше на восток по промерзшей дороге, на пути им встречались лишь ветхие почтовые станции, с огромной печью в центре помещения. «Спальные комнаты не отапливались, было ужасно холодно, – писала Иоганна своему мужу, – и нам пришлось остановиться на ночлег в личной комнате почтмейстера, которая мало чем отличается от свинарника<…> Он сам, его жена, сторожевая собака и несколько ребятишек – все лежали вповалку, как капуста и репка. Мне принесли лавку, на которой я и уснула посреди комнаты». Где спала София, Иоганна не уточняла.

Но на самом деле София, здоровая и любопытная, относилась к происходящему как к большому приключению. Когда они проезжали через Курляндию (в настоящее время Латвия), София могла наблюдать за гигантской кометой, которая в 1744 году

озарила темное ночное небо. «Никогда в жизни не видела ничего столь грандиозного, – писала она в своих «Мемуарах». – Казалось, она пролетела так близко над землей». Во время путешествия София заболела. «В последние дни у меня случилось несварение желудка, потому что я выпила все пиво, которое у нас было, – писала она отцу. – Дорогая мама помогла с этим справиться, и я снова чувствую себя хорошо».

Мороз усилился, но снег все не выпадал. С рассвета до наступления темноты путешественники тряслись в карете по изрытой колеями замерзшей дороге. После Мемеля им больше не попадались почтовые станции, и лошадей для смены приходилось брать у крестьян. 6 февраля они добрались до Митау, находившегося на границе Польско-Литовского княжества и Российской империи. Здесь их встретил полковник русской армии, командир пограничного гарнизона. Затем к ним присоединился князь Семен Нарышкин, камергер и бывший посол России в Лондоне, который официально приветствовал их от имени императрицы. Он передал Иоганне письмо от Брюммера, напоминавшего ей, что во время представления императрице нужно будет выказать ей «особое почтение» и поцеловать государыне руку. На берегу замерзшей реки Двина, протекавшей около Риги, их поджидала делегация, состоявшая из вице-губернатора и администрации города, а также красивая парадная карета, предоставленная для дальнейшего путешествия. Иоганна писала, что внутри «я обнаружила две великолепные шубы из золотой парчи, подбитые соболем… две муфты из того же меха и покрывало из другого меха, но столь же прекрасное». Когда мать и дочь поехали по обледенелой дороге в город, крепостные пушки дали залп в знак приветствия. В этот момент безвестная графиня Рейнбек превратилась в принцессу Иоганну Ангальт-Цербстскую, мать будущей супруги наследника российского престола.

В Риге путешественники перешли на юлианский календарь, поскольку Россия жила именно по этому календарю, на одиннадцать дней отставшему от грегорианского, принятого в Западной Европе. И в Риге наконец-то пошел снег. 29 января (9 февраля в Берлине и Цербсте) принцессы покинули Ригу и направились в Санкт-Петербург. Теперь они ехали в чудесных императорских санях – настоящих миниатюрных деревянных домиках на двух полозьях – запряженных десятью лошадьми. Внутри сани были отделаны красной, расшитой золотом и серебром драпировкой, и казались такими просторными, что пассажиры могли спокойно растянуться на позолоченных кроватях с пуховыми перинами и подушками из золотого атласа. Это было очень удобное средство передвижения, и всю дорогу до

Санкт-Петербурга их сопровождал кавалерийский эскорт. 3 февраля они добрались до Зимнего дворца. Их приезд был встречен залпом пушек у Петропавловской крепости, на берегу замерзшей Невы. Почетный караул у дворца отдал им честь, а внутри уже собралась большая толпа людей, одетых в яркую военную форму, шелковые и бархатные платья. Все улыбались и кланялись им.

Императрицы Елизаветы там не было, за две недели до этого она уехала в Москву, но во дворце остались многие придворные и представители дипломатического корпуса, и Елизавета распорядилась, чтобы гостям был оказан по-настоящему императорский прием. Иоганна писала мужу:

> «Здесь повсюду такое великолепие, и ко мне относятся с таким почтением <…> словно это сон <… > я обедаю с дамами и кавалерами, которых Ее Императорское Величество определили ко мне в свиту. Со мной обращаются как с королевой <…> когда я иду к обеду, то звук рожков в доме и бой барабанов на улице звучат, словно салют в мою честь <…> Даже не верится, что это происходит со мной бедняжкой, я ведь и барабанный бой до этого слышала от силы несколько раз в жизни».

Разумеется, все это устраивалось не для «бедняжки Иоганны», но пока мать Софии с удовольствием принимала все почести, сама София наблюдала за всем происходящим вокруг несколько отстраненно. На самом деле ее гораздо больше интересовали представления четырнадцати слонов, подаренных императрице персидским шахом. Они показывали различные трюки во внутреннем дворе Зимнего дворца.

Совсем в другом тоне писала Иоганна Фридриху в Берлин, выставляя себя его преданной подданной, действующей в его интересах. Пока немецким принцессам подбирали гардероб для поездки в Москву, Иоганна много общалась с двумя вельможами, которым Фридрих поручил сопровождать ее в России. Барон Мардефельд и французский посол маркиз де Шетарди. Послы снова напомнили ей, что вице-канцлер Бестужев активно выступал против избрания Софии в качестве невесты наследника. Они подчеркивали, что по этой причине его нужно устранить, и рассчитывали на помощь Иоганны. Между тем для того, чтобы Иоганна преподнесла себя в наиболее выгодном свете перед императрицей, они настоятельно рекомендовали ей и ее дочери поскорее отправиться в Москву, дабы успеть на празднование шестнадцатилетия великого князя Петра, которое должно было

состояться 10 февраля.

Следуя этому совету, путешественницы выехали в Москву ночью 5 февраля во главе процессии, состоявшей из тридцати саней. На этот раз они быстро мчались по гладкому, хорошо утрамбованному снегу, по дороге, которой зимой пользовалась сама императрица, и без особых сложностей преодолели четыреста миль. Когда они останавливались, чтобы сменить коней, крестьяне перешептывались: «Это невеста великого князя».

На четвертый день в четыре часа дня 9 февраля 1744 года кавалькада добралась до постоялого двора в сорока пяти милях от Москвы. Там путешественницы обнаружили послание от императрицы с требованием отложить въезд в Москву до наступления темноты. Ожидая, они ели рыбный суп, пили кофе и наряжались для представления государыне. София надела розовое шелковое платье, расшитое серебром. Между тем для того, чтобы принцессы могли добраться до Москвы поскорее, в сани вместо обычных десяти впрягли шестнадцать свежих лошадей. Усевшись в сани, они помчались к Москве и добрались до нее около восьми вечера. Они проехали через темный город до Головинского дворца, двор которого был освещен сияющими факелами. Путешествие закончилось. В холле у подножия высокой лестницы стоял Отто Брюммер, который передавал инструкции от императрицы в своих письмах. Он поприветствовал их. У них было совсем немного времени, чтобы обменяться несколькими фразами, снять шубы и привести в порядок платья. Через несколько минут четырнадцатилетняя София уже стояла перед императрицей Елизаветой и ее племянником великим князем Петром. В последующие восемнадцать лет эти двое станут самыми главными людьми в ее жизни.

4
Императрица Елизавета

Елизавета была яркой личностью, всегда умевшей оказываться в центре внимания. 18 декабря 1709 года ее отец, Петр Великий, выехал на заснеженные улицы Москвы во главе парада по случаю празднования оглушительной победы под Полтавой, одержанной тем же летом над его грозным врагом – шведским королем Карлом XII. Вслед за царем маршировали полки русской императорской гвардии, а за ними – солдаты, которые волочили по снегу триста шведских знамен, захваченных в бою, затем следовала группа взятых в плен шведских генералов и, наконец, длинная колонна из семнадцати тысяч шведских военнопленных – все, что осталось от некогда несокрушимой армии, двумя годами ранее вторгшейся на территорию России.

Неожиданно к царю подъехал офицер и передал ему послание. Петр поднял руку, и процессия замерла. Царь произнес несколько слов и отъехал в сторону. Вскоре после этого царь направил своего взмыленного коня к огромной деревянной усадьбе Коломенское, находившейся неподалеку от Москвы. Он ворвался во дворец, вошел в комнату своей жены и увидел, что она только что разрешилась от бремени. Рядом с ней на кровати лежала новорожденная девочка. Ее нарекли Елизаветой, и тридцать два года спустя она стала императрицей России.

Елизавета была пятым ребенком, родившимся у Петра и крестьянки, впоследствии ставшей его женой, пятым из двенадцати: шести мальчиков и шести девочек, из которых лишь двое прожили более семи лет. Другим таким ребенком была сестра Елизаветы – Анна, родившаяся годом ранее. Все считали Елизавету и Анну незаконнорожденными – у их отца «не было времени» публично обвенчаться с их матерью, пышущей здоровьем ливонской крестьянкой Мартой Скавронской, получившей в православии имя Екатерина. На самом деле в ноябре 1707 года Петр тайно венчался с Екатериной, но в интересах государства этот брак держался в секрете. В юности Петр уже был женат, и со своей первой женой Евдокией, к которой испытывал сильную неприязнь, развелся и отправил ее в монастырь. В 1707 году, когда шведская армия отправилась в поход на Россию, многие русские, придерживавшиеся традиционных взглядов, были бы потрясены известием о том, что царь обвенчался с неграмотной иностранной крестьянкой. Но через пять лет, когда уже была одержана победа под Полтавой,

Петр решил, что ситуация изменилась. 9 февраля 1712 года он повторно венчался с Екатериной, на этот раз устроив официальные торжества. На второй свадьбе две маленькие девочки – Анна и Елизавета, – одной из которых было три, а другой – два года, с украшенными драгоценностями волосами сопровождали свою мать к алтарю.

Петр всегда говорил, что «любил обеих девочек как свою душу». 28 января 1722 года, когда он объявил, что его тринадцатилетняя Елизавета достигла совершеннолетия, она была очаровательной, энергичной и здоровой светловолосой девочкой с голубыми глазами. Всем нравился ее живой задорный нрав, который контрастировал с более спокойным характером старшей сестры Анны, которую Елизавета буквально боготворила. Анна и Елизавета получили образование, достойное европейских принцесс: их обучали иностранным языкам, хорошим манерам, танцам. Они знали французский так же хорошо, как и русский, а Анна, как более прилежная ученица, выучила также итальянский и шведский. Много лет спустя императрица Елизавета вспоминала, как их отец следил за тем, чтобы дочери получили достойное образование. Он часто заходил к ним в комнаты проведать их, спрашивал, что они узнали за этот день. Когда был доволен – хвалил, целовал и дарил подарки. Елизавета вспоминала, как сильно Петр сожалел о том, что в свое время пренебрегал классическим образованием. «Отец часто повторял, – писала она, – что готов отдать палец, лишь бы в его собственном образовании не было бы таких пробелов. Не проходило и дня, чтобы он не сожалел о недостатке своих знаний».

В пятнадцать лет Елизавета была не такой высокой и статной, как ее сестра Анна, однако многие предпочитали эту миловидную, веселую голубоглазую особу ее грациозной и величественной, словно статуя, брюнетке-сестре. Герцог Лири, испанский посол, с восхищением отзывался о Елизавете: «Я никогда не видел такой красоты. Великолепное сложение, сияющие глаза, изумительный рот, шея и грудь поразительной белизны. У нее высокий рост и милый нрав. Она никогда не сидит на месте. Отличается рассудительностью и учтивостью, которые сочетаются с большим честолюбием». Саксонский посол Лефорт хвалил ее большие блестящие голубые глаза и был покорен ее веселостью и непосредственностью.

В пятнадцать она уже была готова к вступлению в брак. После своего визита в Париж в 1717 году Петр Великий надеялся выдать Елизавету замуж за Людовика XV, который был младше ее на два месяца. Елизавету обучали французскому языку, придворным манерам, а также французской литературе и истории. Кампредон,

французский посол в Санкт-Петербурге, полностью поддерживал планы царя. «Принцесса Елизавета необычайно мила, – писал он в Париж. – Можно сказать, что у нее прекрасная фигура, кожа, глаза и руки. Ее недостатки, если таковые существуют, касаются образования и манер, но я уверен, она настолько умна, что с легкостью сможет восполнить этот пробел под руководством профессионального и опытного человека, который будет приставлен к ней, если соглашение будет заключено». Однако, несмотря на рекомендации и обаяние девушки, в Версале не поддержали кандидатуру Елизаветы: ее мать была крестьянкой, к тому же она родилась вне брака. Франция не хотела, чтобы на троне или подле него находилась незаконнорожденная.

Надежды Петра относительно Елизаветы не оправдались, однако второй его дочери в скором времени предстояло вступить в брак. В 1721 году, когда Елизавете исполнилось двенадцать, а Анне было тринадцать лет, герцог Карл Фридрих Гольштейнский, единственный племянник легендарного противника Петра Великого – шведского короля Карла XII, приехал в Санкт-Петербург. Когда же король Карл умер, герцог был вынужден переехать в Стокгольм в качестве наследника своего покойного дяди.

В России Петр радушно встретил молодого человека, наградив его почетным титулом и назначив пенсию. Позднее для укрепления дальнейших отношений герцог стал посещать российский двор и оказывать Анне знаки внимания. Четыре года спустя, когда Анне исполнилось семнадцать, несмотря на то, что девушка не питала интереса к своему поклоннику, молодые люди были помолвлены. Церемонию вел сам император, который взял кольца жениха и невесты и поменял их. Однако 25 января 1725 года Петр Великий неожиданно умер в возрасте пятидесяти двух лет. Свадьбу Анны отложили, пока ее мать не взошла на трон, став императрицей Екатериной I. 21 мая, через четыре месяца после смерти отца, Анна обвенчалась с Карлом Фридрихом. Ее пятнадцатилетняя сестра присутствовала на церемонии и сопровождала сестру.

Смерть Петра и замужество Анны внесли еще большую сумятицу в и без того запутанный закон о праве на наследование, действовавший в то время в России. Согласно декрету 1722 года, Петр объявил упоминавшееся в Святом Писании древнее, закрепленное традициями правило майората весьма опасной практикой. Прежде все московские князья, а позднее – русские цари передавали право наследования от отца к старшему сыну. Петр заявил, что отныне каждый государь имеет право назначать себе преемника. После этого Петр водрузил корону на голову

Екатерины и провозгласил ее императрицей.

Ранняя смерть отца серьезным образом повлияла на дальнейшую судьбу Елизаветы. Перспективы удачного замужества стали для нее довольно туманными. Ее мать все еще надеялась на брачный союз с французским королем, но Людовик XV женился на польской принцессе. Новый зять Елизаветы, герцог Карл Фридрих Гольштейнский, хорошо отзывался о достоинствах своего двадцатилетнего кузена, принца Карла Августа Гольштейнского (который был также братом принцессы Иоганны Ангальт-Цербстской). Екатерина I, которая была в восторге от своего зятя, пригласила еще одного юного гольштейнского дворянина в Россию.

Карл Август приехал в Петербург 16 октября 1726 года и произвел приятное впечатление на императорскую семью. Елизавета смотрела на него как на родственника мужа ее обожаемой старшей сестры и вскоре влюбилась в него. Объявление помолвки было назначено на 6 января 1727 года, однако императрица Екатерина I слегла с простудой и лихорадкой. Церемонию отложили до ее выздоровления. Императрица так и не оправилась, ей становилось все хуже, а в апреле, процарствовав всего двадцать семь месяцев, она умерла. В мае, через месяц после ее смерти, Елизавета решила ускорить предстоящее замужество. Однако 27 мая накануне объявления помолвки ее будущий супруг Карл Август слег в постель. Через несколько часов врачи установили у него оспу. Четыре дня спустя он также умер. Елизавета, чьи мечты о счастливой жизни были разрушены в семнадцать лет, с нежностью вспоминала о нем всю свою жизнь. И хотя ее надежды на законный брак так и не оправдались, это не помешало ей искать утешения с другими мужчинами.

После смерти Екатерины I трон перешел к одиннадцатилетнему внуку Петра Великого, который стал императором Петром II. В июле 1727 года герцог Гольштейнский решил, что задержался в России слишком долго. Он провел детство в Швеции и шесть лет своей зрелой жизни в России, теперь же наследный герцог с большим запозданием стал, наконец, правителем немецкого княжества. Вместе с женой Анной они отправились в Киль, столицу Гольштейна, сохранив щедрую российскую пенсию.

Елизавета осталась наедине со своим горем. За шесть месяцев она потеряла мать и будущего мужа, любимая сестра также покинула ее. Хотя по воле своей матери она стала следующей после Петра II претенденткой на трон, Елизавета не представляла никакой угрозы для юного царя. Она даже попыталась завоевать

его расположение, и вскоре они с племянником – красивым, здоровым и довольно высоким для своего возраста мальчиком, – стали друзьями. Петр восхищался красотой и живым нравом своей тети, ему нравилось, когда она была рядом с ним. В марте 1728 года, когда двор переехал в Москву, Елизавета сопровождала его. Она разделяла страсть юного императора к охоте, они вместе скакали по холмам в окрестностях Москвы. Летом они катались на лодках, зимой – на санях и салазках. Когда Петра не было рядом, Елизавета проводила время в обществе других мужчин. Она признавалась, что «чувствовала себя удовлетворенной, лишь когда была влюблена», и при дворе ходили слухи о том, что она дарила свое расположение юному императору.

Возможно, в глазах всего мира она казалась сумасбродной, но, несмотря на фривольное поведение, у Елизаветы была еще одна страсть. Она отличалась необычайной религиозностью, и минуты безудержного поиска удовольствий нередко сменялись продолжительными молитвами. В благочестивом настроении она могла часами стоять на коленях и молиться в церквях или монастырях. Но после снова с головой окуналась в мирскую жизнь, отвечая на улыбки и взгляды какого-нибудь красивого офицера. Елизавета унаследовала от отца его пылкий, импульсивный темперамент и никогда не сдерживала своих желаний. Согласно некоторым сведениям, до достижения двадцатилетнего возраста у нее было шесть юных любовников. Елизавета не стыдилась этого и говорила, что неслучайно родилась красивой и что судьба отняла у нее единственного мужчину, которого она по-настоящему любила.

Власть и ответственность совершенно не интересовали ее. С друзьями, пытавшимися убедить ее в том, что она должна больше думать о будущем, Елизавета старалась больше не общаться. Затем настал момент, когда, казалось, что еще немного, и она займет трон. Ночью, 11 января 1730 года, четырнадцатилетний Петр II неожиданно заболел оспой и умер. Елизавета, которой в ту пору было уже двадцать лет, спала в своих покоях неподалеку. Ее врач-француз Арман Лесток вошел в комнату Елизаветы и сказал, что если она поднимется, явится перед гвардейцами, покажет себя народу и сообщит Сенату о том, что она – новая императрица, победа будет за ней. Елизавета отослала его и снова уснула. К утру возможность была упущена. Императорский Верховный Тайный совет выбрал ее тридцатишестилетнюю двоюродную сестру Анну Курляндскую императрицей. Нежелание Елизаветы перейти к немедленным действиям, отчасти было продиктовано тем, что она понимала – в случае поражения ее

ждал позор, а возможно, и заточение. Более серьезная причина заключалась в том, что она оказалась не готова. Она не хотела власти и не желала жить по правилам, предпочитая оставаться свободной. Елизавета никогда не пожалела о решении, которое приняла той ночью. Позже она сказала: «Я была еще слишком юной в то время. Я очень рада, что не заявила своих прав на трон, так как была совсем неопытной, и мой народ не смирился бы с этим».

Той ночью Верховный Тайный совет выдвинул Анну Курляндскую, поскольку считал, что она окажется более слабой и послушной правительницей, чем дочь Петра Великого. Анна, покинувшая Россию почти двадцать лет назад в возрасте семнадцати лет вдовою, так и не вышедшая повторно замуж и не имевшая детей, была дочерью тихого, слабовольного сводного брата Петра – Ивана V, одно время правившего вместе с ним. Петр любил Ивана, и когда его незадачливый брат умер, он поклялся позаботиться о его жене и маленьких дочерях. Император сдержал свое слово, и после победы под Полтавой устроил брак своей сводной племянницы семнадцатилетней Анны с девятнадцатилетним Фридрихом Вильгельмом, герцогом Курляндским. Однако этот брак был недолгим. Петр устроил роскошный свадебный пир, на котором молодожен напился до беспамятства. Когда через несколько дней он покидал Россию, у него начались колики, которые сменились конвульсиями, в результате чего он умер по дороге. Его юная вдова умоляла позволить ей остаться в Санкт-Петербурге с матерью, но Петр настоял на том, чтобы она отправилась в Курляндию, как и надлежало ее положению. Она подчинилась и при финансовой и военной поддержке России стала править герцогством. Двадцать лет спустя она все еще жила там и правила вместе со своим секретарем-немцем графом Эрнстом Иоганном Бироном, который также являлся ее любовником. Когда императорский Верховный Тайный совет России предложил ей трон, в этом предложении содержалось много оговорок: она не должна была выходить замуж и самостоятельно назначать наследников, совету давалось право регулировать вопросы войны и мира, налогообложения, расхода финансовых средств, жалованья поместьями и назначения офицеров, начиная с чина полковников. Анна приняла все эти условия, и весной 1730 года ее короновали в Москве. Затем, получив поддержку гвардейских полков, она порвала документы, которые подписала, и установила единовластие.

Даже став императрицей, Анна по-прежнему с настороженностью относилась к Елизавете. Она опасалась, что ее кузина может представлять для нее угрозу, и поэтому, когда

Елизавета явилась засвидетельствовать ей свое почтение, она отвела ее в сторону и сказала: «Сестра, в императорском доме осталось очень мало великих княжон, а потому нам следует жить в сестринском взаимопонимании и гармонии, и я использую всю свою власть для достижения этого». Доброжелательная, открытая реакция Елизаветы на ее слова отчасти убедила императрицу, что ее страхи были сильно преувеличены.

Следующие одиннадцать лет – с двадцати до тридцати одного года – Елизавета прожила при правлении императрицы Анны. Сначала она должна была посещать все официальные мероприятия при дворе и скромно сидеть подле императрицы. Елизавета старалась соответствовать своему статусу, но это не мешало ей затмевать свою кузину. И не только потому, что Елизавета была единственной уцелевшей дочерью Петра Великого, но и поскольку она являлась признанной красавицей. В конце концов, ей надоела напряженная придворная жизнь, и она удалилась в загородное поместье, где была полностью предоставлена самой себе, а ее поведение и моральный облик не контролировались двором. Прекрасная наездница, она часто каталась верхом в мужском платье, желая показать свои красивые ноги, которые особенно хорошо выглядели в мужских брюках. Елизавета любила русскую природу с ее девственными лесами и бескрайними полями. Ей нравилась жизнь крестьян, она с удовольствием разделяла их увлечения: любила танцевать и петь, собирать грибы летом, кататься на санках и коньках зимой; ей нравилось сидеть у костра, есть жареные орехи и пироги.

Она была молодой незамужней женщиной, ее личная жизнь не ограничивалась правилами или влиянием чьего-либо авторитета, а потому вскоре стала предметом сплетен и, естественно, привлекла к себе внимание императрицы. Анну оскорбляло фривольное поведение Елизаветы, она завидовала ее внешней привлекательности, переживала из-за ее популярности и опасалась предательства со стороны Елизаветы. Истории о выходках Елизаветы возмущали Анну, и она даже пригрозила запереть ее в монастырь. Со своей стороны, Елизавета понимала, что ее статус постепенно менялся, поскольку ежегодный доход становился все более скудным. Враждебное отношение Анны, прежде завуалированное, теперь стало явным. Когда Елизавета увлеклась молодым сержантом Алексеем Шубиным, императрица сослала его на Камчатку, на берег Тихого океана. Елизавете было велено немедленно вернуться в Санкт-Петербург.

Елизавета подчинилась и поселилась в столице. Тогда она решила познакомиться с солдатами гвардии. Офицеры и солдаты, служившие еще под командованием ее отца и знавшие Елизавету

ребенком, были рады увидеть единственного уцелевшего ребенка их героя. Она посещала их в бараках, проводила с ними время, знакомилась с их бытом, привычками, манерой разговаривать как солдат, так и офицеров, льстила им, вспоминала вместе с ними отца, проигрывала им в карты деньги, стала крестной матерью для многих их детей и вскоре окончательно покорила их сердца. Помимо красоты и щедрости, гвардейцы также ценили ее за то, что она была русской. Никто не знал, руководствовалась ли она в то время какими-либо мотивами, строила ли планы. На троне восседала императрица Анна, идея свергнуть ее, вероятно, была очень отдаленной, если таковая вообще существовала. Вполне вероятно, что Елизавета, импульсивная, щедрая и гостеприимная, просто любила людей и хотела, чтобы окружающие восхищались ею. Кроме того, она много гуляла по улицам города. И чем чаще ее видели, тем более популярной она становилась.

По иронии судьбы эта красивая, вызывающая всеобщее восхищение женщина не могла теперь выйти замуж. Она была дочерью и потенциальной наследницей трона Петра Великого, что открывало перед ней блистательные перспективы замужества. Но пока на троне находилась Анна Курляндская, перед Елизаветой стояло непреодолимое препятствие к удачному браку. Ни один из домов Европы не позволил бы своему сыну начать ухаживать за ней, ведь это вызвало бы неодобрение со стороны императрицы Анны. Различное социальное положение исключало возможность замужества Елизаветы с русским дворянином. Опасность заключалась в том, что вступая в брак с человеком более низкого социального статуса, женщина, которая могла бы претендовать на трон, лишалась подобной привилегии.

Поэтому Елизавете пришлось отказаться от мыслей о замужестве и выбрать свободу. Не имея возможности обзавестись мужем дворянской или королевской крови, она довольствовалась солдатом гвардии, кучером или красивым лакеем. Пока, наконец, не появился человек, в которого ей суждено было влюбиться и которому она оставалась предана до конца дней. Как и ее отец, нашедший счастье с крестьянкой, Елизавета отыскала себе избранника довольно скромного происхождения. Однажды утром она услышала низкий, густой бас, певший в хоре придворной часовни. Позже она узнала, что голос принадлежал высокому черноглазому и черноволосому молодому человеку с обаятельной улыбкой. Он был сыном украинского крестьянина и родился в том же году, что и Елизавета. Его звали Алексей Разумовский. Елизавета тут же сделала его певчим в своей личной часовне. Вскоре ему выделили комнату рядом с ее покоями.

Как фаворит Разумовский был для Елизаветы просто идеален,

не только из-за его необычайно привлекательной внешности, но и потому что он оказался действительно достойным, простым человеком, которого все любили за его доброту, спокойный нрав и тактичность. Не обремененный образованием, он не имел никаких амбиций и не вмешивался в политику. Позже Екатерина Великая писала об Алексее Разумовском и его брате Кирилле, что она «не знала ни одной другой семьи, пользовавшейся расположением государыни, которая была бы так популярна в народе, как эти два брата». Елизавета любила его красивое лицо, обходительные манеры, его великолепный голос. Он стал ее любовником и, возможно, после тайного венчания ее морганатическим супругом; между собой придворные называли его «Ночным императором». Взойдя на трон, Елизавета наградила его титулами графа и фельдмаршала. Но когда государыня жаловала его этими титулами, Разумовский ответил: «Ваше Величество наградили меня званием фельдмаршала, но я сомневаюсь, что вы или кто-либо другой смогут сделать из меня хотя бы сносного капитана».

В свои тридцать Елизавета по-прежнему была полна жизни и энергии, особенно в сравнении с аскетичной и внешне непривлекательной императрицей Анной. В некоторых аспектах этот контраст был особенно сильным. Анну окружали немцы, Елизавета была душой и сердцем русская, любила русский язык, русских людей, их обычаи. Хотя она не выказывала притязаний на трон, казалось, что за ее внешним спокойствием скрывалось нечто большее. «На людях она была веселой и непринужденной, и складывалось впечатление, будто вся ее сущность пронизана некоторым легкомыслием, – говорила жена британского посла. – Однако я слышала, как в личной беседе она рассуждала настолько разумно и уверенно, что убедилась – ее поведение на публике было всего лишь притворством».

Будущее Елизаветы вновь оказалось омрачено, когда императрица Анна, бездетная вдова, привезла в Санкт-Петербург свою немецкую племянницу – дочь сестры Екатерины Мекленбургской, и крестила ее в православную веру, после чего та получила имя Анна Леопольдовна. Далее императрица предложила Анне Леопольдовне выйти замуж за Антона Ульриха, герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского. Анна Леопольдовна, влюбленная в другого мужчину, отказалась, но императрица Анна настояла. И весной 1738 года была объявлена помолвка. За месяцы, предшествовавшие браку, Анна Леопольдовна из хорошенькой милой девушки превратилась в угрюмую, молчаливую и несчастную невесту, до глубины души возмущенную решением тетки. Елизавета, напротив, оставалась

все такой же уверенной в себе и очаровательной, а ее красота, пускай уже и не такая свежая, как десять лет назад, по-прежнему изумляла окружающих и вызывала раздражение у императрицы.

В июле 1739 года Анна Леопольдовна вышла замуж на Антона Ульриха, а 24 августа 1740 года произвела на свет сына. Обрадованная императрица Анна настояла на том, чтобы мальчика назвали Иваном в честь ее отца. Но уже через месяц с императрицей случился удар. Немного оправившись, она с лихорадочной поспешностью нарекла новорожденного племянника своим наследником, а его мать Анна Леопольдовна должна была стать регентшей в случае, если мальчик окажется слишком юным, когда взойдет на трон. 16 октября с императрицей случился второй удар. На этот раз врачи объявили ее состояние безнадежным, и в возрасте сорока семи лет она умерла. На следующий день воля императрицы была зачитана публично. Двухмесячного ребенка объявили императором Иоанном VI. Елизавета, которой в ту пору было уже тридцать, и родители ребенка поклялись в верности новому монарху.

Назревал серьезный кризис. Мать младенца, Анна Леопольдовна, смирилась с тем, что ее саму не наградили короной, и приняла титул регентши. Она назначила своего мужа-немца, Антона Ульриха Брауншвейгского, верховным главнокомандующим русской армией, а затем возобновила отношения со своим любовником – саксонским послом графом Линаром. Оскорбление, нанесенное ее мужу, было публичным: солдаты у всех на глазах не пускали его в покои жены, пока она проводила время с любовником.

Елизавета, дочь Петра Великого и самая близкая наследница по крови, в третий раз оказалась не у дел, но ее это будто не беспокоило. Она не пыталась оспорить авторитет нового регента. Образ жизни у нее остался прежний. Ее часто видели на улицах Санкт-Петербурга, каждый день она прогуливалась по плацу перед находившимися неподалеку от ее дворца бараками, где были размещены солдаты Преображенского полка. Ее поведение стало темой для постоянных обсуждений в среде дипломатов и иностранных гостей столицы. Британский посол писал в Лондон, что Елизавета «необычайно любезна и приветлива, поэтому ее любили, к тому же она стала очень популярной. Кроме того, она имела дополнительное преимущество, являясь дочерью Петра Великого, которого боялись и в то же самое время любили больше всех правителей России <…> Эта любовь распространялась и на его потомков, особенно в сердцах простых людей и солдат».

Сначала отношения между Елизаветой и Анной Леопольдовной были вполне миролюбивыми. Елизавету часто

приглашали в Зимний дворец, но вскоре она стала вести довольно замкнутый образ жизни и посещала лишь те церемонии, которые нельзя было пропустить. К февралю 1741 года регентша приказала установить слежку за Елизаветой, эти меры не остались незамеченными при дворе, а также в дипломатическом корпусе. Летом 1741 года отношения ухудшились. Граф Линар продолжал давить на Анну Леопольдовну, требуя ареста Елизаветы. Елизавету поставили перед еще более жесткими ограничениями. В июле ее расходы серьезно сократили. В начале осени до Елизаветы дошли сведения, будто регентша хотела получить от нее отказ от притязаний на трон. Ходили упорные слухи, что ее силой хотели постричь и отправить в монастырь. Утром 24 ноября доктор Лесток вошел в спальню Елизаветы, разбудил ее и передал бумагу. На одной стороне он нарисовал Елизавету в образе императрицы, сидящей на троне; на другой – монашкой, за спиной которой находились дыба и виселица. «Мадам, – сказал он, – вы должны, наконец, выбрать: либо вы станете императрицей, либо вас сошлют в монастырь, а ваши слуги будут подвергнуты пыткам и убиты». Елизавета решила действовать. В полночь она отправилась к казармам Преображенского полка. Там она сказала:

– Вы знаете, кто я? Хотите следовать за мной?

– Мы готовы! – закричали солдаты. – Мы убьем их всех!

– Нет, – возразила Елизавета, – русская кровь не должна пролиться.

В сопровождении трех сотен военных морозной ночью Елизавета направилась к Зимнему дворцу. Миновав дворцовую стражу, не оказавшую никакого сопротивления, она проследовала в спальню Анны Леопольдовны, где дотронулась до плеча спящей регентши и сказала: «Сестренка, пора вставать». Понимая, что все потеряно, Анна Леопольдовна умоляла пощадить ее и сына. Елизавета заверила, что никому из членов Брауншвейгского семейства не будет причинен вред. Народу она объявила, что взошла на трон своего отца, что узурпаторы будут арестованы и осуждены за попытки лишить ее права наследования. 25 ноября 1741 года в три часа дня Елизавета снова вошла в Зимний дворец. В возрасте тридцати двух лет дочь Петра Великого провозгласила себя императрицей России.

Став императрицей, первым делом Елизавета наградила всех тех, кто поддерживал ее все эти долгие годы. Продвижение по службе, титулы, дорогие подарки лились как из рога изобилия. Все гвардейцы Преображенского полка, сопровождавшие ее в Зимний дворец, получили повышение. Лесток был назначен ее

тайным советником и главным врачом, кроме того, он получил портрет императрицы, украшенный бриллиантами, и солидное жалованье. Разумовский стал графом, придворным казначеем и егермейстером. Назначались и другие тайные советники, появлялись новые графы и многочисленные, инкрустированные драгоценными камнями портреты, табакерки и кольца отдавались в дрожащие от нетерпения руки.

Но самую главную проблему Елизаветы невозможно было решить с помощью щедрых подношений. Живой царь, Иоанн VI, по-прежнему оставался в Санкт-Петербурге. Он унаследовал трон в возрасте двух месяцев, а в пятнадцать месяцев был свергнут с него. Он не знал, что был императором, однако все еще оставался помазанником Божьим. Его профиль был растиражирован на монетах по всей стране, во всех русских церквях к нему возносились молитвы. С самого начала Иоанн вызывал тревогу у Елизаветы. Сначала она намеревалась выслать его вместе с родителями за границы империи, ради этого она отправила семейство в Ригу, которая должна была стать первым пунктом их путешествия на Запад. Однако когда они добрались до Риги, Елизавета передумала: возможно, гораздо безопаснее будет содержать ее маленького, опасного пленника под надежной охраной в пределах страны. Ребенка забрали у родителей и объявили тайным государственным преступником – статус, который он носил оставшийся двадцать один год своей жизни. Его перевозили из одной тюрьмы в другую: Елизавета опасалась, что в любой момент может быть предпринята попытка освободить его и возвести на трон. Но вскоре решение назрело само по себе: чтобы сохранить Ивану жизнь, но при этом обезвредить его, нужно было найти нового наследника трона, последователя Елизаветы, который станет якорем ее будущей династии и которого будут знать в России и во всем мире. К тому времени Елизавета уже знала, что сама не сможет произвести на свет такого наследника. У нее не было законного мужа, она опоздала, и найти подходящую кандидатуру уже не представлялось возможным. Более того, несмотря на ее беззаботные молодые годы, не сохранилось ни одного достоверного упоминания о ее беременностях. Поэтому ее наследником должен был стать сын от другой женщины. И такой мальчик существовал: сын ее любимой сестры Анны, внук ее легендарного отца, Петра Великого. Наследником, которого она привезет в Россию, воспитает и объявит будущим императором России, стал четырнадцатилетний юноша из Гольштейна.

5
Сотворение Великого князя

Никого Елизавета не любила так сильно, как свою сестру Анну. Подобно младшей из двух сестер, чья красота и веселый нрав вдохновляли на восторженные описания, старшая также не была обделена вниманием восхищенных почитателей. «Не думаю, что в Европе есть принцесса, способная соперничать с принцессой Анной в ее царственной красоте, – писал барон Мардефельд, прусский посол, находившийся в Санкт-Петербурге. – У нее черные волосы, но кожа ее отличается яркой, почти неестественной белизной. Черты ее лица так совершенны, что самый талантливый художник, оценивая их по строгим классическим стандартам, пришел бы в восторг. Даже когда она молчит, в ее больших, прекрасных глазах отражается вся доброта и щедрость ее души. В ее поведении нет притворства и жеманности, чаще она бывает серьезной, нежели веселой. С юных лет она старалась развивать свой ум <…> она в совершенстве владеет французским и немецким».

Анна прожила намного меньше, чем Елизавета. В семнадцать она вышла за Карла Фридриха, герцога Гольштейнского, молодого человека с хорошими перспективами и скромными возможностями. Он был единственным сыном Гедвиги Софии, сестры легендарного шведского короля Карла XII, и Фридриха VI, герцога Гольштейна, погибшего в сражении с армией короля Карла. Получив образование в Швеции, он имел все основания полагать, что его бездетный дядя Карл XII сделает его своим наследником. Когда Карл умер и Фредерик, принц Гессенский, получил шведский трон, отвергнутый девятнадцатилетний Карл Фридрих уехал в Санкт-Петербург просить защиты у Петра Великого. Царь принял герцога, претендовавшего на шведскую корону и служившего полезным орудием в политической игре.

Герцог, чьи амбиции значительно превосходили возможности, вскоре после приезда в Россию стал добиваться руки одной из дочерей императора. Петр был против подобного брачного союза, но его жене Екатерине герцог понравился, и она убедила свою дочь Анну, что он являлся хорошей партией. Царевна уступила уговорам, и было принято решение объявить об их помолвке.

В январе 1725 года Петр Великий слег и уже не смог справиться с болезнью. На смертном одре он очнулся от бреда и закричал: «Где моя маленькая Анна? Я должен увидеть ее!»

Привели его дочь, но прежде чем она успела войти в комнату отца, тот снова впал в беспамятство и больше не приходил в себя. Помолвку и свадьбу отложили, но ненадолго. 21 мая 1725 года Анна вышла замуж за герцога.

Во время короткого правления матери Анна и ее муж жили в Санкт-Петербурге. Когда Екатерина умерла в 1727 году, герцог и его жена покинули Россию и отправились в Гольштейн. Анна сожалела, что ей пришлось покинуть сестру Елизавету, но она была рада тому, что забеременела. 21 февраля 1728 года через шесть месяцев после прибытия в Гольштейн она родила сына, которого на следующий день крестили в лютеранской церкви в Киле. Ребенка нарекли Карлом Петером Ульрихом, все три имени указывали на его происхождение: «Карл» – в честь его отца, а также его великого дяди Карла XII; «Петр» – в честь его дедушки Петра Великого; а «Ульрих» – в честь Ульрики, правящей королевы Швеции.

Пока Анна приходила в себя после родов, в честь нового принца был дан бал. На дворе стоял февраль, но, несмотря на сырость и мороз, счастливая девятнадцатилетняя мать настояла на том, что будет у открытого окна наблюдать за фейерверком, который устроили после бала. Когда придворные дамы запротестовали, она рассмеялась и сказала: «Не забывайте, что я – русская и привыкла к подобному климату». Однако Анна подхватила простуду, которая привела к осложнению туберкулезом, и через три месяца после рождения сына она умерла. В своем завещании Анна просила похоронить ее рядом с отцом, и вскоре прибыл русский фрегат, чтобы отвезти ее тело через Балтийское море в Санкт-Петербург.

После смерти Анны Карл Фридрих скорбел не только из-за потери юной жены, но также из-за того, что золотой поток, поступавший в Киль из царской казны в Санкт-Петербурге, теперь мог иссякнуть. Расходы герцога были довольно высоки. Он содержал большое количество слуг и целый отряд безвкусно разряженной стражи, оправдывая это тем, что он до сих пор считал себя наследником шведской короны. Всецело поглощенный своими тревогами, Карл Фридрих мало интересовался своим маленьким сыном. Заботу о мальчике поручили нянькам, а затем, когда ему исполнилось семь, французским гувернерам, которые научили его сносно говорить по-французски, хотя он всегда предпочитал свой родной, немецкий язык. В семь лет Петр начал проходить военную подготовку: учился стоять прямо, как караульный на посту, маршировать с миниатюрной саблей или мушкетом. Вскоре он проникся строгостью военной муштры. Во время занятий с

учителем он мог вскочить и подбежать к окну, чтобы посмотреть на солдат, марширующих на плацу. Особенно счастливым он чувствовал себя, когда сам участвовал в парадах в форме солдата. Но Петр не отличался выносливостью. Он часто болел и тогда сидел в своей комнате, выстраивая на парад своих игрушечных солдатиков. Наконец, отец обратил на него внимание. Однажды Петр, достигший к девятилетнему возрасту чина сержанта, нес караул у дверей в комнату, где герцог обедал со своими офицерами. Когда подали еду, голодный мальчик не сводил взгляда с блюд, которые проносили мимо него. Затем, когда подали вторые блюда, его отец встал и подвел его к столу, где торжественно объявил о присвоении сыну чина лейтенанта, после чего пригласил сесть за стол с офицерами. Годы спустя, уже в России, Петр вспоминал, что «это был самый счастливый день в моей жизни».

Образование Петра по большей части было бессистемным. Он отлично владел шведским и французским и учился переводить с этих языков на немецкий. Он любил музыку, хотя его интерес в этой сфере не находил поощрения. Ему нравилась скрипка, но он так и не научился должным образом играть на этом инструменте. Мальчик упражнялся самостоятельно, как умел – играл свои любимые мелодии и мучил слух окружающих.

В детстве перспективы Петра были весьма разнообразны. Он должен был унаследовать от отца герцогство Гольштейнское, а также его право на трон Швеции. По материнской линии он был единственным наследником мужского пола Петра Великого и, таким образом, являлся потенциальным претендентом на русский престол. Но после смерти его кузена царя Петра II Русский императорский совет проигнорировал притязания маленького гольштейнского принца, так же как и дочери Петра Елизаветы, и избрал на российский престол Анну Курляндскую. Гольштейнский двор, питавший большие надежды на связи маленького Петра с Россией, отреагировал с большой горечью. Вскоре после этого в Киле Россию стали высмеивать в присутствии мальчика как страну варваров.

Эти заманчивые перспективы предъявляли слишком высокие требования к маленькому Петру. Казалось, природа сыграла с ним злую шутку: ребенок, имевший близкую кровную связь с двумя могущественными соперниками в Великой Северной войне – он был внуком Петра, отличавшегося неукротимой энергией, и внучатым племянником непобедимого Карла, величайшего солдата своего времени, – оказался слабым, вялым и болезненным мальчиком, с выпученными глазами и провалившимся подбородком. Жизнь, которую ему приходилось

вести, давивший на него груз ответственности оказались слишком тяжелым бременем. Под чужим руководством он безукоризненно исполнял бы свой долг. Он с удовольствием командовал бы полком. Но руководить целой империей или даже небольшим княжеством было ему не по силам.

Когда в 1739 году умер его отец, Петру было одиннадцать лет. Мальчик стал, пусть и формально, герцогом Гольштейнским. Вместе с герцогством сыну перешло право наследования шведской короны. Его дядя принц Адольф Фридрих Гольштейнский, лютеранский епископ в Эйтине, был назначен его наставником. Ожидалось, что епископ окружит заботой и опекой вверенного ему мальчика, который имел все основания претендовать на два трона, но Адольф, человек добродушный и ленивый, старательно уклонялся от своих обязанностей. Эта задача была перепоручена офицерам и наставникам, работавшим под командованием гофмаршала герцогского двора, бывшего кавалерийского офицера Отто Брюммера. Грубый, вспыльчивый сторонник строгой дисциплины обращался с юным правителем безо всякой жалости; учитель французского заметил, что Брюммер скорее «способен дрессировать лошадей, нежели воспитывать принца». Брюммер жестоко обращался с вверенным ему мальчиком: наказания, насмешки, публичные унижения и ограничения в еде – были его основными методами воспитания. Когда юный принц плохо выполнял уроки, что случалось довольно часто, Брюммер появлялся в столовой, где обедал принц, и угрожал, что накажет его, как только тот закончит обедать. Напуганный мальчик не мог продолжать трапезу, его тошнило, и он выбегал из-за стола. После этого наставник приказывал не давать ему еды весь следующий день. Все это время голодный ребенок должен был в обеденное время стоять у дверей с изображением осла, висевшим у него на шее, и смотреть, как едят его придворные. Брюммер часто порол мальчика розгами или хлыстом и заставлял часами стоять на сухом горохе мокрыми коленями, пока они не краснели и не распухали. Жестокость, которую так часто применял по отношению к нему Брюммер, привела к тому, что Петр превратился в неуравновешенного ребенка с нарушенной психикой. Он стал пугливым, лживым, озлобленным, хвастливым, трусливым, двуличным и жестоким. Он дружил лишь со слугами самого низкого положения, которых ему позволяли бить. Кроме того, он мучил животных.

Бессмысленная строгость Брюммера, его склонность к издевательствам над ребенком, который однажды мог стать королем Швеции или императором России, не поддавались

объяснению. Если он надеялся жестоким обращением закалить характер мальчика, то результат оказался прямо противоположным. Жизнь Петра была очень тяжелой. Его ум восставал против любой попытки вбить в него знания или покорность посредством телесных наказаний или унижений. Отто Брюммер стал самым главным чудовищем за всю несчастливую жизнь Петра. Травмы, нанесенные его воспитанием, сказались на дальнейшей судьбе мальчика.

Незадолго до тринадцатилетия жизнь Петра круто изменилась. Ночью 6 декабря 1741 года его тетя Елизавета положила конец правлению маленького царя Иоанна VI и регентству его матери Анны Леопольдовны. Взойдя на трон, новая императрица первым делом вызвала к себе племянника Петра – своего единственного уцелевшего родственника мужского пола, которого она намеревалась сделать своим преемником. Приказ Елизаветы был исполнен, и ее племянника привезли из Киля в Санкт-Петербург. Елизавета ни с кем не советовалась и никому не говорила о своих намерениях до тех пор, пока мальчик не оказался в безопасности рядом с ней. Дипломаты, которым пришлось объяснять своим государям ее поведение, придумали следующие обоснования: они ссылались на угрозу, исходившую от сторонников Иоанна VI, а также отмечали привязанность Елизаветы к ее покойной сестре Анне. Упоминали они и о другом, менее благородном мотиве – чувстве самосохранения. Пока Иван находился под стражей, Петр являлся единственным соперником Елизаветы. Если бы он остался в Гольштейне и его притязания поддержали иностранные государства, это стало бы угрозой для Елизаветы. Но сделав его великим князем в России и предоставив ему возможность жить под ее присмотром, она могла полностью контролировать его поведение.

Что касалось самого Петра, то совершенный Елизаветой переворот полностью изменил и его жизнь. К четырнадцати годам он покинул замок в Киле и родной Гольштейн, формальным правителем которого по-прежнему оставался, и вместе со своим мучителем Брюммером отправился в Санкт-Петербург. Его отъезд из Гольштейна был внезапным и поспешным и даже напоминал похищение – Петр в течение трех дней не знал, куда его везут, пока они не добрались до границы. Петр приехал в Санкт-Петербург в начале января 1743 года. В Зимнем дворце ему оказали теплый прием: императрица обняла его, прослезилась и пообещала заботиться о единственном ребенке своей сестры как о своем собственном.

До этого момента Елизавета никогда не видела Петра. Когда же она хорошенько рассмотрела его, то увидела примерно то же

самое, что и София четырьмя годами ранее. Он был все таким же странным маленьким созданием: слишком низкого для своего возраста роста, бледным, худым, нескладным, с жидкими светлыми волосами до плеч. Стараясь продемонстрировать императрице свое почтение, он расправил свое тщедушное тельце и постарался стоять прямо, как деревянный солдатик. Когда Елизавета заговорила с ним, Петр писклявым, еще не успевшим огрубеть голосом ответил на смеси французского и немецкого.

Удивленная и разочарованная внешностью подростка, Елизавета еще больше была потрясена его невежеством. Сама она никогда не была прилежной ученицей и считала вредным для здоровья чрезмерное увлечение книгами, предполагая, что именно они стали причиной столь ранней смерти ее сестры. Тем не менее она наняла профессора Штелина – добродушного саксонца из Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге и поручила ему обучение Петра. Представляя Штелина мальчику, она сказала: «Я вижу, что Вашему Высочеству нужно еще многое узнать, и месье Штелин будет обучать вас в столь приятной манере, что его уроки покажутся вам истинным развлечением». После этого Штелин начал экзаменовать нового ученика, и почти сразу же стало ясно – мальчик невежественен практически во всех областях знаний. Штелин узнал, что его ученик отличался чересчур детским для своего возраста поведением, он непоседлив и с трудом мог сосредоточить свое внимание. Тем не менее он питал огромный интерес ко всему, что касалось солдат и войны. По приезде в Россию Елизавета сделала его подполковником Преображенского полка, самого главного полка в русской императорской гвардии. На Петра это не произвело особого впечатления. Он презрительно фыркнул, посмотрев на свободную, бутылочно-зеленую форму русских солдат, так сильно отличавшуюся от синей, плотно облегающей формы пруссаков и гольштейнцев.

Штелин, как мог, старался адаптировать учебный материал и упрощал его. Он рассказывал ученику историю России с помощью карт и картинок, показывал ему коллекции старых монет и медалей из художественной галереи. Он дал Петру представление о географии страны, которой однажды он будет править, показав ему огромный фолиант с картами, на которых были изображены крепости империи от Риги до Турции и китайских границ. Чтобы расширить знания ученика, он зачитывал ему выдержки из дипломатических депеш и иностранных газет, используя карты и глобус, чтобы показать, где происходило то или иное событие. Он учил его геометрии и механике в процессе изготовления макетов; естествознанию – гуляя с Петром по дворцовым садам и

рассказывая о различных видах растений, деревьев, цветов; архитектуре – водя его по дворцу и повествуя о том, как он был спроектирован и построен. Поскольку мальчик не мог сидеть спокойно и слушать своего учителя, почти все занятия учитель и его ученик прохаживались рядом. Обучение Петра танцам, – науке, абсолютно неподвластной Штелину, но весьма любимой самой императрицей, – окончилось громким провалом. Елизавета прекрасно танцевала и требовала от своего племянника старательно тренироваться в исполнении менуэтов и кадрилей. Четыре раза в неделю в комнату Петра приходил скрипач и учитель танцев, и мальчика заставляли немедленно бросать все дела. Результат был удручающим. За всю свою жизнь Петр так и не научился танцевать и выглядел во время балов очень смешно.

В течение трех лет Штелин выполнял свои обязанности. Если ему в чем-то и не удалось преуспеть, его вины в этом не было: вред был нанесен ранее, когда у его ученика практически уничтожили интерес к обучению. Жизнь для Петра казалась гнетущей чередой инструкций для выполнения заданий, которые ему были совершенно неинтересны. В своем дневнике Штелин писал, что его ученик был «абсолютно легкомысленным» и «совершенно неуправляемым». Тем не менее Штелин оказался единственным человеком за все юные годы Петра, который пытался понять мальчика и обращался с ним рассудительно и с сочувствием. Хотя Петр мало чему научился, он поддерживал дружеские отношения со своим наставником всю свою жизнь.

В течение первого года в России деликатное здоровье Петра сильно влияло на его обучение. В октябре 1743 года Штелин писал: «Он очень слаб и утратил интерес ко всему, что доставляло ему радость, даже к музыке». Однажды в субботу, когда в прихожей великого князя заиграла музыка и кастрат стал исполнять любимую арию Петра, мальчик, лежавший с закрытыми глазами, едва слышно прошептал: «Когда же они перестанут играть?» Елизавета подбежала к нему и расплакалась.

Но даже у здорового Петра возникало немало проблем. У него не было друзей среди сверстников. А Брюммер, которого Елизавета плохо знала и совершенно не понимала, всегда находился подле него. Нервы мальчика, ослабленные после болезни, получили дополнительный удар из-за жестокого обращения Брюммера. Штелин писал, что однажды Брюммер набросился на юного князя и стал бить его кулаками. Когда Штелин вмешался, Петр подбежал к окну и позвал стражу, находившуюся во внутреннем дворе. Затем он убежал в свою комнату и вернулся со шпагой, которую направил на Брюммера. «В последний раз ты позволил себе подобную дерзость! Еще раз

посмеешь поднять на меня руку, и я проткну тебя насквозь!» Тем не менее императрица позволила Брюммеру остаться. Петр понял, что даже после переезда в Россию он не сможет избавиться от тяжкого груза обязанностей. Более того, его положение ухудшилось: каким бы несчастным он ни был в Киле с Брюммером, там был его родной дом.

Елизавета была удручена отсутствием видимого прогресса в обучении племянника. Нетерпеливая от природы, женщина хотела положительных результатов, ее постоянно мучила тревога из-за Иоанна VI, и это заставляло императрицу сильнее давить на Петра и его учителей. Почему, спрашивала она себя, ее племянник оказался столь трудным, бесталанным ребенком? Разумеется, вскоре все изменится. Иногда, пытаясь успокоиться и убедить себя, что все хорошо, Елизавета преувеличивала успехи племянника. «Не могу выразить словами ту радость, которую чувствую, когда вижу, с какой пользой для дела ты проводишь время», – говорила она. Но месяцы шли, никаких улучшений не было видно, и ее надежды постепенно улетучивались.

Особенно Елизавету огорчала открытая неприязнь ко всему русскому, которую демонстрировал ее племянник. Она пригласила наставников, чтобы те обучали его русскому языку и православной религии, и оплачивала сверхурочные учителям и священникам, дабы убедиться, что эти уроки не пропали даром. Изучая теологию по два часа в день, он научился быстро проговаривать выдержки из православных догматов, но ненавидел новую религию и испытывал отвращение к бородатым священникам. Прусскому и австрийскому послам он говорил с большой долей цинизма: «Священникам обещано слишком многое, только эти обещания вряд ли возможно сдержать». Примерно так же он относился и к русскому языку. Он посещал уроки, но ненавидел этот язык и даже не пытался говорить на нем правильно. По возможности он окружал себя гольштейнскими подданными и говорил с ними только на немецком.

Но истинные проблемы Петра были намного глубже его цинизма и неприятия нового окружения. Трудность заключалась не в том, чтобы овладеть русским языком: при наличии достаточного времени он смог бы изучить его и говорить на нем в совершенстве. За каждым заданием, которое ставили перед ним учителя, возвышалось более серьезное препятствие: перспектива унаследовать российский трон. Именно против этого своего будущего так бунтовал Петр. Он не имел ни малейшей заинтересованности в управлении обширной и, как ему казалось, примитивной иностранной империей. Он скучал по Германии и Гольштейну. Тосковал по простой, незатейливой жизни в Киле,

с его простыми бараками, униформой и барабанным боем, где все его существование было подчинено выполнению приказов. Выбрав будущее правителя величайшей империи, он оставался в душе маленьким гольштейнским солдатом. Его героем был не великий русский дедушка, а идол всех немецких солдат – король Пруссии Фридрих.

И все же императрица добилась своего. 18 ноября 1742 года в дворцовой церкви в Кремле Петер Карл Ульрих был крещен в православную веру под русским именем Петр Федорович. Фамилия Романовых должна была стереть всякие следы его лютеранского происхождения. Императрица Елизавета официально объявила его наследником русского трона, возвела в титул императорского высочества и присвоила ему звание великого князя. Петр по памяти произнес речь на русском, пообещал отрицать все, что противоречило учениям православной церкви, после чего, по окончании службы, собравшиеся в церкви придворные принесли ему клятву верности. Во время церемонии и последовавшего за ней приема Петр не скрывал своего угрюмого расположения духа: иностранные послы, заметив его настроение, сделали вывод, что «судя по привычному для него капризному тону в общении, можно заключить, что он вряд ли превратится в религиозного фанатика». Однако Елизавета отказывалась замечать эти недобрые знаки. По крайней мере в тот день. Когда Петра крестили, она разрыдалась. Позже, после того как новый великий князь вернулся в свои покои, он обнаружил там вексель на триста тысяч рублей.

Несмотря на страстное выражение эмоций, Елизавета до сих пор не доверяла племяннику. Стремясь сделать его обязательства перед Россией нерушимыми и исключить всякую возможность отъезда из страны, она ликвидировала его притязания на шведский трон, заключив российско-шведский договор, согласно которому права на шведский престол переходили от ее племянника к его бывшему наставнику, брату Иоганны, Адольфу Фридриху Гольштейнскому, епископу Любека. Епископ становился наследником шведского трона вместо Петра.

Чем более очевидным становился тот факт, что Петр глубоко несчастен в России, тем больше усиливались тревоги Елизаветы. Она устранила с трона германскую ветвь своей семьи лишь для того, чтобы затем выбрать наследника, который был еще в большей степени немцем, чем его предшественники. Она старалась привить Петру любовь ко всему русскому, однако его идеи, вкусы, предрассудки и взгляды оставались сугубо немецкими. Елизавета была горько разочарована, но ей приходилось мириться с этим. Она не могла отослать его обратно

в Гольштейн. Петр – ее ближайший родственник, который недавно принял православие и был объявлен ее наследником. Теперь он стал надеждой династии Романовых. И когда в октябре 1743 года он серьезно заболел и не вставал с постели до середины ноября, Елизавета поняла, как сильно нуждалась в нем.

Слабое здоровье Петра побудило Елизавету к дальнейшим действиям. Она всегда беспокоилась, что он может умереть. И что будет потом? Решением – самым лучшим и, возможно, единственным – стало найти ему жену. Петру было пятнадцать лет, и присутствие молодой здоровой жены могло помочь ему быстрее возмужать и выполнить свой великий долг – произвести на свет нового наследника, ребенка более жизнеспособного, чем отец, который в крайнем случае сможет унаследовать трон. Елизавета решила действовать незамедлительно: жену нужно было найти как можно скорее, чтобы успел родиться наследник. Поэтому императрица так торопилась выбрать невесту для Петра, поэтому срочные депеши, которые от ее имени Брюммер писал Иоганне в Цербст, имели следующее содержание: «Приезжайте в Россию! Привезите вашу дочь! Спешите! Спешите! Спешите!»

6
Встреча с Елизаветой и Петром

Пока София и ее мать дожидались императрицу, внезапно появился Петр. «Я больше не мог ждать!» – заявил он по-немецки и широко улыбнулся. Его энтузиазм казался искренним, и София с матерью были довольны. Он стоял перед ними, немного нервничая и переминаясь с ноги на ногу, а София внимательно рассматривала своего будущего мужа, которого видела лишь однажды, когда мальчику было всего одиннадцать лет. Теперь, в пятнадцать, он по-прежнему был необычайно низким и худым, а черты его лица, бледная кожа, большой рот, провалившийся подбородок – не особенно изменились за эти годы. Оказанный им теплый прием можно было объяснить тем, что София была его кузиной, примерно того же возраста, что и он сам. Петр мог говорить с ней по-немецки, она понимала его и сама была из той среды, что и он. Возможно, Петр надеялся, что маленькая кузина станет его союзницей, и они вместе будут сопротивляться тем требованиям, которые предъявляла к нему Россия. Расхаживая по комнате и ни на минуту не закрывая рта, он остановился лишь тогда, когда появился доктор Лесток и объявил, что императрица готова принять их. Петр предложил руку Иоганне, фрейлина императрицы взяла под руку Софию, и они проследовали по освещенным свечами коридорам, наполненным людьми, которые кланялись им и делали реверансы. Наконец, они оказались на пороге императорских покоев. Двойные двери распахнулись, и перед ними возникла Елизавета, императрица всея Руси.

София и ее мать были потрясены. Елизавета оказалась высокой, полной, величественной женщиной. У нее были большие, блестящие голубые глаза, широкий лоб, пухлые красные губы, белые зубы и гладкая, светло-розовая кожа. Ее волосы, от природы светлые, были покрашены в глубокий черный цвет. На ней было роскошное, сшитое из серебряной парчи и отделанное золотым кружевом платье с широкой юбкой на обручах, а в волосах, на шее и на пышной груди сияли бриллианты. Эффект, который произвела эта женщина, стоявшая перед ними в сиянии серебра, золотой вышивки и драгоценностей, был невероятно силен. Но самой яркой деталью, которую София запомнила на всю жизнь, оказалось закрепленное в волосах императрицы черное перо, изогнутое и закрывавшее часть ее лица.

Иоганна помнила совет Брюммера поцеловать Елизавете руку и поблагодарить за оказанную ей и ее дочери честь. Елизавета

обняла ее и сказала: «Все, что я сделала для вас прежде, не идет в сравнение с тем, что я могу сделать для вашей семьи в будущем. Вы для меня как родные!» Когда Елизавета повернулась к Софии, четырнадцатилетняя девушка нагнулась и сделала реверанс. Елизавета улыбнулась и отметила про себя свежесть девушки и ее рассудительность, а также сдержанность и кротость ее манер. София между тем сделала свои выводы и тридцать лет спустя написала: «Увидев ее в первый раз, невозможно было не испытать потрясения от ее красоты и царственности ее манер». В этой женщине, усыпанной драгоценностями и буквально излучающей уверенность и силу, она увидела воплощение того, кем сама надеялась однажды стать.

На следующий день отмечали шестнадцатилетие Петра. Императрица появилась в коричневом платье, шитом серебром, «с головой, шеей и грудью, украшенными драгоценностями». Она представила мать с дочерью к ордену Святой Екатерины. Алексей Разумовский в костюме обер-егермейстера принес ленты и регалии ордена на золотом блюде. Когда он приблизился, София сделала еще одно наблюдение: Разумовский, официальный любовник императрицы, «Ночной император», был, по словам Софии: «одним из самых красивых мужчин, каких я только видела в моей жизни». И снова Елизавета была в благостном расположении духа. Широко улыбнувшись, она подозвала к себе Софию и Иоганну и повесила им ленты с орденами на шеи.

Императрица относилась к Софии и Иоганне с теплотой, которая имела под собой основания более глубокие, нежели просто желание заключить политический брак. У Елизаветы не было детей. За два года до этого она взяла на воспитание сына своей сестры, Петра, привезла его в Россию, сделала своим наследником. Но Петр не отвечал взаимностью на ту материнскую любовь, которую пыталась ему дать Елизавета. Теперь она выбрала для него невесту, племянницу человека, которого любила. Императрица России, одинокая на своем троне, надеялась создать для себя семью.

Иоганна восприняла любезность императрицы как одно из доказательств своей личной победы. Она находилась в центре блистательного двора, ей оказывала честь государыня, славившаяся своей щедростью. Матери с дочерью предоставили собственный дом с камергером, фрейлинами и слугами. «Мы живем как королевы, – писала своему мужу Иоганна. – Здесь все украшено позолотой. Просто чудо! И у нас восхитительный выезд».

Иоганна хотела поскорее достичь желанной цели и воспользоваться предоставленными им с дочерью благами. Что же

касалось более интимных моментов предстоящего замужества, а также своих обязанностей дать дочери полезные советы относительно брака, то тридцатидвухлетняя мать не особенно об этом задумывалась. В конце концов, никто не думал о ее чувствах, когда ее выдали замуж за человека вдвое старше. Она мало знала о характере будущего жениха, ей было достаточно того, что он станет императором. Если бы Иоганна и задала себе вопрос о том, сможет ли возникнуть романтическая страсть между двумя подростками, то в ответ она лишь пожала бы плечами. При заключении браков королевских особ такой вопрос не имеет значения. Иоганна знала об этом, а София чувствовала на уровне интуиции. Единственным человеком, который все еще верил в любовь и надеялся, что страсть и политический интерес скрепят этот союз, оставалась Елизавета.

София позже вспоминала о Петре, что «в течение этого короткого промежутка времени я увидела и поняла: он не очень ценит народ, над которым ему суждено было царствовать, он держался лютеранства, не любил своих приближенных и был очень ребячлив. Я молчала и слушала, чем снискала его доверие».

Что думал Петр о Софии и их предстоящем браке? Достоверно известно, что в ночь их прибытия он произнес небольшую приветственную речь. И в последующие дни неоднократно говорил о том, как рад был видеть рядом родственницу его возраста, с которой он мог спокойно общаться. При первой же возможности он поведал ей, что был влюблен в дочь бывшей фрейлины Елизаветы. Он сказал, что хотел жениться на той девушке, но, к сожалению, недавно ее мать попала в немилость к императрице и была отправлена в ссылку в Сибирь. Теперь его тетка, императрица, не позволит ему жениться на ее дочери. Он все время повторял, что смирился с необходимостью жениться на Софии, «потому что его тетка того желает».

Петр по-прежнему видел в Софии скорее подругу по играм, чем будущую жену. Он не хотел обидеть ее, а просто по-своему пытался быть с ней честным. «Я слушала, краснея, эти родственные разговоры, – писала София в своих «Мемуарах», – благодаря его за скорое доверие, но в глубине души я взирала с изумлением на его неразумие и недостаток суждения о многих вещах». Если ее и задела его бездумная бесчувственность, то она этого не показала. София привыкла мириться с отсутствием любви в своей собственной семье и была готова к этому уже в новых обстоятельствах. Кроме того, при расставании отец велел ей уважать великого князя как «повелителя, отца и правителя» и стараться «кротостью и смирением» завоевать его любовь.

В свои четырнадцать София была уже достаточно умной и расчетливой. В тот момент она старалась подстроиться под интересы Петра и принять роль его доверенного лица и подруги по играм. Но между ними не было и намека на любовь, даже той легкой влюбленности, которую она пережила по отношению к своему дяде Георгу.

7
Пневмония

София довольно быстро поняла два основополагающих момента, касавшихся ее пребывания в России. Во-первых, она должна завоевать не столько расположение Петра, сколько милость Елизаветы, и, во-вторых, если она хочет добиться успеха в новой стране, ей нужно выучить русский язык и принять православную веру. Через неделю после прибытия в Москву она стала брать уроки у профессора, учившего ее читать и писать по-русски, и у священника, которому было поручено рассказать ей о доктринах и обрядах русской православной церкви. В отличие от Петра, который отказывался воспринимать все, что пытались рассказать ему учителя, София училась весьма охотно.

Елизавета считала, что переход в православие был для юной принцессы одной из самых важных задач, и выбранный для ее обучения священник старался развеять опасения юной протестантки, которую просили отказаться от своей лютеранской веры. Симеон Теодорский, епископ Псковский, был образованным человеком широких взглядов. Он свободно говорил по-немецки и в течение четырех лет обучался в Университете в Галле в Германии. Там он пришел к выводу, что основной смысл религии заключался не в различных традициях и ритуалах, а в общих, основополагающих постулатах христианства. Он пытался доказать Софии, что православная вера не отличается от лютеранской, таким образом, она не нарушит данное отцу обещание, если сменит веру. Его слова произвели на Софию сильное впечатление, и она написала отцу, сообщив, что пришла к заключению, что разногласия между лютеранством и православием состояли лишь в «различности ритуалов, но здешняя церковь крепко держится их из-за темноты и необразованности народа». Христиан Август был встревожен тем, с какой быстротой его дочь теряет свои протестантские убеждения, и ответил ей:

> «Загляни в свою душу и пойми, вдохновляют ли твое сердце религиозные убеждения, или же ты, сама того не ведая, находишься под впечатлением от той милости, которой одаривает тебя императрица… и влияет на твои решения. Мы, люди, часто видим лишь то, что у нас перед глазами. Но Бог в своей бесконечной справедливости видит сердца людей, понимает их

истинные мотивы и воздает каждому по заслугам».

Попытки Софии примирить религиозные разногласия двух мужчин, которых она уважала и почитала, столкнулись с большими трудностями. «Перемена религии причиняла принцессе сильную боль, – писал королю Фридриху прусский посол Мардефельд.

Продолжая заниматься с Теодорским, София также находила время для обучения русскому языку. День казался слишком коротким для нее. Она просила, чтобы уроки велись продолжительное время. По ночам она вставала, брала книгу и свечку, ходила босиком по холодному каменному полу и повторяла наизусть русские слова. Неудивительно, что, прибыв в Москву в начале марта, она простудилась. Сначала Иоганна боялась, что ее дочь могут заподозрить в чрезмерной болезненности, и пыталась скрыть ее недуг. Но у Софии началась лихорадка, ее зубы сильно стучали, она вся покрылась испариной и, в конце концов, упала в обморок. Врачи, к которым обратились слишком поздно, установили острую пневмонию и потребовали, чтобы находящейся без сознания пациентке пустили кровь. Иоганна с негодованием отказалась, заявив, что большая потеря крови привела к смерти ее брата Карла, который должен был жениться на юной Елизавете, и что она не позволит врачам убить свою дочь. «Я оставалась в постели, между матерью и докторами, которые спорили между собою, – писала позже София. – Я была без памяти, в сильном жару и с болью в боку, которая заставляла меня ужасно страдать и издавать стоны, за которые мать меня бранила, желая, чтобы я терпеливо сносила боль».

Весть о том, что жизни Софии угрожает опасность, достигла императрицы, которая удалилась в возведенный в четырнадцатом веке Троицкий монастырь. Она поспешила вернуться в Москву, явилась в комнату больной и вмешалась в спор между Иоганной и врачами. Елизавета прервала перепалку и приказала врачам принять все необходимые меры для спасения больной. Отчитав Иоганну за то, что та посмела не слушаться ее докторов, она распорядилась немедленно сделать кровопускание. Когда Иоганна продолжила возмущаться, императрица приказала вывести мать Софии из комнаты. Елизавета гладила Софию по голове, пока врачи вскрывали вены у нее на ногах; они выпустили две унции крови. Начиная с того дня на протяжении четырех недель Елизавета сама ухаживала за Софией. Поскольку лихорадка не стихала, Елизавета распорядилась повторять кровопускания, и в течение двадцати семи дней четырнадцатилетней девушке пускали кровь шестнадцать раз.

Пациентка часто теряла сознание, но Елизавета все время находилась около ее постели. Когда врачи сокрушенно качали головами, императрица плакала. Бездетная женщина испытывала нечто вроде материнской любви к девушке, которую едва знала, но которую так боялась потерять. Когда София приходила в себя, она чувствовала, что Елизавета держит ее за руку. Она хорошо запомнила эти интимные моменты. Несмотря на то что ей придется пережить за годы правления Елизаветы – щедрость и доброту, смешанную с мелочностью и жестким неодобрением, – София никогда не забудет женщину, которая в эти тяжелые, полные неизвестности дни склонялась над ней, гладила ее волосы и целовала в лоб.

Но были и те, кому болезнь Софии доставляла радость, а не печаль. Вице-канцлер Алексей Бестужев, до сих пор мечтавший о браке Петра с саксонской принцессой, торжествовал. Однако Елизавета быстро лишила его повода для радости, заявив, что в любом случае, даже если произойдет несчастье и София умрет, «скорее ее заберет дьявол, чем она пригласит саксонскую принцессу». В Берлине прусский король Фридрих стал уже подыскивать кандидатуру на замену. Он написал ландграфу Гессен-Дармштадтскому и спросил, можно ли рассчитывать на его дочь в случае смерти Софии.

Между тем юная больная, сама того не осознавая, стала покорять сердца людей. Фрейлины знали, как София заболела. Они рассказали обо всем камергерам, те – лакеям, слухи распространились по дворцу, а затем просочились и в город: маленькая иностранная принцесса, которая так любит Россию, теперь лежит на смертном одре, потому что ночами она не спала, чтобы быстрее выучить русский язык. В течение нескольких недель эта история помогла Софии завоевать любовь многих людей, которых отталкивало высокомерное и презрительное отношение великого князя Петра.

Еще одно событие, произошедшее в комнате больной, приобрело широкую известность и благотворно отразилось на репутации Софии. В тот момент, когда, казалось, готовы были подтвердиться самые мрачные опасения, Иоганна заговорила о необходимости пригласить лютеранского священника, чтобы тот утешил ее дочь. Но София, все еще истощенная лихорадкой, прошептала: «Зачем же? Пошлите лучше за Симеоном Теодорским, я охотно с ним поговорю». Услышавшая эти слова Елизавета разрыдалась. Вскоре о просьбе Софии уже говорили при дворе и в городе, люди, вначале с недоверием отнесшиеся к приезду немецкой принцессы-лютеранки, теперь прониклись к ней сочувствием.

Отдавала ли София отчет в своих действиях и знала ли, к чему могут привести ее слова? Теперь трудно сказать что-то наверняка. Вряд ли после нескольких недель в России у нее возникло искреннее желание обратиться в православную веру. И все же факт остается неопровержимым: перед лицом смерти она оказалась невероятно везучей, – или же на удивление рассудительной, – чтобы использовать самый эффективный способ завоевать расположение будущих подданных. «Пошлите за Симеоном Теодорским».

В своих «Мемуарах» Екатерина, вспоминая события прошлого, практически подтвердила, что четырнадцатилетняя девушка в действительности понимала суть своей просьбы. Она признается, что во время болезни иногда шла на хитрость. Временами она закрывала глаза и притворялась спящей, а сама слушала разговоры дам, дежуривших у ее постели. Французский, на котором они говорили, был широко распространен при русском дворе. Она писала, что находившиеся при ней дамы, «думали, что я сплю <…> и говорили между собой о том, что у них было на душе, и таким образом я узнавала массу вещей».

Возможно, все объясняется проще. Появление у ее постели лютеранского пастора вряд ли улучшило бы ее физическое и душевное состояние. А если лютеранская и православная церковь были так похожи, как объяснял ей Теодорский, почему бы не призвать священника, который ей нравился и беседы с которым были приятны и могли утешить ее?

В первую неделю апреля лихорадка отпустила Софию. Набираясь сил, она заметила перемену в отношении окружающих. Дамы, дежурившие у ее постели, стали проявлять к ней больше сочувствия, кроме того, она обратила внимание, что «поведение моей матери в течение моей болезни принизило ее в глазах окружающих». К сожалению, Иоганна решила еще больше усугубить свое положение. Она искренне переживала за жизнь дочери, но пока София постепенно завоевывала любовь и уважение людей, ее мать, изгнанная из комнаты дочери, стала ворчливой и раздражительной. Когда София пошла на поправку, Иоганна послала горничную, чтобы та попросила принцессу отдать ей кусок сине-серебряной парчи, прощальный подарок от дяди Софии, брата ее отца. София отдала парчу, но сделала это с большой неохотой, сказав, что ценит его не столько как подарок дяди, сколько как единственную красивую вещь, которую она привезла с собой в Россию. Возмущенные дамы, находившиеся подле больной, сообщили о случившемся Елизавете. Императрица немедленно прислала Софии различные дорогие материи, включая отрез ярко-голубого шелка с вытканными на нем

серебряными цветами, очень похожего на отданную матери ткань, только лучшего качества.

21 апреля на свое пятнадцатилетие София впервые после болезни появилась при дворе. «Я думаю, что не слишком-то довольны были моим видом, – писала она позже, – я похудела, как скелет, выросла, черты моего лица удлинились; волосы выпадали, и я была бледна смертельно. Я сама находила, что страшна, как пугало, и едва узнавала себя. Императрица прислала мне в этот день банку румян и приказала нарумяниться». В награду за мужество и желая отпраздновать исцеление Софии, Елизавета подарила ей бриллиантовое колье и серьги, стоившие двадцать тысяч рублей. Великий князь Петр прислал ей часы, инкрустированные рубинами.

Когда София появилась перед придворными вечером в день своего рождения, возможно, она и не была воплощением юности и красоты, однако, войдя в тронный зал, она поняла, что кое-что изменилось. Во взглядах окружавших ее людей, в том, как ей осторожно пожимали руку, она увидела проявление сочувствия и уважения, которые она завоевала. Она больше не была чужестранкой, объектом для любопытства и подозрений, а стала одной из них, и все радовались ее возвращению. После многих недель страдания Россия начала воспринимать ее как русскую.

На следующее утро она вновь приступила к занятиям с Симеоном Теодорским. Она согласилась принять православие, и между Москвой и Цербстом завязалась оживленная переписка с целью заручиться формальным согласием ее отца на смену религии. София знала, что Христиан Август болезненно переживал подобную перспективу, но Цербст остался где-то далеко, теперь она была предана России. В начале мая София написала отцу:

> «Мой господин, я набралась смелости написать Вашему Высочеству и попросить Вас согласиться с намерениями Ее Императорского Величества относительно меня. Могу заверить вас, что Ваша воля всегда будет моей и никто не заставит меня отказаться от моих обязательств перед Вами. Но поскольку я почти не нашла различий между православной и лютеранской верами, я решила (с большим почтением к указаниям, данным мне Вашим Высочеством) сменить веру и в первый же день пришлю вам символ моей веры. Тешу себе мыслью, что Ваше Высочество будет рад этому, и до конца своих дней, мой глубокоуважаемый господин, я останусь послушной и скромной дочерью и слугой

Вашего Высочества. София».

Христиан Август медлил с согласием. Прусский король Фридрих, заинтересованный в этом браке, описал ситуацию ландграфу Гессен-Дармштадтскому. «Наш добрый принц проявляет сильное упрямство. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы преодолеть его религиозные сомнения. Его ответ на мои доводы был следующим: «Моя дочь не должна принимать православия». Фридриху, наконец, удалось найти услужливого лютеранского священника, который убедил Христиана Августа в том, что между двумя религиями не было «серьезных различий», после чего Христиан Август все же дал согласие. Позже Фридрих писал: «Мне пришлось преодолеть столько сложностей, чтобы уладить это дело, словно я решал одну из самых важных проблем на земле».

8
Перехваченные письма

Не успел Фридрих убедить Христиана Августа в необходимости пересилить свои религиозные предрассудки, как мать Софии, Иоганна, возомнив, что она – главный агент Фридриха в России, основательно подпортила дипломатические планы прусского короля. Фридрих поручил Иоганне оказать ему помощь в свержении Бестужева, поведав ей, что вице-канцлер питал враждебные чувства к Пруссии, а следовательно, и к браку Софии, которому он старался воспрепятствовать всеми силами. Оказавшись в России, Иоганна присоединилась к заговору французского и прусского послов против Бестужева. Когда их план был раскрыт, последствия оказались катастрофическими для обоих послов и серьезно повредили Иоганне.

Поведение императрицы во время болезни Софии показало всем, что Елизавета привязалась к юной принцессе. После помолвки Иоганне стоило бы задать себе вопрос: какую еще опасность мог представлять Бестужев для этого брака? Поразмыслив, она, возможно, пришла бы к выводу, что довольно слабую, поскольку, несмотря на все возражения Бестужева, он не мог уже убедить императрицу отменить брак с германской принцессой. Следовательно, Иоганне стоило бы проявить милость к побежденному противнику, мудрость должна была подсказать ей, что она действовала против него исключительно ради поддержки собственной дочери. Но Иоганна не собиралась отступать. С того момента, как она прибыла в Санкт-Петербург, враги Бестужева – Мардефельд и Шетарди – стали ее доверенными лицами. Они устраивали тайные встречи, разрабатывали планы, посылали в Париж и Берлин зашифрованные письма. Иоганна была не из тех женщин, кто старается держаться в стороне от опасных интриг. В любом случае уже поздно было что-либо менять. Она уже попала в ловушку.

Алексей Бестужев-Рюмин, которому на тот момент исполнился пятьдесят один год, считался одним из самых одаренных русских политических деятелей своего времени. Его талант дипломата был высоко оценен, а талант политика помог выжить в водовороте придворных интриг и подняться еще выше. В детстве он показал выдающиеся способности к иностранным языкам. В пятнадцать лет Петр Великий отправил его за границу

на обучение, где он освоил искусство дипломатии. В 1720 году, когда Бестужеву было двадцать семь лет, Петр назначил его русским послом в Копенгагене. Через пять лет после смерти Петра его сместили и перевели на незначительный пост в Гамбурге, на котором он оставался в течение пятнадцати лет. Когда Елизавета пришла на смену двум немецким правительницам: императрице и регентше, она решила возобновить международную политику отца. Чтобы осуществить задуманное, она призвала Бестужева, протеже ее отца, проживавшего на задворках Гамбурга, и поставила его во главе министерства иностранных дел, сделав вице-канцлером.

Это был мужчина с тонкими губами, большим носом, острым подбородком и широким лбом. Бестужев считался гурманом, химиком-любителем и ипохондриком. Он отличался скрытностью, раздражительностью и жесткостью характера, а также страдал частыми перепадами настроения. Он был опытным интриганом, и, вернув себе высокое положение, он так умело и незаметно прибрал к рукам власть, что окружение по большей части боялось, а не любило его. Он был безжалостен к врагам, но вместе с тем предан своей стране и Елизавете. Прежде чем София стала императрицей Екатериной, он был сначала ее противником, а затем подружился с ней, и она поняла, насколько сложным и противоречивым характером обладал этот человек. Грубый, упрямый, даже деспотичный, он в то же время являлся великолепным психологом и знатоком человеческих душ, фанатично преданным своей работе, страстным патриотом и верным слугой государыни.

В правление Елизаветы он считался только с ее мнением. Возможно, Елизавете не нравится ее вице-канцлер как мужчина, однако она доверяла ему как своему главному советнику и отвергала любые попытки посла Фридриха и его агентов подорвать ее веру в него. В большинстве случаев она предоставляла ему полную свободу действий, однако по некоторым вопросам принимала самостоятельные решения. К примеру, она не посоветовалась с ним, когда привезла в Россию своего племянника и сделала его своим наследником. Она также не стала слушать Бестужева, выбрав в невесты Петру Софию. Оба эти раза Елизавета действовала импульсивно, руководствуясь интуицией и проявляя личную инициативу. Однако случались долгие периоды, когда Елизавета предпочитала оставаться всего лишь красивой женщиной, окруженной блестящим двором и желавшей лишь одного – чтобы ее постоянно развлекали. Когда ее охватывало подобное настроение, Бестужеву приходилось ждать неделями, даже месяцами, чтобы иметь возможность

подписать важные документы. «Если бы императрица уделяла государственным делам хотя бы одну сотую того времени, что уделяет им Мария Терезия, я был бы счастливейшим человеком на земле», – сказал однажды Бестужев австрийскому послу.

Инструкции, которые Фридрих дал Иоганне в Берлине, говорили о том, что она должна была помочь ему избавиться от вице-канцлера. Но заговорщики плохо знали своего врага. Они считали его человеком среднего ума, подверженным различным порокам – игроком, пьяницей и неумелым интриганом. По их соображениям, достаточно было правильно рассчитать время и приложить немного усилий, чтобы лишить его власти. Они и представить себе не могли, что Бестужеву было известно об их тайных встречах, и он оказался достаточно проницательным и узнал все об их планах. Бестужев всегда был начеку, и именно он первым нанес удар.

Меры предосторожности, принятые Бестужевым, оказались просты: он перехватил письма заговорщиков, расшифровал их, прочитал, а затем сделал копии. Работу по дешифровке произвел немецкий специалист из министерства иностранных дел. Сделав копии после дешифровки, он снова запечатал письма так, что не осталось никаких следов вмешательства. Таким образом, между Москвой и Европой осуществлялась бурная переписка, и никто – ни отправители, ни получатель – не имели ни малейшего подозрения, что Бестужев читал их.

У Бестужева не было оснований бояться тех сведений, которые он почерпнул из этих писем о своей собственной персоне; в основном в них содержались язвительные высказывания Шетарди в адрес императрицы. Маркиз сообщал своему правительству, что Елизавета ленива, экстравагантна, аморальна, меняла одежду по четыре-пять раз за день, ставила подпись под документами, которые даже не читала, и была: «фривольна, праздна, быстро набирала вес» и «уже не обладала достаточной энергией, дабы управлять страной». Эти письма, написанные в пренебрежительном высокомерном тоне и имевшие своей целью позабавить Людовика XV и его министров в Версале, могли вызвать ярость и у куда менее чувствительной и вспыльчивой государыни, чем дочь Петра Великого.

Помимо личных оскорблений, письма Шетарди также проливали свет на политический заговор по низложению Бестужева, а также его проавстрийскую политику. Кроме того, из них стало известно об участии в готовящемся заговоре принцессы Ангальт-Цербстской. Ссылаясь на то, что Иоганна поддерживала его точку зрения, а также упоминая о ее переписке с королем

Фридрихом, маркиз явно давал понять – принцесса являлась прусским агентом.

Однако Бестужев не стал спешить, он предоставил врагам достаточно времени, чтобы те выдали себя сами. Лишь после того, как он собрал более пятидесяти подобных писем, большая часть которых принадлежала перу маркиза Шетарди, он отнес их императрице. 1 июня 1744 года Елизавета взяла Петра, Софию и Иоганну вместе собой в Троицкий монастырь. Предполагая, что в этом уединенном, святом месте у императрицы будет больше времени для чтения, Бестужев представил ей на рассмотрение свою коллекцию писем. Помимо попытки свергнуть ее вице-канцлера Елизавета также узнала, что мать Софии, пользовавшаяся ее щедротами, плела заговор против России в интересах зарубежных государств.

3 июня, когда София, Петр и Иоганна закончили обедать, императрица удалилась в свои покои вместе с Лестоком и приказала Иоганне следовать за ней. Оставшись наедине, София и Петр уселись на подоконник и завели оживленную беседу. София смеялась над шуткой Петра, когда внезапно раскрылась дверь и появился Лесток.

«Этому шумному веселью теперь конец, – скомандовал он и, повернувшись к Софии, добавил: – Вам остается только уложить вещи, вы тотчас отправитесь, чтобы вернуться к себе домой». Молодые люди замерли, потрясенные его словами. «Что все это значит?» – спросил Петр. «Скоро узнаете», – мрачно ответил Лесток и удалился.

Ни Петр, ни София и представить себе не могли, что произошло, им казалось немыслимым, что придворный, пускай и высокопоставленный, может разговаривать с наследником и его будущей женой в подобном тоне. Пытаясь найти объяснение, Петр сказал: «Если ваша мать и виновата, то вы не виновны». «Долг мой – следовать за матерью и делать то, что она прикажет», – ответила перепуганная София. Чувствуя, что ее в скором времени отправят назад в Цербст, она посмотрела на Петра, пытаясь понять, как он отреагирует, если это случится на самом деле. Годы спустя она писала: «Я увидела ясно, что он покинул бы меня без сожаления».

Они все еще сидели в полном замешательстве, дрожа от страха, когда появилась императрица. Ее голубые глаза сверкали, лицо было красным от гнева, за ней следовала заплаканная Иоганна. Когда императрица встала перед ними под низким потолком монастыря, подростки спрыгнули с окна и почтительно преклонили головы. Этот жест, казалось, обезоружил Елизавету, она невольно улыбнулась и поцеловала их. София понимала, что

она не несла ответственность за поступки матери.

Однако для тех, кто оскорбил и предал императрицу, не было прощения. Первый удар она нанесла Шетарди. Французскому послу было приказано покинуть Москву в течение двадцати четырех часов и направиться к границе в Ригу, минуя Санкт-Петербург. Гнев императрицы по отношению к бывшему другу был так силен, что она приказала вернуть свой украшенный бриллиантами портрет, который подарила ему. Он отдал портрет, однако бриллианты оставил себе. Мардефельду, прусскому послу, разрешили задержаться, но через год выслали и его. Иоганне позволили остаться лишь потому, что она была матерью Софии, и лишь до тех пор, пока та не выйдет замуж за великого князя.

Разгромив политических врагов, Бестужев вознесся еще больше. Его повысили с должности вице-канцлера до канцлера, наградили дворцом и поместьями, а поражение дипломатических врагов означало триумф проавстрийской, антипрусской политики. Укрепившись в своем влиянии, он уже не видел необходимости препятствовать браку Петра и Софии. Он понимал, что императрица желала воплощения своих планов относительно этих молодых людей, и мешать им было бы опасно. Мать Софии даже после заключения брака не представляла для него угрозы.

Краткая дипломатическая карьера Иоганны закончилась полнейшим поражением: французский посол был изгнан, прусский посланник, прослуживший при русском дворе двадцать лет, потерял свое влияние, Бестужева повысили до канцлера. К тому же Иоганна потерпела поражение и на личном фронте: дружба Елизаветы с сестрой человека, которого она когда-то любила, сменилась сильным желанием поскорее вернуть мать Софии назад в Германию.

9
Обращение и помолвка

Императрица торопила события и назначила дату помолвки Софии и Петра на 29 июня. Согласно плану, за день до этого 28 июня 1744 года юная немецкая принцесса должна была официально и публично отречься от своей лютеранской веры и принять православие. До последней минуты София сомневалась по поводу этого необратимого шага. Но вечером накануне церемонии ее сомнения, казалось, развеялись. «Она крепко спала всю ночь, – писала Иоганна мужу, – это было ясным подтверждением ее спокойствия».

На следующее утро императрица послала за Софией и присутствовала при ее утреннем туалете. Елизавета приказала молодой девушке надеть точно такое же платье, как у нее: оба наряда были сделаны из тяжелой алой шелковой тафты и отделаны по швам серебром. Различие заключалось лишь в том, что платье Елизаветы украшали бриллианты, в то время как единственными украшениями Софии были серьги и брошь, которые императрица подарила ей, когда она оправилась от пневмонии. София выглядела бледной после трех дней строгого поста, предшествовавших церемонии, ее волосы украшала только белая лента. Однако Иоганна писала: «Должна сказать, что она показалась мне очень милой». В самом деле в те дни многие были поражены ее элегантностью и стройной фигурой, темными волосами, белой кожей, голубыми глазами и ее красивым нарядом.

Елизавета протянула Софии руку, и вместе они возглавили длинную процессию, двигавшуюся по бесконечным, заполненным народом коридорам дворца по направлению к часовне. Там София опустилась на квадратную подушку и началась долгая служба. Иоганна частично описала ее своему мужу. «Лоб, веки, шею, ладони и тыльные стороны кистей помазали маслом. Масло стерли куском хлопковой материи сразу после того, как нанесли».

Стоя на коленях на подушке, София прекрасно справлялась со своей ролью. Она говорила уверенным чистым голосом, цитируя учения новой веры. «Я все выучила наизусть по-русски. Как попугай», – признавалась она позже. Императрица расплакалась, но сказала новообращенной: «Я умею держать себя в руках, за это меня так ценят». Для Софии церемония была еще одним сложным, но важным моментом ее обучения, своего рода экзаменом, который она выдержала с блеском. Иоганна гордилась

своей дочерью: «Ее манера держать себя <…> на протяжении церемонии отличалась аристократизмом и благородством, я восхитилась бы ей, [даже если бы] она не приходилась мне тем, кем является на самом деле».

Таким образом, София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская стала Екатериной. Софию могли крестить и под ее родным именем – имя Софья было широко распространено в России. Но Елизавета отвергла эту мысль, так как Софьей звали ее собственную тетку, сводную сестру Петра Великого, которая боролась с юным царем за трон пятьдесят лет тому назад. Вместо этого Елизавета выбрала для девушки имя своей собственной матери – Екатерина.

Когда новообращенная покинула церковь, императрица подарила ей бриллиантовое колье и брошь. Несмотря на благодарность, Екатерина была так утомлена, что, стараясь сохранить силы для следующего дня, попросила разрешения не присутствовать на праздничном обеде, последовавшем за церемонией. Позже, вечером, она поехала вместе с императрицей, великим князем Петром и своей матерью в Кремль, где на следующий день должна была состояться помолвка.

На следующее утро, едва Екатерина проснулась, как ей передали два миниатюрных портрета от императрицы: один – с изображением Елизаветы, другой – Петра. Оба были в рамках, инкрустированных бриллиантами. Вскоре явился и сам Петр, чтобы сопровождать ее к императрице, которая ожидала их в императорской короне на голове и мантии на плечах. Из Кремлевского дворца Елизавета вышла под балдахином из чистого серебра настолько тяжелым, что его несли восемь генералов. Позади императрицы следовали Петр и Екатерина, а также придворные, члены Синода и Сената. Процессия прошла по знаменитой Красной площади, на которой выстроились солдаты гвардии, и вступила в Успенский собор, где проходили коронации русских царей. Елизавета взяла молодых людей за руки и повела их по выложенному бархатным ковром помосту между колоннами в середину церкви. Архиепископ Новгородский вел службу, пара обменялась кольцами, которые им подала сама императрица. Иоганна, наблюдавшая за происходившим оценивающим взглядом, отметила, что кольца «выглядели как маленькие чудовища». Ее дочь отметила, что «кольцо, которое Петр дал мне, стоило двенадцать тысяч рублей, а то, что Петр получил от меня – четырнадцать тысяч». По окончании службы зачитали императорский указ, согласно которому Екатерина получала титул великой княгини и право именоваться Ее Императорским Высочеством.

Отчет Иоганны о помолвке был полон жалоб:

> «Церемония продлилась четыре часа, и все это время нельзя было присесть даже на минуту. Скажу без преувеличения, моя спина затекла от бесконечных поклонов, которые я была вынуждена совершать, приветствуя всех придворных дам, а на моей правой руке осталась красная отметина величиной с немецкий флорин в том месте, где ее целовали».

Смешанные чувства Иоганны по отношению к дочери, ставшей центральной фигурой на этой великолепной церемонии, должны были смягчиться, поскольку Елизавета постаралась проявить милость к презираемой ею женщине. В соборе она не позволила Иоганне встать перед ней на колени, заявив: «У нас одинаковое положение, и мы возносим одну и ту же молитву». Но по завершении службы, когда загремели пушки, зазвонили колокола, а придворные отправились в Грановитую палату на праздничный пир, Иоганна осознала всю глубину постигшего ее несчастья. По своему статусу мать невесты не могла сидеть за одним столом с императрицей, великим князем и новоиспеченной великой княгиней. Когда Иоганне это объяснили, она запротестовала, объявив, что не может сидеть с обычными придворными дамами. Церемониймейстер не знал, что делать, а Екатерина молча переживала за мать. Елизавета опять пришла в ярость из-за поведения неблагодарной, вероломной гостьи и приказала разделить столы и выделить Иоганне место в алькове, откуда она могла наблюдать за празднеством.

Тем вечером в Грановитой палате устроили бал. Зал был сконструирован так, что единственная центральная колонна, занимавшая почти четверть помещения, поддерживала высокий потолок. «В этом месте, – вспоминала Екатерина, – можно было задохнуться от жары и толчеи». Когда же они направились в свои покои, в действие вошли новые правила. Екатерина теперь стала Ее Императорским Высочеством, великой княгиней и будущей женой наследника престола, поэтому Иоганна должна была следовать позади дочери. Екатерина пыталась избежать этого, и Иоганна с одобрением отозвалась о ее поступке. «Моя дочь вела себя очень скромно, несмотря на свое новое положение, – писала она мужу. – Она всякий раз краснела, когда ей приходилось идти впереди меня».

Елизавета по-прежнему была щедра. «Не проходило и дня, чтобы я не получала подарка от императрицы, – вспоминала позднее Екатерина. – Серебро и драгоценные камни, наряды и самые невероятные подарки, стоившие по меньшей мере от

десяти до пятнадцати тысяч рублей». Вскоре после этого императрица назначила Екатерине содержание в тридцать тысяч рублей на личные расходы. Екатерина, у которой никогда не было денег на карманные расходы, пришла в ужас от такой суммы. Она немедленно отослала деньги отцу, чтобы помочь с образованием и лечением своего младшего брата. «Я знаю, что Ваше Высочество отправили моего брата в Гамбург и это стоило вам больших расходов, – писала она Христиану Августу. – Я умоляю Ваше Высочество оставлять моего брата там сколько понадобится для восстановления его здоровья. Все расходы я возьму на себя».

Елизавета также выделила для юной великой княгини маленький двор, включая молодых камергеров и фрейлин. У Петра уже были придворные, в покоях великого князя и великой княгини молодые люди играли в жмурки и другие игры, танцевали и веселились. Иногда они даже снимали крышку с клавесина, клали ее на подушку и катались по полу, как на санках. Участвуя в этих шалостях, Екатерина пыталась развлекать своего будущего мужа. Петр был дружелюбен к своей подруге по играм, которая во всем ему потакала. Он был достаточно умен и понимал, что его нежное отношение к невесте доставит удовольствие императрице. Даже Брюммер, наблюдавший за ними, решил, что Екатерина поможет усмирить его бунтарский нрав, и просил использовать ее влияние, «чтобы исправить и образумить своего великого князя». Она отказалась: «Я сказала ему, что это для меня невозможно, поскольку этим я только стану ему столь же ненавистна, как уже были ненавистны все его приближенные». Она понимала, что имеет некоторое влияние на Петра, и должна была противостоять всем, кто пытался его «исправить». Обратившись к ней за дружбой, он не должен был найти в ее лице очередного соглядатая.

Иоганна все больше отдалялась от Екатерины. Теперь, когда ей хотелось увидеться с дочерью, она должна была докладывать о своем визите. Не желая этого делать, она держалась в стороне, заявляя, что окружавшие Екатерину молодые придворные были слишком дикими и шумными. Между тем и сама Иоганна обзавелась новыми знакомствами. Она присоединилась к кругу людей, о которых неодобрительно отзывалась императрица и большая часть придворных. Вскоре она особенно сблизилась с камергером графом Иваном Бецким, что стало причиной для многочисленных сплетен. Их часто видели вместе, начали поговаривать об их любовной связи и даже ходили слухи, что тридцатидвухлетняя принцесса Ангальт-Цербстская забеременела.

10
Паломничество и бал с переодеванием

Невеста прибыла в Россию, она была молода, ее здоровье восстановилось после болезни, а трудности, связанные с принятием православия, были преодолены. Теперь, когда состоялась помолвка между Софией и Петром, что еще могло помешать их скорой свадьбе? Одним из препятствий, которое была не в силах преодолеть даже императрица, оказались строгие предупреждения врачей относительно физического состояния Петра. В шестнадцать лет великий князь выглядел как четырнадцатилетний подросток, и доктора до сих пор не могли обнаружить у него признаков половой зрелости. По их мнению, должно было пройти не менее года прежде, чем он сумеет зачать ребенка. И даже если бы его супруга забеременела, младенец появился бы на свет только через девять месяцев. Для Елизаветы этот отрезок времени – двадцать один месяц – казался целой вечностью. А поскольку свадьбу перенесли, императрица также была вынуждена отложить отъезд Иоганны.

С неохотой и разочарованием Елизавета смирилась с обстоятельствами и решила по-иному продемонстрировать народу продолжателей своей династии. В августе 1744 года она отправилась с паломничеством в Киев – самое древнее из святых мест на Руси, где зародилось христианство стараниями великого князя Владимира в 800 году. Вдохновителем этого путешествия длиной в шестьсот миль стал украинский любовник Елизаветы Разумовский. В паломничестве участвовали Петр, Екатерина, Иоганна, а также верные подданные императрицы, включая двести тридцать придворных и несколько сотен слуг. Кавалькада из карет и нагруженных багажом обозов день за днем двигалась, раскачиваясь и подпрыгивая, по бесконечным дорогам, а пассажиры боролись со скукой, усталостью, голодом и жаждой. Лошадей часто меняли, на каждой станции прибытия императорского каравана дожидались восемьсот свежих лошадей.

Пока вельможи русского двора путешествовали в обитых бархатом каретах, одна особа проделала большую часть пути пешком. Елизавета серьезно воспринимала идею покаяния и паломничества. Путешествуя по выжженным солнцем дорогам, страдая от жары, Елизавета останавливалась помолиться в каждой деревенской церкви и придорожной часовне. Между тем Разумовский, отличавшийся благоразумием и практичностью как в своих земных, так и в небесных помыслах, предпочел ехать за

ней следом в удобной карете.

Екатерина и Иоганна начали путешествие в карете с двумя фрейлинами. Петр ехал в отдельном экипаже с Брюммером и двумя наставниками. В конце концов, Петр устал от своих «педагогов» и, когда Екатерина позвала его к себе, решил присоединиться к немецким принцессам, сочтя их компанию более приятной. Он оставил свою карету, «сел в нашу и отказался покидать ее», взяв с собой для компании веселых молодых людей. Вскоре Иоганна, раздраженная обществом молодежи, решила вмешаться. Она распорядилась, чтобы в повозке, которая перевозила их постели, приладили лавки так, чтобы в ней могли разместиться десять человек. К негодованию Иоганны, Петр и Екатерина настояли на том, чтобы в эту повозку пригласили еще несколько молодых людей. «И таким образом, мы совершили остальную часть поездки очень весело», – вспоминала Екатерина. Брюммер, наставники Петра и фрейлины Иоганны были оскорблены подобными перестановками, нарушавшими заведенный при дворе порядок. «И между тем как мы смеялись дорогой, они бранились и скучали».

Для Екатерины, Петра и их друзей это путешествие стало не религиозным паломничеством, а скорее приятной увеселительной прогулкой. Спешить нужды не было: Елизавета проходила по несколько часов в день. Под конец третьей недели главная кавалькада прибыла в большое поместье Разумовского в Козельце, где она ждала еще три недели прибытия императрицы. Когда она наконец появилась 15 августа, религиозный характер паломничества на две недели оказался забыт, «паломники» стали устраивать балы, посещать концерты и участвовать в карточных играх, которые велись с утра до ночи и часто были такими напряженными, что за игру на столе лежало по сорок или даже пятьдесят тысяч рублей.

Во время пребывания в Козельце произошел случай, ставший причиной длительной размолвки между Иоганной и Петром. Все началось с того, что великий князь вошел в комнату, где Иоганна писала письмо. На стуле перед ней лежала шкатулка, где она хранила важные для себя вещи, включая свои письма. Петр, желая развлечь Екатерину, весело вбежал в комнату и стал рыться в шкатулке, после чего вытащил оттуда письма. Иоганна строгим тоном велела ему не трогать их. Великий князь вприпрыжку побежал по комнате, уворачиваясь от Иоганны, пытавшейся отнять у него письма, наконец, он задел краем камзола шкатулку и перевернул ее. Все содержимое высыпалось на пол. Иоганна, решив, что он сделал это намеренно, пришла в ярость. Сначала Петр пытался извиниться перед ней, но когда она отказалась

поверить в случайность произошедшего, тоже рассердился. Они стали кричать друг на друга, и Петр обратился к Екатерине, чтобы она подтвердила его невиновность.

Екатерина оказалась меж двух огней.

«Зная нрав матери, я боялась получить пощечину, если не соглашусь с ней, и, не желая ни лгать, ни обидеть великого князя, оказалась между двух огней; тем не менее я сказала матери, что не думала, будто великий князь сделал это нарочно».

Иоганна не осталась в долгу:

> «Тогда мать набросилась на меня, ибо, когда она бывала в гневе, ей нужно было кого-нибудь бранить; я замолчала и заплакала; великий князь, видя мои слезы и то, что весь гнев моей матери обрушился на меня за мое свидетельство в его пользу, стал обвинять мать в несправедливости и назвал ее гнев бешенством, а она ему сказала, что он невоспитанный мальчишка; одним словом, трудно, не доводя, однако, ссоры до драки, зайти в ней дальше, чем они оба это сделали.

С тех пор великий князь невзлюбил мать и не мог никогда забыть этой ссоры; мать тоже не могла простить ему этого; и их обхождение друг с другом стало принужденным, без взаимного доверия, и легко переходило в натянутые отношения. Оба они не скрывались от меня; сколько я ни старалась смягчить их обоих, мне это удавалось только на короткий срок; они оба всегда были готовы пустить колкости, чтобы язвить друг друга; мое положение день ото дня становилось щекотливее».

Екатерина разрывалась между матерью и женихом, но скверный нрав ее матери и сочувствие, которое она испытывала к великому князю, имели свои последствия. «Великий князь был со мною тогда откровеннее, чем с кем-либо; он видел, что мать часто наскакивала на меня, когда не могла к нему придраться. Это мне не вредило в его глазах, поскольку он убедился, что может быть во мне уверен».

Кульминацией паломничества стали те десять дней, которые императрица и ее двор провели в Киеве. Екатерина впервые увидела чудесную панораму города, золотые купола, возвышавшиеся над крутым западным берегом Днепра. Елизавета, Петр и Екатерина вошли в город пешком вместе с толпой священников и монахов, несших огромный крест. В те времена церковь была невероятно богатой, а люди – истинно набожными, и повсюду в этом святейшем русском городе императрицу

встречали радушно и с необычайным размахом. В знаменитой Киево-Печерской лавре Екатерина была потрясена грандиозностью религиозной процессии, красотой церковных обрядов и поразительным великолепием самой церкви. «Никогда в своей жизни, – писала она позже, – я не испытывала такого потрясения от великолепия церковного убранства. Все иконы были украшены золотом, серебром, жемчужинами и драгоценными камнями».

Однако это впечатление носило лишь поверхностный характер. Екатерина никогда не была истово верующим человеком. Она не разделяла ни строгой лютеранской веры своего отца, ни страстной православной веры императрицы Елизаветы. В русской церкви ее восхищало великолепие архитектуры и музыки, слитые в изумительное единство одухотворенной, но вместе с тем рукотворной красоты.

Едва Елизавета и двор вернулись из Киева в Москву, как снова начались балы и маскарады. Каждый вечер Екатерина появлялась в новом платье и все говорили о том, как хорошо она выглядела. Екатерина была достаточно проницательной и понимала, что лесть являлась одним из способов наладить хорошие отношения при дворе и что некоторые по-прежнему не одобряли ее присутствия: Бестужев и его последователи; придворные дамы, завидовавшие восходящей звезде; приживалы, которые тщательно подсчитывали все подношения и подарки. Екатерина старалась обезоружить их критику. «Я боялась, что меня не будут любить, и делала все, что в моих силах, чтобы завоевать симпатию тех, с кем мне придется проводить свою жизнь», – писала она позже. Помимо этого Екатерина никогда не забывала о том, чьей верной подданной она являлась. «Мое уважение и признательность императрице было велико, – говорила она. – Она часто говорила, что любит меня едва ли не больше, чем великого князя».

Одним из безошибочных способов расположить к себе императрицу были танцы. Екатерине это далось легко, поскольку она любила танцевать. Каждый день в семь часов утра месье Ланде, придворный учитель танцев из Франции, являлся со своей скрипкой и в течение двух часов обучал ее последним парижским танцам. С четырех до шести дня он снова приходил и занимался с ней. А затем по вечерам Екатерина поражала придворных своими грациозными танцами.

Некоторые балы были довольно странными. Каждый четверг по распоряжению императрицы мужчины одевались женщинами, а женщины – мужчинами. Екатерине, которой в ту пору было

пятнадцать, нравилась подобная смена одежд. «Должна признать, что не было ничего более ужасного и вместе с тем комичного, чем видеть большинство мужчин, одетых на подобный манер, и вместе с тем ничего более жалкого, чем видеть женщин в мужских одеждах». Большинство придворных питали отвращение к подобным вечерам, но каприз Елизаветы был неслучайным – она великолепно смотрелась в мужской одежде. Хотя ее нельзя было назвать худощавой, однако, несмотря на пышность форм, она обладала красивыми стройными ногами. Ее тщеславие было возмущено тем, что столь прекрасную часть тела приходилось скрывать, и лишь надев мужские брюки, она могла продемонстрировать всем свои ноги.

Екатерина вспоминала, как на одном из таких балов с ней произошел забавный случай:

> «Очень высокий месье Сивере, одетый в юбку на обруче, которую ему одолжила императрица, танцевал со мной полонез. Графиня Гендрикова, танцевавшая позади меня, споткнулась о юбку месье Сивере, когда тот поворачивался, держа меня за руку. Падая, она так сильно меня толкнула, что я упала прямо под юбку месье Сивере, а тот рухнул на меня. В довершение Сивере сам запутался в своих длинных юбках, и мы втроем барахтались на полу под его верхней юбкой. Я умирала со смеху, пытаясь выбраться из-под них, но к нам подошли люди и помогли освободиться, поскольку мы так запутались в юбках месье Сивере, что он не мог встать, при этом не опрокинув нас двоих».

Однако осенью Екатерина познакомилась и с отрицательными чертами характера Елизаветы. Тщеславие императрицы заставляло ее быть не только самой властной, но и считать себя самой красивой женщиной в империи. Она не могла спокойно слушать, когда при ней хвалили красоту других особ. Триумф Екатерины не ускользнул от ее внимания, и она дала волю своему раздражению. Однажды вечером в опере императрица сидела вместе с Лестоком в царской ложе напротив ложи, где располагались Екатерина, Иоганна и Петр. Во время антракта императрица заметила, что Екатерина о чем-то оживленно беседует с Петром. Неужели эта молодая женщина, сияющая здоровьем и уверенностью в себе, ныне столь популярная при дворе, была той робкой девочкой, которая приехала в Россию менее года тому назад? Неожиданно в сердце императрицы вспыхнула зависть. Глядя на более молодую женщину, она впервые испытала недовольство. Она немедленно –

словно дело было срочным – отослала Лестока в ложу Екатерины с поручением сообщить ей, что императрица гневается по поводу ее расточительности и непозволительных долгов, в которых она погрязла. Елизавета дала ей тридцать тысяч рублей, куда подевались все эти деньги? Передавая это сообщение, Лесток постарался, чтобы Петр и окружающие услышали его слова. Слезы наполнили глаза Екатерины, а когда она расплакалась, ее подвергли еще большему унижению. Петр, вместо того чтобы утешить ее, сказал, что согласен с теткой и считает, что его невеста заслуживает выговора. А Иоганна позже объявила о том, что поскольку Екатерина больше не советовалась с ней, как полагалось послушной дочери, она умывает руки.

Падение было внезапным и стремительным. Что случилось? Какое преступление совершила пятнадцатилетняя девушка, которая старалась угодить всем, в особенности императрице? Екатерина проверила и выяснила: ее долги составляли всего две тысячи рублей. Эта сумма казалась абсурдной, принимая во внимание экстравагантный образ жизни Елизаветы и ее щедрость, а данный выговор являлся лишь предлогом, чтобы скрыть недовольство совсем другого рода. Екатерина действительно была достаточно вольной в своих тратах. Она отправляла деньги отцу, а также оплачивала учебу брата. Она тратила деньги на себя. Приехав в Россию всего с четырьмя платьями и дюжиной сорочек в сундуке и заняв место при дворе, где женщины переодевались по три раза в день, ей приходилось тратить часть денег на свой гардероб. Но больше всего уходило на бесконечные подарки для ее матери, фрейлин и даже для самого Петра. Она поняла, что самым эффективным способом успокоить вспыльчивый нрав матери и прекратить постоянные перебранки между Иоганной и Петром было преподносить им обоим подарки. Она выяснила, что при дворе подарки помогают обрести друзей. Также Екатерина заметила, что большинство окружавших ее людей не возражали, когда им делали подарки. Поэтому, желая снискать их расположение, она не видела причин отказываться от этого простого и безотказного метода. В течение нескольких месяцев она выучила не только язык, но и обычаи России.

Неожиданный удар, нанесенный императрицей, было сложно понять и принять. Она увидела два лица Елизаветы, женщины, которая меняла их без предупреждения и могла быть и очаровательной, и грозной. Позже, вспоминая тот вечер, Екатерина также вспоминала и об уроке, который ей преподнесли. Зная об эгоизме Елизаветы, все женщины при дворе должны были остерегаться возможных последствий. Екатерина постаралась вновь наладить отношения с императрицей.

И Елизавета, когда приступ зависти прошел, со временем смягчилась и забыла об этом инциденте.

11
Оспа

В ноябре, когда весь двор все еще находился в Москве, Петр слег с корью, и поскольку Екатерина еще не болела данной болезнью, все контакты между ними были запрещены. Екатерине говорили, что во время болезни Петр «был бесконтролен в своих прихотях и страстях». Запертый в своей комнате и покинутый наставниками, он занимался тем, что строил своих слуг, карликов и камергеров и заставлял маршировать перед его постелью. Когда через шесть недель после выздоровления Екатерину снова допустили к нему, «он поделился со мной своими детскими проделками, и я не считала своим долгом сдерживать его. Я позволила ему делать и говорить все, что он захочет». Петру понравилось ее отношение. Он не испытывал к ней ни малейшего романтического влечения, но она была его товарищем, единственным человеком, с которым он мог общаться свободно.

К концу декабря 1744 года, когда Петр оправился от кори, императрица решила, что наступило время покинуть Москву и вернуться в Санкт-Петербург. На город обрушился сильный снегопад, и было очень холодно. Екатерина и Иоганна должны были ехать вместе еще с двумя фрейлинами, Петр сидел в других санях с Брюммером и наставником. Когда женщины уселись, императрица, которая путешествовала отдельно, заглянула к ним и покрепче закутала Екатерину в меха, а затем, опасаясь, что этого может оказаться недостаточно, чтобы спастись от холода, накинула Екатерине на колени свой великолепный, подбитый горностаем плащ.

Четыре дня спустя, между Тверью и Новгородом, маленькая процессия остановилась на ночлег в деревне Хотилово. В тот вечер у Петра начался озноб, затем он потерял сознание, и его уложили в постель. На следующий день, когда Екатерина и Иоганна пришли проведать его, Брюммер преградил им дорогу у двери. Он сказал, что ночью у великого князя был сильный жар, а на лице выступила сыпь – это были симптомы оспы. Напуганная болезнью, которая унесла жизнь ее брата, Иоганна быстро увела Екатерину подальше от двери, приказала немедленно подготовить сани и тут же отбыла в Санкт-Петербург, оставив Петра заботам Брюммера и двух фрейлин. Впереди поскакал курьер, чтобы сообщить о случившемся императрице, которая уже находилась в столице. Узнав обо всем, Елизавета велела заложить сани и немедленно помчалась назад в Хотилово. Сани Елизаветы

и Екатерины, ехавшие в противоположных направлениях, встретились вечером посреди дороги. Они остановились, и Иоганна рассказала Елизавете обо всем, что ей было известно. Императрица выслушала ее, кивнула и велела ехать дальше. Когда лошади рванули с места, Елизавета уставилась в темноту перед собой. Это был не просто ночной мрак, но и тьма, которая могла поглотить будущее ее династии в случае, если Петр умрет.

Однако поведением императрицы руководила не только личная заинтересованность. Прибыв в Хотилово, она села у постели больного и заявила, что сама будет ухаживать за племянником. Елизавета оставалась у постели Петра в течение шести недель, иногда она ложилась в постель, даже не снимая платья. Императрица, которая прежде заботилась исключительно о сохранении своей красоты, теперь взяла на себя обязанности сиделки. Не обращая внимания на риск самой заразиться оспой и быть изуродованной этой болезнью, она склонялась над постелью, в которой лежал племянник. Это был тот самый невостребованный материнский инстинкт, который побуждал ее дежурить у постели Екатерины, когда маленькая немецкая принцесса заболела пневмонией. Пока Петр спал, она отправила курьера передать письмо единственному человеку, который, по мнению императрицы, разделял ее любовь и ее опасения.

В Санкт-Петербурге Екатерина с нетерпением ждала вестей. Сможет ли великий князь, только что перенесший корь, оправиться от оспы? Тревога Екатерины была искренней: хотя она находила Петра несколько инфантильным, а поведение великого князя часто раздражало ее, она испытывала симпатию к своему жениху. Но было в ее тревоге и нечто еще – она переживала за свое собственное будущее. Если Петр умрет, ее жизнь изменится. Ее положение при дворе, почести, которые ей оказывались, были обусловлены лишь тем, что все видели в ней жену будущего царя. Уже в Санкт-Петербурге некоторые придворные, предвидя скорую смерть великого князя, отвернулись от нее. Не имея возможности что-либо предпринять, она написала полное почтения и нежности письмо Елизавете, справляясь о здоровье Петра. Черновик письма составил для нее по-русски ее учитель, после чего она переписала его своей рукой. Елизавета, которая, возможно, не знала об этом, была тронута.

Между тем Иоганна продолжала создавать новые проблемы. Императрица выделила Екатерине в Зимнем дворце покои из четырех комнат, эти комнаты были отделаны аналогично покоям ее матери. Комнаты Иоганны были такого же размера и точно так же обставлены, мебель обита той же голубой и красной материей;

единственное различие заключалось в том, что покои Екатерины находились справа от лестницы, а Иоганны – слева. Тем не менее, узнав об этом, Иоганна начала жаловаться. Она сказала, что покои ее дочери обставлены богаче, чем ее собственные. И почему Екатерина должна жить отдельно от нее? Ее об этом не спрашивали, но она такого не одобрила бы. Когда Екатерина сказала матери, что существовало распоряжение выделить ей отдельные покои и императрица специально отвела ей эти комнаты, не желая, чтобы Екатерина жила вместе с матерью, негодование Иоганны лишь усилилось. Она восприняла это решение как своего рода критику ее поведения при дворе, а также того влияния, которое она оказывала на дочь. Не в силах выплеснуть свой гнев на Елизавету, Иоганна обрушила его на Екатерину. Она постоянно бранилась, и «я с каждым днем видела, как она все больше сердится на меня, что она почти со всеми в ссоре и перестала появляться к столу за обедом и ужином, а велела подавать себе в комнаты», – вспоминала Екатерина, хотя подобное разделение «нравилось мне тоже, поскольку я была очень стеснена у матери в комнатах, а касательно интимного кружка, который она себе образовала, так он мне нравился тем менее, что было ясно как божий день, что эта компания никому не была по душе».

Возможность жить отдельно от матери и избегать общества ее друзей означало, что в жизни Иоганны существовали сферы, о которых ее дочери было мало известно. Природа и продолжительность отношений Иоганны с графом Бецким оказались одним из таких моментов. Екатерина знала, что ее мать без ума от Бецкого и постоянно виделась с ним, а также, что многие при дворе, включая императрицу, считали, будто их отношения стали слишком уж близкими. Ходили даже слухи, что Иоганна забеременела от Бецкого. Екатерина ничего не говорила об этом в своих «Мемуарах». Но она рассказала одну историю.

Однажды утром немецкий камергер Иоганны вбежал в комнату Екатерины и сказал, что ее мать упала в обморок. Екатерина поспешила в комнату Иоганны и обнаружила ее бледной, но в сознании, лежащей на матрасе на полу. Екатерина спросила, что случилось. Иоганна объяснила: она попросила пустить ей кровь, но хирург оказался нерасторопным, он «промахнулся четыре раза и на обеих руках, и на обеих ногах, и что она упала в обморок». Екатерина знала, Иоганна боялась кровопускания и активно препятствовала этому лечению, когда дочь болела пневмонией, поэтому не понимала, почему ее мать сейчас хотела пустить себе кровь и чем она больна. У Иоганны началась истерика, она отказалась отвечать на дальнейшие

вопросы и сорвалась в крик. Она обвинила свою дочь в том, что ту совсем не заботило ее состояние, и «велела мне уйти».

На этом Екатерина закончила свой рассказ, таким образом, намекнув на случившееся. Иоганна придумала неуклюжее объяснение, будто у нее неожиданно началась непонятная болезнь. Но маловероятно, чтобы эта женщина так внезапно попросила пустить себе кровь. Существует лишь обвинение хирурга в непростительной ошибке, вызвавшей сильное кровотечение. Пациентку положили на матрас, а не на кровать, но это можно объяснить тем, что Иоганна неожиданно потеряла сознание и упала. Имели место гнев и истерика Иоганны, которая начала бранить дочь. И наконец, в последующие дни наблюдалось отсутствие симптомов болезни, ради облегчения и ликвидации которых и производилось кровопускание. Возможно, случившееся можно было бы объяснить неожиданным выкидышем у Иоганны.

Вскоре после этого происшествия Иоганну постиг еще один удар. Из Цербста пришло известие о том, что Елизавета – ее дочь двух с половиной лет от роду, младшая сестра Екатерины, неожиданно умерла. Иоганна отсутствовала более года. В своих письмах ее муж настоятельно просил супругу вернуться. Она же всегда отвечала, что ее главной обязанностью было присматривать и заботиться о том, чтобы состоялся многообещающий брак ее старшей дочери.

Наконец, Екатерина получила из Хотилово письмо от императрицы:

> «Ваше Высочество, моя дражайшая племянница, я бесконечно благодарна Вашему Высочеству за столь душевное письмо. Я не стала отвечать сразу, поскольку не могла утешить по поводу состояния здоровья Его Высочества, Великого князя. Но теперь я могу с полной уверенностью сказать, что к нашей радости и с Божьей помощью мы можем надеяться на его выздоровление. Он вернулся к нам».

Прочитав это письмо, Екатерина почувствовала, как к ней вернулось хорошее расположение духа, и вечером она пошла на бал. Когда Екатерина только появилась, все столпились вокруг нее; новость о том, что опасность миновала и великий князь пошел на поправку, быстро распространилась при дворе, и Екатерина поняла, что прежние времена вернулись. Как и в Москве, каждый вечер давали бал или маскарад и каждый вечер приносил новый триумф.

Посреди этого водоворота событий в Санкт-Петербург прибыл

шведский дипломат граф Адольф Гилленборг. Он приехал с официальным дипломатическим визитом объявить о бракосочетании шведского кронпринца Адольфа Фридриха Гольштейнского (брата Иоганны и дяди Екатерины) и принцессы Луизы Ульрики, сестры прусского короля Фридриха II. Это была вторая встреча Екатерины с Гилленборгом: они виделись за пять лет до этого в доме ее бабушки в Гамбурге, когда ей было всего десять лет. Именно тогда она произвела на него впечатление своим не по годам развитым умом, и он советовал ее матери уделять девочке больше внимания.

Вот как Екатерина описывала их вторую встречу:

> «Это был человек очень умный, уже немолодой [в ту пору Гилленборгу было тридцать два года] <…> Прибыв в Петербург, он пришел к нам и сказал, как и в Гамбурге, что у меня философский склад ума. Он спросил, как обстоит дело с моей философией при том вихре, в котором я нахожусь; я рассказала ему, чем занимаюсь у себя в комнате. Он мне сказал, что пятнадцатилетний философ не может еще себя знать достаточно, и, кроме того, я окружена столькими подводными камнями, что есть все основания бояться, как бы я о них не разбилась, если только душа моя не исключительного закала; и что надо ее питать самым лучшим чтением, для чего рекомендовал мне „Жизнь знаменитых мужей“ Плутарха, „Жизнь Цицерона“ и „Причины величия и упадка Римской республики“ Монтескье.
>
> Я пообещала прочитать эти книги и в действительности искала их. Я нашла «Жизнь Цицерона» на немецком и осилила несколько страниц, после чего перешла к Монтескье. Когда я начала его читать, он заставил меня задуматься, но я так и не смогла одолеть его целиком, поскольку он вгонял меня в сон, и, в конце концов, отложила его <…>
>
> Мне не удалось найти Плутарха. Его я прочитала лишь два года спустя.

Желая доказать Гилленборгу, что она вовсе не поверхностная особа, Екатерина написала о себе эссе, «дабы он мог видеть, знаю ли я себя или нет». На следующий день она передала Гилленборгу эссе, которое назвала «Портрет философа в пятнадцать лет». Он был впечатлен и вернул его вместе с дюжиной страниц комментариев, большей частью хвалебных. «Я читала и перечитывала несколько раз его сочинение, я им

прониклась и намеревалась серьезно следовать его советам. Был и еще один случай, удививший меня. Однажды во время беседы со мной он позволил себе следующее высказывание: «Как жаль, что вы выходите замуж!» Я хотела узнать, что он имел в виду, но он мне так и не ответил».

В начале февраля Петр достаточно окреп, чтобы отправиться в путь, и императрица привезла его в Петербург. Екатерина вышла встречать его в тронный зал Зимнего дворца. Было начало пятого вечера, сгущались сумерки, и они встретились, как сказала Екатерина, «почти впотьмах». Разлука и тревога смягчили в сознании Екатерины образ ее будущего мужа. Петр был далеко не красавцем, но в его облике присутствовали некоторая безобидность и мягкость. Временами он угрюмо ухмылялся, но иногда – улыбался легкой улыбкой, которая могла показаться глупой или робкой. Однако в целом его внешность нельзя было назвать совсем уж отталкивающей. И Екатерина хотела увидеть его.

Однако стоявшая перед ней в полумраке фигура сильно отличалась от привычного образа, и она «чуть не испугалась при виде великого князя, который <…> лицом был неузнаваем». Его лицо оказалось изуродовано, раздуто, на нем все еще оставались пятна оспин. Было совершенно очевидно, что шрамы останутся до конца дней. Голова была обрита, а огромный парик уродовал его еще сильнее. Несмотря на слабое освещение, Екатерина не смогла скрыть своего ужаса и позже описывала облик своего мужа, как «ужасающий». Пока она стояла перед ним, «он подошел ко мне и спросил, с трудом ли я его узнала». Призвав все свое мужество, запинаясь, Екатерина поздравила его с выздоровлением, потом убежала к себе в комнату и потеряла сознание.

Екатерина не была впечатлительной романтической особой. Однако императрица переживала по поводу ее реакции на внешний вид племянника. Опасаясь, что девушка пойдет на поводу у минутного порыва, откажется от уродливого жениха и попросит у родителей отменить свадьбу, Елизавета стала относиться к ней с удвоенной нежностью. 10 февраля, в день семнадцатилетия Петра, императрица пригласила Екатерину пообедать с ней наедине. Во время трапезы она сделала ей комплимент по поводу писем Екатерины на русском, говорила с ней на русском, хвалила ее произношение и сказала, что она стала красивой молодой женщиной.

Екатерина с благодарностью приняла похвалу императрицы, но не придала ей особого значения. Екатерина не собиралась

разрывать помолвку. Невзирая на внешность жениха, она ни на минуту не задумывалась о возвращении в Германию. Она дала себя обещание, которому не собиралась изменять, у нее была цель, от которой она не хотела отказываться. Ее честолюбие оказалось сильнее всех прочих устремлений. Она собиралась замуж не за юношу с красивым или уродливым лицом, а за наследника империи.

Петр в эмоциональном и психологическом плане гораздо сильнее, чем Екатерина, переживал последствия оспы. И хотя ущерб был нанесен болезнью, он обвинял Екатерину, и прежде всего в ее поведении. Первая реакция оказалась вполне естественной – большинство молодых женщин испугались бы, увидев столь обезображенное лицо, и мало у кого хватило бы самообладания скрыть свои чувства. Однако, чтобы выдержать этот удар и успешно продолжить отношения, от Екатерины в момент встречи требовалось нечто большее, чего она не могла в тот момент дать: теплоты, нежности, понимания, сочувствия, которые казались такими естественными для императрицы Елизаветы.

Петр был подавлен, осознавая, что вызывает отвращение у своей невесты. В момент встречи в тускло освещенном зале Петр смог по глазам и тону голоса прочитать ее мысли. Впоследствии он считал себя «уродливым» и нелюбимым. Новое чувство собственной неполноценности подкрепило комплексы, которые мучили его всю жизнь. За все свое одинокое, унылое детство у Петра не было близкого друга. Теперь, когда кузина, на которой он должен был жениться, стала его товарищем, шокирующее уродство добавилось в список его недостатков. Когда он спросил: «Узнаешь ли ты меня?», Петр показал свое нетерпение, свое желание понять поскорее, какой эффект произвела на нее перемена в его внешности. Это оказался именно тот момент, когда Екатерина, сама того не осознавая, подвела его. Если бы она с сочувствием улыбнулась ему и с нежностью заговорила, возможно, это сохранило бы их дружбу в будущем. Но не было ни улыбки, ни слов. Испуганный молодой человек увидел, как подруга, которой он доверял, задрожала, и понял, что он выглядел, по ее же собственному выражению, «ужасно».

Екатерина же ничего этого не поняла. Сначала она была сбита с толку, затем пришла в ужас, узнав, что ее невольная реакция вызвала его отчужденность. Поскольку ее поведение оказалось слишком явным, из чувства гордости она решила вести себя в дальнейшем холодно и сдержанно. В свою очередь, сдержанное поведение лишь укрепило веру Петра в том, что она

испытывала к нему отвращение. В скором времени его ужас и одиночество превратились в извращенность и злобу. Он решил, что она проявляла к нему дружеские чувства лишь для соблюдения формальностей. Он ненавидел ее успех. Он ставил в вину молодой женщине ее цветущий вид. Чем более красивой, непринужденной и веселой она становилась, тем больше он ощущал свою отчужденность и уродство. Екатерина танцевала и очаровывала всех, в то время как Петр язвительно насмехался и держался в стороне.

Однако Екатерина старалась скрыть охлаждение в их отношениях. Петр, который был лишен и внутренних ресурсов, и всепоглощающих амбиций Екатерины, не считал своим долгом устраивать подобные представления. Оспа нанесла сокрушительный удар его психическому и физическому здоровью, внешнее уродство нарушило его душевное равновесие. После пережитого потрясения молодой человек вновь вернулся в мир своего детства. Весной и летом 1745 года Петр придумывал всяческие отговорки, чтобы оставаться в своей комнате, где он находился под защитой верных слуг. Ему доставляло удовольствие наряжать их в форму и муштровать. Даже в детстве униформа, военная муштра и команды заставляли его забывать о своем одиночестве. И теперь, еще больше осознавая свою отчужденность, он искал облегчение в этом старом лекарстве. Его кабинетные парады с эскадроном ряженых слуг стали для Петра своеобразным протестом против тюрьмы, в которой, по его мнению, он находился, и той нежеланной судьбы, которая его ждала.

12
Свадьба

Терпение Елизаветы было на исходе, ее стремительный отъезд в Хотилово, связанный с ужасными событиями, а также длительное дежурство у постели Петра по-прежнему оставались источником неприятных воспоминаний. Племянник едва не умер, но все-таки выжил. Ему было семнадцать, а его шестнадцатилетняя невеста провела в России уже больше года, но они до сих пор не поженились, и ни о каком наследнике не могло быть и речи. Тем не менее врачи снова сказали ей, что великий князь еще слишком юн, незрел и не до конца оправился после болезни. Но на этот раз императрица отвергла их доводы. Она понимала, что продолжение рода зависело от здоровья Петра и его способности родить наследника. Однако, если она будет ждать еще год, другая смертельная болезнь может унести жизнь великого князя, а если она поспешит с бракосочетанием, этот год, возможно, подарит России маленького наследника династии Романовых, более крепкого и здорового, чем Петр, такого же сильного и жизнеспособного, как Екатерина. Ради этого брак нужно было заключить как можно скорее. Врачи согласились с ее решением, и императрица стала обдумывать дату. В марте 1745 года императорским указом свадьбу назначили на 1 июля.

Новый императорский дом в России никогда не отмечал публичных свадеб, и Елизавета решила, что торжество должно быть необычайно великолепным, чтобы ее народ и весь мир убедились в силе и незыблемости русской монархии. Об этом должна была говорить вся Европа. Бракосочетание решено было устроить по образцу церемоний при французском дворе; русскому послу в Париже было велено передать все детали недавней королевской свадьбы в Версале. Большой доклад и подробные описания доставили ко двору, чтобы ознакомиться с ними и по возможности их превзойти. Привозились толстые папки набросков и чертежей, а также образцы бархата, шелка и золотой тесьмы. Огромные деньги тратились на то, чтобы пригласить в Россию французских артистов, музыкантов, художников, портных, поваров и плотников. Когда весь этот поток людей и информации хлынул в Россию, Елизавета читала, смотрела, слушала, изучала и подсчитывала. Она следила за каждой деталью: всю весну и начало лета императрица была так занята приготовлениями к свадьбе, что у нее не оставалось времени на что-либо еще. Она забросила государственные дела,

игнорировала своих министров, и привычная государственная деятельность оказалась практически приостановлена.

Как только Балтийское море и Нева освободились ото льда, в Санкт-Петербург стали прибывать корабли, груженные шелком, бархатом, парчой, привезли тяжелую серебряную ткань, из которой должны были сшить свадебное платье Екатерины. Самые знатные придворные отдавали годовое жалованье, чтобы надеть столь пышные наряды. Согласно указу, дворяне должны были иметь карету, запряженную шестеркой лошадей.

Пока двор будоражило от волнения, невеста и жених жили в поразительном одиночестве. Им не давали никаких практических инструкций по поводу предстоящего брака. Для Петра уроки о взаимоотношениях между мужем и женой довольно бессистемно преподавал один из его слуг, бывший шведский драгун по фамилии Ромбург, чья жена осталась в Швеции. Муж, говорил Ромбург, должен быть хозяином в доме. Жена не имеет права говорить в его присутствии без разрешения, и лишь осел позволяет своей жене иметь собственное мнение. В случае разлада несколько крепких ударов по голове тут же исправляют положение. Петр с удовольствием внимал этим наставлениям и «со сдержанностью пушечного ядра» – как выражалась Екатерина – с удовольствием пересказывал ей все, что услышал.

Что касается секса, то до Петра донесли всю основную информацию, но он понял ее лишь отчасти. Слуга рассказал ему все подробно и в грубых выражениях, но вместо того чтобы просветить, эти слова смутили и напугали юношу. Никто не потрудился объяснить ему, что люди часто находят удовольствие в сексуальной близости. Смущенный, сбитый с толку и полностью лишенный желания, Петр должен был отправиться в постель к своей жене, руководствуясь лишь чувством долга и элементарным и довольно условным представлением о том, как этот долг исполнить.

Весной и летом Екатерина часто видела своего будущего мужа, поскольку их покои находились рядом. Но Петр никогда не оставался с ней надолго, и со временем стало ясно, что он избегал ее общества и предпочитал проводить время со слугами. В мае он отправился вместе с императрицей в Летний дворец, оставив Екатерину с матерью. Позже Екатерина писала:

> «Кончились частые посещения великого князя. Он велел одному слуге прямо сказать мне, что живет слишком далеко от меня, чтобы часто приходить ко мне; я почувствовала, как он мало занят мною и как мало я

любима; мое самолюбие и тщеславие страдали от этого втайне, но я была слишком горда, чтобы жаловаться; я считала бы себя униженной, если бы мне выразили участие, которое я могла бы принять за жалость. Однако, когда я была одна, я заливалась слезами, отирала их потихоньку и шла потом резвиться с моими дамами».

Летом двор перебрался в дворцовый комплекс Петергоф, находившийся у Финского залива в девятнадцати милях от столицы. Екатерина так описывала жизнь там:

> «Мы часто прогуливались пешком, верхом и в карете. Мне стало ясно как день, что все приближенные великого князя, а именно его воспитатели, утратили над ним всякое влияние и авторитет; свои военные игры, которые он раньше скрывал, теперь он производил чуть ли не в их присутствии. Граф Брюммер и старший воспитатель видели его только на публике, находясь в его свите. Остальное время он проводил в обществе своих слуг, буквально в ребячествах, неслыханных в его возрасте, так как он играл в куклы. Великого князя невероятно забавляло, когда он заставлял меня выполнять строевые упражнения, и благодаря ему я научилась стрелять из ружья с точностью опытного гренадера. Он заставлял меня стоять на часах с мушкетом в руке у дверей в наши покои».

Во многом и сама Екатерина напоминала ребенка. Она любила «резвиться» с молодыми фрейлинами ее маленького двора, вместе они все еще играли в такие игры, как жмурки. Однако в глубине души она очень серьезно готовилась к браку.

> «По мере того как этот день приближался, моя грусть становилась все более и более глубокой, сердце не предвещало мне большого счастья, одно честолюбие меня поддерживало; в глубине души у меня было что-то, не позволявшее мне сомневаться ни минуты в том, что рано или поздно мне самой удастся стать самодержавной русской императрицей».

Постоянное нервное возбуждение Екатерины проистекало вовсе не из-за страха перед интимными моментами, ожидавшими ее в первую брачную ночь. Она ничего не знала о подобных вещах. На самом деле накануне брака она была так невинна, что даже не ведала о различиях двух полов. И не имела никакого

представления о том, что за мистический акт должен быть исполнен, когда женщина ложится с мужчиной. Кто и что должен делать? Как? Она расспрашивала своих фрейлин, но те были столь же невинны, как и она. Однажды июньским вечером они устроили импровизированный девичник в ее спальне, положив на пол матрасы, включая и матрас Екатерины. Прежде чем лечь спать, восемь взволнованных и переполненных чувствами молодых женщин обсуждали, как выглядят мужчины и как устроены их тела. Ни у кого не было особой информации, их разговоры были невежественными и не принесли никакой пользы, поэтому Екатерина сказала, что утром она поговорит с матерью. Она так и поступила, но Иоганна, которую саму выдали замуж в пятнадцать лет, отказалась отвечать. Более того, она «сильно бранила» свою дочь за ее непристойное любопытство.

Императрица Елизавета знала, что отношения между Екатериной и Петром были далеко не идеальными, но считала это затруднение временным. Великий князь, возможно, еще недостаточно возмужал для своего возраста, однако брак мог сделать из него настоящего мужчину. В этом отношении она полагалась на Екатерину. Как только молодая женщина окажется в его постели и пустит в ход свои чары, приумноженные ее свежестью и юностью, она заставит его забыть об играх со слугами. В любом случае чувства жениха и невесты имели второстепенное значение, по сути, у этих молодых людей не было выбора: они должны были вступить в брак, независимо от того, хотелось им того или нет. Они, разумеется, знали об этом и по-разному относились к подобной перспективе. У Петра состояние глубокой подавленности сменялось мелочным бунтом. Временами он готов был вымещать свой гнев на первом, кто подворачивался под руку. Реакция Екатерины была иной. Она приехала в Россию, выучила русский язык, ослушалась отца и приняла православие, прилагала много усилий, чтобы понравиться императрице, и она должна была выйти за Петра, несмотря на все его недостатки. Пойдя на все эти жертвы и уступки, она не готова была все бросить, вернуться домой и зажить тихой жизнью с дядей Георгом.

Между тем размах свадьбы, а также сложности, связанные с ее подготовкой, заставили даже нетерпеливую Елизавету дважды переносить дату. Наконец, церемония была назначена на 21 августа. Вечером 20 августа по городу разнесся грохот артиллерии и колокольный перезвон. Екатерина сидела рядом с матерью, на время они забыли о своих разногласиях и враждебности друг к другу. «У нас состоялась долгая теплая

беседа, она наставляла меня по поводу моих будущих обязанностей, мы немного поплакали вместе и расстались очень нежно».

В тот момент мать и дочь пережили общее унизительное разочарование. Иоганну, навлекшую на себя гнев и отвращение императрицы, едва выносили при дворе. Она знала об этом и не питала никаких иллюзий насчет привилегий, которые мог ей предоставить брак дочери. Иоганна до последнего надеялась, что ее мужа, отца невесты, пригласят на бракосочетание. За этим желанием не скрывалось никакой страсти и любви к Христиану Августу, в ней говорила лишь ее уязвленная гордость. Она хорошо понимала, что нежелание Елизаветы приглашать Христиана Августа было подобно пощечине для нее и для ее мужа. Иоганна да и весь мир теперь видели, в каком положении она находилась.

Это было непросто объяснить ее мужу. Месяцами Христиан Август писал из Цербста, умолял Иоганну получить у императрицы приглашение, которого он, совершенно очевидно, был достоин. Иоганна долго надеялась, что это приглашение все же будет выслано, говорила мужу, чтобы он готовился, что приглашение будет отправлено со дня на день. Но этого так и не случилось. В конце концов, Христиану Августу объяснили, что императрица не осмелилась пригласить его из-за сложившегося в России общественного мнения и отрицательного отношения к «немецким принцам». Несмотря на это, принц Гессенский, герцог Гольштейнский и другие немецкие дворяне в то же самое время находились при русском дворе. Более того, среди приглашенных были также два брата Иоганны, оба – немецкие принцы, Адольф Фридрих, наследник шведского престола, и Август, унаследовавший от него титул принца-епископа Любека. Эти двое, приходившиеся Екатерине дядями, должны были присутствовать на свадьбе, но ее отца не пригласили. Это являлось вопиющим оскорблением, однако Иоганна ничего не могла поделать.

Екатерина тоже надеялась, что ее отца пригласят. Она не видела его полтора года. Екатерина знала, что отец переживал за нее, и до сих пор верила, что он был способен дать ей привычные для него простые и прямолинейные советы. Но желания и надежды Екатерины никого не интересовали. Ее положение в какой-то степени было столь же очевидным, как и положение ее матери: за ее титулом и бриллиантами скрывалась всего лишь маленькая немецкая девочка, которую привезли в Россию с единственной целью – подарить наследнику престола сына.

21 августа 1745 года Екатерина встала в шесть утра. Она принимала ванну, когда неожиданно появилась императрица, пришедшая убедиться в девственности особы, на которую она возлагала свои династические надежды. Затем, пока Екатерину одевали, императрица и парикмахер обсуждали, какая прическа лучше всего подойдет к короне, которую должна была надеть невеста. Елизавета наблюдала за приготовлениями, а Иоганна, которой позволили присутствовать, так описывала эту сцену своим немецким родственникам:

> «Ее шитое серебром свадебное платье ослепительно сверкало и было украшено блестящей вышивкой в виде серебряных роз. Наряд состоял из широкой юбки, которая в талии была всего восемнадцать дюймов в обхвате, и плотно облегающего лифа. [На ней] были великолепные украшения: браслеты, длинные серьги, броши, кольца <…> Драгоценные камни, которыми она была усыпана, придавали ей особое очарование <…> ее кожа никогда еще не казалась такой прекрасной <…> Ее волосы были черными и блестящими, а легкие завитки добавляли ей юношеского очарования».

Поскольку Екатерина была бледна, ее щеки слегка подрумянили. Затем к ее плечам был прикреплен плащ из серебряных кружев. Он оказался таким тяжелым, что Екатерина едва могла двинуться с места. Наконец, императрица водрузила на ее голову бриллиантовую корону великой княгини.

В полдень явился Петр, чтобы его нарядили в одежды из той же серебряной ткани, из которой были сшиты платье и шлейф Екатерины. Его наряд также украшали драгоценности: пуговицы, эфес шпаги и пряжки на туфлях были инкрустированы бриллиантами. Затем вместе, в сиянии серебра и бриллиантов, держась за руки, как и велела им императрица, молодая пара отправилась к алтарю.

Звуки труб и грохот барабанов возвестили о начале брачной процессии. Двадцать четыре элегантные кареты ехали по Невскому проспекту от Зимнего дворца к Казанскому собору. Жених и невеста сидели вместе с Елизаветой в императорской карете – «настоящем маленькой замке», в которую были впряжены восемь лошадей; их упряжь украшали серебряные пряжки, огромные колеса кареты блестели золотом, а сама карета была расписана сценами из мифов. «Процессия эта превосходила все, что мне доводилось видеть», – писал в своих отчетах английский посол. В соборе Екатерина оказалась в окружении

инкрустированных драгоценными камнями икон, горящих свечей, курящегося фимиама и целого моря лиц. Служба, которую вел епископ Новгородский, длилась три часа.

Для Екатерины свадебная церемония, проходившая под распевы литургии и прекрасные гимны, исполняемые хором, стала настоящим испытанием. Ее роскошное платье было «ужасно тяжелым», корона давила ей на лоб и вызвала сильную головную боль, но она была вынуждена носить ее и на последовавшем за венчанием банкете и балу. Когда церемония была завершена, она попросила разрешения снять корону, но Елизавета не позволила ей этого. Екатерина стойко терпела боль во время банкета в главной галерее Зимнего дворца, но перед балом, когда головная боль стала невыносимой, она попросила позволения приподнять ее хотя бы на несколько минут. Императрица с недовольством уступила ей.

На балу лишь самые пожилые, заслуженные и титулованные дворяне были удостоены чести танцевать с шестнадцатилетней невестой. К счастью для нее, бал закончился через полтора часа, Елизавета хотела, чтобы новобрачные поскорее удалились в опочивальню. В сопровождении придворных, а также фрейлин и камергеров Елизавета повела семнадцатилетнего мужа и его жену в покои для новобрачных.

Покои эти состояли из четырех больших, элегантно обставленных комнат. Три были обиты серебряной парчой, а стены в спальне – отделаны алым бархатом, украшенным серебром. Огромная кровать с балдахином из красного, шитого золотом бархата, увенчанного серебряной короной, возвышалась в центре комнаты. Здесь невеста и жених расстались, и жених удалился в сопровождении мужчин. Женщины остались, чтобы помочь невесте раздеться. Императрица сняла с Екатерины корону, принцесса Гессенская помогла ей снять тяжелое платье, фрейлина подала ей новую розовую ночную рубашку из Парижа. Невесту уложили в кровать, а затем, когда фрейлины уже выходили из комнаты, она окликнула их. «Я попросила принцессу Гессенскую остаться со мной ненадолго, но та отказалась», – вспоминала Екатерина. Комната опустела. Она ждала в одиночестве в своей розовой сорочке на огромной кровати.

Екатерина не сводила взгляда с двери, через которую должен был войти ее новоиспеченный муж. Минуты пролетали, а дверь все не открывалась. Она продолжала ждать. Прошло два часа. «Я оставалась одна, не зная, что делать. Встать? Остаться в постели? Я не имела ни малейшего представления». И Екатерина ничего не делала. Около полуночи вошла ее главная фрейлина, мадам Крузе, и «веселым» голосом заявила, что великий князь только

что заказал для себя ужин и ждет, когда его подадут. Екатерина продолжала ждать. Наконец, явился Петр, от которого несло табаком и алкоголем. Он улегся на кровать рядом с ней, нервно рассмеялся и сказал: «Как это, должно быть, смешно – смотреть на нас в одной постели». Затем он уснул и проспал всю ночь. Екатерина не спала и все думала, что ей делать.

На следующий день мадам Крузе расспросила Екатерину о первой брачной ночи. Екатерина не ответила. Она знала – что-то в случившемся было неправильным, но не могла понять, что именно. Следующей ночью она по-прежнему лежала нетронутой рядом со спящим мужем и по-прежнему не отвечала на вопросы мадам Крузе на следующее утро. «И так продолжалось, – писала она в своих «Мемуарах», – без малейших изменений следующие девять лет».

Этот брачный союз, пускай и не закончившийся консуммацией, отмечали при дворе в течение десяти дней балами, маскарадами, оперными спектаклями, зваными обедами и ужинами. Устраивались фейерверки, банкетные столы устанавливали на площади перед Адмиралтейством, а из фонтанов било вино. Екатерина, которая всегда любила танцевать, с отвращением вспоминала о времени, проведенном на этих вечерах, потому что там не было ее сверстников. «Мне совершенно не с кем было танцевать, – вспоминала она. – Все мужчины были в возрасте от шестидесяти до восьмидесяти лет, большинство из них хромые, дряхлые, страдающие подагрой».

Между тем общество женщин, окружавших Екатерину, также изменилось не в лучшую сторону. В брачную ночь Екатерина узнала, что императрица назначила главной фрейлиной мадам Крузе. «На следующий день, – вспоминала Екатерина, – я заметила, что эта женщина приводила в ужас всех остальных моих женщин, потому что, когда я хотела приблизиться к одной из них, чтобы, по обыкновению, поговорить с ней, она мне сказала: «Бога ради, не подходите ко мне, нам запрещено говорить с вами вполголоса».

На поведение Петра брак также не оказал благотворного влияния. «Мой милый супруг вовсе не занимался мною, – говорила Екатерина, – но постоянно играл со своими слугами в солдаты, делая им в своей комнате ученья и меняя по двадцати раз на дню свой мундир. Я зевала, скучала, потому что не с кем было говорить». Затем через две недели после свадьбы Петр, наконец, кое-что сказал Екатерине. Широко улыбаясь, он сообщил, что влюблен в Екатерину Карр, одну из фрейлин императрицы. Не удовлетворившись тем, что он сообщил эту

новость своей молодой жене, он поведал о своей новой страсти одному из камергеров, графу Дивьеру, заявив, что великая княгиня не идет ни в какое сравнение с мадемуазель Карр. Когда Дивьер не согласился, Петр сильно разозлился.

Была ли страсть Петра к мадемуазель Карр искренней или он сочинил эту историю лишь для того, чтобы объяснить Екатерине (и самому себе) отсутствие сексуального интереса к супруге, он прекрасно осознавал, что подверг свою супругу оскорблению и унижениям. Годы спустя в своих «Мемуарах» Екатерина описала ситуацию, в которой оказалась, и каким образом она пыталась с ней справиться:

> «Я была бы готова полюбить своего мужа, если бы он испытывал хоть немного нежности ко мне или пытался выказать оную. Но с первого дня нашего брака я сделала для себя неутешительный вывод. Я сказала себе: «Если ты позволишь себе влюбиться в этого мужчину, то будешь самым несчастным созданием на свете. С твоим горячим нравом ты будешь ожидать хоть малейшего внимания от человека, который едва удостаивает тебя взглядом, говорит только об игрушках и уделяет любой другой женщине больше внимания, чем тебе. Ты слишком горда, чтобы жаловаться, поэтому соберись и держи в узде всякое влечение к этому господину; лучше позаботься о себе». Это была первая рана, нанесенная моему восприимчивому сердцу, и шрам остался на всю жизнь. Я никогда не забывала о своем решении, но постаралась никому не говорить о том, что дала себе слово не влюбляться без памяти в человека, который не ответит мне взаимностью. Таков уж мой нрав: мое сердце будет безраздельно принадлежать только тому мужу, что будет любить лишь меня одну».

Это слова более зрелой и мудрой Екатерины, которая оглядывалась назад на трудности, пережитые в юности. Но действительно ли эти строки отражали ее мысли того времени? По крайней мере она продемонстрировала больше честности и реалистичности во взглядах, чем ее мать, которая никогда не покидала мир своих фантазий и не прекращала описывать жизнь такой, какой ей хотелось бы ее видеть. В своем письме мужу она говорила, что свадьба ее дочери «была, наверное, самым веселым бракосочетанием в Европе».

13
Иоганна возвращается домой

Завершение свадебных торжеств означало также окончание злоключений Иоганны в России. Прибыв в эту страну, она надеялась использовать свои связи и личное обаяние, чтобы стать видной фигурой в европейской дипломатии. Вместо этого ее политические интриги разгневали императрицу, неподобающее обращение с дочерью настроили против нее двор, а ее вероятный роман с графом Иваном Бецким обеспечивал ее врагов пикантными сплетнями. Ее репутация оказалась разрушена, но, похоже, Иоганна не училась на своих ошибках. Даже теперь, перед самым отъездом, она продолжала писать Фридриху II. Однако ее письма уже больше не перехватывали, не читали, не копировали, а потом не запечатывали и не отправляли адресату. Вместо этого по приказу императрицы их открывали, читали и складывали в папку.

Вскоре после прибытия в Россию Екатерина поняла, что ее мать совершает серьезные ошибки. Поскольку ей не хотелось провоцировать горячий нрав Иоганны, она никогда не высказывала ни единого упрека в ее адрес. Но события, пережитые ею в брачную ночь, и «признание» Петра о его влюбленности в мадемуазель Карр заставили Екатерину смягчиться по отношению к матери. Теперь она искала ее общества. «После замужества лишь рядом с ней я находила утешение, – писала позже Екатерина. – При первой же возможности я заходила в ее покои, поскольку у себя мне было почти что невыносимо».

Через две недели после свадьбы императрица отправила Екатерину, Петра и Иоганну в загородное поместье – Царское Село, находившееся неподалеку от Санкт-Петербурга. В сентябре погода была прекрасной: яркое голубое небо и березы, покрытые золотой листвой, но Екатерина была несчастна. В связи с приближающимся отъездом матери ее собственные амбиции, казалось, отошли на второй план. Ей нравилось предаваться воспоминаниям вместе с Иоганной, и впервые с момента приезда в Россию она чувствовала тоску по Германии. «В то время, – писала Екатерина позднее, – я многое бы отдала за возможность уехать вместе с ней».

Перед отъездом Иоганна попросила у императрицы аудиенции, которая была ей предоставлена. Мужу она рассказала

свою версию этой встречи:

> «Наше прощание было очень нежным. Мне казалось почти немыслимым покинуть Ее Императорское Величество; а великая правительница, со своей стороны, оказала мне такую огромную честь и была сильно тронута, чем произвела большое впечатление на присутствовавших на встрече придворных. Мы бесчисленное количество раз произносили слова прощания, и, наконец, милостивейшая из правителей проводила меня вниз по лестнице, а в ее преисполненных доброты и нежности глазах стояли слезы».

Совсем другое описание давал присутствовавший на встрече английский посол:

> «Когда принцесса собралась уходить, она упала к ногам Ее Императорского Величества и, заливаясь слезами, просила у нее прощения за возможные обиды, нанесенные Ее Императорскому Величеству. Императрица сказала, что слишком поздно говорить о подобных делах, но если бы принцесса высказала столь разумные мысли прежде, ей это бы только пошло на пользу».

Елизавете хотелось отослать Иоганну, но вместе с тем она также желала проявить великодушие, и принцесса уехала с повозкой, нагруженной подарками. Чтобы утешить принца Ангальт-Цербстского, оставленного на столь долгое время в одиночестве, Иоганна привезла домой украшенные бриллиантами пряжки для туфель, бриллиантовые пуговицы для сюртука и инкрустированный бриллиантами кинжал, объявив все это подарками от зятя принца, великого князя. Кроме того, перед отъездом Иоганне пожаловали шестьдесят тысяч рублей, чтобы она могла расплатиться со своими долгами в России. После отъезда выяснилось, что она была должна вдвое больше этой суммы. Чтобы спасти мать от неизбежного позора, Екатерина согласилась выплатить недостающую сумму. Поскольку сама она имела содержание лишь в тридцать тысяч рублей в год, эти обязательства оказались выше ее возможностей и вынудили ее влезть в долги, которые числились за ней в течение семнадцати лет, пока она не стала императрицей.

Когда наступил момент отъезда, Екатерина и Петр провожали Иоганну во время ее переезда из Царского Села в Красное Село.

На следующее утро еще до наступления рассвета Иоганна уехала, даже не попрощавшись. Екатерина решила, что это было сделано, «дабы не огорчать меня еще больше». Проснувшись и обнаружив комнату матери пустой, она очень расстроилась. Ее мать исчезла из России и из ее жизни. С самого рождения Екатерины Иоганна всегда была рядом, чтобы руководить, внушать, поправлять и бранить. Возможно, она и провалила свою миссию дипломатического агента и точно не стала яркой фигурой на европейской арене, но ее нельзя было назвать неуспешной матерью. Ее дочь, родившаяся принцессой крошечного немецкого княжества, теперь стала великой княгиней Российской империи и находилась на пути к императорской короне.

Иоганна прожила еще пятнадцать лет. Она умерла в 1760 году в возрасте сорока семи лет, когда Екатерине исполнился тридцать один год. Тогда же она оставляла свою шестнадцатилетнюю дочь, которая никогда больше не увидела никого из членов своей семьи. Она оставалась во власти вспыльчивой властной правительницы и каждую ночь была вынуждена ложиться в постель с юношей, отличавшимся весьма странным поведением.

Иоганна ехала медленно и добралась до Риги только через двенадцать дней. Там ее настигла кара Елизаветы, которая решила отложить наказание своей неблагодарной, двуличной гостьи. Иоганне передали письмо от императрицы с требованием по прибытии в Берлин передать Фридриху Прусскому, чтобы он отозвал своего посла барона Мардефельда. Письмо было составлено с холодной дипломатической вежливостью: «Считаю необходимым предписать вам по прибытии в Берлин передать Его Величеству королю Пруссии, что мне будет очень приятно, если он отзовет своего уполномоченного посланника, барона Мардефельда». Тот факт, что это письмо должна была передать Иоганна, стал пощечиной и для короля, и для принцессы. Ле Шетарди, французскому послу, дали двадцать четыре часа сроку, чтобы покинуть Москву после сцены в Троицком монастыре. Мардефельда, прусского посла, прослужившего в России двадцать лет, оставили еще на полтора года, но теперь и его собирались отправить домой. Выбирая Иоганну в качестве лица, которое должно было доставить эту новость, Елизавета признавала: ей было известно, что в России принцесса от лица прусского короля участвовала в заговоре, целью которого стало свержение канцлера Бестужева. Нет никаких доказательств того, что инициатором этого неприятного поручения был Бестужев, хотя это очень похоже на него. В таком случае они с Елизаветой

сошлись в своих взглядах.

Разумеется, письмо, его содержимое и то, как оно было доставлено, дало Фридриху четкое представление о том, как сильно он переоценил Иоганну. Сожалея о своем решении, он никогда не простил ее. Десять лет спустя, когда после смерти мужа Иоганна стала регентшей своего юного сына, Фридрих неожиданно упразднил независимость Цербста и включил его в состав королевства Пруссии. Иоганна была вынуждена скрываться в Париже. Там, всеми отверженная, она и умерла за два года до того, как ее дочь стала императрицей России.

Часть II
Несчастливый брак

14
Случай с Жуковой

Вернувшись в Санкт-Петербург после расставания с матерью, Екатерина немедленно попросила вызвать Марию Жукову. Еще до замужества императрица включила в состав маленького двора Екатерины несколько русских фрейлин, чтоб они помогли немецкой принцессе усовершенствовать ее русский. Екатерина была рада их обществу. Все девушки были очень юными, старшей – двадцать лет. «С того времени, – вспоминала Екатерина, – я только и делала, что пела, танцевала и веселилась в моих покоях с утра и до вечера». Со своими подругами Екатерина играла в жмурки, каталась на крышке клавесина как на санках или всю ночь сидела на полу на матрасе, размышляя о том, как выглядят мужчины. Самой веселой и умной среди молодых девушек была семнадцатилетняя Мария Жукова, которая стала любимицей Екатерины.

Однажды она спросила о Марии, и ей ответили, что она уехала проведать свою мать. На следующее утро Екатерина снова справилась о ней, но получила тот же самый ответ. В полдень ее вызвала к себе императрица и начала говорить с ней об отъезде Иоганны, высказав надежду, что Екатерина не будет слишком сильно переживать по этому поводу. Затем, как будто невзначай, она обронила фразу, от которой Екатерина едва не лишилась дара речи. «Мне казалось, что я лишусь чувств», – писала позже Екатерина. Громко и в присутствии свидетелей императрица объявила, что по просьбе Иоганны удалила от двора Марию Жукову. Елизавета сказала Екатерине, что Иоганна «боялась, чтобы я не привязалась слишком к особе, которая этого так мало заслуживает». Затем Елизавета уже от себя добавила целый поток оскорбительных слов в адрес Марии.

Екатерина не понимала, говорила ли Елизавета правду или нет, и действительно ли ее мать просила императрицу отослать девушку. Екатерина была уверена, что, если бы Иоганна испытывала враждебность к Марии, она сначала бы поговорила об ее отставке с дочерью – Иоганна никогда не сдерживала критику. Иоганна и правда игнорировала Марию, но Екатерина объясняла это тем, что мать просто не могла разговаривать с девушкой. «Моя мать не знала русского, а Мария не знала другого языка». Следовательно, если Иоганна была непричастна к произошедшему, значит, идея полностью исходила от Елизаветы. Вероятно, мадам Крузе рассказала императрице о близкой дружбе

девушек. И возможно, Елизавета сочла, будто этот факт имеет отношение к тому, что в первую брачную ночь так ничего и не случилось. Это могло объяснить, почему желание Иоганны использовалось в качестве прикрытия. Таким образом, Елизавета бесцеремонно избавилась от самой близкой подруги Екатерины. Какая из этих догадок была истинной, Екатерина так и не узнала.

В любом случае Екатерина знала, что Мария Жукова не совершила ничего дурного. Расстроившись, она рассказала Петру о том, что не собирается оставлять свою подругу. Петр не выразил никакого интереса. Екатерина попыталась выслать Марии деньги, но ей сообщили, что девушка уже покинула Санкт-Петербург и уехала в Москву, где жили ее мать и сестра. Тогда Екатерина попросила, чтобы деньги, предназначавшиеся для Марии, вместо этого вручили ее брату, сержанту гвардии. Но ей сказали, что брат и его жена также уехали, поскольку брат получил неожиданное назначение в отдаленный полк. Не желая сдаваться, Екатерина решила подыскать для подруги подходящую партию. «Через своего камердинера и через других своих людей я старалась отыскать для Жуковой какую-нибудь приличную партию: мне предложили одного, по имени Травин – гвардии сержанта, дворянина, имевшего некоторое состояние. Он поехал в Москву, чтоб на ней жениться, если ей понравится; она приняла его предложение». Но когда слухи об этом содействии дошли до императрицы, та снова вмешалась. Новый муж был назначен (а по сути, изгнан) в Астраханский полк. «Так трудно, – писала Екатерина в письме, – найти объяснение дальнейшему преследованию. Позже я узнала, что единственным преступлением, вменяемым этой девушке, была моя к ней привязанность, а также ее преданность мне. Даже сейчас я не могу найти достоверного объяснения произошедшему. Мне кажется, что жизнь этих людей была разрушена по одному лишь капризу, без каких бы то ни было причин».

Этот случай стал предупреждением на будущее. Вскоре Екатерина поняла, что жестокое обращение с Марией Жуковой было сигналом для остальных юных фрейлин двора: каждая, кого заподозрят в особой близости с Екатериной или Петром, может быть под тем или иным предлогом уволена, сослана, опозорена или даже заточена в тюрьму. Ответственность за эту политику лежала на канцлере Алексее Бестужеве, а также на императрице. Бестужев ненавидел Пруссию и всегда был против того, чтобы этих двух немецких подростков привезли в Россию. Теперь, когда они поженились вопреки его желаниям, он был готов предпринять все, что угодно, лишь бы они не помешали ему и дальше руководить дипломатической деятельностью России. Это

означало – строгий надзор за новобрачными, ограничение их дружеских и любых других контактов и, наконец, попытка полной изоляции. Разумеется, за Бестужевым стояла Елизавета, чьи тревоги и страхи носили личный характер – она опасалась за безопасность своей персоны, за свой трон, за будущее своей династии. В ее планах, разумеется, Екатерина, Петр и их будущий ребенок имели первостепенное значение. По этой причине в последующие годы отношение Елизаветы к молодым супругам резко колебалось между нежностью, тревогой, разочарованием, нетерпением, неудовлетворенностью и гневом.

Елизавета не только внешне, но и по характеру была дочерью своих родителей. Она родилась у величайшего русского царя и его жены-крестьянки, впоследствии ставшей императрицей Екатериной I. Елизавета была высокой, как ее отец, она унаследовала его энергичность, пылкий темперамент и резкую, импульсивную манеру поведения. Как и мать, она была жалостливой и склонной к расточительству, а также неожиданной щедрости. Но ее увлеченность, как и остальные качества характера, были лишены умеренности и постоянства. Временами, когда что-то вызывало у нее недоверие, или же ее чувство собственного достоинства и тщеславие подвергались оскорблению, либо ее внезапно охватывала ревность, она превращалась в совершенно другого человека. Поскольку настроение императрицы трудно было предугадать, никто не мог предсказать, как она поведет себя на людях. Это была женщина крайностей и противоречий, порой довольно жестоких. С Елизаветой иногда было просто, а иногда – совершенно невозможно ужиться.

Осенью 1745 года Иоганна вернулась в Германию, а жизнь Екатерины оказалась полностью под контролем, императрица же приближалась к своему тридцатишестилетию. Она все еще сохранила свою красоту и статность, но начала полнеть. Елизавета по-прежнему оставалась грациозной и прекрасно танцевала. Ее большие голубые глаза были такими же ясными, а губы – такими же полными и розовыми. Ее волосы, светлые от природы, она по каким-то причинам красила в черный цвет, как и брови, а иногда и ресницы. Ее кожа все еще оставалась розовой и чистой, и ей не требовалось много косметики. Она тщательно следила за своим внешним видом и не надевала платье больше одного раза; после ее смерти в шкафах и гардеробах было найдено около пятнадцати тысяч платьев. На официальных торжествах она украшала себя драгоценностями. Когда она появлялась с бриллиантами и жемчугом в волосах, с шеей и

грудью, украшенными сапфирами, изумрудами и рубинами, то производила грандиозное впечатление. И она собиралась всегда оставаться такой.

Тем не менее Елизавета никогда не сдерживала свой аппетит. Она ела и пила, сколько ее душе было угодно. И часто не ложилась спать всю ночь. В результате – хотя никто не осмеливался ей об этом сказать – это привело к тому, что ее знаменитая красота стала увядать. Сама Елизавета прекрасно все понимала, но продолжала жить по своим правилам. Ее ежедневный распорядок состоял из соблюдения традиционных формальностей и имперского экспромта. Она соблюдала и ужесточала и без того строгий дворцовый этикет, когда это ей было выгодно; но чаще, как и ее отец, игнорировала рутину и вела себя, повинуясь минутному импульсу. Вместо регулярных обедов днем и ужина в шесть часов, она вставала и начинала день, когда ей этого хотелось. Часто Елизавета оттягивала время обеда до шести часов вечера, а ужинала в два или три пополуночи и ложилась в постель на рассвете. Пока императрица не располнела окончательно, она любила ездить верхом и охотиться по утрам, а днем каталась в карете. Несколько раз в неделю по вечерам давался бал или опера, после чего проводился пышный ужин и устраивались фейерверки. По этому случаю Елизавета постоянно переодевала платья и меняла сложные прически. На придворных обедах подавали по пятьдесят или шестьдесят различных блюд, но иногда – к отчаянию повара-француза, – императрица заказывала русскую крестьянскую еду – щи, блины, солонину и лук.

Чтобы поддерживать свое блистательное превосходство при дворе, Елизавета должна была сохранять уверенность, что ни одна из женщин не сможет затмить ее. Иногда она шла просто на драконовские меры. Зимой 1747 года императрица издала указ, согласно которому все фрейлины должны были обрить себе головы и носить черные парики до тех пор, пока их волосы не отрастут. Женщины плакали, но подчинились. Екатерина думала, что скоро наступит и ее очередь, но на удивление эта участь ее миновала. Елизавета объяснила это тем, что ее собственные волосы только отросли после болезни. Вскоре стало известно об истинной причине всеобщего пострижения. После одного торжественного мероприятия Елизавета и ее горничные не смогли вычесать тяжелую пудру из ее волос, которые стали серыми, липкими и свалялись. Единственным спасением оказалось обрить голову. А поскольку Елизавета не хотела быть единственной лысой женщиной при дворе, косы других дам были нещадно острижены.

Зимой 1747 года на день святого Александра Елизавета остановила на Екатерине свой завистливый взгляд. Великая княжна появилась при дворе в белом платье, расшитом испанским кружевом. Когда Екатерина вернулась к себе в комнату, фрейлина сказала ей, что императрица приказала снять это платье. Екатерина извинилась и переоделась в другое платье – тоже белое, но с серебряным шитьем и огненно-красным жакетом с манжетами. Екатерина так прокомментировала это событие:

> «Что касалось моего предыдущего платья, то, возможно, императрица нашла его более ярким, чем ее собственное, и по этой причине приказала мне снять его. Моя дорогая тетушка была склонна к подобной мелкой зависти не только по отношению ко мне, но и к остальным дамам. Особо тщательно она следила за теми, кто был моложе ее, именно они постоянно терпели на себе ее гнев. Иногда в своей зависти она заходила слишком далеко. Однажды она подозвала к себе Анну Нарышкину, свояченицу Льва Нарышкина, которая благодаря своей красоте, великолепному сложению, отличному выезду и изысканным нарядам стала вызывать неприязнь у императрицы. В присутствии всего двора императрица взяла ножницы и срезала красивые ленты с шеи мадам Нарышкиной. В другой раз она остригла кудряшки на лбу у двух фрейлин под предлогом, что ей не нравятся их прически. После эти две юные дамы поведали мне, что, возможно, в спешке, а возможно, желая показать всю глубину своих чувств, Ее Императорское Величество вместе с волосами срезала у них кожу со лба».

Елизавета ложилась в постель с неохотой и очень поздно. Когда праздники и приемы заканчивались, а гости уходили, она удалялась в свои покои с небольшой группой друзей. И даже после того, как эти люди покидали ее, а она, совершенно утомленная, позволяла себя раздеть, ей все равно не хотелось ложиться спать. Пока было темно – а зимой в Петербурге не рассветало до восьми или даже девяти часов утра, – она продолжала разговаривать с женщинами, которые терли и щекотали ей пятки, чтобы она не заснула. Между тем совсем рядом, за парчовым занавесом царского алькова, на матрасе лежал полностью одетый мужчина. Это был Чулков, преданный телохранитель императрицы, который обладал удивительной способностью подолгу обходиться без сна и который не спал в нормальной кровати уже двадцать лет. Наконец, когда сквозь

окна начинал пробиваться бледный свет, женщины уходили, и появлялся Разумовский или кто-то другой, кому в ту пору посчастливилось быть фаворитом императрицы, и в его объятиях Елизавета, наконец, засыпала. Чулков, человек за занавесом, оставался на своем посту до тех пор, пока императрица спала, а вставала она иногда после полудня.

Объяснением столь странному распорядку дня служило то, что Елизавета боялась ночи, а более всего, спать ночью. Регентша Анна Леопольдовна спала, когда ее свергли, и Елизавета опасалась, что ее постигнет та же участь. Ее страхи были преувеличенными, она была популярна в народе и потерять трон могла лишь вследствие переворота, который возвел бы на престол нового претендента на корону. Единственным царем, лишившимся трона, был Иван VI, беспомощный ребенок, запертый в крепости, именно он и представлял угрозу для Елизаветы. Призрак этого ребенка преследовал ее и лишал сна. Разумеется, было лишь одно лекарство от этих страхов. Еще один ребенок, новый наследник, отпрыск Екатерины и Петра, – вот кто ей был нужен. Когда такой ребенок появится на свет и будет окружен любовью и защитой, какую только способна была дать ему Елизавета, тогда она сможет спать спокойно.

15
Смотровые оконца

Временами Елизавета вмешивалась в повседневную жизнь молодой пары по совершеннейшим пустякам. Однажды ночью, когда Екатерина и Петр ужинали с друзьями, мадам Крузе появилась в полночь и заявила «от лица императрицы», что они должны ложиться спать: правительница считает неправильным «засиживаться допоздна». Вечеринка закончилась, но Екатерина сказала: «Нам всем показалось это странным, мы прекрасно знали, каким вольным был распорядок дня нашей любимой тетушки… мы подумали, что это произошло скорее от дурного расположения духа, нежели по какой-то веской причине». С другой стороны, Елизавета была необычайно дружелюбна по отношению к Екатерине. Когда молодая женщина попала в сложную ситуацию, императрица сыграла роль заботливой матери. Однажды утром у Петра началась лихорадка и сильная головная боль, так что он даже не в силах был встать с кровати. Он оставался в постели неделю, ему регулярно пускали кровь. Елизавета навещала его по несколько раз на дню, и, видя слезы в глазах Екатерины, «была удовлетворена и обрадована моим поведением». Вскоре после этого, когда Екатерина произносила молитву в часовне дворца, одна из фрейлин императрицы подошла к ней и сказала, что императрица, зная, как великая княгиня расстроена болезнью великого князя, прислала сказать ей, что Екатерина должна уповать на Господа и не волноваться, потому что императрица ни при каких обстоятельствах не оставит ее.

В первые месяцы замужества Екатерины люди, покидавшие ее новый двор, далеко не всегда делали это под давлением Елизаветы. Однажды неожиданно исчез камергер Екатерины граф Захар Чернышев. Он был в числе молодых придворных, которых Екатерина и Петр пригласили в большую, выложенную подушками повозку во время путешествия в Киев незадолго до свадьбы. Но отъезд графа под предлогом дипломатического поручения не имел никакого отношения к императрице. Инициатива исходила от матери молодого человека, которая умоляла Елизавету отослать ее сына. «Я боюсь, что он может влюбиться в великую княгиню, – говорила его мать. – Он не сводит с нее глаз, и когда я это замечаю, то дрожу от страха, как бы он не совершил необдуманного поступка». На самом деле интуиция не подвела ее. Захар Чернышев действительно находил

Екатерину привлекательной и несколько лет спустя признался в этом.

Следующим отъездом, о котором никто не сокрушался, было отбытие давнего мучителя Петра – Отто Брюммера. Весной, предшествовавшей свадьбе, семнадцатилетний Петр был наконец формально объявлен совершеннолетним и получил титул правящего герцога Гольштейна. Обладая герцогским титулом, он мог теперь принимать определенные решения. И особенно сильно он хотел избавиться от Брюммера. После того как был зачитан документ, подтверждавший его титул, Петр повернулся к своему заклятому врагу и сказал: «Наконец мое желание исполнилось. Вы слишком долго руководили мною. Я должен предпринять шаги, чтобы отправить вас обратно в Гольштейн как можно скорее». Брюммер старался спасти себя. К удивлению Екатерины, он обратился к ней и просил чаще посещать уборную Елизаветы, чтобы получить возможность переговорить с императрицей. «Я сказала Брюммеру, что ходила туда раз или два, заставала там женщин императрицы, которые удалялись, так что я оставалась одна; я ему сообщила об этом; он мне ответил, что это ничего не значит, и надо продолжать». Екатерина, понимая, что «это могло пойти ему на пользу, но мне не сулило ничего хорошего», ответила графу Брюммеру, что она не хотела бы этого делать. В отчаянии он пытался убедить ее, но безуспешно. Весной 1746 года императрица отправила Брюммера обратно в Германию, назначив ему ежегодную пенсию в три тысячи рублей.

Екатерине нелегко было жить под постоянным присмотром императрицы Елизаветы, но, за исключением ее решительных и совершенно неудачных попыток помочь Марии Жуковой в самом начале своего замужества, юная великая княгиня старалась мириться со своим положением. Петр оказался менее сговорчивым. У него не было особого желания угождать своей тетке. Воинственные и бунтарские настроения часто толкали его на совершение глупых поступков.

Эпизод со смотровыми оконцами служил тому примером. Незадолго до пасхи 1746 года Петр создал у себя в покоях кукольный театр и настаивал на том, чтобы все члены его двора принимали участие в представлениях. С одной стороны комнаты, где он устроил театр, дверь была заделана, потому что она вела в столовую личных покоев императрицы. Однажды, работая над своими куклами, Петр услышал голоса за закрытой дверью. Желая увидеть, что происходит в соседней комнате, он отодвинул ковер и просверлил глазки в двери. К своему удовлетворению, он

стал свидетелем частного обеда императрицы и дюжины ее близких друзей. Рядом с его теткой сидел граф Разумовский, который недавно оправился от болезни и был одет по-домашнему, в парчовый халат.

Тогда, уже забыв о всяческой осторожности, Петр пошел еще дальше. Это открытие так взволновало его, что он позвал всех, чтобы они тоже посмотрели в эти «оконца». Слуги уселись на стульях, табуретах и лавках перед дверью со множеством отверстий, создав импровизированный амфитеатр, и наслаждались спектаклем. Когда Петр и его приближенные закончили просмотр, он пригласил Екатерину и ее фрейлин взглянуть на столь выдающееся зрелище.

> «Он явился пригласить Крузе, меня и моих женщин зайти к нему, дабы посмотреть нечто такое, чего мы никогда не видели. Он нам не сказал, что это такое, вероятно, чтобы сделать нам приятный сюрприз. <…> Войдя, я спросила, что это такое, он подбежал ко мне и сказал, в чем дело; меня так испугала и возмутила его дерзость, что я сказала ему, что не хочу ни смотреть, ни участвовать в таком скандале, который, конечно, причинит ему большие неприятности, если тетка узнает, и что невозможно, чтобы она этого не узнала, потому что он посвятил по крайней мере двадцать человек в свой секрет».

Когда группа, смотревшая через отверстия, увидела, что Екатерина отказывается это делать, они стали расходиться по одному. Петр сам немного испугался и продолжил заниматься своими куклами.

Вскоре Елизавета узнала о случившемся, это произошло утром в воскресенье, после службы. Она внезапно ворвалась в комнату Екатерины и приказала позвать своего племянника. Вскоре появился Петр в халате с ночным колпаком в руке. Он выглядел беззаботным и поспешил поцеловать руку своей тетушки. Елизавета приняла этот жест и спросила, как он посмел вытворять такое. Елизавета сказала, что обнаружила дверь всю в дырках, располагавшихся как раз напротив того места, где она сидела. Елизавета спросила, неужели он забыл, чем ей обязан. Она напомнила Петру, что у ее собственного отца тоже был неблагодарный сын, которого он наказал, лишив права на престол. Также императрица добавила, что бросает в крепость всех, кто проявляет к ней неуважение, и что ее племянник оказался «мальчишкой, которого она сумеет проучить».

Петр пробормотал несколько слов в свою защиту, но

Елизавета приказала ему замолчать. Она потеряла самообладание и «так разъярилась, что не знала уже меры своему гневу, что с ней обыкновенно случалось; когда она сердилась, и наговорила ему обидных и оскорбительных вещей, выказывая ему столько же презрения, сколько гнева, – рассказывала Екатерина. – Мы остолбенели и были смущены оба, и, хотя эта сцена не относилась прямо ко мне, у меня слезы выступили на глаза». Елизавета заметила это и сказала Екатерине: «То, что я говорю, к вам не относится; я знаю, что вы не принимали участия в том, что он сделал, и что вы не подсматривали и не хотели подсматривать через дверь». Затем императрица успокоилась, замолчала и вышла из комнаты. Молодые люди переглянулись. После этого Петр с раскаянием и сарказмом сказал: «Она была, точно фурия, и не знала, что говорит».

Позже, когда Петр ушел, появилась мадам Крузе и сказала Екатерине: «Надо признаться, что императрица поступила сегодня как истинная мать!» Не понимая до конца значения этих слов, Екатерина ничего не ответила, тогда мадам Крузе объяснила: «Мать сердится и бранит детей, а потом это проходит; вы должны были сказать ей оба: “Виноваты, матушка”, и вы ее обезоружили бы». Екатерина повторила, что была потрясена гневом императрицы и не могла промолвить ни слова. Но она извлекла урок из этого эпизода. После она писала: «Слова: «виноваты, матушка» как средство, чтобы обезоружить гнев императрицы, запали мне в голову, и с тех пор я пользовалась ими при случае с успехом».

Когда Екатерина только прибыла в Россию, в свиту Петра входили три молодых дворянина – два брата и их кузен, – по фамилии Чернышевы. Петру они очень нравились. Именно старшего брата, Захара, мать, встревоженная его чрезмерной увлеченностью Екатериной, постаралась отослать подальше от двора. Однако его кузен и младший брат остались. Кузен Андрей также питал нежные чувства к Екатерине. Он старался быть ей полезным. Екатерина обнаружила, что мадам Крузе «имела пристрастие к вину. Часто мои приближенные специально спаивали ее, после чего она уходила спать, и мы могли предаваться шалостям, не боясь, что нас отчитают». Под «приближенными» в данном случае Екатерина подразумевала Андрея, который умел убедить мадам Крузе выпить столько, сколько он ей предложит.

Еще до того как Екатерина вышла замуж, Андрей часто флиртовал с будущей женой наследника. Эта нежная, но совершенно невинная шалость совершенно не смущала и не

тревожила Петра, ему это даже нравилось, и он всячески поддерживал данное увлечение. На протяжении долгого времени он рассказывал своей жене о том, как Чернышев хорош собой и как он ей предан. Несколько раз на дню он посылал Андрея к Екатерине с мелкими поручениями. Однако, в конце концов, сам Андрей стал испытывать неловкость от своего положения. Однажды он сказал Петру: «Ваше Императорское Высочество, не забывайте, что великая княжна – не мадам Чернышева, – и резко добавил: – Она не моя невеста, а ваша!» Петр рассмеялся и передал его замечание Екатерине. Желая положить конец этой неприятной шутке, после свадьбы Андрей сказал Петру, что он хочет пересмотреть свое отношение к Екатерине и впредь называть ее матушкой, а она должна будет называть его сыном. Но поскольку Екатерина и Петр продолжили выказывать большую нежность своему «сыну» и постоянно говорили о нем, некоторые слуги забеспокоились.

Однажды камердинер Екатерины, Тимофей Евреинов, отвел ее в сторону и предупредил, что все домочадцы только и сплетничают, что об ее отношениях с Андреем. Он сказал, что был искренне напуган, поскольку она подвергала себя большой опасности. Екатерина спросила, что все это значит. «Вы только и говорите про Андрея Чернышева и заняты им», – последовал ответ.

«Какая в том беда? – спросила Екатерина. – Это мой сынок; великий князь любит его так же, и больше, чем я, и он к нам привязан и нам верен».

«Да, это правда, – отвечал Евреинов, – великий князь может поступать, как ему угодно, но вы не имеете того же права; то, что вы называете добротой и привязанностью, ибо этот человек вам верен и вам служит, ваши люди называют любовью».

Когда он произнес это слово, «которое мне и в голову не приходило», как призналась сама Екатерина, она была потрясена, словно ее «поразило громом». Евреинов рассказал ей, что в попытке избежать дальнейших слухов он уже посоветовал Чернышеву покинуть двор под предлогом болезни. И в самом деле Андрей Чернышев на тот момент уже уехал. Петр, которому ничего об этом не сказали, был встревожен «болезнью» его друга и с волнением обсуждал это с Екатериной.

Наконец, когда Андрей Чернышев вновь появился при дворе месяц спустя, он снова стал представлять угрозу для Екатерины. Во время одного из концертов Петра, на котором он сам играл на скрипке, Екатерина, ненавидевшая музыку саму по себе и музыкальные экзерсисы своего мужа, в частности, удалилась в свои покои, находившиеся рядом с большим залом Летнего

дворца. Потолок в зале чинили, и все помещение было наполнено плотниками и рабочими. Открыв дверь своих покоев, Екатерина с удивлением обнаружила неподалеку Андрея Чернышева. Она поманила его к себе. С тревогой он приблизился к двери. Екатерина задала ему какой-то незначительный вопрос. Он ответил: «Я не могу с вами говорить, слишком шумят в зале, впустите меня к себе в комнату». «Нет, – ответила Екатерина, – этого-то я и не сделаю». Тем не менее они продолжали разговаривать еще около пяти минут через наполовину прикрытую дверь. Затем что-то отвлекло ее внимание, она обернулась и увидела, что за ее спиной стоял камергер Петра граф Дивьер. «Великий князь просит Ваше Высочество», – сказал Дивьер. Екатерина закрыла дверь и в сопровождении Дивьера вернулась на концерт. В последующие два дня Чернышевы не являлись ко двору, и Екатерине с Петром сказали, что их отправили в отдаленный полк, но впоследствии они узнали, что, по сути, Чернышевых поместили под домашний арест.

История с Чернышевым незамедлительно и самым серьезным образом отразилась на жизни молодой пары. Императрица приказала отцу Теодорскому по отдельности расспросить мужа и жену об их отношениях с молодыми людьми. Теодорский спросил Екатерину, целовала ли она когда-нибудь одного из Чернышевых.

– Нет, отец, – отвечала Екатерина.

– Тогда почему же императрице сообщили обратное? – спросил он. – Императрице сказали, что вы целовали Андрея Чернышева.

– Это ложь и клевета, святой отец, – сказала Екатерина. Ее искренность, судя по всему, убедила Теодорского, который прошептал: «Какие злые люди!» Он сообщил об этой беседе императрице, и Екатерина больше никогда не слышала ни о чем подобном.

Однако Елизавета хорошо запомнила случай с Чернышевым, пускай он и не имел под собой никаких оснований. И в последующих, более важных и значительных, событиях он сыграл свою роль. В тот день, когда исчезли Чернышевы, появилась новая старшая фрейлина, занявшая более высокое положение, чем мадам Крузе. Появление этой женщины, которая должна была следить за Екатериной и распорядком ее жизни, ознаменовало семь лет притеснений, угнетения и страданий.

16
Цепной пес

Елизавета по-прежнему нуждалась в наследнике. Она была озадачена, рассержена и возмущена тем, что ребенок до сих пор так и не появлялся на свет. К маю 1746 года после брака прошло восемь месяцев, а никаких признаков беременности не наблюдалось. Елизавета видела в этом неуважение, нежелание исполнять свои обязанности и даже вероломство. И во всем винила Екатерину.

У канцлера Бестужева существовала иная проблема. Сложность заключалась не только в том, что в результате этого неудачного брака не был зачат наследник, под ударом также оказалось дипломатическое будущее России. Эту сферу контролировал Бестужев, поэтому он употребил всю свою власть, чтобы усилить подозрения и недовольство Елизаветы. Сам он также переживал из-за юных супругов, его беспокоили поведение и взгляды Петра, и он не доверял дочери Иоганны, которую Бестужев подозревал в тайном сговоре с Фридрихом Прусским. Поскольку Петр не скрывал своего восхищения Фридрихом, Бестужева угнетал страх по поводу восхождения на трон такого царя. Что касалось Екатерины, то канцлер всегда был против женитьбы немецкого великого князя на немецкой принцессе. Поэтому нельзя было допустить, чтобы юная пара, а также их двор заполучили влияние и власть в стране, стали бы независимым политическим образованием, состоявшим из верных друзей и преданных сторонников – подобное нередко случалось в государствах, где наследники престола позволяли себе свободомыслие. Чтобы не допустить этого, Бестужев использовал два приема: сначала изолировать молодых супругов от внешнего мира, а затем поместить рядом с ними властного бдительного цепного пса, который будет следить за каждым их движением и каждым словом.

Как верный министр императрицы, он должен был, разумеется, прежде всего позаботиться о ее главной проблеме – желании получить наследника. Бестужев предложил назначить старшей фрейлиной Екатерины верную ему женщину, которая должна была стать компаньонкой и наставницей для молодой супруги великого князя. В обязанности этой женщины входило наблюдение за интимной жизнью супругов; кроме того, она должна была удостовериться в супружеской верности Екатерины Петру. Ей надлежало следить за великой княгиней и не допускать

фамильярности в ее обращении с кавалерами, пажами и слугами при дворе. Более того, она должна была наблюдать, чтобы ее подопечная не написала ни одного письма и не имела ни одной личной беседы без ее ведома. Причиной этого запрета стали тревоги Елизаветы по поводу неверности Екатерины, а также настойчивое желание Бестужева организовать политическую изоляцию молодых супругов. Канцлеру было необходимо, чтобы корреспонденция Екатерины и ее беседы с иностранными дипломатами находились под строгим контролем. Таким образом, Бестужев ввел в круг Екатерины новое лицо, которое должно было привести в действие новые правила, продиктованные Бестужевым и якобы направленные на то, чтобы вызвать взаимное влечение у молодых супругов, но вместе с тем и нейтрализовать их в политическом смысле.

Екатерине сообщили лишь о первой части плана. В подписанном Елизаветой указе молодой жене напоминали, что:

> «Ее Императорскому Высочеству выпала великая честь стать благородной женой ее дорогого супруга, Его Императорского Высочества великого князя наследника империи <…> Она была возведена в этот титул – Ее Императорского Высочества – лишь для того, чтобы выполнить следующие цели и задачи. Ее Императорское Высочество, пользуясь своим здравомыслием, разумом и добродетелью, должна вызвать в Его Императорском Высочестве искреннюю любовь и завоевать его сердце, а после произвести на свет наследника, которого столь жаждет заполучить империя, нового отпрыска нашей прославленной фамилии».

Для выполнения данных административных функций после тщательного отбора Бестужев остановился на кандидатуре двадцатичетырехлетней Марии Семеновны Чоглоковой, двоюродной сестре Елизаветы по материнской линии. Чоглокова была одной из любимиц Елизаветы, ее муж являлся камергером императрицы и преданным слугой канцлера. Кроме того, мадам Чоглокова имела репутацию необыкновенно добродетельной и плодовитой особы. Она боготворила своего мужа и почти каждый год рожала по ребенку, ее плодовитость должна была послужить примером для Екатерины.

Вначале Екатерина ее возненавидела. В своих «Мемуарах» она обрушила настоящий шквал нелестных характеристик в адрес женщины, которая долгие годы руководила ее жизнью: «глупая <…> необразованная <…> очень грубая, злая, капризная и очень корыстная». На следующий день после назначения мадам

Чоглоковой Петр отвел Екатерину в сторону и сказал ей, будто ему стало известно, что новую старшую фрейлину назначили специально, чтобы следить за ней, поскольку она, его жена, не любила его. Екатерина ответила, что вряд ли кто-то мог поверить, будто эта женщина способна пробудить у нее больше нежности к своему мужу. Она также добавила, что на должность цепного пса могли бы нанять кого-нибудь поумнее.

Между новой старшей фрейлиной и ее подопечной почти сразу же началась война. Мадам Чоглокова первым делом сообщила Екатерине, что она должна держаться на значительном расстоянии от императрицы. Она добавила, что в будущем, если великая княжна захочет сказать что-либо императрице, то должна будет передать это через нее, мадам Чоглокову. Когда Екатерина услышала это, ее глаза наполнились слезами. Мадам Чоглокова пожаловалась на отсутствие энтузиазма со стороны Екатерины по отношению к ней, и глаза Екатерины все еще оставались красными, когда появилась Елизавета. Она отвела Екатерину в соседнюю комнату, где они остались одни. «За два года, что я находилась в России, – сказала Екатерина, – в первый раз она говорила со мной наедине, без свидетелей». Императрица обрушила на нее поток жалоб и обвинений. Она спросила, «возможно, моя мать велела мне предать ее и служить королю Пруссии, и ей хорошо известно о моем коварстве и двуличности, в конечном счете она знает все: это моя вина, что в течение нашего брака так и не появился наследник». Когда Екатерина снова начала плакать, Елизавета заявила, что молодые женщины, которые не любят своих мужей, всегда плачут. Однако никто не заставлял Екатерину выходить замуж за великого князя, она совершила это по доброй воле и не имела права теперь плакать. Елизавета сказала, что, если Екатерина не любит Петра, ее, Елизавету, не в чем было винить. Мать Екатерины заверила ее, что дочь выходит за Петра по любви, она не заставляла девушку вступать в брак против воли. «А раз ты замужем, то не надо больше плакать». Затем она добавила, что прекрасно знает, что я влюблена в другого мужчину, но не назвала имени мужчины, в которого, по ее мнению, я была влюблена. В конце концов, она заявила: «Я хорошо знаю, ты одна виновата в том, что у тебя нет детей».

Екатерина не знала, что ей ответить. Она верила, что в любую минуту Елизавета может ударить ее: она видела, как часто Елизавета раздавала пощечины женщинам из ее свиты, а иногда и мужчинам, когда сильно гневалась:

«Я не могла спастись от столкновения, потому что за

спиной у меня была дверь, а она стояла прямо передо мной. Я вспомнила наставление Крузе и сказала: «Виновата, матушка», и она успокоилась. Я пошла в свою спальню, все еще рыдая и думая, что смерть стала бы избавлением от жизни, полной гонений. Я взяла большой нож и положила его на софу, собираясь вонзить его в мое сердце. В эту минуту вошла одна из моих горничных, схватила нож и остановила меня. На самом деле нож был недостаточно острым, он даже не проткнул бы мой корсет».

Екатерина не знала о том, какие усилия приложил Бестужев, чтобы взволновать императрицу относительно прусской темы, поэтому находила лишь одно объяснение подобной вспышки гнева у Елизаветы. Все обвинения императрицы были обоснованными. Она была покорной и смиренной, не совершала необдуманных поступков, не предавала Россию в пользу Пруссии и не была влюблена в другого мужчину. Ее вина заключалась лишь в том, что она не родила ребенка.

Через несколько дней, когда Петр и Екатерина сопровождали императрицу в Ревель (в наши дни Таллин, столица Эстонии), мадам Чоглокова ехала в их карете. Ее поведение, по словам Екатерины, «было настоящей мукой». На любые замечания, какими бы невинными и незначительными они ни были, она постоянно говорила: «Такой разговор не был бы угоден Ее Величеству» или «Это не было бы одобрено императрицей». Единственной возможной для Екатерины реакцией стало закрыть глаза и спать всю дорогу.

Мадам Чоглокова занимала свою должность в течение следующих семи лет. Она не обладала качествами, необходимыми для того, чтобы помочь неопытной молодой жене. Она не была достаточно мудрой, не умела проявлять сострадание, а, напротив, имела репутацию одной из самых высокомерных и невежественных женщин при дворе. Она даже не пыталась подружиться с Екатериной или, как мать большого семейства, обсудить с ней проблему, ради которой и была приставлена к великой княгине. На деле она совершенно не преуспела в задаче, которая волновала Елизавету особенно сильно: ее наблюдение за брачной постелью было совершенно бесполезным. Однако она обладала властью, настоящей властью. Действуя в качестве тюремщика и шпиона Бестужева, мадам Чоглокова сделала из Екатерины свою послушную пленницу.

В августе 1746 года в первое лето после их свадьбы Елизавета разрешила Петру и Екатерине поехать в Ораниенбаум, поместье около Финского залива, которое Елизавета подарила своему племяннику. Там был внутренний двор и большие сады, где Петр разбил импровизированный военный лагерь. Он и его камергеры, гофмейстеры, слуги, егеря, даже садовники расхаживали с мушкетами на плече, днем маршировали на плацу, а по ночам несли караул. Екатерине ничего не оставалось, кроме как сидеть и слушать ворчание Чоглоковой. Она пыталась забыться в чтении. «В те дни, – говорила она, – я только и делала, что читала». Ее любимой книгой тем летом был большой французский роман «Tiran le blanc», история французского странствующего рыцаря, который отправился в Англию, где с триумфом побеждал в поединках и на турнирах и стал фаворитом дочери короля. Особенно на Екатерину произвело впечатление описание принцессы: «Кожа ее была настолько прозрачной, что, когда она пила красное вино, было видно, как оно стекает по ее горлу». Петр тоже читал, но предпочитал истории о разбойниках, которых вешали или колесовали за их преступления. В то лето Екатерина писала:

> «Трудно себе представить, насколько мы были разными. У нас не было ничего общего ни в наших вкусах, ни в образе мыслей. Наше мнение было столь различным, что мы не пришли бы к согласию ни по одному из вопросов, если бы я часто не уступала ему, чтобы не нанести серьезного оскорбления. Я всегда была довольно непоседливой, и эта черта усилилась из-за той жизни, которую я вынуждена была вести. Я часто держала все в себе, меня постоянно окружали подозрения. У меня не было развлечений, никаких бесед, ни теплоты или внимания, которые хоть немного помогли бы мне скрасить скуку. Моя жизнь стала невыносимой».

Екатерина начала страдать от сильных головных болей и бессонницы. Когда мадам Крузе заявила, что эти симптомы исчезнут, если великая княгиня выпьет стакан венгерского вина перед тем, как лечь в постель, Екатерина отказалась. Сама же мадам Крузе никогда не упускала возможности выпить бокал за здоровье Екатерины.

17
«Он не был королем»

16 марта 1747 года в Цербсте отец Екатерины, принц Христиан Август перенес второй удар и умер. Ему было пятьдесят шесть, Екатерине – семнадцать. Ему не позволили приехать на помолвку дочери и ее свадьбу, и она не видела его с тех пор, как покинула дом три года назад. В последний год его жизни она мало с ним общалась. Это произошло благодаря стараниям императрицы Елизаветы, графа Бестужева и его агента, мадам Чоглоковой. Отношения между Россией и Пруссией ухудшались, и Бестужев настойчиво убеждал императрицу, чтобы вся частная переписка между Россией и Германией была прекращена. Таким образом, Екатерине строго запретили лично писать письма родителям. Каждый месяц ее письма отцу и матери составлялись Коллегией иностранных дел, ей дозволялось лишь переписывать их с черновика и ставить в конце письма свою подпись. Екатерине запрещалось добавлять что-либо от себя, хотя бы одно слово нежности. И вот ее отец, умевший в своей тихой, ненавязчивой манере высказать ей свою бескорыстную любовь, умер, даже не попрощавшись с ней.

Екатерина сильно горевала. Она заперлась в своих покоях и целую неделю плакала. Затем Елизавета послала к ней мадам Чоглокову сказать, что русской великой княгине не положено скорбеть больше недели, «потому что ваш отец не был королем». Екатерина ответила, «что это правда, что он не король, но ведь он мне отец». Елизавета и Чоглокова одержали победу, и после семи дней Екатерине пришлось вновь появиться на публике. В качестве уступки ей позволили носить траурную одежду из черного шелка, но лишь в течение шести недель.

Когда Екатерина в первый раз покинула свои покои, она неожиданно встретила графа Санти, придворного церемониймейстера-итальянца, и была вынуждена перекинуться с ним несколькими фразами. Через несколько дней к Екатерине явилась мадам Чоглокова и сказала ей, что императрица узнала от графа Бестужева, которому граф Санти отчитался в письменной форме, что, по словам Екатерины, ей показалось странным, почему иностранные послы не принесли ей соболезнований в связи с кончиной отца. Мадам Чоглокова сказала, что императрица сочла ее замечания, высказанные графу, абсолютно неподобающими и что Екатерина слишком возгордилась. И опять же она не должна забывать: ее отец не был

королем, а по этой причине не стоит ожидать никакого выражения соболезнований от иностранных послов.

Екатерина едва могла поверить словам мадам Чоглоковой. Забыв о своих страхах перед старшей фрейлиной, она заявила, что если граф Санти сказал или написал, будто она говорила ему нечто подобное, то он ужасный лжец. Ничего подобного никогда не приходило ей в голову, и она ни слова не сказала ему или кому-либо еще на эту тему. «По-видимому, простодушие, с которым я ответила Чоглоковой, ее убедило, – писала Екатерина в своих мемуарах, – она мне сказала, что не преминет передать императрице, что я формально отрицаю слова графа Санти. И действительно, она пошла к Ее Императорскому Величеству и вернулась сказать мне, что императрица очень сердита на графа Санти за такую ложь и что она приказала сделать ему выговор».

Несколько дней спустя граф Санти прислал Екатерине посыльного, чтобы тот передал, что граф Бестужев заставил его написать эту ложь, и ему было очень стыдно за свой поступок. Екатерина передала посыльному, что лжец всегда остается лжецом, какова бы ни была причина лжи. А чтобы граф Санти никогда больше не впутывал ее в свою ложь, она просто не станет с ним впредь разговаривать.

Если Екатерина считала, что мелочная тирания мадам Чоглоковой, усугубленная ее скорбью по умершему отцу, привели ее к такому бедственному положению, что хуже быть уже не могло, то она заблуждалась. Той же весной 1747 года, когда Екатерина еще носила траур по отцу, их с Петром жизнь стала еще невыносимее после того, как мужа мадам Чоглоковой назначили обер-гофмейстером Петра. «Для нас это стало ужасным ударом, – писала Екатерина. – Это был дурак, заносчивый и грубый, все ужасно боялись этого человека и его жены, и, говоря правду, они были действительно зловредные люди». Даже мадам Крузе, чья сестра служила старшей камеристкой при императрице и являлась одной из любимиц Елизаветы, вздрагивала, когда слышала его голос.

Решение принял Бестужев. Канцлер, не доверявший окружению великокняжеской пары, нуждался в еще одном безжалостном цепном псе. «В течение нескольких дней после того, как месье Чоглоков занял свою должность, трое или четверо слуг, которых великий князь сильно любил, были арестованы», – писала Екатерина. Затем Чоглоков заставил Петра отправить в отставку своего камергера графа Дивьера. Вскоре после этого главный шеф-повар, хороший друг мадам Крузе, чьи блюда Петр особенно любил, был выслан из дворца.

Осенью 1747 года Чоглоковы ввели новые ограничения. Всем камергерам Петра запретили заходить в комнату великого князя. Петр остался в обществе нескольких слуг. Как только он начинал оказывать предпочтение кому-то из них, этого человека тут же удаляли. Далее Чоглоков заставил Петра выслать своего старшего лакея, «вежливого, разумного человека, который был приставлен к великому князю с самого рождения и давал ему много дельных советов». Камердинер Петра, грубый старый шведский солдат Ромбург, который в грубоватой манере рассказывал ему, как обращаться с женой, был уволен.

Ограничения становились все более жесткими. По приказу Чоглоковых всем под угрозой отставки запрещалось входить в комнаты Петра или Екатерины без предварительного разрешения месье и мадам Чоглоковых. Придворные молодых супругов должны были оставаться в передней, где могли переговариваться с Петром или Екатериной лишь в полный голос, чтобы все в комнате их слышали. «Теперь мы с великим князем, – писала Екатерина, – были вынуждены всегда держаться вместе».

У Елизаветы была своя причина для изоляции юной пары, она считала, что если они будут проводить больше времени в обществе друг друга, то быстрее произведут на свет наследника. В подобном расчете было свое рациональное зерно:

> «В своем несчастье великий князь, лишенный всех, кто был к нему привязан, не в силах никому открыть свое сердце, обратился ко мне. Он часто приходил в мою комнату. Он чувствовал, что я была единственным человеком, с которым он мог поговорить, не опасаясь, что любое его слово может быть расценено как преступление. Я понимала его положение и жалела его, пыталась утешить, насколько это было в моих силах. Я часто чувствовала себя опустошенной после этих визитов, которые длились по несколько часов, поскольку он никогда не садился и все ходил по комнате, а я была вынуждена следовать за ним. Он ходил быстро, широкими шагами, и поспеть за ним было непросто. В то же самое время он продолжал непрерывно говорить на темы, касавшиеся военного дела. [Однако] я знала, что для него это было единственным развлечением».

Екатерина не могла говорить о своих собственных интересах. Петр был к ним безразличен:

> «Временами он слушал меня, но лишь когда был

совершенно несчастен. Он постоянно испытывал страх, что против него плетутся заговоры и интриги и что он может закончить свои дни в крепости. По правде говоря, он обладал определенной проницательностью, но ему явно недоставало рассудительности. Он не мог скрывать свои мысли и чувства и был настолько несдержан, что, приняв решение не выдавать себя, через мгновение делал это неосторожным жестом, выражением лица либо поведением. Я считаю, что именно его несдержанность стала причинной того, что его слуг столь часто удаляли от него».

18
В спальне

Теперь Петр большую часть дня проводил со своей женой. Иногда он играл ей на своей скрипке. Екатерина слушала его, скрывая свою ненависть к этому «шуму». Часто он часами рассказывал ей о себе. Иногда ему разрешали устраивать небольшие домашние вечера, на которых он приказывал своим и ее слугам надевать маски и танцевать, пока он играл на скрипке. Заскучав на этих сборищах, так сильно отличавшихся от больших придворных балов, которые она очень любила, Екатерина ссылалась на головную боль, ложилась на кушетку, не снимая маску, и закрывала глаза. А потом ночью, когда они ложились в постель – первые девять лет своего брака Петр спал в одной постели с Екатериной, – он просил мадам Крузе принести игрушки.

Поскольку все представители молодого двора ненавидели и боялись Чоглоковых, они объединились против них. Мадам Крузе страдала от высокомерия своей узурпаторши и настолько ненавидела мадам Чоглокову, что была всецело предана Петру и Екатерине. Ей нравилось обводить вокруг пальца старшую придворную даму и постоянно нарушать ее новые запреты в основном из-за Петра, которому она хотела доставить радость, поскольку она, как и великий князь, была урожденной гольштейнкой. Свой протест она выражала в том, что приносила ему столько игрушечных солдатиков, миниатюрных пушек и моделей крепостей, сколько он хотел. Петр не мог играть в них днем, иначе месье и мадам Чоглоковы захотели бы узнать, откуда появляются эти игрушки и кто их приносит. Игрушки прятались под кроватью, и Петр играл в них только по ночам. После ужина Петр раздевался и шел в постель, Екатерина следовала за ним. Как только оба ложились, мадам Крузе, которая спала в соседней комнате, приходила, запирала их дверь и приносила столько солдатиков в голубой гольштейнской форме, что вся кровать оказывалась заваленной ими. После этого мадам Крузе, которой было уже за пятьдесят, присоединялась к игре и передвигала солдатиков по команде Петра

Абсурдность их игры, часто продолжавшейся до двух часов ночи, иногда вызывала у Екатерины смех, но обычно утомляла ее. Екатерина не могла лечь в постель, поскольку вся она была завалена игрушками, многие из которых были довольно

тяжелыми. Вдобавок к этому она волновалась, как бы мадам Чоглокова не услышала шума их ночных игр. И действительно, однажды вечером, ближе к полуночи она постучала в дверь их спальни. Дверь была заперта на два замка, и ей не открыли немедленно, поскольку Петр, Екатерина и мадам Крузе собирали разбросанные по кровати игрушки и прятали их под одеяло. Когда мадам Крузе, наконец, открыла дверь, мадам Чоглокова пришла в ярость из-за того, что ее заставили ждать. Мадам Крузе объяснила это тем, что нужно было сходить и достать ключи. Затем мадам Чоглокова спросила Екатерину и Петра, почему они не спят. Петр коротко ответил, что еще не был готов ко сну. Мадам Чоглокова заметила, что императрица будет в ярости, когда узнает, что молодые супруги не спали в столь поздний час. Наконец, она ушла, продолжая ворчать. Петр снова начал игру и не завершил ее, пока не уснул.

Ситуация становилась абсолютно фарсовой: молодой супружеской паре нужно было постоянно сохранять бдительность, чтобы их не застали за игрой в игрушки. За этим фарсом скрывалась еще большая абсурдность: молодой супруг играл в своей брачной постели, а его молодой жене приходилось наблюдать за ним. (В своих «Мемуарах» повзрослевшая и более искушенная Екатерина сухо комментировала: «Мне казалось, что я могла сгодиться и для других занятий».) Однако реальная обстановка, в которой происходили подобные игры, была не только нелепой, но и опасной. Елизавета была женщиной, привыкшей всегда действовать по-своему. Двое дерзких детей, составивших великокняжеский союз, постоянно ей перечили. Она делала для них все, что могла: привезла их в Россию, одаривала подарками, титулами, окружала добротой, она устроила им великолепную свадьбу, и все в надежде на скорейшее исполнение ее желания заполучить наследника.

Теперь, месяцы спустя, Елизавета в смятении чувств понимала, что ее надежды не оправдались, и хотела знать, кто из них двоих был виновен. Разве можно было себе вообразить, что Екатерина, в свои семнадцать лет, с ее свежестью, умом и обаянием не могла разжечь сердце восемнадцатилетнего юноши? Однако не вернее ли было предположить, что уродство и тяжелый характер Петра оттолкнули от него жену, и она выражала свое нежелание выполнять супружеский долг, отвергая его ухаживания? Если же нет, то какие еще могли быть причины?

Нельзя сказать, что Петр совсем не интересовался женщинами. Доказательством тому служил тот факт, что он постоянно увлекался разными придворными дамами. Его замечание по поводу первой брачной ночи: «Как это, должно

быть, позабавит моих слуг…» доказывало, что он понимал важность интимных отношений, однако его насмешка превращала интимность в вульгарную шутку.

Возможно, врачи были правы, когда говорили, что в свои восемнадцать лет Петр еще не достиг половой зрелости. Таково было мнение мадам Крузе, которая тщетно каждое утро расспрашивала молодую жену. Мы не знаем, почему он не хотел или не мог притронуться к своей жене. В своих «Мемуарах» Екатерина не дает ответа на этот вопрос. Петр не оставил записок. Существует два возможных объяснения: одно – физиологического, а другое – психологического свойства.

Психологические запреты, полученные в юности, могли помешать Петру с его хрупкой психикой вступить в интимные отношения. Детство и юность Петра были ужасающими. Он вырос сиротой под присмотром строгих наставников, которые опекали его, но не любили. Он знал людей, которые отдавали ему приказы, и людей, которые ему подчинялись, но никогда не был знаком с людьми, разделявшими его интересы, с которыми можно было дружить, которым можно было доверять. Екатерина в первый год своего пребывания в России стала его компаньонкой, но невольно предала его тогда, в тускло освещенном зале, когда он появился перед ней с жуткими шрамами от оспы. В тот момент новый друг нанес сильный удар его уверенности в себе. Чтобы простить ее и снова ей довериться, он должен был предпринять шаги, которые был просто не в силах совершить. Петр имел некоторые представления о том, что он должен был делать с Екатериной в постели, но ее ум и обаяние, ее постоянное присутствие рядом не возбуждали в нем никакого желания. Напротив, они вызывали чувство собственной несостоятельности, полного провала и унижения.

Существует и другое возможное объяснение равнодушия Петра. Маркиз де Кастера – французский дипломат, написавший трехтомное сочинение «Жизнь Екатерины II», опубликованное через год после ее смерти, предполагал, что: «Последний раввин или хирург в Петербурге могли исправить его маленькое несовершенство». Он говорил о физиологическом состоянии, названном фимоз – медицинский термин для такого понятия, как сужение отверстия крайней плоти, которое мешало легкому и беспрепятственному выскальзыванию головки полового члена. Такая особенность является нормой для младенцев и маленьких детей, и у необрезанных мальчиков четырех-пяти лет часто остается незамеченной, хотя в этом возрасте крайняя плоть нередко еще остается тугой. Обычно проблема решается сама собой еще до наступления пубертатного периода, во время

которого крайняя плоть постепенно ослабевает и становится эластичной. Однако если же этого не происходит, подобное состояние сохраняется и после наступления половой зрелости и становится особенно болезненным. Иногда крайняя плоть бывает такой тугой, что мальчик не может испытать эрекцию без боли. Разумеется, это лишает всякой привлекательности половой акт. Если проблема Петра заключалась именно в этом, его нежелание испытывать возбуждение, а потом объяснять свою проблему невинной молодой девушке можно было понять.

Если Петр страдал от фимоза, когда они с Екатериной только были помолвлены, это может объяснить, почему врачи Елизаветы рекомендовали повременить с браком. В другом фрагменте своих «Мемуаров» Екатерина писала, что доктор Лесток советовал ждать, пока великому князю не исполнится двадцать один год. Это могло быть вызвано тем, что Лесток знал: к этому возрасту проблема должна была разрешиться сама собой. Но если даже Лесток и обсуждал это с императрицей, Елизавета могла просто пренебречь его мнением. Она спешила заполучить наследника[2].

Ни одно из объяснений холодности Петра в супружеской постели нельзя подтвердить или опровергнуть. Независимо от того, проистекала ли проблема из области психологии или физиологии, или же причина была в чем-то ином, вина Петра оставалась неоспоримой. Но нельзя отвергать и того, что негативная реакция Екатерины, впервые увидевшей его изуродованное шрамами лицо, оказало на него сильное влияние. А отсутствие физического влечения у Петра также определенным образом сказалось и на самой Екатерине. Выходя замуж, она не любила его, но приготовилась к тому, чтобы жить с ним и выполнить ожидания будущего мужа и императрицы. Екатерина, которая совсем мало знала о сексе, об эрекции и крайней плоти и которой уж точно ничего не было известно о фимозе, тем не менее хорошо понимала, чего ждут от жен в династических браков в первую очередь. Поэтому Екатерина точно не могла сказать «нет».

Но Петр не давал ей шанса. Он презирал ее как женщину и волочился за другими придворными дамами. А также подталкивал ее к флирту с другими мужчинами. Весь двор видел ее унижение. Иностранные послы замечали, что она не вызывала интереса у своего мужа, каждый слуга знал имя женщины, за которой в тот момент ухаживал великий князь. И поскольку никто не понимал, почему Петр игнорировал свою молодую жену, все, включая императрицу, возлагали вину на нее. Петр и Екатерина продолжали жить вместе, у них не было выбора. Но тысячи непониманий и обид отдаляли их друг от друга, и между

ними пролегла пустыня затаенной злобы.

19
Обрушение дома

В конце мая 1748 года императрица Елизавета и двор посетили загородное поместье графа Разумовского, находившееся за пределами Санкт-Петербурга. Петра с Екатериной разместили в маленьком трехэтажном деревянном доме, стоявшем на холме. Их покои находились на третьем, верхнем, этаже и состояли из трех комнат; одна из них служила им спальней, другая – уборной для Петра, а в третьей спала мадам Крузе. На нижнем этаже расположились Чоглоковы и фрейлины Екатерины. В первую ночь дали бал, который продлился до шести утра, после чего все разошлись по комнатам. Примерно в восемь, пока все спали, сержант гвардии, стоявший на посту, услышал странный скрип. Он решил проверить фундамент дома и увидел, что большие каменные плиты, на которых держалось здание, вывалились из-под лежащих на них брусьев и покатились с холма. Он поспешил разбудить Чоглокова и рассказал ему о том, что фундамент начал разрушаться и нужно всех поднять. Чоглоков ринулся наверх и распахнул дверь комнаты, где спали Екатерина и Петр. Отодвинув полог их кровати, он закричал: «Скорее, поднимайтесь! Фундамент рушится!» Петр, только что спавший крепким сном, вскочил, бросился к двери и исчез. Екатерина сказала Чоглокову, что последует за ним. Одеваясь, она вспомнила, что мадам Крузе спала в соседней комнате, и поспешила разбудить ее. Половицы стали качаться – «как волны на море», – вспоминала Екатерина, – а затем последовал ужасающий грохот. Дом стал проседать и распадаться на части, Екатерина и мадам Крузе упали на пол. В этот момент появился сержант, который поднял Екатерину и понес ее к лестнице, уже полностью разрушенной. Посреди развалин сержант спустил Екатерину ближайшему человеку, находившемуся внизу, тот передал ее другому, стоявшему еще ниже, и так далее, пока она не оказалась на первом этаже, откуда ее вывели на луг. Там она встретила Петра и других людей, которые выбежали сами или их также вынесли из дома. Вскоре появилась и мадам Крузе, спасенная другим солдатом. Екатерина отделалась синяками и легким шоком, но трое слуг, спавших на кухне на первом этаже, погибли, когда обрушилась печь. Шестнадцать рабочих, ночевавших в подвале, были погребены под обломками.

Дом разрушился, поскольку был поспешно построен в начале зимы на промерзшей земле. Четыре известняковых блока служили

фундаментом, на который укладывали деревянные брусья. С наступлением весны, когда началась оттепель, четыре каменных блока стали расползаться в разные стороны, и дом распался. Позже тем же днем императрица послала за Екатериной и Петром. Екатерина попросила наградить сержанта, который вынес ее из комнаты. Елизавета смерила ее долгим взглядом и поначалу ничего не ответила.

> «Так как ей хотелось преуменьшить опасность, все старались не придавать этому событию особого значения, а некоторые даже не находили ничего опасного в этом; мой страх ей очень не понравился, и она рассердилась на меня; обер-егермейстер плакал и приходил в отчаяние; он говорил, что застрелится из пистолета; вероятно, ему в этом помешали, так как он ничего подобного не сделал, и на следующий день мы возвратились в Петербург».

После эпизода с обрушением дома Екатерина заметила, что императрица постоянно была недовольна ею. Однажды Екатерина вошла в комнату, где находились фрейлины императрицы. Чоглоковой еще не было, и одна из фрейлин прошептала Екатерине на ухо, что ее очернили в глазах императрицы. Через несколько дней во время обеда Елизавета обвинила ее в том, что она все больше и больше входит в долги, заявила, что все ее поступки были сумасбродными, и заметила, что хоть она и считала себя очень умной, никто не разделял ее мнение, поскольку ее глупость являлась очевидной для всех.

Екатерина не захотела мириться с такой оценкой и, забыв о своем обычном почтительном отношении, парировала:

> «Я ответила относительно моей глупости, что нельзя меня за это винить, поскольку каждый таков, каким его Бог создал; что же касается долгов, то неудивительно, если они у меня есть, потому что при тридцати тысячах содержания мать, уезжая, оставила мне шестьдесят тысяч рублей долгу, чтобы заплатить за нее. И к сожалению, мне стало известно, что против меня возбуждают императрицу, по отношению к которой я никогда не была неуважительной, непокорной и непочтительной, и чем больше будут за мною наблюдать, тем больше в этом убедятся».

Запрет на несанкционированное общение молодой супружеской пары с внешним миром сохранился, но стал не

таким строгим. «Отсюда видно, что значат подобные запрещения, которые никогда во всей строгости не исполняются, поскольку слишком много лиц занято тем, чтобы их нарушать, – писала позже Екатерина. – Все окружавшие нас, до ближайших родственников Чоглоковых, старались уменьшить суровость такого рода политической тюрьмы, в которой пытались нас держать». В действительности родной брат Чоглоковой, граф Гендриков, который приходился также кузеном императрице, «часто вскользь давал мне полезные и необходимые сведения, и другие пользовались им же, чтобы мне их доставлять, чему он всегда поддавался с простодушием честного и благородного человека; он смеялся над глупостями и грубостями своей сестры и своего зятя».

Таким образом, была найдена лазейка в неприступной стене, возведенной Бестужевым, чтобы помешать Екатерине вести корреспонденцию. Ей было запрещено писать личные письма, за нее это делали в Коллегии иностранных дел. Екатерина поняла, насколько строгими были эти предписания, когда узнала, что одного из служащих министерства едва не обвинили в преступлении лишь за то, что она послала ему несколько строк и умоляла вставить их в письмо, которое он сочинял от ее имени для Иоганны. Но были и люди, готовые оказать ей помощь. Летом 1748 года шевалье ди Сакромозо, рыцарь Мальтийского ордена, прибыл в Россию и был тепло принят при дворе. Когда его представили Екатерине, он поцеловал ее руку и незаметно просунул ей в ладонь маленькую записку. «Это от вашей матери», – прошептал он. Екатерина была напугана, опасаясь, что кто-нибудь, особенно стоявшие неподалеку Чоглоковы, мог это заметить. Ей удалось незаметно спрятать записку в перчатку. В своей комнате она обнаружила внутри записки от Сакромозо свернутое письмо от матери. Иоганна справлялась о здоровье Екатерины, писала, что ее волновало молчание дочери и спрашивала о его причине. Екатерина ответила, что ей было запрещено писать кому-либо, однако дела у нее шли хорошо.

В своей записке Сакромозо сообщал Екатерине, что она может послать ответ через итальянского музыканта, который будет представлен на следующем концерте Петра. Следуя указаниям Сакромозо, великая княгиня свернула свой ответ так же, как и письмо матери, и стала ждать случая, чтобы передать его. На концерте она подошла к оркестру и встала позади стула виолончелиста, того самого человека, которого ей описали. Когда виолончелист увидел, что позади его стула стоит великая княгиня, он открыл пошире карман сюртука, словно собираясь достать платок. Екатерина быстро бросила в открытый карман

записку и ушла. Никто ничего не заметил. Во время своего пребывания в Санкт-Петербурге Сакромозо передал ей три записки от матери и получил три ее ответа точно таким же образом. Никто об этом не узнал.

20
Летние радости

Чоглоковых назначили помогать Бестужеву в его желании изолировать Екатерину и Петра от внешнего мира, а также представить супругам идеальный пример добродетельного супружеского счастья и плодовитости. В достижении первой своей цели они отчасти преуспели, что же касалось второй, то здесь их ждал сокрушительный провал.

Во время пребывания в Петергофе летом 1748 года Екатерина и Петр, выглядывая из окон, выходящих в сад, часто видели месье и мадам Чоглоковых прогуливающихся от главного дворца на холме до Монплезира – маленького дворца Петра Великого, выстроенного в голландском стиле из красного кирпича и находившегося у самой воды. Именно там предпочитала останавливаться Елизавета. Они быстро выяснили, что регулярные прогулки имели отношение к тайному роману месье Чоглокова с одной из фрейлин Екатерины, Марией Кошелевой, и что молодая женщина забеременела. Чоглоковы теперь оказались на пороге краха, о котором наблюдавшие за ними из дворцовых окон верхнего этажа великий князь и княгиня так страстно мечтали.

Продолжая вести неусыпное наблюдение, как и требовал Бестужев, месье Чоглоков, главный цепной пес при Петре, спал в комнате, находившейся в покоях великого князя. Мадам Чоглокова, которая была на сносях, чувствовала себя одиноко без мужа и попросила Марию Кошелеву спать рядом с ней. Она укладывала девушку к себе в постель или заставляла ее спать на маленькой кровати рядом. Кошелева, по словам Екатерины, была «полной, глупой, неуклюжей девушкой с красивыми светлыми волосами и необычайно белой кожей». Однажды утром месье Чоглоков пришел, чтобы разбудить свою жену, и обнаружил рядом с ней Марию в пеньюаре, ее светлые волосы разметались по подушке, белая кожа беспрепятственно открывалась взору. Жена, никогда не сомневавшаяся в любви мужа, ничего не заметила.

Вскоре Екатерина заболела корью, и перед Чоглоковым открылась долгожданная возможность. Он убедил жену, что ее долгом было оставаться по ночам у постели Екатерины, ухаживать за ней и убеждаться, что врач, фрейлины или кто-либо еще не принесут великой княгине запретных писем. Это предоставило ему достаточно времени для встреч с мадемуазель

Кошелевой. Через несколько месяцев мадам Чоглокова родила шестого ребенка, а беременность Марии Кошелевой стала заметна. Как только обо всем сообщили Елизавете, она вызвала ни о чем не подозревающую жену и поставила ее перед фактом супружеской измены. Если мадам Чоглокова пожелает расстаться с мужем, то она, Елизавета, будет довольна, поскольку она с самого начала не одобряла выбора своей двоюродной сестры. В любом случае императрица объявила, что месье Чоглоков не может оставаться под одной крышей с Петром и Екатериной. Его вышлют из дворца, а мадам Чоглокова получит полную свободу.

Сначала мадам Чоглокова, которая все еще любила мужа, не верила в возможность подобной связи и заявляла, что все это клевета. Пока она беседовала с императрицей, допросили Марию Кошелеву. Она во всем призналась. Когда же об этом сообщили Чоглоковой, она вернулась к мужу, задыхаясь от гнева. Чоглоков на коленях молил ее о прощении. Мадам Чоглокова вернулась к императрице, бросилась ей в ноги и сказала, что простила мужа и желала бы остаться с ним ради детей. Она умоляла императрицу не удалять ее супруга от двора, поскольку это станет бесчестием не только для него, но и для нее. Ее горе было таким искренним, что Елизавета смягчила свой гнев. Мадам Чоглоковой разрешили привести мужа, и вместе, на коленях, они умоляли ее простить Чоглокова ради жены и детей. И хотя им удалось умилостивить императрицу, после этого они не смогли сохранить теплые чувства друг к другу: его обман и ее публичное унижение вызвали у Чоглоковой непреодолимое отвращение к мужу, и они оставались вместе лишь ради общего желания сохранить свое положение.

Эта история разворачивалась на протяжении пяти или шести дней и придворные великокняжеской четы почти каждый час узнавали новости. Разумеется, все надеялись, что цепных псов уволят, но, в конце концов, отослали лишь беременную Марию Кошелеву. Чоглоковы остались, их власть сохранилась, хотя, как заметила Екатерина, «больше уже не было разговоров об образцовом браке».

Остальная часть лета прошла спокойно. Покинув Петергоф, Петр и Екатерина переехали в поместье Ораниенбаум, поблизости от залива. Поскольку Чоглоковы все еще приходили в себя от семейного позора и не пытались вводить свои привычные строгие ограничения на перемещение и разговоры, Екатерина могла делать все, что ей угодно.

«Вот образ жизни, какой я тогда вела

в Ораниенбауме. Я вставала в три часа утра, сама одевалась с головы до ног в мужское платье; старый егерь, который у меня был, ждал уже меня с ружьями; на берегу моря у него был наготове рыбачий челнок. Мы пересекали сад пешком, с ружьем на плече, и садились – он, я, легавая собака и рыбак, который нас вез, – в этот челнок, и я отправлялась стрелять уток в тростниках, окаймляющих море с обеих сторон Ораниенбаумского канала, который на две версты уходит в море. Мы огибали часто этот канал и, следовательно, находились иногда в довольно бурную погоду в открытом море на этом челноке.

Великий князь приезжал через час или два после нас, поскольку ему надо было всегда тащить с собою завтрак и еще невесть что такое. Если он нас встречал, мы отправлялись вместе; если же нет, то каждый из нас охотился порознь. В десять часов, а иногда и позже я возвращалась и одевалась к обеду; после обеда отдыхала, а вечером или у великого князя была музыка, или мы катались верхом».

Летом верховая езда стала для Екатерины «главной страстью». Ей запрещалось ездить по-мужски, поскольку Елизавета считала, что это приводит к бесплодию у женщин, но Екатерина придумала для себя особое седло, в котором она могла сидеть, как ей захочется. Это было английское седло с подвижной лукой, позволявшее ей под надзором мадам Чоглоковой ездить по-женски, а как только она исчезала из поля зрения, передвигать луку, перекидывать ногу через спину лошади, и, уверенная в том, что конюх не выдаст ее, ездить по-мужски. Если бы конюха спросили, как ездит великая княгиня, он бы, не кривя душой, ответил: «В женском седле», как и приказала императрица Екатерине. Поскольку Екатерина перекидывала ногу, лишь когда была уверена, что за ней не наблюдают, и никогда не хвасталась ни перед кем своим изобретением, Елизавета ни о чем не узнала. Конюхи были счастливы хранить ее секрет, они считали, что ездить по-мужски более безопасно, чем в английском седле, что могло привести к несчастному случаю, в котором в конечном счете обвинили бы их. «По правде сказать, – писала Екатерина, – я была равнодушна к охоте, но страстно любила верховую езду; чем это упражнение было вольнее, тем оно было мне милее, так что если какая-нибудь лошадь убегала, то я догоняла ее и приводила назад».

Императрица, которая сама в молодости была отличной

наездницей, до сих пор любила этот спорт, хотя слишком отяжелела, чтобы ездить самой. Однажды она предложила Екатерине пригласить жену саксонского посла. Мадам Д'Арним сопровождала ее во время верховой прогулки. Эта женщина хвасталась тем, что обожала верховую езду и была прекрасной наездницей. Елизавета хотела выяснить, правда ли это. Екатерина пригласила мадам Д'Арним присоединиться к ней.

> «Это была высокая, стройная женщина лет двадцати пяти-шести. Она не знала, куда девать шляпу и руки, и показалась нам довольно неуклюжей. Так как я знала, что императрица не любит, чтобы я ездила верхом по-мужски, то я велела приготовить себе английское дамское седло. Я спустилась, чтоб сесть на лошадь; в эту минуту императрица пришла к нам в комнаты посмотреть, как мы поедем. Так как я была тогда очень ловка и привычна к верховой езде, то, как только я подошла к лошади, так на нее и вскочила; юбку, которая у меня была разрезная, я спустила по бокам лошади. Мне передали, что императрица, видя, с каким проворством и ловкостью я вскочила на лошадь, изумилась и сказала, что нельзя быть лучше меня на лошади; она спросила, в каком я седле, и, узнав, что в дамском, сказала: «Можно поклясться, что она в мужском седле».
>
> Когда очередь дошла до Д'Арним, она не блеснула ловкостью перед Ее Императорским Величеством. Эта дама велела привести свою лошадь из дому; то была старая вороная кляча, очень большая и тяжелая и, как уверяли наши придворные, упряжная из ее кареты. Ей понадобилась лесенка, чтобы влезть. Все это сопровождалось всякими церемониями, и, наконец, с помощью нескольких лиц, она уселась на свою клячу, которая пошла довольно неровной рысью, так что порядком трясла даму, которая не была тверда ни в седле, ни в стременах и которая держалась рукой за луку. Мне сказали, что императрица смеялась от всей души».

Как только мадам Д'Арним села в седло, Екатерина пустила лошадь галопом и догнала Петра, который выехал раньше, оставив ее с гостями позади. Наконец, как сказала Екатерина: «Чоглокова, ехавшая в карете, взяла к себе эту даму, терявшую то шляпу, то стремена».

Но приключение еще не закончилось. Тем утром пошел дождь, на ступеньках и на крыльце конюшни образовались лужи.

Сойдя с коня, Екатерина поднялась на открытое крыльцо, мадам Д'Арним последовала за ней, но поскольку Екатерина шла быстро, ей пришлось бежать. Она оступилась в луже, поскользнулась и упала. Окружающие рассмеялись. Мадам Д'Арним поднялась в большом смущении, утверждая, что виной ее падения стали новые сапоги, которые она надела в первый раз. Вся компания возвращалась с прогулки в карете, и всю дорогу мадам Д'Арним рассказывала о необыкновенных достоинствах своей лошади. «Мы кусали губы, чтобы не рассмеяться», – вспоминала Екатерина.

21
Отставки при дворе

Во время переполоха, возникшего из-за истории с Кошелевой, мадам Крузе, ненавидевшая обоих Чоглоковых, но в особенности – мадам Чоглокову, преждевременно отпраздновала поражение соперницы. Однако поскольку Чоглоковых так и не отправили в отставку, возмездие оказалось неизбежным. Мадам Чоглокова заявила Екатерине, что мадам Крузе попросила об отставке, и императрица подыскала ей замену. Екатерина доверяла мадам Крузе, а Петр зависел от нее, ведь именно она приносила ему по ночам игрушки. Тем не менее мадам Крузе покинула их уже на следующий день. Прасковья Владиславова, высокая женщина пятидесяти лет, приехала ей на замену. Екатерина посоветовалась с Тимофеем Евреиновым, и он сообщил ей, что новоприбывшая была умной, уравновешенной, воспитанной женщиной, но про нее также говорили, что она хитра, и Екатерине не стоило ей особо доверять, пока она не убедится в ее преданности.

Владиславова поначалу старалась угодить Екатерине. Она была общительной, любила беседы, рассказывала остроумные истории, знала бесчисленное множество анекдотов прошлого и настоящего, а также оказалась осведомлена об истории всех русских фамилий, начиная со времени Петра Великого. «Никто не познакомил меня с тем, что происходило в России в течение ста лет, более обстоятельно, чем она, – писала позже Екатерина. – Ум и манеры этой женщины мне нравились достаточно, и, когда я скучала, я поощряла ее к болтовне, чему она всегда охотно предавалась. Я без труда открыла, что она очень часто не одобряет слов и поступков Чоглоковых, но так как она очень часто ходила в покои императрицы и мы вовсе не знали зачем, то были с ней до известной степени осторожны, не ведая, как могут быть перетолкованы самые невинные поступки и слова».

Вместе с мадам Крузе исчез и Арман Лесток, видная фигура при дворе и хороший знакомый Екатерины. Он был личным врачом Елизаветы с ее отрочества, одним из ее верных друзей, человеком, который поддержал ее при захвате трона и который, по мнению некоторых, являлся одним из ее любовников. Екатерина познакомилась с Лестоком в тот вечер, когда она четырнадцатилетней девочкой прибыла в Москву, и он поприветствовал ее с матерью в Головинском дворце. В конце лета 1748 года, когда Лесток все еще сохранял свое привилегированное положение, он женился на фрейлине

императрицы. Елизавета и весь двор присутствовали на венчании. Два месяца спустя фортуна отвернулась от молодоженов.

Причина заключалась в постоянных попытках Фридриха Прусского подорвать проавстрийскую политику Бестужева с помощью подкупа российских придворных и государственных деятелей. Екатерина впервые почувствовала, что происходит нечто странное вечером, когда придворные собрались за карточной игрой в покоях императрицы. Ничего не подозревающая Екатерина подошла к Лестоку и заговорила с ним. Понизив голос, он ответил: «Не подходите ко мне. Я в подозрении». Решив, что это шутка, Екатерина спросила, что он имел в виду. Он ответил: «Повторяю вам очень серьезно – не подходите ко мне, потому что я человек заподозренный, которого надо избегать». Екатерина, заметив, как он неестественно покраснел, решила, что он пьян, и ушла. Это случилось в пятницу. В воскресенье днем Тимофей Евреинов сказал ей: «Знаете ли вы, что сегодня ночью граф Лесток и его жена арестованы и отправлены в крепость как государственные преступники?» Впоследствии она узнала, что Лестока допрашивали граф Бестужев и другие, его обвинили в пересылке зашифрованных сообщений прусскому послу, в получении взятки в десять тысяч рублей от короля Пруссии и в отравлении человека, который мог дать против него показания. Также Екатерине рассказали, что он пытался покончить с собой в крепости, заморив себя голодом. После одиннадцати дней его силой заставили есть. Лесток ни в чем не признался, и его вину не удалось доказать. Однако вся его собственность была конфискована, а его самого сослали в Сибирь. Бесчестие Лестока стало триумфом Бестужева и предупреждением всем в России, кто выказывал симпатии к Пруссии. Екатерина, которая сама находилась под подозрением у Бестужева, поскольку была немкой, не верила в вину Лестока. Позже она писала: «Императрица не смогла набраться мужества и совершить правосудие по отношению к невиновному человеку, она боялась его мести, поэтому в ее правление все, виновные или невиновные, из крепости отправлялись в изгнание».

Больше всего Екатерина переживала из-за Петра. Хотя пара держалась вместе в своем противоборстве с Чоглоковыми и Петр регулярно приходил к Екатерине, когда ему требовалась помощь, ей тяжело было жить с ним. Иногда размолвки происходили из-за мелочей. Когда они играли в карты, Петр любил выигрывать. Если выигрывала Екатерина, он мог дуться на нее весь день. Когда же она проигрывала, он требовал, чтобы ему немедленно

заплатили. Часто она говорила: «Я намеренно проигрывала, лишь бы избежать его раздражения».

Временами Петр попадал в такое глупое положение, что Екатерине бывало стыдно за него. Порой императрица разрешала кавалерам ее двора обедать вместе с Петром и Екатериной в их покоях. Молодая пара была рада их обществу, пока Петр не портил все своим дерзким поведением. Однажды, когда на обеде присутствовал генерал Бутурлин, он так сильно рассмешил Петра, что наследник трона откинулся на спинку стула и воскликнул по-русски: «Этот сукин сын рассмешил меня до смерти!» Екатерина, зная, что такие слова могут быть обидны для генерала, промолчала. Впоследствии Бутурлин передал эти слова Елизавете, которая приказала своим придворным больше не общаться с такими невоспитанными людьми. Генерал Бутурлин никогда не забывал слов Петра. В 1767 году, когда на троне уже была Екатерина, он спросил ее: «Вы помните тот случай в Царском Селе, когда великий князь публично назвал меня «сукиным сыном»?» «Вот какое действие, – писала впоследствии Екатерина, – может оказать глупое, необдуманно высказанное слово – его никогда не забывают».

Некоторые поступки Петра невозможно было оправдать. Летом 1748 года Петр собирал в округе собак и дрессировал их. Осенью он привез шесть собак в Зимний дворец и держал их в загоне за деревянной перегородкой, которая отделяла комнату, где они жили вместе с Екатериной, от вестибюля в дальнем конце их покоев. Поскольку перегородка состояла всего из нескольких досок, запах из самодельной псарни проникал в комнату, и молодые супруги спали в комнате, сильно пахнувшей псиной. Когда Екатерина пожаловалась, Петр сказал, что у него не было выбора, это было единственное место, где он мог в тайне содержать собак. «Я переносила это неудобство, не выдавая тайны Его Императорского Высочества», – вспоминала Екатерина.

Впоследствии, продолжала она, у Петра «было только два занятия, и они оба мучили мой слух с утра до вечера. Первым было его пиликанье на скрипке, вторым – его попытки дрессировать собак». Яростно щелкая кнутом и выкрикивая команды охотников, Петр заставлял собак бегать из одного конца двух его комнат в другой. Собаки, которые отставали, подвергались порке кнутом, из-за чего выли еще громче. Екатерина жаловалась, что «утром, днем и очень поздно ночью <…> он брал скрипку и пиликал на ней очень скверно и с чрезвычайной силой, гуляя по своим комнатам, после чего снова принимался за воспитание своей своры и за наказание собак».

Иногда жестокость Петра казалась особенно садистской:

«Слыша раз, как страшно и очень долго визжала какая-то несчастная собака, я открыла дверь спальни, в которой сидела и которая была смежной с тою комнатой, где происходила эта сцена, и увидела, что великий князь держит в воздухе за ошейник одну из своих собак, а бывший у него мальчишка, родом калмык, держит ту же собаку, приподняв за хвост. Это был бедный маленький шарло английской породы, и великий князь бил эту несчастную собачонку изо всей силы толстой ручкой своего кнута; я вступилась за бедное животное, но это только удвоило удары; не будучи в состоянии выносить это зрелище, которое показалось мне жестоким, я удалилась со слезами на глазах к себе в комнату. Вообще слезы и крики вместо того, чтобы внушать жалость великому князю, только сердили его; жалость была чувством тяжелым и даже невыносимым для его души».

22
Москва и деревня

В декабре 1748 года императрица Елизавета и двор отправились в Москву, где она провела год. Там перед Великим постом 1749 года императрицу постигло загадочное заболевание желудка. Болезнь все усиливалась. Мадам Владиславова, имевшая связи с ближайшим окружением Елизаветы, шепотом сообщала всю информацию Екатерине и умоляла не выдавать ее. Не называя своего информатора, Екатерина рассказала Петру о болезни его тетки. Он был одновременно рад и напуган. Петр ненавидел свою тетку, но мысль о том, что та, возможно, оказалась при смерти, вызывало у него страх за собственное будущее. Хуже того, ни он, ни Екатерина не смели выяснить дальнейшие подробности. Они решили никому ничего не говорить, пока Чоглоковы не расскажут им о болезни. Но Чоглоковы ничего не сказали.

Однажды ночью Бестужев и его помощник, генерал Степан Апраксин, явились во дворец и несколько часов разговаривали с Чоглоковыми. Судя по всему, это могло означать, что болезнь императрицы была смертельной. Екатерина умоляла Петра сохранять спокойствие. Она сказала ему, что хотя им и запрещено покидать свои покои, если Елизавета окажется при смерти, она может устроить так, чтобы Петр сбежал из их комнат. Она показала ему на их окна в первом этаже: они достаточно низкие, чтобы выпрыгнуть из них на улицу. Кроме того, она сообщила ему, что граф Захар Чернышев, на которого, как она знала, можно было положиться, служит в полку в городе. Петра это подбодрило, а через несколько дней императрица пошла на поправку.

В течение всех этих тревожных дней Чоглоков и его жена хранили молчание. Юные супруги также не поднимали этой темы, они даже не решались спросить, стало ли императрицы лучше, Чоглоковы тотчас потребовали бы, чтобы им сказали, кто сообщил о ее болезни – и информатора немедленно отослали бы от двора.

Пока Елизавета все еще лежала в постели и приходила в себя после болезни, одна из ее фрейлин вышла замуж. На свадебном обеде Екатерина сидела рядом с близкой подругой Елизаветы – графиней Шуваловой. Графиня без стеснения сообщила Екатерине, что императрица все еще так слаба, что не смогла появиться на свадебной церемонии, однако выполнила свои

традиционные обязанности и, сидя в постели, убрала голову невесты. Поскольку графиня Шувалова была первой, кто в открытую говорил о болезни императрицы, Екатерина сообщила ей, что переживает за ее состояние. Графиня Шувалова ответила, что Ее Величеству будет приятно узнать о проявленном к ней сочувствии. Через два дня утром Чоглокова ворвалась в комнату Екатерины и объявила, что императрица сердится на Петра и Екатерину за то, что они совершенно не выражали своего сочувствия во время ее болезни.

Екатерина в ярости ответила мадам Чоглоковой, что та прекрасно знала о положении вещей: но ни ей, ни ее мужу не сообщила о болезни императрицы, и они оставались в полном неведении, а потому и не могли показать своего беспокойства.

«Как вы можете говорить, что вы ничего не знали? – спросила мадам Чоглокова. – Графиня Шувалова сказала императрице, что вы с ней говорили за столом об этой болезни».

«Это правда, что я с ней говорила об этом, ибо она сказала мне, что Ее Величество еще очень слаба, – парировала Екатерина, – и не может выходить, и тогда я у нее расспросила подробно об этой болезни».

Позже Екатерина набралась мужества сказать Елизавете, что ни Чоглоков, ни его жена не сообщили им с мужем о ее болезни, поэтому она и не смогла выразить своей обеспокоенности на этот счет. Судя по всему, ее признание понравилось Елизавете. «Я знаю об этом, – сказала она. – Но не будем больше обсуждать данную тему». Вспоминая эти события, Екатерина комментировала их следующим образом: «Мне показалось, что влияние Чоглоковых уменьшается».

Весной императрица начала выезжать за пределы Москвы вместе с Екатериной и Петром. В Перово, имении, принадлежавшем Алексею Разумовскому, у Екатерины случился приступ сильной головной боли. «Чрезвычайная боль вызвала у меня ужасную тошноту, меня вырвало несколько раз, и каждый шаг, какой делали в комнате, увеличивал мою боль. Я провела почти сутки в таком состоянии и, наконец, заснула».

Из Перово императорская свита переместилась в принадлежавшие Елизавете охотничьи угодья, которые находились в сорока милях от Москвы. Поскольку дома там не было, придворные разместились в палатках. Утром после их прибытия Екатерина зашла в палатку Елизаветы и увидела, что та кричала на человека, управлявшего имением. Елизавета заявила, что приехала охотиться на зайцев, но там не было никаких зайцев. Она обвиняла его в том, что он брал взятки и позволял

проживавшим по соседству дворянам охотиться в ее угодьях. Мужчина молчал, был бледен и дрожал. Когда Петр и Екатерина приблизились, чтобы поцеловать ей руку, она поприветствовала их, а потом тут же вернулась к разносу. Елизавета говорила, что провела юность в деревне и прекрасно понимала, как управляют поместьями, это позволяло ей замечать каждую деталь, показывающую непрофессионализм управляющего. Ее тирада длилась три четверти часа. Наконец, вошел слуга, он принес в шляпе детеныша ежа, которого показал ей. Елизавета подошла взглянуть на него, но, увидев маленькое животное, вскрикнула, после чего заявила, что зверек похож на мышей, которые буквально заполонили ее палатку. «Она смертельно боялась мышей, – заметила Екатерина. – В тот день мы больше ее не видели».

В то лето главным развлечением Екатерины была верховая езда.

> «Так как всю весну и часть лета я была или на охоте, или постоянно на воздухе, поскольку раевский дом был так мал, что мы проводили большую часть дня в окружавшем его лесу, я приехала в Братовщину чрезвычайно красной и загоревшей. Императрица, увидев меня, ужаснулась моей красноте и сказала, что пришлет умывание, чтобы снять загар. Действительно, она тотчас же прислала мне пузырек, в котором была жидкость, составленная из лимона, яичных белков и французской водки. Несколько дней спустя мой загар прошел, и с тех пор я стала пользоваться этим средством».

Однажды Екатерина и Петр обедали в палатке императрицы. Елизавета сидела в конце длинного стола. Петр расположился справа от нее, Екатерина – слева, рядом с Екатериной сидела графиня Шувалова, а рядом с Петром – генерал Бутурлин. Петр не без помощи Бутурлина, «который сам был не прочь выпить», как вспоминала Екатерина, выпил так много, что совершенно опьянел.

> «Он перешел всякую границу: не помнил, что говорит и делает, заплетался в словах, и на него было так неприятно смотреть, что у меня навернулись слезы на глазах, у меня, скрывавшей тогда или смягчавшей, насколько я могла, все, что было в нем предосудительного; императрица была довольна моею чувствительностью и встала ранее обыкновенного из-за

стола».

Между тем Екатерина, сама того не подозревая, обзавелась еще одним поклонником – Кириллом Разумовским, младшим братом фаворита Елизаветы, Алексея Разумовского, который жил на другом конце Москвы, но каждый день навещал Екатерину и Петра.

> «Это был человек очень веселый и приблизительно наших лет. Мы очень его любили. Чоглоковы охотно принимали его к себе, как брата фаворита; его посещения продолжались все лето, и мы всегда встречали его с радостью; он обедал и ужинал с нами и после ужина уезжал в свое имение; следовательно, он делал от сорока до пятидесяти верст в день.
>
> Лет двадцать спустя [в 1769 году, когда Екатерина уже была императрицей] мне вздумалось его спросить, что заставляло его тогда приезжать, делить скуку и нелепость нашего пребывания в Раеве в то время, как его собственный дом ежедневно кишел лучшим обществом, какое было в Москве. Он мне ответил, не колеблясь: «Любовь». «Но, Боже мой, – сказала я ему, – в кого вы у нас могли быть влюблены?» «В кого? – сказал он мне. – В вас». Я громко рассмеялась, ибо никогда в жизни этого не подозревала. И действительно, это был красивый мужчина своеобразного нрава, очень приятный и несравненно умнее своего брата, который, в свою очередь, равнялся с ним по красоте, но превосходил его щедростью и благотворительностью».

В середине сентября, когда стало холодать, у Екатерины начались сильные зубные боли. Затем у нее случилась лихорадка, перешедшая в бред, и ее отвезли обратно в Москву. Она оставалась в постели десять дней, и каждый день, в одно и то же время, зубная боль возвращалась. Неделю спустя Екатерина снова слегла, на этот раз с больным горлом. У нее снова началась лихорадка. Мадам Владиславова делала все, чтобы отвлечь ее. «Она сидела у постели и рассказывала истории. Одна из них была о княгине Долгорукой – женщине, которая имела привычку вставать посреди ночи и садиться у постели своей спящей дочери, которую она просто боготворила. Она хотела убедиться, что ее дочь спит, а не умерла. Иногда, желая полностью в этом удостовериться, она сильно трясла молодую женщину и будила ее, проверяя, действительно ли та спит, а не умерла».

23
Чоглоков наживает врага, а Петр спасается от заговора

В начале 1749 года, еще во время пребывания в Москве Екатерина поняла, что месье Чоглоков по-прежнему тесно общается с канцлером графом Бестужевым. Их постоянно видели вместе, и если послушать Чоглокова, «можно было сказать, что он ближайший советник графа Бестужева». Однако Екатерина едва ли этому верила, «потому что у Бестужева было чересчур много ума, чтобы принимать советы от такого заносчивого дурака, каким был Чоглоков». В августе этой близости, если она и существовала, пришел конец.

Екатерина была уверена, что причиной этому стало одно из высказываний Петра. После истории с беременностью Марии Кошелевой Чоглоков уже не вел себя настолько возмутительно по отношению к свите великого князя и великой княгини. Он знал, что императрица все еще испытывала к нему неприязнь, его отношения с женой ухудшились, он погрузился в депрессию. Однажды Петр, напившись, встретил графа Бестужева, который сам был навеселе. Во время этой неожиданной встречи он пожаловался Бестужеву, что Чоглоков всегда был груб с ним. Бестужев ответил: «Чоглоков – самодовольный надутый болван, но оставьте это дело мне. Я сам им займусь». Когда Петр рассказал Екатерине об этом разговоре, она предупредила его, что, если Чоглоков узнает, как его охарактеризовал Бестужев, он никогда не простит этого канцлеру. Тем не менее Петр решил, что может одержать победу над Чоглоковым, сообщив ему, какими эпитетами наградил его Бестужев. Подобная возможность не заставила себя долго ждать.

Вскоре после этого Бестужев пригласил Чоглокова на обед. Чоглоков принял его с мрачным видом, но во время трапезы молчал. Бестужев, выпив после обеда, попытался разговорить гостя, но понял, что тот не был склонен к беседе. В конце концов, Бестужев потерял терпение, и разговор пошел на повышенных тонах. Чоглоков упрекнул Бестужева в том, что тот критиковал его в разговоре с Петром. Бестужев сделал ему выговор за интригу с Марией Кошелевой и напомнил гостю о той поддержке, которую он, Бестужев, оказал ему, помогая пережить скандал. Чоглоков, не привыкший выносить критику в свой адрес, пришел в ярость и решил, что ему было нанесено непростительное оскорбление. Генерал Степан Апраксин, друг Бестужева,

присутствовавший на обеде, попытался успокоить его, но Чоглоков разошелся еще больше. Чувствуя, что его услуги не ценят по достоинству, что все его поступки оборачиваются против него, он поклялся, что его ноги никогда больше не будет в доме Бестужева. С того дня Чоглоков и Бестужев стали заклятыми врагами.

Пока его тюремщики находились в ссоре, Петру ничего не мешало пребывать в благостном расположении духа. Однако осенью 1749 года Екатерина постоянно видела его в тревоге. Он прекратил дрессировать охотничьих собак и приходил по несколько раз на дню в ее комнату с обеспокоенным, даже испуганным видом. «Так как он обыкновенно недолго хранил на сердце то, что его удручало, и так как ему некому было рассказать об этом, кроме меня, то я терпеливо выжидала, что он мне скажет. Наконец, однажды он мне открыл, что его мучило; я нашла, что дело несравненно серьезнее, чем я предполагала».

Летом, находясь в Москве или за ее пределами, Петр почти все время проводил на охоте. Чоглоков приобрел две своры собак: одну русской и другую иностранной породы. Чоглоков взял на себя заботу о русских собаках, Петр отвечал за свору собак иностранной породы. Он тщательно заботился о них, часто приходил на псарню или приказывал егерям докладывать ему о состоянии собак и о том, что им нужно. Петр сблизился с этими людьми, они вместе ели и пили, а также охотились.

В это время в Москве был расквартирован Бутырский полк. В этом полку служил один своевольный поручик по имени Яков Батурин, игрок с большими долгами. Егеря Петра жили неподалеку от лагеря, где размещался полк. Однажды один из егерей рассказал Петру, что встретил офицера, который выразил глубочайшую преданность великому князю и сказал, что все в полку, за исключением старших офицеров, были с ним согласны. Петр, польщенный этими словами, захотел узнать больше подробностей. Наконец, Батурин попросил егеря организовать ему встречу с великим князем во время охоты. Сначала Петр отказывался, но потом согласился. В назначенный день Батурин ждал его на лесной поляне. Когда появился Петр верхом на лошади, Батурин упал на колени, поклялся, что у него никогда не будет другого повелителя и выразил свою готовность делать все, что прикажет великий князь. Петр сказал Екатерине, что услыхав эту клятву, он почувствовал тревогу, испугавшись, что это может иметь отношение к какому-то заговору, поэтому пришпорил лошадь и оставил этого человека стоять на коленях посреди леса. Он также сообщил, что никто из егерей не слышал слов Батурина. С тех пор, заявил Петр, он и его егеря не общались с Батуриным.

Затем Петр узнал, что Батурина арестовали и подвергнут допросу. Петр боялся, что его егерь или даже он сам оказались в опасности. Его страхи усилились, когда несколько его егерей действительно были арестованы.

Екатерина попыталась успокоить мужа, сказав ему, что если он не вступал ни в какие беседы, помимо тех, о которых он ей рассказал, то, независимо от вины Батурина, она сомневалась, что кто-либо станет подозревать его, Петра, в неблагоразумном проступке за то, что Петр решился заговорить с неизвестным человеком в лесу. Она не знала, сказал ли ее муж правду. На самом деле ей показалось, что ее муж сообщил ей далеко не все. Некоторое время спустя Петр пришел к ней и заявил, что некоторые из его егерей были отпущены, и они сказали ему, что его имя не упоминалось. Это несколько приободрило Петра, он больше уже не заговаривал на данную тему. Батурина пытали и признали виновным. Позже Екатерина узнала, что он признался в планах убить императрицу, устроить во дворце пожар и посреди возникшей суматохи возвести на трон великого князя. Его пожизненно заточили в крепость Шлиссельбург. В 1770 году во время правления Екатерины он пытался бежать, но опять был схвачен и отправлен на полуостров Камчатка. Он снова бежал и, в конце концов, был убит во время незначительного столкновения на острове Формоза.

В ту осень у Екатерины возобновились сильные зубные боли и лихорадка. Ее спальня примыкала к покоям Петра, и она мучилась от пиликанья скрипки и лая собак. «Он не хотел отказываться от развлечений, пускай и знал, какие страдания мне это причиняло, – писала она. – Поэтому я добилась у мадам Чоглоковой позволения переставить мою кровать так, чтобы не слышать этих ужасающих звуков. В [новой] комнате окна выходили на три стороны, был сильный сквозняк, но все равно это было лучше того шума, что создавал мой муж».

В декабре 1749 года императорский двор покинул Москву, и Екатерина с Петром отправились в Санкт-Петербург. Они путешествовали в открытых санях. Во время поездки у Екатерины снова разболелись зубы. Несмотря на то что она мучилась от боли, Петр отказался закрыть сани. Вместо этого с большой неохотой он позволил ей задернуть занавески из зеленой тафты, чтобы защититься от ледяного ветра, дувшего им в лицо. Когда они, наконец, добрались до Царского Села, находившегося неподалеку от Санкт-Петербурга, боль стала просто невыносимой. Сразу же по прибытии Екатерина послала за лейб-медиком императрицы, доктором Бургавом и умоляла его удалить зуб,

который был причиной ее страданий в течение пяти месяцев. С большой неохотой Бургав согласился выполнить ее просьбу. Он послал за французским хирургом, месье Гюйоном, чтобы тот выполнил эту операцию. Екатерина сидела на полу, справа от нее был Бургав, слева – Чоглоков, которые держали ее за руки. Затем сзади к ней подошел Гюйон и схватил зуб щипцами. Когда он стал раскачивать его и тянуть, Екатерине показалось, что у нее треснула челюсть. «Никогда в моей жизни я не чувствовала такой сильной боли», – вспоминала она. В ту же минуту Бургав закричал на Гюйона: «Какой неловкий!», а когда ему передали зуб, добавил: «Вот этого-то я и боялся, и вот почему не хотел, чтобы его вырвали». Вытаскивая зуб, Гюйон «вырвал кусок нижней десны, в которой зуб сидел. Императрица подошла к дверям моей комнаты в ту минуту, как это происходило; мне сказали потом, что она растрогалась до слез. Меня уложили в постель, я очень страдала, больше четырех недель, даже в городе, куда мы, несмотря на то поехали на следующий день, все в открытых санях. Я вышла из своей комнаты только в половине января 1750 года, потому что все пять пальцев г. Гюйона были отпечатаны у меня синими и желтыми пятнами на щеке, внизу».

24
Баня перед Пасхой и кнут кучера

Когда двор переехал на год в Москву, Санкт-Петербург оказался в буквальном смысле слова заброшенным в социальном, культурном и политическом отношениях. Поскольку лошадей в городе было мало и почти не осталось карет, на улицах стала расти трава. В действительности большинство обитателей новой столицы Петра Великого проживали в ней лишь по необходимости, у них не было другого выбора. Вернувшись на год в Москву вместе с дочерью Петра, многие старые дворянские семьи неохотно покидали ее. В Москве их предки живали целыми поколениями, они любили свои дома и дворцы в старой столице. Когда же настало время возвращаться в новый город, возведенный на северных болотах, многие придворные стали просить отсрочки от пребывания при дворе – на год, на полгода, даже на несколько недель – лишь бы остаться. Правительственные чиновники поступали точно так же, а когда они испугались, что у них ничего не получится, разразилась целая эпидемия болезней – настоящих и притворных, за которыми последовали судебные разбирательства и прочие неотложные дела, требующие обязательного присутствия в Москве. Таким образом, двор возвращался в столицу постепенно, и лишь спустя несколько месяцев переезд был завершен.

Елизавета, Петр и Екатерина вернулись в числе первых. Они обнаружили, что город практически опустел, а те, кто остался, чувствовали себя одинокими и пребывали в состоянии скуки. В такой безотрадной обстановке Чоглоковы каждый день приглашали Петра и Екатерину играть в карты. На игре обычно присутствовала принцесса Курляндская, дочь протестантского герцога Эрнста Иоганна Бирона, бывшего любовника и министра императрицы Анны. Заняв трон, императрица Елизавета вызвала Бирона из Сибири, куда он был сослан во время регентства Анны, матери царя-младенца Ивана VI. Однако Елизавета не спешила полностью восстанавливать Бирона в его правах и предпочитала не встречаться с ним. Вместо того чтобы пригласить его в Петербург или в Москву, Елизавета приказала Бирону с семьей поселиться в Ярославле – городе, расположенном на берегу реки Волга.

Принцессе Курляндской было двадцать пять лет. Невысокого роста, некрасивая и горбатая, однако, по словам Екатерины, «у нее были красивые глаза, ум и необычайная способность к

интриге». Отец и мать не любили ее, и принцесса жаловалась, что с ней не очень хорошо обращались дома. Однажды, находясь в Ярославле, она сбежала в дом мадам Пушкиной, жены губернатора Ярославля, объяснив это тем, что родители запретили ей принимать православную веру. Пушкина привезла принцессу в Москву и представила императрице. Елизавета приободрила молодую женщину и стала ее крестной матерью во время крещения, а также назначила одной из фрейлин и предоставила жилье. Месье Чоглоков опекал принцессу, потому что в его юные годы, когда отец принцессы был у власти, он поспособствовал карьере старшего брата Чоглокова, назначив его в конную гвардию.

Попав в свиту великого князя и каждый день играя в карты с Екатериной и Петром, принцесса Курляндская вела себя с большой осмотрительностью. Она хорошо думала, прежде чем что-то сказать, старалась угодить каждому, и Екатерина замечала, что «ее ум заставлял забывать о недостатках ее внешности». В глазах Петра она обладала еще одним дополнительным преимуществом – она была немкой, а не русской. Принцесса предпочитала говорить по-немецки и общалась с Петром и Екатериной только на этом языке, таким образом, отгораживаясь от окружавших их людей. Это еще больше привлекало к ней Петра, и он начал оказывать ей особые знаки внимания. Если она обедала одна, то Петр посылал ей вино со своего стола, когда же он получил новую гренадерскую шляпу и армейскую перевязь, то послал их ей, чтобы она могла восхититься его новым приобретением. Ни один из этих поступков не оставался в секрете. «Принцесса Курляндская вела себя просто безупречно в отношении меня, однако ни на секунду не забывала о своих интересах, – говорила Екатерина. – Поэтому эти отношения продолжались».

Весна 1750 года выдалась неожиданно мягкой. Когда Петр, Екатерина и их свита, в которую теперь входила принцесса Курляндская, отправились в Царское Село 17 марта, было так тепло, что снег уже растаял, и кареты поднимали на дороге облака пыли. В этой сельской идиллической атмосфере молодые люди днем развлекались верховой ездой и охотой, а по вечерам играли в карты. Петр открыто демонстрировал свой интерес к принцессе Курляндской и почти не отходил от нее. Наконец, видя, как бурно развиваются их отношения прямо у нее на глазах, Екатерина почувствовала, что ее самолюбие уязвлено. И хотя прежде она считала ревность недостойным и бесполезным чувством, она призналась, что ей «обидно было, что этого

маленького урода предпочитают мне». Однажды вечером она не смогла больше сдерживать свои чувства. Сославшись на головную боль, Екатерина поднялась и покинула комнату. У Екатерины в спальне мадам Владиславова, которая была свидетельницей поведения Петра, сказала ей, что «все были потрясены и возмущены, что эту горбунью предпочитают мне». Со слезами на глазах Екатерина ответила: «Что делать!» Мадам Владиславова раскритиковала вкус Петра касательно женщин, а также за его отношение к Екатерине. Ее тирада, хотя и высказанная в защиту Екатерины, заставила последнюю разрыдаться. Она легла в постель, но как только уснула, появился пьяный Петр. Он разбудил ее и начал описывать достоинства своей новой фаворитки. Екатерина, не желая выслушивать его сбивчивый монолог, притворилась, что снова заснула. Петр начал кричать. Когда же она не подала никаких признаков того, что слушает его, Петр дважды ткнул ее в бок кулаком. Затем он лег рядом, повернулся к ней спиной и заснул. Наутро Петр либо обо всем забыл, либо был пристыжен своим поступком и не упомянул о случившемся. Желая избежать дальнейших неприятностей, Екатерина притворилась, что ничего и не произошло.

Приближался Великий пост. Петр и мадам Чоглокова спорили насчет бани. Русская религиозная традиция требовала, чтобы на первой неделе поста верующие посетили баню и приготовились к причастию. Для большинства населения бани были общими: и мужчины, и женщины парились вместе. Екатерина готовилась пойти в баню в доме Чоглоковых, и в тот день, когда она собиралась сделать это, мадам Чоглокова явилась к Петру и сообщила ему, что он сделает приятное императрице, если присоединится к своей супруге. Петр не любил русские традиции, особенно походы в баню, и отказался. Он заявил, что никогда прежде не бывал в общей бане и что это нелепая и бессмысленная церемония. Мадам Чоглокова ответила ему, что его отказ будет означать неповиновение Ее Императорскому Величеству. Петр объявил, что его согласие либо несогласие идти в баню не имело никакого отношения к тому уважению, которое он должен был выказывать императрице, и что он удивлен, как мадам Чоглокова осмелилась говорить нечто подобное; нельзя было требовать от него, чтобы он совершал поступки, которые были отвратительны его натуре и опасны для его здоровья. Мадам Чоглокова парировала, пообещав наказание от императрицы за его непослушание. Тогда Петр рассердился еще больше и заявил: «Хотел бы я посмотреть, что она со мною сделает. Я больше не ребенок». Мадам Чоглокова пригрозила, что

императрица отправит его в крепость. Петр поинтересовался, высказывает ли она свою точку зрения или передает слова императрицы. Затем, расхаживая по комнате, он объявил, что никогда не поверит, будто бы его, великого князя и наследника престола, могут подвергнуть столь постыдному обращению. Если императрица недовольна им, ей нужно отпустить его обратно к себе на родину. Мадам Чоглокова продолжала кричать, они оба осыпали друг друга оскорблениями, и, по словам Екатерины, «оба вышли из себя». Наконец, мадам Чоглокова удалилась, заявив, что передаст этот разговор императрице слово в слово.

Молодые супруги не знали, что случилось дальше, но когда мадам Чоглокова вернулась, тема разговора тут же изменилась. Старшая фрейлина сообщила, что императрица сильно переживает и гневается из-за того, что у молодых супругов до сих пор нет ребенка, и хотела бы знать, кто в этом виновен. Чтобы выяснить это, она собиралась прислать акушерку, которая должна проверить Екатерину, и врача, собиравшегося обследовать Петра. Позже, услышав это, мадам Владиславова сказала: «Как можно винить вас в отсутствии детей, когда вы до сих пор девственница? Ее Величество должна понять, что вся ответственность лежит на ее племяннике».

В 1750 году, в последнюю неделю поста, Петр расхаживал по своей комнате, щелкая огромным кучерским хлыстом. Он бил им направо и налево широкими размашистыми ударами и развлекался тем, что заставлял слуг бегать из одного конца комнаты в другой. Затем он каким-то образом умудрился сильно ударить себя по щеке. След от хлыста был во всю щеку, из него потекла кровь. Петр испугался, что его окровавленная щека не позволит ему появиться на публике в Пасху, а императрица, узнав о причине, накажет его. Он обратился за помощью к Екатерине.

Увидев его щеку, Екатерина в ужасе вскрикнула: «Боже, что с вами случилось?» Петр ей рассказал. На минуту Екатерина задумалась, затем ответила: «Ну, может быть, я вам помогу; прежде всего идите к себе и постарайтесь, чтобы вашу щеку видели как можно меньше; я приду к вам, когда достану то, что мне нужно, и надеюсь, никто этого не заметит». Екатерина вспомнила, что несколько лет назад, когда она упала в саду Петергофа и поцарапала щеку, месье Гюйон покрыл царапину мазью из свинцовых белил, которую использовали от ожогов. Екатерина послала за этой мазью и принесла ее мужу, после чего так обработала его щеку, что, взглянув в зеркало, он ничего не заметил.

На следующий день, когда они причащались вместе с

императрицей в дворцовой церкви, луч солнца упал на щеку Петра. Месье Чоглоков заметил это, подошел к великому князю и сказал: «Вытрите щеку, на ней мазь». Быстро и словно в шутку Екатерина сказала Петру: «А я, ваша жена, запрещаю вам вытирать ее». Тогда Петр, повернувшись к Чоглокову, ответил: «Видите, как эти женщины с нами обращаются, мы не смеем даже вытереться, когда это им не угодно». Чоглоков рассмеялся, кивнул и ушел. Петр был благодарен Екатерине за то, что она раздобыла мазь и дала отпор Чоглокову, который так ни о чем и не догадался.

25
Устрицы и актер

В пасхальную субботу 1750 года Екатерина легла в постель в пять часов дня, чтобы встать к традиционной пасхальной службе, начинавшейся поздно вечером. Не успела она уснуть, как вбежал Петр и велел ей подняться и поесть свежих устриц, только что привезенных из Гольштейна. Для него это было двойным удовольствием: он любил устрицы, и они были присланы ему с родной земли. Екатерина знала, что если она не встанет, то обидит его, и это приведет к ссоре, поэтому поднялась и пошла вместе с ним. Она съела дюжину устриц и снова удалилась в постель, а Петр остался и продолжил поедать устрицы. Екатерина заметила, Петр был рад, что она попробовала немного и оставила большую часть для него. Незадолго до наступления полуночи Екатерина снова встала, оделась и отправилась на пасхальное богослужение, но во время долгой литургии у нее начались сильные колики в животе. Она вернулась в постель и провела два пасхальных дня, мучаясь от диареи, которую удалось побороть с помощью настойки ревеня. Петр не заболел.

Императрица также покинула службу с болями в животе. Ходили слухи, что причиной ее нездоровья была не еда, а волнение по поводу отношений с четырьмя мужчинами: одним из них был Алексей Разумовский, другим – Иван Шувалов, третьим – певчий по фамилии Каченевский и четвертым – молодой человек по фамилии Бекетов, только что произведенный в кадеты.

В отсутствие императрицы и двора князь Юсупов – сенатор и глава кадетского корпуса – организовал театр, в котором кадеты играли русские и французские пьесы. Актеры так плохо произносили свои реплики и так дурно исполняли роли, что пьесы невозможно было смотреть. Тем не менее по возвращении в Санкт-Петербург императрица приказала представить ко двору этих молодых людей. Для них были изготовлены костюмы ее любимых цветов, их расшили ее драгоценностями. Ни от кого при дворе не ускользнуло, что лучшие одежды и украшения достались главному актеру – красивому молодому человеку девятнадцати лет. За пределами театра он носил бриллиантовые пряжки, кольца, часы, а также элегантное кружево. Это и был Никита Бекетов.

Карьера Бекетова как актера, а также его служба в кадетском корпусе быстро закончилась. Граф Разумовский сделал его своим адъютантом, это назначение тут же поспособствовало возведению

молодого кадета в армейский чин капитана. Двор сразу же сделал вывод, что, если Разумовский взял Бекетова под свою опеку, значит, он пытался тем самым нанести ответный удар новому фавориту императрицы, Ивану Шувалову. Никто при дворе не переживал так по поводу назначения Бекетова, как одна из фрейлин Екатерины, княгиня Анна Гагарина, которая была уже немолода и страстно мечтала выйти замуж. Она не была красавицей, но обладала умом и довольно большим состоянием. К сожалению, во второй раз ее выбор пал на человека, оказавшегося в непосредственной близости от императрицы. Первым был Иван Шувалов, который уже был готов жениться на княгине Гагариной, когда вмешалась императрица. Теперь, казалось, то же самое должно было произойти и с Бекетовым.

Придворные с нетерпением ожидали, кто же одержит победу: Шувалов или Бекетов. Сначала казалось, что удача на стороне Бекетова. Но затем, повинуясь капризу, он решил пригласить в свой дом мальчиков из хора императрицы, чьими голосами так восхищался. Бекетов проникся нежными чувствами к этим мальчикам, стал часто приглашать их и сочинял для них песни. Некоторые придворные, зная сильную неприязнь императрицы к проявлению нежных чувств между мужчинами, истолковали эти события в сексуальном плане. Бекетов, прогуливаясь по своему саду с мальчиками, даже не подозревал, в чем его обвиняли. Вскоре он слег с лихорадкой и в бреду признался в своей любви к Елизавете. Никто не знал, что и думать. Однако поправившись, Бекетов узнал о своем позоре. В скором времени его удалили от двора.

Несмотря на непростые отношения с Петром, Екатерина понимала, что ее положение в России полностью зависело от ее замужества, поэтому когда у него возникали затруднения, Екатерина старалась помочь ему. Петр не переставал думал о Гольштейне – доставшемся ему по наследству княжестве, правителем которого он был. Екатерина видела, что его любовь к родине была преувеличенной, даже безрассудной, однако она никогда не сомневалась в ее силе. В своих «Мемуарах» она писала:

> «Великий князь питал необычайную страсть к маленькому уголку земли, где он был рожден. Он постоянно думал о своей родине, хотя покинул ее, когда ему было тринадцать; его воображение распалялось, когда он говорил о ней, и, поскольку никто из его окружения никогда не бывал в том месте, которое он

считал волшебным раем, он день за днем рассказывал нам фантастические истории, от которых нас буквально клонило в сон».

Привязанность Петра к своему маленькому княжеству вызвала дипломатическое затруднение, в котором оказалась замешана и Екатерина. Осенью 1750 года датский дипломат, граф Линар, прибыл в Санкт-Петербург, чтобы обсудить обмен Гольштейна на графство Ольденбург – территорию на побережье Северного моря, находящуюся под контролем Дании. Граф Бестужев страстно желал совершить этот обмен, чтобы устранить препятствие для союза между Данией и Россией, который он давно хотел заключить. Чувства Петра к своему княжеству не имели для Бестужева никакого значения

Когда граф Линар объявил о своей миссии, Бестужев вызвал барона Иоганна Пехлина, министра Петра в Гольштейне. Пехлин – толстый, низкорослый, хитрый, пронырливый человек, пользовавшийся доверием Бестужева, был наделен полномочиями начать переговоры с Линаром. Чтобы успокоить своего формального повелителя, великого князя Петра, Пехлин сказал ему, что слушать – это совсем не то же самое, что вести переговоры, что о полноценных переговорах пока не могло быть и речи, и, кроме того, Петр всегда обладал правом прервать дискуссию, когда он пожелает. Петр позволил Пехлину начинать, но рассчитывал, что Екатерина поможет ему советом.

«Я приняла известие об этих переговорах с большим раздражением и беспокойством и противодействовала им, сколько могла; мне, впрочем, кроме него, никто не говорил об этом ни слова, и ему предписывали держать это в величайшей тайне, в особенности, прибавляли, по отношению к дамам. Я думаю, что это предостережение касалось меня больше, нежели других; но в этом ошибались, потому что первым делом великого князя было сказать мне об этом.

Чем больше подвигались переговоры, тем больше старались выставить их великому князю в благоприятном и заманчивом виде; часто я видела его в восхищении от того, что он приобретет; затем он испытывал мучительные колебания и сожаления от того, что ему придется потерять. Когда видели, что он колеблется, замедляли переговоры и возобновляли их лишь после того, как изобретали какую-нибудь новую приманку, чтобы заставить его видеть вещи в благоприятном свете».

Австрийский посол в России, граф де Берни, умный, дружелюбный человек пятидесяти лет, заслужил уважение и Екатерины, и Петра. «Если бы этот человек или кто-нибудь на него похожий, служил бы великому князю, это возымело бы самые благоприятные результаты», – писала Екатерина. Петр согласился и решил проконсультироваться с Берни относительно переговоров. Не желая лично разговаривать с послом, он просил Екатерину сделать это от его имени. Она согласилась и на следующем маскараде подошла к графу. Екатерина говорила с ним откровенно, признавая, что она юна, совсем неопытна и плохо разбирается в делах государства. Тем не менее, заявила она, ей казалось, что дела, связанные с Гольштейном, были вовсе не такими срочными, как пытались убедить в этом великого князя. Что же касалось самого обмена, то он выглядел более выгодным для России, нежели для самого великого князя. Разумеется, призналась она, как наследник российского престола, он должен был заботиться прежде всего об интересах империи. И в таком случае если интересы страны требовали отказаться от Гольштейна, дабы положить конец бесконечным спорам с Данией, то великий князь должен был уступить. Однако в настоящий момент все это слишком уж напоминало интригу, в случае успешного завершения которой великий князь может показаться всем слабым и никогда уже не избавится от этого впечатления в глазах общества. Он любил Гольштейн, к тому же эти переговоры заставляли его совершить обмен, не понимая его причины.

Граф Берни выслушал ее и ответил: «Как посол, на все это я не имею инструкций, но как граф Берни я думаю, что вы правы». Позже Петр сообщил Екатерине, что посол сказал ему: «Все, что я могу сказать вам об этом деле, так это то, что, по моему мнению, ваша жена права, и вы очень хорошо сделаете, если ее послушаете». В результате Петр охладел к переговорам и, в конце концов, предложение об обмене территориями было отвергнуто. Таким образом, первая попытка Екатерины заняться международной дипломатией закончилась ее победой над Бестужевым.

26
Чтение, танцы и предательство

Поведение Петра всегда было непредсказуемым. Всю зиму он планировал постройку загородного дома в стиле монастыря капуцинов около Ораниенбаума. Там он, Екатерина и их придворные должны были бы надевать коричневые сутаны монахов-капуцинов, каждому выдавался бы осел, и все по очереди ездили бы на осле за водой и провизией для «монастыря». Чем больше деталей он придумывал, тем больше они будоражили его. Желая угодить супругу, Екатерина делала карандашные наброски и каждый день меняла архитектуру дома. Обсуждения утомляли ее. Разговоры были «невыносимо скучными, ни с чем по нелепости не сравнимыми. Когда он уходил, самая скучная книга казалась восхитительным развлечением», – вспоминала она.

Книги были ее спасением. Решив выучить русский язык, Екатерина читала любую русскую книгу, которая ей попадалась. Однако она предпочитала французский язык и читала те же французские книги, что и ее фрейлины. Одна книга всегда лежала у нее в комнате, другую она носила с собой в кармане. Она открыла для себя письма мадам де Севинье, описывающие жизнь при дворе Людовика XIV. Когда в Россию привезли «Историю Германии» отца Бара, недавно опубликованную во Франции в десяти томах, Екатерина читала по тому в неделю. Она приобрела «Словарь исторической критики» французского философа Пьера Бейля; философа и вольнодумца семнадцатого века Монтескье, а также Вольтера Екатерина прочитала от начала и до конца. Таким образом, ведомая собственным любопытством, Екатерина получила великолепное для своего времени образование.

Екатерина не только росла в интеллектуальном плане, но и внешне становилась все более привлекательной. «У меня была тонкая талия, но слишком мало плоти, поэтому я выглядела очень худой. Я не любила пудрить волосы, которые имели красивый темно-каштановый цвет, были густыми и длинными». У нее появились поклонники. Какое-то время самым настойчивым из них был не кто иной, как месье Чоглоков. После истории с мадемуазель Кошелевой он сильно увлекся великой княгиней. Екатерина замечала, как он улыбался и глупо кивал, когда видел ее. Его внимание казалось ей отвратительным. «Он был белокурый, хлыщеватый, очень толстый и так же тяжел умом, как

и телом; его все ненавидели, как жабу. <…> Я остерегалась и избегала, как мне казалось, очень ловко всех преследований Чоглокова, но таким образом, что ему никогда не приходилось жаловаться на мое обращение. Это было отлично замечено его женою, которая была мне за это благодарна».

Особенно очаровательна была Екатерина во время танцев. Она тщательно подбирала наряды. Если ее платье вызывало всеобщее восхищение, она никогда больше не надевала его, считая, что раз оно произвело неизгладимое впечатление в первый раз, то впоследствии ей уже не удастся повторить успеха. На придворных балах Екатерина старалась одеваться как можно скромнее. Это нравилось императрице, которая не любила, когда женщины слишком наряжались на подобные мероприятия. Если женщинам приказывали являться в мужских платьях, Екатерина приходила в роскошных, украшенных богатой вышивкой одеждах. Судя по всему, это также было по нраву Елизавете.

Наряжаясь на один из маскарадов, где придворные дамы должны были соперничать в роскоши нарядов и элегантности, Екатерина решила надеть лишь корсет из простой белой материи и юбку того же материала на маленьких фижмах. Ее длинные густые волосы были завиты и собраны в хвост белой лентой. Она приколола к волосам розу и надела брыжи из белого газа на шею, манжеты и передник у нее были из того же материала. «Боже мой, какая простота!» – с одобрением в голосе воскликнула Елизавета. Покинув императрицу в прекрасном расположении духа, Екатерина танцевала все танцы. «Не помню, чтобы когда-либо в жизни я получала столько похвал, как в тот день, – писала она. – Правду сказать, я никогда не считала себя чрезвычайно красивой, но я нравилась, и полагаю, что в этом и была моя сила».

Во время маскарадов и балов зимой 1750/51 года бывший камер-юнкер граф Захар Чернышев, теперь армейский полковник, вернулся в Санкт-Петербург после пяти лет отсутствия. Когда он уезжал, Екатерина была шестнадцатилетним подростком, теперь она стала молодой женщиной, которой уже исполнился двадцать один год.

> «Я была очень рада его видеть и сообразно с этим приняла; он, со своей стороны, пользовался каждым случаем, когда мог дать доказательства своего искреннего расположения. Он начал с того, что сказал мне, что находит меня очень похорошевшей. В первый раз в жизни мне говорили подобные вещи. Мне это понравилось и даже больше: я простодушно поверила, будто он говорит правду».

Чернышев на каждом балу говорил нечто подобное. Однажды фрейлина княгиня Гагарина принесла Екатерине отпечатанную записку, маленький клочок бумаги с сентиментальными стихами. Она была от Чернышева. На следующий день Екатерина получила конверт, но на этот раз обнаружила в нем письмо, написанное от руки. На следующем маскараде, танцуя с ней, Чернышев поведал, что хотел бы сказать ей тысячу разных вещей, которые не может написать на бумаге. Он умолял дать ему краткую аудиенцию у себя в комнате. Екатерина ответила, что это невозможно, что никто не имел права входить в ее комнаты. Он сказал ей, что при необходимости может переодеться слугой. Она отказалась. «Таким образом, – писала Екатерина, – дело остановилось на переписке». По окончании масленичных гуляний, длившихся целый месяц, граф Чернышев вернулся в свой полк.

Все эти годы, пока Екатерине было двадцать с небольшим, она жила как королевская Золушка. Летом она каталась верхом по полям и стреляла уток в болотах у Финского залива. Зимними вечерами – блистала на балах, перешептывалась с доверенными лицами и получала романтические письма от внимательных молодых людей. Но отчасти это было лишь миром ее грез. Реальная повседневная жизнь была совершенно другой, наполненной разочарованиями, пренебрежением и самоограничением.

Она испытала потрясение, когда мадам Чоглокова сообщила ей, что императрица отправила в отставку Тимофея Евреинова, ее камердинера и друга. Это было связано со ссорой, произошедшей между Евреиновым и человеком, который приносил Екатерине и Петру кофе. Во время перепалки неожиданно появился Петр и услышал, какими оскорблениями осыпали друг друга мужчины. Противник Евреинова отправился к Чоглокову и нажаловался, что, невзирая на присутствие наследника трона, Евреинов продолжал оскорблять его. Чоглоков доложил об этом происшествии императрице, и та немедленно отослала обоих мужчин от двора. «Правда в этом деле состояла в том, – писала Екатерина, – что и Евреинов, и другой лакей были к нам очень привязаны, особенно первый». На место Евреинова императрица назначила Василия Шкурина.

Вскоре после этого между Екатериной и мадам Чоглоковой произошло столкновение, в котором Шкурин сыграл важную роль. Принцесса Иоганна, мать Екатерины, прислала дочери из Парижа два куска прекрасной материи. Екатерина с восхищением рассматривала эти ткани у себя в уборной в присутствии Шкурина и случайно обронила фразу о том, что ей хотелось бы

подарить их императрице, настолько они были прекрасны. Екатерина ждала возможности поговорить с правительницей, поскольку хотела преподнести ткани как личный подарок и самой передать их Елизавете. Она специально запретила Шкурину говорить кому-либо о том, что он слышал. Он же немедленно побежал к мадам Чоглоковой и обо всем ей доложил. Несколько дней спустя старшая фрейлина пришла к Екатерине и сказала, что императрица благодарит ее за ткани, что Елизавета оставила одну себе, а вторую отсылает назад для великой княжны. Екатерина была потрясена. «Как такое могло случиться?» – спросила она мадам Чоглокову, и та ответила, что ей сообщили о намерении преподнести ткани императрице, поэтому она отнесла их ей. Екатерина, сильно запинаясь и с трудом подбирая слова, все же собралась и ответила мадам Чоглоковой, что хотела сама подарить императрице ткани. Она напомнила мадам Чоглоковой, что старшая фрейлина не могла точно знать о ее намерениях, потому что она с ней не говорила, а значит, о ее планах ей сообщил коварный слуга. Мадам Чоглокова ответила, что Екатерине было известно о запрете обращаться к императрице непосредственно, а также она знала, что слуги должны передавать ей, мадам Чоглоковой, обо всем, что скажет Екатерина в их присутствии. Следовательно, слуга лишь выполнил свою обязанность, а она – ее желание, преподнеся ткани императрице. Таким образом, заявила мадам Чоглокова, все было сделано в соответствии с правилами. Екатерине было нечего ответить, она буквально лишилась дара речи.

Когда мадам Чоглокова ушла, Екатерина бросилась в маленькую переднюю, где по утрам обычно находился Шкурин. Отыскав его, она изо всех сил влепила ему пощечину и сказала, что он неблагодарный предатель, осмелившийся рассказать мадам Чоглоковой то, что было запрещено рассказывать. Екатерина напомнила ему, что одаривала его подарками, а он все равно предал ее. Шкурин упал на колени, стал молить о прощении. Екатерине стало его жалко, и она сказала, что его поведение в будущем повлияет на ее отношение к нему. В следующие дни Екатерина громко жаловалась всем на поведение мадам Чоглоковой, чтобы эта история достигла ушей императрицы. Очевидно, так и произошло, когда Елизавета в следующий раз увидела великую княгиню, она поблагодарила ее за подарок.

Часть III
Соблазны, материнство и конфликты

27
Салтыков

В сентябре 1751 года императрица назначила трех молодых дворян на должность камергеров великого князя Петра. Один из них, Лев Нарышкин, происходил из семьи Натальи Нарышкиной, матери Петра Великого. Сам Лев был доброжелательным и остроумным шутником, которого при дворе любили, но не воспринимал всерьез. Екатерина описывала его как человека, который мог рассмешить ее как никто другой:

> «Это был врожденный арлекин, и если бы он не был знатного рода, к какому принадлежал, то мог бы иметь кусок хлеба и много зарабатывать своим действительно комическим талантом: он был очень неглуп, обо всем наслышан, и все укладывалось в его голове оригинальным образом. Он имел способность делать рассуждения о каком угодно искусстве или науке; употреблял при этом технические термины, говорил по четверти часа и более без перерыву, и, в конце концов, ни он, да и никто другой ничего не понимали из того, что лилось из его уст потоком, но все под конец разражались смехом».

Двое других были братьями Салтыковыми, сыновьями одной из самых древних и знатных семей в России. Их отец являлся адъютантом императрицы, а мать – была нежно любима Елизаветой за поддержку, оказанную ей в 1740 году, когда она захватила престол. Петр, старший из братьев, слыл полнейшим деревенщиной, Екатерина писала, что он был «дурак в полном смысле слова, он имел самую глупую физиономию, какую я только видела в моей жизни. Большие неподвижные глаза, вздернутый нос и всегда полуоткрытый рот; при этом был сплетником первого сорта и, как таковой, оказался довольно хорошо принят у Чоглоковых».

Второй из братьев Салтыковых, Сергей, был совершенно другим человеком. Красивый и беспринципный, он сделал соблазнение женщин смыслом своей жизни. Он был смуглым, с темными глазами, среднего роста, мускулистый, но грациозный. Салтыков постоянно находился в поиске новых побед, всегда оказывался готов приступить к делу, пустить в ход свое очарование, увещевания и бурный натиск в наиболее подходящих для каждого случая комбинациях. Препятствия лишь укрепляли

его в желании достигнуть цели. Когда он впервые увидел Екатерину, ему было двадцать шесть, и уже два года он был женат на фрейлине Елизаветы – Матрене Балк. Этот брак был заключен по минутному капризу: Салтыков однажды увидел, как она раскачивалась на качелях в Царском Селе, а ветер приподнимал ее юбку, обнажая лодыжки, и на следующий же день он сделал ей предложение. Теперь Матрена ему надоела, и он был готов завести новый роман. Салтыков заметил, что Петр демонстративно игнорировал Екатерину, а она скучала в окружавшем ее обществе. Тот факт, что великую княгиню тщательно охраняли, привлекал его еще больше, ее замужество за великим князем делало победу желаннее, а настойчивые слухи о том, что Екатерина все еще оставалась девственницей, окончательно взбудоражили его.

Екатерина заметила, как быстро этот молодой человек наладил отношения с Чоглоковыми. Ей это показалось странным. «Так как Чоглоковы не были ни приятны, ни умны, ни занимательны, то его частые посещения должны были иметь какие-нибудь скрытые цели». Мария Чоглокова, снова беременная, почти все время находилась у себя в комнате. Она просила великую княгиню навещать ее. Екатерина приходила к ней и часто встречала там Сергея Салтыкова, Льва Нарышкина, а также Николая Чоглокова. Все эти дни и вечера Салтыков придумывал различные способы занять месье Чоглокова. Он узнал, что этот флегматичный, лишенный воображения мужчина обладал талантом к написанию простых стихов. Салтыков в экстравагантной манере хвалил его сочинения и просил его зачитывать их. Таким образом, когда собравшиеся хотели избавиться от внимания Чоглокова, Салтыков хвалил его и просил польщенного поэта сочинить для него стихотворение. Чоглоков поспешно удалялся в угол комнаты, садился у печки и начинал писать. Он так погружался в свою работу, что не поднимался со своего места целый вечер. Его стихи провозглашались чудесными и очаровательными, и он продолжал писать. Лев Нарышкин перекладывал стихи на музыку, и распевал их вместе с Чоглоковым, аккомпанируя себе на клавикордах. Никто их не слушал, и все в комнате могли беспрепятственно вести беседы.

В этой атмосфере дружеской и веселой беззаботности Сергей Салтыков и приступил к новому завоеванию. Однажды вечером он стал нашептывать Екатерине о своей любви. Она слушала его со смешанными чувствами страха и удовольствия. Екатерина не ответила, но и не отвергла его. Он продолжал настаивать, и в следующий раз она спросила, что ему нужно от нее. Он описал

состояние блаженства, которое хотел бы с ней разделить. Она перебила его: «А ваша жена, на которой вы женились по страсти два года назад, в которую вы, говорят, влюблены и которая любит вас до безумия… что она об этом скажет?» Пожав плечами, он постарался прогнать все мысли о Матрене. «Не все – золото, что блестит», – ответил он и добавил, что платит высокую цену за свое мимолетное увлечение. Он заверял Екатерину, что его чувства к ней были по-настоящему глубокими и выкованными из драгоценного металла.

Позже Екатерина так описывала путь, по которому ее вели:

> «Ему было двадцать шесть лет; вообще и по рождению, и по многим другим качествам это был кавалер выдающийся; свои недостатки он умел скрывать: самыми большими из них были склонность к интриге и отсутствие строгих правил; но они тогда еще не развернулись на моих глазах. Я видала его почти каждый день; я не меняла вовсе своего обращения с ним, была такая же, как всегда и со всеми: я видела его только в присутствии двора или некоторой его части».

Поначалу она держала его на расстоянии. Она убеждала себя, что испытывает к нему лишь жалость. Как печально, что красивый молодой человек, неудачно женившийся, рискует всем ради нее, зная, что она недоступна, что она великая княгиня и жена наследника престола.

> «К несчастью, я продолжала его слушать; он был прекрасен, как день, и, конечно, никто не мог с ним сравняться ни при большом дворе, ни тем более при нашем».

Екатерина видела его каждый день. Однажды она предположила, что он теряет время. «Почем вы знаете, может быть, мое сердце занято в другом месте?» – спросила она. Но Екатерина была плохой актрисой, а Салтыков хорошо знал, как вести любовные диалоги, поэтому не принял всерьез ее возражения. Позже Екатерина смогла сказать лишь: «Я не поддавалась всю весну и часть лета».

Однажды летом 1752 года, Чоглоков пригласил Екатерину, Петра и их придворных на охоту на принадлежавший ему остров на реке Нева. По прибытии все сели на лошадей и поскакали за собаками, которые начали преследовать зайцев. Салтыков подождал, пока все скроются из виду, а затем поехал рядом с Екатериной и, как она выразилась, «снова завел разговор на

свою любимую тему». Теперь, даже не переходя на шепот, он описал все удовольствия тайной любви. Екатерина молчала. Он умолял хотя бы дать ему надежду. Екатерина ответила, что он может надеяться на что угодно, поскольку она не могла контролировать его мысли. Салтыков начал сравнивать себя с другими молодыми людьми при дворе и спрашивал, был ли он тем, кого она предпочитала остальным. И если не он, то кто же другой? Екатерина покачала головой и не проронила ни слова, но позже сказала: «Должна признать, что он был мне приятен». После подобного полуторачасового менуэта, который был для Салтыкова привычным делом, Екатерина заявила, что должна покинуть его, так как столь долгая беседа может вызвать подозрения. Салтыков сказал, что не уедет, пока она не уступит. «Да, да, но езжайте», – сказала она. «Значит, мы договорились. Вы дали мне слово!» – отозвался он и пришпорил коня. Она крикнула ему вслед: «Нет, нет!» «Да, да!» – закричал он и ускакал.

Вечером охотники вернулись в дом Чоглокова на острове, где был устроен ужин. Во время трапезы сильный западный ветер пригнал воды из Финского залива в дельту Невы, река поднялась, и вскоре всю низменную часть острова затопило. Салтыков воспользовался этой возможностью и повторил Екатерине, что сами небеса благоприятствуют его замыслам, поскольку буря позволила ему видеть ее более продолжительное время. «Он уже считал себя очень счастливым, – писала она позже, – а я не совсем была счастлива; тысяча опасений смущала мой ум; я думала, что могу руководить его головой и своей и направлять их, а тут поняла, что и то и другое очень трудно, а, скорее, невозможно». Это действительно оказалось невозможно. Вскоре после этого – в августе или сентября 1752 года – Сергей Салтыков достиг своей цели.

Никто не знал об их романе, однако Петр бросил как-то опрометчивое замечание: «Сергей Салтыков и моя жена обманывают Чоглокова, – сказал он фрейлине, за которой ухаживал в то время, – уверяют его, в чем хотят, а потом смеются над ним». Петр даже не попытался понять, что ему наставили рога, он лишь видел в этом шутку над глупостью Чоглокова. Гораздо важнее оказалось то, что ни императрица, ни мадам Чоглокова не знали о новых отношениях Екатерины. Тем летом в Петергофе и Ораниенбауме Екатерина каждый день каталась верхом. Не волнуясь о своем внешнем виде, она отбросила попытки обмануть императрицу и стала ездить по-мужски. Увидев ее однажды, Елизавета сказала мадам Чоглоковой, что подобная езда мешает ей зачать ребенка. Мадам Чоглокова смело

ответила, что верховая езда не имеет никакого отношение к тому, что у Екатерины не было детей, поскольку они не могут появиться до тех пор, пока «сначала не произойдет кое-что», и хотя великокняжеская пара была жената уже семь лет, «ничего до сих пор не произошло». Не желая мириться с таким заявлением, в которое Елизавета до сих пор отказывалась верить, императрица обрушила свой гнев на мадам Чоглокову за то, что она до сих пор не убедила молодую пару выполнить свой долг.

Встревоженная мадам Чоглокова решила добиться во что бы то ни стало исполнения воли императрицы. Сначала старшая фрейлина посоветовалась с одним из камергеров великого князя, французом по фамилии Брессан. Он предложил найти для великого князя компаньонку, привлекательную и опытную в сексуальном отношении женщину, которая будет более низкого социального положения. Мадам Чоглокова согласилась, и Брессан подыскал молодую вдову, мадам Грут, чей покойный супруг, штутгартский художник Л. Ф. Грут, был одним из западных художников, приглашенных Елизаветой. Понадобилось время, чтобы разъяснить мадам Грут, что именно от нее требовалось, и уговорить ее. Когда учительница приняла предложение, Брессан представил ее ученику. После этого в расслабленной атмосфере с музыкой и вином настойчивая мадам Грут занялась сексуальным просвещением Петра.

Успех Петра с мадам Грут означал, что вдове удалось разрушить психологический барьер, который испытывал Петр из-за своей внешности. Если же он действительно был подвержен фимозу, то и эту проблему можно было решить по истечении времени. Есть и еще одна версия, изложенная французским дипломатом Жаном-Анри Кастером, который первым выдвинул теорию о фимозе в своей биографии Екатерины. Согласно Кастеру, если Салтыков преуспел в соблазнении Екатерины, он мог испытывать тревогу из-за угрозы быть любовником женщины, которую все считали девственницей и чей муж являлся наследником престола. Если она забеременеет, что случится с ним? Он решил защитить себя. Во время обеда, на котором присутствовали лишь мужчины, а великий князь был почетным гостем, Салтыков завел разговор, в котором описывал удовольствия секса. Петр, к тому времени напившийся, признался, что никогда не переживал подобных ощущений. После этого – как рассказывает историк, – Салтыков, Лев Нарышкин и другие, присутствовавшие на обеде, стали убеждать Петра согласиться на небольшую коррекционную хирургию. У Петра кружилась голова и заплетался язык, но он пробормотал что-то в знак согласия. Тут же привели хирурга, который и совершил на

месте операцию. Когда надрез зажил, а мадам Грут закончила свои частные уроки, великий князь оказался готов стать полноценным мужем. Таким образом, теперь, если бы жена Петра вдруг забеременела, кто мог бы заподозрить в причастности к этому Сергея Салтыкова?

Как выяснилось, тревоги Салтыкова были не безосновательными. Мадам Чоглокова, выполнив приказ императрицы относительно Петра, уже обратилась к проблемам Екатерины, которая по-прежнему должна была оставаться девственницей. Мадам Грут необходимо было заняться разъяснительной работой и в отношении Екатерины. И даже если Петр мог теперь совершить физиологический акт, никто не давал гарантии, что ему удастся добиться результатов в оплодотворении. В этом деле требовалось больше уверенности, возможно, нужен был более надежный мужчина.

Понимая, какой свободой действий наградила ее императрица, однажды мадам Чоглокова отвела Екатерину в сторону и сказала: «Послушайте, я должна поговорить с вами очень серьезно». Последующий разговор привел Екатерину в ужас:

> «Она в обычной своей манере начала длинным разглагольствованием о привязанности своей к мужу, о своем благоразумии, о том, что нужно и чего не нужно для взаимной любви и для облегчения или отягощения уз супруга или супруги, и затем свернула на заявление, что бывают иногда положения высшего порядка, которые вынуждают делать исключения из правил. Я дала ей высказать все, что она хотела, не прерывая и вовсе не ведая, куда она клонит, однако несколько изумленная, не зная, была ли это ловушка, которую она мне ставит, или она говорит искренно.
>
> Пока я внутренне так размышляла, она мне сказала: «Вы увидите, как я люблю свое отечество и насколько я искренна; я не сомневаюсь, что вы кому-нибудь отдали бы предпочтения: предоставляю вам выбрать между Сергеем Салтыковым и Львом Нарышкиным. Если не ошибаюсь, то избранник ваш последний». На это я воскликнула: «Нет, нет, отнюдь нет!» Тогда она мне сказала: «Ну, если это не он, так другой, наверно».

Екатерина молчала, а старшая фрейлина продолжила: «Вы увидите, что помехой вам буду не я». Мадам Чоглокова сдержала слово. Впоследствии они с мужем держались в стороне, когда Сергей Салтыков являлся в спальню Екатерины.

Три главных действующих лица – Екатерина, Петр и Сергей – оказались в комичной ситуации. Екатерина любила мужчину, который поклялся ей в любви и который, отбросив в сторону семь лет девственного брака, учил ее плотским удовольствиям. У нее был муж, который не дотрагивался до нее с момента свадьбы, который до сих пор не испытывал к ней желания, знал о ее любовнике и считал это пикантной шуткой. Сергей же считал участие Петра в этой истории необходимым алиби.

Екатерина должна была пребывать на седьмом небе от счастья, однако что-то в поведении Сергея Салтыкова изменилось. Осенью, когда двор вернулся в Зимний дворец, он впал в состояние беспокойства, все время подчеркивая, что они должны быть осторожны, и объясняя это тем, что если она хоть немного задумается, то поймет причину его тревоги и осмотрительности поведения.

Екатерина и Петр покинули Санкт-Петербург в декабре 1752 года, чтобы сопровождать императрицу и ее двор во время путешествия в Москву. В то время Екатерина почувствовала первые признаки беременности. Сани ехали днем и ночью и во время последней остановки для смены лошадей у Екатерины неожиданно начались сильные схватки и кровотечение. У нее произошел выкидыш. Вскоре после этого Сергей Салтыков приехал в Москву, но по-прежнему держался отстраненно. Тем не менее он повторял, что его поведение продиктовано лишь осмотрительностью и желанием не вызывать подозрений. Она все еще верила ему. «Когда я видела его и заговаривала с ним, – вспоминала она, – от моих тревог не оставалось и следа».

Успокоившись и желая сделать возлюбленному приятное, Екатерина согласилась выполнить меркантильную просьбу Салтыкова. Он попросил обратиться к канцлеру Бестужеву, чтобы тот поспособствовал его карьере. Екатерине было непросто согласиться на это. Все эти семь лет она считала канцлера своим самым влиятельным врагом в России. Ей приходилось терпеть провокации и унижения с его стороны, именно он настоял на изгнании ее матери, назначил Чоглоковых для слежки за ней, запретил ей писать и получать личные письма. Публично Екатерина никогда не выражала своего протеста, она старалась не сближаться с какими-либо группами при дворе и считала, что ее собственное шаткое положение диктовало ей необходимость дружить со всеми сторонами. Казалось, ей были неинтересны политические интриги. Главным для нее оставалось уничтожать все признаки ее прусского происхождения и с энтузиазмом принимать все русское. Теперь, под влиянием человека, от

которого она забеременела, и опасаясь потерять его, она отбросила все эти мысли и сделала все, о чем он просил.

Прежде всего она отправила графу Бестужеву «несколько слов, которые позволили бы ему поверить, что я была уже не так враждебно к нему настроена, как прежде». Реакция канцлера удивила Екатерину. Он был польщен обращением великой княгини и заявил, что готов оказать ей любую услугу. Бестужев попросил ее указать безопасный источник связи, через который они могли бы общаться. Услышав эту новость, Салтыков, сгорая от нетерпения, решил немедленно посетить канцлера под предлогом дружеского визита. Старик принял его тепло, отвел в сторону и заговорил о внутренних делах двора, особо подчеркивая глупость Чоглоковых. «Я знаю, что хотя вы очень к ним близки, но судите о них так же, как я, поскольку вы неглупый молодой человек», – сказал Бестужев. Затем он обратился к Екатерине: «В благодарность за благоволение, которое великой княгине угодно было мне оказать, я отплачу ей маленькой услугой, за которую она будет, я думаю, признательна мне; я сделаю Владиславову кроткой, как овечка, и она будет делать из нее что угодно. Она увидит, что я не такой бука, каким меня изображали в ее глазах». В одно мгновение Екатерина изменила к себе отношение врага, которого боялась многие годы. Этот влиятельный человек теперь предлагал поддержку ей, а также Салтыкову. «Он дал лично ему [Салтыкову] несколько советов, столь же умных, сколь и полезных, – говорила она. – Это очень сблизило его с нами, хотя ни одна живая душа и не знала об этом».

Новый союз оказался выгоден для обеих сторон. Несмотря на все унижения, которым Бестужев подверг Екатерину и ее семью, она признавала ум и управленческие способности канцлера. Это могло быть полезно как для нее, так и для Салтыкова. Что касается Бестужева, предложение Екатерины о перемирии поступило в неожиданный, но очень подходящий момент. Взлет нового фаворита Елизаветы, Ивана Шувалова, поставил под угрозу положение Бестужева. Новый фаворит не был простым милым и праздным человеком, как Разумовский. Шувалов был умен, амбициозен, настроен очень профранцузски и активно укреплял свое положение в правительстве через своих дядей и кузенов. Кроме того, Бестужев переживал за здоровье императрицы. Она начала часто болеть, и каждый раз ей требовалось все больше времени на восстановление. В случае смерти императрицы Петр должен был унаследовать трон. А Петр боготворил Фридриха Прусского и ненавидел альянс с Австрией, который служил краеугольным камнем в дипломатии Бестужева,

кроме того, Петр был готов пожертвовать интересами Российской империи ради маленького, незначительного Гольштейна. Бестужев давно понял, что Екатерина намного умнее своего мужа, и она симпатизировала интересам России, в то время как Петр был либо равнодушен, либо настроен враждебно. Сделав Екатерину своей союзницей, Бестужев укреплял свое положение и, возможно, рассчитывал, что в будущем это даст ему дополнительное преимущество. Таким образом, когда Екатерина предложила ему дружбу, он тут же согласился.

В мае 1753 года через пять месяцев после выкидыша Екатерина снова забеременела. Она провела несколько месяцев в загородном поместье неподалеку от Москвы, где ограничивала себя лишь пешими прогулками и осторожной ездой в экипаже. К тому времени, когда Екатерина вернулась в Москву, она чувствовала такую сонливость, что спала до полудня и с трудом просыпалась к обеду. 28 июня она почувствовала боль в пояснице. Вызвали повивальную бабку, которая покачала головой и предсказала еще один выкидыш. На следующую ночь это предсказание сбылось. «Я была беременна, вероятно, месяца два-три, – вспоминала Екатерина. – В течение тринадцати дней я находилась в большой опасности, потому что предполагали, что часть «места» осталась; от меня скрыли это обстоятельство; наконец, на тринадцатый день место вышло само без боли и усилий».

Почти все это время Петр не покидал своей комнаты, а слуги приносили ему не только игрушки, но и алкоголь. Эти дни великий князь часто замечал, что слуги стали его игнорировать или даже выказывать открытое неповиновение, они были пьяны, как и он. Рассерженный Петр бил их палкой или рукояткой своей шпаги, но слуги лишь уворачивались и смеялись над ним. Когда Екатерина поправилась, Петр попросил ее привести их в чувство. «Тогда я шла к ним, – вспоминала она, – и выговаривала им всю правду, напоминая об их обязанностях, и тотчас же они подчинялись, что заставляло великого князя неоднократно говорить мне, что он не знает, как я справляюсь с его людьми; что он их сечет и не может заставить себе повиноваться, а я одним словом добиваюсь от них всего, чего хочу».

Москва, самый большой город в России XVIII века, была построена, по большей части из дерева. Дворцы, особняки, дома и лачуги сооружались из брусьев и досок, иногда украшались резьбой и покрывались краской, которая придавала им сходство с камнем; окна, подъезды и фронтоны различной формы были выкрашены в яркий цвет. Тем не менее, поскольку дома

строились в спешке, жить в них часто бывало неудобно, окна и двери не закрывались, лестницы качались, а иногда непрочным мог быть и весь дом.

Самой страшной бедой считался пожар. Ледяными русскими зимами и дворцы, и простые дома отапливались высокими, украшенными изразцами печами, которые обычно стояли в углу комнаты и поднимались от пола до потолка, изразцы трескались, помещение наполнялось дымом, воздух становился тяжелым, у людей болела голова и краснели глаза. Иногда искры вылетали через трещины и попадали на деревянные стены, которые загорались. Зимой, которая длилась долгие месяцы, в домах, отапливаемых примитивными печами, любая искра могла вызвать настоящий ад. Подхваченное ветром пламя с горящего дома перекидывалось на крышу соседнего, и вскоре от всей улицы оставался лишь пепел. Для москвичей вид горящего дома, вокруг которого суетились пожарные, пытаясь локализовать пожар и быстро разбирая соседние дома, являлось обычным делом. «Ни один год не изобиловал пожарами так, как 1753-й и 1754-й, – писала Екатерина. – Мне случалось неоднократно видеть из окон этих покоев Летнего дворца два, три, четыре и даже до пяти пожаров одновременно в различных местах Москвы».

Однажды ноябрьским днем 1753 года, когда Екатерина и мадам Чоглокова находились в Головинском дворе, они неожиданно услышали крики. Здание, полностью построенное из дерева, было охвачено огнем. Спасать дворец уже было поздно, Екатерина поспешила в свою комнату и увидела, что лестница в конце большого приемного зала уже полыхала. В своих покоях она обнаружила толпу солдат и слуг, которые кричали и вытаскивали мебель. Они с мадам Чоглоковой ничего уже не могли сделать. Выскочив на улицу, грязную после недавно прошедшего дождя, они увидели карету хормейстера, приехавшего принять участие в одном из концертов Петра. Женщины забрались в его экипаж. Они сидели и наблюдали за пожаром, пока жар не стал таким сильным, что карете пришлось уехать. Однако перед отъездом Екатерина стала свидетельницей невероятного зрелища: «Удивительное количество крыс и мышей, которые спускались по лестнице гуськом, не слишком даже торопясь». Наконец, приехал Чоглоков и сообщил молодой паре, что императрица велела им перебраться в ее дом. Это было «ужасное место», по словам Екатерины. «Ветер гулял там по всем направлениям, двери и окна наполовину сгнили, пол был со щелями в три-четыре пальца шириной; кроме того, насекомые там так и кишели; дети и слуги Чоглокова жили в нем в то время, когда мы туда приехали, их оттуда выпроводили и поместили нас

в этом ужасном доме, почти не имевшем мебели».

На следующий день привезли их одежду и личные вещи, которые вытащили из грязи, где они лежали перед тлеющими развалинами дворца. Екатерина обрадовалась, что большая часть ее маленькой библиотеки не пострадала. Во время этого несчастья Екатерина больше всего переживала, что может лишиться своих книг – она только что закончила читать четвертый том «Словаря» Бейля, и все эти тома были ей возвращены. Самые тяжелые потери во время пожара понесла императрица. Весь ее огромный гардероб, привезенный в Москву, уничтожило пламя. Она сообщила Екатерине, что сгорело четыре тысячи платьев, но больше всего она сожалела об утрате парижской ткани, которую Екатерина получила от матери и подарила ей.

Петр также пострадал от пожара, и это поставило его в довольно неловкое положение. Покои великого князя были заставлены большими комодами. Когда их выносили из здания, некоторые полки оказались незапертыми или плохо закрытыми, поэтому распахнулись, и все содержимое вывалилось на землю. Оказалось, что в шкафах хранились бутылки с вином и ликером – это был личный винный погреб Петра.

Когда Екатерина и Петр переехали в другой дворец императрицы, мадам Чоглокова под разными предлогами осталась с детьми в своем собственном доме. Мать семерых детей, известная своей добродетелью и преданностью мужу, влюбилась в князя Петра Репнина. Ее встречи с князем были тайной, но она чувствовала необходимость кому-то открыться, а Екатерина оказалась единственным, по ее мнению, достойным доверия человеком, поэтому она показала великой княгине письма, полученные от любовника. Когда Николай Чоглоков заподозрил неладное и стал расспрашивать Екатерину, та притворилась, что ни о чем не знает.

К февралю 1754 года Екатерина забеременела в третий раз. Вскоре после этого на Пасху у Николая Чоглокова случились сильные боли в желудке. Никакие средства ему не помогали. В ту неделю Петр ездил верхом, а Екатерина оставалась дома, не желая рисковать беременностью. Она была одна у себя в комнате, когда Чоглоков послал за ней и попросил проведать его. Вытянувшись на постели, он приветствовал ее потоком жалоб на свою супругу. Он сказал, что она замешана в адюльтере с князем Репниным, который на масленицу пытался проникнуть к ним в дом, переодевшись шутом. Когда он собирался продолжить свои жалобы, в комнату вошла Мария Чоглокова. Затем в присутствии

Екатерины муж продолжил упрекать жену, обвиняя ее в том, что она оставила его во время болезни. Мария Чоглокова даже не испытывала раскаяния. Она сказала мужу, что все эти годы слишком сильно любила его и страдала, когда он был неверен ей, и теперь ни он, ни кто-либо другой не имеет права упрекать ее. В завершение она добавила, что не он, а она имеет право жаловаться. Во время спора муж с женой постоянно обращались к Екатерине, чтобы та рассудила их. Но Екатерина молчала.

Состояние Чоглокова ухудшалось. 21 апреля врачи сказали, что надежд на исцеление нет. Императрица распорядилась, чтобы больного унесли в его собственный дом, опасаясь, что он умрет во дворце, а это было дурным знаком. Екатерину неожиданно расстроила болезнь Николая Чоглокова. «Он умирал как раз в то время, когда после многих лет усилий и труда удалось сделать его не только менее злым и зловредным, но когда он стал сговорчивым, и с ним даже можно было справляться, изучив его характер. Что касается жены, то она искренне меня любила в то время и из черствого и недоброжелательного Аргуса стала другом надежным и преданным».

Чоглоков умер днем 25 апреля. В последние дни его болезни Мария Чоглокова также заболела и лежала в другой части дома. Сергей Салтыков и Лев Нарышкин находились в ее комнате в тот момент, когда умер Чоглоков. Окно оказалось открыто, в него влетела птица и села на карниз перед постелью мадам Чоглоковой. Она увидел ее и сказала: «Я убеждена, что мой муж только что отдал Богу душу; пошлите узнать, так ли это». Когда ее предположения подтвердились, она заявила, что птица была душой ее мужа. Люди говорили ей, что это всего лишь птица, и она улетела. Но мадам Чоглокова была уверена – душа мужа искала ее.

28
Рождение наследника

После похорон мужа Мария Чоглокова хотела вернуться к своим обязанностям старшей фрейлины Екатерины. Однако императрица освободила свою двоюродную сестру от этой должности, заявив, что вдове не подобает так скоро появляться на публике. После этого Елизавета назначила графа Александра Шувалова, дядю ее фаворита Ивана Шувалова, исполнять при дворе роль покойного Николая Чоглокова. В то время многие опасались Александра Шувалова, поскольку он был начальником Тайной канцелярии. Ходили слухи, будто эта мрачная должность стала причиной конвульсий, которые поражали всю правую часть его лица от глаза до нижней челюсти, когда он приходил в волнение или гневался.

И это была лишь первая из запланированных императрицей перемен. Екатерина узнала, что императрица собиралась назначить графиню Румянцеву на место Марии Чоглоковой. Зная, что эта женщина не любила Сергея Салтыкова, Екатерина отправилась к Алексею Шувалову, который теперь стал ее соглядатаем, и заявила о своем нежелании находиться рядом с графиней Румянцевой. Она сказала, что в прошлом графиня причинила вред ее матери, критикуя ее перед императрицей, и теперь боялась, как бы она не сделала то же самое по отношению к ней. Шувалов, не желая брать на себя ответственность за вред, который он мог нечаянно нанести будущему ребенку Екатерины, ответил, что сделает все возможное. Он отправился к императрице и, вернувшись, сообщил, что графиня Румянцева не станет новой старшей фрейлиной. Вместо этого на должность была назначена его жена, графиня Шувалова.

Шуваловы не пользовались популярностью в свите Екатерины и Петра. Екатерина описывала их как «невежественных, подлых людей». Хотя Шуваловы были богаты, они отличались ужасным вкусом. Графиня была худой, невысокой и жадной. Екатерина называла ее «соляным столбом». Кроме того, Екатерина старалась держаться подальше от графини из-за открытия, которое сделала вскоре после пожара в ноябре 1753 года в Москве. Некоторые уцелевшие вещи графини Шуваловой по ошибке были доставлены великой княгине. Осмотрев их, Екатерина обнаружила, что нижние юбки графини «все были подбиты сзади кожей, поскольку она не могла держать мочи – эта беда случилась с ней после первых родов – и запах от нее пропитал все юбки; я поскорее

отослала их по принадлежности».

В мае, когда двор покинул Москву и направился в Санкт-Петербург, Екатерина, чтобы уберечь ребенка, ехала очень медленно. Ее экипаж двигался со скоростью пешехода и в течение дня преодолевал лишь расстояние от одной станции до другой, поэтому поездка заняла двадцать девять дней. В карете находились графиня Шувалова, мадам Владиславова и повивальная бабка, которая должна была все время быть рядом с Екатериной. В Санкт-Петербург Екатерина прибыла в подавленном состоянии, которое больше не могла контролировать. «Каждую минуту и по всякому поводу у меня наворачивались слезы на глаза и тысячу опасений приходили мне в голову; одним словом, я не могла избавиться от мысли, что все идет к удалению Сергея Салтыкова». Она приехала в Петергоф, где подолгу гуляла пешком, но «мои огорчения преследовали меня». В августе она вернулась в Санкт-Петербург и с ужасом узнала, что приготовленные специально для ее родов две комнаты Летнего дворца находились в покоях императрицы. Когда графиня Шувалова показала ей эти комнаты, она поняла – поскольку они располагались рядом с императрицей, Салтыков не сможет посещать ее там. Она будет «здесь в уединении, без какого бы то ни было общества».

Ее переезд в новые покои был намечен на среду. В два часа ночи ее разбудили схватки. Акушерка подтвердила, что у великой княгини начались роды. Ее положили на традиционное для роженицы ложе – жесткий матрас на полу. Разбудили великого князя. Известили обо всем графа Александра Шувалова, и он, в свою очередь, сообщил императрице. Елизавета оделась и стала ждать. Роды оказались тяжелыми и продлились до полудня следующего дня. 20 сентября 1754 года Екатерина родила сына.

Елизавета, ожидавшая этого так долго, ликовала. Как только новорожденного искупали и запеленали, она вызвала своего духовника, который дал ему имя, Павел, в честь первого ребенка, рожденного у ее матери Екатерины I и отца Петра Великого. Затем императрица удалилась, велев акушерке взять младенца и следовать за ней. Петр тоже покинул комнату, и Екатерина осталась на полу в обществе мадам Владиславовой. Она сильно вспотела и умоляла мадам Владиславову поменять ей белье и уложить в кровать, которая стояла всего в двух шагах. Мадам Владиславова ответила, что не смеет делать что-либо без разрешения акушерки. Екатерина попросила воды, но получила тот же ответ. Мадам Владиславова несколько раз посылала за

акушеркой, чтобы та отреагировала на эти просьбы, но женщина все не появлялась. Три часа спустя пришла графиня Шувалова. Увидев, что Екатерина все еще лежит на ложе роженицы, она сказала, что такая невнимательность к молодой матери может убить ее. И тут же отправилась искать акушерку, которая явилась через полчаса, объяснив, что императрица поручила ей ребенка и не позволяла уйти и заняться Екатериной. Наконец, великую княгиню уложили в постель.

Ребенка она не видела почти неделю. Сведения о нем она могла получать лишь украдкой, поскольку если бы она спросила в открытую, это могло быть истолковано как ее сомнения в способности императрицы позаботиться о нем. Младенец находился в комнате Елизаветы, и когда он кричал, то императрица сама его успокаивала. Вот что Екатерина слышала о состоянии своего сына, а впоследствии и увидела своими глазами:

> «Заботами его буквально душили. Его держали в чрезвычайно жаркой комнате, запеленавши во фланель и уложив в колыбель, обитую мехом черно-бурой лисицы; его покрывали стеганным на вате атласным одеялом и сверх этого клали еще другое, бархатное, розового цвета, подбитое мехом черно-бурой лисицы. Я сама много раз после этого видела его, уложенного таким образом: пот лил у него с лица и со всего тела, и это привело к тому, что когда он подрос, то от малейшего ветерка, который его касался, он простуживался и хворал».

На шестой день жизни Павла крестили. Утром императрица явилась в спальню Екатерины и принесла золотое блюдо, на котором лежал приказ выдать Екатерине из императорской казны сто тысяч рублей. К нему прилагалась маленькая шкатулка, которую Екатерина не открывала до тех пор, пока императрица не ушла. Она очень обрадовалась деньгам: «У меня не было ни гроша, и я была вся в долгах; ларчик же, когда я его открыла, не произвел на меня большого впечатления: там было очень бедное маленькое ожерелье с серьгами и двумя жалкими перстнями, которые мне совестно было бы подарить моим камер-фрау. В этом ларчике не было ни одного камня, который стоил бы сто рублей». Екатерина ничего не сказала, но скупость подарка, вероятно, встревожила графа Александра Шувалова, поскольку он, в конце концов, спросил, понравились ли ей украшения. Екатерина ответила, что «любой подарок императрицы бесценен». Позже, когда Шувалов заметил, что она не носит колье и серьги, и предложил ей надеть их, Екатерина ответила, что на придворные

праздники она привыкла надевать свои самые красивые драгоценности, а колье и серьги не попадали в эту категорию.

Через четыре дня после того, как Екатерина получила от императрицы в дар деньги, кабинет-секретарь императрицы пришел к ней и попросил одолжить деньги казне: императрице требовались деньги для других целей, а свободных средств не было. Екатерина отослала деньги обратно, их вернули ей в январе. В конечном счете, она узнала, что Петр услышав о подарке, который сделала императрица его жене, рассердился и стал жаловаться на то, что его оставили без подарка. Александр Шувалов доложил об этом императрице, которая немедленно послала великому князю приказ на ту же самую сумму, которую пожаловала Екатерине, поэтому и пришлось занять деньги у изначального получателя.

Пока рождение сына отмечалось салютами, балами, иллюминацией и фейерверками, Екатерина лежала в постели. На семнадцатый день после родов она узнала, что императрица поручила Сергею Салтыкову особую дипломатическую миссию – он должен был доставить к шведскому двору официальное известие о рождении сына в великокняжеской семье. «Это означало, – писала Екатерина, – что меня немедленно должны были разлучить с единственным небезразличным мне человеком. Я зарылась больше чем когда-либо в свою постель, где я только и делала, что горевала; чтобы не вставать с постели, я отговорилась усилением боли в ноге, мешавшей мне вставать; но на самом деле я не могла и не хотела никого видеть, поскольку пребывала в горе».

Через сорок дней после того как Екатерина родила ребенка, императрица пришла к ней в комнату, чтобы совершить обряд, который должен был положить конец ее заточению. Екатерина послушно поднялась с постели, чтобы принять государыню, но когда Елизавета увидела, как та слаба и утомлена, она заставила ее сесть на кровать и оставаться там, пока читалась молитва. Принесли младенца Павла, и Екатерине разрешили посмотреть на него издали. «Я нашла его очень красивым, и его вид развеселил меня немного, – писала Екатерина, – но в ту самую минуту, как молитвы были закончены, императрица велела его унести, и сама удалилась». 1 ноября Екатерина получила формальные поздравления от придворных и иностранных послов. Ради этого накануне вечером ее комната была богато украшена, молодая мать сидела на кушетке, обитой розовым, шитым серебром бархатом, и протягивала руку для поцелуев. Сразу же после церемонии элегантную мебель унесли, и Екатерина снова

осталась одна в своей комнате.

С момента рождения Павла императрица вела себя так, словно это был ее ребенок; Екатерина являлась лишь средством для его появления на свет. Елизавета придерживалась этого мнения по многим причинам. Это она привезла двух подростков в Россию, чтобы они родили ребенка. Десять лет она содержала их за счет государства. Этот младенец, столь необходимый государству, был создан по ее приказу, и, таким образом, являлся собственностью государства, то есть ее собственностью.

Помимо династических и политических мотивов, существовали и другие причины, по которым Елизавета окружила Павла заботой и любовью. Она забрала себе ребенка не только из-за интересов государства, но и из-за любви, которая охватила всю ее эмоциональную, сентиментальную натуру, из-за нереализованного материнского инстинкта и желания иметь свою семью. Теперь, в сорок четыре года, Елизавета, несмотря на подорванное здоровье, хотела стать матерью для этого ребенка, пускай ее материнство и было лишь фикцией. Ради того, чтобы поскорее привыкнуть к этой роли, она полностью исключила Екатерину из жизни ребенка. Невероятная одержимость младенцем, которую испытывала Елизавета, оказалась продиктована не только ее потребностью в материнстве, но и своего рода ревностью к молодой женщине. По сути, Елизавета похитила ребенка.

Своим поступком Елизавета лишила Екатерину всего того, что хотела получить сама. Великая княгиня не могла заботиться о младенце, и ей очень редко позволяли видеться с ним. Ее не было рядом, когда он первый раз улыбнулся, когда он рос и развивался. В середине восемнадцатого века женщины из высшего общества мало принимали участия в воспитании детей, оставляя их заботам нянек и кормилиц, однако большинство матерей все же имели возможность ласкать и баюкать своих новорожденных детей. Екатерина не смогла забыть тех эмоциональных страданий, которые были связаны с рождением ее первого ребенка. Двух человек, которые были для нее особенно дороги: ее сына и ее любовника – не было рядом. Ей так хотелось увидеть их обоих, но никто из них не скучал по ней: один просто не знал о ее существовании, а другому – было все равно. В эти недели ей дали понять, что, произведя на свет ребенка, она выполнила свой долг и родила наследника. Ее сын, будущий император, теперь принадлежал русской императрице. В результате этих долгих месяцев разлуки и страданий Екатерина так и не смогла

впоследствии испытывать нормальных чувств к Павлу. Следующие сорок два года их совместного существования она оказалась не способна почувствовать или выразить по отношению к нему материнское тепло и привязанность.

Екатерина отказывалась вставать с постели и покидать комнату «до тех пор, пока не буду чувствовать себя в силах победить свою ипохондрию». Всю зиму 1754/55 года она провела в тесной, маленькой комнате, с небольшими плохо закрывающимися окнами, через которые сквозил морозный воздух с обледеневшей Невы. Чтобы отвлечься и немного утешиться, она обратилась к книгам. Зимой Екатерина читала «Анналы» Тацита, «Дух законов» Монтескье и «Опыт о всеобщей истории и о нравах и духе народов» Вольтера.

«Анналы» – история Римской империи, начиная со смерти императора Августа в 14 году после Рождества Христова, рассказывающая о правлениях Тиберия, Калигулы и Клавдия и заканчивающаяся смертью Нерона в 68 году, – стали для Екатерины одной из самых сильных работ по истории античности. Главной темой в сочинении Тацита являлось подавление свободы тираническим деспотизмом. Убежденный, что сильная личность – не важно, злая или добрая, – а вовсе не глубинные процессы творят историю, Тацит создал прекрасные портреты этих личностей в скупой, но эффектной манере. Екатерина была поражена его описаниями людей, а также анализом власти, интриг и развращенности Римской империи; она находила параллели с людьми и событиями, окружавшими ее теперь, шестнадцать столетий спустя. Она вспоминала, что его труд совершил «необыкновенный переворот в моей голове, чему, может быть, немало способствовало печальное расположение моего духа в это время. Я стала видеть многие вещи в черном свете и искать в предметах, представлявшихся моему взору, причин глубоких и более основанных на интересах».

Монтескье приобщил Екатерину к политической философии раннего Просвещения, которая анализировала сильные и слабые стороны деспотического правления. Она изучала его тезисы о том, что возможны противоречия между осуждением деспотизма в целом и поведением отдельных деспотов. Впоследствии она в течение многих лет заявляла, что обладает «республиканской душой», за которую так ратовал Монтескье. Даже после того как Екатерина заняла российский трон – где государь являлся деспотом, по определению, – она старалась не злоупотреблять личной властью и создала правительство, которым руководила с помощью здравого смысла, а проще говоря, ратовала за

великодушный деспотизм. Позже она объявила, что «L'Esprit des Lois» «должен быть часовником каждого разумного правителя».

Вольтер нравился ей простотой, остроумием и ёмкостью. Он работал над «Essai sur les Moerus» в течение двадцати лет (полный текст был опубликован под заглавием «Essai sur l'Histoire Generale») и включал не только описание нравов и манер, но также обычаев, идей, верований и законов. Вольтер пытался написать историю цивилизаций. Он рассматривал историю как последовательное движение человечества от первобытного варварства к знаниям. Он не видел роли Бога в этом процессе. Разум, а вовсе не религия, как заявлял Вальтер, должен править миром. Но люди должны были вести себя как разумные представители земли. Таким образом, он подходил к роли деспотизма и делал заключение, что деспотическое правление, если оно осуществляется разумно, возможно, самый правильный способ руководства государством. Но разумным может быть только просвещенный монарх, а деяния просвещенных правителей эффективны и в то же время великодушны.

Для понимания этой философии молодой женщине, приходившей в себя после родов, требовалось немало усилий, но Вольтер упростил ей задачу, заставив ее смеяться. Екатерина, как и многие ее современники, была очарована Вольтером. Она восхищалась его гуманистическими идеями, которые сделали его проповедником религиозной терпимости, но также ей нравились его атеизм и открытое презрение к окружавшей его помпезности и глупости. Он был философом, который научил ее смеяться и выживать. А еще он научил ее править.

Рождественским утром Екатерина собралась с силами и посетила богослужение, но в церкви у нее началась лихорадка, и она почувствовала боль во всем теле. На следующий день у нее поднялась температура, началась горячка, и она вернулась в свое временное жилище – маленькую холодную комнату. Она оставалась в этой каморке, избегая своих покоев, поскольку они находились рядом с покоями Петра, где, как она говорила, «днем и отчасти ночью было шумно, как в казарме». Кроме того, Петр и его окружение «много курили, и неприятные испарения и запах табака давали себя знать».

К концу Великого поста Сергей Салтыков вернулся из Швеции после пяти месяцев отсутствия. Еще до его возвращения Екатерина узнала, что вскоре его снова отошлют, на этот раз в Гамбург в качестве постоянного русского посла, а это означало, что им придется расстаться. Салтыков прекрасно понимал, что их роман закончился, и считал, что ему повезло, раз он смог выйти

из этой истории подобным образом. Он предпочитал легкий флирт с придворными дамами опасной связи со страстной и слишком привязчивой великой княгиней.

Сам же он испытывал страсть к совершенно другой особе. Его миссия в Стокгольме сыграла с ним своего рода шутку. При иностранных дворах было известно о его связи с Екатериной, и Салтыков понимал, насколько нелепой оказалась его роль вестника о рождении Павла. Но когда он добрался до шведской столицы, то быстро избавился от смущения по этому поводу. Он вдруг обнаружил, что стал знаменитым. Все признавали его как любовника Екатерины и, возможно, отца будущего наследника русского трона. Он понял, что все мужчины были объяты любопытством, а женщины – охвачены восхищением; вскоре у него появился большой выбор воздыхательниц. Слухи о том, что он вел себя «несдержанно и фривольно со всеми женщинами, которых встречал», достигли Екатерины. «Сначала я не хотела этому верить», – говорила она, но Бестужев, получавший информацию от русского посла в Швеции Никиты Панина, сообщил ей, что эти слухи правдивы. И все же, когда Салтыков вернулся в Россию, Екатерина захотела увидеть его.

Лев Нарышкин устроил эту встречу. Вечером Салтыков должен был явиться в ее покои. Екатерина ждала его до трех часов ночи. Но он не пришел. «Я мучилась вопросом, что могло помешать ему», – писала она позже. На следующий день она узнала, что его пригласили на встречу масонов, которую он не мог пропустить. Екатерина специально спросила об этом Льва Нарышкина.

> «Мне стало ясно как день, что он не явился по недостатку рвения и внимания ко мне, без всякого уважения к тому, что я так долго страдала исключительно из-за моей привязанности к нему. Сам Лев Нарышкин, хоть и друг его, не очень-то или даже совсем не оправдывал его. Правду сказать, я этим была очень оскорблена; я написала ему письмо, в котором горько жаловалась на его поступок. Он мне ответил и пришел ко мне; ему нетрудно было меня успокоить, потому что я была к тому очень расположена».

Возможно, Екатерина и успокоилась, но обмануть ее не удалось. Когда Сергей Салтыков снова уехал, на этот раз в Гамбург, он навсегда ушел из жизни великой княгини. Их роман продлился три года и доставил ей много страданий, однако она не держала на него зла, и самым нелицеприятным ее высказыванием на его счет было следующее: «Он умел скрывать

свои недостатки, самым большим из которых была любовь к интригам и отсутствие принципов. Но эти пороки я не смогла разглядеть в то время». Став императрицей, она сделала его послом в Париже, где он продолжал волочиться за женщинами. Несколько лет спустя, когда один дипломат предложил перевести его в Дрезден, Екатерина написала просителю: «Он совершил недостаточно глупостей, не так ли? Если вы готовы за него поручиться, можете послать его в Дрезден, но он станет пятым колесом в вашей карете».

29
Ответные меры

В ту одинокую зиму, когда родился Павел, Екатерина решила изменить свое поведение. Она выполнила свои обязательства, ради которых приехала в Россию, подарив стране наследника. А теперь в награду за это она оказалась в полном одиночестве в маленькой комнатке без своего ребенка. Екатерина решила защититься. Обдумав свое положение, она попыталась рассмотреть его с новой точки зрения. Она не могла находиться рядом с ребенком, но после его рождения ее собственное положение в России укрепилось. Это осознание подтолкнуло ее к принятию решения «дать почувствовать тем, которые мне причинили столько различных огорчений, что от меня зависело, чтобы меня не оскорбляли безнаказанно».

Она появилась на публике в феврале на балу в честь дня рождения Петра. «Я заказала себе для этого дня великолепное платье из голубого бархата, вышитое золотом», – вспоминала она. Тем вечером она выбрала своей мишенью Шуваловых. Члены этого семейства, считавшие себя неприкосновенными до тех пор, пока Иван Шувалов находился в связи с императрицей, имели обширные связи при дворе, были необычайно подозрительными и внушали всем такой ужас, что ее нападки на них стали настоящей сенсацией при дворе. Екатерина не упускала возможности выразить свои чувства:

> «Я выказывала им глубокое презрение, я заставляла других замечать их злость, глупости, я высмеивала их всюду, где могла, всегда имела для них наготове какую-нибудь язвительную насмешку, которая затем облетала город и тешила злобу на их счет; словом, я им мстила всякими способами, какие могла придумать; в их присутствии я не упускала случая отличать тех, кого они не любили. Так как было немало людей, которые их ненавидели, то у меня не было недостатка в поддержке».

Не зная, как перемена в поведении Екатерины повлияет на их дальнейшую судьбу, Шуваловы искали поддержки у Петра. Гольштейнский бюрократ по имени Кристиан Брокдорф приехал в Россию, чтобы служить гофмейстером Петра, являвшегося герцогом Гольштейна. Брокдорф слышал, как Шуваловы жаловались великому князю на Екатерину, и стал убеждать мужа приструнить свою жену. Но когда Петр предпринял такую

попытку, Екатерина уже была во всеоружии:

> «С этой целью Его Императорское Высочество однажды после обеда пришел ко мне в комнату и сказал, что я начинаю становиться невыносимо гордой и что он сумеет меня образумить. Я его спросила, в чем состоит эта гордость? Он мне ответил, что я держусь очень прямо. Я его спросила: разве для того, чтобы ему понравиться, нужно гнуть спину, как рабы турецкого султана? Он рассердился и сказал, что он сумеет меня образумить. Я спросила у него: «Каким образом?» Тогда он прислонился спиною к стене, вытащил наполовину свою шпагу и показал мне ее. Я его спросила, что это значит, не рассчитывает ли он драться со мною; но тогда и мне нужна шпага. Он вложил свою наполовину вынутую шпагу в ножны и сказал мне, что я стала ужасно зла. Я спросила его: «В чем?» Тогда он мне пробормотал: «Да по отношению к Шуваловым». На это я отвечала, что это лишь в отместку и что он хорошо сделает, если не станет рассуждать о том, чего не знает и в чем ничего не смыслит. Он стал говорить: «Вот что значит не доверяться своим истинным друзьям, и выходит плохо. Если бы вы мне доверялись, то это пошло бы вам на пользу». Я сказала ему: «Да в чем доверяться?»
>
> Тогда он стал говорить мне такие несуразные вещи, настолько лишенные самого обыкновенного здравого смысла, что я, видя, как он просто-напросто заврался, дала ему высказаться, не возражая, и воспользовалась перерывом, удобным, как мне показалось, чтобы посоветовать ему идти спать, ибо я видела ясно, что вино помутило ему разум и лишило его всякого признака здравого смысла. Он последовал моему совету и пошел спать. От него уже тогда начало почти постоянно нести вином вместе с запахом курительного табаку, так что это бывало буквально невыносимо для тех, кто к нему приближался.

Это столкновение вызвало у Петра тревогу и замешательство. Никогда прежде супруга ему не противоречила, а напротив, всегда потакала, выслушивала его планы и жалобы, пыталась подружиться с ним. Теперь перед ним была другая женщина, спокойная, уверенная в себе, насмешливая, свободная, она казалась ему совершенно незнакомой. Впоследствии его попытки угрожать ей стали более осторожными и не такими частыми. Супруги все больше отдалялись. Петр продолжал поддерживать

отношения с другими женщинами и по старой привычке рассказывал о них Екатерине. Она все еще была ему полезна и помогала выполнять обязанности, которые казались великому князю сложными или затруднительными. Петр, как наследник престола, все еще внушал ей надежду, что она будет императрицей, когда он сам станет императором. Однако она уже пришла к выводу, что судьба ее зависела не только от мужа. Екатерина являлась также матерью будущего императора.

Вечером того же дня, когда между ней и Петром произошло столкновение, Екатерина играла в карты в гостиной, в этот момент появился Александр Шувалов. Он напомнил ей, что императрица запретила женщинам носить кружева и материи, которые Екатерина тем не менее продолжала использовать. Тогда Екатерина сказала ему «что он мог бы не утруждать себя сообщением мне этого объявления, потому что я никогда не надеваю ни одной из материй, которые не нравятся Ее Императорскому Величеству; что, впрочем, я не полагаю своего достоинства ни в красоте, ни в наряде, что, когда первая прошла, последний становится смешным, что остается только один характер. Он выслушал это до конца, помаргивая правым глазом, как это было у него в привычке, и ушел со своей гримасой».

Несколько дней спустя настроение Петра изменилось, из задиры он превратился в просителя. Он сказал Екатерине, что Брокдорф посоветовал ему взять взаймы у императрицы денег, чтобы оплатить его расходы по Гольштейну. Екатерина поинтересовалась, существовали ли другие способы решить проблему, и Петр ответил, что покажет ей бумаги. Она просмотрела их и заявила, что, по ее мнению, ему не стоит просить деньги у тетки, в которых она скорее всего откажет, поскольку за шесть месяцев до этого уже дала ему сто тысяч рублей. Петр проигнорировал ее совет и все равно попросил деньги. В результате, как заметила, Екатерина, «он ничего не получил».

Несмотря на то что Петру велели ликвидировать дефицит бюджета Гольштейна, он решил перевезти часть гольштейнских войск в Россию. Брокдорф, желая сделать приятное своему повелителю, одобрил это. Размер контингента был скрыт от императрицы, которая ненавидела Гольштейн. Ей передали, что такой пустяк даже не стоит обсуждений и что контроль со стороны Александра Шувалова убережет эту затею от лишних затруднений. По совету Брокдорфа Петр попытался скрыть скорое прибытие гольштейнских солдат и от своей жены. Когда Екатерина узнала об этом, она «ужаснулась тому

отвратительному впечатлению, которое этот поступок великого князя произведет на русское общество и даже на императрицу». Когда батальон прибыл из Киля, Екатерина стояла рядом с Александром Шуваловым на балконе дворца в Ораниенбауме и смотрела, как пехота в синих гольштейнских мундирах марширует мимо них. Лицо Шувалова подергивалось.

Вскоре возникли новые неприятности. Поместье Ораниенбаум охраняли солдаты Астраханского и Ингерманландского полков. Екатерине передали, что когда эти люди увидели гольштейнских солдат, они сказали: «Эти проклятые немцы все преданы прусскому королю; предателей приводят в Россию». В Санкт-Петербурге одни считали пребывание гольштейнцев скандальным, другие – смешным. Екатерина же находила эту затею «уродливой проказой, и довольно опасной». Петр, который во времена Чоглоковых надевал синий гольштейнский мундир лишь тайно у себя в покоях, теперь почти все время ходил в нем, за исключением тех случаев, когда ему приходилось являться к императрице. Воодушевленный присутствием солдат, он присоединился к их лагерю и почти все свободное время занимался их муштрой. Однако солдат нужно было кормить. Сначала маршал имперского двора отказался взять на себя такую обязанность. Но в конце концов, уступил и приказал слугам и солдатам из Ингерманландского полка приносить еду для гольштейнцев с дворцовой кухни. Лагерь находился в некотором отдалении от дворца, и русские солдаты не получали никакой компенсации за лишнюю работу. В ответ они говорили: «Вот мы стали лакеями этих проклятых немцев». А придворные слуги, которым поручали подобную обязанность, вторили: «Нас заставляют служить этому мужичью». Екатерина решила «держаться как можно дальше от этой опасной ребяческой игры. Камергеры нашего двора, которые были женаты, имели при себе своих жен; это составляло довольно многочисленную компанию, кавалерам нечего было делать в гольштейнском лагере, из которого Его Императорское Высочество не выходил. Таким образом, вместе с этой компанией придворных я уходила гулять как можно чаще, но всегда в сторону, противоположную от лагеря, к которому мы близко не подходили».

30
Английский посол

Однажды ночью под конец июня 1755 года в разгар белых ночей, когда солнце оставалось на небе даже в одиннадцать часов вечера, Екатерина выступала в роли хозяйки на ужине и последовавшем за ним балу во дворце Ораниенбаума. Среди гостей, выходивших из длинного ряда карет, был и вновь назначенный английский посол, сэр Чарльз Хэнбери-Уильямс. Во время ужина англичанина посадили рядом с Екатериной, и они с удовольствием провели вечер в обществе друг друга. «Так как он был очень умен и образован и знал всю Европу, с ним нетрудно было беседовать», – писала Екатерина. Позже ей передали, что сэр Чарльз получил от вечера такое же удовольствие, как и она.

Перед ужином Хэнбери-Уильямс представил Екатерине молодого польского дворянина, графа Станислава Понятовского, приехавшего в Россию, чтобы выполнять обязанности его секретаря. Сэр Чарльз за ужином разговорился с Екатериной, и она часто бросала взгляды на второго гостя, чья грация и элегантность выделяли его среди танцующих. «Английский посланник сказал мне много хорошего о графе, – вспоминала она в своих «Мемуарах», – и подтвердил то, что я уже знала, а именно: в то время его отец и семья его матери, Чарторыжские, составляли русскую партию в Польше». Они послали сына в Россию и поручили его заботам посла, чтобы он смог обогатить свои знания о восточном соседе Польши. Поскольку Екатерине лично задали вопрос о том, может ли чужеземец преуспеть в России, она решила высказать свое мнение и ответила, что в целом Россия являлась «для иностранцев пробным камнем», мерилом их способностей, и тот, кто добьется успеха в России, сможет достичь его в любой стране Европы. Она продолжила, что считает это правило непогрешимым, «нигде, как в России, нет таких мастеров подмечать слабости, смешные стороны или недостатки иностранца; можно быть уверенным, что ему ничего не спустят, поскольку всякий русский в глубине души, естественно, не любит ни одного иностранца».

Пока Екатерина изучала Понятовского, молодой человек осторожно разглядывал ее. Позже, ночью, по дороге из Ораниенбаума он вступил с послом в длинную, горячую дискуссию по поводу великой княгини, и двое мужчин: один сорока семи, другой – двадцати трех лет, обменялись лестными впечатлениями о ней.

Та летняя ночь положила начало близким личным и политическим отношениям между этими тремя людьми. Понятовский стал любовником Екатерины, а Хэнбери-Уильямс – ее другом. В следующие полтора года английский дипломат оказывал ей финансовую помощь и даже пытался использовать ее влияние во время великого дипломатического кризиса, положившего начало Семилетней войне.

Сэр Чарльз Хэнбери-Уильямс родился в богатой семье из Монмутшира. Его юность прошла в окружении английских пейзажей и прекрасных поместий, садов с подстриженными зелеными газонами и портретами Гейнсборо. Окончив Итон, он женился, стал отцом двух дочерей и был избран в парламент от партии вигов под руководством сэра Роберта Уолпола. Он стал завсегдатаем модных лондонских салонов и завоевал репутацию элегантного, остроумного собеседника и поэта-сатирика, хотя и не особенно выдающегося. В конце тридцатых сэр Чарльз потерял жену и отказался от политики в пользу дипломатии. На первых двух постах в Берлине и Дрездене его остроумия, обаяния и утонченных английских манер оказалось недостаточно для выполнения дипломатических обязанностей. Он пришелся не ко двору Фридриха II – монарха-интеллектуала. В Дрездене его остроумие и сатира оказались еще менее востребованными. Затем благодаря политическим связям на родине он получил назначение в Санкт-Петербург, где был тепло принят, поскольку, по слухам, привез с собой достаточно золота, чтобы открыть многие двери и обзавестись полезными знакомствами. Однако при дворе Елизаветы элегантный англичанин вновь обнаружил себя в атмосфере, где его таланты оказались мало востребованными. Единственным исключением стала одна молодая женщина, на которую приезд утонченного, образованного и остроумного дипломата произвел большое впечатление.

Сэр Чарльз приехал в Санкт-Петербург по важному поручению. Договор, который был заключен в 1742 году и согласно которому Россия в обмен на золото должна была поддерживать Англию в любых военных действиях, истекал. В то же самое время репутация Фридриха Прусского как воинственного правителя вызывала у короля Георга II тревогу за его собственный маленький, почти беззащитный северогерманский электорат Ганновер. В задачу Хэнбери-Уильямса входило обновить основанный на денежной ссуде договор, который гарантировал бы вмешательство России в случае вторжения Пруссии в Ганновер. В связи с этим английское

правительство хотело, чтобы Россия собрала пятьдесят пять тысяч солдат в Риге, откуда, согласно договоренности, они должны были двинуться на запад в Восточную Пруссию, если прусские войска отправятся в поход на Ганновер.

Предыдущий английский посол, пытавшийся возобновить этот договор, попал в затруднительное положение при дворе Елизаветы, где дипломатические дела часто улаживались во время короткого разговора на балу или маскараде. Растерявшийся дипломат попросил об отзыве, а вскоре был найден новый кандидат, которого считали более подготовленным и способным справиться со всеми дипломатическими нюансами, которых требовала от него эта должность. Сэр Чарльз Хэнбери-Уильямс, никогда добровольно не пропускавший ни одного бала или маскарада, считался хорошим выбором. Он подтвердил свою репутацию человека светского, еще достаточно молодого, чтобы оставаться привлекательным для женщин, но довольного зрелого и обладающего чувством долга по отношению к своим обязанностям. Вскоре после прибытия в Санкт-Петербург он понял, что сможет преуспеть лучше своего предшественника. «Здоровье императрицы не очень хорошее, – писал он в своей первой депеше. – Она страдает от кашля и одышки, у нее водянка и распухшие колени, однако она танцевала со мной менуэт». Хэнбери-Уильямс продолжил свои попытки и вскоре понял, что недооценил свою добычу. Елизавете нравилось слушать болтовню искушенного англичанина, но едва он пытался заговорить с ней на серьезные темы, как она улыбалась и уходила. Подобно всем женщинам она была восприимчива к комплиментам, но как императрица – совершенно глуха к просьбам. С момента своего прибытия сэр Чарльз не продвинулся ни на шаг.

Он стал искать другие пути. Когда он обратился к Петру, будущему правителю, то снова получил отпор. Во время первого же разговора он осознал, что наследник престола буквально одержим своим преклонением перед прусским королем. Здесь уже ничего нельзя было предпринять, и сэр Чарльз понял, что лишь потеряет время с племянником так же, как и с его теткой. Тем летом, отправляясь на ужин в Ораниенбаум, он считал, что его миссия провалилась. Его посадили рядом с великой княгиней. И он нашел в ней родственную душу – утонченную особу, способную вести интеллектуальные беседы, и человека, питавшего интерес к книгам, а также испытывавшего антипатию к королю Пруссии.

Когда сэр Чарльз впервые увидел Екатерину, он был покорен ее очарованием и глубокой эрудицией. Интрига Екатерины

с Сергеем Салтыковым была известна всем и привела к тому, что о ней сложилось мнение как о доступной молодой женщине. Будучи в молодые годы настоящим кавалером, сэр Чарльз подумал, не попытаться ли ему завести с ней романтические отношения. Но очень быстро отказался от этой затеи, понимая, что вдовец средних лет с далеко не идеальным здоровьем вряд ли сможет добиться успеха. «Человек в моем возрасте – плохой любовник, – писал он в Лондон министру, предложившему подобный способ для достижения цели. – Увы, мой скипетр уже не служит мне верой и правдой». Вместо этого он выбрал для себя роль доброго дядюшки и даже отчасти отеческой фигуры. Он стал для великой княгини человеком, к которому она могла обратиться за личным или политическим советом. Другой путь он освободил для своего молодого секретаря – Станислава Понятовского.

Екатерина находила Хэнбери-Уильямса интересным и умудренным опытом человеком. Когда она узнала, что он приехал для того, чтобы повторно заключить союз между Россией и Англией против Пруссии, ее восхищение лишь усилилось. Посол, в свою очередь, знал о дружеских отношениях Екатерины с Бестужевым, и поэтому она могла стать ценной союзницей. Они подружились. Когда на балу сэр Чарльз высказал комплимент по поводу ее платья, Екатерина заказала точно такое же для его дочери, леди Эссекс. Екатерина стала писать ему письма и рассказывать о своей жизни. Подобные отношения с человеком, который был значительно старше ее, чей ум и утонченность вызывали у нее уважение, напоминали ей юношескую дружбу с графом Гилленборгом, для которого она написала «Портрет философа в пятнадцать лет». В своих длинных посланиях, которыми они обменивались, Екатерина совершенно игнорировала тот факт, что великая княгиня поступала очень неосмотрительно, вступив в личную переписку с иностранным послом.

Обмен письмами был для Хэнбери-Уильямса не единственным способом оказать влияние на Екатерину. Он узнал о постигших ее финансовых затруднениях. Ее собственные долги добавились к долгам, оставшимся после ее матери. Екатерина легко тратила деньги: на одежду, развлечения и на друзей. Она поняла, какою властью обладали деньги, когда требовалось убедить кого-то или заручиться чьей-либо верностью. Она никогда не опускалась до прямого подкупа, ее щедрость, казалось, была продиктована желанием сделать приятное и

окружить себя счастливыми, улыбающимися лицами. Когда Хэнбери-Уильямс предложил финансовую помощь, используя средства из британской казны, она приняла ее. Какую именно сумму Екатерина взяла у него взаймы, неизвестно, но она была значительной. Правительство предоставило Хэнбери-Уильямсу карт-бланш, и для Екатерины открыли кредит при содействии английского консула в Санкт-Петербурге и банкира барона Уолффа. На двух расписках, подписанных великой княгиней, стояли даты: 21 июля и 11 ноября 1756 года, а общая сумма была равна пятидесяти тысячам рублей. Заем, сделанный 21 июля, не был первым, в своем прошении Екатерина писала Уолффу: «Я испытывала некоторые колебания прежде, чем обратиться к вам снова».

Екатерина знала, что, принимая деньги от английского посла, она подвергает себя риску, но ей также было известно, что подобную игру вели почти все российские придворные. И хотя великая княгиня и позволяла подкупать себя, чтобы сделать приятное другим, на самом деле она лишь поддалась всеобщей коррумпированности, свойственной в то время всем политикам и членам правительства в каждом из государств Европы. Деньги покупали дружбу, преданности и выгодные договора. В Санкт-Петербурге все были подвержены коррупции, включая саму императрицу. Когда Хэнбери-Уильямс предпринял попытку заключить с императрицей новый англо-российский договор, он сообщил в Лондон, что Елизавета приступила к строительству двух дворцов, однако не имела достаточных средств, чтобы завершить его. Этот договор гарантировал России ежегодные выплаты в размере ста тысяч фунтов, но сэр Чарльз считал, что дополнительные вложения в личный кошелек Елизаветы вернее помогут склонить ее на сторону Англии. «Другими словами, все, что было до сих пор потрачено, служило лишь для одной цели – купить русские войска, – писал он. – Все, что будет потрачено дальше, послужит для другой цели – подкупить императрицу». Лондон подтвердил дополнительные расходы, и сэр Чарльз сообщил, что переговоры продолжаются довольно гладко. Он также верил, что подобный подход сможет подкрепить расположение и антипрусские настроения очаровательной великой княгини.

31
Дипломатическое потрясение

Миссия, с которой сэр Хэнбери-Уильямс прибыл в Россию в 1755 году, заключалась в том, чтобы обеспечить Англии защиту своего контингента в Ганновере. В середине восемнадцатого века британской дипломатией и военной стратегией руководили два неизменных принципа: одним являлась непрекращающаяся вражда с Францией, независимо от того, находились ли эти две страны в состоянии войны или временного мира; вторым – необходимость защитить маленькое, изолированное курфюрство на севере Германии. Эта необходимость была продиктована тем, что король Англии являлся одновременно и курфюрстом Ганновера. В 1714 году пятидесятичетырехлетний Георг Людвиг был убежден парламентом принять британский трон, подтвердив, таким образом, превосходство протестантской религии на Британских островах. Он стал королем Георгом I, сохранив при этом свой титул и немецкое курфюрство. Союз островного королевства и находившегося на континенте курфюрства сохранялся до 1837 года, когда во время коронации королевы Виктории был тихо отменен.

Сохранить его было не такой уж простой задачей. Георг I, а позже и его сын, Георг II, испытывали особую привязанность к своему маленькому курфюрству с его доброжелательным, послушным населением в три четверти миллиона, а также никогда не перечащим и ни во что не вмешивающимся парламентом. Георг I до конца жизни так и не научился говорить по-английски, а его сын часто ездил домой в Ганновер и подолгу оставался там.

Курфюрство всегда было легкой добычей для его континентальных соседей. Защита Ганновера от агрессивных соседей казалась почти непосильной задачей для Англии, обладавшей могучим флотом, однако не имевшей большой армии. Почти все англичане считали его камнем на шее Англии, ради которого приносились в жертву более важные интересы королевства. Однако избавиться от этой проблемы было невозможно, Ганновер нуждался в защите. Поскольку сделать это могла лишь армия союзников на континенте, Англия вступила в долговременный альянс с Австрией и Россией. Долгие десятилетия все складывалось удачно.

В 1755 году усилившаяся агрессия Пруссии обеспокоила короля Георга II, который стал опасаться, что его зять Фридрих II

Прусский (жена Фридриха София приходилась сестрой Георгу) может предпринять попытку вторгнуться в Ганновер, как он уже сделал это в отношении Силезии. Чтобы удержать Пруссию от подобной авантюры, Англия решила возобновить договор с Россией, и поэтому сэр Чарльз Хэнбери-Уильямс приехал в Санкт-Петербург на переговоры. Узнав, что граф Бестужев подписал договор от имени России в 1755 году, сэр Чарльз пришел в восторг.

Однако триумф Хэнбери-Уильямса оказался преждевременным. Новость о том, что Англия и Россия собираются заключить новый договор, встревожила короля Пруссии, который, если верить слухам, боялся России больше, чем Господа Бога. Придя в ужас от того, что пятьдесят тысяч русских солдат будут брошены против него на севере, он велел своим дипломатам немедленно договориться с Великобританией. Они сделали это, возродив соглашение, которое считалось давно уже недействующим. Прежде чем вести переговоры с Россией, Англия предприняла попытку обеспечить целостность Ганновера, проведя переговоры непосредственно с Пруссией. Фридрих отказался от данного предложения, но теперь поспешно возобновил переговоры и согласился. 26 января 1756 года Великобритания и Пруссия заключили взаимное соглашение о том, что ни одна из сторон не станет вторгаться на территорию другой или угрожать ей. Вместо этого, если какой-либо агрессор потревожит «покой и целостность Германии» – этой фразы оказалось достаточно, чтобы охватить одновременно и Ганновер, и Пруссию, – они объединятся, чтобы противостоять врагу. В качестве потенциальных «захватчиков» рассматривались Франция и Россия.

Этот договор стал настоящим политическим потрясением. Союз с Пруссией стоил Англии политического альянса с Австрией, а также возможности заключения нового договора с Россией. А когда об англо-прусском договоре в феврале 1756 года стало известно в Версале, Франция аннулировала свой договор с Пруссией, освободив место для возможного союза со своим историческим противником Австрией. 1 мая австрийские и французские дипломаты подписали Версальскую конвенцию, согласно которой Франция обязывалась оказывать помощь Австрии, если ее территория подвергнется нападению.

Шестью месяцами ранее подобная перестановка сил была просто немыслима, теперь же она стала реальностью. Фридрих разрушил свои альянсы, заставив другие силы также перестроить свои, когда же это случилось, в Европе возникла новая дипломатическая структура. После того как все было улажено,

Фридрих приготовился действовать. 30 августа 1756 года его великолепно подготовленная и хорошо оснащенная прусская армия вторглась в Саксонию. Пруссаки быстро разгромили своих соседей, а затем включили всю саксонскую армию в свои ряды. Саксония являлась сателлитом Австрии и, согласно франко-австрийскому договору, на котором еще не успели высохнуть чернила, теперь у Людовика XV не оставалось другого выбора, кроме как прийти на помощь Марии Терезии. А поскольку Россия была давней союзницей Австрии, она тоже оказалась вовлечена в эту кампанию. Императрица Елизавета присоединилась к Австрии и Франции против Пруссии. Однако эти маневры не способствовали безопасности Ганновера. Избавившись от угрозы быть захваченным Пруссией, теперь курфюрству угрожала опасность со стороны Франции и Австрии.

Когда граф Бестужев отправил в британское посольство ноту, сообщая Хэнбери-Уильямсу о том, что Россия присоединилась к антипрусской коалиции с Францией и Австрией, посол был потрясен. Только что подписанный договор с Англией, который он обсуждал лично с Бестужевым, был расторгнут, хотя формально так и не был аннулирован[3]. Хэнбери-Уильямс оказался в очень щекотливом положении, поскольку Лондон ожидал от него, что он будет действовать в интересах нового союзника Англии – Фридриха Прусского, – разрушить планы которого был изначально послан в Россию. В какой-то степени глобальные перестановки сил в Европе отразились в миниатюре на тех переменах, которые был вынужден произвести Хэнбери-Уильямс в своих собственных целях и действиях, предпринимаемых им в Санкт-Петербурге.

Англичанин усердствовал изо всех сил. Он проявил всю свою дипломатическую изворотливость. У Фридриха не было своего посла в Санкт-Петербурге, и Хэнбери-Уильямс в тайне предложил доверить эту роль ему. Используя дипломатическую почту, предназначавшуюся его коллеге, британскому послу в Берлине, он попытался информировать короля Пруссии о том, что происходило в русской столице. Он также постарался с помощью своих связей в Санкт-Петербурге сделать так, чтобы Россия не предпринимала активных военных действий в предстоящей войне. Самой важной фигурой в этой игре теперь, когда Бестужев был для него потерян, стала Екатерина. Он обменивался с великой княгиней личными посланиями и вел увлекательные беседы, одалживал ей тысячи фунтов и хвастался перед пруссаками, что она являлась его «милым другом», а также предложил использовать ее, чтобы воспрепятствовать активным

действиям со стороны России.

Посол предавал доверие великой княгини. Екатерина знала, что англо-российское соглашение прекратило свое существование, но ей не было известно о том, что ее друг тайно помогал врагу России и использовал ее как потенциального соратника в этой интриге. Он всех вводил в заблуждение, включая самого себя. В январе 1757 года Екатерина выразила свои истинные чувства в письме Бестужеву: «Я была рада услышать, что наша армия в скором времени <…> выступит в поход. Я умоляю вас убедить нашего общего друга [Степана Апраксина] после того, как он разобьет короля Пруссии, вернуться в свои родные пределы, чтобы мы больше не испытывали тревоги».

В действительности же, еще до своего отъезда, Апраксин часто посещал великую княгиню и объяснял ей, что плохое состояние русской армии делало зимнюю кампанию против Пруссии нежелательной и что было бы лучше отложить поход. Эти разговоры не были предательством – примерно такие же беседы Апраксин вел и с императрицей, и с Бестужевым, и даже с иностранными послами. Но суть состояла в том, что императрица запретила Екатерине принимать участие в каких бы то ни было политических делах. А великая княгиня, вероятнее всего, проигнорировала эти указания и обсуждала подобные вопросы с Хэнбери-Уильямсом. Однако если это и случилось, она не знала, что общается не только со своим близким английским другом, но и с человеком, который наверняка передаст ее слова королю Пруссии.

32
Понятовский

Станислав Понятовский, молодой польский дворянин, которого представили Екатерине в тот вечер, когда она познакомилась с сэром Чарльзом Хэнбери-Уильямсом, происходил из древнего аристократического рода. Его мать являлась дочерью Чарторыжских – одной из самых знатных польских семей. Она вышла замуж за Понятовского, а Станислав был ее младшим сыном. Молодой человек обожал свою мать и находился под присмотром старших братьев и дядей – двух самых влиятельных людей в Польше. Семья надеялась на политическую поддержку России, чтобы положить конец правлению избранного короля Августа II Саксонского и основать исконно польскую династию[4].

В восемнадцать лет Станислав стал путешествовать по столицам Европы в сопровождении свиты из слуг. С собой он возил впечатляющую папку рекомендаций. В Париже он был представлен королю Людовику XV и мадам Помпадур. В Лондоне – королю Георгу II. Он уже встречался с Чарльзом Хэнбери-Уильямсом прежде, и когда дипломат был назначен английским послом в Россию, он пригласил Станислава сопровождать его в качестве секретаря. Мать и дяди молодого человека были довольны: это предложение предоставляло Чарторыжским возможность укрепить свои дипломатические позиции в Санкт-Петербурге и, соответственно, дать Станиславу шанс начать государственную карьеру. Оказавшись в российской столице, Хэнбери-Уильямс полностью доверился молодому секретарю. «Он позволял мне читать тайные депеши, шифровать и расшифровывать их», – вспоминал Станислав. Сэр Чарльз арендовал особняк на берегу Невы, из окна которого открывался вид на Петропавловскую крепость и ее золотой шпиль высотой в четыреста футов. Он использовал этот дом и в качестве посольства, и в качестве места для проживания.

Станислав Понятовский был на три года моложе Екатерины и не мог соперничать с Салтыковым в мужской красоте. Невысок ростом, близорук, он имел лицо в форме сердца, карие глаза, ярко выраженные надбровные дуги и острый подбородок, но при этом говорил на шести языках, был обаятелен и умел вести беседу настолько хорошо, что его везде принимали с удовольствием. В свои двадцать три года он являлся образцом молодого, утонченного европейского аристократа. Екатерина

впервые встретила подобного человека: он словно вышел из блистательного мира, описанного мадам де Севинье и Вольтером, и это было ей особенно по душе. Он говорил на языке Просвещения, мог непринужденно общаться на абстрактные темы; в один день он был мечтательным и романтичным, в другой – по-детски непосредственным. Екатерина оказалась заинтригована. Однако Станислав был лишен двух качеств. Молодому поляку не хватало оригинальности, и он не обладал достаточной серьезностью. Екатерина быстро осознала эти недостатки и смирилась с ними. Никто не знал об этом лучше, чем сам Станислав. В своих мемуарах он признавался:

> «Прекрасное образование помогало мне скрыть мои умственные недостатки, поэтому многие ожидали от меня больше, чем я мог им дать. Я был достаточно умен, чтобы участвовать в любой беседе, но моих знаний не хватало, чтобы долго и подробно рассуждать по какому-либо вопросу. От природы я имел склонность к искусству. Однако моя праздность помешала мне всерьез заняться искусством или наукой. Я работал либо очень много, либо не работал вовсе. Я мог хорошо разбираться в делах. Сразу же подмечал недостатки планов или недостатки тех, кто их предлагал. Но мне нужен был хороший советчик, когда я сам пытался что-либо планировать».

Для столь искушенного человека во многих вопросах он был на удивление неопытным. Он обещал матери не пить вина или крепкого алкоголя, не играть и не жениться до тех пор, пока ему не исполнится тридцать лет. Кроме того, по собственному признанию, Станислав обладал еще одной необычной чертой, довольно странной для человека, который добился общественного успеха в Париже и других столицах.

> «Сперва я был удален от распутства строгим воспитанием. Затем стремление проникнуть в тот слой, который принято называть (особенно в Париже) хорошим обществом и удержаться там, предохраняло меня от излишеств во время моих путешествий. Наконец, целая вереница престранных обстоятельств, сопровождавших любовные связи, которые я заводил за границей, дома и даже в России, сохранила меня в неприкосновенности для той, которая с этого времени стала распоряжаться моей судьбой».

Иными словами, до встречи с Екатериной он оставался девственником.

Понятовский обладал и другими качествами, привлекательными для гордой женщины, оказавшейся отвергнутой и покинутой. Его преданность доказала ей, что она способна вызывать не только страстное желание. Он восхищался не только титулом и красотой, но также умом и темпераментом Екатерины, и они оба понимали, насколько она превосходила его в этом плане. Понятовский был нежным, внимательным, чутким и верным. Он учил Екатерину получать удовольствие от жизни, сохраняя при этом осторожность, с ним она познала страсть в любви. И он помог ей прийти в себя.

В самом начале их отношений Екатерина имела трех союзников. Одним из них был Хэнбери-Уильямс, двумя другими – Бестужев и Лев Нарышкин. Канцлер дал понять, что хотел бы подружиться с Понятовским в интересах Екатерины. Нарышкин также быстро взял на себя роль друга, спонсора и советчика нового фаворита. Подобную функцию он уже исполнял во времена романа Екатерины с Салтыковым. Когда Нарышкин слег в лихорадке, он послал Екатерине несколько писем, написанных изысканным слогом. Содержание было пустяковым – просьба прислать фрукты и варенье, – но стиль писем оказался таким, что Екатерина почти сразу же догадалась: автором являлся не сам Нарышкин. Позже он признался, что письма сочинил его новый друг, граф Понятовский. Екатерина поняла, что, несмотря на многочисленные странствия и искушенность, Станислав все еще оставался робким и сентиментальным юношей. Он был молодым романтиком-поляком, оказавшимся рядом с юной женщиной, несчастной в браке и вынужденной жить уединенно. Этого оказалось достаточно, чтобы увлечь его.

Вот какой предстала ему Екатерина:

> «Ей было двадцать пять лет. Оправившись от первых родов, она расцвела так, как об этом только может мечтать женщина, наделенная от природы красотой. Черные волосы, восхитительная белизна кожи, большие синие глаза навыкате, многое говорившие, очень длинные черные ресницы, острый носик, рот, зовущий к поцелую, руки и плечи совершенной формы; средний рост – скорее высокий, чем низкий, походка на редкость легкая и в то же время исполненная величайшего благородства, приятный тембр голоса, смех, столь же веселый, сколь и нрав ее, позволявший ей с легкостью

переходить от самых резвых, по-детски беззаботных игр к шифровальному столику, причем напряжение физическое пугало ее не больше, чем самый текст, каким бы значительным или даже опасным ни было его содержание».

Прошло несколько месяцев, прежде чем неопытный любовник собрался с мужеством и решился действовать. Даже тогда, несмотря на настойчивость своего нового друга Льва, упрямый воздыхатель мог довольствоваться лишь преклонением перед объектом своей страсти. Наконец, Нарышкин намеренно поставил Станислава в такое положение, из которого поляк не смог бы спастись отступлением, не рискуя при этом смутить великую княгиню. Не подозревая о том, что все это подстроено, он позволил привести себя к дверям ее личных покоев. Дверь оставалась чуть приоткрыта, Екатерина ждала внутри. Годы спустя Понятовский вспоминал: «Не могу отказать себе в удовольствии написать здесь, что в тот день она была одета в скромное платье белого атласа; легкий кружевной воротник с пропущенной сквозь кружева розовой лентой был единственным его украшением». С того момента, как писал позже Понятовский «вся моя жизнь была посвящена ей».

Новый любовник Екатерины доказал, что не страдал заносчивой самоуверенностью, которая заставила ее капитулировать перед Салтыковым. В данном случае Екатерина имела дело с мальчиком, очаровательным, много путешествовавшим и умевшим вести беседу, но все еще мальчиком. Она знала, как себя вести, и когда он, наконец, преодолел колебания, Екатерина сделала красивого, но все еще девственного поляка настоящим мужчиной.

33
Мертвая крыса, отъезд любовника и рискованное предложение

В дипломатическом мире Европы происходили значительные перемены, а в маленьком, замкнутом супружеском мирке Екатерины и Петра сохранялась враждебность, характеризовавшая их отношения в течение последних десяти лет. В Станиславе Понятовском Екатерина нашла не только нового любовника, но и поддержку. Петр метался между фрейлинами Екатерины, оказывая внимание то одной, то другой. Вкусы и увлечения супругов были очень разными: Петра интересовали солдаты, выпивка и собаки; Екатерина предпочитала чтение, беседы, танцы и верховую езду.

Зимой 1755 года почти всех гольштейнских солдат Петра отправили домой, и Екатерина с Петром вернулись из Ораниенбаума в Санкт-Петербург, где продолжили жить раздельно. Когда город замело снегом, а Неву покрыл лед, Петр стал отдавать дань своему страстному увлечению армией у себя в покоях. Теперь солдатами стали его игрушки, сделанные из дерева, олова, папье-маше и воска. Он выстраивал фигурки на узких столах, которых стояло так много, что он едва мог протиснуться между ними. К столам были прибиты латунные пластины, к которым крепились веревки. Когда за веревки дергали, пластины начинали вибрировать, создавая шум, который, по словам Петра, напоминал оружейный залп. В этой же комнате Петр руководил ежедневной сменой караула, во время которой свежий отряд игрушечных солдатиков, которым поручалось нести караул, заменял тех, кого освобождали от выполняемых обязанностей и убирали со стола. На этой церемонии Петр всегда появлялся в полном гольштейнском обмундировании, в ботфортах со шпорами, с офицерским значком и шарфом. Слуги, присутствовавшие на данной церемонии, также должны были надевать гольштейнскую форму.

Однажды, когда Екатерина вошла в комнату, она увидела большую крысу, висевшую на игрушечной виселице. В ужасе она спросила, почему здесь оказалась крыса. Петр объяснил, что она обвиняется в преступлении, которое по законам военного времени требует высшей меры наказания, поэтому ее казнили через повешение. Преступление крысы заключалось в том, что она перебралась через крепостную стену картонной крепости, стоявшей на столе, и съела двух часовых из папье-маше. Одна из

собак Петра поймала крысу; преступница была немедленно подвергнута суду трибунала и тут же повешена. Теперь, заявил Петр, она будет висеть в течение трех дней в назидание всем остальным. Екатерина выслушала его и рассмеялась. Затем она извинилась, сославшись на то, что совершенно не знает военных законов. Однако ее шутливое замечание задело Петра, он рассердился на нее. Уходя, она заметила, что его поступок мог быть оспорен со стороны крысы, поскольку она была повешена, не получив возможности высказаться в свою защиту.

Зимой 1755/56 года Екатерина сблизилась с Анной Нарышкиной, свояченицей Льва Нарышкина, которая приходилась женой его старшему брату. Лев во многом способствовал возникновению этой дружбы. «Его вздорным выходкам не было конца», – вспоминала Екатерина. Он взял привычку прибегать к ней из комнаты Петра, и для того, чтобы войти, он мяукал у ее дверей, как кот. Одним декабрьским вечером, между шестью и семью часами, она услышала мяуканье. Нарышкин вошел и сказал Екатерине, что его свояченица больна, а потом заявил: «Вы должны пойти проведать ее».

– Когда? – спросила Екатерина.

– Сегодня вечером, – ответил он.

– Вы же знаете, я не могу выйти без позволения, и мне никогда не разрешат покинуть дворец, – возразила она.

– Я возьму вас с собой.

– Вы сошли с ума? – спросила Екатерина. – Вас отправят в крепость, и одному Богу известно, какие неприятности могут возникнуть у меня.

– Но никто ничего не узнает, – заверил ее Лев. – Я приду за вами примерно через час. Великий князь будет ужинать. Он почти весь вечер просидит за столом и не встанет, пока не напьется до такой степени, что ему захочется спать. Наденьте на всякий случай мужское платье, чтобы обезопасить себя.

Екатерине надоело сидеть в одиночестве у себя в комнате, и она согласилась. Лев ушел и, сославшись на головную боль, Екатерина рано отошла ко сну. Когда мадам Владиславова удалилась, Екатерина встала, оделась как мужчина и прибрала волосы. В назначенный час Лев промяукал под дверью. Они покинули дворец незамеченными и сели в карету, смеясь и радуясь удачному побегу. Когда они приехали к дому, где жил Лев Нарышкин вместе со своим братом и его женой, Екатерина обнаружила – и это открытие совсем не удивило ее – что и Понятовский находился там. «Вечер прошел, – как писала Екатерина, – в самом сумасшедшем веселье, какое только можно

себе вообразить. Пробыв полтора часа в гостях, я ушла и вернулась домой самым счастливым образом, не встретив ни души».

Несколько дней спустя Лев организовал ответный визит к Екатерине и сопроводил своих друзей в ее покои так искусно, что ни у кого не возникло никаких подозрений. Компания наслаждалась этими тайными встречами. Зимой 1755/56 года они проходили по два-три раза в неделю, сначала в одном доме, потом – в другом. «Иногда во время представления, – вспоминала Екатерина, – не говоря друг с другом, а пользуясь известными условными знаками, хотя мы находились в разных ложах, а некоторые – в креслах, все мы мигом узнавали, где встретимся, и никогда не случалось у нас ошибки, только два раза мне пришлось возвращаться домой пешком, что являлось хорошей прогулкой». Эти счастливые вечера, любовь Понятовского, а также политическая поддержка Бестужева придали Екатерине уверенности в себе.

Время от времени Екатерина переживала столкновения со своими фрейлинами, которых подстегивали некоторые замечания Петра, старательно преуменьшавшего статус и достоинство своей супруги. Теперь, когда его официально признали отцом Павла, он с удовольствием играл роль сильного мужчины. На его ужины приглашали певиц и танцовщиц, которых в обществе считали «доступными женщинами». Особое внимание он уделял одной из фрейлин Екатерины, Елизавете Воронцовой, племяннице соперника Бестужева, вице-канцлера Михаила Воронцова. Девушку определили в свиту Екатерины в возрасте одиннадцати лет. Она не отличалась ни умом, ни приятной внешностью. Немного горбатая, с лицом, обезображенным оспой, она тем не менее обладала жгучим темпераментом и всегда оказывалась готова к кутежам и веселью. Несмотря на то что Воронцова принадлежала к одной из старейших семей в России, говорили, что она часто бранилась и временами вела себя «как прислуга в публичном доме». Привязанность Петра к ней была продиктована его чувством неполноценности, возможно, великий князь убедил себя, что она любила его таким, каков он был. Сначала Елизавета Воронцова была одной из многих. У нее имелись конкурентки, и у них с Петром нередко случались разлады, но все же он постоянно возвращался к Елизавете.

Летом 1756 года во время пребывания в Ораниенбауме напряженные отношения между Екатериной и некоторыми из ее фрейлин привели к яростной ссоре. Почувствовав, что молодые женщины выражают ей открытое неуважение, она пришла в их покои и сказала, что, если они не изменят своего поведения, она

пожалуется императрице. Некоторые испугались и расплакались, другие разозлились. После того как Екатерина ушла, они бросились рассказывать об этом великому князю. Петр в ярости ворвался в комнату Екатерины. Он сказал своей жене, что жить с ней стало просто невозможно, что с каждым днем она становится все более невыносимой, что фрейлины – знатные дамы, с которыми она обращается как со служанками, и что, если она пожалуется императрице на их поведение, он тоже пожалуется своей тете на ее гордость, высокомерие и дурной характер.

Екатерина выслушала его, а затем сказала, что он может говорить о ней все, что ему захочется, но если все это будет сообщено его тетке, то, вероятнее всего, императрица решит избавиться от молодых женщин из свиты Екатерины, которые вносят раздор между ее племянником и его женой. Она заявила, что уверена в этом: чтобы восстановить мир между супругами и не слышать больше об их ссорах, императрица наверняка выберет именно этот способ. Подобный аргумент удивил Петра. Решив, будто Екатерине известно больше, чем ему об отношении императрицы к этим фрейлинам, и опасаясь, что она действительно может отослать их, он смягчил тон и спросил: «Скажи, много ли тебе известно? Кто-то уже говорил с ней об этом?» Екатерина ответила, что, если известие о подобных происшествиях достигнет ушей императрицы, она не сомневается, что Ее Величество разберется с этой проблемой, как всегда, жестко и решительно. Петр ходил по комнате с обеспокоенным видом. В тот вечер в качестве предупреждения фрейлинам Екатерина очень осторожно рассказала им о сцене, произошедшей между ней и великим князем, и о том, к каким последствиям это могло привести.

Екатерина переживала за Станислава Понятовского – особенно она прочувствовала это в тот момент, когда ему пришлось на время покинуть ее. Понятовский сам спровоцировал этот нежелательный отъезд. Он не любил своего короля, Августа Саксонского, в чье германское княжество вторгся Фридрих Прусский, и постоянно позволял себе унизительные замечания в его адрес. Некоторые воспринимали эти нападки за проявление симпатии к Фридриху и обсуждали это в присутствии Петра. Но не только Петр ошибочно счел Понятовского почитателем Пруссии. К такому же выводу пришел и польско-саксонский двор, который умолял теперь Елизавету отправить молодого человека домой. У Понятовского не было шансов остаться, и в июле 1756 года ему пришлось покинуть Россию. Екатерина отпустила его с намерением вернуть назад.

За два дня до отъезда Понятовский явился в Ораниенбаум в

сопровождении шведского графа Горна, чтобы попрощаться. Оба графа оставались в Ораниенбауме в течение двух дней. В первый – Петр был с ними любезен, но на второй – он собирался напиться на свадьбе своего егеря и попросту ушел, оставив Екатерину развлекать гостей. После обеда она показала Горну дворец. Когда они дошли до ее покоев, маленькая болонка Екатерины начала злобно лаять на Горна, но, увидев Понятовского, радостно завиляла хвостом. Горн заметил это и отвел Понятовского в сторону. «Друг мой, – сказал он, – нет ничего более предательского, чем маленькая болонка; первое, что я делал для любимых мною женщин, – я дарил им болонку и благодаря ей всегда узнавал, пользовался ли у них кто-нибудь большим расположением, чем я. Это правило верно и непреложно. Вы видите, собака чуть не съела меня, тогда как не знала, что делать от радости, когда увидела вас, ибо нет сомнения, что она не в первый раз вас здесь видит». Через два дня после этого визита Понятовский покинул Россию.

Уезжая в июле 1756 года, Станислав Понятовский думал, что вернется через несколько недель. Но, несмотря на все старания, ему не удалось этого сделать, и Екатерина начала целую кампанию по его возвращению. Бестужев впервые смог убедиться в том, какая сильная воля у будущей императрицы. Всю осень 1756 года он пытался выполнить ее просьбу и убедить польский кабинет министров вернуть Понятовского в Санкт-Петербург. Он написал графу Генриху Брюлю, польскому министру иностранных дел: «При нынешнем критическом и очень деликатном положении дел, мне кажется все более необходимым, чтобы из Польского королевства к нам без промедления был отправлен чрезвычайный посланник, поскольку его присутствие поможет еще больше скрепить дружбу между двумя дворами. А так как я не вижу более приятной для моего двора кандидатуры, чем граф Понятовский, я предлагаю отправить к нам его». Наконец, Брюль согласился.

Теперь, казалось, возвращение Понятовского стало неизбежным, однако, к удивлению, Екатерины он остался в Польше. Что же помешало ему? В своем письме к Екатерине Понятовский объяснил, что дело было в его матери:

> «Я так старался, чтобы она дала согласие на мой отъезд. Со слезами на глазах она сказала мне, что из-за этой истории она лишится моей привязанности, от которой так сильно зависело ее счастье; что тяжело было отказать мне, но на этот раз она была намерена не давать своего согласия. Я был вне себя; я упал перед ней

на колени и умолял ее передумать. Она снова ответила в слезах: «Именно этого я и ожидала». Она ушла, пожав на прощание мне руку и оставив меня перед самым ужасным выбором в жизни».

С помощью влиятельного дяди – Чарторыжского – Понятовский, наконец, сбежал от своей матери в декабре 1756 года и вернулся в Россию как официальный представитель и посланник польского короля. В Санкт-Петербурге он снова стал любовником Екатерины. Он оставался в России еще полтора года и в течение этого времени стал отцом ее второго ребенка.

Императрица Елизавета часто болела. Никто не понимал, в чем именно заключалась причина ее недуга, но некоторые связывали его с осложнениями в ее менструальном цикле. Другие шептались, будто ее нездоровье проистекало от апоплексии или эпилепсии. Летом 1756 года ее состояние стало настолько критическим, что врачи всерьез обеспокоились за ее жизнь.

Кризис в болезни продолжался всю осень 1756 года. Шуваловы были сильно встревожены и оказывали особое внимание великому князю. Бестужев занял другую позицию. Как и все в Санкт-Петербурге, он опасался за будущее и особенно боялся за себя. Он хорошо знал о предубеждениях и политической ограниченности Петра, наследника престола, а также о враждебности, которую Петр затаил против канцлера. Он не мог больше открыто выказывать дружелюбное отношение к Хэнбери-Уильямсу, поскольку Англия была теперь союзницей Пруссии. Но у него имелись и другие, более серьезные причины для беспокойства. Он начал стареть, годы опустошили его, а Елизавета, даже пребывая в добром здравии, являлась непростой в обхождении государыней. Теперь же, когда здоровье императрицы начало ухудшаться, а великий князь оказался настроен по отношению к нему враждебно, в императорской семье остался лишь один человек, к которому он мог обратиться за поддержкой. Их с Екатериной отношения укреплялись, а надвигающаяся война лишь способствовала этому сближению. К осени 1756 года и Екатерина, и Бестужев были серьезно обеспокоены вопросом о передаче власти, которая должна было состояться после смерти Елизаветы.

Бестужев стал строить планы. Он представил Екатерину своему другу генералу Степану Апраксину, которого назначил главнокомандующим русскими войсками, отмобилизованными против Пруссии. После этого он послал Екатерине черновик секретного императорского указа, который должны были

обнародовать после смерти Елизаветы. В этом документе описывались изменения в российском правительстве. В нем предлагалось Петра немедленно объявить императором, а в то же время Екатерина формально назначалась бы его соправительницей. Бестужев планировал, что Екатерина от имени Петра будет заниматься административными делами страны, как она уже это делала в отношении Гольштейна. Разумеется, Бестужев не забыл и про себя: он полагал, что Екатерина будет осуществлять контроль над государством, полагаясь на его советы, и хотел сохранить для себя почти полную власть над страной. Пост, который он уже занимал, должен был остаться за ним, но к нему добавились бы и другие. Он по-прежнему будет канцлером, а также станет контролировать трех ключевых министров – иностранных и военных дел, а также флота, – и будет назначен полковником всех четырех полков императорской гвардии. Это был рискованный, буквально самоубийственный в политическом отношении документ. Бестужев хотел, чтобы в его компетенцию входило принятие решения относительно престолонаследования, а эта прерогатива принадлежала исключительно монархам. Если бы Елизавета прочитала этот документ, Бестужев мог поплатиться за него головой.

Когда Екатерина получила черновик документа, она отреагировала очень осторожно. Она не стала напрямую противоречить Бестужеву или пытаться отговорить его от этих планов, а высказалась очень сдержанно. Если позднее она признала его несвоевременным и чрезмерным в своих претензиях, то в тот момент лишь сообщила Бестужеву, что польщена отведенной ей центральной ролью. При личной встрече она поблагодарила Бестужева за его добрые намерения, но сказала, что считает его план преждевременным. Бестужев продолжил писать и перечитывать написанное, внося дополнения и изменения.

Екатерина осознавала, что эта затея очень опасна. С другой стороны, Бестужев предложил ей путь, который мог бы сделать ее правительницей империи. Но вместе с тем она понимала, что, если этот обличительный документ обнаружат, они с канцлером окажутся в смертельной опасности. Ярость Елизаветы, если она прочитает документ, будет ужасной.

34
Екатерина бросает вызов Брокдорфу и устраивает вечер

Весной 1757 года Екатерина заметила, что влияние Брокдорфа на ее мужа усилилось. Ясным тому подтверждением явился случай, когда Петр сообщил ей, что должен послать в Гольштейн приказ арестовать одного из подданных герцогства, человека по фамилии Элендсгейм, который поднялся на самый верх благодаря образованию и выдающимся способностям. Екатерина поинтересовалась, за что собирались арестовать Элендсгейма. «Видите ли, говорят, что его подозревают в лихоимстве», – заявил Петр. Екатерина спросила, кто обвинил его в этом. «О, обвинители, их нет, ибо все там его боятся и уважают; оттого-то и нужно, чтобы я приказал его арестовать, – объяснил Петр. – А как только он будет арестован, меня уверяют, что их найдется довольно и даже с избытком».

Екатерина вздрогнула. «Но если так приниматься за дело, – сказала она, – то не будет больше невинных на свете. Достаточно одного завистника, который распустит в обществе неясный слух, какой ему угодно будет, по которому арестуют кого вздумается. Кто дает вам такие плохие советы, позвольте вас спросить?»

«Ну, вы тоже всегда хотите быть умнее других», – пожаловался Петр. Екатерина ответила, что сказала так лишь потому, что она не верит, будто великий князь может совершить по своей воле подобную несправедливость. Петр продолжал расхаживать по комнате, а потом внезапно выскочил за дверь. Вскоре он вернулся и сказал: «Пойдемте ко мне, Брокдорф скажет вам о деле Элендсгейма, и вы увидите и убедитесь, что надо, чтобы я приказал его арестовать».

Брокдорф ждал их. «Поговорите с великой княгиней», – распорядился Петр. Брокдорф поклонился. «Так как Ваше Императорское Высочество мне приказывает, я буду говорить с великой княгиней. – Он повернулся к Екатерине. – Это дело, которое требует, чтобы его вели с большой тайной и осторожностью <…> Весь Гольштейн полон слухом о лихоимстве и вымогательстве Элендсгейма; правда, нет обвинителей, потому что его боятся, но, когда его арестуют, можно будет иметь их сколько угодно». Екатерина захотела знать подробности. Оказалось, что Элендсгейм являлся главой министерства юстиции, и его обвинили в мздоимстве, так как после каждого процесса проигравшая сторона жаловалась, что их

противники выиграли, поскольку судьи оказались подкуплены. Екатерина заявила Брокдорфу, что он подталкивает ее мужа к совершению вопиющей несправедливости. Следуя его логике, заметила она, великий князь может посадить его, Брокдорфа, в тюрьму и заявить, что обвинения последуют позже. Что же касалось судебных процессов, добавила она, то весьма просто понять, почему те, кто проиграл, списывали свои неудачи на подкупленных судей.

Мужчины молчали, и Екатерина покинула комнату. Затем Брокдорф заявил великому князю, что все сказанное ею являлось лишь попыткой показать свое доминирующее положение, что она не одобрила бы любое предложение, которое поступило бы не от нее; что ей ничего не известно о мире, а также о политических делах; что женщины любят во все вмешиваться и портят все, во что им удалось вмешаться; что она просто не способна правильно оценивать ситуацию. Брокдорфу удалось опровергнуть советы Екатерины, и Петр послал в Гольштейн приказ об аресте Элендсгейма.

Екатерина была потрясена и возмущена, она обратилась ко Льву Нарышкину и остальным друзьям, чтобы они помогли ей. Когда Брокдорф проходил мимо, вслед ему кричали: «Баба-птица, баба-птица!» Бабой-птицей в то время называли пеликана – при дворе считалось, что некрасивый Брокдорф был очень похож на него. В своих «Мемуарах» Екатерина писала: «Он брал деньги со всех, кто хотел ему давать, и убедил великого князя делать то же самое и доставлял ему, таким образом, столько денег, сколько мог, продавая гольштейнские ордена и титулы тем, кто хотел за них платить».

Несмотря на все старания, Екатерина не смогла ослабить влияние Брокдорфа на Петра. Она обратилась к Александру Шувалову и заявила, что считает общество Брокдорфа опасным для молодого князя, наследника империи. Она посоветовала графу предупредить об этом императрицу. Он спросил, стоит ли упоминать ее имя. Да, сказала она и добавила, что, если императрица захочет услышать это от нее лично, она готова откровенно поговорить с ней. Шувалов согласился. Екатерина ждала и, в конце концов, Шувалов сообщил ей, что императрица найдет время побеседовать с ней.

Пока Екатерина ждала аудиенции, она смогла оказать положительное влияние на дела Петра. Однажды утром Петр вошел в ее комнату в сопровождении секретаря Цейца, который держал в руках какой-то документ. «Посмотрите на этого черта! – сказал Петр. – Я слишком много выпил вчера, и сегодня еще голова идет у меня кругом, а он вот принес мне целый лист

бумаги, и это еще только список дел, которые он хочет, чтобы я закончил, он преследует меня даже в вашей комнате!» Цейц объяснил Екатерине: «Все, что я держу тут, зависит только от простого «да» или «нет», и дела-то всего на четверть часа».

«Ну, посмотрим, – сказала Екатерина. – Может быть, вы с этим скорее справитесь, нежели думаете».

Цейц начал зачитывать вслух, а Екатерина отвечала: «да» или «нет». Петр был доволен, а Цейц сказал ему: «Вот, Ваше Высочество, если бы вы согласились два раза в неделю так делать, то ваши дела не останавливались бы. Это все пустяки, но надо дать им ход, и великая княгиня покончила с этим шестью «да» и приблизительно столькими же «нет»». С этого момента Петр отправлял Цейца к Екатерине, когда от него лишь требовались ответы «да» или «нет». Наконец, Екатерина попросила Петра позволить ей подписывать приказы, касавшиеся дел, которые она могла решить без его участия. Петр согласился.

После этого Екатерина напомнила Петру, что, если он считает дела, касавшиеся Гольштейна, обременительными, он должен понимать: это лишь малая часть той работы, которую ему придется выполнять, когда он станет императором России. Петр ответил, что он не был рожден в России, он не подходит для русских и, что еще более важно, русские не подходили для него. Екатерина предложила ему обратиться к императрице с просьбой позволить ознакомиться с ведением государственных дел. Особенно настойчиво она рекомендовала ему посещать заседания императорского совета. Петр поговорил с Александром Шуваловым, который посоветовал императрице допустить наследника на встречи, где будет присутствовать она сама. Елизавета согласилась, но в итоге это оказалось бессмысленным, поскольку они появились там лишь однажды. И больше ни один из них не посещал заседания.

Вспоминая те годы, Екатерина писала: «Я старалась во всем приближаться всегда как можно больше к правде, а он с каждым днем от нее удалялся до тех пор, пока не стал отъявленным лжецом». Самые нелепые выдумки Петра оказывались мелочными и очень личными. Екатерина считала, что они часто проистекали из-за его желания произвести впечатление на молодых женщин. Рассчитывая на неосведомленность собеседницы, он рассказывал историю о том, как, будучи еще мальчиком и проживая в Гольштейне с отцом, он часто командовал отрядом солдат и вместе с ними устраивал облавы на банды цыган-мародеров, бесчинствовавших в окрестностях Киля. Всегда подчеркивая свои навыки и доблесть, Петр описывал блистательную тактику,

которую использовал во время преследования, окружения, сражения и взятия в плен противника. Сначала он повествовал эти истории очень осмотрительно и только тем, кто ничего о нем не знал. Затем осмелел и стал уже рассказывать их людям, которые знали его лучше, но на осторожность которых он рассчитывал, понимая, что они не станут перечить ему. Когда же Петр принялся излагать эти вымыслы в обществе Екатерины и ее друзей, она спросила, за какое время до смерти его отца это случилось. Петр ответил, что за три или четыре года. «Знаете, – сказала она, – вы таки очень молодым начали совершать подвиги, потому что за три или за четыре года до смерти герцога, отца вашего, вам было всего 6 или 7 лет, так как вы остались после него одиннадцати лет под опекой моего дяди, шведского наследного принца. И что меня равно удивляет, – сказала я, – так это то, как ваш отец, имея только вас единственным сыном и при вашем постоянно слабом здоровье, какое, говорят, было у вас в детстве, послал вас сражаться с разбойниками, да еще в шести-семилетнем возрасте». Свою речь Екатерина завершила замечанием о том, что вовсе не она, а календарь подрывает доверие к тому, что он рассказывал.

И все же Петр продолжал обращаться к Екатерине за помощью. Поскольку ее будущее было связано с будущим супруга, она помогала ему в силу своих возможностей. Екатерина обращалась с ним скорее как с маленьким мальчиком, чем с мужем, советовала и бранила, слушала признания о его любовных похождениях и помогала вести дела Гольштейна. «Когда он чувствовал себя потерянным, – вспоминала Екатерина, – то прибегал ко мне, спрашивал совета, но потом убегал так же быстро, насколько его могли унести ноги».

Наконец, Екатерина поняла, что императрица не одобряет ее попыток помогать мужу. Однажды вечером Елизавета вызвала к себе Екатерину для беседы, о которой Екатерина просила ее восемь месяцев назад. Императрица была одна. Сначала они стали говорить о Брокдорфе. Екатерина объяснила детали истории с Элендгеймом и поделилась с императрицей своим мнением по поводу пагубного влияния Брокдорфа на ее мужа. Елизавета слушала, но не комментировала. Затем она попросила рассказать о личной жизни великого князя. Екатерина сообщила обо всем, что ей было известно. Она начала снова говорить о Гольштейне, но Елизавета перебила ее. «Похоже, вы хорошо информированы об этой стране», – сказала она холодно. Екатерина понимала, что ее рассказ произвел негативное впечатление. Она объяснила, что хорошо информирована,

поскольку муж поручил ей помогать ему в ведении дел его маленькой страны. Елизавета нахмурилась, но не проронила ни слова, а затем неожиданно велела Екатерине уйти. Великая княгиня не знала, что случится дальше.

В середине лета 1757 года Екатерина старалась придумывать разные способы, как развлечь мужа. Она устраивала вечера в его честь. Для нее в саду Ораниенбаума итальянский архитектор Антонио Ринальди придумал и построил огромную деревянную колесницу, где мог поместиться оркестр из шестидесяти музыкантов и певцов. Екатерина сочиняла поэтически вирши, которые перекладывались на музыку. Вдоль главной аллеи сада она велела установить фонари, а потом завесила эту тропинку огромным занавесом, перед которым установили столы для ужина.

В сумерках Петр и несколько десятков гостей вошли в сад и уселись за столы. После первого блюда занавес, скрывавший освещенную тропинку, поднялся. Издалека появился оркестр, приближавшийся на огромной колеснице, которую тащили двадцать быков, украшенных гирляндами. Танцоры, мужчины и женщины, исполняли танец рядом с двигавшейся повозкой. «Когда колесница остановилась, – вспоминала Екатерина, – то игрою случая луна очутилась как раз над колесницей, что произвело восхитительный эффект и что очень удивило все общество; погода была, кроме того, превосходнейшая. Все выскочили из-за стола, чтобы ближе насладиться красотой симфонии и зрелища. Когда она окончилась, занавес опустили и все снова сели за стол и принялись за второе блюдо. Когда его заканчивали, послышались трубы и литавры и вышел скоморох, выкрикивая: «Милостивые государи и милостивые государыни, заходите, заходите ко мне, вы найдете в моих лавочках даровую лотерею». С двух сторон декорации с занавесом поднялись два маленьких занавеса, и увидели две ярко освещенные лавочки, в одной из которых раздавались бесплатно лотерейные номера для фарфора, находившегося в ней, а в другой – для цветов, лент, вееров, гребенок, кошельков, перчаток, темляков и тому подобных безделок в этом роде. Когда лавки были опустошены, мы пошли есть сладкое, после чего стали танцевать до шести часов утра».

Вечер прошел с триумфом. Петр и его окружение, включая гольштейнцев, хвалили Екатерину. В своих «Мемуарах» она с гордостью рассказывала о своем достижении. «Все были в восхищении, – писала она, – и то и дело хвалили великую княгиню и ее праздник; правда, что я ничего не пожалела».

«Словом, в этот день, – с удовольствием заключила

Екатерина, – у меня нашли качества, которых за мною не знали, и я обезоружила своих врагов. Это и было моею целью».

В июне 1757 года новый французский посол, маркиз де Лопиталь прибыл в Санкт-Петербург. В Версале ему сообщили о болезни Елизаветы и о возросшем влиянии Екатерины, и маркизу посоветовали «делать приятное императрице и в то же самое время попытаться проникнуть в молодой двор». Когда де Лопиталь нанес первый официальный визит в Зимний дворец, именно Екатерина приняла его. Вместе со всеми гостями она ждала, пока появится императрица, но в итоге все сели ужинать, а затем начали бал без нее. Это случилось в период белых ночей, и помещение было искусственно затемнено, чтобы гости получили удовольствие от вечера, а для достижения полного эффекта зал освещали сотни свечей. Наконец, в приглушенном свете появилась Елизавета. Она все еще была красива, но распухшие ноги не позволяли ей танцевать. После слов приветствия Елизавета вернулась на галерею, откуда с грустью наблюдала за великолепным балом.

Де Лопиталь стал предпринимать шаги для исполнения своей миссии – укрепить связи Франции и России. И начал с настойчивых попыток добиться отзыва Хэнбери-Уильямса в Англию, а также возвращения Понятовского в Польшу. Он был тепло принят Шуваловыми, но отвергнут молодым двором. Петр не испытывал симпатии к врагу Пруссии, а Екатерина по-прежнему держалась Бестужева, Хэнбери-Уильямса и Понятовского. Не в силах противостоять влиянию этих троих, де Лопиталь сообщил своему правительству, что попытки воздействовать на молодой двор оказались бесполезными. «Великий князь настолько же закоренелый пруссак, насколько великая княгиня – неисправимая англичанка», – сказал он.

Тем не менее французскому послу удалось достигнуть главной цели, он сумел избавиться от своего дипломатического соперника из Англии, Хэнбери-Уильямса. Вместе со своим правительством они убедили Елизавету настоять на отзыве посланника, чей король, как они подчеркивали, был теперь союзником их общего врага – Фридриха Прусского. Елизавета согласилась с этим аргументом, и летом 1757 года короля Георга II проинформировали о том, что присутствие посла в Санкт-Петербурге стало далее нежелательным. Сэр Чарльз был рад отъезду – в последнее время его печень давала о себе знать. Но когда настал момент отъезда, он сделал это с неохотой. В октябре 1757 года он навестил Екатерину в последний раз. «Я люблю вас как отца, – сказала она ему. – Я счастлива, потому что мне удалось добиться вашей привязанности». Его здоровье

ухудшалось. После путешествия по штормившему Балтийскому морю он прибыл в Гамбург совершенно изнуренным и поспешил оттуда в Англию, к врачам. Так элегантный, остроумный посол превратился в разбитого недугом калеку и через год свел счеты с жизнью. Король Георг II, возможно, чувствовал себя ответственным за то, что разрушил альянс, над заключением которого работал сэр Чарльз, и приказал похоронить его в Вестминстерском аббатстве.

35
Отступление Апраксина

Заключив альянс с Австрией, Россия формально вступила в войну с Пруссией в сентябре 1756 года, когда Фридрих вторгся в Саксонию. Но к концу весны 1757 года ни один русский солдат так и не выступил в поход. Это была первая война за время правления Елизаветы, а победы ее отца, Петра Великого, одержанные почти за четыре десятилетия до этого, стали уже постепенно стираться в памяти россиян. На армию практически не выделялись деньги, войска были слабо подготовлены и плохо экипированы. Моральный дух невысок, и не только вследствие того, что Елизавета обещала послать армию против Фридриха, который в глазах военных всех возрастов считался лучшим полководцем, но также и потому, что ухудшавшееся здоровье императрицы означало, что российская корона могла вскоре перейти к молодому князю, который был горячим поклонником короля Фридриха Прусского.

В предшествовавшие войне месяцы Бестужев постарался, чтобы между Екатериной и его старым другом генералом Степаном Апраксиным установились дружеские отношения. Потомок самого успешного адмирала Петра Великого, Апраксин, по описаниям Хэнбери-Уильямса, был «очень тучным, ленивым и добродушным человеком». Своей должностью командующего армией, подготовленной для вторжения в Восточную Пруссию, он был обязан не столько военному мастерству, сколько дружбе с канцлером. После назначения Апраксин отказался начинать зимнюю кампанию. Причиной для подобной осторожности служили как политические, так и военные соображения. Слабое здоровье императрицы и пропрусские настроения великого князя делали очевидным тот факт, что война должна была закончиться сразу же, как только Петр взойдет на престол. В подобных обстоятельствах даже агрессивный генерал мог заслужить прощение за то, что не стал рисковать своим будущим и выступать с армией против Пруссии. Тревоги Апраксина относительно Екатерины также были объяснимы. Она являлась немкой, Фридрих помогал устроить ее свадьбу, а ее мать подозревали в шпионаже в пользу Пруссии. Однако он заблуждался на счет великой княгини. Екатерина, которая также оказалась теперь вовлечена в политику русского двора, надеялась на победу России. Эта победа восстановила бы престиж Бестужева и помешала бы окончательному триумфу Шуваловых – их с

канцлером общих врагов. Прежде чем Апраксин выступил в Восточную Пруссию, Екатерина постаралась, чтобы он узнал ее мнение. Когда жена генерала явилась проведать ее, Екатерина заговорила с ней о своих опасениях по поводу здоровья императрицы и сказала, что очень сожалеет из-за отъезда Апраксина, поскольку, по ее мнению, Шуваловы внушали ей мало доверия. Жена Апраксина поведала все это своему мужу, которому было приятно это слышать и который передал ее слова Бестужеву.

В середине мая 1757 года этот дородный, краснолицый пехотинец, физически неспособный забраться на лошадь, сел в карету и отправился в Восточную Пруссию во главе восьмидесяти тысяч солдат. Под конец июня армия взяла город-крепость Мемель на Балтийском побережье. 17 августа Апраксин разбил прусские войска в битве при Гроссегерсдорфе в Восточной Пруссии. Эту победу трудно было назвать блистательной: Фридрих не присутствовал при сражении, а российская армия превосходила прусскую в три раза. И все же это в значительной мере укрепило боевой дух русских солдат. А затем стало происходить нечто странное. Вместо того чтобы закрепить свою победу и продвинуться дальше, в глубь Восточной Пруссии, взяв Кенигсберг, столицу провинции, Апраксин в течение двух недель не двигался с места, а затем развернулся и начал отступать форсированным маршем настолько поспешно, что этот отход показался бегством. Он предал огню свои обозы с боеприпасами, уничтожил пакгаузы и порох, оставил свои пушки и сжигал за собой деревни, чтобы они не могли служить убежищем для преследовавшего их врага. И остановился, лишь оказавшись в безопасности около крепости Мемель.

В Санкт-Петербурге воодушевление сменилось потрясением. Общество не понимало, что могло случиться, а друзья Апраксина не находили оправдания для его поведения. Екатерина также не могла объяснить хаотичное отступление маршала, но, поразмыслив, решила, что возможно, он получил тревожные новости о здоровье императрицы. Если это являлось правдой и Елизавета могла умереть, ее смерть стала бы сигналом немедленного окончания войны. Присутствие Апраксина потребовалось бы в России, поэтому вместо того, чтобы продолжить продвижение внутрь Пруссии, он предпочел вернуться к русским границам.

Отступление Апраксина вызвало серьезные жалобы со стороны австрийского и французского послов. Бестужев был встревожен. Поскольку Апраксин являлся его другом и получал приказы, касавшиеся армии, через него, канцлер знал, что ему

придется разделить вину. Поставленный перед политической необходимостью продолжить наступление, которое восстановило бы престиж России в глазах ее союзников и его собственный – в глазах императрицы, он попросил Екатерину написать генералу. Екатерина согласилась и предупредила Апраксина о злобных слухах, которые ходили по Санкт-Петербургу, и о тех трудностях, которые испытывали его друзья, вынужденные объяснять причины отступления. Она умоляла его вернуться, продолжить наступление и выполнять приказы правительства. Екатерина написала ему три письма – все довольно безобидные, – хотя позднее эти письма были представлены как улики, доказывающие вмешательство великой княгини в дела, совершенно ее не касавшиеся. Бестужев передал письма Апраксину. Все они остались без ответа.

Между тем ситуация в Санкт-Петербурге стала особенно напряженной. Елизавета под давлением Шуваловых и французского посла освободила Апраксина от должности командующего и отправила в одно из его поместий ожидать результатов расследования. Генерал Вильгельм Фермор взял на себя командование армией и, несмотря на плохую погоду, начал продвижение вперед. 18 января 1758 года он взял Кенигсберг. Фермор попытался также объяснить причины поступка Апраксина. Он заметил, что пускай и не по вине Апраксина, но русским солдатам не платили жалованье, что у них не хватало обмундирования, оружия и боеприпасов, что люди голодали. Благодаря выдержке и отваге они победили прусаков при Гроссегерсдорфе, но это потребовало от них слишком многих усилий, а Апраксин не мог достойно обеспечивать свои войска на вражеской территории, поэтому ему пришлось отступить.

Донесения Фермора оказались верны лишь отчасти. Решение об отступлении было принято не Апраксиным. После победы при Гроссегерсдорфе генерал сообщил военному консулу в Санкт-Петербурге о проблемах, с которыми столкнулись он и его армия. Консул провел три совещания: 27 августа, 13 и 28 сентября 1757 года и приказал Апраксину отступать. Об этих фактах молчали в Вене, Париже, а также в Санкт-Петербурге. Елизавета согласилась с отступлением, но никогда в этом не признавалась. Екатерина ничего не знала об этом.

8 сентября в Царском Селе Елизавета вышла из дворца и пешком направилась к располагавшейся у ворот церкви, чтобы присутствовать на богослужении. Едва началась служба, как ей стало дурно. Она тут же покинула церковь, спустилась по

невысокой лестнице, а затем вдруг пошатнулась и упала на землю без сознания. Сопровождавшая императрицу свита увидела, как ее окружила толпа крестьян из соседних деревень, которые пришли на службу. Сначала никто не знал, что случилось. Слуги покрыли ее белой материей, а придворные отправились за доктором и хирургом. Первым прибыл хирург, выходец из Франции, который сразу пустил ей кровь, пока она лежала на траве в окружении людей. Но это ей не помогло. Врач, грек, появился позднее, поскольку не мог передвигаться самостоятельно, и его пришлось нести в кресле. Из дворца доставили ширму и кушетку. Когда Елизавету положили на кушетку за ширмой, она пошевелилась и открыла глаза, но никого не узнала и говорила неразборчиво. Через два часа ее на кушетке отнесли во дворец. Придворные, и без того пребывавшие последнее время в состоянии напряжения, всполошились еще больше из-за произошедшего у них на глаза обморока. До сих пор состояние здоровья императрицы хранилось в строжайшем секрете. Внезапно оно стало достоянием общественности.

Екатерина узнала о случившемся на следующее утро в Ораниенбауме, из записки, полученной от Понятовского. Она поспешила рассказать Петру. Посланника Понятовского отправили разведать дополнительные новости, и по возвращении он сообщил, что Елизавета уже может говорить, однако делает это с большим трудом. Все понимали, что произошло нечто более серьезное, чем обморок: в наши дни мы можем с определенной точностью утверждать, что у Елизаветы случился удар.

После происшествия с Елизаветой все в Санкт-Петербурге связали состояние здоровья императрицы и отступление Апраксина с обеспокоенностью по поводу наследования трона. «Если императрица умрет, – писал в Версаль 1 ноября маркиз де Лопиталь, – мы станем свидетелями дворцового переворота, ибо великому князю никогда не позволят править». Некоторые полагали, что императрица пересмотрит право наследования в пользу трехлетнего Павла. Ходили слухи, что если на троне окажется Павел, которого будут контролировать Шуваловы, то его родителей, Петра и Екатерину, отошлют обратно в Гольштейн.

В середине января 1758 года Александр Шувалов допросил Апраксина. В свидетельских показаниях генерал клятвенно отрицал, что получал какие-либо политические или военные распоряжения от Екатерины. Апраксин признался, что получал корреспонденцию от великой княгини, и передал Шувалову все свои личные бумаги, включая три письма, написанные ему

Екатериной. Самой Екатерине еще предстояло увидеть эти письма.

Год спустя после отставки Апраксин предстал перед судом. Когда судья стал зачитывать приговор: «И не остается другой меры, кроме как…», тучный Апраксин так и не дослушал его до конца. Ожидая услышать про пытки и смертную казнь, он упал на пол без сознания. С ним случился апоплексический удар. В то время как последние слова судьи были следующими: «… освободить его».

36
Дочь Екатерины

Весной 1757 года Екатерина поняла, что беременна от Понятовского. К концу сентября она перестала появляться на публике, чем сильно раздражала Петра, поскольку в те дни, когда его жена соглашалась появиться на официальных церемониях, он мог оставаться в своих покоях. Императрица Елизавета все еще была нездорова и не выходила из своей комнаты, а в отсутствие Екатерины вся тяжесть обязательств представлять императорскую семью на официальных церемониях легла на его плечи. Однажды раздраженный великий князь сказал Льву Нарышкину: «Одному Богу известно, как моей жене удается забеременеть. Я даже не знаю, мой это ребенок или же я не имею к нему никакого отношения».

Лев был верен себе и передал это замечание Елизавете. Встревоженная, она обрушила свой гнев на Нарышкина: «Глупец! Ступайте и спросите великого князя, пусть поклянется, что он не спал со своей женой. Скажите ему, что, если он готов принести такую клятву, вы отправитесь немедля сообщить об этом Александру Шувалову, чтобы были приняты незамедлительные меры».

Лев поспешил обратно к Петру и попросил его принести подобную клятву. Петр слишком боялся своей тетки, чтобы делать такие заявления, и отказался. «Ступайте к дьяволу! – крикнул он. – И никогда больше не говорите со мной об этом!»

В полночь, 9 декабря 1757 года у Екатерины начались схватки. Мадам Владиславова позвала Петра, а Александр Шувалов отправился сообщить об этом императрице. Петр пришел в комнату Екатерины в своем парадном гольштейнском мундире, с поясом, на котором висела необычайно длинная шпага, и в ботфортах со шпорами. Удивленная Екатерина спросила, почему он надел этот костюм. Петр ответил, что это форма, в которой он был готов выполнять свой долг офицера Гольштейна (а не великого князя России) и защищать княжеский дом (а не Российскую империю). Сначала Екатерина подумала, что он шутит, но затем поняла – он был пьян. Она велела ему поскорее уйти, поскольку его тетя будет недовольна вдвойне, когда увидит, что он едва стоит на ногах и облачен в немецкую гольштейнскую форму, которую Елизавета ненавидела. С помощью повитухи, заверившей великого князя, что его жена отнюдь не сразу родит ребенка, она убедила его уйти.

Появилась Елизавета. Когда она спросила, где ее племянник, ей сказали, что он ушел, но скоро вернется. Предродовые схватки начали стихать, и повивальная бабка заявила, что передышка может продлиться несколько часов. Императрица вернулась к себе, а Екатерина осталась лежать на спине. Вскоре она уснула и проспала до утра. Пробудившись, она почувствовала легкие схватки, но почти весь остальной день ничего не ощущала. Вечером она проголодалась и приказала подать ужин. Екатерина поела, а когда поднималась из-за стола, почувствовала резкие боли. Великий князь и императрица вернулись, оба вошли в комнату в тот момент, когда Екатерина произвела на свет дочь. Молодая мать попросила у императрицы позволения назвать ее Елизаветой. Императрица сказала, что новорожденную нужно назвать Анной в честь ее старшей сестры, матери Петра, Анны Петровны. Младенца тут же унесли в детскую, находившуюся в покоях императрицы, где уже находился ее трехлетний брат, Павел, который ожидал появления сестры. Через шесть дней императрица держала свою внучку, маленькую Анну, перед купелью во время крещения, а после распорядилась подарить Екатерине шестьдесят тысяч рублей. В то же время она выделила точно такую же сумму своему племяннику.

«Говорят, что празднества были прекраснейшими, – вспоминала Екатерина, – я не видала ни одного; я была в моей постели одинешенька, и не было ни единой души со мной, кроме Владиславовой. Никто не входил в мою комнату и не осведомлялся, как я себя чувствую». Это было неправдой, одиночество Екатерины продлилось всего один день. Ее новорожденную дочь действительно унесли в ту же комнату, где жил Павел, но Екатерина ожидала этого, поэтому страдала не так сильно. Другими словами, она была готова. Пережив изоляцию и одиночество после рождения Павла, на этот раз она устроила все немного иначе. В ее комнате больше не было сквозняков из-за плохо прилаженных ставень. Зная, что друзья осмелятся навещать ее лишь тайно, она распорядилась поставить перед кроватью большие ширмы, за которыми скрывался маленький кабинет, где находились столы, стулья и удобный диван. Когда балдахин со стороны кровати опускался, ничего не было видно. Когда же портьеры поднимались, а ширмы отодвигались, Екатерина могла видеть улыбающиеся лица друзей, находившихся в кабинете. Если же кто-нибудь входил в комнату и спрашивал, что за ширмой, ему отвечали, что там стоит ночной горшок. Эта маленькая крепость, построенная с большой выдумкой и дальновидностью, являлась безопасным убежищем.

Празднование нового 1758 года при дворе должно было

закончиться очередными фейерверками, и граф Петр Шувалов, генерал-фельдцейхмейстер артиллерии, пришел к Екатерине, чтобы рассказать о запланированных фейерверках. В тот день мадам Владиславова сказала Шувалову, что ей показалось, будто великая княгиня спит, но она проверит и скажет, смогут ли его принять. На самом деле Екатерина совсем не спала. Но она лежала в постели, а в алькове находилась небольшая группа, включая Понятовского, который по-прежнему сопротивлялся отсылке на родину и навещал Екатерину каждый день.

Когда мадам Владиславова постучала в дверь, Екатерина закрыла портьеры со стороны своей кровати и велела Владиславовой привести посетителя. Друзья Екатерины, находившиеся за портьерой и ширмой, с трудом сдерживали смех. Перед вошедшим Петром Шуваловым Екатерина извинилась, что заставила его ждать, поскольку «только что проснулась», и в подтверждение этой выдумки потерла глаза. Их беседа была долгой и продолжалась до тех пор, пока граф не сказал, что вынужден уйти, так как императрица ждала начала фейерверка.

Когда Шувалов удалился, Екатерина отдернула портьеру. Ширму отодвинули, и Екатерина увидела своих усталых, голодных и мучимых жаждой друзей. «Отлично, у вас будет что есть и пить; между тем как вы составляете мою компанию, справедливо, чтобы в угоду мне вы не померли бы у меня от голоду и жажды», – сказала она. Екатерина закрыла портьеру и снова позвонила в колокольчик. Появившуюся мадам Владиславову Екатерина попросила подать ужин – не меньше шести больших тарелок, уточнила она. Когда же принесли ужин и слуги удалились, гости вышли из своего укрытия и набросились на еду. «Признаюсь, этот вечер был одним из самых шальных и самых веселых, какие я провела в своей жизни, – вспоминала Екатерина. – Когда проглотили ужин, я велела унести остатки так же, как мне его принесли. Я думаю только, что моя прислуга была немного удивлена моим аппетитом». Гости ушли в приподнятом расположении духа. Понятовский надел светлый парик и плащ, поскольку всегда пользовался подобной маскировкой во время ночных визитов во дворец. Когда стражники спрашивали его: «Кто идет?», он отвечал: «Музыкант великого князя». Эта хитрость всегда помогала ему.

Через шесть недель после родов в маленькой дворцовой часовне состоялась служба за здравие дочери Екатерины. Однако церемония в честь маленькой Анны, к сожалению, отличалась от той, которая была устроена по случаю рождения ее брата, Павла. Екатерина вспоминала, что размер часовни вполне подходил для

Анны, тем более что «кроме графа Александра Шувалова, никто при этом не присутствовал». Петра и Понятовского на службе не было. Казалось, никому не было дела до дочери Екатерины, которая отличалась слабым здоровьем и умерла, прожив около года. Ее похоронили в монастыре Александра Невского, на похоронах присутствовали лишь Екатерина и Елизавета. Ни Петр, ни Понятовский не приехали. Во время службы обе женщины склонились над открытым гробом и, следуя ритуалам православной церкви, поцеловали мертвую девочку в ее холодный белый лоб. Вскоре Анна оказалась забыта. В своих «Мемуарах» Екатерина даже не упомянула о смерти дочери.

37
Падение Бестужева

Влияние канцлера Бестужева постепенно слабело. Враждебные настроения Шуваловых и вице-канцлера Михаила Воронцова подкрепились обвинениями французского посла в том, что именно Бестужев убедил своего друга Апраксина начать отступление. Кризис достиг высшей точки, когда маркиз де Лопиталь нанес визит Воронцову. Размахивая бумагой, французский посол сказал: «Граф, вот депеша моего двора, которую я получил и в которой сказано, что если через две недели великий канцлер не будет отставлен вами от должности, то я должен буду обратиться к нему и вести дела только с ним». Встревоженный Воронцов поспешил к Ивану Шувалову. Вместе они отправились к императрице и предупредили, что тень Бестужева омрачает ее собственный престиж в Европе.

Елизавета никогда не испытывала особой симпатии к канцлеру, но он был в какой-то степени продолжателем дел ее отца, которого она буквально боготворила. Долгие годы императрица полагалась на него в решении всех экономических и политических вопросов. Шуваловым так и не удалось убедить императрицу произвести замену, однако теперь ее уверенность пошатнулась. Ей сказали, что в Вене и в Версале было известно о пенсии, которую Бестужев получал от англичан. Ей также сообщили, что письма, написанные Екатериной Апраксину, передавались через канцлера. Она узнала, что союзники России считали, будто их предали из-за коррумпированности ее генералов и министров, а также махинаций при дворе великого князя. Поскольку было найдено несколько малозначащих писем, то почему нельзя предположить, что писались и другие, куда более опасные послания, которые вовремя спрятали или уничтожили? Почему Екатерина вмешивалась в дела империи? Подчеркивалось, что двор великого князя уже долгое время жил своей жизнью и пренебрегал приказами императрицы. Разве Понятовский оставался в Санкт-Петербурге не по причине того, что этого хотела Екатерина, а Бестужев предпочитал подчиняться воле великой княгини, а не императрицы? Разве не старались все угодить членам великокняжеского двора, поскольку именно великий князь и княгиня должны были стать будущими правителями России? Елизавету заверили, что она должна немедленно арестовать Бестужева и внимательно изучить его бумаги, чтобы доказать участие канцлера и великой княгини в

делах, граничивших с предательством.

Елизавета назначила встречу с военным консулом на 14 февраля 1758 года. Вызвали канцлера. Бестужев сослался на болезнь. Его объяснения не были приняты в расчет, и ему приказали приехать немедленно. Он подчинился и сразу же по прибытии оказался арестован. Его лишили всех титулов, орденов и чинов и отправили домой как пленника, даже не потрудившись объяснить, в каких преступлениях он обвинялся. Чтобы убедиться, что свержение одного из самых видных государственных деятелей пройдет без лишних осложнений, это дело поручили императорской гвардии. Когда гвардейцы шли вдоль Мойки, где жили граф Александр и Петр Шуваловы, солдаты радовались и говорили: «Слава Богу, мы идем арестовывать этих проклятых Шуваловых!» Но затем они поняли, что должны взять под стражу не Шуваловых, а Бестужева, и тогда они начали ворчать: «Это не он, это другие давят народ!»

Екатерина узнала об аресте на следующее утро из записки Понятовского. Там сообщалось, что были также арестованы еще три человека: венецианский ювелир Бернарди, ее бывший учитель русского языка Ададуров и Елагин – бывший адъютант графа Разумовского, который впоследствии стал другом Понятовского. Читая эту записку, Екатерина поняла, что и против нее могут быть выдвинуты обвинения. Она была другом и союзников всех приближенных к Бестужеву людей. Ювелир Бернарди являлся человеком, чья профессия давала ему доступ во все самые знатные дома Санкт-Петербурга. Все доверяли ему, а Екатерина использовала, чтобы передавать и получать письма Бестужева и Понятовского. Ададуров, ее учитель, все это время оставался верен ей. Именно она порекомендовала его графу Бестужеву. Елагин же, по ее словам, был «человек надежный и честный; кто раз приобретал его любовь, тот нелегко ее терял; он всегда изъявлял усердие и заметное ко мне предпочтение».

Читая записку Понятовского, она встревожилась, но затем собралась и постаралась не показывать своей слабости. «С ножом в сердце, так сказать, – вспоминала она, – я оделась и пошла к обедне, где мне показалось, что большая часть из тех, кого я видела, имела такую же вытянутую физиономию, как и я. Никто ни о чем не говорил со мною во весь день». Вечером Екатерина отправилась на бал. Там она подошла к князю Никите Трубецкому, одному из членов комиссии, собранной, чтобы помочь Шувалову в допросе арестованных.

«Что же это за чудеса? – спросила она шепотом. – Нашли вы больше преступлений, чем преступников, или у вас больше преступников, нежели преступлений?»

«Мы сделали то, что нам велели, – флегматичным тоном ответил Трубецкой. – Что касается преступлений, то их еще ищут. До сих пор открытия неудачны». Его ответ приободрил Екатерину, отметившую также, что императрица, отдавшая приказ об аресте своего главного министра, в тот вечер на бал не явилась.

На следующий день Готлиб фон Штамбке, глава гольштейнской администрации, который был близок к Бестужеву, принес Екатерине хорошие новости. Он сказал, что только что получил от графа Бестужева тайное послание, в котором тот просил его передать великой княгине, чтобы она не беспокоилась, поскольку у него было время сжечь все бумаги. Среди них были и черновики предложения, согласно которому Екатерина должна была разделить с Петром власть после смерти Елизаветы. Также бывший канцлер сообщил, что будет и дальше передавать Штамбке обо всем, что с ним происходит во время допросов и о том, какие вопросы будут ему задавать. Екатерина поинтересовалась, каким образом Штамбке получил эту записку, тот ответил, что записку ему передал трубач-охотник Бестужева, а на будущее они условились оставлять послания между кирпичами неподалеку от дома Бестужева.

Несколько дней спустя Штамбке пришел в комнату Екатерины бледным и испуганным и сказал, что его корреспонденция, а также переписка между графом Бестужевым и графом Понятовским оказались перехвачены. Охотника арестовали. Штамбке ждал, что его освободят от всех обязанностей, а возможно, и арестуют. Случиться это могло в любой момент, поэтому он пришел попрощаться. Екатерина была уверена, что он не сделал ничего дурного, она знала, что все в Санкт-Петербурге, кроме Михаила Воронцова, Ивана Шувалова и французского посла, считали графа Бестужева невиновным.

Комиссия, собранная для расследования дела бывшего канцлера, испытывала затруднения. Стало известно, что за день до ареста графа Бестужева в доме Ивана Шувалова был втайне составлен манифест, в котором сообщалось, почему императрица оказалась вынуждена арестовать своего старого слугу. Не в силах найти и доказать реальные правонарушения, обвинители решили предъявить иск в оскорблении Ее Величества: канцлер обидел императрицу, «пытаясь посеять раздор между Ее Императорским Величеством и Их Императорскими Высочествами». 27 февраля 1758 года манифест был обнародован: в нем сообщалось об аресте, обвинениях, а также о лишении Бестужева всех наград и чинов, а дело его передавалось для расследования специальной комиссией. Этот нелепый документ никого в Санкт-Петербурге не убедил, люди посчитали, что угрожать бывшему

государственному деятелю без суда и следствия ссылкой – абсурдно, как и конфисковывать его имущество и подвергать другим наказаниям, не имея улик, доказывающих его преступления.

Первые шаги, предпринятые комиссией, оказались настолько же нелепыми. Всем российским послам и представителям в иностранных державах было приказано прислать копии депеш, которые писал им граф Бестужев в течение двадцати лет, когда он вел иностранные дела России. Это должно было доказать, что приказы канцлера часто шли вразрез с распоряжениями императрицы. Но поскольку сама Елизавета никогда ничего не писала и не подписывала, доказать, будто канцлер нарушал ее приказы, не представлялось возможным. Что же касалось устных приказаний, то императрица едва ли могла давать их канцлеру в большом количестве, поскольку иногда Бестужев ждал месяцами, чтобы иметь возможность увидеться с ней. Подобные меры ничего не дали. Никто из служащих посольств не удосужился поднять архивы за столько лет, чтобы доказать преступления человека, чьи поручения столь преданно исполнялись. Кто знает, возможно, это привело бы к тому, что сами иностранные послы оказались бы замешаны в измене? Ведь как только эти документы доставили бы в Санкт-Петербург, потребовались бы годы на изучение и интерпретацию той информации, обличительной или оправдательной, которую они содержали. Приказ был проигнорирован. Следствие около года буксовало на месте. Никаких улик так и не было представлено, но бывшего канцлера все равно отправили в ссылку в одно из его поместий, где он находился в течение трех лет, пока Екатерина не стала императрицей.

С отъездом Штамбке в Гольштейн закончилась и работа Екатерины по управлению делами княжества Петра. Императрица сказала племяннику, что она не одобряет вмешательства его жены в управление унаследованным им княжеством. Петр, с энтузиазмом поддерживающий участие Екатерины в этой деятельности, теперь заявил, что во всем согласен с теткой. Затем императрица официально попросила короля Польши отозвать графа Понятовского.

Когда Екатерина услышала об отставке Штамбке и о том, что Понятовского должны отослать домой, ее реакция была очень быстрой. Она приказала Василию Шкурину, своему камердинеру, собрать все ее бумаги и бухгалтерские книги и принести ей. После того, как все это оказалось в ее комнате, она отослала его, а затем бросила в огонь все бумаги, документы и письма, которые

когда-либо получала. Именно так исчезла ее рукопись «Портрета пятнадцатилетнего философа», написанная в 1744 году для графа Гилленборга. Когда все было предано огню, она снова позвала Шкурина. «Смотрите, будьте свидетелем, что все мои счета и бумаги сожжены, для того чтобы, если вас когда-нибудь спросят, где они, вы могли бы поклясться, что вы видели, как я тут сама их жгла». Шкурин был благодарен ей за то, что она не заставила его участвовать в этом деле.

38
Азартная игра

За день до наступления Великого поста в последний день Масленицы 1758 года Екатерина решила, что пора наконец отринуть робость и осторожность. Несколько недель она провела в затворничестве и не появлялась на публике. Теперь же великая княгиня решила посетить русскую пьесу, поставленную в придворном театре. Екатерина знала, что Петр не любил русский театр, и одно только упоминание о нем расстраивало его. Но на этот раз у Петра была еще одна, личная причина, по которой он не желал, чтобы Екатерина посетила это мероприятие. Он не хотел, чтобы его лишали общества Елизаветы Воронцовой. Если Екатерина пойдет в театр, ее фрейлины, включая Елизавету Воронцову, должны были сопровождать ее. Зная об этом, Екатерина оповестила графа Александра Шувалова о том, что ей нужно заложить карету. Шувалов тут же ответил, что великий князь возражает против ее намерения идти в театр. Екатерина объяснила, что, поскольку она была исключена из общества мужа, его не должно волновать, где она находится, и сидит ли она одна в своей комнате или в ложе театра. Шувалов поклонился и ушел.

Мгновение спустя Петр ворвался в комнату Екатерины «в ужасном гневе, кричал, говоря, что я нахожу удовольствие в том, чтобы нарочно бесить его, что я вздумала ехать в комедию, потому что знала, что он не любит этих спектаклей». Он кричал, что запретит ей пользоваться каретой. Екатерина пригрозила, что тогда она пойдет пешком. Петр ретировался. Время представления приближалось, и Екатерина послала спросить у графа Шувалова, готова ли карета. Он пришел и вновь заявил, что великий князь запретил ей выдавать карету. Екатерина повторила, что тогда пойдет пешком, а если ее придворным запретят ее сопровождать, она пойдет одна. Кроме того, добавила, что после напишет жалобу императрице.

«Что вы ей скажете?» – спросил Шувалов.

«Я ей передам, – ответила Екатерина, – как со мною обходятся, а что вы, для того чтобы доставить великому князю свидание с моими фрейлинами, поощряете его в намерении помешать мне ехать на спектакль, где я могу иметь счастье видеть Ее Императорское Величество; кроме того, я ее попрошу отослать меня к моей матери, потому что мне свыше сил наскучила роль, которую я играю; одна, брошенная в своей комнате, ненавидимая великим князем и не любимая императрицей, я желаю только

отдыха и никому не хочу быть в тягость и делать несчастными тех, кто мне близок, а в особенности моих бедных слуг, из которых уже столько было сослано, потому что я им желала добра или делала добро; знайте же, что я сейчас же напишу императрице и посмотрю, как вы сами не снесете этого письма императрице». Эта речь стала настоящим шедевром риторики и искусной манипуляцией.

Шувалов удалился к себе, а Екатерина начала писать письмо. Сначала она поблагодарила Елизавету за доброту, которую та ей оказала с момента ее прибытия в Россию. Она писала, что, к сожалению, жизнь доказала – она не заслужила этих почестей, поскольку навлекла на себя не только ненависть великого князя, но и недовольство Ее Императорского Величества. Учитывая все эти промахи, она умоляла императрицу как можно скорее положить конец ее жалкому существованию и отослать ее на родину под любым предлогом, который та сочтет уместным. Что касалось детей, то она почти не видела их, хотя они и жили в одном с ней дворце, всего в нескольких метрах от нее, для нее будет мало разницы, если они продолжат оставаться в том же самом дворце, но уже далеко от нее. Она знала, императрица позаботится о них намного лучше, нежели способна на это она сама. Екатерина умоляла Елизавету продолжать заботиться о них и сказала, что если императрица сделает это, то остаток своей жизни она проведет в молитвах за здравие императрицы, великого князя, своих детей и всех тех, кто сделал ей добро или зло. Однако теперь она так жестоко страдала, что хотела бы сосредоточиться на том, чтобы сохранить свою собственную жизнь. Именно поэтому она умоляла Елизавету позволить ей уехать, сначала куда-нибудь на воды, где она смогла бы поправить здоровье, а затем домой, к своей семье в Германию.

Написав письмо, Екатерина позвала графа Шувалова. Он прибыл и объявил, что ее экипаж готов. Екатерина передала ему письмо и сказала, что он может сообщить фрейлинам, что она не хочет, чтобы те сопровождали ее в театр, поэтому они могут быть свободны. Покинув ее, Шувалов передал Петру, что он должен выбрать, какие из фрейлин будут сопровождать великую княгиню, а какие – останутся с ним. Когда Екатерина шла через прихожую, она заметила Петра, игравшего в карты с Елизаветой Воронцовой. Увидев свою жену, Петр встал – раньше он никогда так не поступал, – а графиня Воронцова последовала его примеру. Екатерина ответила реверансом и направилась к карете. Вечером императрица не появилась в театре, но когда Екатерина вернулась, граф Шувалов передал ей, что Елизавета назначила еще одну встречу с великой княгиней.

Поведение Екатерины и ее письмо императрице были лишь игрой. Она не хотела покидать Россию. Екатерина провела здесь шестнадцать лет – больше половины жизни – и всю свою юность и молодость мечтала «стать царицей». Она понимала, насколько рискованной была подобная тактика, но считала, что добьется с ее помощью успеха. Она верила, что если Шувалов планировал отправить ее домой или запугать высылкой, то мольбы отпустить ее станут лучшим способом сорвать его планы. Екатерина знала, проблема наследования являлась для Елизаветы первоочередной, и пока молодой царь Иван VI был жив, императрица не хотела, чтобы эта проблема снова возникла. Кроме того, Екатерина понимала, что главная претензия к ней заключалась в ее неуспешном браке. Она знала, императрица разделяла ее отношение к Петру. Когда она писала или говорила публично о своем племяннике, то часто плакала и показывала, как она несчастна из-за того, что у нее такой наследник, а также демонстрировала свое презрение к нему. После смерти Елизаветы Екатерина обнаружила среди ее бумаг две заметки, написанные ее рукой. Одна была адресована Ивану Шувалову, другая – Алексею Разумовскому. В первой она написала: «Проклятый мой племянник сегодня так мне досадил, как нельзя более». В другой: «Племянник мой урод, черт его возьми».

Пытаясь оценить эту сложную, запутанную ситуацию, более зрелая Екатерина переключилась в мемуарах с описания событий на попытку взглянуть со стороны на себя, на свою жизнь, оценить свой характер. Что бы ни происходило, она «чувствовала в себе мужество подыматься и спускаться, но так, чтобы мое сердце и душа при этом не превозносились и не возгордились, или, в обратном направлении, не испытали ни падения, ни унижения». Екатерина говорила, что ее намерения всегда были честны. Хотя она с самого начала понимала, что полюбить своего мужа, который отнюдь не являлся приятным человеком и даже не пытался таковым стать, будет трудной, практически невозможной задачей, она постаралась проникнуться искренней привязанностью к нему самому и его интересам. Она всегда пыталась давать самые лучшие советы. Если бы по приезде в Россию Петр был нежен с ней, она открыла бы ему свое сердце. Теперь она видела, что из всего своего окружения, ей как женщине он уделял меньше всего внимания. Ее возмущало такое положение дел:

«Природная гордость моей души и ее закал делали

для меня невыносимой мысль, что я могу быть несчастна. Я говорила себе: «Счастие и несчастие – в сердце и в душе каждого человека. Если ты переживаешь несчастие, становись выше его и сделай так, чтобы твое счастие не зависело ни от какого события». С таким-то душевным складом я родилась, будучи при этом одарена очень большой чувствительностью и внешностью по меньшей мере очень интересною, которая без помощи искусственных средств и прикрас нравилась с первого же взгляда; ум мой по природе был настолько примирительного свойства, что никогда никто не мог пробыть со мною и четверти часа, чтобы не почувствовать себя в разговоре непринужденным и не беседовать со мною так, как будто он уже давно со мною знаком. По природе снисходительная, я без труда привлекала к себе доверие всех, имевших со мною дело, потому что всякий чувствовал, что побуждениями, которым я охотнее всего следовала, были самая строгая честность и добрая воля. Я осмелюсь утверждать относительно себя, если только мне будет позволено употребить это выражение, что я была честным и благородным рыцарем, с умом несравненно более мужским, нежели женским; но в то же время внешним образом я ничем не походила на мужчину; в соединении с мужским умом и характером во мне находили все приятные качества женщины, достойной любви; да простят мне это выражение, во имя искренности признания, к которому побуждает меня мое самолюбие, не прикрываясь ложной скромностью.

Подобная оценка своих качеств – восхваление и оправдание себя – может говорить о конфликте между эмоциями и моралью человека. Это страстное заявление, почти что исповедь, заставляет проникнуться к Екатерине сочувствием и пониманием, которых она часто бывала лишена.

«Я только что сказала о том, что я нравилась, следовательно, половина пути к искушению была уже налицо, и в подобном случае от сущности человеческой природы зависит, чтобы не было недостатка и в другой, ибо искушать и быть искушаемым очень близко одно к другому, и, несмотря на самые лучшие правила морали, запечатленные в голове, когда в них вмешивается чувствительность, как только она проявится, оказываешься уже бесконечно дальше, чем думаешь, и я

еще до сих пор не знаю, как можно помешать этому случиться».

На следующий день после посещения театра Екатерина приготовилась к долгому ожиданию ответа императрицы на ее письмо. Она прождала несколько недель, когда однажды утром граф Шувалов объявил, что императрица только что отослала из дворца мадам Владиславову. Екатерина расплакалась, но затем успокоилась и сказала, что, разумеется, Ее Величество имеет право назначать и увольнять кого ей будет угодно, но ей горько при мысли о том, что все, кто оказывается рядом с ней, обречены впасть в немилость Ее Величества. Поэтому чтобы подобных жертв стало меньше, она попросила Шувалова передать императрице ее мольбу как можно скорее положить конец той пагубной ситуации, из-за которой она приносила несчастье другим людям. Она умоляла немедленно отослать ее на родину.

Тем же вечером, после того как Екатерина целый день отказывалась от еды и целый день просидела одна в своей комнате, к ней зашла молодая фрейлина. Заливаясь слезами, женщина сказала: «Мы все боимся, как бы вы не изнемогли от того состояния, в каком мы вас видим; позвольте мне пойти сегодня к моему дяде, духовнику императрицы и вашему; я с ним поговорю, передам ему все, что вы мне прикажете, и обещаю вам, что он сумеет так поговорить с императрицей, что вы этим будете довольны». Видя ее доброе расположение, Екатерина передала ей все, что написала императрице. Молодая женщина встретилась со своим дядей, отцом Федором Дубьянским, а вернувшись, сообщила Екатерине, что священник посоветовал великой княгине объявить посреди ночи, что она серьезно больна и хочет исповедоваться, а затем попросить, чтобы к ней прислали ее духовника. Таким образом, он сможет рассказать императрице то, что услышит лично от Екатерины. Екатерина одобрила этот план и между двумя и тремя часами ночи позвонила в колокольчик. Пришла горничная, и Екатерина сказала ей, что серьезно больна и желает поговорить со своим духовником. Но вместо духовника в ее комнату устремился Александр Шувалов. Екатерина повторила просьбу пригласить священника. Шувалов послал за врачами. Когда они прибыли, Екатерина заявила, что ей нужна духовная, а не медицинская помощь. Один из докторов пощупал пульс и сказал, что он слабый. Екатерина прошептала, что если ее душа в опасности, то врачи ничем не смогут помочь ее телу.

Наконец, прибыл отец Дубьянский, и их с Екатериной оставили наедине. Одетый в черную рясу священник с длинной седой бородой сел подле ее постели, и они говорили полтора

часа. Екатерина рассказала ему о своем прошлом и о нынешнем положении дел, о поведении великого князя по отношению к ней, о враждебности Шуваловых и о том, как они настраивали против нее императрицу, о постоянном увольнении ее слуг, особенно тех, кто выказывал ей преданность. Она сказала, что именно поэтому написала императрице и умоляла отослать ее домой. Екатерина попросила священника помочь ей. Он ответил, что сделает все, что в его силах. Священник посоветовал ей и дальше настаивать на том, чтобы ее отослали домой, и сказал, что ее точно никуда не отправят, поскольку не смогут оправдать этот поступок в глазах общественности. Он согласился с тем, что императрица, выбрав ее в совсем еще нежном возрасте, теперь оставила на произвол врагов, и добавил, что лучше бы императрица отослала от двора Елизавету Воронцову и Шуваловых. Кроме того, он сообщил, что все возмущались несправедливостью Шуваловых в отношении графа Бестужева, невиновность которого ни у кого не вызывала сомнений. В завершение священник сказал Екатерине, что немедленно отправится в покои императрицы, где будет сидеть и ждать, пока Ее Величество не проснется, чтобы поговорить с ней и убедить ее как можно скорее устроить встречу с Екатериной, как она и обещала. Между тем, добавил он, Екатерина должна оставаться в постели, чтобы подкрепить его аргументы о том, как сильно она страдает и горюет, и какой серьезный вред это может нанести ее здоровью, если лекарство не будет вовремя найдено.

Исповедник сдержал свое обещание и так ярко описал состояние Екатерины, что Елизавета вызвала Александра Шувалова и приказала ему выяснить, сможет ли великая княгиня прийти и поговорить с ней следующим вечером. Екатерина заверила графа Шувалова, что ради подобного приглашения она соберет все свои оставшиеся силы.

39
Противостояние

Не следующий вечер 13 апреля 1758 года, за неделю до дня рождения Екатерины Александр Шувалов сказал, что после полуночи он проводит ее в покои императрицы. В половине первого ночи он явился и сообщил, что императрица ждет. Екатерина последовала за ним по коридорам, которые казались пустыми. Неожиданно она заметила Петра, который шел впереди нее и, похоже, также направлялся в покои своей тетки. Екатерина не видела его с того вечера, когда одна поехала в театр.

Войдя в покои императрицы, Екатерина увидела, что ее муж находился уже там. Приблизившись к Елизавете, она упала перед ней на колени и стала умолять отправить ее в Германию. Императрица пыталась уговорить ее подняться, но Екатерина оставалась на коленях. Елизавета, которая выглядела скорее огорченной, нежели рассерженной, спросила: «Как, вы хотите, чтобы я вас отослала? Не забудьте, что у вас есть дети?» У Екатерины уже был готов ответ. «Мои дети в ваших руках, и лучше этого ничего для них не может быть; я надеюсь, что вы их не покинете», – сказала она. «Но как объяснить обществу причину этой отсылки?» – спросила Елизавета. И снова у Екатерины оказался готов ответ: «Ваше Императорское Величество скажете, если найдете нужным, о причинах, по которым я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великого князя». «Чем же вы будете жить у ваших родных?» – продолжала свои расспросы императрица. «Тем, чем жила прежде, до того, как вы удостоили взять меня», – ответила Екатерина.

Императрица снова стала настаивать на том, чтобы Екатерина встала. На этот раз та подчинилась. Елизавета расхаживала по комнате. В помещении, где они находились, было три окна, между ними стояло два туалетных столика, на которых лежали золотые туалетные принадлежности Елизаветы. Напротив окон стояли большие ширмы. Когда Екатерина только вошла, она сразу заподозрила, что Иван Шувалов, а возможно, и остальные члены семейства, прятались за этими ширмами. Позже она узнала, что Иван Шувалов действительно находился там. Также Екатерина заметила, что в одной из чаш на туалетном столике были сложены письма. Императрица подошла к ней и сказала: «Бог мне свидетель, как я плакала, когда при вашем приезде в Россию вы были при смерти больны, и, если бы я вас не любила, я вас не удержала бы здесь». Екатерина поблагодарила

императрицу за ее доброту. Она сказала, что никогда не забудет этого и всегда будет считать своей большой ошибкой то, что доставила недовольство Ее Величеству.

Неожиданно настроение Елизаветы изменилось, казалось, она мысленно вернулась с тому списку обид, который составила, готовясь к встрече. «Вы чрезвычайно горды, – сказала она. – Вы воображаете, что никого нет умнее вас». И снова Екатерина не растерялась: «Если бы я имела эту уверенность, ничто больше не могло бы меня в этом разуверить, как мое настоящее положение и даже этот самый разговор».

Пока две женщины разговаривали, Екатерина заметила, что Петр перешептывался с Александром Шуваловым. Елизавета также обратила на это внимание и подошла к ним. Екатерина не слышала, о чем они втроем переговаривались, пока ее муж не повысил голос и не воскликнул: «Она ужасно злая и очень упрямая». Екатерина, поняв, что обсуждали ее, сказала Петру: «Если вы обо мне говорите, то я очень рада сказать вам в присутствии Ее Императорского Величества, что действительно я зла на тех, кто вам советует делать мне несправедливости, и что я стала упрямой с тех пор, как вижу, что мои угождения ни к чему другому не ведут, как к вашей ненависти». Петр обратился к своей тетке: «Ваше Императорское Величество видите сами, какая она злая, по тому, что она говорит». Но на императрицу слова Екатерины произвели совершенно иное впечатление. В процессе беседы Екатерина поняла, что хоть Елизавете и посоветовали – или же она сама приняла такое решение – вести себя с ней строго, убежденность императрицы пошатнулась.

Поначалу Елизавета продолжала критиковать ее:

– Вы вмешиваетесь во многие вещи, которые вас не касаются. Как, например, вы посмели посылать приказания фельдмаршалу Апраксину?

– Я? – ответила Екатерина. – Никогда мне и в голову не приходило посылать ему приказания.

– Как вы можете отрицать, что писали ему? – спросила Елизавета. – Ваши письма тут, в этом тазу. – Она указала на них. – Вам запрещено писать.

Екатерина поняла, что должна кое в чем признаться:

– Правда, что я нарушила запрет, и прошу в этом прощения, но так как мои письма тут, то эти три письма могут доказать Вашему Императорскому Величеству, что я никогда не посылала ему приказаний, но что в одном из них я писала, что говорят об его поведении.

– А почему вы это ему писали? – перебила ее Елизавета.

– Просто потому, что я принимала участие в фельдмаршале,

которого очень любила; я просила его следовать вашим приказаниям; остальные два письма содержат только одно – поздравление с рождением сына, а другое – пожелания на Новый год.

– Бестужев говорит, что было много других, – возразила Елизавета.

– Если Бестужев это говорит, то он лжет, – ответила Екатерина.

– Ну, так, – заявила императрица, – если он лжет на вас, я велю его пытать.

Екатерина ответила, что как государыня она может делать все, что ей угодно, но она, Екатерина, написала генералу Апраксину только эти три письма.

Елизавета ходила по комнате, обращаясь то к Екатерине, то к своему племяннику, то к графу Шувалову.

«Что же касается великого князя, то он проявил во время этого разговора много желчи, неприязни и даже раздражения против меня, – писала Екатерина в своих «Мемуарах». – Он старался, как только мог, раздражить императрицу против меня; но так как он принялся за это глупо и проявил больше горячности, нежели справедливости, то он не достиг своей цели, и ум и проницательность императрицы стали на мою сторону. Она слушала с особенным вниманием и некоторого рода невольным одобрением мои твердые и уверенные ответы на выходившие из границ речи моего супруга. И он так постарался, что императрица подошла ко мне и сказала мне вполголоса: «Мне надо будет многое вам еще сказать; но я не могу говорить, потому что не хочу вас ссорить еще больше»». Увидев ее расположение, Екатерина ответила шепотом: «И я также не могу говорить, хотя мне чрезвычайно хочется открыть вам свое сердце и душу». Елизавета кивнула и отпустила всех, сказав, что уже слишком поздно. Было три часа ночи.

Петр ушел первым, затем – Екатерина, за ними последовал Шувалов. Когда граф подошел к двери, Елизавета окликнула его. Екатерина вернулась в свою комнату и уже начала раздеваться, как вдруг в дверь постучали. Это оказался Александр Шувалов. «Он мне сообщил, что императрица позвала его и, поговорив с ним некоторое время, поручила ему передать мне свой поклон и просить меня не огорчаться, и что у нее будет второй разговор со мною одной». Она сделала реверанс и попросила графа Шувалова поблагодарить Ее Императорское Величество и как можно скорее назначить время второй встречи. Шувалов предупредил Екатерину, чтобы она никому не говорила об этом, в особенности великому князю.

Екатерина была уверена, что теперь ее точно не отошлют. Ожидая обещанной второй беседы, она почти все время проводила у себя в комнате. Время от времени она напоминала графу Шувалову, что с нетерпением ждет решения своей судьбы. 21 апреля 1758 года в день своего дня рождения она одна обедала в своей комнате, когда императрица велела передать ей, что пьет за ее здоровье. В свою очередь Екатерина попросила передать ей слова благодарности. Узнав о послании императрицы, Петр приказал передать похожее поздравление. Понятовский сообщил, что французский посол, маркиз де Лопиталь восхищался ее решительностью и утверждал, что ее нежелание покидать комнату говорило лишь в ее пользу. Екатерина, приняв комплимент де Лопиталя как «коварную похвалу врага», решила сделать обратное. Однажды в воскресенье, когда никто этого не ожидал, она оделась и покинула свои покои. Появившись в прихожей, где собирались ее фрейлины и камергеры, она увидела, как все они были потрясены. Вошедший Петр тоже пришел в изумление. Он подошел и перебросился с ней несколькими фразами.

23 мая 1758 года, через шесть недель после встречи с Елизаветой, Александр Шувалов сказал Екатерине, что она должна попросить через него у императрицы разрешения повидаться с детьми. После этого, сказал Шувалов, состоится вторая, давно обещанная ей встреча с государыней. Екатерина последовала его совету и официально попросила разрешения увидеть двух своих детей. Шувалов объявил, что она сможет навестить их в три часа дня. Екатерина была пунктуальной и оставалась со своими детьми до тех пор, пока не пришел Шувалов и не сообщил ей, что императрица готова. Екатерина застала Елизавету одну; на этот раз не было никаких ширм. Екатерина высказала свою признательность, и Елизавета произнесла: «Я требую, чтоб вы мне сказали правду на все, что я у вас спрошу». Екатерина пообещала Елизавете, что она услышит от нее лишь правду, и ей не терпится без промедлений открыть ей свое сердце. Елизавета спросила, действительно ли она написала Апраксину только три письма. Екатерина поклялась, что только три. «Затем, – писала Екатерина, – она стала у меня расспрашивать подробности об образе жизни великого князя…»

После этого кульминационного момента «Мемуары» Екатерины неожиданным и необъяснимым образом обрываются. Она прожила еще тридцать восемь лет, и остальную часть ее истории можно почерпнуть из ее писем, политических трудов, документов, а также высказываний других людей: друзей, врагов и разнообразных наблюдателей. Но самым примечательным из

них оказались несколько эпизодов, описанных Станиславом Понятовским, в которых они с Екатериной приняли участие летом 1758 года.

40
A Menage A Quatre[5]

Станислав Понятовский не покинул Россию и Екатерину. Он отложил отъезд, симулируя болезнь и порой целые дни проводя в постели. Летом 1758 года, когда двор великого князя переехал в Ораниенбаум, Понятовский остался с двором Елизаветы в Петергофе, находившемся на расстоянии нескольких миль от Ораниенбаума. По ночам, надев светлый парик, он посещал Екатерину в Ораниенбауме, где она принимала его в отдельном, личном павильоне.

Петр, полностью поглощенный романом с Елизаветой Воронцовой, никогда не вмешивался в отношения Понятовского со своей женой. И хотя он мог сделать это в любой момент, в итоге все произошло по чистой случайности. Понятовский писал в своих мемуарах, что в июле 1758 года Шуваловы и французский посол убедили императрицу отослать его домой, а польское правительство стало настаивать на его возвращении. Понятовский осознавал, что в скором времени будет вынужден подчиниться.

> «Это намерение сделало более частыми мои визиты в Ораниенбаум. Переодевания и вообще все, что было с поездками связано, стали для меня обыденными и удавались мне до поры до времени как нельзя лучше, таким образом, и рискованность такого рода предприятий постепенно ушла из поля моего зрения настолько, что 6-го июля я отважился отправиться в Ораниенбаум, не согласовав предварительно свой визит с великой княгиней, как я это делал обычно. Я нанял, как и всегда, маленькую крытую коляску, управляемую русским извозчиком, который меня не знал. На запятках находился тот же скороход, что сопровождал меня и ранее; мы оба были переодеты. Добравшись ночью (впрочем, в России ночи – и не ночи вовсе) до ораниенбаумского леса, мы, к несчастью, повстречали великого князя и его свиту; все они были наполовину пьяны. Извозчика спросили, кого он везет. Тот ответил, что понятия не имеет. Скороход сказал, что едет портной. Нас пропустили, но Елизавета Воронцова, фрейлина великой княгини и любовница великого князя, стала зубоскалить по адресу предполагаемого портного

> и делала при этом предположения, приведшие князя в столь мрачное настроение, что после того, как я провел с великой княгиней несколько часов, на меня, в нескольких шагах от отдаленного павильона, занимаемого ею под предлогом принимать ванны, неожиданно напали три всадника с саблями наголо. Схватив меня за воротник, они в таком виде доставили меня к великому князю. Узнав меня, он приказал всадникам следовать за ним. Некоторое время все мы двигались по дороге, ведущей к морю. Я решил, что мне конец… Но на самом берегу мы свернули направо, к другому павильону. Там великий князь начал с того, что в самых недвусмысленных выражениях спросил меня, спал ли я с его женой. «Нет», – ответил я».

«Скажите мне лучше правду, – приказал Понятовскому Петр, – скажите – все еще можно будет уладить. Станете запираться – неважно проведете время».

«Я не могу сказать вам, что делал то, чего я вовсе не делал», – солгал Понятовский.

Петр ушел в другую комнату, чтобы проконсультироваться с Брокдорфом. Вернувшись, он объявил: «Поскольку вы не желаете говорить, вы останетесь здесь впредь до новых распоряжений». Он ушел, оставив у дверей охрану. Через два часа появился Александр Шувалов, его лицо подергивалось от волнения. Он попросил объясниться. Вместо того чтобы ответить прямо, Понятовский выбрал другую тактику: «Надеюсь, граф, вы и сами понимаете, что достоинство вашего двора более, чем что-либо, требует, чтобы все это кончилось, не возбуждая, по возможности, шума – и чтобы вы меня вызволили отсюда как можно скорее».

Понимая, что может разразиться скандал, последствия которого были непредсказуемыми, Шувалов согласился все уладить. Он вернулся через час и сказал Понятовскому, что карета готова, и она отвезет его назад в Петергоф. Карета оказалась такой ветхой, что в шесть утра неподалеку от Петергофа Понятовский, решив, что вызовет меньше подозрений, если явится пешком, а не в таком позорном транспорте, вышел из экипажа, завернулся в плащ, надвинул шляпу на глаза и уши и двинулся в сторону Петергофа. Добравшись до здания, где находилась его комната, он не осмелился войти через дверь, так как велика была вероятность оказаться замеченным. Стояла теплая летняя ночь, и окно было открыто. Понятовский залез в него, полагая, что это окно его комнаты. Однако он очутился в

комнате своего соседа, генерала Роникера, который как раз в этот момент брился. Сначала они в удивлении уставились друг на друга, а затем рассмеялись. «Не спрашивайте, сударь, откуда я и почему прыгнул в окно, – сказала Понятовский, – но, как добрый земляк, дайте мне слово никогда обо всем этом не упоминать». Роникер поклялся не выдавать его.

Следующие два дня оказались для любовника Екатерины довольно тяжелыми. В течение суток о его приключении узнал весь двор. Все ожидали, что Понятовскому прикажут немедленно покинуть страну. Екатерина могла отложить отъезд любовника, лишь попытавшись задобрить мужа. Отбросив гордость, она подошла к Елизавете Воронцовой, которая обрадовалась, что гордая великая княгиня обращается к ней как просительница. Вскоре Екатерина смогла послать Понятовскому записку, в которой говорила, что ей удалось снискать расположение любовницы своего мужа, а та, в свою очередь, умилостивила великого князя. Таким образом, у Понятовского родилась мысль, как ему задержаться в России подольше. На придворном балу в Петергофе он танцевал с Елизаветой Воронцовой и во время менуэта прошептал ей на ухо: «Вы могли бы осчастливить нескольких человек сразу». Воронцова, увидев в этом дополнительную возможность поставить великую княгиню в зависимость от себя, улыбнулась и сказала: «Приходите в час ночи в павильон Монплезир».

В условленное время Понятовский встретился со своей новой покровительницей, которая пригласила его войти. «И вот уже великий князь с самым благодушным видом идет мне навстречу, приговаривая:

– Ну, не безумен ли ты!.. Что стоило своевременно признаться – никакой чепухи бы не было…» – писал позже Понятовский.

Понятовский выслушал замечание Петра и сменил тему разговора, выразив свое восхищение идеальной дисциплиной гольштейнских солдат великого князя, которые охраняли дворец. Петр был так польщен этим комплиментом, что через четверть часа заявил: «Ну, раз мы теперь добрые друзья, здесь явно еще кого-то не хватает!..» Он отправился в комнату жены и вытащил ее из постели, дав время лишь накинуть на ночную рубашку халат и надеть тапочки на босые ноги. Затем он привел ее к себе и сказал: «Ну, вот и она… Надеюсь, теперь мною останутся довольны». Екатерина с невозмутимым видом сказала мужу: «Недостает только вашей записки вице-канцлеру Воронцову с приказанием обеспечить скорое возвращение нашего друга из Варшавы…» Петр был невероятно доволен собой и своей ролью,

которую он играл в этой сцене, поэтому сразу сел писать письмо, после чего передал его Елизавете Воронцовой, чтобы и она поставила свою подпись.

«Затем, – писал Понятовский, – мы принялись болтать, хохотать, устраивать тысячи маленьких шалостей, используя находившийся в этой комнате фонтан, – так, словно мы не ведали никаких забот. Расстались мы лишь около четырех часов утра. Каким бы бредом все описанное ни казалось, я утверждаю, что все здесь безусловно верно. Начиная со следующего утра, все улыбались мне. Иван Иванович осыпал меня любезностями. Воронцов – также».

И дело не ограничилось подобными проявлениями благосклонности. Петр также не оставался в стороне. «Великий князь еще раза четыре приглашал меня в Ораниенбаум. Я приезжал вечером, поднимался по потайной лестнице в комнату великой княгини, где находились также великий князь и его любовница. Мы ужинали все вместе, после чего великий князь уводил свою даму со словами: «Ну, дети мои, я вам больше не нужен, я полагаю…» И я оставался у великой княгини так долго, как хотел».

Казалось, Петр больше всех выигрывал от сложившейся ситуации. Это был его момент триумфа над Екатериной. Многие годы он чувствовал превосходство своей жены. Он пытался унижать ее публично. Он игнорировал ее, кричал на нее, высмеивал, изменял ей с другими женщинами. Он отпускал снисходительные, часто ошибочные замечания по поводу ее интриг с другими мужчинами. Теперь пришел момент, когда вместе со своей любовницей он мог улыбаться сидевшим по другую сторону стола Екатерине и ее любовнику. Его не смущало положение рогоносца. Более того, впервые за много лет он чувствовал себя хозяином положения. Его услужливость была искренней, ему нечего было скрывать, поэтому он с радостью способствовал раздуванию скандала. Понятовскому больше не нужно было надевать светлый парик и опасаться солдат Петра. Зачем утруждать себя? Зачем волноваться? Всем и так все было известно.

Однако Екатерина относилась ко всему иначе. Она была готова участвовать в авантюрах вроде тайных вылазок из дворца в мужской одежде. Но ей совсем не нравилось ужинать вместе со своим сплетником-мужем и его дерзкой, зловредной любовницей и слушать их глупые разговоры. Ей было неприятно видеть, как Елизавета Воронцова наслаждалась подобной ситуацией. Екатерина не была циником, она верила в любовь. Унижение ее любви, которое доставляло столько удовольствия Петру,

оскорбляло ее. И ей была невыносима мысль о том, что Петр, вероятно, считал Понятовского мужским аналогом Елизаветы Воронцовой. Она воспринимала Понятовского как благородного человека. Воронцова же оставалась для нее распутной женщиной. Вскоре в ее сердце закралась тревога. Эти ночные посиделки были основаны на взаимном, совершаемом по общему согласию адюльтере, и она понимала, что подобные встречи могут таить для нее куда более серьезную угрозу, нежели враждебность Шуваловых. Даже при дворе Елизаветы, где царила вседозволенность, подобное соглашение между ней и Петром могло поставить серьезный барьер ее амбициям. Как и опасалась Екатерина, известие об этом «браке вчетвером» могло стать причиной серьезного политического скандала. Де Лопиталь упомянул об этом, когда вновь выдвинул требования о высылке Понятовского. Елизавета знала, что репутация ее племянника и наследника сильно подмочена. Понятовскому же стало ясно, что он должен уехать.

Прощаясь с ним, Екатерина плакала. Она нашла в Понятовском нежного, чуткого и образованного человека. Их последующие письма друг к другу были полны надежды на скорое воссоединение. Много лет спустя, уже став императрицей, она писала Григорию Потемкину, которому доверяла почти все сведения о своей прошлой жизни: «Понятовский любил и был любим с 1755 по 1758 год, и эта связь длилась бы вечно, если бы не наскучила ему самому. В день его отъезда я была вне себя от горя. Не помню, чтобы я когда-нибудь так сильно плакала». На самом деле обвинения Екатерины в скуке с его стороны были несправедливы. Они оба осознали, что сложившаяся ситуация сделала их дальнейшие отношения невозможными.

Впоследствии, став королем Польши, Понятовский (который был возведен на трон своей бывшей любовницей Екатериной II), давал в своих мемуарах краткий портрет Петра. Эти описания были полны осуждения, но присутствовали там и слова понимания, даже сочувствия:

> «Природа сделала его трусом, обжорой и фигурой столь комичной во всех отношениях, что, увидев его, трудно было не подумать: вот Арлекин, сделавшийся господином. Однажды принц сказал мне в порыве откровенности, которой удостаивал меня довольно часто: «Подумайте только, как мне не повезло! Я мог бы вступить на прусскую службу, служил бы ревностно – как только был бы способен, и к настоящему времени мог бы

надеяться получить полк и звание генерал-майора, а быть может, даже генерал-лейтенанта <…> И что же?! Меня притащили сюда, чтобы сделать великим князем этой зас…… страны!» И тут же пустился поносить русских в выражениях самого простонародного пошиба, весьма ему свойственных. Болтовня его бывала, правда, и забавной, ибо отказать ему в уме было никак нельзя. Он был не глуп, а безумен, пристрастие же к выпивке еще более расстраивало тот скромный разум, каким он был наделен».

Часть IV
«Время пришло!»

41
Панин, Орлов и смерть Елизаветы

Здоровье императрицы стремительно ухудшалось. Екатерина размышляла над своим политическим будущим. Ни у кого не оставалось сомнений в том, что Елизавета не станет менять наследника престола и Петр будет императором после смерти своей тетки. Екатерина оказалась совсем одна, все ее друзья и политические союзники были удалены от нее. Канцлера Бестужева отправили в позорную ссылку. Генерал Апраксин также оказался опозорен и вскоре умер. Хэнбери-Уильямса, английского посла, вынудили вернуться на родину, и на тот момент он отошел уже в мир иной. Ее любовник, Станислав Понятовский, отбыл в Польшу – о его возвращении не могло быть и речи. Зная о полной политической некомпетентности Петра, Екатерина постоянно думала о том, какую роль она сможет играть во время его правления. Возможно, в качестве жены и советника она могла бы выполнять прежние функции, как в свое время, оказывая ему содействие в делах Гольштейна. Но если бы Петр вознамерился жениться на Елизавете Воронцовой, то Екатерине не оставалось места в их союзе. Если же право наследования перешло бы от Петра к Павлу, она могла бы оставаться регентом до тех пор, пока мальчик не повзрослеет. Временами Екатерина мечтала и о том, чтобы однажды самой сыграть главную роль в политическом спектакле. Будущее Екатерины представлялось весьма туманным, и в любом случае она должна была обзавестись союзниками.

Люди тянулись к ней. Одним из них, как ни странно, являлся Иван Шувалов – фаворит умирающей Елизаветы. Он начал так явно оказывать великой княгине знаки внимания, что это вызвало подозрение – не хочет ли он сыграть ту же роль в жизни будущей императрицы, которую играл и в жизни Елизаветы. Но она привлекала и других, менее расчетливых сторонников, чьи помыслы не были столь очевидными. В конце концов, она сблизилась с тремя очень непохожими людьми. Одним из них был ловкий, изощренный дипломат; другим – молодой герой войны; а третьей – страстная и пылкая женщина. Они вышли из разных кругов общества, сильно отличались друг от друга характерами, однако имелась у них и одна общая черта – все они были русскими, что представлялось довольно полезным качеством для немецкой женщины, в которой не текло ни капли русской крови.

Самым старшим был дипломат, сорокадвухлетний граф Никита Панин. Он являлся протеже Бестужева и безболезненно

пережил падение своего патрона, поскольку в то время отсутствовал в России. Сын одного из генералов Петра Великого, Панин родился в Данциге в 1718 году, получил образование за границей и вернулся на родину, чтобы служить в гвардии. В двадцать девять лет Бестужев назначил его российским послом в Дании. Через несколько лет его перевели в Швецию, где он служил послом в течение двенадцати лет. В Стокгольме Панина считали образованным, утонченным, свободомыслящим русским, что было большой редкостью для тех лет. Панин верил в политику Бестужева, выступавшего за союз с Австрией и Англией против Пруссии. Когда после падения Бестужева Шувалов и Воронцов заключили союз с Францией, Панин все еще находился в Стокгольме и не уступил их требованиям поддержать новый альянс. Он занял противоположную позицию, ушел в отставку и летом 1760 года вернулся в Санкт-Петербург. Елизавета, ценившая его выдающиеся способности, оградила его от нападок Воронцова и Шувалова и назначила камергером и старшим наставником ее любимого Павла. Таким образом, она определила его на защищенный от политических нападок пост, который не только поднял его престиж при дворе, но и вызвал в нем самом сильный интерес, касавшийся престолонаследия. Неудивительно, что Петр оказался недоволен назначением Панина. «Пускай пока мальчик остается под присмотром Панина, – ворчал он. – В скором времени я постараюсь, чтобы он получил подготовку как настоящий солдат». Панин, знавший о враждебности Петра, в то же самое время проникся вполне обоснованной симпатией к Екатерине, которая была ему гораздо ближе и по характеру, и по уровню образования. Однако у этих двоих – великой княгини и наставника ее сына – оказались разные взгляды на будущее страны. Панин считал, что Петр не подходит на роль правители, и ему необходима замена, а потому желал, чтобы маленький Павел занял трон императора, а Екатерина стала бы его регентом. Екатерина делала вид, будто согласна с Паниным: «Я с большим удовольствием буду матерью, чем женой императора», – говорила она ему. На самом деле ей не хотелось подчиняться своему ребенку; она сама метила на российский трон. Панин решил стать союзником Екатерины, поскольку ее связывали дружеские отношения с его патроном, Бестужевым, и она поддерживала их даже после того, как бывший канцлер впал в опалу. Кроме того, по мнению Панина, участие великой княгини в управлении страной предпочтительнее, нежели восхождение на трон Петра III. К тому же Екатерина разделяла его интерес к политической теории Просвещения, и он желал увидеть в России просвещенную монархию, воплощавшую в

реальность теорию Монтескье. Панин знал, Екатерина являлась надежным человеком, с ней можно было свободно обсуждать все его идеи, ничего не опасаясь. Они вместе разрабатывали план действий, в котором оказывалось слишком много неизвестных. Но уже тогда между ними установилось полное взаимопонимание.

Вторым союзником Екатерины стал герой войны с Пруссией Григорий Орлов. К 1758 году Фридрих Прусский приложил все усилия, чтобы защитить свое королевство от трех могущественных противников: Австрии, Франции и России. В августе того же года русская армия численностью в сорок четыре тысячи человек под командованием генерала Фермора перешла границу Пруссии и 25 числа разгромила Фридриха с его тридцатитысячной армией около города Цорндорфа. Эта девятичасовая битва стала одной из самых кровопролитных в восемнадцатом веке: более десяти тысяч человек были убиты с обеих сторон. Фридрих признавался, что потерял больше трети своей армии. После столь яростной битвы он и его солдаты прониклись особым уважением к русским. Один из прусских офицеров писал впоследствии, что «ужас, который наши враги внушили нашим войскам, не поддавался описанию». После жестокого сражения обе стороны объявили себя победителями, и оба лагеря отслужили благодарственные молебны, однако в течение двух дней ни одна из обескровленных, израненных армий не двинулась с места. На поле боя все еще стреляли пушки, и время от времени происходили короткие схватки между кавалерийскими полками, но ни Фридрих, ни Фермор так и не смогли одержать победу.

Среди прусских офицеров, попавших в плен при Цорндорфе, был личный адъютант Фридриха, граф Курт фон Шверин, племянник прусского фельдмаршала. Когда пленника отправили в Санкт-Петербург в марте 1760 года, согласно протоколу, его должен был сопровождать русский офицер, который не только охранял бы его, но и оказывал ему всяческую помощь. Эту миссию поручили поручику Григорию Орлову, который участвовал в битве при Цорндорфе, был трижды ранен, но продолжал вдохновлять своих солдат и удерживать позиции. Мужество и лидерские качества сделали из него героя русской армии, и сопровождение графа Шверина стало наградой за его храбрость. Когда граф Шверин прибыл в Санкт-Петербург, великий князь Петр, подавленный тем, что увидел офицера, приближенного своего кумира короля Фридриха, пережил сильное смятение и распорядился, чтобы Шверину оказали почести и гостеприимство, которых удостаивались лишь

союзники, на долгое время прибывавшие в столицу. «Если бы я был императором, вы не стали бы военным пленником», – заверил он графа Шверина. Для гостя-пленника был выделен особняк, и Петр часто обедал там. Кроме того, он позволил графу Шверину свободно передвигаться по городу. Граф мог покидать дом и возвращаться, когда ему захочется, но всегда делал это в сопровождении офицера, поручика Орлова.

На момент знакомства с Екатериной Орлову исполнилось двадцать четыре года, то есть он был моложе великой княгини. Он происходил из рода профессиональных военных, для которых боевая доблесть являлась семейной традицией. Его дед был одним из стрельцов – войска, основанного еще Иваном Грозным. Стрельцы восстали против военных реформ, проводимых молодым царем Петром Великим. В наказание Петр приговорил к смерти многих из них, в том числе и Орлова. Когда настало время положить свою голову на плаху, Орлов быстро прошел по залитой кровью платформе, ногой оттолкнул только что отрубленную голову своего товарища и сказал: «Нужно освободить место». Петр был впечатлен его храбростью и презрением к смерти и тут же помиловал его, после чего определил в один из только что сформированных полков, которые должны были участвовать в войне России против Швеции. Так Орлов стал офицером. Впоследствии его сын дослужился до звания генерал-майора и произвел на свет пятерых сыновей-воинов: Ивана, Григория, Алексея, Федора и Владимира. Все пять стали офицерами императорской гвардии, пользовались уважением других офицеров и вызывали восхищения у солдат. Это был настоящий семейный клан, всех пятерых связывали крепкие братские узы. Братья обладали необычайной физической силой, мужеством, были преданы армии и России. Но в то же самое время питали страсть к картам, женщинам и вину и проявляли равное бесстрашие и на поле боя, и в трактирных драках. Как и их дед, они с презрением относились к смерти. Алексей, третий из пяти братьев, отличался наиболее развитым интеллектом. Это был человек огромного роста с лицом, обезображенным ударом сабли, за что получил прозвище «меченый». Именно Алексею приписывают поступок, который помог Екатерине взойти на престол, поступок, за который взял на себя полную ответственность, а будущая императрица всю жизнь испытывала к нему молчаливую признательность.

Но именно Григорий, второй из братьев, стал настоящим героем. Его считали самым красивым из Орловых, он обладал «головой ангела и телом атлета». Он ничего не боялся. Вскоре

после битвы при Цорндорфе, восстанавливаясь после ранений, он умудрился соблазнить княгиню Елену Куракину, любовницу графа Петра Шувалова – великого магистра артиллерии. Перейдя дорогу могущественным Шуваловым, Орлов оказался в серьезной опасности, но его спасла неожиданная смерть Петра Шувалова, произошедшая по естественным причинам. Известие об этой романтической победе дополнило его боевую славу и сделало Григория Орлова видной фигурой в Санкт-Петербурге. Он был представлен императрице Елизавете и, в конце концов, познакомился с женой наследника престола.

Об обстоятельствах первой встречи Екатерины и Григория не сохранилось никаких записей. Но есть история о том, как однажды одинокая великая княгиня, проходя мимо окон дворца, увидела во дворе высокого, красивого офицера в форме гвардейца. Он поднял глаза, их взгляды встретились, и в ту же минуту они почувствовали влечение друг к другу. Но за этим не последовало никаких ухаживаний и знаков внимания, как это было в случаях с Салтыковым или Понятовским. Орлов, несмотря на свою боевую славу, по своему положению был намного ниже Екатерины и не занимал никакой должности при дворе. Однако Григория нельзя было назвать робким или неуверенным в себе, успех с княгиней Куракиной придал ему смелости, и он решил попытать счастья с великой княгиней, тем более что при дворе было известно об ее одиночестве и страстности. История знает примеры, когда судьба соединяла людей, невзирая на социальные различия. Петр Великий женился на ливонской крестьянке, которая стала императрицей Екатериной I, а знаменитая дочь Петра, императрица Елизавета, провела долгие годы и, возможно, была тайно обвенчана с украинским крестьянином – добродушным церковным хористом Алексеем Разумовским.

Летом 1761 года Екатерина и Орлов стали любовниками. Эта связь держалась в тайне: императрица, Петр и друзья Екатерины ничего не знали о ней. Пара назначала свидания в маленьком доме на Васильевском острове посреди Невы. В августе Екатерина забеременела.

Орлов стал для нее совершенно новым типом мужчины: он не был утонченным, сентиментальным европейцем, как Понятовский, или салонным донжуаном, точно Сергей Салтыков. Екатерина полюбила его, а он полюбил ее, и это была простая плотская страсть. Первые девять лет брака Екатерина оставалась девственницей, но теперь она стала зрелой женщиной. Находясь в браке, она любила двух мужчины, и от каждого родила ребенка. Теперь появился третий, и ему она также подарила дитя.

Мотивы Орлова были довольно простыми. Екатерина

являлась желанной, наделенной властью женщиной, покинутой и презираемой своим мужем, который был одержим своим преклонением перед Пруссией и вследствие этого ненавидим офицерами и солдатами русской армии. Екатерина старалась соблюдать осторожность и скрывала свою связь, но у Григория не существовало секретов от своих четырех братьев, и все они считали, что их семье оказана огромная честь. Слухи об их отношениях распространились среди солдат гвардейского полка, и они в большинстве своем восхищались и гордились Орловым.

Екатерина получила поддержку Никиты Панина, а с помощью братьев Орловых вскоре завоевала симпатию гвардейцев. Затем она привлекла третьего, совершенно непохожего на двух других союзника. Это была княгиня Екатерина Дашкова, которая по странному стечению обстоятельств приходилась младшей сестрой любовнице Петра – Елизавете Воронцовой. Екатерина Воронцова – в замужестве Екатерина Дашкова – родилась в 1744 году и была самой младшей дочерью графа Романа Воронцова, который сам был младшим братом бывшего канцлера Михаила Воронцова. Екатерина Воронцова появилась на свет вскоре после коронации императрицы Елизаветы, и поскольку семейство Воронцовых принадлежало к одному из старейших дворянских родов в России, новорожденную девочку крестили в присутствии самой императрицы, а Петр, племянник императрицы, только что приглашенный из Гольштейна в качестве наследника престола, стал ее крестным отцом. Когда Екатерине Воронцовой исполнилось два года, ее мать умерла. Отец, граф Воронцов, все еще молодой мужчина, быстро стал, по выражению своей дочери, «человеком, одержимым наслаждениями и мало уделявшим внимание своим детям». Поэтому дети проводили почти все время в обществе дяди, Михаила Воронцова, который дал им великолепное образование. «Мы свободно говорили по-французски, а также брали уроки итальянского и русского», – писала Екатерина в своих мемуарах. Она демонстрировала необычайный для своего юного возраста ум, ночами напролет читала Бейля, Вольтера, Монтеня и Монтескье. Екатерина впервые встретила эту необыкновенную особу в 1758 году, когда Дашковой было пятнадцать. Великая княгиня пришла в восхищение от этой девушки, которая говорила исключительно по-французски, любила философов Просвещения и старалась держаться грациозно и непринужденно. Для молодой девушки великая княгиня стала кумиром.

В 1759 году шестнадцатилетняя Екатерина Воронцова вышла замуж за князя Михаила Дашкова, известного в обществе богатого молодого офицера Преображенского полка. Она последовала за

мужем, когда тот получил назначение в Москву, и в 1960 и 1961 годах произвела на свет двух детей. Однако она не могла забыть великую княгиню, с которой познакомилась в Санкт-Петербурге. Летом 1761 года вместе с семьей она вернулась в столицу и продолжила общение с Екатериной.

В столице у Дашковой жила сестра Елизавета, и ее любовник – великий князь Петр, которые пытались привлечь ее в свой круг, однако сестры оказались совершенно разными во всем. Елизавета, для которой Петр обустроил личные покои и с которой обращался скорее как с будущей женой, чем с любовницей, была неряшлива, груба и отличалась сквернословием. Однако, вознамерившись стать женой Петра, она шла к своей цели с удивительным терпением и целеустремленностью. Она терпела все его измены и устроила брак вчетвером с Екатериной и Станиславом. За все эти годы Петр понял, что она настолько идеально ему подходит, что не хотел теперь расставаться с ней.

Дашкова при дворе вела себя совершенно иначе. Она мало уделяла внимание роскошным нарядам, отказывалась пользоваться румянами, была очень общительной и считалась умной, прямолинейной и гордой. Она не только отличалась идеализмом в своих политических взглядах, но и в личной жизни была на удивление благонравной и находила поведение своей сестры совершенно неприличным. Несмотря на то что Елизавета могла стать коронованной императрицей, Екатерина Дашкова считала, что она жила в постыдном открытом сожительстве. Хуже того, ее сестра вознамерилась заменить женщину, ставшую для Дашковой настоящим кумиром, – великую княгиню Екатерину.

Княгиня Дашкова провела лето 1761 года на даче отца, на берегу Финского залива, между Петергофом, где оставалась императрица, и Ораниенбаумом, где Петр и Екатерина разместили на лето свой двор. Павел оставался с Елизаветой в Петергофе, но теперь императрица разрешила Екатерине каждое воскресенье приезжать из Ораниенбаума в Петергоф и проводить весь день, наблюдая за тем, как ее сын играл в саду. По дороге домой Екатерина часто останавливала карету рядом с дачей Воронцовых и приглашала княгиню провести остаток дня вместе с ней, в Ораниенбауме. Там, в саду Екатерины или в ее покоях, две женщины обсуждали книги или политические теории. Дашкова чувствовала, что нашла собеседницу, достойную ее уровня интеллекта. «Можно сказать, что в России нельзя было найти и двух женщин, которые бы, подобно Екатерине и мне, серьезно занимались чтением», – писала она в своих мемуарах. Во время этих долгих бесед княгиня убедилась, что Екатерина являлась

единственной, кто может стать «спасителем нации», и просто необходимо было, чтобы она, а не Петр унаследовала престол. Екатерина не одобряла подобных ее высказываний. Она воспринимала Дашкову как необычайно одаренного, очаровательного ребенка, чье восхищение ею было лестным, а общество приятным. Однако Екатерина реально смотрела на вещи и считала, что к власти она может прийти лишь как законная жена Петра – и то лишь в случае, если ей удастся сохранить свои позиции под натиском Елизаветы Воронцовой. Дашкова, со своей стороны, испытывала по отношению к великой княгине чувство, близкое к благоговению. «Между нами завязалась искренняя и откровенная переписка, которая продолжалась и после, а за ее отсутствием одушевляла и скрепляла мою задушевную привязанность к Екатерине; выше этой привязанности была лишь любовь к мужу и детям».

Великий князь Петр и Елизавета Воронцова не оставили попыток заманить княгиню Дашкову в свой круг. Петр, видя ее восхищение своей женой, предупредил ее, сказав: «Дитя мое, вам бы не мешало помнить, что водить хлеб-соль с честными дураками, подобными вашей сестре и мне, гораздо безопаснее, чем с теми великими умниками, которые выжмут из апельсина сок, а корки бросят под ноги». Дашкова не испугалась и однажды смогла дать Петру отпор. На званом обеде, где присутствовали Петр и Екатерина, великий князь выпил слишком много бургундского и заявил, что один молодой офицер, которого заподозрили в любовной связи с родственницей императрицы, должен быть обезглавлен за столь дерзкий поступок. Дашкова возразила великому князю, сказав, что такое наказание характерно для тирана, «что рубить голову слишком жестоко, что, если бы и было доказано подозрение, во всяком случае, такое ужасное наказание превышает меру преступления».

«Вы совершенное дитя, – ответил Петр, – как это видно из ваших слов; иначе вы знали бы, что отменить смертную казнь – значит разнуздать всякую непокорность и всевозможные беспорядки».

«Но государь, – парировала Дашкова, – вы говорите о таком предмете и таким тоном, что все это должно сильно обеспокоить настоящее собрание; за исключением этих почтенных генералов, почти все, имеющие честь сидеть за вашим столом, жили в то царствование, в которое не было и помину о смертной казни».

«Ну что ж, – заявил великий князь, – это еще ничего не доказывает, или, лучше, потому-то именно у нас нет ни порядка, ни дисциплины; но я повторяю, что вы дитя и ничего не смыслите

в этом деле».

Все сидевшие за столом гольштейнцы молчали, но Дашкова продолжала стоять на своем: «Положим, государь, что вы правы; но нельзя же отрицать и того обстоятельства, что ваша венценосная тетка еще живет и царствует». Все тут же уставились на молодую женщину, а потом – на наследника трона. Но Петр не ответил и положил конец спору, показав язык своему оппоненту.

Этот эпизод вызвал всеобщее восхищение Дашковой. Великая княгиня была довольна и поздравила ее; история быстро распространилась и принесла «мне в общественном мнении репутацию отважного и твердого характера», – писала Дашкова. Каждый подобный эпизод усиливал неприязнь княгини к наследнику престола. «Я ясно видела, чего должна была ожидать Россия от наследника – человека, погруженного в самое темное невежество, не заботящегося о счастье его народа, готового управлять с одним желанием – подражать прусскому королю, которого он величал в кругу своих гольштейнских товарищей не иначе, как «король, мой господин».

Княгиня Дашкова была счастлива, когда Петр назвал себя дураком, поскольку считала, что лишь глупец может предпочесть обществу блистательной великой княгини связь с ее сестрой. Возмущенная тем, что Петр пообещал развестись с Екатериной и жениться на ее сестре, юная княгиня решила защитить свою героиню. Она сообщала ей любые новости и сплетни, которые имели хоть какое-то отношение к великой княгине. Екатерина не поощряла Дашкову в этих действиях, однако понимала, как полезно ей иметь приверженца, способного передавать разговоры великого князя с Воронцовой. Но тем не менее Екатерина была осторожна в своих беседах с юной поклонницей. Дашкова являлась не только полезным источником информации, она могла, сама того не желая, выдать ее. Поэтому Екатерина старалась, чтобы три ее самых близких сторонника мало общались между собой. Вначале три главных фигуранта вообще располагали очень незначительными сведениями друг о друге. Более того, каждый из них знал «свою» Екатерину. Панину она представлялась как уравновешенный, мудрый политик; для Орлова – была страстной женщиной; для Дашковой же – философом и поклонницей Просвещения. В конце концов, Дашкова стала относиться к Панину как к европеизированному русскому, которым она восхищалась. Но Дашкова ничего не знала о том, насколько важную роль в жизни Екатерины играл Орлов. Она пришла бы в ужас, если бы ей стало известно, что ее идол с удовольствием отдавалась ласкам грубого, необразованного

солдата.

Здоровье Елизаветы продолжало ухудшаться, и всеобщая тревога по поводу скорого восхождения Петра на трон усиливалась. Чем дольше продолжалась война, тем более яростно Петр высказывал свою ненависть и презрение к России и симпатию к Пруссии. Уверенный в том, что его ослабевшая тетя не сможет лишить его права наследования, он начал открыто говорить об изменениях, которые собирался произвести, когда станет императором. Он положит конец войне против Пруссии. После заключения мира он изменит приоритеты в политике и присоединится к Фридриху в борьбе против нынешних союзников России – Австрии и Франции. Наконец, он намеревался использовать русскую силу в интересах Гольштейна. Это означало скорую войну с Данией с целью отвоевать территории, которые Дания отделила от его княжества в 1721 году. Он начал открыто говорить о своем намерении развестись с Екатериной и жениться на Елизавете Воронцовой.

Петр уже делал все возможное, чтобы помочь Фридриху. Желая информировать короля о военных решениях императрицы, он передавал ему все, что удавалось узнать о планах русского высшего командования. Эта информация поступала новому английскому послу в Санкт-Петербурге, сэру Роберту Киту, который, передавая в Лондон свои дипломатические депеши, включал в них полученную от Петра информацию. Кит посылал личного курьера в Берлин, где его коллега, британский посол в Пруссии, делал копию для Фридриха прежде, чем послать депешу в Уайтхолл. Поэтому король Пруссии нередко узнавал о планах русского командования раньше, чем они передавались непосредственно русскому полевому командованию.

Петр почти не скрывал того, что совершает предательство императрицы, армии, нации и союзников страны. Французский и австрийский послы жаловались канцлеру, но их слова не производили на него особого впечатления, поскольку Михаил Воронцов, как и все в столице, считал, что слабое здоровье императрицы вскоре будет окончательно подорвано, а великий князь Петр, заняв трон, первым делом закончит войну, вернет свою армию и подпишет мир с Фридрихом. В сложный период Воронцов не хотел подвергать риску свое собственное будущее и сообщать Елизавете о предательстве племянника. Однако в армии презрение и отвращение к наследнику престола возросли до такой степени, что даже сэр Роберт Кит заявил: «Он, вероятно, безумец, раз ведет себя так».

Но если гвардия и армия были охвачены возмущением и

негодованием, то Орловы питали лютую ненависть к человеку, который передавал информацию врагу. Особенно сильно и ярко это чувство разгоралось в Григории Орлове. Если Петра заставят отречься от престола, какая судьба ждала великую княгиню? Как и Петр, она была рождена в Германии, но прожила в России восемнадцать лет, была православной и матерью юного наследника. К тому же она была предана России. Орлов говорил об этом везде, где только мог, и его братья поступали точно так же. Они ненавидели Петра, а их популярность в армии и желание действовать в интересах Екатерины должны были способствовать ее возведению на престол.

Елизавета намеревалась победить Фридриха Прусского. Она вступила в войну, исполняя условия договора с Австрией, и хотела довести дело до конца. Конец войне близился, Фридрих больше не возглавлял самую могущественную армию в Европе, а Австрия и Россия приобрели большой опыт ведения военных действий. Военная мощь Фридриха таяла, и теперь его было намного легче одолеть. Доказательством этому послужила битва при Кунерсдорфе, 25 августа 1759 года, где в пятидесяти милях к востоку от Берлина пятьдесят тысяч пруссаков при поддержке трех сотен пушек атаковали семьдесят девять тысяч русских, занявших выгодную оборонительную позицию. Пехота Фридриха устремилась на хорошо укрепленные и находящиеся под прекрасной защитой рубежи русских. С наступлением ночи, когда бой закончился, Кунерсдорф стал самым тяжелым поражением Фридриха за всю Семилетнюю войну: в конце сражения прусские солдаты просто побросали свои мушкеты и бежали. Хотя потери русской армии исчислялись шестнадцатью тысячами убитых и раненых, она нанесла прусской армии серьезный урон: восемнадцать тысяч прусских солдат погибли. Под королем было убито две лошади, пуля угодила в его золотую табакерку, которую он носил в своей шинели. В ту ночь он писал близкому другу в Берлин: «Из армии в сорок восемь тысяч у меня не осталось и трех тысяч. Все бежали, я больше не властен над моими людьми. Берлин должен позаботиться о своей безопасности. Это ужасная неудача, и мне ее не пережить. У меня не осталось больше резервов, и, сказать по правде, я считаю, что все потеряно». Утром восемнадцать тысяч солдат приковыляли обратно к своему королю, но сорокасемилетний монарх по-прежнему был в отчаянии. Он сильно страдал. «Что причиняет мне особую боль, так это ревматизм в моих ступнях, колене и левой руке. К тому же восемь дней меня мучила почти беспрерывная лихорадка».

В Санкт-Петербурге Елизавета радовалась хорошим новостям и стоически принимала плохие. 1 января 1760 года через четыре месяца после Кунерсдорфа она сказала австрийскому послу: «Я собираюсь продолжать войну и оставаться верной своим союзникам, даже если мне придется продать половину своих бриллиантов и платьев». Командующий ее армией в Германии, генерал Петр Салтыков, сторицей отплатил за ее преданность. Летом 1760 года русская армия форсировала Одер. Кавалерия казаков подошла к Берлину и за три дня захватила столицу Фридриха.

По мере того как развивалась ее беременность, Екатерина все больше отгораживалась от мира. Главный предлог – ее подавленность от того, что муж едва ли не публично оказывал царские почести своей любовнице – был лишь удобным способом скрыть истинное положение вещей. Теперь, когда великий князь говорил о своем намерении развестись с ней, у нее уже не было возможности притворяться, будто это его ребенок. Не желая давать ему повода для развода, Екатерина скрывала беременность, надевая юбки с большими обручами, и целые дни проводила в своей комнате, сидя в кресле и никого не принимая.

Свой секрет Екатерина хранила намного лучше, чем Елизавета. Императрица приказала скрывать от великого князя и великой княгини новости о ее состоянии. Она пыталась утаить, какое губительное действие оказывала на нее болезнь. Бледность ее лица, погрузневшее тело, распухшие ноги – все это было спрятано за румянами и серебряной парчой. Елизавета чувствовала, что Петр с нетерпением ждет ее смерти, но была слишком измождена, чтобы нарушить обещание и выполнить свое истинное желание: назначить наследником Павла. У нее хватало сил и энергии лишь на то, чтобы подниматься с постели и пересаживаться на софу или в кресло. Иван Шувалов, ее нынешний фаворит, больше не мог утешить ее, она выглядела умиротворенной лишь в присутствии Алексея Разумовского, ее бывшего любовника и, возможно, мужа, особенно когда тот сидел подле ее постели и тихо напевал нежные украинские колыбельные. Шли дни, и Елизавету все меньше интересовало будущее России и ее собственное окружение. Она знала, что будет дальше.

Ее агония парализовала Европу. Все с замиранием сердца следили за происходящим в комнате больной, ведь исход войны зависел от схватки со смертью, которую вела эта женщина. В 1761 году союзники больше всего желали, чтобы врачи смогли

продлить ее жизнь еще на шесть, а лучше бы и на двенадцать месяцев, поскольку надеялись, что к тому времени Фридрих уже не сможет восстановить силы. Фридрих сам признавался, что сильно ослаб. Победа, за которую Россия сражалась почти пять лет, была близка. Главным же оставалась надежда на то, что князь Петр не вступит в права наследования в ближайшие месяцы, поскольку после этого его почитание прусского короля уже ничего не сможет изменить. Однако этого не произошло.

К середине декабря 1761 года все уже знали, что императрица скоро умрет. Когда Петр без обиняков заявил княгине Дашковой, что ее сестра, Елизавета Воронцова, скоро станет его женой, Дашкова решила предпринять все возможное и воспрепятствовать его намерениям. Вечером 20 декабря, несмотря на сильную лихорадку, она встала с постели, закуталась в меха и приказала везти себя во дворец. Войдя через черный ход, она велела одному из слуг великой княгини отвести ее к своей госпоже. Екатерина была в постели. Не успела княгиня сказать и слова, как великая княгиня произнесла: «Милая княгиня, прежде чем вы объясните мне, что вас побудило в такое необыкновенное время явиться сюда, отогрейтесь». В своих мемуарах Дашкова описывала эту беседу. Она сказала Екатерине, что теперь, когда жить императрице осталось всего несколько дней, а возможно, и несколько часов, она не может выносить неопределенности относительно будущего Екатерины. «Есть ли у вас какой-нибудь план, какая-нибудь предосторожность для вашего спасения?» – спросила княгиня. Екатерина была тронута и встревожена ее волнением. Она прижала ладонь к груди Дашковой и сказала: «Я искренно, невыразимо благодарю вас, моя любезная княгиня, и с полной откровенностью объявляю вам, что я не имею никакого плана, ни к чему не стремлюсь и в одно верю, – что бы ни случилось, я все вынесу великодушно».

Дашкова не могла смириться с подобной пассивностью. «В таком случае ваши друзья должны действовать за вас! – заявила она. – Что же касается меня, я имею довольно сил поставить их всех под ваше знамя: и на какую жертву я не способна для вас?»

Екатерина решила, что преданность княгини завела ее слишком далеко. Ее поведение выглядело слишком резким и преждевременным. На данном этапе Орлов мог привлечь нескольких гвардейцев, но без подготовки этого было недостаточно. А возбужденная, отчаянная молодая женщина могла, сама того не желая, выдать их и подвергнуть опасности, прежде чем они окажутся готовы действительно что-то предпринять. «Именем Бога умоляю вас, княгиня, – спокойно сказала Екатерина, – не подвергайте себя опасности в надежде

остановить непоправимое зло. Если вы из-за меня потерпите несчастье, я вечно буду жалеть». Екатерина продолжала успокаивать импульсивную гостью, когда Дашкова перебила ее, поцеловала ей руку и заверила, что больше не будет подвергать их риску, продолжая эту беседу. Женщины обнялись, Дашкова встала и удалилась так же быстро, как и пришла. В своем волнении она даже не заметила, что Екатерина была на шестом месяце беременности

Два дня спустя 23 декабря с императрицей Елизаветой случился сильный удар. Врачи собрались вокруг ее постели и пришли к общему заключению, что на этот раз она уже не сможет оправиться. Вызвали Петра и Екатерину, разыскали Ивана Шувалова. Братья Разумовские стояли подле ее постели и, не отрываясь, смотрели на бледное лицо на подушках. До самого конца императрица оставалась в сознании. Она не изъявила никакого желания изменить право наследования и попросила Петра дать ей обещание заботиться о маленьком Павле. Петр, прекрасно понимая, что его тетя, сделавшая его наследником, может одним словом лишить его этого права, пообещал выполнить ее просьбу. Также она велела ему защищать Алексея Разумовского и Ивана Шувалова. Она ничего не сказала Екатерине, находившейся все это время у ее кровати. За пределами спальни в вестибюлях и коридорах стали собираться люди. Прибыл отец Федор Дубьянский, исповедник императрицы, и тяжелый запах ладана смешался с запахами лекарств, когда священник стал готовиться совершить прощальный ритуал. Несколько часов спустя императрица вызвала канцлера Михаила Воронцова. Тот ответил, что слишком болен и не может явиться, однако его удержала не болезнь, а страх оскорбить наследника.

В рождественское утро Елизавета попросила отца Дубьянского прочитать отходную молитву. Когда он закончил, Елизавета попросила повторить ее. Затем она благословила всех, кто находился в комнате и, согласно православному обычаю, попросила у всех прощения. В Рождество 25 декабря 1761 года около четырех часов дня императрица Елизавета умерла. Несколькими минутами спустя, князь Никита Трубецкой, глава Сената, открыл двойные двери ее спальни и объявил собравшейся около них толпе: «Ее Императорское Величество Елизавета Петровна упокоилась с миром. Боже, храни нашего милостивого государя, императора Петра III».

42
Короткое правление Петра III

Архиепископ Новгородский благословил Петра на царствование, Сенат и главы Государственной коллегии (правительственные министры) принесли ему клятву верности. Пушка на Петропавловской крепости выстрелила в честь восхождения на трон нового монарха. Петр выехал на Дворцовую площадь, чтобы принять клятву в присутствии гвардейской пехоты – Преображенского, Семеновского и Измайловского полков, конной гвардии, армейских пехотных полков и кадетского корпуса. Когда фигура нового императора, одетая в бутылочно-зеленую форму Преображенского полка, появилась в свете факелов, штандарты полков взмыли вверх в салюте. Довольный Петр вернулся во дворец и сказал австрийскому послу графу Мерси: «Я и не знал, что они меня так любят». В тот вечер он сидел во главе стола во время ужина, на который было приглашено 150 человек. Всем гостям было велено надеть светлые, а не траурные одежды, чтобы отпраздновать восхождение Петра на трон. Екатерина сидела за столом рядом с императором. Иван Шувалов, фаворит Елизаветы, заливавшийся слезами у ее постели, стоял позади кресла Петра, смеялся и шутил. На следующий вечер Петр устроил еще один банкет и приказал всем дамам явиться «богато одетыми». Княгиня Дашкова отказалась участвовать в этих мероприятиях, сославшись на болезнь. На следующий вечер она получила записку от сестры, в которой говорилось, что новый император был раздражен ее отсутствием и не поверил ее объяснению, и это может плохо отразиться на муже княгини, князе Дашкове, если она и впредь не станет появляться в свете. Дашкова подчинилась. Когда она появилась, Петр подошел к ней и тихим голосом сказал: «Если вы, дружок мой, послушаетесь моего совета, то дорожите нами немного побольше. Придет время, когда вы раскаетесь за всякое невнимание, оказанное вашей сестре. Поверьте мне, я говорю ради вашей же пользы; вы не можете иначе устроить вашу карьеру в свете, как изучая желания и стараясь снискать расположение и покровительство ее».

За десять дней до похорон тело императрицы Елизаветы перенесли в Казанский собор, где, облаченное в расшитые серебром одежды, положили в открытый гроб в окружении свечей. Поток скорбящих проходил мимо гроба в полумраке, и

люди не могли не обратить внимания на одетую во все черное, без короны и драгоценностей фигуру в вуали, которая стояла на коленях на каменном полу около гроба и, казалось, была полностью погружена в свое горе. Все знали, что это – новая императрица Екатерина. Она была здесь отчасти для того, чтобы отдать дань уважения усопшей, но также и потому, что понимала – не было лучшего способа завоевать сочувствие окружающих, чем продемонстрировать свою преданность и смирение. Екатерина так хорошо играла эту роль, что французский посол написал в своем отчете в Париж: «Она все более и более завоевывала сердца русских».

Поведение Петра у гроба Елизаветы отличалось разительным контрастом. В течение недели, когда общество скорбело, новый император был охвачен радостью по поводу того, что его политическое и культурное заточение, продлившееся восемнадцать лет, закончилось. Опьяненный свободой, он не желал выполнять православные обряды по отношению к покойной. Петр отказался выстаивать ночные бдения или опускаться на колени перед гробом. Те несколько раз, когда новый император появлялся в соборе, он расхаживал по церкви, громко говорил, смеялся, тыкал в священников пальцем и даже показывал им язык. Большую часть времени он проводил в своих покоях, пил и громко кричал от возбуждения, которое, казалось, не мог контролировать.

Кульминация его глумления наступила в тот день, когда тело Елизаветы вынесли из Казанского собора и по мосту через Неву понесли к месту захоронения в крепости святых Петра и Павла. Петр шел один, позади гроба. Он был одет в черную траурную одежду с длинным шлейфом, который несли пожилые дворяне. Император все время норовил отстать от процессии, потом совсем останавливался и ждал, пока гроб отдалится от него на приличное расстояние, а затем, широко шагая, нагонял его. Пожилые люди не могли поспеть за императором и отпускали полы его одежды, оставляя их развеваться по ветру. Радуясь их смущению, Петр повторял эту выходку снова и снова. Эта гротескная буффонада в исполнении почти тридцатичетырехлетнего мужчины, который направлялся на похороны женщины, сделавшей его императором, потрясла всех: дворян, сопровождавших процессию, офицеров и солдат, выстроенных вдоль ее следования, и наблюдавший за происходящим народ.

Несмотря на вызывающее и неподобающее поведение, в первые недели своего правления Петр избрал умеренный

политический курс. Михаил Воронцов, восстановленный в должности канцлера после падения Бестужева, сохранил свой пост, хотя в последние годы правления Елизаветы его несколько отодвинули в сторону настроенные против Пруссии и поддерживающие Францию Шуваловы. Петр вернул находившихся в опале чиновников. Эрнесту Леонарду Бирону, немецкому канцлеру и любовнику императрицы Анны, а также отцу принцессы Курляндской, разрешили сменить свое жилище в Ярославле на удобную резиденцию в Санкт-Петербурге. Лесток, французский врач и советник Елизаветы, а также старый фельдмаршал Миних, еще один немец, оказались прощены и возвращены из ссылки. Однако не было предпринято никаких действий, чтобы облегчить участь Алексея Бестужева, бывшего канцлера, всегда поддерживавшего Австрию и выступавшего против Пруссии. Его исключение из всеобщей амнистии произвело тягостное впечатление на многих русских. Складывалось впечатление, что лишь политическим изгнанникам с иностранными фамилиями разрешено было вернуться, а русский государственный деятель, который сделал так много, чтобы укрепить положение страны в Европе, по-прежнему оставался в опале.

За амнистиями последовал настоящий поток административных перемен. Никто не знал, проистекали ли они из заранее запланированного стремления завоевать расположение народа или были связаны с непредсказуемым поведением Петра. 17 января он порадовал весь народ, уменьшив правительственный налог на соль. 18 февраля угодил дворянству, отменив принудительную государственную службу. Эта обязанность сохранялась со времени правления Петра Великого, который заявил, что он, царь, был «первым слугой государства», после чего издал указ, согласно которому все землевладельцы и прочие дворяне должны были исполнять такой же долг. В результате он создал постоянный офицерский корпус армии и военно-морского флота. Теперь потомки тех дворян оказались свободны от любых военных или гражданских обязательств, им больше не нужно было отбывать многолетнюю государственную службу. Также им была предоставлена возможность свободно выезжать за границу, за исключением военного времени, и оставаться там столько, сколько они захотят. 21 февраля Петр упразднил Тайную канцелярию – суровый следственный комитет, занимавшийся делами тех, кого обвиняли в измене и мятеже. В то же самое время русским религиозным оппозиционерам, раскольникам, было позволено вернуться из провинции, где они укрывались от преследований Православной церкви. Теперь им разрешили

свободно отправлять свои обряды.

В марте Петр посетил мрачную крепость Шлиссельбург, где уже в течение восемнадцати лет находился в заточении император Иван VI, свергнутый Елизаветой. Петр, уверенный, что никто не сможет лишить его престола, хотел облегчить жизнь Ивана, а возможно, даже освободить и назначить на военный пост. Однако состояние, в котором он обнаружил бывшего императора, заставило Петра отказаться от своих планов. Иван, которому теперь исполнилось двадцать два года, был высоким и худым, с волосами до талии. Он оказался абсолютно безграмотным, бормотал что-то несвязное и даже не осознавал, кем на самом деле являлся. Его одежда была грязной и изорванной, в его камере дурно пахло, а единственным источником света служило маленькое, зарешеченное окошко, находившееся наверху высокой стены. Когда Петр предложил помощь, Иван сказал, что ему нужен свежий воздух. Петр дал ему шелковую одежду, которую бывший император спрятал под подушкой. Прежде чем покинуть крепость, Петр приказал построить во дворе более просторный и светлый дом для пленника.

Петр вставал в семь часов утра и одевался, пока адъютанты зачитывали ему отчеты и получали приказы. С восьми до одиннадцати он совещался со своими министрами и наведывался в общественные учреждения, часто обнаруживая лишь младших чиновников, выполнявших свои обязанности. В одиннадцать он являлся на плацу, где проводил дотошную проверку униформы и оружия, а также инспектировал уровень подготовки войск при помощи своих гольштейнских офицеров. В час дня он обедал, приглашая разделить с ним трапезу тех, с кем желал поговорить, независимо от их звания. Днем он часто дремал, после чего следовал концерт, на котором сам он играл на скрипке. Затем наступало время ужина и вечерних мероприятий, часто продолжавшихся до поздней ночи. Почти на всех вечерах Петр и его приглашенные много курили, пили и предавались разгулу. Петр всегда носил с собой трубку, и за ним следовал слуга с большой корзиной, наполненной голландскими глиняными трубками и различным табаком. Комната быстро наполнялась дымом, а Петр расхаживал в нем, громко разговаривая и смеясь. Все члены компании, сидевшие за длинными столами, на которых стояли бутылки, знали, что Петр не любил церемоний и хотел, чтобы с ним обращались как с товарищем, поэтому не сдерживали себя. Часто они вскакивали со своих мест, выбегали во двор и играли там в классы, как дети, прыгали на одной ноге,

бодались и били друг друга ногами сзади. «Представьте наши чувства, когда мы видели первого человека в империи, в лентах и орденах, который вел себя подобным образом», – вспоминал один из его гостей. Когда один из гольштейнцев упал на землю, остальные начали смеяться и хлопать в ладоши, пока не пришли слуги и не унесли его. Однако на следующий день Петр все равно вставал в семь утра.

Несмотря на бешеную энергию, его деятельность не отличалась организованностью и целеустремленностью. «За умеренностью и мягкостью указов императора, – писал в Вену граф Мерси, – не было ничего четкого и определенного. Он был умен, но слишком мало занимался делами, почти не высказывал серьезных суждений и постоянно находился во власти предрассудков. Его поведение часто отличалось горячностью, жестокостью и иррациональностью». Несколько дней спустя Мерси добавил: «Я не вижу никого, у кого хватило бы достаточно рвения и мужества противостоять неистовому и упрямому нраву монарха. Ради личной выгоды все поощряют его упрямство».

Серьезный конфликт возник, когда Петр попытался реорганизовать традиционные институты Российской империи. Он не испытывал особой симпатии к православной церкви. С тех пор как Петр приехал в Россию восемнадцать лет назад, он ненавидел это направление христианства, которое его заставили принять. Он считал, что доктрины и догмы православной церкви были всего лишь суевериями, православные службы казались смехотворными, священники – ничтожными, а церковное богатство – неприличным. В Гольштейне он исповедовал лютеранство. Теперь, став императором и главой православной церкви, он решил, что старинный столп русской жизни и культуры нужно заменить протестантской моделью, которая была распространена в Пруссии. Фридрих, будучи свободомыслящим человеком, с презрением относился к священникам и религиозным верованиям, так почему же он, Петр, не мог вести себя точно так же? 16 февраля он издал декрет о секуляризации всей собственности церкви и передачи ее в руки нового правительства. Священники православной церкви становились государственными служащими и должны были получать жалованье. Когда высшее духовенство выразило свой ужас и возмущение, Петр самоуверенно заявил, что преклонение перед иконами является примитивным обрядом и от него нужно избавиться. Все иконы, за исключением тех, на которых был изображен Иисус Христос – все эти написанные или вырезанные из дерева изображения святых, сыгравших значительную роль в истории России, – должны быть удалены из церкви. Затем, желая

нанести удар непосредственно по русским клирикам, он потребовал, чтобы священники стали брить бороды и отказались от длинных парчовых одежд до пола. Он сказал, что в будущем они должны будут носить черные сутаны, как протестантские пасторы. Архиепископ ответил, что, если его духовенство подчинится этим приказам, они будут убиты своей же паствой. На Пасху отменили традиционный крестный ход, и среди людей стали распространяться слухи, что новый император – язычник или, хуже того, протестант. Петр действительно говорил архиепископу Новгородскому, что собирается построить протестантскую часовню в новом Зимнем дворце. Когда архиепископ начал протестовать, Петр закричал, что епископ – старый дурак и что религия, которая была достаточно хороша для короля Пруссии, подойдет и для России.

Перемена обрядов и обычаев православной церкви требовала значительных усилий, к тому же духовенство и миллионы верующих создавали достаточно эффективную оппозицию. Армия, еще один столп государственности и власти в России, столкнулась с другими проблемами. Петр считал себя солдатом и был глубоко уверен в необходимости преданной, эффективной армии. Однако с первого же дня своего пребывания на троне Петр умудрился нанести оскорбление институту, который больше всего нуждался в поддержке. Он решил реорганизовать русскую армию по прусской модели. Реформы носили глобальный характер. Униформа, дисциплина, муштра, военная тактика, даже командование – все должно было измениться по прусскому образцу. Петр любил аккуратность и отличался щеголеватостью, он хотел, чтобы его солдаты носили облегающую германскую форму. Петр упразднил длинные, свободные мундиры русских солдат, которые были очень полезны во время холодной северной зимы, и заменил их на более тонкую, легкую и облегающую немецкую форму. В скором времени одетых в новую форму и напудренных солдат Российской императорской гвардии трудно было узнать. Русские офицеры должны были появляться в новой форме, украшенной погонами и золотыми аксельбантами. Сам Петр начал носить синюю форму прусского полковника. В начале своего правления ему приходилось надевать широкую голубую ленту российского ордена Святого Андрея, теперь же он заменил ее прусским орденом Черного Орла. Он часто надевал кольцо с миниатюрным портретом короля Фридриха, которое, по его словам, было для него самым дорогим предметом.

Петр никогда не участвовал в боевых действиях, и ему даже не случалось находиться вблизи поля боя, однако он являлся

отличным инструктором по строевой подготовке и на плацу заставлял русских солдат часами выполнять упражнения прусской муштры, подкрепляя свои команды ударами тростью. Ни один офицер не мог пропустить строевую подготовку. Грузные, солидные генералы должны были находиться во главе своих полков и выполнять все упражнения на разбитых подагрой, негнущихся ногах.

Некоторые генералы, желая развеселить императора, старались выполнять прусские упражнения как заправские шуты. Однако приказ обрядить солдат в германскую форму и обучение их прусской муштре было только началом. Петр заменил личную охрану государя, которую набирали из солдат Преображенского полка – первого военного полка, созданного еще Петром Великим, почетным полковником которого был Петр III, – на полк гольштейнских кирасиров, переименованный Петром в Охрану императорского дома. Этот поступок вызвал волну возмущения среди гвардии и всей армии. Петр заявил, что собирается распустить и упразднить полки Российской императорской гвардии и распределить солдат среди регулярных войск. Кульминацией среди оскорблений, нанесенных российским военным, стало назначение дяди Петра, принца Георга Людвига Гольштейнского, человека, не имевшего военного опыта, главнокомандующим Российской армией.

В декабре 1761 года, когда Петр был провозглашен российским императором, положение Фридриха Прусского было весьма шатким. Почти треть его владений находилась в руках врагов. Русские оккупировали Восточную Пруссию и часть Померании; австрийцы вернули себе почти всю Силезию; Берлин – столица Пруссии – был разграблен и лежал в руинах. Армия Фридриха теперь по большей части состояла из молодых рекрутов, а сам король напоминал «обезумевшее пугало». Чтобы избавить себя от такого врага, как Россия, он был готов подписать с ней мирный договор, на время пожертвовав Восточную Пруссию. Как раз в это время умирает императрица Елизавета, и на трон восходит Петр. Когда Фридрих узнал, что новый император приказал прекратить военные действия, он ответил тем, что велел немедленно освободить всех русских пленных и отправил двадцатишестилетнего офицера, барона Бернарда фон Гольтца, в Санкт-Петербург для того, чтобы начать мирные переговоры. Между тем интересы Пруссии отстаивал английский посол сэр Роберт Кейт, который, следуя традиции сэра Чарльза Хэнбери-Уильямса, посылал депеши с информацией о военных действиях Фридриху в Берлин. Теперь, когда на троне оказался

Петр, влияние Кейта достигло своего пика. Австрийский посол граф Мерси называл его «главным инструментом прусской партии. Не проходило и дня, чтобы император не виделся с мистером Кейтом, не посылал ему фруктов или не оказывал другие знаки внимания». В депешах Кейта также содержалась информация о том, насколько он был приближен к императору. Уже через три дня после восхождения Петра на престол Кейт информировал Лондон, что «во время обеда Его Императорское Величество, всегда относившийся ко мне с большой любезностью, подошел и, улыбаясь, прошептал мне на ухо, что, он надеется, я буду доволен его поступком, потому что предыдущим вечером он послал гонцов во все войска армии с приказом не продвигаться дальше на территорию Пруссии и прекратить все враждебные действия». Три недели спустя, когда Кейт ужинал с императором в покоях Елизаветы Воронцовой, Петр сказал ему, что желает как можно скорее уладить дела с королем Пруссии и что он «собирался освободиться ото всех обязательств перед Венским двором».

23 февраля граф Мерси присутствовал на банкете, который устраивал канцлер Воронцов для императора и всех иностранных посланников. В зале собралось триста человек. Мерси обратил внимание на то, что Петр был встревожен. В девять часов все уселись за столы. Во время трапезы, которая длилась четыре часа, Петр выпил бургундского, пришел в волнение и во весь голос предложил тост за короля Пруссии. В два часа ночи, когда гости встали из-за столов, принесли корзины с глиняными трубками, и мужчины стали курить. Петр ходил по залу с трубкой в руке и разговаривал с новым французским послом, бароном де Бретёлем. «Мы должны заключить мир, – сказал он. – Я уже объявил об этом со своей стороны».

«Мы, государь, поступим так же, – ответил посол, а затем добавил: – с почтением и в согласии с нашими союзниками».

Лицо Петра помрачнело.

«Как вам будет угодно, – сказал он. – Что касается меня, то я уже заявил об этом. Вы можете поступать, как хотите. Я солдат и не привык бросать слова на ветер».

«Государь, – заметил Бретёль, – я доложу своему королю о том заявлении, которое вы только соблаговолили сделать».

Петр повернулся и вышел. На следующий день послам Австрии и Франции, союзников России, был передан официальный документ, в котором их уведомляли, что продолжавшаяся шесть лет война нанесла всем серьезный ущерб. Теперь новый российский император стремился уничтожить это великое зло, поэтому решил объявить всем союзникам России,

что, желая восстановить благословенный мир в его империи и во всей Европе, он был готов принести в жертву завоевания Российской армии. Он считал, что союзные государства также предпочтут реставрацию мирового равновесия и согласятся с ним. Прочитав эту декларацию, граф Мерси объявил канцлеру Воронцову, что находит ее дерзкой и невразумительной. В своем письме венскому двору он описал ее как пагубную попытку уйти от исполнения обязанностей по законному договору и как предлог, чтобы спасти короля Пруссии от грозящего ему политического уничтожения.

Для Мерси и Австрии самое худшее было еще впереди. Объявление мира, предложенное Петром, стало лишь прелюдией к подписанию официального договора о союзничестве между Россией и Пруссией. 3 марта прусский посланник, молодой барон фон Гольтц, прибыл в Санкт-Петербург, где Петр принял его с большим воодушевлением. Гольтц не успел толком поздравить нового монарха с восхождением на престол, как Петр буквально обрушил на него поток горячих слов восхищения в адрес короля Пруссии. Он прошептал, что очень хотел бы переговорить с ним с глазу на глаз. Сразу же после аудиенции Петр взял своего нового друга под руку и повел на обед, продолжая без умолку говорить о прусской армии и поразив Гольтца тем, что знал имена почти всех старших офицеров прусских полков. Гольтцу выделили особняк, и Петр навещал его два раза в день. В течение недели Гольтц полностью затмил своего английского коллегу Кейта, и до конца правления Петра Пруссия оказывала наибольшее влияние на российскую политику.

Задача Гольтца заключалась в том, чтобы ускорить окончание войны и отделить Россию от ее союзников. Ради достижения этой цели он сообщил Петру, что Фридрих готов временно уступить Восточную Пруссию. Петру этого не требовалось. Напротив, он был готов принести в жертву что угодно, лишь бы сделать приятное Фридриху. Он позволил Фридриху назначать условия. Когда король прислал в Санкт-Петербург черновик договора о заключении мира между Пруссией и Россией, он не прошел традиционную процедуру одобрения, не был дан на рассмотрение или хотя бы показан канцлеру Воронцову. Вместо этого Гольтц просто зачитал его Петру в приватной обстановке без свидетелей, и 24 апреля Петр подписал его, не высказав никаких комментариев, а затем отправил Воронцову на подтверждение. Вот так, росчерком пера на секретном договоре новый император не только вернул Пруссии все территории, отвоеванные Россией в течение пяти лет, но также заключил с Пруссией соглашение о «вечном» союзничестве.

Через шесть дней после подписания император праздновал заключение мира на банкете, где все гости были рассажены в соответствии с чином – этот распорядок впервые использовался в его правлении. Кроме того, Петр и его канцлер Воронцов надели прусский орден Черного Орла. Банкет продолжался четыре часа, за это время было произнесено четыре тоста: за мир с Пруссией, тост с личным поздравлением Фридриха II, тост по поводу заключения бессрочного мира между двумя державами и тост за «честь всех доблестных офицеров и солдат прусской армии». Каждый тост сопровождался тройным оружейным залпом в Петропавловской крепости, а также залпом из пятидесяти пушек, установленных на площади около дворца. Не было никаких упоминаний о достижениях, храбрости и потерях русской армии и, по словам графа Мерси: «в ход были пущены все средства, чтобы оскорбить и унизить своего давнего союзника, Австрию».

Сенсационный военно-политический кульбит потряс европейские державы. Когда правительство Марии Терезии в Вене узнало о том, что русский император готов пожертвовать всеми своими завоеваниями «в интересах мира», ответ был сдержанным – Австрия хотела узнать детали того, как это будет достигнуто. Российское объяснение доставили в апреле, ответ оказался вычурным и напыщенным. В нем объявлялось, что ради достижения мира одна из воюющих сторон должна сделать шаг навстречу как защитник и посредник в установлении мира. Россия выбрала себе эту роль «из сочувствия к страдающему человечеству и по причине личной дружбы с королем Пруссии. Австрийскому двору предлагается последовать этому примеру». Для Вены это сообщение таило в себе угрозу. И она стала реальностью, когда Петр подписал договор о союзничестве с Фридрихом. Петр объяснил это тем, что, поскольку его добрые чиновники оказались совершенно бесполезными, ему пришлось пойти на крайние меры и помочь королю Пруссии и его армии, так как это был самый быстрый способ восстановить гуманизм в этом благословенном мире. Он приказал Захару Чернышеву, командующему российским корпусом, объединившемуся с австрийской армией в Силезии (и страстному поклоннику Екатерины четырнадцать лет тому назад) присоединиться к прусской армии вместе со своей пехотой численностью в шестнадцать тысяч солдат и тысячью казаков, чтобы воевать против Австрии. После подобного предательства и краха всех многолетних дипломатических стараний в России граф Мерси попросил перевести его в Вену и рекомендовал поставить на его

место какого-нибудь малоизвестного и ничем не выдающегося дипломата.

Поскольку Россия нарушила все свои обязательства и перешла на сторону противника, у Франции и Австрии не оставалось другого выхода, кроме как вступить в переговоры с Пруссией. Франция была оскорблена. Герцог де Шуазель, министр иностранных дел короля Людовика XV, сказал русскому послу: «Сударь, необходимость выполнять данные обязательства должна перевесить все прочие доводы». Людовик же заявил, что хоть он и готов прислушаться к предложениям и заключить продолжительный и честный мир, однако должен действовать в полном согласии со своими союзниками и сочтет себя предателем, если вступит в какие-нибудь тайные переговоры и запятнает честь Франции, оставив своих союзников. В результате дипломатические отношения с Францией были разорваны, и оба посла – в Санкт-Петербурге и в Париже – отозваны.

Петр оскорблял и открыто провоцировал православную церковь, разозлил и настроил против себя армию, предал своих союзников. Тем не менее для эффективного противостояния императору требовался особый повод, который помог бы сплотить силы. Петр сам представил его, решив ввязаться в новую бессмысленную войну – против Дании.

Как герцог Гольштейнский Петр затаил обиду на датского монарха. В 1721 году маленькая провинция Шлезвиг, в то время наследственные земли, принадлежавшие герцогам Гольштейна, была захвачена и отдана Дании Англией, Францией, Австрией и Швецией. Едва Петр оказался на российском престоле, он продолжил настаивать на своем «праве». Уже 1 марта, еще до заключения мира с Пруссией, он потребовал у Дании сообщить ему, не собираются ли они удовлетворить его притязания на Шлезвиг. Он заявил, что в противном случае будет вынужден пойти на крайние меры. Датчане предложили провести конференцию, а английский посол рекомендовал принять участие в переговорах. Да и зачем могущественному императору России затевать войну с Данией из-за нескольких деревень? Но вскоре стало ясно, что в отношении Гольштейна Петр имел свою, особую точку зрения, и даже советы его нового союзника, Фридриха Прусского, не могли удержать его. До сих пор Петр был уступчив и послушен Пруссии, но теперь даже упрямые немцы увидели, насколько он оказался непреклонен. Наконец, 3 июля Петр согласился на конференцию в Берлине, которая была организована Фридрихом, однако настаивал на том, что к предложению России стоило относиться как к ультиматуму

Дании и его отрицание означало войну. Желание восстановить очевидную несправедливость по отношению к своему герцогству было лишь одним из мотивов для начала войны. Имелась у Петра и еще одна причина. Идеализируя прусского воина-короля, хвастаясь, что он побеждал «цыган» еще ребенком в Киле, заставляя маршировать оловянных солдатиков у себя на столе в одной из комнат дворца и отдавая приказы настоящим солдатам на плацу во время парадов, Петр мечтал стать героем настоящей битвы. Он только что объявил своим союзникам и всей Европе о том, что страстно желает мира, теперь же он собирался напасть на Данию. Русская армия, лишенная с таким трудом добытой победы над Пруссией, теперь узнала, что ей предстояло пролить свою кровь в новой кампании, которая не имела ничего общего с интересами России.

Не в силах отговорить Петра от участия в новой войне так скоро после своего восхождения на трон, Фридрих II убеждал своего поклонника принять меры предосторожности перед отъездом из России. «Если честно, то я не доверяю вашим русским, – писал он Петру. – Что, если в ваше отсутствие будет организован заговор с целью свергнуть вас с трона, Ваше Величество?» Он посоветовал Петру, чтобы его короновали и миропомазали в Москве перед отъездом, а после изолировать всех ненадежных людей в Санкт-Петербурге и оставить их под охраной верных гольштейнцев. Петр не прислушался к его советам, он не видел в этом необходимости. «Если бы русские хотели причинить мне вред, – писал он Фридриху, – они бы сделали это давно, ведь я без страха спокойно расхаживаю по городу пешком. Могу заверить вас, Ваше Величество, что русских можно совершенно не бояться, если знать, как обращаться с ними».

Русская армия, состоявшая из сорока тысяч бывалых солдат, уже собралась в оккупированной Пруссией Померании, и Петр велел, не дожидаясь его приезда, выступать. Датчане тут же отреагировали на этот бросок и встретили русских в Мекленбурге. Затем, к сильному удивлению датского командования, русские начали отступать.

Эта головоломка разрешилась через несколько дней. В Санкт-Петербурге произошел дворцовый переворот: Петр III оказался свергнут, отрекся от престола и был заточен в тюрьму. Жена Петра, которую теперь величали Екатериной II, была объявлена императрицей России.

43
«Дура!»

Никому доподлинно не известно, когда у Екатерины созрел замысел свергнуть Петра с трона. Как супруга Петра она стала императрицей России. Однако в политическом смысле это ей мало что принесло – с самого начала правления мужа она подвергалась постоянным унижениям и изоляции. «Судя по всему, с мнением императрицы никто особенно не считается, – сообщал в Лондон посол Кейт, добавляя, что он и его коллеги-дипломаты, – считаем, что обращаясь прямо и непосредственно к императрице вряд ли можно чего-то добиться». Бретёль, французский посол, писал: «Императрица была оставлена наедине со своим горем и дурными предчувствиями. Люди близкие к ней говорили, что едва узнавали ее теперь».

Положение Екатерины оказалось особенно деликатным, поскольку она была беременна. Сильно ограниченная в своих передвижениях, она практически не имела возможности руководить или даже вдохновлять сторонников на свержение своего мужа. Чем тщательнее она изучала свое положение, тем яснее осознавала опасность, а потому пришла к выводу, что лучше всего будет полностью отойти от жизни при дворе и просто ждать и наблюдать за тем, как Петр пытается играть роль императора. Екатерина не отказалась от своих устремлений, однако считала, что нужно проявить терпение.

Как она и предполагала, ошибки Петра, а также оскорбления, которые он наносил окружающим, сделали ее еще более популярной. 21 февраля, в день рождения Петра, Екатерину заставили приколоть ленту ордена Святой Екатерины на платье Елизаветы Воронцовой – честь, которая прежде оказывалась лишь императрице и великой княгине. Все понимали, это было сделано с намерением публично оскорбить Екатерину, и поступок Петра вызвал еще больше сочувствия к ней. Бретёль, французский посол, писал: «Императрица сносила выходки императора и высокомерие Воронцовой с честью». Месяц спустя в своем отчете он сообщил, что она «с мужеством встречала все невзгоды, ее любили и уважали примерно так же, как ненавидели и презирали императора». Одним из фактов, говоривших в пользу Екатерины, был выбор императором любовницы, которая теперь преподносилась в качестве будущей императрицы, двор и иностранные послы рассматривали это как фарс. Бретёль писал, что у Елизаветы Воронцовой были «манеры и внешность

трактирной девицы». Другие отмечали, что у нее было «широкое, одутловатое, рябое лицо и толстая, квадратная, бесформенная фигура». В третьем отчете говорилось, что «она была безобразна, глупа и вульгарна». Никто не мог понять, что в ней привлекало императора.

В своих апартаментах, вдали от чужих глаз 11 апреля на свет появился третий ребенок Екатерины, сын Григория Орлова. Роды прошли втайне ото всех. Названный Алексеем Григорьевичем и позже получивший титул графа Бобринского, младенец был завернут в мягкую шкуру бобра и вынесен из дворца. Его поручили заботам жены Василия Шкурина – верного камердинера Екатерины. Сам Шкурин следил за тем, чтобы роды прошли втайне, и никто не узнал о них. Зная, что император любит смотреть на пожары, Шкурин подождал, пока схватки у Екатерины не стали особенно сильными, а затем устроил пожар у себя дома, полагая, что Петр и многие придворные поспешат туда. Его расчет оправдался – огонь перекинулся на крыши других домов, и Екатерина осталась наедине с повивальной бабкой и вскоре родила. Она быстро оправилась после родов. Десять дней спустя, пышущая здоровьем, она принимала высокопоставленных гостей, которые пришли почтить ее по случаю тридцатитрехлетия. Освободившись от беременности, которая ограничивала ее возможности, она стала появляться на людях и свободно общаться, в беседе с австрийским послом графом Мерси она заявила, что до глубины души возмущена новым договором, который ее муж заключил с их общим злейшим врагом Пруссией.

В течение мая напряжение в Санкт-Петербурге нарастало. Подготовка к датской кампании Петра шла полным ходом, и некоторые войска уже подошли к Нарве – это был первый этап в продвижении к полю боя. С каждым шагом по направлению к этой нежеланной войне возмущение военных лишь усиливалось. Гвардейские полки, офицеры и солдаты, раздраженные возрастающим влиянием Пруссии на их жизнь, были возмущены перспективой дальней, бессмысленной кампании против Дании. Петр не обращал на эти протестные настроения никакого внимания.

К концу апреля всем стало известно о том, что отношения между Петром и Екатериной окончательно испортились. Петр устроил придворный банкет по случаю заключения союза с Пруссией. В зале присутствовало четыреста гостей. Император, одетый в синий прусский мундир с прусским орденом Черного

Орла на оранжевой ленте, повязанной у него на шее, сидел во главе стола. Прусский посол находился справа от него, Екатерина разместилась в отдалении. Петр начал с трех тостов. Первый был за здоровье императорской семьи, гости отодвинули стулья, встали и выпили. Екатерина продолжала сидеть. Когда она поставила на стол стакан, Петр покраснел от гнева и послал своего адъютанта узнать у нее, почему она не встала. Екатерина велела передать ему, что поскольку императорская семья состоит только из ее мужа, ее сына и ее самой, она не думала, что ее муж сочтет необходимым, чтобы она вставала. Адъютант вернулся к Петру, а затем снова подошел к Екатерине и сказал, что император считает ее глупой, так как она должна знать, что оба дяди императора – принцы Гольштейна, – присутствуют на обеде и также являются членами императорской семьи. Затем, опасаясь, что посыльный может смягчить его ответ, Петр встал и выкрикнул одно слово – «Дура!» Это оскорбление эхом отозвалось в зале, а Екатерина заплакала. Придя в себя, она повернулась к сидевшему рядом с ней графу Шувалову и попросила его рассказать какую-нибудь смешную историю.

Петр всем ясно дал понять, что не только испытывал к Екатерине презрение, но и едва ли теперь признавал ее как свою жену. Тем же вечером, сильно напившись, он приказал арестовать Екатерину и отправить ее в крепость Шлиссельбург. Этот приказ был отменен благодаря тому, что за Екатерину вступился ее дядя, принц Георг Гольштейнский – новый главнокомандующий русской армией[6]. Став императором, Петр пригласил в Россию своего гольштейнского кузена и поручил ему командовать армией во время датской кампании. Георг, уже получивший к тому времени эту должность, заметил, что арест императрицы может вызвать серьезное недовольство в армии. Петр пошел на попятную и отменил приказ, но данный эпизод стал для Екатерины серьезным предостережением. «Именно тогда, – писала она Понятовскому, – я стала прислушиваться к предложениям [свергнуть Петра], которые поступали ко мне после смерти императрицы». Разумеется, на самом деле она стала прислушиваться к ним намного раньше.

Эпизод, во время которого император публично назвал ее дурой, привлек к Екатерине всеобщее внимание. Внешне она сносила публичное унижение с достоинством и покорностью. Но на самом деле Екатерина не готова была смириться с подобным обращением. Она понимала, враждебное отношение Петра было продиктовано его намерением расторгнуть их брак и устранить ее из общественной жизни. Однако ее позиция была довольно сильной. Она была матерью наследника, все знали об ее уме,

эрудированности, мужестве и патриотизме. И пока Петр совершал один грубый промах за другим, ее популярность только росла. Приближалась минута, когда стало необходимо действовать.

12 июня Петр покинул Санкт-Петербург и отправился в Ораниенбаум, чтобы провести там учения со своими четырнадцатью сотнями солдат, прежде чем отправить их на войну. До него дошли слухи о том, что в столице было неспокойно, но он не стал предпринимать каких-либо мер и лишь приказал Екатерине покинуть город. Он велел ей ехать не в Ораниенбаум, где она проводила лето шестнадцать раз (теперь в Ораниенбауме царила Воронцова, которая уже считала себя будущей императрицей), а в Петергоф, находившийся в шести милях от Ораниенбаума. Екатерина отправилась в Петергоф 17 июня. Она предусмотрительно оставила Павла в столице вместе с Паниным. Между тем братья Орловы активно общались с гвардейцами, раздавали деньги и угощали вином солдат в казармах – и все эти добрые дела совершались во имя Екатерины.

Панин, Орловы и Дашкова понимали, что кризис близок. Панин был готов во всем поддерживать Екатерину. Да разве могли сложиться доверительные отношения между ветреным, болтливым монархом, который пытался играть роль солдата и предпочитал выражаться языком казарм, и прекрасно образованным государственным деятелем, элегантным, от природы сдержанным, обладавшим утонченным вкусом, проведшим свою жизнь при дворах разных государств и привыкшим носить напудренные парики и украшенные богатой вышивкой камзолы? И дело касалось не только внешних различий. Петр в открытую говорил о своем намерении отправить Панина обратно в Швецию, где он в качестве российского посла должен был защищать интересы Фридриха Прусского, что полностью противоречило политическим взглядам самого Панина. Этот осторожный дипломат никогда не желал играть одну из главных ролей в государственном перевороте, но теперь Панин стал не только наставником сына Екатерины и будущего наследника, но и ее главным советником в критические моменты жизни. Он прекрасно подходил для этой роли.

К лагерю императрицы присоединился еще один участник – Кирилл Разумовский, который двенадцать лет назад каждый день проезжал по сорок миль лишь для того, чтобы увидеть Екатерину. Хорошо образованный и обходительный, этот человек сумел расположить к себе многих при дворе и ненавидел режим Петра III. За прошедшие годы Разумовский располнел и знал, как нелепо он теперь выглядел в обтягивающей прусской форме, а его неуклюжесть во время строевых учений забавляла императора и

служила основанием для оскорблений. Когда Петр похвастался перед ним, что король Фридрих сделал его полковником прусской армии, Разумовский язвительно заметил: «Ваше Величество, вы можете отомстить, сделав его фельдмаршалом русской армии». Разумовский уже связал свою судьбу с Екатериной и был готов оказать ей серьезную поддержку. Он был гетманом запорожских казаков, полковником Измайловского полка и президентом Российской академии наук. В критический момент Разумовский велел директору академической типографии втайне напечатать тираж манифеста, написанного Паниным и утвержденного Екатериной, в котором объявлялось, что Петр III отрекся от престола, и на трон возведена Екатерина. Напуганный директор стал возражать, заявив, что этот шаг опасен и преждевременен. Разумовский смерил его долгим взглядом. «Вы уже достаточно знаете, – заявил он. – Теперь ваша голова, как и моя, в опасности. Делайте, что вам велят».

Однако столь серьезный шаг нельзя было предпринять без участия гвардии. По счастливой случайности Григорий Орлов был назначен казначеем гвардейской артиллерии, что обеспечило ему доступ к значительным средствам, на которые он покупал вино для солдат. К концу июня вместе с братьями он заручился поддержкой пятидесяти офицеров и предположительно нескольких тысяч рядовых солдат. Одним из самых его горячих сторонников среди офицеров стал капитан Пасек из Преображенского полка.

Таким образом, пока Петр готовился в Ораниенбауме к своей военной кампании против Дании, заговорщики планировали свой заговор против него. Сначала они собирались схватить Петра в его в покоях во дворце и объявить неспособным управлять страной, как в свое время императрица Елизавета поступила с Иваном VI и его матерью – двадцать один год назад она захватила их, пока те спали. Отъезд Петра в Ораниенбаум, где его окружали сотни преданных гольштейнских солдат, нарушил этот план. Тогда было решено воспользоваться предложением Панина арестовать Петра, когда он вернется в столицу, чтобы наблюдать за отбытием гвардейских полков в поход против Дании. Гвардейцы все еще находились в столице и были заранее подготовлены Орловыми – они должны были низвергнуть Петра и принести клятву верности Екатерине.

7 июня члены императорского окружения были предупреждены о том, что они должны подготовиться в течение десяти дней. Преображенскому полку было приказано отбыть в Германию 7 июля. Иностранные послы были уведомлены о том, что император, покидая столицу и отправляясь командовать

своими армиями, пожелал, чтобы все иностранные послы сопровождали его. Однако австрийский посол граф Мерси уже уехал в Вену; французский посол Бретёль спешно отбыл в Париж; изо всех видных иностранных дипломатов только английский посол Кейт собирал чемоданы, чтобы отбыть вместе с императором. Русская морская эскадра в Кронштадте получила распоряжение приготовиться к отплытию. Однако адмирал с сожалением сообщил, что многие матросы оказались больны; Петр ответил тем, что издал указ, согласно которому матросы должны были «немедленно выздороветь».

Атмосфера в Ораниенбауме оставалась на удивление мирной. Казалось, Петр даже не хотел уезжать. 19 июня была дана опера, во время которой Петр играл на скрипке в придворном оркестре. Екатерина была среди приглашенных и приехала из Петергофа. В тот вечер муж и жена в последний раз видели друг друга.

Вечером 27 июня один из заговорщиков, гвардейский капитан Пасек, встретил солдата, который спросил его, правдивы ли слухи о том, что императрицу арестовали, а заговор открылся. Пасек отмахнулся от этой истории, после чего солдат обратился к другому офицеру, которому не было известно о заговоре, и повторил свой вопрос, а также рассказал о реакции Пасека. Офицер тут же арестовал солдата и сообщил о случившемся своему начальству. После этого старший офицер арестовал капитана Пасека и послал рапорт императору в Ораниенбаум. Петр не принял предупреждения всерьез. Он считал, что присутствие в Ораниенбауме главных лиц государства со своими женами гарантировало спокойствие в столице. Он отказывался верить в то, что русские могут предпочесть его Екатерине в качестве правителя. Затем ему принесли второй рапорт о растущем беспокойстве в Санкт-Петербурге. Петр, который в тот момент играл на скрипке и был возмущен тем, что его прервали, приказал положить бумагу на небольшой столик подле него, чтобы потом прочитать ее. Но забыл сделать это.

В столице новость об аресте Пасека встревожила заговорщиков. Григорий Орлов поспешил к Панину, чтобы обсудить с ним, что делать дальше, там он застал княгиню Дашкову. Панин признавал вероятность того, что Пасека могут подвергнуть пыткам, и заговорщики могут быть уверены в своей свободе лишь в течение нескольких часов. Они должны были действовать быстро. Екатерине необходимо было вернуться в столицу и объявить себя императрицей, не дожидаясь ареста и свержения императора. Панин, Дашкова и Орлов решили отправить Алексея Орлова, брата Григория, в Петергоф с тем,

чтобы он привез Екатерину в город. Остальные братья разъехались по казармам гвардейских полков, чтобы разнести весть о том, что жизнь императрицы в опасности, и подготовить солдат поддержать ее. Григорий отправился в казармы Измайловского полка, находившиеся на окраине города рядом с западной дорогой, ведущей к Петергофу и Ораниенбауму. Это был самый первый полк, до которого должна была доехать Екатерина на пути из Петергофа. Алексей Орлов, прибыв на встречу и узнав о случившемся, немедленно вышел на улицу и взял обычного извозчика. В бедном обтрепанном экипаже он направился по освещенной серебристым лунным светом дороге к Петергофу, который находился в двадцати милях от города.

Следующим утром, в пятницу 28 июня, Екатерина еще спала в маленьком павильоне Петра Великого Монплезир, располагавшемся в саду Петергофа. Это маленькое здание, построенное в голландском стиле, находилось на узкой террасе, вдававшейся в Финский залив.

В пять часов утра горничная разбудила императрицу. В следующее мгновение Алексей Орлов, только что прибывший из Санкт-Петербурга, тихо вошел в комнату и прошептал: «Матушка, вставайте! Время пришло! Вы должны собраться и ехать со мной! Все готово, чтобы объявить вас императрицей!»

Удивленная Екатерина села в кровати.

«Что вы имеете в виду?» – спросила она.

«Пасек арестован», – объяснил Орлов. Императрица молча поднялась и надела простое черное платье. Она не стала укладывать волосы и припудривать лицо, а сразу же вышла из дома вместе с Орловым и через сад направилась к дороге, где их поджидал экипаж. Екатерина села в него вместе с горничной и слугой Шкуриным, а Орлов устроился на козлах рядом с кучером. Они поехали назад в столицу, находившуюся в двадцати милях от Петергофа, но обе лошади, которые уже проделали этот путь из столицы, сильно устали. К счастью, на дороге появилась телега, запряженная двумя деревенскими лошадьми. С помощью денег и слов крестьянина убедили обменять его лошадей на двух уставших городских, и в таком, почти деревенском стиле, будущая императрица отправилась навстречу своей судьбе. На полпути в город они встретили парикмахера Екатерины, который направлялся в Петергоф, чтобы уложить волосы императрице. Императрица велела ему возвращаться, сказав, что в этот день ей не понадобятся его услуги. Затем около столицы они повстречали еще один экипаж, в котором находились Григорий Орлов и князь Барятинский, ехавшие им навстречу. Григорий усадил Екатерину

и Алексея в свою карету и направил ее к казармам Измайловского полка.

Было девять утра, когда они въехали в казарменный двор. Григорий выскочил из кареты и побежал объявить о прибытии Екатерины. Барабанщик, спотыкаясь, выскочил из дверей, а за ним последовали с дюжину солдат: некоторые из них были полураздетыми, другие – на ходу застегивали портупею. Они тесным кольцом окружили Екатерину, целовали ей руки, ноги и подол ее черного платья. Когда вокруг собралась большая толпа солдат, Екатерина сказала, что ее жизни и жизни ее сына угрожал император, но она делает все это не ради себя, а ради любимой страны и святой православной веры, поэтому вынуждена обратиться к ним за защитой. Ее слова приняли с энтузиазмом. Кирилл Разумовский, пользовавшийся популярностью среди солдат и поддерживавший Екатерину, прибыл на место, опустился на колени и поцеловал Екатерине руку. Служивший в полку священник, держа над ним крест, руководил церемонией принесения клятвы «Екатерине II, царице русской». Это было лишь начало.

Солдаты Измайловского полка, во главе которых ехал Разумовский, державший в руках обнаженную шпагу, сопроводили Екатерину до находившихся неподалеку казарм Семеновского полка. Гвардейцы Семеновского полка выскочили навстречу Екатерине и принесли ей клятву верности. Она решила немедленно вступить в город. Следуя за военными и обычными священниками и сопровождаемая толпой воодушевленных гвардейцев, Екатерина подъехала к собору Казанской Божьей Матери на Невском проспекте. Там в окружении братьев Орловых и Разумовского она встала перед иконостасом, и архиепископ Новгородский торжественно провозгласил ее государыней Екатериной II, а ее сына Павла – наследником трона.

В окружении ликующей толпы под колокольный звон, разносившийся по всему городу, императрица пошла по Невскому проспекту к Зимнему дворцу. Там она столкнулась с препятствием. В Преображенском гвардейском полку не было полного единодушия. Большинство солдат симпатизировали Екатерине, но некоторые офицеры, приносившие клятву императору, оказались не готовы нарушить ее. После споров между собой солдаты надели портупеи, засунули за пояс мушкеты, сняли облегающие прусские мундиры и надели свои старые, бутылочно-зеленого цвета, которые смогли отыскать. Затем, напоминая скорее толпу, чем военное подразделение, они поспешили в Зимний дворец, который уже был окружен гвардейцами Измайловского и Семеновского полков.

Преображенцы крикнули Екатерине: «Прости нас, матушка, что мы явились последними. Наши офицеры удерживали нас, и чтобы доказать нашу доблесть, нам пришлось арестовать четверых из них. Мы желаем того же, что и наши братья». Императрица ответила кивком головы, улыбнулась и отправила архиепископа принимать присягу у вновь прибывших.

Вскоре после того как императрица вступила в Зимний дворец, появились пожилой мужчина и мальчик, все еще одетые в ночные сорочки. Это был Панин, державший за руку Павла. На балконе дворца Екатерина продемонстрировала народу своего восьмилетнего сына как наследника престола. В этот момент Панин уже не питал надежд, что Екатерина будет регентом мальчика-императора; теперь она являлась помазанницей Божьей, полновластной государыней. Вскоре на место прибыли и другие действующие лица. Княгиня Дашкова в то утро находилась у себя дома, когда узнала о том, что Екатерина с триумфом вернулась в город. Она немедля поспешила присоединиться к своему кумиру, однако ей пришлось выйти из кареты, поскольку собравшаяся на Невском толпа перекрыла движение. Протискиваясь сквозь народ, она пробралась через Дворцовую площадь. Во дворце солдаты полка ее мужа узнали княгиню, ее хрупкую фигурку подняли над головами гвардейцев и передавали из рук в руки, поднимая наверх великолепной лестницы Растрелли из белого мрамора. Наконец, она упала к ногам Екатерины со словами: «Слава небесам!»

Во дворце члены Сената и Священного Синода готовились приветствовать новую императрицу и выслушать ее первый имперский манифест. Было объявлено, что на переворот Екатерину подвигла угроза, нависшая над Россией и православной верой, что она хотела спасти Россию от позорного влияния иностранных держав и при поддержке божественного Провидения согласилась выполнить волю своих преданных подданных и взойти на трон.

К вечеру Екатерина практически полностью подчинила себе столицу. Она была уверена в гвардии, Сенате и Священном Синоде, а также в народе, который вышел на улицу. В городе царило спокойствие, не было пролито ни капли крови. Но Екатерина прекрасно понимала, что хотя она и стала хозяйкой в Санкт-Петербурге и ее признали народ, политические деятели, а также представители церкви, Петру об этом еще ничего не было известно. Он все еще считал себя императором. Возможно, он по-прежнему верил в лояльность немецкой армии и флота в Кронштадте. Гольштейнские солдаты, находившиеся теперь в Ораниенбауме, наверняка поддержали бы своего повелителя.

Чтобы утвердиться в своей победе, Екатерина должна была изолировать Петра и заставить его отречься. Гольштейнцев необходимо было разоружить, а флот и всех русских солдат, находившихся рядом со столицей, убедить присоединиться к ней. Ключом к успеху был Петр – он оставался на свободе, все еще не отрекся, а значит, и не был свержен. Если бы он смог объединиться с русской армии в Германии и призвать в качестве поддержки короля Пруссии, то гражданская война оказалась бы неизбежной. Поэтому его нужно было найти, задержать и убедить смириться со случившимся.

После безумного и триумфального дня Екатерина чувствовала себя обессиленной, но, движимая волнением и амбициями, она решила закончить начатое. Преданные ей гвардейские полки должны были отправиться в Ораниенбаум и арестовать Петра III. В тот момент Екатерина приняла еще одно драматичное решение – она будет руководить этим походом. Сначала она объявила себя полковником Преображенского полка – это являлось традиционной привилегией русского государя. Взяв у разных офицеров предметы униформы, она облачилась в нее, а на голову надела черную треуголку, украшенную дубовыми листьями. Но одной детали не хватало. Двадцатидвухлетний младший офицер кавалерии выехал из строя и передал императрице отсутствующую у нее портупею. Офицеры нахмурились столь дерзкому поступку, однако его гордая, уверенная манера держать себя понравилась императрице, которая приняла дар с улыбкой. Она спросила его имя – это был Григорий Потемкин. Екатерина не забудет его лицо, имя и поступок.

Было уже около десяти часов вечера. Екатерина села на белого жеребца, заняла место во главе трех гвардейских полков, конной гвардии и двух пехотных полков, выстроенных в линию, и повела четырнадцать тысяч военных из Санкт-Петербурга в Ораниенбаум. Это было весьма драматичное зрелище – худенькая фигура Екатерины, прекрасной наездницы, во главе длинной колонны марширующих мужчин. Рядом с ней ехал Кирилл Разумовский, полковник Семеновского полка, и княгиня Дашкова, также одетая в форму Преображенского полка, которую она взяла у одного из молодых офицеров. Это была минута ее славы, она находилась рядом со своей любимой императрицей и выглядела – по ее собственным словам – как «пятнадцатилетний мальчик». Тем вечером она чувствовала себя важным действующим лицом в большом приключении. В конечном счете именно ее самонадеянность стала причиной того, что она потеряла дружбу, которую так ценила, но в тот вечер ничто не

омрачало ее отношений с императрицей. Несмотря на энтузиазм, владевший заговорщиками при отбытии, все участники марша – императрица, княгиня, офицеры и солдаты – были утомлены. Когда колонна достигла деревянной избушки по дороге в Петергоф, Екатерина приказала остановиться. Солдаты напоили лошадей и разбили лагерь в открытом поле. Екатерина и Дашкова, обе в мундирах, легли в деревенском доме на одной узкой постели. Однако женщины были слишком взволнованы, чтобы уснуть.

Перед тем как покинуть Санкт-Петербург, Екатерина послала несколько писем. Одно из них – в островную крепость Кронштадт, где стояли корабли, с сообщением о своем восхождении на престол. Особый курьер отбыл в находившуюся в Померании армию, командующим которой являлся брат Никиты Панина – генерала Петр Панин. Еще один гонец отправился в Селезию к генералу Захару Чернышеву с приказом немедленно возвращаться вместе с армией в Россию. Если король Пруссии попытается этому помешать, Чернышев должен был «присоединиться к ближайшему корпусу Ее Императорского Величества Римской империи императрицы Австрии». Перед отъездом она также написала в Сенат: «Я отправляюсь вместе с армией, чтобы обеспечить безопасность трона, и вверяю заботам вашим как верховных государственных мужей, пользующихся моим полным доверием, родную землю, народ и моего сына».

Тем утром, 28 июня, когда Екатерина была провозглашена государыней Всея Руси в Казанском кафедральном соборе в Санкт-Петербурге, Петр III, одетый в синюю прусскую форму, муштровал своих гольштейнских солдат на плацу в Ораниенбауме. По завершении он велел подать шесть больших экипажей, которые должны были отвезти его и свиту в Петергоф, где, как он уже оповестил Екатерину, готовились отпраздновать его именины, день Петра и Павла. На императорском празднике должны были присутствовать Елизавета Воронцова, ее дядя, канцлер Михаил Воронцов, прусский посол барон фон Гольтц, граф Александр Шувалов, пожилой фельдмаршал граф Миних и старший сенатор князь Трубецкой. Многие из этих вельможных особ отправились в сопровождении жен. Кроме того, в свите находилось шестнадцать юных фрейлин, которым вменялось в обязанность прислуживать будущей императрице. Эта процессия выехала без обычного сопровождения гусар – Петр забыл отдать соответствующие распоряжения.

В приподнятом расположении духа компания прибыла

в Петергоф в два часа дня. Кареты остановились перед павильоном Монплезир, где их должна была ждать Екатерина, готовая поздравить супруга с именинами. Но двери и окна павильона оказались закрытыми, и никто не вышел, чтобы поприветствовать их. В павильоне не было никого, кроме перепуганных слуг, которые лишь сообщили, что императрица уехала рано утром, и никто не знал, куда она направилась. Отказываясь верить тому, что он увидел и услышал, Петр вошел в домик императора и стал бегать из комнаты в комнату, заглядывая под кровати, переворачивая матрасы, но нашел лишь парадное платье, которое Екатерина подготовила заранее и в котором собиралась присутствовать на празднике в честь именин Петра. Взбешенный тем, что Екатерина испортила ему праздник, он закричал на Воронцову: «Разве я не говорил тебе, она что-то замышляет?» После часа суматохи и смятения канцлер Михаил Воронцов вызвался съездить в Санкт-Петербург, куда, вероятно, уехала Екатерина, чтобы «серьезно поговорить с императрицей». Александр Шувалов и князь Трубецкой согласились сопровождать его. В шесть часов, когда они добрались до города, Екатерина все еще была там, и Воронцов предпринял попытку убедить ее сдаться на милость своего мужа и суверена. Екатерина приказала вывести его на дворцовый балкон и показать ликующую толпу внизу. «Передайте свое послание им, – велела она. – Они здесь командуют. Я лишь подчиняюсь». Воронцова отвели в дом, где тем же вечером он написал Екатерине, как «своей самой милостивой государыне, которую самое непостижимое Провидение возвело на императорский трон». Он попросил освободить его от всех чинов и должностей и разрешить ему провести остаток своих дней в уединении. Еще до наступления вечера Александр Шувалов поклялся в верности Екатерине.

В три часа дня после того, как эти эмиссары покинули Петергоф, Петр получил первую обрывочную информацию о произошедшем перевороте. Баржа, плывущая из города по заливу, привезла фейерверки, которые должны были использовать на праздновании его именин. Ответственный офицер, специалист по фейерверкам, сказал Петру, что в девять утра, когда он покидал столицу, на улицах и вокруг казарм царило смятение из-за слухов о том, что Екатерина прибыла в город, и некоторые полки объявили ее императрицей. Больше он ничего не знал, поскольку ему приказали доставить фейерверки в Петергоф, и он покинул город.

В тот день в Петергофе было тепло и солнечно, и некоторые придворные Петра расположились около фонтанов с их

прохладными струями или же гуляли в саду под безоблачным небом. Император же и его самые доверенные лица собрались у главного канала, где Петр, расхаживая, выслушивал их советы. В Ораниенбаум послали офицера с приказом расквартированному там гольштейнскому полку отправиться в Петергоф, где, как объявил Петр, он будет защищаться до смерти. Когда прибыли гольштейнские солдаты, их расположили на дороге в столицу, но, не зная о том, что им предстоит драться, они взяли с собой лишь свои деревянные винтовки для парадов. Еще одного офицера отправили в Кронштадт, находившийся в пяти милях у залива, и приказали трем тысячам человек островного гарнизона прибыть на корабле в Петергоф. Нашли форму Преображенского полка, чтобы Петр мог сменить на нее прусский мундир, который он носил. Старый Миних, пытаясь вселить в Петра немного мужества, стал уговаривать его надеть эту форму, поехать в столицу и напомнить народу и гвардии, что они приносили ему клятву верности. Гольтц дал другой совет: он порекомендовал отправиться в Нарву, находящуюся в семнадцати милях к западу, где собрались части армии, которые должны были отправиться на войну с Данией. Во главе этих войск Петр мог войти в Петербург и вернуть себе трон. Гольштейнцы, хорошо знавшие характер своего государя, прямо посоветовали ему бежать в Гольштейн, где он оказался бы в безопасности. Петр не предпринял ничего.

Между тем офицер, отправленный в Кронштадт, прибыл в крепость и обнаружил, что командование гарнизона ничего не знает о беспорядках в столице и о тревожных настроениях в Петергофе. Вскоре была доставлена еще одна депеша от Петра с приказом, отменявшим его прежнее распоряжение выслать три тысячи человек в Петергоф. Теперь он велел командованию острова охранять крепость Кронштадт во имя императора. Затем посланец вернулся в Петергоф и сообщил императору о том, что крепость принадлежит ему. Вскоре после этого адмирал Иван Талызин, командующий морским флотом России, который утром принес клятву Екатерине, прибыл в Кронштадт из Санкт-Петербурга и принял командование крепостью от имени новой императрицы. Солдаты гарнизона и команды кораблей, стоявших в порту, принесли клятву верности Екатерине.

Тем же вечером в десять часов последний гонец Петра вернулся из Кронштадта в Петергоф и принес хорошие новости, хотя теперь они были уже неверными: крепость оставалась на стороне императора. Во время этого шестичасового отсутствия посыльного ситуация в Петергофе начала ухудшаться. Свита Петра бесцельно гуляла вокруг дворца или расположилась на скамейках в парке, чтобы вздремнуть там. Гольштейнские

солдаты, только что прибывшие из Ораниенбаума, полные сил, но совершенно безоружные, расположились для отражения атаки. Петр, которому сообщили, что Кронштадт на его стороне, решил отправиться на остров. Большая галера, стоявшая на якоре в отдалении от берега, подошла к пристани, и он поднялся на борт, взяв с собой многих офицеров из своей свиты. Он отказался оставить Екатерину Воронцову и настоял на том, чтобы вместе с ней отплыли шестнадцать перепуганных фрейлин.

Над заливом стояла серебристая и ясная белая ночь, и было видно почти так же хорошо, как днем. Дул попутный ветер, и примерно в час ночи заполненная людьми галера прибыла в порт Кронштадта. Подход в порт оказался закрыт «журавлем». Судно бросило якорь около крепостной стены. Петр перебрался в маленькую лодку и поплыл к крепости, чтобы отдать приказ открыть шлагбаум. Молодой офицер, дежуривший на крепостном валу, крикнул, что лодка должна развернуться, или он откроет огонь. Петр встал и откинул плащ, желая продемонстрировать свою форму и широкую голубую ленту ордена Святого Андрея. «Ты не знаешь, кто я? – крикнул он. – Я – твой император!»

«У нас больше нет императора, – последовал ответ. – Да здравствует императрица Екатерина II! Она наша императрица, и мы получили приказ никого не пускать за эти стены. Еще одно движение, и я открываю огонь!» Напуганный Петр поспешил назад к своей галере, забрался на борт и бросился в свою каюту на корме, где упал в объятия Екатерины Воронцовой. Миних взял командование на себя и распорядился следовать обратно на большую землю. В четыре утра галера достигла Ораниенбаума, который Петр считал более безопасным, чем Петергоф.

Во время высадки Петр узнал, что императрица во главе большого военного подразделения направляется к нему. Услышав об этом, Петр окончательно сдался. Он отпустил всех. В слезах он велел Гольтцу возвращаться в Санкт-Петербург, поскольку не мог больше защищать его. Он отпустил всех женщин, которые смогли уместиться в каретах, но Елизавета Воронцова отказалась покидать его. Петр лег на кушетку и не хотел ни с кем говорить. Чуть позже он встал, взял перо и бумагу и написал Екатерине письмо на французском, извиняясь за свое отношение к ней, обещая исправиться и предлагая разделить с ней трон. Он отдал это письмо вице-канцлеру князю Александру Голицыну и поручил доставить своей жене.

В пять утра через двадцать четыре часа после того, как Алексей Орлов разбудил Екатерину в павильоне Монплезир, императрица и ее армия снова отправились в путь. По дороге в Петергоф Екатерина встретила князя Голицына, который

передал ей письмо. Прочитав его, она поняла, что ей предлагали лишь половину того, чем она уже владела, и заявила, что благополучие государства требовало теперь других мер и что ответа не последует. Голицын же немедленно принес клятву верности Екатерине как новой императрице.

Тщетно прождав ответа на свое первое письмо, Петр написал второе, на этот раз предлагая отречение, если он сможет забрать Елизавету Воронцову с собой в Гольштейн. Екатерина сказала новому посыльному, генералу Измайлову: «Я принимаю это предложение, но отречение должно быть сделано в письменной форме». Измайлов вернулся к Петру и, увидев, что император находится в отчаянии и закрывает лицо руками, сказал: «Видите ли, императрица хочет расстаться с вами друзьями, и если вы добровольно откажетесь от императорской короны, то сможете спокойно вернуться в Гольштейн». Петр подписал отречение, документ был составлен самым подробным образом. Он объявил, что несет полную ответственность за упадок в государстве, случившийся в его правление, и признает свою полную неспособность управлять страной. «В краткое время моего самодержавного правительства Российским государством на самом деле узнал я тягость и бремя, силам моим несогласное, чтоб мне не токмо самодержавно, но и каким бы то ни было образом правительство владеть Российским государством, почему и восчувствовал я внутреннюю оного перемену, наклоняющуюся к падению его целости и к приобретению себе вечного чрез то бесславия; того ради, помыслив, я сам в себе беспристрастно и непринужденно чрез сие объявляю не только всему Российскому государству, но и целому свету торжественно, что я от правительства Российским государством на весь век мой отрицаюся, не желая ни самодержавным, ниже иным каким-либо образом правительства во всю жизнь мою в Российском государстве владеть, ниже оного когда-либо или через какую-либо помощь себе искать, в чем клятву мою чистосердечную пред Богом и всецелым светом приношу нелицемерно. Все сие отрицание написал и подписал моею собственною рукою».

Шесть месяцев правления Петра III подошли к концу. Годы спустя Фридрих Великий скажет: «Он позволил свергнуть себя с престола, как ребенок, которого посылают спать».

44
«Сами не помним, что делали»

Группа всадников во главе с Алексеем Орловым отделилась от армии Екатерины и поскакала вперед к парку Петергофа, где быстро обезвредила беспомощных гольштейнских солдат. Затем, узнав, что сам Петр покинул Петергоф и сначала отправился в Кронштадт, а затем – в Ораниенбаум, Алексей поспешил в это поместье, находившееся в шести милях от Петергофа, чтобы арестовать бывшего императора. В Ораниенбауме он обнаружил Петра и Елизавету Воронцову. Заложили маленькую карету, которая вся была покрыта пылью, поскольку ею уже несколько лет никто не пользовался. В сопровождении верховых гвардейцев под командованием Алексея Орлова карета с Петром и Елизаветой поехала назад в Петергоф.

Наконец, в Петергоф прибыли полки под командованием Екатерины. В одиннадцать часов императрица в форме офицера Преображенского полка верхом на белом коне добралась до Петергофа, ее окружила толпа восхищенных людей. Между полуднем и часом дня карета привезла Петра во дворец. Все это происходило в полнейшем молчании. Петра предупредили, что он не должен объявлять о своем присутствии или обращаться к солдатам, выстроенным по обе стороны от дороги, по которой ехала карета. Когда он вышел из экипажа, то прежде всего попросил разрешения увидеться с Екатериной. Ему в этом отказали. Не зная, когда он снова увидит Воронцову, и считая, что расставание будет временным, он повернулся к ней, чтобы попрощаться. Они никогда больше не увидят друг друга. Бывший император поднялся по лестнице в маленькую дворцовую комнату, где отдал свою шпагу и голубую ленту с орденом Святого Андрея. С него сняли черные ботфорты и зеленую форму Преображенского полка и оставили стоять в чулках и сорочке. Дрожащий император представлял собой довольно жалкое зрелище. В конце концов, ему принесли старый халат и тапочки.

Позже днем из Санкт-Петербурга приехал Никита Панин, Екатерина поручила ему встретиться со своим мужем. Внешний вид императора тронул сердце Панина. Годы спустя он скажет: «Я считаю самой большой неудачей в моей жизни то, что меня заставили повидаться с Петром III в те дни, когда он пребывал в столь плачевном состоянии». Панин должен был объявить Петру, что теперь он находился на положении пленника и что в будущем ему предоставят «достойные и удобные комнаты» в крепости

Шлиссельбург, в которой несколькими месяцами ранее Петр посещал Ивана VI. Также предполагалось, что из Шлиссельбурга он сможет со временем вернуться в свое княжество Гольштейн. Пока же ему готовили комнаты в крепости, Петру разрешили выбрать себе временное жилище. Он остановил свой выбор на Ропше – уединенном, но красивом летнем домике в поместье, находившемся в четырнадцати милях от Петергофа.

Екатерина не хотела подвергать своего мужа дополнительным унижениям. Она не доверяла самой себе и не желала встречаться с ним, поскольку не была до конца уверена, кто перед ней предстанет: юноша, который стал ее другом восемнадцать лет назад, когда она только приехала в Россию; или же пьяный грубиян, называвший ее прилюдно дурой и угрожавший тюрьмой. Она опасалась, что может потерять то, о чем столько лет мечтала и наконец-то получила. Петра необходимо было нейтрализовать. Хотя он и оставался князем Гольштейнским, отправить его назад в Киль не представлялось возможным. Находясь в Гольштейне, он будет постоянно привлекать ее врагов, которые могут сплотить вокруг него свои силы и выступить против нее. Особенно король Пруссии Фридрих, он вполне мог использовать Петра как пешку, которую снова может превратить в короля. Екатерина пришла к выводу, что Петра, как и Ивана VI, нужно будет держать в заточении в пределах России.

Даже в загородном поместье в Ропше Петр представлял потенциальную угрозу. Желая обеспечить ему надежную охрану, Екатерина назначила главным тюремщиком сурового и грубого Алексея Орлова, который во многом способствовал успеху заговора. Помимо Орлова, в охрану входило еще три офицера и отряд солдат, которые получили приказ сделать жизнь Петра «как можно более сносной и обеспечить его всем, что он пожелает». В шесть часов вечера Петр покинул Петергоф и направился в Ропшу в большой, запряженной шестеркой лошадей карете с опущенными окнами и в сопровождении конной гвардии. В карете вместе с бывшим императором находились Алексей Орлов, поручик князь Барятинский, капитан Пасек и еще один офицер.

Никита Панин, Алексей и Григорий Орловы и Кирилл Разумовский играли важную роль в перевороте, в результате которого к власти пришла Екатерина. Между тем роль княгини Дашковой оказалась куда менее значимой. Она прискакала в Петергоф вместе с императрицей, она делила с ней узкую постель в течение короткого отдыха, но не оказывала особого влияния на принятие важных решений и не принимала участия в

совершении серьезных действий. Дашкова знала об Орловых, однако ей не было известно об особом статусе Григория. Все неожиданно изменилось после того, как Петра увезли в Ропшу. Дашкова вошла в личные покои императрицы в Петергофе и с удивлением обнаружила там Орлова, который лежал на кушетке, вытянув ногу, раненную в схватке с гольштейнскими солдатами Петра. Перед Орловым находилась кипа официальных документов, которые он открывал и читал. Екатерина Дашкова, не знавшая об отношениях императрицы с Григорием и считавшая его человеком гораздо более низкого социального статуса да к тому же не получившего такого же хорошего воспитания, как императрица или она сама, пришла в ярость при виде солдата, лежавшего в расслабленной позе и читавшего государственные документы. «Что такое с вами?» – поинтересовалась она.

«Да вот императрица приказала распечатать это», – с улыбкой ответил Орлов.

«Невозможно, – возразила Дашкова, – нельзя раскрывать их до тех пор, пока она не назначит лиц, официально уполномоченных для этого дела, и я уверена, что ни вы, ни я не можем иметь притязания на это право». С этими словами она удалилась.

Вернувшись позже, она обнаружила, что Орлов все еще лежит на кушетке, а рядом сидит расслабленная и счастливая императрица. Около кушетки стоял стол, сервированный ужином на три персоны. Екатерина поприветствовала Дашкову и пригласила ее присоединиться к ним. Во время трапезы княгиня отметила особое отношение императрицы к молодому офицеру – она кивала и смеялась надо всем, что он говорил, и даже не пыталась скрыть своих теплых чувств к нему. Позже Дашкова написала об этом случае: «С этого времени я в первый раз убедилась, что между ними была *связь.* Это предположение давно тяготило и оскорбляло мою душу».

Но долгий день еще не закончился. Екатерина была утомлена, однако офицеры и солдаты гвардии хотели вернуться в Санкт-Петербург и отпраздновать, и она решила порадовать их. Поэтому императрица-победительница тем же вечером покинула Петергоф и отправилась в Санкт-Петербург. Она сделала небольшую остановку на несколько часов, чтобы поспать, и утром в воскресенье 30 июня все еще одетая в военную форму, верхом на белой лошади с триумфом въехала в столицу. Улицы были полны взволнованных людей, звонили церковные колокола, били барабаны. Она посетила богослужение и торжественный

благодарственный молебен, после чего легла спать. Екатерина проспала до полуночи, когда среди солдат Измайловского полка стали распространяться слухи о том, что прусская армия выдвинулась в наступление. Многие из них едва держались на ногах из-за большого количества выпитого накануне алкоголя. Опасаясь, что Екатерину могут похитить или убить, они оставили казармы и направились к дворцу, где потребовали показать им императрицу. Надев свою форму, Екатерина вышла, чтобы заверить их в своей безопасности: им всем и всей империи ничто не угрожает. Затем она снова легла в постель и спала до восьми часов утра.

Тем же вечером в восемь часов Петр прибыл в Ропшу. Каменный дом, построенный во времена правления Петра Великого, был окружен парком с озером, в котором императрица Елизавета любила ловить рыбу. Она подарила поместье Петру, своему племяннику. Алексей Орлов, отвечающий за охрану пленника, поместил его в маленькой комнатке на первом этаже, где помимо кровати почти не было мебели. Шторы были плотно задернуты, поэтому солдаты, стоявшие вокруг дома, не могли видеть его. Даже в полдень в комнате царил полумрак. Вооруженные стражи несли караул у дверей. Петру, которого заперли внутри, не разрешили выходить в парк или гулять на террасе снаружи. Однако позволили написать Екатерине, и в течение нескольких дней он написал ей три письма. Содержание первого было следующим:

> «Сударыня, я прошу Ваше Величество быть уверенной во мне и не отказать снять караулы от второй комнаты, так как комната, в которой я нахожусь, так мала, что я едва могу в ней двигаться. И так как Вам известно, что я всегда хожу по комнате, то от этого у меня распухнут ноги. Еще я Вас прошу не приказывать, чтобы офицеры находились в той же комнате со мной, когда я имею естественные надобности – это для меня невозможно; в остальном я прошу Ваше Величество поступать со мной по меньшей мере как с большим злодеем, не думая никогда его этим оскорбить. Отдаваясь Вашему великодушию, я прошу отпустить меня в скором времени с известными лицами в Германию. Бог Вам заплатит непременно.
>
> Ваш нижайший слуга Петр.

P. S. Ваше Величество может быть уверенной во мне, что я ни подумаю ничего, ни сделаю ничего, что могло бы быть против ее особы или ее правления».

Второе письмо:

«Ваше Величество, если Вы совершенно не желаете смерти человеку, который уже достаточно несчастен, имейте ко мне жалость, и оставьте мне мое единственное утешение – Елизавету Романовну. Вы сделаете этим большое милосердие Вашего царствования; если же Ваше Величество пожелало бы меня видеть, то я был бы совершенно счастлив.

Ваш нижайший слуга Петр».

Третье письмо:

Ваше Величество, я еще прошу меня, который в Вашей воле и сполна во всем, отпустить меня в чужие края с теми, о которых я, Ваше Величество, прежде просил. И надеюсь на Ваше великодушие, что Вы меня не оставите без пропитания.

Преданный вам холоп Петр.

Все эти письма Екатерина оставила без ответа.

Первым днем заточения Петра стало воскресенье 30 июня. На следующее утро он пожаловался, что у него была тяжелая ночь и он не сможет нормально уснуть, пока не привезут его кровать из Ораниенбаума. Екатерина немедленно прислала ему эту кровать – большую с четырьмя столбами и белым атласным покрывалом, ее привезли на телеге. Далее он попросил прислать его скрипку, его пуделя, его немецкого доктора и его слугу-негра. Императрица приказала выполнить все требования, но приехал только его доктор. Когда пленник просил разрешения выйти на воздух, Алексей открывал дверь, указывал на вооруженного стража, преграждавшего дорогу, и пожимал плечами.

Екатерина и ее советники все еще не знали, что им делать с бывшим императором. Изначальный план – заточить Петра в Шлиссельбурге – казался уже не совсем уместным. Шлиссельбург находился на расстоянии сорока миль от столицы и должен был стать тюрьмой для второго свергнутого императора. Вероятность его отправки обратно в Гольштейн

также исключалась. Но если не в Шлиссельбург и не в Гольштейн, тогда куда же?

Нет никаких доказательств того, что Екатерина пришла к выводу о необходимости устранения Петра, поскольку это был единственный способ сохранить ее политический статус и, возможно, жизнь. Она согласилась со своими советниками, что Петр должен оставаться «безвредным». Екатерина не хотела рисковать, и ее друзья знали о ее намерении. С другой стороны, она была слишком осторожной, чтобы намекнуть на необходимость насильственной смерти. Однако, возможно, Орловы уже догадались о ее потаенных мыслях и убедили себя, что пока их повелительница не доверилась им и не могла предвидеть их планов, они были способны избавить ее от опасности. Разумеется, сами Орловы имели довольно веские мотивы покончить с Петром. Григорий надеялся жениться на своей любовнице-императрице, а Петр стоял у него на пути. Даже лишенный трона и заключенный под арест, перед Богом Петр все еще оставался законным мужем Екатерины, и ничто, кроме смерти, не могло разрушить брачные узы, освященные православной церковью. С другой стороны, если бы бывший император внезапно умер, то не осталось бы никаких преград для брака между Екатериной и Григорием. Императрица Елизавета была тайно обвенчана с Алексеем Разумовским, украинским крестьянином; он, Григорий Орлов, был офицером гвардии и имел более высокое положение в обществе.

Душевное смятение и страх перед будущим подтачивали здоровье находившегося в Ропше Петра. Он часами лежал, растянувшись на кровати, потом вставал и ходил по маленькой комнате. В четверг, на третий день плена, у него началась сильная диарея. В среду вечером у Петра так сильно разболелась голова, что из Санкт-Петербурга привезли его гольштейнского врача, доктора Людерса. В четверг утром бывшему императору лучше не стало, поэтому вызвали еще одного врача. Позже, в тот же день, оба врача объявили, что их пациент пошел на поправку, и, не желая разделять с ним его заключение, вернулись в столицу. Пятница прошла тихо. Рано утром в субботу, на седьмой день пребывания Петра в Ропше, пока заключенный все еще спал, его лакей-француз Брессон, которому позволяли гулять в парке, неожиданно был схвачен. Ему заткнули кляпом рот, затолкали в крытый экипаж и увезли. Петру ничего об этом не сказали, поэтому он не узнал о случившемся. В два часа дня Петра пригласили на обед с Алексеем Орловым, Барятинским и другими офицерами гвардии.

Единственный свидетель, описавший впоследствии все дальнейшие события, лично признался во всем Екатерине. В шесть вечера, в субботу, из Ропши в Санкт-Петербург прискакал гонец, передавший Екатерине письмо от Алексея Орлова. Оно было написано по-русски на клочке серой грязной бумаги неровным, почти неразборчивым почерком, а само послание – путанным и несвязным. Казалось, что записку писал человек, который дрожал от опьянения, либо был охвачен сильной тревогой. Возможно, и то и другое.

> «Матушка, милосердная государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу; но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка – его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князем Федором, не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня, хоть для брата. Повинную тебе принес, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил; прогневали тебя и погубили души на век».

Что же случилось? Обстоятельства и причина смерти, а также намерения и уровень ответственности тех, кто был к ней причастен, так и остаются невыясненными, но на основе известных фактов можно сделать следующие предположения:

В субботу 6 июля Алексей Орлов, князь Федор Барятинский и другие офицеры пригласили пленника присоединиться к ним во время обеда. Возможно, они всю неделю обсуждали, как долго им еще придется провести вдали от своих счастливых товарищей, которые праздновали в Санкт-Петербурге, пока им приходилось следить за убогим, презренным человечком. Во время трапезы все сильно выпили. Затем, поскольку все было заранее спланировано или же из-за внезапно вспыхнувшей ссоры, они напали на Петра и попытались задушить, накинув на него матрас. Он стал сопротивляться и вырвался. Тогда его повалили на пол, обмотали вокруг его шеи шарф и задушили.

Была ли смерть Петра случайностью, результатом пьяной драки или же хорошо спланированным убийством, так и останется неизвестным. Исступленный, сбивчивый тон записки Орлова, казалось, выдает его страх перед последствиями, а также ужас и раскаяние, и тем самым указывает на то, что он не

планировал заходить так далеко. Когда Орлов приехал той ночью в столицу, он был весь в поту и грязи, одежда – в беспорядке. «На лицо его, – вспоминал кто-то из очевидцев, – было страшно смотреть». Мольбы Орлова, обращенные к Екатерине: «Сами не помним, что делали» и «Прости или прикажи скорее окончить», – говорят о том, что хотя он и находился на месте преступления, однако не планировал убивать Петра.

Но независимо от того, было ли убийство Петра случайным или же заранее подготовленным офицерами, сама Екатерина, казалось, была совершенно невиновной в случившемся. Однако на деле все было не так. Именно она доверила своего мужа Алексею Орлову, зная, что Алексей – солдат, которому не привыкать к смертям и который к тому же ненавидел Петра. И все же письмо Орлова потрясло Екатерину. Его исступленный тон и отчаянные мольбы едва ли оставляют возможность поверить, будто Екатерина знала о готовящемся убийстве и дала свое согласия. Да и Алексея Орлова нельзя назвать искусным мастером слова, способным сочинить послание, в котором он казался бы настолько обезумевшим и раздавленным. По мнению княгини Дашковой, письмо Орлова освободило Екатерину от любых подозрений в причастности. Когда Дашкова посетила подругу на следующий день, Екатерина встретила ее следующими словами: «Я невыразимо страдаю от этой смерти. Вот удар, который роняет меня в грязь». Княгиня, которая все еще считала, что она сыграла роль в недавних событиях не менее важную, чем сама императрица, не смогла удержаться и ответила: «Да, мадам, смерть слишком скоропостижна для вашей и моей славы».

Что бы ни случилось на самом деле, Екатерина должна была действовать. Ее муж, бывший император, умер в заточении под присмотром ее друзей и сторонников. Должна ли она была арестовать Алексея Орлова и остальных офицеров, находившихся в Ропше? И как в таком случае отреагировал бы Григорий, отец ее трехмесячного ребенка? И какова будет реакция гвардии, Сената, жителей Санкт-Петербурга и всего русского народа? Она приняла решение, возможно, по совету Панина, представить случившееся как врачебную ошибку. А чтобы сгладить реакцию на распространявшиеся слухи, будто охранявшие Петра офицеры ненавидели его, она распорядилась провести посмертное вскрытие. Операцией занимались врачи, которым можно было доверить задачу обелить Орлова. Врачи вскрыли тело, и, как им было поручено, стали искать признаки отравления. Отчитавшись, что таковых не обнаружено, они заявили, что смерть наступила в результате естественных причин, возможно, острого геморроидального приступа – колик, – которые, в свою очередь,

стали причиной апоплексического удара. Затем Екатерина подготовила манифест, составленный с помощью Панина:

> «В седьмой день принятия Нашего престола Всероссийского Мы к нашему сожалению и горю получили известие, что бывший император Петр III, обыкновенным и прежде часто случавшимся ему припадком геморроидическим впал в прежестокую колику. Мы <…> тотчас повелели отправить к нему все, что потребно было <…> к скорому вспоможению врачеванием. Но <…> вчерашнего дня получили мы другое, что он волею Всевышнего бога скончался. Чего ради мы повелели тело его привезти в монастырь Невский; <…> а меж тем всех верноподданных возбуждаем и увещеваем Нашим императорским и материнским словом, дабы без злопамятства всего прошедшего с телом его учинили прощание».

Панин также посоветовал, чтобы тело было представлено, как и подобало для традиционного прощания. Он считал, что гораздо разумнее предъявить мертвого Петра, чем давать повод к распространению слухов о том, что он все еще жив, спрятан где-то и может однажды появиться. Тело бывшего императора облачили в голубой мундир гольштейнского офицера кавалерии, который Петр так любил надевать при жизни и который в то же самое время должен был продемонстрировать его предпочтения и иностранное происхождение. На его груди не было ни медалей, ни лент. Шляпа-треуголка, слишком большая по размеру, закрывала лоб, но большая часть лица оставалась открытой, и было видно, как оно распухло и почернело. Длинный, широкий галстук был завязан вокруг шеи до самого подбородка. Возможно, это было сделано для того, чтобы скрыть синяки на его побагровевшей шее – если он действительно был задушен. Руки, которые, согласно обычаям православной церкви, нужно было оставить без перчаток и сложить на груди, были в плотных кожаных перчатках для верховой езды.

У изголовья и изножия гроба стояли свечи. Вереницей шли люди, подгоняемые солдатами, они не увидели у тела мужа молящейся Екатерины, как это было после смерти императрицы Елизаветы. Впоследствии этот поступок был объяснен советом Сената, «поскольку Ее Императорскому Величеству стоит поберечь свое здоровье ради своей любимой родины – России». Место для погребения Петра было выбрано довольно необычное. Хотя он приходился внуком Петру Великому, на момент смерти Петр III уже не был коронованной особой, и его не могли

положить в крепостном соборе вместе с останками императоров и императриц. 23 июля тело Петра поместили в Невском монастыре рядом с телом регентши Анны Леопольдовны, матери свергнутого и заключенного Ивана VI. Здесь Петр пролежит все тридцать четыре года правления его жены.

Объяснение Екатерины этих событий содержится в письме Станиславу Понятовскому, написанном через две недели после смерти мужа:

> «Петр III потерял ту малую долю рассудка, какую имел. Он во всем шел напролом; он хотел сломить гвардию, он вел ее в поход для этого; он заменил бы ее своими гольштейнскими войсками, которые должны были оставаться в городе. Он хотел переменить веру, жениться на Л. В. [Елизавете Воронцовой], а меня заключить в тюрьму. В день празднования мира, сказав мне публично оскорбительные вещи за столом, он приказал вечером арестовать меня. Мой дядя, принц Георг, заставил отменить этот приказ. С этого дня я стала прислушиваться к предложениям, которые мне делались со времени смерти императрицы. План состоял в том, чтобы схватить его в его комнате и заключить, как принцессу Анну и ее детей. Он уехал в Ораниенбаум. Мы были уверены в преданности большого числа капитанов гвардейских полков. Узел секрета находился в руках троих братьев Орловых; Остен помнит, что видел старшего, как он всюду за мною следовал, и делал тысячу безумных вещей. Его страсть ко мне была всем известна, и все им делалось с этой целью. Это – люди необычайно решительные и очень любимые большинством солдат, так как они служили в гвардии. Я очень многим обязана этим людям; весь Петербург тому свидетель.
>
> <…>
>
> Я послала, под начальством Алексея Орлова, в сопровождении четырех офицеров и отряда смирных и избранных людей, низложенного императора за 25 верст от Петергофа, в местечко, называемое Ропша, очень уединенное и очень приятное, на то время, пока готовили хорошие и приличные комнаты в Шлиссельбурге и пока не успели расставить лошадей для него на подставу. Но Господь Бог расположил иначе. Страх вызвал у него понос, который продолжался три

дня и прошел на четвертый; он чрезмерно напился в этот день, так как имел все, что хотел, кроме свободы. <…> Его схватил приступ геморроидальных колик вместе с приливами крови к мозгу; он был два дня в этом состоянии, за которым последовала страшная слабость, и, несмотря на усиленную помощь докторов, он испустил дух, потребовав [перед тем] лютеранского священника. Я опасалась, не отравили ли его офицеры. Я велела его вскрыть; но вполне удостоверено, что не нашли ни малейшего следа [отравы]: он имел совершенно здоровый желудок, но умер он от воспаления в кишках и апоплексического удара. Его сердце было необычайно мало и совсем сморщено.

<…>

Наконец, Господь Бог привел все к концу, предопределенному им, и все это представляется скорее чудом, чем делом, предусмотренным и заранее подготовленным, ибо совпадение стольких счастливых случайностей не может произойти без воли Божией.

<…>

Знайте, что все проистекло из ненависти к иностранцам; что Петр III сам слывет за такового».

Почти вся Европа возлагала ответственность в случившемся на Екатерину. Журналы и газеты на континенте писали о возвращении времен Ивана Грозного. Многие довольно цинично отзывались об официальном объяснении смерти императора от «колик». «Все знают о природе этих колик», – язвительно заметил Фридрих Прусский. «Когда горький пьяница умирает от колики, это учит нас быть трезвыми», – бесстрастно высказался Вольтер. Фридрих тем не менее считал, что сама Екатерина была невиновна. В своих мемуарах он писал:

«Императрица едва ли знала об этом преступлении, а когда ей все стало известно, отреагировала с искренним возмущением и отчаянием. Она закономерно предвидела осуждение, которому подвергнет ее остальной мир. Неопытная молодая женщина, которой угрожал развод и заточение в монастыре, вверила ведение дела братьям Орловым. И все же она ничего не знала о планах убить императора. Сама она оставила бы Петра в живых, отчасти по причине того, что надеялась все уладить после коронации, к тому же такой трусливый враг, как ее муж, вряд ли мог быть опасен ей. Орловы, более решительные и проницательные,

предвидели, что бывший император может стать объединяющим звеном для их врагов, и пошли на более жестокие меры, устранив его с пути. Ей пришлось пожинать плоды их преступления, и, чтобы сохранить их поддержку, она была вынуждена не только пощадить, но и продолжать держать подле себя людей, совершивших это преступление».

Несмотря на то, что Екатерина старательно делала вид, будто игнорирует поступавшие из заграницы высказывания и слухи, она тяжело переживала реакцию Европы на смерть ее мужа. Годы спустя, в разговоре с видной фигурой Французского Просвещения – энциклопедистом Денни Дидро, посетившим ее в Санкт-Петербурге, она спросила: «Что говорят в Париже о смерти моего мужа?» Дидро был слишком смущен, чтобы ответить. Не желая усугублять его состояние, она сменила тему разговора.

В истории с причастностью Екатерины к убийству Петра III была и еще одна заинтересованная сторона, которая много лет спустя, прочитав письмо Алексея Орлова, реабилитирует императрицу. Получив и прочитав письмо Орлова, Екатерина заперла его в ящике комода. До конца своей жизни она прятала письмо. После ее смерти ее сыну, императору Павлу, сказали, что письмо найдено, и по почерку установили его автора, Алексея Орлова. Павел прочитал письмо. Оно убедило его в невиновности матери.

Никто из участников убийства так и не был наказан. Хотя подвергнув их преследованиям, Екатерина могла доказать или по крайней мере укрепить всеобщее мнение в своей невиновности, однако она не могла так поступить. Именно Алексей Орлов и его братья помогли ей взойти на трон. Именно Алексей разбудил ее на рассвете в павильоне Монплезир и привез в Санкт-Петербург. Он и его братья рисковали ради нее жизнью, взамен она должна была защитить их. Поэтому Екатерина объявила, что Петр III умер по естественной причине. Некоторые россияне поверили ей, другие – нет, а многим было все равно.

Екатерина не планировала убивать супруга, но смерть эта пришлась очень кстати. Екатерина освободилась от своего мужа, однако мрачная тень, нависшая над ней и над всей империей, сопровождала ее до конца дней. Уже не в первый и не в последний раз в истории правитель оказывался в столь затруднительном положении. Генрих II Английский назначил своего бывшего друга и протеже Томаса Беккета архиепископом

Кентерберийским. Когда позже Беккет выступил против короля и стал критиковать его по многим вопросам, касавшимся церкви, Генрих почувствовал, что его предали. «Неужели никто не избавит меня от этого надоедливого священника?» – бросил он однажды в сердцах. После этого четыре рыцаря, служившие ему, поскакали в Кентербери и убили архиепископа перед алтарем его собора. В раскаянии за этот поступок, который он не собирался совершать, Генрих босиком прошел многие мили по пыльной дороге до собора, где преклонил колени перед алтарем и просил о прощении. Екатерина, которая не была так уверена в своем положении на троне, не могла себе позволить подобный жест.

Фантазии девочки из Штеттина, мечтавшей стать королевой, и амбиции великой княгини, которая знала, что она лучше своего мужа подходит на роль правителя, оказались реализованы. Екатерине было тридцать три. Впереди ее ждала вторая половина жизни.

Часть V
Императрица России

45
Коронация

Екатерина взошла на трон Петра Великого и правила самой большой империей своего времени. Ее подпись под указами являлась законом, она могла казнить или помиловать любого из двадцати миллионов своих подданных. Она была умна, начитанна и проницательна в своих суждениях. Во время переворота она проявила мужество и решимость; взойдя на трон, продемонстрировала широту мышления, стремление к прощению и политическую мораль, основанную на рационализме и практической эффективности. Свои имперские амбиции она смягчала присущими ей чувством юмора и иронией. Изо всех монархов своего времени Екатерина, пожалуй, более всех была снисходительна к сатире. Однако существовала черта, пересекать которую не могли даже ее близкие друзья.

Екатерина взошла на трон при поддержке армии и церкви, подавляющей части дворянства, а также жителей Санкт-Петербурга, которые помогали ей, поскольку характером и личными качествами она разительно отличалась от своего неразумного и деспотичного мужа. В результате заговора она практически не нажила себе врагов и в первые недели правления не встречала никакого противодействия. Тем не менее ее ждало множество сложностей. Она не получила трон в соответствии с установленной в России традицией. Ранее цари наследовали престол, поэтому к ним относились как к помазанникам Божьим. Но последним таким «богоугодным» царем являлся Алексей Михайлович, отец Петра Великого, он умер в 1676 году. Петр в попытке обратить Россию к западному пути постарался изменить образ монарха, введя для него новую, более светскую роль «первого слуги государства». Петр также изменил закон о наследовании, объявив, что трон больше не должен переходить к наследникам по мужской линии, теперь государь был вправе выбирать своего преемника. Но даже по этому новому закону Екатерина не подходила на роль императрицы. Ни Елизавета, которая привезла ее в Россию, ни Петр III, наследник Елизаветы, не назначали ее наследницей русского престола. Согласно старым законам, наследником Петра должен был стать семилетний сын Екатерины Павел. Кроме того, ходили в народе упорные слухи о том, что реальным царем являлся заключенный в тюрьме Иван VI, которого свергли, когда он был еще младенцем, и на всю жизнь заключили в тюрьму. Екатерина пришла к власти, не имея на то

каких-либо веских обоснований или прав, она стала, если так можно выразиться, узурпатором. В первое десятилетие своего правления, она находилась в постоянной опасности, была очень уязвима и в любой момент могла оказаться жертвой заговора, мятежа или даже бунта. В первое лето своего правления эти потрясения были еще впереди, но Екатерина уже понимала, что с ней может случиться нечто подобное. Поэтому она начала свое правление с того, что постаралась восстановить некоторые старые традиции. Прежние правители, желавшие облагодетельствовать кого-либо, делали это, раздавая различные привилегии. Екатерина же оказалась в противоположном положении, она сама нуждалась в поддержке и любви. В своем письме Станиславу Понятовскому она сухо говорила: «Последний солдат гвардии, видя меня, думает, что и он к этому причастен. Я вынуждена совершать тысячи странных поступков. Если я буду уступчивой, они будут обожать меня, если же нет – даже не знаю, что может случиться».

Екатерина начала искать недостающее ей расположение. Еще до того, как ей стало известно о смерти Петра в Ропше, она осыпала всех, кто помог ей взойти на трон, различными почестями, орденами, деньгами и владениями. Григорию Орлову было пожаловано пятьдесят тысяч рублей; Алексею Орлову – двадцать четыре тысячи; остальные братья Орловы получили по половине от этой суммы. Екатерина Дашкова была награждена содержанием в двенадцать тысяч рублей ежегодно, к тому же ей подарили двадцать четыре тысячи рублей, чтобы она могла расплатиться с долгами мужа. Никита Панин и Кирилл Разумовский получили пожизненное содержание в пять тысяч рублей ежегодно. Василий Шкурин, который поджег дом, чтобы отвлечь внимание Петра, когда Екатерина рожала своего сына – Алексея Бобринского, – а затем взял ребенка на воспитание в свою семью, был пожалован дворянством. Молодой офицер конной гвардии, Григорий Потемкин, отдавший свою портупею Екатерине перед тем, как она отправилась в Петергоф, был повышен в звании. Все солдаты петербургского гарнизона получили сумму, равную жалованью за полгода. Общая сумма выплат составила 226 000 рублей.

Не забыла Екатерина и о своих прежних друзьях и союзниках, которых в последние годы правления Елизавета лишила власти и отправила в ссылку, отчасти оттого, что считала, будто они слишком сблизились с Екатериной. На следующий день после восхождения на престол новая императрица отправила гонца к Алексею Бестужеву, бывшему канцлеру, у которого первым родилась идея о том, что она может взойти на трон, и который во

время допросов и четырехлетнего изгнания ни разу не проговорился об этом, чтобы не причинить ей вред. Его вызвали в Санкт-Петербург, Григорий Орлов встретил его по дороге и отвез в императорской карете в Летний дворец, где Екатерина обняла его и объявила о возвращении всех его титулов. Она выделила Бестужеву покои в Летнем дворце, где ему подавали еду с ее кухни, а также подарила богато украшенную карету и большой дом с великолепным винным погребом. 1 августа она издала специальный манифест, в котором объявлялось, что с Бестужева снимались все обвинения, выдвинутые против него в 1758 году, и что императрица назначала его первым членом императорского совета, который она намеревалась создать. Ему была выделена годовая пенсия в размере двадцати тысяч рублей.

Екатерина была милостива и к бывшим противникам: никогда не мстила сторонникам ее бывшего мужа и другим своим соперникам, политическим или личным. Елизавету Воронцову, любовницу Петра III, которая уговаривала бывшего императора отправить Екатерину в монастырь, чтобы самой стать его женой и императрицей, тихо отвезли в Москву, где императрица купила ей дом. Когда Елизавета вскоре вышла замуж за московского дворянина и произвела на свет ребенка, Екатерина стала его крестной матерью. Гольштейнских родственников Петра, включая дядю и бывшего поклонника Екатерины принца Георга Гольштейнского, спешно отослали в Германию. Гольштейнские солдаты последовали за ними.

Зная, что ей понадобится значительная помощь людей, обладавших управленческими способностями и опытом, она окружила себя людьми из числа бывших сторонников ее мужа. Многие высокопоставленные вельможи Петра уже перешли на ее сторону во время переворота. Михаил Воронцов сохранил свою должность канцлера, князь Александр Голицын остался вице-канцлером, князь Никита Трубецкой сохранил свой пост при Военной академии. Восьмидесятилетнему фельдмаршалу Миниху, который во время переворота пытался убедить Петра в том, чтобы он возглавил войска и направился в Санкт-Петербург арестовать Екатерину и вернуть трон, императрица сказала: «Вы просто исполняли свой долг».

Поскольку Екатерина старалась завоевать расположение своих бывших оппонентов с тем, чтобы в дальнейшем пользоваться их услугами, ей оказалось непросто сохранить дружбу со своими союзниками. Не успела она насладиться своим триумфом, как в рядах ее сторонников начались волнения и разногласия. Все считали, что признание и награды, которые они

получили, были незначительными в сравнении с тем, как наградили остальных. Особенно недовольна оказалась Екатерина Дашкова, считавшая, что она должна стать новым главным советником императрицы, ездить в императорской карете и иметь постоянно почетное место за императорским столом. Ее жалобы были неуместными: Екатерина наградила Дашкову с той же щедростью, что и остальных. После восхождения на престол, императрица одарила Дашкову тысячами рублей, а также выделила ей большое ежегодное содержание. Она тут же повысила мужа Дашковой до звания полковника и поручила ему командовать полком конной гвардии, элитным подразделением военной кавалерии. Молодая пара переехала в покои в Зимнем дворце и почти каждый день обедала с императрицей. Однако всех этих императорских почестей оказалось недостаточно для женщины, считавшей себя ключевой фигурой в этой главе российской истории.

Екатерина пыталась объяснить Дашковой, что в их отношениях произошли изменения, и теперь в их дружбе появились некоторые ограничения. Однако девятнадцатилетняя княгиня продолжала предъявлять требования и выдвигать свою фигуру на первый план. В салонах она громко говорила о политическом курсе и реформах, проведение которых считала необходимым. Перед иностранными послами она хвасталась своим влиянием на императрицу и графа Панина, заявляя, что она их самый близкий друг, доверенное лицо и вдохновитель.

Амбиции Екатерины Дашковой превосходили ее возможности; ее неучтивость противоречила всем представлениям о вежливости, обходительности и здравом смысле. Когда императрица представила ее к ордену Святой Екатерины, Дашкова, вместо того чтобы принять его, опустившись на колено, вернула ленту назад, высокомерно заявив: «Простите мне, государыня; я думаю, что уже настало время, когда истина должна быть прогнана от вас. Позвольте мне, однако, сказать, что я не могу принять этого отличия: как простым украшением я не дорожу им; а как награда оно не стоит ничего для меня, заслуги которой, хотя и оценены некоторыми, но никогда не продавались и не будут продаваться с торгов». Екатерина выслушала эту дерзость, а затем обняла Дашкову и повесила ленту ей на плечо. «По крайней мере дружба имеет некоторые права, и неужели вы не позволите мне воспользоваться ее удовольствием в настоящую минуту?» – спросила императрица. Дашкова поцеловала ей руку в знак благодарности.

Со временем дружба с Дашковой стала тяготить императрицу. Легенда, сочиненная Дашковой, была перенесена

в Париж Иваном Шуваловым, который хвалил княгиню в своем письме Вольтеру. В письме Понятовскому Екатерина умоляла его исправить эту ошибку и сообщить Вольтеру, что «княгиня Дашкова, младшая сестра Елизаветы Воронцовой, хотя и желает приписать себе всю честь, так как была знакома с некоторыми из главарей, не была в чести по причине своего родства и своего девятнадцатилетнего возраста и не внушала никому доверия; хотя она уверяет, что все же ко мне проходило через ее руки, однако все лица имели сношения со мною в течение шести месяцев прежде, чем она узнала только их имена. Правда, она очень умна, но с большим тщеславием она соединяет взбалмошный характер». Также она добавила, что не понимает, почему Шувалов сказал Вольтеру, будто «девятнадцатилетняя женщина переменила правительство этой империи». По ее словам, «приходилось скрывать от княгини пути, которыми другие сносились со мной еще за пять месяцев до того, как она что-либо узнала, а за четыре последних недели ей сообщали так мало, как только могли».

С другими сторонниками, желавшим получить от Екатерины особые почести, было намного проще иметь дело. Графу Бецкому, старому камергеру и другу матери Екатерины, чья роль в заговоре сводилась к тому, что он раздавал деньги гвардейцам, которых Орловы уже успели склонить на свою сторону, пожаловали три тысячи рублей и орден Святого Андрея. Во время церемонии он упал на колени и просил императрицу при свидетелях сказать, кому она обязана короной.

Удивленная Екатерина ответила: «Я обязана восшествием на престол Богу и воле моего народа».

«Тогда я не имею права носить этот знак отличия», – заявил Бецкой и стал снимать с себя орден Святого Андрея, который ему повесили на плечо.

Екатерина спросила, почему он это делает.

«Я самый несчастный из людей, – объяснил он. – Я не достоин носить этот орден, потому что Ваше Величество не признает меня единоличным автором вашего успеха. Разве не я поднял гвардию и раздавал им деньги?»

Екатерина сначала подумала, что он шутит. Увидев же, что он серьезен, она призвала на помощь свое чувство юмора. «Я признаю, что обязана своей короной вам, Бецкой, – сказала она с легкой улыбкой. – И поэтому я хочу получить ее именно из ваших рук. Именно вам я доверяю сделать ее как можно более прекрасной. Вы будете следить за изготовлением короны для меня. И я даю в ваше распоряжение все драгоценные камни страны». С победоносным видом сияющий Бецкой встал,

поклонился и приступил к работе.

В первое лето правления более всего мысли Екатерины занимала предстоящая коронация. Среди многочисленных грубых просчетов, совершенных Петром за короткое время его правления, одним из самых недальновидных поступков являлся отказ короноваться в Московском Кремле и нежелание даже назначить дату церемонии. Екатерина не совершила такой ошибки. Она понимала религиозную и политическую значимость торжественной коронации в Москве – городе, хранившем русское национальное наследие, городе, где короновали всех царей и императриц. Многие русские до сих пор считали Москву своей столицей, поэтому столь значительную церемонию нельзя было проводить в нынешней, ориентированной на Запад столице, построенной Петром Великим. Екатерина понимала, что не сможет прочно сидеть на своем троне до тех пор, пока на ее голову не наденут корону в Кремле, и народ в Москве не признает ее своей императрицей. Кроме того, церемония позволила бы ей раздать еще больше титулов, орденов и подарков и, таким образом, снискать дополнительную симпатию своих новых подданных.

7 июля, в тот же день, когда было объявлено о смерти Петра III, Екатерина сообщила, что будет короноваться в Москве в сентябре. Князь Никита Трубецкой был назначен ответственным за приготовления и выехал в Москву с пятьюдесятью тысячами рублей, выделенных на предварительные расходы. С приближением сроков коронации Екатерина выписала еще шестьсот тысяч рублей серебром на свои личные расходы. Деньги поместили в 120 деревянных бочек и отправили в Москву, где их должны были использовать в качестве пожертвований – деньги должны были разбрасывать в толпу.

27 августа Екатерина собрала в Москву семилетнего Павла и отправила вместе с его наставником Никитой Паниным. Пять дней спустя она последовала за ними. По дороге в Москву императрица остановилась на постой и обнаружила там своего сына, который лежал в постели с лихорадкой. На следующий день лихорадка спала, но Панин настоял на том, чтобы императрица отложила поездку и осталась с мальчиком до его полного выздоровления. Екатерина буквально разрывалась: ей хотелось остаться с Павлом, но она боялась сорвать проведение многочисленных мероприятий, связанных с ее коронацией в Москве. Наконец, понимая, как эта церемония была важна в качестве подтверждения ее статуса государыни, она решила ехать в Москву одна, чтобы по возможности явиться туда в

назначенный день. Панину велели следовать за ней, как только позволит здоровье мальчика. Когда Екатерина объявила о своем решении, Панин ответил, что мальчику уже стало лучше и они могут отправиться в путь.

Москвичи устилали улицы еловыми ветками, обкладывали хвойными ветвями свои двери, вывешивали с балконов и из окон шелковые полотна и персидские ковры. На пути следования императрицы от городских ворот до Кремля были возведены четыре триумфальные арки. Зрительские трибуны установили на перекрестках и на главных площадях, чтобы москвичи и тысячи людей из окрестных городов и деревень, приехавшие в столицу, могли видеть следовавшую по улице императрицу. Настроение в городе было радостное; помимо великолепного зрелища праздника, коронация означала трехдневные выходные, раздачу пожертвований, снижение штрафов и налогов, а также прощение за незначительные преступления.

13 сентября Екатерина торжественно въехала в город, яркое солнце отражалось от золоченых куполов церквей. Во главе процессии находился эскадрон конной гвардии, и солнечные лучи сверкали на их шлемах, далее следовала кавалькада высокопоставленных вельмож, одетых в шитые золотом камзолы, украшенные алыми орденскими лентами. За ними ехала золоченая карета Екатерины, запряженная восьмеркой белых лошадей. Еще не коронованная императрица улыбалась и кланялась, приветствуя народ; когда люди увидели сидевшего рядом с ней Павла, радостные крики стали еще громче.

22 сентября в день коронации пушки начали палить в пять утра, когда на знаменитой Красной лестнице постелили алый ковер. В девять Екатерина, одетая в отороченное горностаем платье из серебряной парчи появилась наверху лестницы и медленно спустилась вниз. У подножия лестницы она поклонилась народу, собравшемуся на Соборной площади Кремля, а священник окропил ее лоб святой водой. Она произнесла молитву, а священники по очереди поцеловали ей руку, проходя мимо ряда солдат императорской гвардии, после чего она направилась к входу в Успенский собор.

Внутреннее убранство собора, построенного в пятнадцатом веке, под сводами его пяти золотых куполов было ярко освещено. Четыре массивные колонны, стены и потолок покрывали яркие фрески; перед алтарем находился большой золотой иконостас с иконами, украшенными драгоценными камнями. В центре висела гигантская люстра, весившая больше тонны. Перед Екатериной, около иконостаса, выстроилось высшее духовенство: митрополит

Тимофей, архиепископы, епископы, архимандриты и другие священники. На их митрах сияли бриллианты, рубины, сапфиры и жемчуг. Свет, струившийся сверху и исходивший от тысяч свечей, играл в драгоценных камнях и золотых окладах икон.

Екатерина поднялась по лестнице из шести ступеней на находившийся посредине собора помост, устланный красным бархатным ковром, и села на Алмазный трон царя Алексея Михайловича. Наблюдавший в этот момент за Екатериной новый английский посол, герцог Бекингем, увидел «женщину среднего роста с блестящими, золотисто-каштановыми волосами, на которых сияла усыпанная драгоценностями корона… Она была прекрасна, ее голубые глаза поражали своей яркостью. У нее была изящная длинная шея, и голову она держала с видом горделивым, властным и волевым».

Церемония продлилась четыре часа. Екатерина слушала, как архиепископ Новгородский описывал переворот 28 июня, точно промысел Божий, и сказал, что «Бог сам возложил корону ей на голову». Затем Екатерина сама украсила себя символами императорской власти. Она сняла свой подбитый горностаем плащ и надела на плечи другой, пурпурный, императорский. По традиции правитель России сам надевал себе на голову корону. Екатерина подняла огромную, весом в девять фунтов корону, которая была изготовлена под надзором Ивана Бецкого, и водрузила главный символ императорской власти себе на голову. Сделанная в форме митры архиепископа корона была увенчана бриллиантовым крестом, закрепленным на огромном рубине весом в 389 карат. Под крестом находилась поддерживающая его дуга, а голову окружала лента с сорока четырьмя бриллиантами, каждый в дюйм длиною в окружении многочисленных мелких бриллиантов. Тридцать восемь розовых жемчужин огибали полусферы короны. Когда этот сияющий шедевр оказался у нее на голове, Екатерина взяла державу в левую руку, а скипетр – в правую и спокойно обвела взглядом собравшихся в соборе людей.

Финальной частью церемонии стало признание того, что коронация представляла собой пакт между Богом и императрицей. Он был ее повелителем, она – его слугой, теперь единолично ответственной за Россию и ее народ. Ее лоб, грудь и руки помазали елеем, а затем провели через двери иконостаса во внутреннее святилище. Екатерина опустилась на колени, взяла просфору с тарелки и причастилась.

Церемония завершилась, и только что коронованная и посвященная императрица прошла от Успенского собора через Соборную площадь к двум древним, меньшим по размеру соборам – Архангельскому и Благовещенскому, преклонила колени перед

могилами царей и святыми мощами. Затем она поднялась по Красной лестнице, повернулась и поклонилась три раза толпе, а по всему городу снова начали палить пушки. Эти звуки, усиленные звоном тысяч колоколов на башнях и церквях Москвы, не позволяли услышать даже стоящего рядом человека.

В Грановитой палате Екатерина принимала поздравления от представителей дворянства и иностранных послов. Она раздавала подарки и почести: Григорий Орлов и четыре его брата стали графами; Дашкова – фрейлиной. В тот вечер Москву осветили фейерверки и иллюминация. В полночь Екатерина, решив, что ее никто не видит, поднялась на Красную лестницу, чтобы посмотреть на Кремль и город. Толпа, все еще находившаяся на Соборной площади, узнала ее и начала приветствовать. Впоследствии народ всегда бурно реагировал на ее появления. Три дня спустя она написала русскому послу в Варшаве: «Я не могу выйти или даже выглянуть в окно, чтобы не вызвать шумное приветствие».

Восемь с половиной месяцев, которые Екатерина провела в Москве после коронации, оказались сплошным праздником, во время которого придворные и дворяне соревновались в великолепии балов и маскарадов. Однако для Екатерины это время было непростым. С некоторыми проблемами ей уже приходилось сталкиваться прежде: княгиня Дашкова жаловалась, что Григорий Орлов, которому поручили подготовку банкетов, распорядился, чтобы церемонии проводились в соответствии с чинами и военными званиями. Поскольку муж Дашковой был простым полковником, самой Дашковой пришлось сидеть среди людей, которых она считала ниже себя. Екатерина попыталась сгладить эту ситуацию, повысив мужа Дашковой до генерала, но Дашкова по-прежнему была недовольна.

Павел снова слег с лихорадкой. Это была третья серьезная болезнь за год, и врачи не знали ни причин, ни способов лечения мальчика. В начале октября болезнь ее сына перешла в особенно опасную стадию, и Екатерина не отходила от его постели. Новости об этом быстро распространились по городу. Екатерину беспокоило не только состояние Павла, но и как эта болезнь может сказаться на ее будущем. Екатерина не забывала о том, что он имел первостепенное право на трон; она знала, что Панин и остальные предпочли бы, чтобы она стала регентом, а не императрицей; она видела, какой теплый прием оказали Павлу москвичи, пока он ехал по улице рядом с ней. Если сейчас, через три месяца после неожиданной смерти ее мужа сын тоже умрет, Екатерина предвидела, что во всем обвинят ее. Однако ее страхи

развеялись 13 октября, когда Павел встал с постели, и она смогла покинуть Москву и совершить паломничество в Троице-Сергиев монастырь, которое должен был совершить каждый только что коронованный правитель России. В этой величественной крепости, окруженной белой стеной и известной своей святостью по всей России, она получила благословение как монаршая особа.

Пока Екатерина все еще находилась в Москве, еще одна неприятность омрачила празднования по случаю коронации. В начале октября императрица узнала, что среди офицеров Измайловской гвардии стали ходить разговоры о возвращении трона заключенному Ивану VI. Встревоженная Екатерина приказала Кириллу Разумовскому, армейскому полковнику, расследовать это дело, подчеркнув, что он не должен применять пытки. Было арестовано и допрошено пятнадцать офицеров. Следствие сосредоточилось на троих, которые, как стало известно, участвовали в заговоре против Петра III: Иване и Семене Гурьевых и Петре Хрущеве. Напившись во время празднования коронации, они стали жаловаться, что их не наградили так же щедро, как Орловых, и заявили, что настоящим царем является Иван VI и его нужно вернуть на трон. Офицеры также стали интересоваться, почему великого князя Павла лишили трона в пользу его матери-иностранки. Разумовский, который хорошо знал поведение пьяных офицеров, предложил просто разжаловать виновных и отправить их в отдаленный гарнизон. Однако Екатерина была возмущена тем, что эти разговоры стали ходить в разгар празднования ее коронации. Она думала о том, сколько еще будет недовольных возвеличиванием Орловых, и они станут размышлять о возвращении заключенного «законного императора». Она сочла рекомендованное наказание слишком легким, тогда следователи попытались ублажить ее, приговорив Ивана Гурьева и Семена Хрущева к смерти. Этот приговор был отправлен в Сенат на утверждение, но Екатерина вмешалась прежде, чем дело продвинулось дальше. На этот раз она смягчила наказание, сохранив жизни осужденным, которые были уволены из армии и отправлены в ссылку. Выбрав подобный путь, Екатерина надеялась показать, что не будет прощать виновных, но постарается выбрать меру наказания согласно их проступку. Она уточнила, что в данном случае эти пьяные люди лишь выразили свое личное возмущение и не заслужили быть обезглавленными. Однако вскоре зависть к Орловым и попытки восстановить на престоле Ивана VI повлекут более опасные действия, нежели жалобы подвыпивших офицеров.

46
Правительство и церковь

Одарив почестями и наградами тех, кто помог ей взойти на трон, Екатерина оказала также значительную поддержку двум влиятельным институтам, двум столпам, на которых держалось государство. Армия и церковь хотели немедленной отмены принятых Петром III реформ. В отношении армии все оказалось достаточно просто. Чтобы закрепить любовь офицеров и солдат, уставших от семилетней войны и оскорбленных унизительным миром с Пруссией, она отменила новый союз с Фридрихом II. Также она заверила Пруссию, что у нее не было намерений воевать с ними и с кем-либо еще. Екатерина сразу же отозвала войска, отправленные на только что начавшуюся войну с Данией. Командованию русской армией в Пруссии и Центральной Европе дали простой приказ: «Возвращайтесь домой!» Компенсировать урон, причиненный церкви, оказалось намного сложнее. Прежде всего, она приостановила действие поспешно принятого Петром указа о конфискации церковных земель и имущества. Церковь провозгласила ее своей избавительницей.

Однако эти скорые меры оставляли неразрешенными другие критические проблемы империи. Семилетняя война опустошила казну; русским солдатам в Пруссии уже восемь месяцев не платили жалованья. Получить кредиты за границей не представлялось возможным. Цены на зерно поднялись до катастрофических высот. В правительстве на всех уровнях процветали коррупция и поборы. По словам Екатерины: «В казне было семнадцать миллионов рублей неоплаченных долговых обязательств, почти вся коммерция была монополизирована частными лицами, попытка произвести заем в Голландии на два миллиона, предпринятая еще императрицей Елизаветой, не имела успеха, нам не было доверия, и мы не могли получить кредиты за границей».

Те, кто надеялся, что свержение мужа Екатерины и его пропрусского политического курса принесет восстановление альянса с Австрией, оказались разочарованы. В первые дни своего правления Екатерина приободрила этих сторонников, издав манифест, где она упоминала «унизительный мир» со «старинным врагом», имея в виду Пруссию. Когда иностранные послы были приглашены на ее первый прием, прусский посол барон Бернард фон Гольтц, бывшее доверенное лицо Петра III, попросил прощения, сославшись на то, что у него «нет подходящей

одежды». Но в планы Екатерины не входила дальнейшая вражда с Пруссией. В столицы Европы были посланы гонцы с заверениями, что новая императрица желает жить в мире со всеми иностранными державами. В ее письме к русскому послу в Берлине говорилось: «Принимая во внимание недавно заключенный мир с Его Величеством, королем Пруссии, мы повелеваем вам передать Его Величеству о наших торжественных намерениях сохранять его до тех пор, пока Его Величество не вынудит нас нарушить его». Ее единственным условием было немедленное возвращение российских солдат из зоны военных действий. Они не должны были воевать ни против Пруссии, ни против Австрии; им просто надлежало вернуться домой. Уже через четыре дня после приема, на который Гольтц не явился, он вернулся ко двору и играл в карты с Екатериной.

Сталкиваясь с массой проблем, Екатерина временами ощущала себя маленькой и ничтожной перед масштабом стоявших перед ней задач. Французский посол слышал, как она сказала не с гордостью, а с сожалением: «Моя империя так широка и безгранична». Екатерина начала свое правление, не имея опыта в управлении империей или большим бюрократическим аппаратом, но с желанием научиться и готовностью усваивать новую информацию. Когда ей было предложено следовать заведенным при Елизавете и Петре III порядкам, согласно которым обременительная задача читать все дипломатические депеши и министерские отчеты не возлагалась на правителя, и ему представляли лишь краткий отчет об их содержании, Екатерина отказалась. Она хотела знать все проблемы, с которыми сталкивалась Россия, и располагать максимально полными сведениями для принятия решений. «Каждое утро мне будут приносить полный отчет», – заявила она.

Такую же решительность Екатерина проявила и в отношении Сената. Со времен Петра Великого Сенат контролировал законы империи, удостоверяясь, что изданные правителем указы исполняются. Сенат не имел полномочия издавать законы, поэтому его роль сводилась к административной роли на основе существующих законов, независимо от того, насколько они были бесполезными или устаревшими. После переворота Екатерина стала тесно общаться с этим учреждением, именно благодаря Сенату первые изданные ею указы коснулись пребывания русских войск за границей, именно заботам Сената она доверила своего сына Павла, когда поскакала во главе гвардии в Петергоф. Взойдя на трон, Екатерина перенесла заседания Сената в Летний дворец, чтобы ей легче было посещать их. На четвертый день

императрица была представлена на заседании Сената, которое началось с отчета о том, что казна – пуста, а цены на зерно поднялись в два раза. Екатерина заявила, что императорское содержание, которое составляло одну тринадцатую часть от национального дохода, может использовать правительство. «Я принадлежу народу», – сказала она, имея в виду, что все, чем она владела, принадлежало стране. В будущем, продолжала она, не будет различия между национальными и личными интересами. Чтобы решить проблему с запасами зерна, она приказала запретить его экспорт; в течение двух месяцев цены опустились. Она упразднила многие частные монополии, которые находились в руках у знатных дворянских семей, как например, у Шуваловых, которые контролировали и имели доход от любых продаж соли и табака в России.

Во время этих заседаний она поняла, сколь невежественны были члены Сената во многих областях. Однажды утром, когда сенаторы обсуждали отдаленную часть империи, стало очевидно, что никто из них не имел даже представления, где находится эта территория. Екатерина предложила посмотреть на карту. Карты не оказалось. Без промедления она вызвала посыльного, достала из своего кошелька пять рублей и послала его в Академию наук, которая печатала атласы России. Когда посыльный вернулся, территория была найдена и императрица подарила атлас Сенату. Надеясь улучшить его работу, она написала 6 июня 1763 года сенаторам как учреждению: «Я не могу сказать, что у вас отсутствует патриотическая забота о моем благополучии, а также о благополучии всей страны. Однако с прискорбием вынуждена заметить, что дела не продвигаются к своему логическому концу так успешно, как мне того хотелось бы». Причина этой задержки, сказала она, заключалась в существовании «разногласий и вражды, ведущих к формированию партий, которые искали лишь повода причинить друг другу вред; и к поведению, недостойному разумных, уважаемых людей, желающих творить благие дела».

Ее агентом в Сенате стал генерал-прокурор – этот пост был учрежден Петром Великим, как связующее звено между правителем и Сенатом – «око государево», как называл его сам Петр – чтобы осуществлять надзор над Сенатом. В особую обязанность этого чиновника входила организация повестки дня Сената, а также контроль над ее исполнением. Он лично отчитывался перед монархом, а также получал и передавал его или ее указания. Только что назначенный Екатериной новый генерал-прокурор получил ее подробные наставления:

«В Сенате вы встретите две партии <…> Обе

партии стараться будут ныне вас уловить в свою сторону. В одной партии вы найдете честных людей, но ограниченных умом. В другой, думаю, – людей с более обширными планами и скрытных <…> Сенат был организован для того, чтобы исполнять законы, которые ему предписаны. Однако часто сам издает законы, раздает звания, чины, деньги и земли, другими словами… почти все. Сенат вышел единожды из своих границ и ныне с трудом привыкает к порядку, в котором ему надлежит быть».

Более важным, чем эти наставления относительно поведения в Сенате, стало послание Екатерины Вяземскому, новому генеральному прокурору, в котором она говорила о том, какие отношения хотела бы установить с ним лично:

«Вы должны знать, с кем будете иметь дело <…> Вам надлежит понять, что я не имею иных забот, кроме благоденствия и славы родины, и я не желаю ничего, кроме счастья моих подданных <…> Я люблю правду, и вы можете говорить мне любую правду без страха и спорить со мной безо всяких опасений, если это послужит во благо. Я слышала, что все считают вас человеком честным <…> Я надеюсь убедить вас, что людей, обладающих подобными качествами, хорошо принимают при дворе. И я могу добавить, что не потребую от вас лести, а лишь честного поведения и твердости в делах».

Вяземский оправдал ожидания Екатерины и служил «оком государыни» в течение двадцати восьми лет до отставки в 1792 году.

В течение нескольких дней после восхождения на трон Екатерина призвала к себе двух самых опытных государственных деятелей: Никиту Панина и Алексея Бестужева. Каждый из них поддержал ее в критическое время, но никогда прежде они не работали вместе. Когда Бестужева вернули из ссылки и восстановили его титулы и владения, он ожидал, что его восстановят на месте главного министра империи. Ему было уже за семьдесят, годы унижения и изоляции подточили его здоровье, и у Екатерины не было намерений поднимать его до звания канцлера.

Никита Панин стал главной политической фигурой в новом правительстве. Сочетая острый ум с обширным европейским опытом, Панин, наставник сына Екатерины и ее советник,

помогавший императрице спланировать и совершить переворот, тут же стал ее главным административным советником. В 1762 году Панину исполнилось сорок четыре года, он был невысоким полным холостяком с прекрасными манерами. По утрам Панин вставал поздно, работал, а после плотного обеда дремал или играл в карты. Екатерина ценила его ум и проницательность, однако с самого начала своего правления относилась к нему довольно сдержанно. Она знала, что двенадцать лет в качестве посла в Швеции внушили ему уважение к конституционной монархии, которую она считала неприемлемой для России. Также ей было хорошо известно о надеждах Панина на то, что она станет регентом своего сына Павла. Разумеется, идея регентства не привлекала Екатерину; она никогда не говорила и даже не намекала на то, что хотела бы править в качестве опекуна своего сына.

Кроме того, Екатерина видела, что Панин не одобрял тех многочисленных почестей, которые она оказывала братьям Орловым. Он боялся, что отношения между Екатериной и Григорием Орловым окажутся столь же губительными для упорядоченного, эффективного правления, как и влияние красивых молодых фаворитов на императрицу Елизавету. Однако Панин оставался реалистом. Он признавал, что Екатерина пришла к власти во многом благодаря влиянию Орловых на гвардию, и понимал, что ее признательность и личная привязанность к Григорию не позволят ей ослабить влияние братьев. Желая приспособиться к сложившейся ситуации, Панин сменил тактику. Еще до того, как он стал помогать Екатерине в свержении Петра, он в частной беседе выразил ей свои надежды на реорганизацию правительства России в более либеральную структуру – чем-то похожую на ту, которой он восхищался в свое время в Швеции. Теперь, когда Екатерина взошла на трон, он надеялся сделать ее правление более эффективным и полезным для нужд России. Он попытался убедить императрицу согласиться с ограничением ее властных полномочий. Ему нужно было действовать очень осторожно. Он не мог открыто предлагать ограничение абсолютистской власти; поэтому посоветовал организовать исполнительный парламентский институт, имперский совет с четко прописанными функциями и полномочиями, задача которого заключалась в том, чтобы «помогать» правителю. Панин предполагал, что этот новый институт наложит организационные ограничения на монаршие полномочия.

Екатерина, достигшая высшей власти, не имела намерений делиться ею или позволить ее ограничить. Тактика Екатерины,

уже имевшей в руках всю полноту власти, заключалась в том, чтобы попросить Панина изложить свои идеи письменно. Панин сделал это быстро и до конца июля 1762 года представил Екатерине свои планы по созданию постоянного имперского совета. В этой новой структуре государь сохранял бы за собой роль главного лица в государстве, но ради эффективности должен делить свою власть с советом, состоящим из восьми имперских советников. Панин не объяснял, как и кто будет выбирать советников, хотя как минимум четыре из них должны были являться государственными секретарями, представляющими министерство военных дел, морского флота, иностранных дел и международных дел. (Чтобы сделать это предложение более приемлемым для Екатерины, Панин включил Григория Орлова в список кандидатов на одно из мест в совете.) Все дела, помимо Сената, ответственного за исполнение законов, перекладывались на совет, «как и на саму императрицу лично». Ни один декрет или устав, исходящий от совета, не будет считаться действенным без одобрительной подписи правителя.

Панин осознавал, что предлагая создать совет, он ставил себя в шаткое положение – своим планом он покушался на прерогативу монарха. Назначение советников должно было быть пожизненным, правитель не мог отправить их в отставку, их отзыв допускался бы лишь в случае серьезного проступка и при полном одобрении Сената. Когда Екатерина прочитала предложение Панина, она тут же поняла, что оно было создано для того, чтобы ограничить ее власть, сведя ее к праву выбирать и отправлять в отставку главных политических деятелей. После первого же прочтения план Панина оказался обречен: все эти годы Екатерина ждала трона не для того, чтобы смириться с ограничениями.

Всю свою жизнь Екатерина сохраняла твердую уверенность в том, что абсолютная монархия лучше подходила для Российской империи, чем правительство в виде маленькой группы парламентских чиновников. Большинство дворян также были против, чувствуя, что подобный совет передаст управление империей в руки ограниченного и сплоченного круга бюрократов. Правление самодержца было им намного привычнее. Негативные настроения дворянства подкрепили позицию Екатерины, и к началу февраля 1763 года стало ясно, что никакого совета не будет. Екатерина была осторожна и постаралась не обидеть Панина прямым отказом. Она притворилась, что заинтересована в его планах, а затем отложила проект и больше не упоминала о нем.

Решение Екатерины похоронить план по созданию

имперского совета стало для Панина началом политического спада, но в августе 1763 года императрица улучшила его положение. Она назначила Панина старшим членом Коллегии иностранных дел. Бестужев, уставший и разбитый, предпочел уйти в отставку. Следующие восемнадцать лет – до 1781 года – Никита Панина оставался старшим министром иностранных дел России.

Стараясь преодолеть финансовый кризис, удовлетворить потребности армии, переориентировать международную политику России и сделать управление страной более эффективным, Екатерина также попыталась уладить все дела с Православной церковью. Она приняла православие и соблюдала все обычаи этой религии, что являлось разительным контрастом по сравнению с ее мужем, Петром. Во второй месяц своего краткого правления Петр издал указ о секуляризации церковной собственности и заявил, что Русская православная церковь должна преобразиться в религию, схожую с северо-германским протестантизмом. Поскольку высшее церковное духовенство верило, что Екатерина придерживается противоположных взглядов и отменит все решения мужа, оно с энтузиазмом поддержало ее приход к власти. После этого церковные иерархи поспешили получить награду, требуя навсегда вернуть церковную собственность. После своего восхождения на престол Екатерина отплатила свой политический долг перед церковью, отменив указы Петра. Однако в душе она колебалась. Несмотря на то что публично Екатерина демонстрировала свою религиозность, она считала богатство церкви чрезмерным и недопустимым и отказывалась смириться с тем, что считала разбазариванием национального богатства. Как и Петр Великий, она верила, что эти богатства нужно использовать во благо государства. Екатерина хотела, чтобы церковь под руководством государства играла бы активную роль в обеспечении социального благосостояния и образования. Проблема огромного разрыва между бедным населением, нуждами государства и богатством церкви, владеющей обширными землями и крепостными, по-прежнему оставалась неразрешенной.

Ко времени восхождения Екатерины на престол население России состояло из десяти миллионов крепостных, большая часть которых была крестьянами, составляющими подавляющее большинство сельскохозяйственных рабочих на территории преимущественно аграрной страны. С самого начала своего правления Екатерина хотела решить фундаментальную проблему крепостничества, но этот институт слишком глубоко врос в

экономическую и социальную ткань русской жизни, и это не позволило ей заняться им в первые же месяцы правления. И хотя ей пришлось на время отложить кардинальное решение данного вопроса, она не могла оставить неразрешенным вопрос об обширных церковных угодьях, а также о миллионе крепостных, которые вместе со своими семьями возделывали эти земли. Она отменила указ Петра III о секуляризации церковной собственности, но этот поступок, временно восстанавливающий права церкви на все свои земли и крепостных, не стал решением, которое ее устроило. Цели Екатерины были прямо противоположными.

Желая разрешить проблемы, связанные с богатством и влиянием церкви, а также с взаимоотношениями церкви и государства, Екатерина выбрала курс своего великого предшественника. Петра I, правившего за полвека до нее, материальное благополучие своего народа беспокоило не меньше, чем его духовное спасение. Отринув заботу церкви о загробном мире, он хотел служить целям мира этого и обеспечить честных и надежных граждан своего государства образованием. Петр ограничил власть Православной церкви в России, упразднив высший религиозный чин патриарха, который обладал полномочиями, почти равными царским. Вместо одной властной фигуры Петр организовал Священный Синод из одиннадцати или двенадцати членов, которые не обязательно должны были быть священниками и которые управляли бы мирскими делами и финансами церкви. В 1722 году он назначил гражданского прокурора Священного Синода, в обязанности которого входило наблюдение за управлением церковью, а также осуществление судопроизводства над духовенством. Таким образом, царь Петр подчинил церковь государству, и Екатерина собиралась последовать его примеру. Дочь Петра Елизавета частично дала обратный ход реформам отца. Императрица, чрезмерно любившая жизнь и вместе с тем глубоко религиозная, искала утешения от излишеств своей личной жизни, раздавая богатства и привилегии церкви. За время ее правления церковь вернула себе право управлять своими землями и крепостными. Когда после Елизаветы царем стал Петр III, маятник качнулся в обратную сторону. Взойдя на трон, Екатерина отменила указы своего покойного мужа, вернув церкви ее владения и возможность распоряжаться ими. Через несколько месяцев она снова сменила курс.

Развитие этой политической и религиозной драмы, поначалу протекавшей довольно нерешительно, в конце концов, привело к серьезному противостоянию и оппозиционным настроениям. В

июле 1762 года Екатерина приказала Сенату изучить и составить таблицы, в которых перечислялись бы владения Православной церкви, а также порекомендовать правительству следовать новым курсом. Сначала Сенат выдвинул компромиссное предложение: угодья будут возвращены церкви, но налоги с церковных крестьян нужно было увеличить. Это создало раскол среди церковной иерархии. Большинство под предводительством архиепископа Дмитрия Новгородского приняли идею отдать ношу управления их сельскохозяйственными угодьями и стать оплачиваемыми слугами государства, как армия и чиновничество. Чтобы изучить эту проблему и выяснить все детали, Дмитрий предложил создать объединенную комиссию, в которую входили бы и священники, и мирские представители. Екатерина согласилась, и 12 августа 1762 года подписала документ, подтверждающий, что она временно аннулировала указы Петра III и возвращала церковные земли, которые теперь должны управляться самой церковью. В то же самое время она, по рекомендации Дмитрия, создала комиссию из церковных и светских представителей (три священника и пять мирян), чтобы изучить это дело.

Екатерине приходилось осторожно обращаться с церковной иерархией. Она всегда проявляла разумную гибкость в делах, касавшихся религиозных догм и политики. Воспитанная в атмосфере строгого лютеранства, Екатерина с детства испытывала определенный скептицизм по отношению к религии, что вызывало тревогу у ее глубоко верующего отца. Когда она в четырнадцать лет приехала в Россию, от нее потребовали сменить веру на православие. На публике она скрупулезно исполняла все религиозные обряды, присутствовала на церковных службах, соблюдала религиозные праздники и совершала паломничества. Во время своего правления она не позволяла себе недооценивать важность религии. Екатерина знала, что верующие возносили свои молитвы за государя и его престол и что мнение священников и святость месс – это та сила, с которой нужно считаться. Екатерина понимала, что правитель, независимо от его личных взглядов на религию, должен исполнять свой долг перед народом. Когда Вольтера спросили, как он, отрицающий Бога, может принимать святое причастие, он ответил, что «завтракает в соответствии с обычаями своей страны». Наблюдая разрушительный эффект пренебрежительного публичного отрицания Православной церкви ее мужем, Екатерина решила последовать примеру Вольтера.

Ее главные советники были не согласны с поведением императрицы в отношении церкви. Бестужев считал, что церковные иерархи и дальше должны самостоятельно

контролировать дела церкви. Панин же, в большей степени разделявший идеи Просвещения, предпочитал государственное управление церковью и ее владениями. В действительности манифест, изданный в августе 1762 года, в котором содержался намек на желание освободить церковь от бремени мирских дел, стал зловещим предзнаменованием будущему церкви. Когда комиссия начала работу, страхи перед грядущей секуляризацией быстро распространились среди духовенства, но большинство священников не знали, на что они имеют право и что им предпринять. И лишь немногие оказались готовы бороться.

Одним из ярких представителей группы, отрицавшей подчиненное положение церкви по отношению к государству, был Арсений Мацеевич, митрополит Ростова, который был яростным противником вмешательства государства в дела церкви, в особенности секуляризации церковной собственности. Этот шестидесятилетний священник – по рождению – украинский дворянин, член Святейшего Синода, – управлял богатейшей епархией (которая владела 16 340 крепостных), он твердо верил, что церкви были дарованы все ее угодья не для мирских, а для духовных целей. Смелый, увлеченный делом своей жизни и обладающий глубокими знаниями в теологии, он готов был использовать свое перо и свой голос, чтобы противостоять императрице. Мацеевич надеялся, что личная встреча с новой правительницей позволит ему убедить ее в своей правоте.

В начале 1763 года Екатерина решила совершить паломничество из Москвы в Ростов, чтобы поклониться мощам Дмитрия Ростовского, известного как святой Дмитрий Чудотворец, он был предшественником Арсения и недавно канонизирован. Кости должны были поместить в серебряный гроб в присутствии императрицы, после чего Арсений планировал поговорить с ней. Но когда подошло время паломничества, Екатерина отложила свой визит.

Когда объявили о том, что императрица приедет позднее, Арсений взял инициативу в свои руки. 6 марта 1763 года он направил в Святейший Синод письмо, в котором жестко критиковал политику секуляризации, уничтожавшую, по его заявлению, и церковь, и государство. Он напомнил Синоду, что по восшествии на престол Екатерина обещала защитить Православную церковь. Он выступал против утверждения, что церковь должна отвечать за образование в сфере философии, теологии, математики и астрономии: ее единственным христианским долгом, провозглашал он, было нести слово Божие. Епископы не должны отвечать за строительство школ, это – долг государства. Он отметил, что, если церковь подвергнут

секуляризации, епископы и священники больше уже не будут пастырями, а превратятся в «наемных слуг, ответственных за каждую корку хлеба». Он довольно жестко отзывался о своих коллегах-духовниках из Святейшего Синода, которые в этой кризисной ситуации «как псы немые, не лая смотрят».

Он выступил перед духовниками Ростова и проклял тех, кто усомнился в церковных правах на земли и крепостных; эти люди являлись «врагами церкви… тянущими руки к тому, что было освящено Богом. Они хотели присвоить богатства, отданные церкви детьми божьими и благочестивыми монархами».

Арсений просчитался. Он недооценил силу Екатерины и то, что другие властные фигуры в российском государстве объединятся против него. Высшее дворянство было глубоко мирским по духу: местные землевладельцы хотели иметь больше доступа к землям и работникам, которыми владела церковь; правительственные чиновники, пытавшиеся преодолеть финансовые трудности, согласились с Екатериной: имущество и доходы церкви нужно использовать в мирских целях.

Когда Екатерина прочитала петицию Арсения Синоду, она поняла, все эти обвинения были направлены непосредственно против нее. Описывая аргументы митрополита, как «извращенные и провокационные искажения», она настаивала на том, чтобы «лжец и лицемер» был наказан в назидание другим. Приказав Синоду действовать, она подписала указ, предававший Арсения суду. 17 марта провинившийся священник был арестован и под стражей привезен из Ростова в монастырь в Москве для допросов. В течение ряда ночных заседаний члены Синода допрашивали своего коллегу. Екатерина, присутствовавшая на допросах, слушала, как Арсений оспаривал ее право на трон, а также спрашивал о смерти Петра III. «Наша нынешняя правительница не родилась на этой земле и не крепка в своей вере! – восклицал архиепископ. – Она не должна занимать трон, который необходимо отдать Ивану Антоновичу (Ивану VI)». Императрица зажала уши и закричала: «Заткните ему рот!»

Синод был непреклонен и вынес свой вердикт. 7 апреля Арсения признали виновным и приговорили к лишению всех духовных званий, епархии и к изгнанию в отдаленный монастырь на Белом море. Ему не позволено было пользоваться пером и чернилами, кроме того, три раза в неделю он должен был выполнять тяжелую работу: носить воду, колоть дрова и чистить подвалы. В Кремле была устроена публичная церемония, на которой его лишили всех званий. Арсения, появившегося в длинных, ниспадающих до земли одеждах, подвергли унизительной процедуре: всю его церковную одежду снимали с

него одну за другой. Даже во время этого наказания он отказался сохранять молчание, выкрикивал оскорбления в адрес других священников и предсказывал, что их постигнет жестокая смерть. Четыре года спустя, заключенный на Крайнем Севере, он все еще называл Екатерину еретичкой и разрушительницей церкви и по-прежнему оспаривал ее право на трон. Императрица лишила его всех религиозных званий и приказала перевести в изолированную темницу в подвале Ревельской крепости на Балтике. Здесь его яростный голос, наконец, умолк: до самой его смерти в 1772 году стражники, которые не говорили по-русски, знали его под именем Андрея Лжеца.

Екатерина установила главенство государства над церковью. Через месяц после заточения Арсения она появилась перед Синодом и объяснила свои причины:

> «Отчего происходит, что вы равнодушно взираете на бесчисленные богатства, которыми обладаете и которые дают вам способы жить в преизбыточестве благ земных? Ведь царство апостолов было не от мира сего <…> Как же вы, не терзаясь совестью, дерзаете обладать бесчисленными богатствами, а владения ваши беспредельны, и они делают вас равными с царями в могуществе. У вас очень много подвластных <…> Вы не можете не видеть, что все ваши имения похищены у народа <…> Если вы повинуетесь законам совести, то не умедлите возвратить государству все то, чем вы неправильно обладаете».

Второго Арсения, который бы поднялся против нее, больше не нашлось.

Согласно императорскому манифесту, изданному 26 февраля 1764 года, все церковные земли и владения переходили в собственность государства, и сама церковь становилась государственным институтом. Все церковные крепостные получили статус государственных крепостных, и в результате миллион крестьян-мужчин – и более двух миллионов, если брать в расчет их жен и детей, – перешли под контроль государства и стали регулярно платить в казну налоги. Духовенство было лишено властной и административной автономии, все священники, независимо от сана, стали наемными служащими государства. Вместе с утратой административной автономии церковь лишилась и экономической базы. Сотни церквей были вынуждены закрыться. И никто не решился воспротивиться столь радикальным преобразованиям в религиозной, культурной,

социальной и экономической жизни России.

47
Крепостничество

Екатерина утвердила и одобрила административную структуру правительства империи, а также решила проблемы, которые поставили перед ней требования Православной церкви. В первые месяцы правления ей также пришлось столкнуться с кризисной ситуацией в базовом и очень нестабильном институте социальной и экономической жизни империи – крепостничестве. Беспрецедентное вовлечение индустриальных рабочих-крепостных в работы на рудниках и на литейных заводах на Урале продемонстрировали ученице Монтескье и Вольтера, что невозможно устранить давнюю социальную несправедливость, прибегая к помощи философии, какой бы прекрасной и убедительной она ни казалась на бумаге.

В 1762 году все население России, примерно двадцать миллионов человек, представляло собой иерархию следующих социальных классов: государь, дворянство, духовенство, купечество, горожане, а в самой основе – около десяти миллионов крестьян. Крепостные были крестьянами, прикрепленными к земле, которой владело государство, церковь, частные собственники – почти все они были дворянами, – а также различные индустриальные и горнодобывающие компании. Согласно переписи, произведенной в период с 1762 по 1764 год, государь владел пятьюстами тысячами крепостных, которые работали на землях, принадлежавших императрице или ее семье. Два миллиона восемьсот тысяч крепостных классифицировались как государственные крестьяне, ими владело государство, и они жили на землях, принадлежавших государству, им разрешалось исполнять свой долг перед государством, выплачивая подати либо отрабатывая их. Один миллион крестьян принадлежал церкви – этих крепостных Екатерина перевела в статус государственных. Но более всего крепостных – пять с половиной миллионов, или 56 процентов от общего числа, – являлись собственностью дворянства. Все русские дворяне были наделены крепостными по закону. Небольшая часть особенно богатых – владели тысячами крепостных, но в основном дворянство было представлено мелкими помещиками, имевшими земли, на возделывание которых требовалось лишь около сотни, а иногда и меньше двадцати работников. И наконец, существовала четвертая категория несвободных людей – индустриальные крепостные,

которые работали на шахтах и заводах Урала. Они не принадлежали владельцам или управляющим этих предприятий, а были закреплены за шахтами и заводами.

Крепостничество появилось в России в конце шестнадцатого века, как средство удержать крестьян для возделывания обширных государственных земель. Вслед за пятьюдесятью одним годом царствования Ивана Грозного (1533–1584) последовало правление боярина Ивана Грозного, Бориса Годунова, во время царствования которого началось Смутное время. Когда в России случились три голодных года, крестьяне покинули бесплодные земли и отправились в города на поиски пропитания. Чтобы удержать их, царь Борис издал указ о временном прикреплении крестьян к земле и их переходе в собственность землевладельцев. В последовавшие годы законное закрепление работников за землей нужно было для того, чтобы подавить кочевой инстинкт русских крестьян, часто просто уклонявшихся от работы, которая была им не по душе.

С годами положение крепостных ухудшилось. Когда работников только прикрепили к земле, они еще обладали некоторыми правами, и вся система основывалась на выполнении повинностей и выплатах. Однако со временем власть землевладельцев усилилась, и крепостные лишились всяческих прав. В середине восемнадцатого столетия большинство русских крепостных стали собственностью своих владельцев, их имуществом и, по сути, рабами. По-прежнему прикрепленные к своей земле крестьяне рассматривались своими хозяевами как частная собственность, которую можно было продать отдельно от земли. Семьи разбивались, мужей, жен, дочерей и сыновей по отдельности выставляли на продажу. Способных крепостных нередко продавали в города, где их мастерство расхваливалось в рекламных объявлениях в «Московских ведомостях» и «Санкт-Петербургских ведомостях»:

> «Продаются парикмахер, кровать с четырьмя столбами и другие предметы мебели.
>
> Продается две скатерти, а также две молодые девушки в услужение и одна крестьянка.
>
> Продаются покладистая девушка шестнадцати лет, а также карета, почти не использованная.
>
> Продается девушка шестнадцати лет. Умеет плести кружева, шить белье, гладить, крахмалить и одевать свою госпожу, к тому мила лицом и хорошо сложена.

> Кто желает купить целую семью или молодого мужика и девку по отдельности, спрашивайте у серебреника напротив Казанской церкви. Молодой мужик по имени Иван двадцати одного года, здоров, силен, умеет завивать дамские волосы. Девка, хорошо сложенная и здоровая, по имени Марфа пятнадцати лет, умеет шить и вышивать. Товар можно посмотреть и приобрести по разумной цене.
>
> Продается: прислуга и опытные ремесленники спокойного нрава. Двое портных, сапожник, часовщик, повар, каретник, колесных дел мастер, гравировщик, позолотчик и двое кучеров, которых можно посмотреть и договориться о цене <…> [адрес владельца]. Также продаются три скаковые лошади, один жеребенок, два мерина и свора гончих в количестве пятидесяти штук».

Цена крепостного, даже хорошего мастера, часто была ниже цены породистой гончей. В среднем крепостного мужчину можно было купить за сумму от двухсот до пятисот рублей, в зависимости от возраста, способностей и внешних данных. Иногда владельцы меняли крепостных на другие товары. Мужчину или женщину могли обменять на лошадь или собаку, а целые семьи иногда проигрывались в карты за одну ночь.

Большинство крепостных работали на земле. Но Екатерина в первую очередь столкнулась с плачевным положением индустриальных крепостных, работавших на рудниках, фабриках и заводах Урала. Желая способствовать индустриальному развитию России, Петр Великий в 1721 году предложил промышленникам (которые не являлись дворянами) купить крестьян у государства, забрать их с земли, перевести в индустриальные крепостные и прикрепить на постоянной основе к индустриальным компаниям. Эти крепостные не становились частной собственностью своих владельцев, а принадлежали предприятию и могли быть проданы вместе с ним, как часть оборудования. Условия жизни этих людей были ужасающими, их рабочий день – ненормированным, а суммы, выделявшиеся на их содержание, – ничтожными. Управляющие могли применять телесные наказания. Уровень смертности был невероятно высок – редкие индустриальные крепостные доживали до среднего возраста. Большинство из них просто умирали на работе. Все рабочие страдали от хронической усталости. В правление императрицы Елизаветы случались бунты, которые подавлялись

армией. Побег являлся для крепостных главным способом спастись от угнетения; индустриальные крепостные бежали в малонаселенные регионы в низовье Волги. Не все беглецы выживали, но многим удавалось совершить успешный побег.

Екатерине пришлось столкнуться с этой проблемой в первое же лето своего правления. Она отреагировала тем, что 8 августа 1762 года издала указ, объявлявший, что в будущем владельцам фабрик и шахт запрещалось покупать крепостных для работ отдельно от земель, к которым крепостные были закреплены. Также в этом указе говорилось, что новым работникам-крепостным, приобретенным подобным образом, должно было выплачиваться фиксированное жалованье.

Новость об императорском указе разнеслась по шахтам и заводам. Услышав упоминание о фиксированном жалованье, крепостные на Урале и Волге тут же остановили работы и вышли на забастовку. Производство на шахтах и заводах страны было остановлено. Екатерина поняла, что ее указ оказался преждевременным. Чтобы заставить рабочих вернуться к своей работе, она была вынуждена прибегнуть к методам Елизаветы и послать войска для усмирения бунтовщиков. Генерал А. А. Вяземский, будущий генеральный прокурор, был отправлен восстанавливать порядок на Урале. Там, где прежде бунты подавлялись с помощью плетей и кнутов, Вяземский использовал пушки.

Но прежде чем Вяземский отправился исполнять поручение императрицы, Екатерина дала ему дополнительные указания. Подавив восстания, он должен был расследовать ситуацию на шахтах, изучить причину недовольства рабочих и удостовериться, что все необходимые меры для удовлетворения их жалоб будут приняты. Вяземский имел полномочия увольнять, а при необходимости и наказывать управляющих:

> «Словом делайте все, что сочтете нужным, дабы успокоить крестьян; но примите заранее меры, чтобы крестьяне не подумали, будто приказчики боятся их. Если вы обнаружите вину приказчиков в жестоком обращении с крестьянами, то можете наказать их публично, но если кто-то из них взял на себя больше полномочий, чем им дозволено, накажите их тайно. Таким образом, вы не дадите простолюдинам повода потерять надлежащую исполнительность».

Вяземский отправился на Урал и в низовье Волги, где наказывал главарей крепостных плетьми и приговаривал их к

тяжелому труду. Однако он с такой же серьезностью отнесся и ко второй части своего задания: были проведены многочисленные расследования на основе жалоб крестьян и наказаны управляющие, виновные в жестокости или в превышении своих должностных полномочий.

Говорят, что Екатерина читала отчеты Вяземского с чувством глубокого сострадания к крепостным, однако, использовав силу для подавления мятежей, она оказалась меж двух огней. Индустриальные крепостные, столкнувшись с жестоким подавлением, теперь с подозрением относились ко всем предложениям, которые вносила императрица, чтобы удовлетворить их жалобы. В то же время владельцы шахт и местные чиновники стали возмущаться, считая, что реформы являлись преждевременными и нельзя было проявлять снисхождение к этим диким, примитивным людям, которых можно было усмирить лишь с помощью кнута. Таким образом, помимо изменений в условиях приобретения крепостных, которые были сделаны по ее указу, положение индустриальных рабочих осталось без изменений. Возмущения и бунты продолжились, и несколько лет спустя восстание Пугачева подняло целый регион на Урале и в низовьях Волги. Для Екатерины это стало уроком – одного лишь разумного и доброжелательного подхода оказалось недостаточно для того, чтобы сломать традиции, предубеждения и невежество, как хозяев, так и крепостных.

Но Екатерина не остановилась. В июле 1765 года она организовала специальную комиссию, чтобы «изыскать способы улучшить работу заводов, а именно облегчить тяготы людей и умиротворить их, а также позаботиться о благосостоянии народа». В 1767 году она говорила о необходимости предвосхитить восстание крепостных, стремящихся сбросить «невыносимое ярмо». «Если мы не согласимся на уменьшение жестокости и умерения человеческому роду нетерпимого положения, – писала она, – то и против нашей воли сами оную свободу возьмут рано или поздно».

Екатерина, знакомая с идеями Просвещения о правах человека, в душе была против крепостничества. Еще в бытность свою великой княгиней она предложила путь для реформ и ликвидации данного института, хотя для его исполнения понадобилось бы не меньше ста лет. Основная идея ее плана заключалась в том, что при продаже имения крепостные, проживающие на этих землях, должны были получать свободу. А поскольку в ближайшие сто лет многие имения в стране могли перейти из рук в руки, она сказала: «Таким образом мы

освободим людей!»

Однако если Екатерина понимала все беззаконие крепостничества, почему же она, взойдя на престол, наградила тысячами крепостных тех, кто ее поддерживал? В первые месяцы правления Екатерина подарила не менее восемнадцати тысяч крепостных, которые ранее принадлежали царской семье или государству и наслаждались относительной свободой. Стараясь выставить себя в наилучшем свете, она, возможно, считала, что это отступление от своих принципов являлось временным. Ей нужно было решить текущие проблемы. Дворяне-землевладельцы вместе с армией и церковью посадили ее на трон. И она хотела наградить их. В России в 1762 году богатство измерялось количеством крепостных, а не земель. Если она хотела наградить своих сторонников чем-то еще, помимо титулов и орденов, она должна была дать им богатство. Богатство означало наличие крепостных.

Как императрице, Екатерине приходилось идти на компромиссы, однако она должна была каким-то образом примирить крепостничество с концепцией Просвещения о правах человека. В Европе у нее не было примеров, которые могли бы служить ей образцами. Энциклопедисты осуждали рабство в принципе, но не сталкивались с ним лично; пережитки феодализма все еще встречались лишь в небольших анклавах, разбросанных по Европе. В Англии король Георг III, парламент и некоторые торговцы по-своему способствовали развитию рабства – в результате торговли африканскими рабами в вест-индские колонии каждый год поставлялось двадцать тысяч мужчин и женщин. Американские колонии, а в скором времени и новая Американская республика, служили ярким примером притворства. В Виргинии представители дворянства и землевладельцы, защищавшие американскую независимость, были по большей части рабовладельцами. Джордж Вашингтон владел рабами в Монт-Верноне до самой смерти в 1799 году. Томас Джефферсон, написавший «Декларацию Независимости», в которой говорилось о том, что «все люди рождены равными» и имеют одинаковые права на «жизнь, свободу и стремление к счастью», всю жизнь владел рабами. Тридцать восемь лет Джефферсон прожил со своей рабыней Салли Хемингс, родившей ему восьмерых детей. Вашингтон и Джефферсон были далеко не одиноки в своем «президентском» лицемерии. Двенадцать американских президентов имели рабов, восемь из них оставались рабовладельцами во время своего правления.

Положение крепостных в России во многом напоминало ситуацию с черными рабами в Америке. Хозяева воспринимали их как людей низшего сорта, считалось, что Бог оправдывал социальную пропасть между крепостными и их хозяевами. Их можно было продать и купить, как животных. С ними не церемонились, часто подвергая лишениям, а нередко и жестокому обращению. Однако в России между рабом и хозяином не существовало барьера по цвету кожи. Русские крепостные не были иноземцами на чужой земле; их не увозили силой от родных домов, родного языка и религии и не отправляли за тысячу миль через океан. Крепостные в России были потомками разоренных, необразованных людей той же расы, той же крови, говорившими на том же языке, что и их владельцы. Тем не менее, как и хозяева рабов в Америке, русские крепостники полностью контролировали жизнь своей собственности. Крепостной не мог жениться без разрешения хозяина. Закон никак не ограничивал крепостников в применении телесных наказаний для крепостных; неповиновение, лень, пьянство, воровство, драки и сопротивление представителям власти каралось поркой хлыстом, розгами или кнутом. Единственным ограничением для крепостника служило то, что он не мог казнить крепостного. Однако он имел право привести в исполнение наказание, которое влекло к смерти. Французский путешественник по России писал: «Я испытал глубокое отвращение, когда увидел мужчин с седыми волосами и бородами патриархов, лежавших лицом вниз, со спущенными штанами и поротых, словно дети. Еще более ужасным – я даже краснею, когда пишу об этом, – было то, что иногда хозяева заставляли сыновей пороть своих отцов».

Большинство крепостных в России были крестьянами – они возделывали землю, сеяли и собирали урожай. В зависимости от времени года и от капризов хозяев, они могли также выполнять обязанности лесорубов, садовников, плотников, свечников, художников, дубильщиков кожи. Крепостные растили скот и работали на конюшнях, где ухаживали за упряжными и верховыми лошадьми. Крепостные женщины постоянно выполняли тяжелую физическую работу. Нередко беременные, они без отдыха работали в поле вместе с мужьями, готовили еду, стирали одежду и рожали детей, обеспечивая хозяина новыми крепостными. Когда эти женщины были свободны от своих обязанностей, их посылали в лес собирать грибы и ягоды, но при этом им не разрешалось забирать собранное себе или даже есть ягоды.

Это был мрачный, патриархальный мир. Быт большинства

крепостных семей подчинялся старинным правилам, имевшим место в различных культурах: мужчины, терпевшие жестокое обращение от тех, кто был выше их по положению, вымещали накопившееся на тех, кто находился в их власти – на женщинах и детях. Мужчина, глава крестьянской семьи, обладал практически безграничной властью над своими домочадцами. Иногда это находило воплощение в обычае, позволяющем отцам семейства использовать для своего сексуального удовлетворения жен сыновей.

Жизнь крепостных различалась в зависимости от количества крестьян у землевладельца. Богатые дворяне владели десятками тысяч крепостных. Русские вельможи могли иметь в шесть раз больше личной и домашней прислуги, чем люди того же положения в Европе. Домовая прислуга знатного дворянина часто состояла из нескольких сотен душ; у менее богатых – из двадцати или менее. Домашних крепостных обычно детьми забирали из их семей в поместье. Оказавшись выбранными за свой ум, приятную внешность и умение приспосабливаться, они обучались той работе, которую выбирал для них хозяин. У знатных вельмож были свои сапожники, кузнецы, портные и швеи. В поместье мужчины и женщины, одетые в бархатные, шитые золотом одежды, стояли вдоль коридоров или у входов в комнаты и ждали, готовые выполнять все приказы хозяев и их гостей. Обязанностью одного крепостного могло быть открывание дверей, другой должен был по первому же приказанию приносить хозяину трубку или бокал вина, третий – книгу или чистый носовой платок.

Поскольку в России всегда любили яркие представления, наиболее богатые дворяне создавали собственные театры, оперные труппы, оркестры, состоявшие из ста человек, и балеты, для которых требовалась труппа танцоров. Чтобы устраивать подобные спектакли, знатные вельможи имели также своих композиторов, дирижеров, певцов, актеров, художников и мастеров сцены. Всех артистов обучали актерскому мастерству. Дворяне посылали своих крепостных музыкантов, художников и скульпторов за границу, чтобы они совершенствовали технику у французских и итальянских мастеров. Крепостные также становились инженерами, математиками, астрономами и архитекторами. Жизнь этих талантливых мужчин и женщин становилась легче, чем у крепостных, которые работали в поле и которые могли быть их родителями и прародителями. Иногда хозяева питали к ним особую привязанность. Тем не менее ни один крепостной, насколько бы умен и талантлив он ни был, не должен был забывать, что он или она оставались собственностью,

которая какое-то время имела возможность пользоваться расположением хозяев, но в любой момент могла быть разлучена со своей семьей. Крепостному могли запретить вступить в брак или же, наоборот, заставить заключить его помимо воли, от крепостного ждали, что он будет готовить, подметать, ждать у стола или же танцевать и играть на музыкальном инструменте. В любой момент крепостной мог стать объектом унижения, жертвой прихоти своего хозяина. Против подобного обращения невозможно было протестовать. Крепостного всегда могли отправить обратно в поле. Или продать.

История российского крепостного театра наполнена эпизодами жестокости. Однажды один дворянин неожиданно набросился на певицу, исполнявшую роль Дидоны. Ударив ее по лицу, он сказал, что по окончании спектакля выпорет ее на конюшне. Певица с красным от удара лицом вынуждена была продолжать петь. Один посетитель, заглянувший за кулисы, увидел мужчину, на шее у которого был металлический ошейник с острыми шипами – любой, даже малейший поворот головы причинял ему сильную боль. «Я наказал его, – объяснил князь, – чтобы в следующий раз он лучше сыграл царя Эдипа. Я заставлю его простоять так несколько часов. Уверен, после этого его игра улучшится». В том же театре тот же посетитель нашел человека, прикованного цепью за шею так, что он не мог двигаться. «Он был моим скрипачом, – пояснил хозяин. – Но стал играть не по нотам, пришлось его наказать». Хозяин замечал малейшие ошибки своих актеров, а затем во время антракта порол их за кулисами.

Владельцы молодых мужчин, женщин, мальчиков и девочек имели полную свободу использовать их для воплощения своих эротических фантазий. Некоторых женщин-актрис заставляли прислуживать во время обедов, затем они выступали на сцене, а потом их отправляли в спальни гостей хозяина. Хозяин часто приставлял к каждому гостю-мужчине крепостную девушку, которая оставалась с ним все время его пребывания. Князь Николай Юсупов устраивал оргии, начинавшиеся прямо на сцене. Когда князь стучал своей тростью, все танцовщицы сбрасывали свои костюмы и продолжали танцевать голыми.

На фоне всех этих случаев жестокой эксплуатации крепостных выделяется одна история, напоминающая скорее сказку. Но к сожалению, закончилась она трагически.

Род Шереметьевых принадлежал к одной из старейших в России дворянских семей. В течение многих поколений Шереметьевы служили московским князьям – предшественникам царей. Шереметьева была супругой царевича Ивана – сына царя

Ивана Грозного, убитого собственным отцом. Фельдмаршал Борис Шереметьев командовал русской армией во время исторической победы Петра Великого над Карлом XII Шведским в битве при Полтаве в 1709 году. К середине восемнадцатого столетия семья Шереметьевых была одной из богатейших в России, ей принадлежало около двух миллионов акров земли. Некоторые имения состояли из более дюжин деревень, в каждой из которых насчитывалось более сотен домов. Шереметьевы приобретали в Англии седла, бильярдные столы и охотничьих собак, в Вестфалии – ветчину, а одежду, помаду, табак и бритвы им привозили из Парижа. Граф Николай Шереметьев, глава семьи, во времена правления Екатерины владел 210 000 крепостных душ – это было больше, чем все население Санкт-Петербурга в то время.

Кусково, одно из богатейших имений Шереметьевых, находилось в пяти милях к востоку от Московского Кремля. Здесь, во дворце, построенном в итальянском стиле, стены в коридорах и залах украшали картины Рембрандта и Ван Дейка. В библиотеке бюсты Вольтера и Бенджамина Франклина стояли напротив полок с двадцатью тысячами томов, среди которых были работы Вольтера, Монтескье, Дидро, Руссо, Корнеля, Мольера, Сервантеса, а также французские переводы Милтона, Поупа и Филдинга. Напротив дворца, в искусственном пруду, вырытом крепостными, плавали полностью снаряженный военный корабль и китайская джонка.

Николай Шереметьев, внук фельдмаршала и наследник всего состояния, вырос в атмосфере роскоши и с детства ощущал свое особое, привилегированное положение. Его учили русскому, французскому и немецкому, обучали игре на скрипке и клавикордах, давали уроки живописи, скульптуры, архитектуры, фехтования и верховой езды. Мальчиком он был выбран императрицей Екатериной, чтобы стать другом по играм великого князя Павла.

Через девятнадцать лет после рождения Николая, в поместье Шереметьевых на свет появилась крепостная девочка, которую назвали Прасковьей. Ее отцом был безграмотный кузнец, питавший слабость к спиртному. Он часто был жесток и бил свою жену и многочисленных детей. В возрасте восьми лет Прасковью забрали в поместье. Ни у нее, ни у ее родителей не было выбора – крепостных часто заставляли отдавать своих детей, если того желали их хозяева. Девочку научили читать и писать. Она встретила Николая, когда ей было девять, а ему – двадцать шесть. Николай, все еще не женатый, любил женщин, а женщины, которых он находил наиболее привлекательными – или,

возможно, просто доступными и нетребовательными, – были его крепостные. Они с Прасковьей стали любовниками в середине 1780-х, когда ей было семнадцать, а ему – почти тридцать пять. Они сблизились столь тесно не только потому, что он был ее хозяином, их также объединяла любовь к музыке. Прасковья демонстрировала редкий талант к пению, а Николай хотел создать самую лучшую оперную труппу в России. Ее дебют состоялся на сцене только что построенного Шереметьевского оперного театра, когда она была еще совсем юной. Прасковья сразу же проявила себя как настоящая звезда. Она выступала под псевдонимом «Жемчугова». У нее были темные, выразительные глаза, светлая кожа, золотисто-каштановые волосы и изящная хрупкая фигура. Биограф описывал ее сопрано как «чудо, редкое по красоте тембра, с удивительным диапазоном, эмоциональностью, силой и чистотой».

В период между 1784 и 1788 годами Николай поставил сорок различных спектаклей: опер, комических опер, комедий и балетов. Русское дворянство собиралось, чтобы послушать пение Прасковьи. Императрица Екатерина, вернувшаяся из Крымского похода, в 1787 году приехала в Кусково и, несмотря на отсутствие музыкального слуха, была тронута исполнением Прасковьи. Именно императрица сказала, что это было «самое чудесное исполнение», которое она только слышала. После оперы Екатерина захотела встретиться с Прасковьей, ее привели к императрице. Та коротко переговорила с певицей, а позже прислала ей кольцо с бриллиантами и 350 рублей – подобный подарок крепостной стал беспрецедентным поступком.

Однако к 1796 году Прасковья заболела. Ее недуг проявлялся в головных болях, головокружении, кашле и боли в груди. Вынужденная покинуть сцену, она в последний раз спела 25 апреля в день своего двадцативосьмилетия. Николай закрыл свой театр и в 1798 году дал Прасковье вольную. Позже он так это объяснил:

> «Я питал к ней чувствования самые нежные, самые страстные. Долгое время наблюдал я свойства и качества ее: и нашел украшенный добродетелью разум, искренность, человеколюбие, постоянство, верность, нашел в ней привязанность к святой вере и усерднейшее Богопочитание. Сии качества пленили меня больше, нежели красота ее, ибо они сильнее всех внешних прелестей и чрезвычайно редки. Они заставили меня попрать светское предубеждение в рассуждении знатности рода и избрать ее своею супругою».

Шереметьев предложил ей стать его женой. Это была революционная идея для своего времени. Ни один дворянин такого высокого положения, как Николай, никогда не женился на женщине, родившейся в семье крепостных. К чему мог привести брак между одним из богатейших аристократов России и крепостной, пускай теперь и свободной? Николай проигнорировал все возможные последствия и пошел до конца. 4 ноября 1801 года он обвенчался с Прасковьей. 3 февраля 1803 года в возрасте тридцати четырех лет она родила своего единственного сына. Три недели спустя утром 23 февраля Прасковья умерла. Городская знать, взбешенная тем, что Николай женился на бывшей крепостной, отказалась присутствовать на похоронах. Не было там и Николая – убитый горем, он не смог встать с постели. Шесть лет спустя он умер в возрасте пятидесяти семи лет и был похоронен рядом с ней в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге. Их сын Дмитрий, единственный законный ребенок, унаследовал владения Шереметьевых.

Эта история стала легендой. Говорят, что в 1855 году, праправнук Екатерины, царь Александр II, гулял в Кусково с Дмитрием и выслушал рассказ Дмитрия о его матери, Прасковье. Вскоре же после этого, согласно семейной истории, царь издал указ, который в 1861 году освободил всех крепостных в России. В 1863 году манифест Авраама Линкольна об освобождении рабов дал свободу черным рабам Америки.

48
«Госпожа Орлова никогда не будет императрицей Российской»

В первый год правления Екатерины Григорий Орлов всегда был рядом с ней. Он носил алый мундир, а на груди – эмблему императорской благосклонности, портрет Екатерины, усыпанный бриллиантами. Императрица любила его как мужчину и как героя, который вместе со своими братьями возвел ее на престол. Изо всех четырех мужчин, с которыми она спала, Орлов дарил ей наибольшее физическое удовольствие. Он ездил в императорском экипаже рядом с императрицей, пока представители знатнейших дворянских семей сопровождали их в своих каретах или верхом. Люди, желавшие сделать карьеру при дворе, искали его покровительства.

Но далеко не все любили Орлова. Некоторые (в их число входила и княгиня Дашкова) были возмущены его недостаточно высоким происхождением, его внезапным возвышением и не всегда изысканными манерами. Екатерина знала, что многие знатные дворяне избегали его и его братьев. Понимая это, она делала все, чтобы сгладить острые углы в поведении Григория и превратить его в знатного вельможу. Она наняла для него учителя французского, чтобы он освоил язык, на котором разговаривал русский высший свет, но это предприятие оказалось практически безуспешным. В своем письме Понятовскому Екатерина пыталась описать ситуацию, в которой оказалась: «Мужчины, которые окружают меня, необразованны, но я в долгу перед ними за то положение, которое теперь занимаю. Они храбры и честны, и я знаю, что они меня никогда не предадут».

Отношения с Орловым усложняло ее положение на троне. Екатерина осыпала титулами, наградами и богатством Григория и его братьев, но он хотел чего-то большего. Теперь Екатерина стала вдовой, и он желал получить приз, который, по его мнению, полностью заслужил: он хотел, чтобы Екатерина стала его женой. В нем говорили не только политические амбиции. Орлов был бесстрашным солдатом, который с тремя пулями в теле стоял около пушки в Кунерсдорфе, а позже набрался смелости и сбежал вместе с любовницей генерала. Когда он стал ухаживать за великой княгиней Екатериной, им отчасти руководило тщеславие, но им руководила и страсть. В той ситуации от него не требовалось особого мужества – в роли ее любовника он не подвергал себя опасности. Подобные отношения были нормой

при российском дворе и особо не скрывались. У императрицы Анны был Иоганн Бирон; у императрицы Елизаветы – Алексей Разумовский; у мужа Екатерины Петра III была Екатерина Воронцова; у самой Екатерины и прежде были любовники – Сергей Салтыков и Станислав Понятовский. В Западной Европе королевские романы были обычным делом. Карл II, Георг I и Георг II Английский, а также Людовик XIV и Людовик XV во Франции имели официальных фавориток. Таким образом, Орлов не подвергал себя опасности из-за отношений с Екатериной до тех пор, пока он вместе с ней не принял участие в заговоре по свержению императора. Это было преступление, каравшееся смертной казнью. С другой стороны, в течение месяцев, пока заговор формировался, они с Екатериной рисковали в одинаковой мере. То, что ради нее он готов был пожертвовать жизнью, выравнивало разницу в их положении, ведь он мог сделать для нее намного больше, чем она для него.

Орлову это нравилось. Мужчин привлекают женщины, которым, по их мнению, требуется поддержка. Орлов, возможно, ошибочно принял Екатерину за нуждавшуюся в помощи женщину, каковой та не являлась. Она была смелой, гордой, уверенной в себе. Пока Екатерина оставалась великой княгиней, она, возможно, и производила впечатление политически и эмоционально уязвимой особы, однако хорошо это скрывала. Она стала любовницей Орлова и родила от него ребенка, он рисковал ради нее жизнью. Екатерина взошла на трон благодаря его помощи. Он знал об этом и был уверен, он будет вознагражден, и не хотел играть роль подчиненного. Орлов желал, чтобы Екатерина принадлежала ему не только в ночные часы, за шелковым пологом постели, но и днем, когда они выходили на публику.

Для Екатерины это стало немыслимо. Она уже не была великой княгиней и не могла больше оставаться просто нежной любовницей. Екатерина стала императрицей России. Эта роль накладывала на нее большую ответственность. Каждое утро она вставала в пять или в шесть утра и работала по пятнадцать часов в день. У нее оставался, возможно, всего один час после того, как заканчивались дневные дела – обычно поздно вечером перед тем, как она, полностью обессиленная, засыпала. Только это время она могла позволить себе быть игрушкой в руках мужчины. У нее не было возможности предаваться продолжительным любовным играм, ласкам, приятным беседам и мечтам о будущем. Она знала, что лишала его того, чего он так жаждал, но у нее не было выбора. Поэтому Екатерина испытывала чувство вины, и, дабы облегчить тяготившее ее чувство, она одаривала его титулами,

драгоценностями и имениями. Это должно было стать для Орлова компенсацией за то, что она была не готова выйти за него замуж.

Но Григорий хотел не наград. Он намеревался жениться на ней, не потому что стремился получить титул принца-консорта, а потому что желал играть главную патриархальную роль среди всех российских мужей восемнадцатого столетия. Орлов был возмущен, что государственные дела отнимали у нее часы, во время которых он сгорал от желания, не имея возможность удовлетворить свою страсть. Орлов злился, что Екатерина проводила эти часы с мужчинами вроде Никиты Панина и Кирилла Разумовского, чье прекрасное образование оказалось для нее важнее его страсти и его доблести. Они давали ей советы в делах, в которых он был абсолютно не сведущ. Считая, что они отнимают у него Екатерину, он предпринимал неуклюжие попытки напомнить ей о долге перед ним и его братьями. Иногда он срывался на людях и обращался к Екатерине в намеренно грубом тоне. Однажды вечером перед тем, как она отправилась на коронацию в Москву, за ужином с близкими друзьями в Зимнем дворце, разговор зашел о перевороте, случившемся несколько месяцев назад. Григорий начал хвастаться своим влиянием в гвардии. Повернувшись к Екатерине, он заявил, что с легкостью посадил ее на трон и так же легко при желании может убрать ее оттуда в течение месяца. Все присутствовавшие были потрясены – никто, кроме Орлова, не мог говорить с Екатериной подобным образом. Потом в разговор вмешался Кирилл Разумовский. «Возможно, вы и правы, мой друг, – прохладным тоном заметил он. – Но еще до истечения этого месяца, мы бы вас повесили». Григорий был поражен: ему напомнили о том, что он был всего лишь любовником Екатерины, красивой и хорошо сложенной пешкой.

Екатерина искала способа изменить сложившуюся ситуацию и продолжить свои отношения с Орловым. Взойдя на трон, она была уверена, что сможет счастливо провести с ним всю свою жизнь. Он был ее любовником в течение трех лет, отцом ее ребенка, Алексея Бобринского, они с братьями рисковали своими жизнями ради нее. Но оказавшись благодаря своим амбициям на самой вершине, она почувствовала одиночество, от которого ее не могла спасти власть. Она нуждалась в обществе любимого человека, в его нежности и страсти. Именно поэтому Екатерина думала о том, чтобы выйти замуж за Орлова.

Григорий стал настойчивым, требовательным. Он заявил, что предпочтет скорее вернуться к должности младшего офицера в армии, чем играть роль «мужского аналога мадам Помпадур». Екатерина пыталась разобраться в своих чувствах. Она не

осмелилась отказать ему напрямую. Екатерина не была слепа и видела все недостатки Орлова. Она преувеличивала его достоинства перед остальными, но хорошо знала, чего он на самом деле стоил. Екатерина понимала, что его нельзя было называть интеллектуалом и воспитанным человеком, и что он не обладал качествами, необходимыми для участия в решении серьезных государственных дел.

Орлов не понимал или не хотел понимать, почему Екатерина колеблется. Он не мог до конца постичь ее амбиций, которые зародились еще в детстве и культивировались в течение всех этих лет ожидания, жажды власти, ее осознания, что по уму, образованию, знаниям и силе воли она всегда находилась выше всех, кто ее окружал. Она долго ждала, но теперь ее ожидания закончились. Если ей и приходилось выбирать между Орловым в качестве супруга и возможностью удержать императорскую власть, ее выбор явно склонялся не в пользу Орлова.

Однако вопрос о замужестве все еще мучил ее. Временами ей казалось, что она может сохранить и Орлова, и трон. В какой-то момент она готова была сказать «да». Позже она сама не понимала, как смогла отказать. Екатерина не могла допустить, чтобы Орловы отдалились от нее, но в то же самое время она предвидела возмущение и разочарование, которое она может вызвать у других, особенно у Никиты Панина, который был особенно важен для нее в роли руководителя правительства. Для всех русских и для Панина в особенности брак с Орловым поставил бы под удар право Павла как наследника в пользу ее младшего сына, отцом которого был Орлов. Панин, которому было позволено говорить с Екатериной откровенно, очень холодно реагировал на разговоры о свадьбе, заявив однажды: «Госпожа Орлова никогда не будет императрицей российской».

Надеясь найти аргумент в пользу брака с Орловым, Екатерина решила поподробнее разузнать, вступала ли императрица Елизавета в брак со своим любовником – крестьянином Алексеем Разумовским. Она отправила канцлера Михаила Воронцова посетить Разумовского и передать ему, что если он предоставит доказательства своего брака с Елизаветой, то получит все права вдовствующего принца-консорта, а также почести, причитающиеся члену королевской семьи, и солидную пенсию. Когда канцлер прибыл, Разумовский сидел у камина и читал Библию. Пожилой мужчина молча выслушал своего гостя, а затем покачал головой. Он и так был одним из богатейших людей в России, поэтому его не интересовали ни почести, ни деньги. Он встал, подошел к запертому кабинету из слоновой кости, открыл его, вытащил свернутый пергаментный документ, перевязанный

розовой лентой. Перекрестившись, он поднес свиток к губам, снял ленту и бросил документ в огонь. «Скажите Ее Императорскому Величеству, что я всегда был лишь скромным рабом покойной императрицы Елизаветы Петровны», – сказал он.

Орлов отказался мириться с такой серьезной неудачей. Разумовский был всего лишь красивым крестьянином с великолепным голосом, в то время как он, Григорий Орлов, и его братья возвели его любовницу на престол. Он не оставил свои попытки заключить брак с Екатериной. Зимой 1763 года Алексей Бестужев, который теперь объединился с Орловыми против Панина, начал искать поддержки у высшего дворянства, членов Сената и духовенства, чтобы создать петицию с требованием о повторном вступлении императрицы в брак. Главным аргументом петиции стал тот факт, что, учитывая слабое здоровье и частые болезни великого князя Павла, Россия должна была получить еще одного наследника. Стояли за этим предприятием только Бестужев и Григорий Орлов, или также остальные братья Орловы, а может, даже и сама Екатерина, – так и осталось неизвестным. Но петиция встретила сильное сопротивление, а когда документ оказался в руках у Панина, он показал его Екатерине, которая отказала Бестужеву в возможности распространять его.

Когда Екатерина оказалась на троне, ее близкие отношения с Григорием Орловым вызвали зависть в армии, где служил этот смелый солдат. Григорий всегда считал, что его популярность среди солдат и офицеров будет непреходящей. Но теперь, несмотря на милости, которыми осыпала его с братьями императрица, он стал утрачивать свои позиции в армии, а также среди старых товарищей по гвардии. Возвышение Орловых было слишком быстрым, успех привел к гордости, гордость подпитывала самонадеянность, а самонадеянность вызывала зависть. В октябре, через месяц после коронации Екатерины в Москве, ее отношения с Орловым стали вызывать недовольство у молодых офицеров, которые принимали участие в перевороте, и они стали поговаривать о том, чтобы сместить ее в пользу свергнутого императора Ивана VI. И хотя этот маленький заговор был быстро разоблачен, недовольство осталось. Что, если Екатерина решит выйти замуж за этого высокого красивого офицера? Шесть месяцев спустя ответ был получен.

В мае 1763 года Екатерина отправилась из Москвы в монастырь Воскресения в Ростове, в верховье Волги. Она наконец решила совершить паломничество, которое ей пришлось отложить, когда ее противостояние с архиепископом Арсением

Мацеевичем достигло своей кульминации. К сожалению для Орлова, этот визит совпал с предложенной Бестужевым петицией, в которой Екатерину просили повторно вступить в брак. В результате поползли слухи, будто Екатерина удалилась в монастырь для того, чтобы втайне выйти замуж за Орлова. Слухи дошли до Москвы, сначала к ним отнеслись с недоверием, затем – с ужасом, и в результате это привело к горячечному поступку молодого офицера гвардии, капитана Федора Хитрово.

Императрица все еще находилась в Ростове, когда ей сообщили, что Хитрово собирается убить всех Орловых, чтобы освободить от них Екатерину. Хитрово арестовали. Поскольку ходили слухи, что люди вроде Никиты Панина и Екатерины Дашковой также были причастны к замыслу, императрица потребовала выяснить, кому еще известно о заговоре и кто принимал в нем участие. Расследование поручили генералу Василию Суворову.

Хитрово, как с удивлением узнала Екатерина, оказался одним из сорока офицеров гвардии, которых наградили за доблестную службу после переворота, возведшего ее на трон. Во время допроса молодой офицер сказал, что присоединился к заговору, считая, что Екатерину объявят регентом ее сына, а не императрицей. В любом случае он и его товарищи сделали для Екатерины то же самое, что и братья Орловы, все в одинаковой мере рисковали своими жизнями, свергая Петра III. В благодарность за это все сорок получили ордена и по несколько тысяч рублей каждый. Но Григорий Орлов был пожалован высокими званиями, получил ежегодное жалованье в 150 000 рублей, стал фаворитом императрицы и держался так, словно уже был принцем-консортом. Хитрово считал, что паломничество Екатерины в Ростов имело целью получить разрешение на брак со своим любовником. Он считал, что это станет народным бедствием, которое следовало предотвратить.

Во время допроса Хитрово рассказал членам комиссии, что им двигала исключительно любовь к своей стране. Он настаивал, что действовал по своей доброй воле и поклялся, что у него не было сообщников. В то же самое время он заявил, что не был против повторного брака императрицы. По сути, он целиком и полностью ратовал за то, чтобы она снова вышла замуж за человека, достойного трона. Во время расследования стало ясно, что Хитрово вовсе не был эксцентричным безумцем, он выражал мнение многих в гвардии и армии. Его поведение и его ответы во время допроса произвели сильное впечатление, он завоевал поддержку своих следователей, которые решили, что имеют дело с честным, целеустремленным патриотом, который хотел спасти

Россию от катастрофы.

Поскольку следствие встало на сторону заключенного, против него нельзя было выдвинуть никаких обвинений. Хитрово, который менее всего воспринимался как наемный убийца, стал в глазах общества героем, который хотел спасти свою государыню. Хотя следствие проводилось в секрете, все в Москве знали о случившемся, винили во всем Орловых и требовали освобождения Хитрово. При таком явном сочувствии большинства к Хитрово Орловы не посмели настаивать на продолжении этого дела, следствие прекратилось, никакого суда не последовало. Сама Екатерина признала, что Хитрово был не врагом, а достойным офицером, который озвучил мнение двора, гвардии, армии и всего города. В глубине души она была даже благодарна молодому капитану. При таком почти повсеместном сопротивлении браку, даже Григорий оказался вынужден признать, что его вероятность была практически исключена. Екатерина избежала необходимости лично давать ему болезненный отказ.

Все эти события, которые не удалось сохранить в секрете, вызвали бурные обсуждения в обществе, и Екатерине это решительно не нравилось. Желая положить конец пересудам, она 4 июня 1763 года издала так называемый манифест «О молчании». Под стук барабанов люди по всей империи собирались на площадях, чтобы послушать, как глашатаи зачитывали ее обращение, в котором говорилось, «чтоб все и каждый из наших верноподданных единственно прилежал своему званию и должности, удаляясь от всяких предерзких и непристойных разглашений». Это возымело желаемый эффект, и дело Хитрово быстро забылось. Поскольку Хитрово происходил из богатой семьи, он не понес сурового наказания, его лишили всех военных чинов, уволили из армии и сослали в фамильное загородное поместье неподалеку от Орла. Он умер одиннадцать лет спустя.

Но прежде чем окончательно забыться, дело Хитрово имело некоторые последствия. В начале следствия имя княгини Дашковой указывалось среди возможных сообщников Хитрово. Это было неправдой, поскольку сам Хитрово ясно дал понять, что был один, однако Орловы, знавшие, как сильно Дашкова их презирала, потребовали, чтобы ее допросили. Екатерина отказала им, но теперь все, к чему имела отношение Дашкова, стало достоянием общественности. Княгиня публично заявила, что ничего не знала о заговоре, однако добавила, что, если бы ей и было о нем известно, она отказалась бы кому-либо рассказать.

Затем она заявила: «Если императрица хочет положить мою голову на плаху в награду за то, что я водрузила корону на ее голову, то я готова умереть». Это броское, эпатажное заявление Екатерина уже не могла снести. Когда Дашкова убедилась, что ее высказывание стали повторять по всей Москве, рассерженная императрица написала князю Дашкову и попросила его с помощью своего авторитета урезонить жену. «Я очень надеюсь, – говорила она, – что мне не придется забыть заслуги княгини Дашковой, но пусть и она не забывается. Напоминайте ей об этом, мой князь, когда она даст такой повод. Возмутительная свобода ее высказываний ужасает меня».

Дело Хитрово помогло уладить важную проблему: о браке с Орловым теперь не могло быть и речи. Публичное проявление ненависти к Орловым ужаснуло Екатерину, которая не хотела больше будоражить общественное мнение. Разговоры о замужестве Екатерины прекратились, но следующие девять лет Екатерина держала Григория подле себя, мирясь с его вспыльчивым нравом, ревностью и кратковременными изменами. «Никого бы больше и не появилось, – позднее скажет Екатерина Потемкину, – если бы он не начал уставать». В их отношениях установился странный психологический баланс: она управляла им, потому что была его государыней, а также в значительной степени превосходила его по интеллекту и уровню образования; он же, в свою очередь, имел над ней власть, поскольку знал, что нравился ей, и как глубоко было ее чувство признательности к нему, но также и вины, которое она испытывала из-за невозможности выйти за него замуж. Почти десять лет он был единственным мужчиной в России, который мог заставить ее страдать. Хотя на самом деле у нее почти не было времени для страданий и совсем мало – для проявлений страсти. Почти все свое время она уделяла делам государства. Чтобы утешить Орлова, она сделала его князем империи, подарила дворец в Санкт-Петербурге и еще один – в Гатчине, усадьбу, находившуюся посреди огромного парка. Орлов стал владельцем обширных земель в России и Ливонии. Как и прежде, он обладал привилегией носить портрет императрицы, усыпанный бриллиантами. Официально он остался одним из советников Екатерины. Желая сделать ей приятное, он попытался войти в круг образованных и ученых людей, которыми так восхищалась Екатерина. Он поддерживал ученого Михаила Ломоносова. Орлов интересовался астрономией и устроил обсерваторию на крыше Летнего дворца. Он предлагал стать покровителем философа эпохи Просвещения Жан-Жака Руссо и пригласил его приехать

в Россию:

> *«Милостивый государь, вы не удивитесь, что я пишу к вам, зная, что люди наклонны к странностям. У вас есть свои, у меня мои: это в порядке вещей; пусть одною из этих странностей будет и причина, побудившая меня писать к вам.*
>
> *Я вижу вас давно странствующим из одного места в другое. <…> Я думаю, что вы теперь в Англии у герцога Ричмондского и, полагаю, у него вам хорошо. Тем не менее, мне вздумалось сказать вам, что в 60 верстах от Петербурга, т. е. в 10 немецких милях, у меня есть поместье, где воздух здоров, вода удивительна, пригорки, окружающие озера, образуют уголки, приятные для прогулок и возбуждающие к мечтательности. Местные жители не понимают ни по-английски, ни по-французски, еще менее по-гречески и латыни. Священник не знает ни диспутировать, ни проповедовать, а паства, сделав крестное знамение, добродушно думает, что сделано все. И так, милостивый государь, если такой уголок вам по вкусу, – от вас зависит поселиться в нем. Все нужное будет к вашим услугам, если вы пожелаете. Если нет, располагайте охотою и рыбною ловлею».*

Возможно, Екатерина была счастлива, когда Руссо отказался. Из философов Просвещения она предпочитала Монтескье, Вольтера и Дидро, которые верили в великодушный деспотизм, а не Руссо, ратовавшего в своей «Общей воле» за то, чтобы правительство управляло всем населением.

49
Смерть Ивана VI

Темный призрак, несущий в себе особую угрозу, способный оспорить право Екатерины на трон, омрачал первые годы ее правления. Это был молчаливый узник, бывший царь Иван VI, свергнутый еще в младенчестве. Одно лишь его существование внушало Екатерине страх, как в свое время и императрице Елизавете. После восхождения Екатерины на престол, некоторые порицали ее за то, что она нарушила династическую преемственность и не отдала трон своему сыну Павлу, удовлетворившись ролью регента; другие втайне поговаривали о том, что нужно было освободить Ивана из тюрьмы, где он провел почти всю свою жизнь. После истории с Хитрово, Екатерина издала свой манифест «О молчании», но разговоры и пересуды о заточенном в тюрьме бывшем царе невозможно было остановить.

В течение двадцати лет, что Елизавета находилась на троне, мысли об Иване не покидали ее. Из-за него императрица боялась спать по ночам. Когда Елизавета умерла, Петр III без каких-либо сложностей взошел на трон. Он был Романовым, внуком Петра Великого и его провозгласили наследником престола, как и постановил его выдающийся дед: его имя было названо царствующей правительницей – его теткой Елизаветой. У Екатерины ничего подобного не было. Она была иностранкой, захватила трон в результате переворота и, как полагали некоторые, была повинна в смерти своего мужа. Поэтому Екатерину тревожили любые упоминания о заговорах, восстаниях или появлении оппозиционных настроений. Пока рассматривалось дело Хитрово, она сохраняла спокойствие и разрешила проблему довольно эффективно. Но история с Василием Мировичем и заключенным царем Иваном VI имела совершенно другое развитие.

В июне 1764 года Екатерина покинула Санкт-Петербург и совершила путешествие в балтийские провинции. 9 июля она находилась в Риге, когда пошел слух, что была предпринята попытка освободить бывшего императора, которая завершилась смертью молодого человека.

Ивану было восемнадцать месяцев, когда в 1740 году Елизавета устранила его с трона. В четыре года его разлучили с родителями. Он не получил никакого образования, однако в детстве священник обучил его русскому алфавиту. Теперь, когда

ему исполнилось двадцать четыре года, восемнадцать из них он провел заточенным в одиночной камере в крепости Шлиссельбург, находившейся в пятидесяти милях от Санкт-Петербурга в верховье Невы. Здесь пленнику № 1 не позволялось никого видеть, кроме своих тюремщиков. Имелись данные о том, что он осознавал, кем на самом деле являлся, и однажды, разгневавшись на стражу, закричал: «Берегитесь! Я великий князь империи! Я ваш государь!» Сообщение об этой выходке получило довольно жесткий ответ Александра Шувалова, главы Тайной канцелярии Елизаветы. «Если пленник проявляет неповиновение или делает неподобающие заявления, – сообщил Шувалов, – вы должны держать его в кандалах, пока он не покорится, если же он и далее продолжит сопротивления, бейте его палками или кнутом». В конце концов охрана отчиталась: «Пленник ведет себя тише обычного. Он больше не высказывает о себе лживых речей». Елизавета по-прежнему волновалась, и по приказу императрицы Шувалов передал дальнейшие инструкции: если попытка освободить Пленника № 1 будет близка к успеху, тюремщики должны будут убить его.

В вихре событий, последовавших за восхождением Екатерины на трон, императрица нашла время, чтобы посетить Ивана и самостоятельно оценить условия, в которых содержался узник. Она увидела высокого, худого молодого человека со светлыми волосами и рыжей бородой, его кожа была бледной, поскольку он долгие годы провел без солнечного света. Выражение его лица было невинным, а рассудок поврежден годами, проведенными в одиночестве. Екатерина писала: «Кроме мучительного и едва разборчивого бормотания, он не выказывал никаких признаков разума и человеческого сознания».

Тем не менее он, как и Петр III, был Романовым, прямым потомком старшего брата Петра Великого, Ивана V, который в свое время правил вместе с Петром, и с династической точки зрения имел непререкаемое право на корону. Если бы Екатерина обнаружила, что он стал идиотом или безумным, ей нечего было бы бояться. Установив его очевидную неспособность управлять страной, она заявила бы о его недееспособности, смилостивилась бы над ним, освободила бы его и обеспечила всем необходимым для тихого, спокойного существования. Однако если слухи о его недееспособности оказались бы неправдой, вполне возможно, что Ивану каким-то образом удалось бы восстановиться и душевно, и физически. И даже если бы он не подходил на роль правителя, для Екатерины он все равно представлял угрозу. Чтобы защитить себя, Екатерина не стала менять суровые условия, в которых

содержался Иван. Никите Панину было поручено приглядывать за узником.

Отчасти Екатерина надеялась, что молодого человека убедят выбрать уединенную монастырскую жизнь, которая лишит его возможности вернуться на трон. Если бы он принял постриг, это означало бы, что он навсегда покинет политический мир, поэтому охранявшим его офицерам было поручено наставить его на этот путь. Другим возможным решением была смерть Ивана в тюрьме от естественных причин. Чтобы увеличить подобную вероятность, Панин приказал не оказывать ему медицинской помощи. В случае если он серьезно заболеет, к нему должны были вызвать священника, а не врача. Кроме того, Панин также подписал особый указ, возобновлявший предыдущие инструкции по содержанию пленника: если кто-либо, не важно кто, попытается увезти пленника, не имея на руках приказа, подписанного лично императрицей, ему нельзя было выдавать Ивана. Если же попытка освободить его будет близка к успеху, страже приказано было устранить своего пленника. Этот приказ повторял прежние инструкции Шувалова: «Нельзя допустить, чтобы пленник живым попал в руки своих освободителей».

Два офицера, капитан Данило Власьев и поручик Лука Чекин, должны были охранять Ивана. Только они и комендант крепости имели доступ к пленному. Поскольку двум офицерам не было позволено покидать Шлиссельбург, они в своем роде оказались заключены вместе со своим безымянным узником. Следовательно, ситуация сложилась так, что Иван оставался в руках двух мужчин, которым было позволено убить его при определенных обстоятельствах, и чья главная цель заключалась в том, чтобы поскорее освободиться от него и жить нормальной жизнью.

Раз в два месяца охранники писали отчет Панину. Со временем их отчеты отражали нарастающую скуку, раздражение и тоску по свободе. С каждым новым письмом их мольбы звучали все громче. В августе 1763 года Панин ответил, советуя им проявлять терпение и обещая, что в скором времени их служба закончится. В ноябре в еще большем отчаянии они адресовали Панину срочное прошение: «Освободите нас, ибо силы наши на исходе». В ответ Панин 28 декабря 1763 года послал им по тысяче рублей – огромной для них сумме – и пообещал, что ждать им осталось совсем немного. «Ваши просьбы будут удовлетворены не позднее первых месяцев лета».

В середине зимы 1764 года молодой офицер подпоручик Василий Мирович из Смоленского полка был назначен в гарнизон Шлиссельбурга. Этот гордый, одинокий, ожесточившийся

молодой человек, погрязший в долгах, испытывавший склонность к выпивке и карточным играм, затаил в себе твердую уверенность в том, что судьба оказалась к нему несправедлива, и испытывал жгучее желание исправить это. Мировичу было двадцать четыре, он происходил из семьи украинского дворянина. Его семейную усадьбу конфисковали в 1709 году при Петре Великом, поскольку дед молодого человека перешел на сторону казацкого гетмана Ивана Мазепы, выступившего против царя во время шведского вторжения в Россию в 1708 году. Лишенный семейного наследства, Мирович вырос в бедности. Он пытался разбогатеть через игру в карты, но его постигла неудача. Кредиторы постоянно давили на него. Три его сестры жили в Москве почти что впроголодь, и он был не способен им помочь. Мирович молил Бога, но не получил ответа. В надежде вернуть семейные земли он отправился в Санкт-Петербург. Дважды он подавал прошение в Сенат о реабилитации, но ему отказали. Мирович дважды обращался к Екатерине, но и она не вняла его мольбам. Тогда он подал прошение Кириллу Разумовскому, назначенному Екатериной гетманом Украины. Разумовский сказал, что все его претензии безнадежны, и посоветовал ему: «Сделайте карьеру сами, молодой человек. Поймайте удачу за чуб, как это делают другие». Мирович хорошо запомнил эти слова.

Обиженный, без денег и связей, он поступил в армию и был отправлен в Шлиссельбург. Служившие с ним офицеры сочли его человеком настроения, к тому же очень трудным в общении. Его пост находился во внешней крепости, никому не позволялось знать, что происходило во внутренних казематах. Но Мировича заинтересовал безымянный Пленник № 1, заключенный среди лабиринта камер во внутренней цитадели крепости, где его днем и ночью охраняла специальная стража. Когда же Мирович узнал, что пленником являлся молодой царь Иван, он вспомнил совет Разумовского о том, что он должен «поймать удачу за чуб». Этот совет дал ему пищу для размышлений о другой недавней истории, случившейся с еще одним молодым офицером, Григорием Орловым, который помог Екатерине свергнуть царя и таким образом обеспечил себе славу и богатство. Почему он, Василий Мирович, не мог сделать то же самое для Ивана? Почему он, как браться Орловы, не может достичь славы и богатства, спасая настоящего царя?

Подобные амбиции в значительной степени расширяли перспективы Мировича. Изначально он хотел восстановить на троне Ивана, чтобы преодолеть собственную нищету и ничтожность и стать новым Орловым. Но вскоре он увидел в этом нечто большее. Несмотря на пристрастие к играм и выпивке,

Мирович часто посещал церковь и со временем убедил себя, что Бог назначил его для священной миссии. Разумеется, сам Бог должен был благословить свержение узурпаторши и восстановление на троне настоящего помазанника Божьего. Захваченный новой идеей, Мирович нашел в Шлиссельбурге товарища, Аполлона Ушакова. Вместе они изучили план крепости и стали придумывать, как убеждением или силой заставить солдат гарнизона внутренней крепости пустить их к пленнику. В начале мая 1764 года Мирович написал манифест, состоявший из ложных обвинений и жалоб, который Иван должен был подписать, а после освобождения публично зачитать.

> «Едва Петр III взошел на престол, как вследствие происков его жены и из ее рук он принял отравленное питье. Подобным путем тщеславная и расточительная Екатерина захватила принадлежащий мне по праву престол. Еще до моего восшествия она вывезла из моей страны двадцать пять миллионов рублей золотом и серебром <…> Кроме того, следуя своей женской слабости, она взяла в мужья своего подданного Григория Орлова <…> и за это она не получит прощение в День Страшного суда».

План заключался в следующем: Ушаков явится в Шлиссельбург, представившись посыльным Екатерины, который привез приказ об освобождении Ивана. Мирович должен был прочитать приказ перед гарнизоном, арестовать коменданта, освободить пленника и по Неве отвезти его в Санкт-Петербург, где Иван перед войсками должен объявить о своем восшествии на престол. Чтобы скрепить соглашение, два заговорщика отправились в церковь и принесли там клятву. Они должны были начать действовать, когда императрица отправится в запланированное путешествие в Балтийские провинции. Но Мирович и Ушаков не знали того, что было известно лишь Екатерине, Панину и двум охранникам, Власьеву и Чекину, – попытка освободить пленника должна была закончиться его смертью.

Перед отъездом Екатерины из Санкт-Петербурга в Балтийские провинции Ушаков исчез. Коллегия военных дел приказала ему отвезти деньги в Смоленск и передать их командующему полком. Его шляпу и шпагу нашли на берегу реки, местные крестьяне сказали, что тело утонувшего офицера выбросило на берег, и они похоронили его. Обстоятельства этой смерти так и остались неизвестными.

Мирович был в отчаянии, но, повинуясь импульсу и,

вероятно, считая, что связан клятвой, решил действовать в одиночку. Он собрал в крепости группу солдат и рассказал им свой план, а затем предложил присоединиться к нему. Солдаты с неохотой отвечали: «Если остальные согласны, то и я не стану отказываться». В половине второго ночи 4 июля Мирович собрал своих единомышленников. Когда комендант крепости, встревоженный шумом, появился в ночной рубашке, Мирович оглушил его прикладом мушкета. Более ста выстрелов было совершено солдатами внешнего и внутреннего бастионов, но никто не пострадал. Стремясь сломить сопротивление защитников внутренних казематов, Мирович вытащил одну из пушек, и вскоре был выброшен белый флаг. Мирович пересек ров, отделявший его от внутренних казематов и, освещая себе дорогу факелом, направился в камеру Ивана. У дверей стояли два охранника – Власьев и Чекин. Мирович схватил Чекина и спросил: «Где император?» Чекин ответил: «У нас нет императора, только императрица». Оттолкнув его в сторону, Мирович вошел в камеру. Тело Ивана лежало на полу в луже крови. Два офицера последовали приказу Панина и выполнили свой долг: услышав выстрелы, они вытащили из кровати спавшего пленника и восемь раз пронзили его шпагами. Так до конца и не проснувшись, Иван умер по вине человека, которого никогда не видел и который хотел возвести его на российский престол.

Потрясенный увиденным, Мирович упал на колени, обнял тело, а затем стал целовать руку покойного. Его попытка переворота провалилась, он сдался. Когда тело Ивана перенесли во внешнюю крепость, Мирович воскликнул: «Вы видите, братья, вот наш император, Иван Антонович! Вы невиновны, так как не знали о моих намерениях. Я беру на себя всю ответственность и готов понести наказание».

Придя в сознание, комендант Шлиссельбурга тут же написал о случившемся Никите Панину, который находился в Царском Селе вместе с великим князем Павлом. Панин отправил самого быстрого гонца, чтобы передать известие в Ригу Екатерине. Она была потрясена, затем на смену удивлению – и она даже не пыталась это скрыть – пришло сильное облегчение. «Невозможно предугадать помыслы Божьи, – писала она Панину. – Провидение дало мне ясный знак, что оно благоволит к завершению этого постыдного дела». Прусский посол, сопровождавший императрицу, писал в своем отчете Фридриху, что «она уехала оттуда [из Риги] в безмятежном расположении духа, и лицо ее было совершенно спокойным».

Екатерина не могла поверить, что это краткое восстание

произошло в результате отчаянной выходки одного единственного человека, ей казалось, что в случившемся имел место заранее спланированный заговор. Екатерина приказала немедленно начать следствие. Пятьдесят офицеров и солдат крепости были арестованы. Следствие проводила специальная комиссия. Мирович честно признался в своей вине и отказался выдавать каких-либо сообщников. Несмотря на его честность, после того как Екатерина изучила документы из дела и прочитала манифест Мировича, обвинявший ее в узурпации престола, отравлении мужа, а также браке с Григорием Орловым, она отринула всяческую терпимость. 17 августа был оглашен императорский указ, в котором заявлялось, что следователи нашли Ивана безумным, и что Мирович предстанет перед специальным судом, состоящим из членов Сената, Священного Синода, председателей коллегии военных дел, флота и иностранных дел, а также представителей высшего дворянства. Предавая Мировича суду, Екатерина заявила: «Что касается оскорблений в мой адрес, то я прощаю обвиняемого. Но относительно его посягательств на мир и благосостояние страны пусть верноподданное собрание вынесет свое решение».

Два офицера, убивших Ивана, так и не предстали перед судом. Суд должен был вынести свой вердикт касательно поступка Мировича, а вина в смерти Ивана с настоящих убийц была перенесена на того, кто пытался его освободить. Мирович трижды представал перед судом, его призывали назвать имена сообщников, но он упорно стоял на том, что все сделал один. Во время процесса Екатерина вмешалась в его ход лишь однажды, когда один из членов суда потребовал подвергнуть Мировича пыткам, чтобы узнать имена его сообщников, Екатерина распорядилась, чтобы допросы проводились без применения пыток. По иронии судьбы в некоторых кругах это решение повредило ее репутации, вызвав подозрения, что она боялась, будто под пыткой подсудимый может высказать обвинения в ее адрес. На самом деле Екатерина пыталась скрыть любые упоминания о секретном указании, которое она дала Панину и которое позволяло тюремщикам Ивана убить его в случае попытки освобождения. Тем же, кто знал об этой инструкции, сообщили, что этот приказ был дан еще императрицей Елизаветой.

Судьба Мировича была решена. 9 сентября его приговорили к смертной казни через отсечение головы. Во время суда Мирович держался спокойно. Это также настроило общественное мнение против Екатерины, говорили, что лишь осознание возможности уйти от наказания давало подсудимому силы держаться так

спокойно и с чувством собственного достоинства. Екатерина знала об этом, и, желая опровергнуть подобные суждения, когда суд вынес смертный приговор, она впервые с начала своего правления, подписала его. Таким образом, Мирович стал первым в России осужденным, которого казнили за двадцать два года, с тех пор как императрица Елизавета поклялась, что никогда не подпишет смертного приговора.

Мирович встретил смерть с умиротворенным лицом, так что многие свидетели казни были уверены: его помилуют в последний момент. Поведение Мировича в последние минуты жизни подтверждало, что он, возможно, рассчитывал на то же самое. Он стоял рядом с плахой, излучая спокойствие, пока толпа ждала прибытия гонца от императрицы с приказом о замене приговора. Но когда гонец так и не появился, Мирович положил голову на плаху. Палач поднял топор и замер, но никто не появился. Топор упал. Тело Мировича весь день оставалось на эшафоте на всеобщем обозрении, с наступлением ночи его погребли.

Детали заговора Мировича никогда не были обнародованы. Два стражника, Власьев и Чекин, были награждены повышением и семью тысячами рублей каждый за «верность своему долгу». Шестнадцать солдат внутренней цитадели Шлиссельбурга, находившиеся под их командованием и охранявшие Ивана, получили по сто рублей. За это они поклялись никому не говорить о том, что видели или слышали.

В России несложно было манипулировать общественным мнением в связи с ролью императрицы в смерти Ивана. В русском правительстве, при дворе, среди дворянства и в армии большинство считало, что независимо от того, была ли Екатерина каким-то образом ответственна за случившееся, она сделала то, что должна была сделать. Однако в Европе, где Екатерина старалась преподнести себя как истинная дочь Просвещения, все было немного сложнее. Одни поддерживали ее, другие осуждали, были и такие, кто поддерживал и осуждал в одно и то же время. Мадам Жофрен, хозяйка главного литературного и художественного салона в Париже, писала Станиславу Понятовскому в Польшу, критикуя Екатерину за то, что она приняла слишком активное участие в процессе, а также за выбор наказания для Мировича: «Полагаю, что она [Екатерина] опубликовала смехотворные манифесты о смерти Ивана. Ей вовсе не обязательно было говорить что бы то ни было; суда над Мировичем было вполне достаточно». Самой Екатерине, с которой она состояла в переписке, мадам Жофрен писала: «Мне

кажется, что, если бы я была на троне, я бы предоставила делам моим говорить, а перу – молчать».

Оскорбленная подобным осуждением из-за границы, Екатерина написала гневный ответ:

> «Хочется сказать, что вы рассуждаете об этом манифесте, как слепой о красках. Он вовсе не был написан для зарубежных стран, но лишь для информации русского народа о смерти Ивана, ведь надо было сказать, как он умер <…> Иначе подтверждались бы неблаговидные слухи, распространяемые посланниками государств, настроенных враждебно и завидующих нам <…> У вас злословят по поводу этого манифеста, но ведь и о Спасителе злословили, и порой злословят о французах. Однако факт то, что обезглавленный преступник и этот манифест заставили здесь замолчать всех сплетников. Так что цель достигнута и манифест мой выполнил свою задачу. Он был уместен».

После смерти Ивана больше не осталось взрослых претендентов на трон. Таким образом, вопрос о наследовании отпал. И еще девять лет, до 1772 года, когда Павел достиг восемнадцатилетия, власти Екатерины ничто не должно было угрожать.

50
Екатерина и просвещение

В середине восемнадцатого века большинство европейцев по-прежнему считали Россию культурно отсталым, полуазиатским государством. Екатерина решила изменить это мнение. Центром интеллектуальной и творческой мысли в то время была Франция, а благодаря француженке-гувернантке из Штеттина французский стал для Екатерины вторым родным языком. За те шестнадцать лет, которые она провела, играя роль одинокой, всеми отвергнутой великой княгини, Екатерина прочитала много трудов выдающихся деятелей Европейского Просвещения. Изо всех – наибольшее впечатление произвели на нее работы Франсуа-Мари Аруэ, называвшего себя Вольтером. В октябре 1763 года, проведя на троне пятнадцать месяцев, она впервые написала ему, называя себя его ревностной ученицей. «Ежели я имею некоторые познания, то ему одному [Вольтеру] обязана оными», – писала она ему.

В 1755 году в возрасте шестидесяти одного года Вольтер решил осесть и пожить спокойной жизнью. Два заключения в Бастилии, добровольное изгнание в Англию, обретение пристанища при дворе Фридриха Прусского, поначалу воспринятое с эйфорией, за которой последовали непонимание, отчуждение и, в конце концов, разрыв; сложные – то теплые, то напряженные – отношения с Людовиком XV и мадам де Помпадур, – все это осталось позади. Вольтер был готов посвятить себя работе и считал, что найдет рай и блаженство в независимой республике Женева, которой управлял совет аристократов-кальвинистов. Став богатым, благодаря своей литературной деятельности он купил виллу с прекрасным видом на озеро и назвал ее «Les Délices». Но вскоре у него снова возникли неприятности. Многие женевцы с неодобрением восприняли его статью об их городе в «Энциклопедии» Дидро, в которой кальвинистские священники Женевы были представлены как люди, отвергающие божественную сущность Христа. На самом деле эти слова написал математик и физик Жан Д'Аламбер, но считалось, что его вдохновлял Вольтер, и именно ему пришлось принять на себя первый удар. В 1758 году он переехал в Ферне.

Это место казалось ему надежным и тихим. Шато Ферне располагалось на территории Франции, но Женева находилась всего в трех милях от него, а Версаль и Париж – в трехстах. Если

бы французским властям пришло в голову снова доставить ему неприятности, Вольтеру понадобился бы всего час, чтобы пересечь границу Женевы, где у него оставалось много поклонников, к тому же в Женеве проживал издатель, опубликовавший «Кандида».

Вольтер не рассматривал новое жилище как место, где он собирался предаваться безделью. Напротив, он видел в Ферне своего рода командный пункт, где он смог бы вести напряженную интеллектуальную борьбу. Философские войны Просвещения проводились на полном серьезе. Людовик XV запретил Вольтеру возвращаться в Париж. Философ жаждал расплаты, и Ферне стало стартовой площадкой для его философских, интеллектуальных, политических и социальных выпадов. Вольтер писал книги, брошюры, истории, биографии, пьесы, рассказы, трактаты, стихотворения и более пятидесяти тысяч писем, которые теперь входят в его собрание сочинений в девяносто восьми томах. Семилетняя война закончилась, Франция потеряла в борьбе с Англией и Канаду, и Индию. Вольтер втирал соль в эти раны, называя войну «великой иллюзией». «Нация-победитель никогда не преуспевает от трофеев завоеваний, она платит за все, – говорил он. – Она страдает и когда армия одерживает победу, и когда переживает разгром. Кто бы ни победил, человечество всегда проигрывает». Он обрушивал полемические залпы на христианство, Библию и католическую церковь. Он даже рассматривал Христа, как запутавшегося эксцентрика, сумасброда. В возрасте восьмидесяти лет однажды майским утром он встал рано и поднялся с другом на холм, чтобы посмотреть на восход. Переполненный восторгом от чудесной панорамы красных и золотых цветов, он упал на колени и воскликнул: «О Боже Всемогущий, я верю! – Поднявшись, он добавил: – Что касается мосье Сына и мадам Матери, то это уже другое дело!»

Еще одно преимущество Ферне заключалось в том, что самые прямые дороги между севером и югом Европы проходили через Швейцарию, и по этим дорогам путешествовали многочисленные европейские интеллектуалы и творческие личности. В своем шато Вольтер находился в географическом центре Европы, и это обеспечивало его многочисленными посетителями. Люди приезжали к нему со всех уголков Европы: немецкие принцы, французские герцоги, английские лорды, Казанова, гетман казаков. Было много англичан, с которыми Вольтер говорил на их родном языке: парламентарий Чарльз Джеймс Фокс, историк Эдвард Гиббон, биограф Джеймс Босуэл. Когда гости являлись без приглашения, Вольтер говорил своим слугам: «Отправьте их

восвояси, скажите, что я болен». Босуэл вымолил себе возможность остаться на ночь и утром увидеться с патриархом. Он сказал, что готов спать «на самом высоком и холодном чердаке». Ему выделили удобную спальню.

Однако Вольтер не ограничивался интеллектуальной деятельностью. В 1762-м и в последующий год он занимался делом Каласа. Фоном для этой истории стало преследование протестантов во Франции. Их увольняли с общественных должностей; супругов, которых не венчали католические священники, объявляли живущими в грехе; их дети считались незаконными. В южных и юго-западных провинциях Франции подобные законы приводились в действие довольно жестокими методами.

В марте 1762 года Вольтер узнал, что шестидесятичетырехлетний гугенот Жан Калас, поставщик хлопка в Тулузе, был подвергнут пыткам. Его старший сын, страдавший от депрессии, совершил самоубийство в доме отца. Отец, узнав, что закон требовал протащить обнаженное тело самоубийцы по улицам, чтобы все могли бросать в него землей и камнями, а затем повесить, убедил своих домочадцев подтвердить его заявление о том, что он умер естественной смертью. Однако полицейские, увидев след от веревки на шее сына, обвинили Каласа в том, что он убил своего сына, не желая, чтобы тот принял католицизм. Верховный суд распорядился пытать Каласа, чтобы добиться от него признания. Его поместили на дыбу, выкрутив суставы на руках и ногах. В агонии он признался, что смерть его сына была самоубийством. Однако власти хотели добиться другого признания. В горло Каласа влили пятнадцать пинт воды, но он продолжал говорить о своей невиновности. В него влили еще пятнадцать пинт, Калас решил, что он тонет, но он кричал, что не признает своей вины. Его привязали к кресту на площади перед собором Тулузы. Палач взял тяжелый железный прут и сломал ему руки и ноги в двух местах, однако старик продолжал настаивать на своей невиновности. После этого его повесили.

Донат Калас, самый младший из шестерых его детей, пришел в Ферне и умолял Вольтера защитить доброе имя отца. Вольтер, пришедший в ужас и возмущенный подобной жестокостью, попытался реабилитировать Каласа. В течение трех лет с 1762 по 1765 год он оплачивал услуги адвокатов и мобилизовал общественное мнение по всей Европе. Летом 1763 года он написал «Traite sur la Tolerance»[7], в котором заявил, что преследования римлянами христиан в период зарождения христианства были превзойдены преследованиями, которые одни

христиане учиняли над другими, поскольку «вешали, топили, ломали на колесе или сжигали во имя любви к Богу». В конце концов, Вольтер обратился в королевский совет, который возглавлял сам король. Таким образом, Жан Калас был посмертно оправдан, а репутация его семьи восстановлена.

Этот триумф дополнила еще одна победа. Елизавета, дочь Пьера Поля Сирвена, протестанта, жившего в окрестностях Тулузы, захотела принять католичество и была тайно увезена в монастырь католическим епископом. Там она сорвала с себя одежды и потребовала, чтобы ее высекли. Благоразумный священник вернул ее обратно в семью. Через несколько месяцев Елизавета исчезла. Ее нашли утонувшей в колодце. Сорок пять свидетелей подтвердили, что девушка совершила самоубийство, но прокурор приказал арестовать отца девушки и обвинил его в убийстве, совершенном с целью помешать ей принять католичество. 19 марта 1764 года Сирвен и его жена были приговорены в повешению, двух уцелевших дочерей, одна из которых была беременной, заставили смотреть на казнь. Семья бежала в Женеву, оттуда они добрались до Ферне и попросили Вольтера помочь им. Философ снова взялся на перо. Он подключил к этому делу Фридриха Прусского, русскую царицу Екатерину и Станислава Польского, а также других монархов. Через девять лет нескончаемого потока аргументов Сирвен был реабилитирован. «Понадобилось два часа, чтобы приговорить человека к смерти, – с горечью говорил Вольтер, – и девять лет, чтобы доказать его невиновность».

Пока Вольтер вел свои бесконечные битвы, его вдовая племянница, мадам Денни, занималась хозяйством и делила с философом постель. Вольтер не видел ничего дурного в подобной сексуальной неразборчивости, для него моральное поведение заключалось, прежде всего, в том, чтобы «делать добро для человечества». К тому же он жил в век сексуального распутства и не скрывал отношений со своей родственницей. Мадам Дени была его любовницей, и он называл ее «моя возлюбленная». В 1748 году, когда их отношения только начинались (они продлились до самой его смерти), он писал ей: «Я приехал в Париж только ради вас <…> в эту минуту я осыпаю тысячами поцелуев ваши округлые груди, ваш восхитительный зад и всю вас, ибо это дает мне прилив сил и дарит нескончаемый поток наслаждений».

В Ферне хозяин обычно покидал свои покои к обеду. Днем он читал или писал, а затем продолжал это занятие и ночью, позволяя себе лишь пять или шесть часов сна. Вольтер пил много кофе. Страдал от сильных головных болей. Чтобы помочь

деревенским жителям, он построил фабрику по производству часов, а затем убедил своих друзей в Европе покупать его продукцию; одна только Екатерина разместила у него заказ на сумму в тридцать девять тысяч фунтов. К 1777 году маленькая, нищая деревня, в которой жило сорок девять человек, превратилась в преуспевающий город с населением в тысячу двести жителей. Каждое воскресенье Вольтер открывал двери своего шато и устраивал танцы. 4 октября 1777 года Ферне приветствовал своего покровителя песнями, танцами и фейерверками. Это был последний праздник в поместье. 5 февраля 1778 года Вольтер уехал в Париж, обещая вернуться через шесть недель. Жители Парижа, не видевшие его двадцать лет, радостно приветствовали его повсюду, где бы он ни появился. Мария Антуанетта хотела встретиться с ним и обнять его, но он не смог выполнить ее просьбу, поскольку ему все еще запрещено было являться ко двору ее мужа, Людовика XVI. Вместо этого он встретил и обнял Бенджамина Франклина. Вольтер так больше и не вернулся в свое шато. 30 мая 1778 года он умер в Париже.

Когда Вольтер был еще жив, Фридрих Прусский говорил ему: «После вашей смерти вас будет некому заменить». После смерти философа король произнес: «Утешением для меня служит то, что я жил в один век с Вольтером». Позже Гёте добавил: «Он правил всем цивилизованным миром». Печаль Екатерины носила иной характер, она скорбела не по его мудрости, а по его веселью. «После смерти Вольтера, – писала она своему другу Фридриху Мельхиору Гримму, – мне кажется, что юмор навсегда утратит свое доброе имя. Он был настоящим божеством веселья. Раздобудьте для меня его труды, а лучше полное собрание его сочинений, чтобы я могла бы взбодриться и поддержать мою природную любовь к смеху».

После смерти Вольтера императрица сказала Гримму, что она собирается построить копию шато де Ферне в парке Царского Села. Это «Новое Ферне» должно было стать местом для хранения библиотеки Вольтера, которую Екатерина купила у мадам Дени за 135 000 фунтов. Книги доставили в Россию, однако архитектурный проект был отвергнут, и библиотеку из шести тысяч книг, корешок каждой из которых был подписан Вольтером, разместили в холле Эрмитажа в Санкт-Петербурге. В центре помещения на почетном месте находилась точная копия статуи Гудона, изображавшей сидящего Вольтера.

Она находится там и по сей день.

Вольтер испытывал интерес к России. В 1757 году он убедил императрицу Елизавету поручить ему написание истории России в период правления ее отца, Петра Великого. Первый том был издан в 1760 году, и Вольтер продолжил работу над вторым, но вскоре умерла Елизавета, а Екатерина свергла Петра III. Когда слухи о том, что случилось в Ропше, стали распространяться по Европе, Екатерина хотела обратиться к Вольтеру с просьбой очистить ее доброе имя. Один из ее секретарей, родившийся в Женеве, Франсуа-Пьер Пикте, был учеником Вольтера и бывшим актером в любительском театре патриарха. По просьбе Екатерины Пикте отправил Вольтеру длинное обращение, где разъяснялось, в каком невыносимом положении Екатерина оказалась после переворота, а также говорилось о ее непричастности к убийству. Вольтер принял это обращение, а затем отложил его в сторону. «Я знаю, что <…> [Екатерину] упрекают в какой-то bagatelle[8] относительно ее мужа. Но это семейные дела, в которые я предпочитаю не вмешиваться».

Изначально Вольтер поддерживал негативные выпады против новой императрицы, в Европе сложилось мнение, что она недолго продержится на троне, и Вольтер не хотел вступать с ней в переписку. Его нежелание укрепилось после известия о неожиданной смерти Ивана VI. «Думаю, мы должны немного сдержать наш энтузиазм по отношению к Северу», – писал он Д'Алемберу. Когда же стало ясно, что немецкая принцесса прочно сидит на русском троне, Вольтер увидел в ней просвещенного монарха, который может править в соответствии с принципами правосудия и терпимости, превозносимыми им самим. Впоследствии между ними завязалась оживленная переписка, приправленная взаимной лестью и продолжавшаяся до самой его смерти. Их политические взгляды были схожими: они сходились во мнении, что монархия была единственной рациональной формой правления, если она осуществлялась просвещенным монархом. «Почему почти весь мир управляется монархами? – спрашивал Вольтер. – Честнее всего было бы ответить, что редкий человек достоин самостоятельно управлять своей судьбой <…> почти все великие деяния в мире совершаются людьми, которые с помощью своего гения и твердости духа борются с бесчисленными предрассудками <…> я не хочу, чтобы мною руководила толпа».

Отношения между амбициозной, наделенной политической властью женщиной и самым знаменитым писателем своего времени обоим приносили выгоду. Оба не забывали о том, что выступали перед большой влиятельной аудиторией. Екатерина признавала, что письма к Вольтеру, которые могли быть переданы

ее друзьями, являлись в своем роде ее обращением к европейской интеллигенции. Вольтеру же было очень лестно, что еще один правитель стал его учеником. Он называл ее «Северной Семирамидой», «Святой Екатериной» и «Мадонной из Санкт-Петербурга». В ответ она осыпала его подарками: собольи накидки, табакерки, украшенные драгоценными камнями, бриллианты для мадам Дени. Но эти отношения развивались на расстоянии, несмотря на оживленную переписку, императрица и патриарх никогда не встречались. Под конец своей жизни Вольтер задумывался о том, чтобы навестить Святую Екатерину и засвидетельствовать ей свое почтение, но Екатерина этого вовсе не хотела. Вероятно, опасаясь, что ее страна и она сама предстанут перед критическим взором Вольтера, Екатерина спешно написала Гримму. «Ради Бога, убедите восьмидесятилетнего старца остаться дома. Что ему у нас делать? Он может умереть здесь или в пути от холода, усталости и плохих дорог. Скажите ему, что на Катю лучше смотреть издалека».

Еще до того, как Екатерина впервые написала Вольтеру в 1763 году, она стала общаться еще с одной выдающейся фигурой Просвещения – Дени Дидро. Дидро родился в маленьком городке около Дижона в 1713 году и был настолько же добросердечным, насколько Вольтер циничным, настолько же грубым, насколько Вольтер утонченным и образованным. В течение всей своей жизни Дидро сохранял невинность ребенка и энтузиазм юноши. По словам Екатерины, Дидро «в чем-то походил на столетнего старика… в чем-то – на мальчика, которому не было и десяти лет». В детстве Дидро намеревался стать священником, поэтому с семи лет посещал иезуитскую школу (его брат стал священником), затем поступил в университет, начал переводить книги с английского на французский. Постепенно его увлекли различные науки: математика, биология, химия, физика, анатомия, латынь, греческий, история, литература, искусство, политика и философия. В юности он отверг библейского Бога, как чудовище, воплощающее в себе жестокость, и католическую церковь как источник невежества. Дидро рассматривал природу, которая, по его замечаниям, не делала различия между добром и злом, как единственную постоянную реальность. Он был арестован и заключен в тюрьму. После освобождения Дидро стал основателем и главным редактором новой «Энциклопедии» – «библии для просвещенных». Работая с Д'Алембером, он издал первый том в июне 1751 года, за ним последовало еще десять томов. Философия «Энциклопедии» была гуманистической: человек был

помещен в природу и наделен разумом, необходимым ему для жизни. Особенно подчеркивались важность научных знаний и уважение к труду. За развенчание «мифов католической церкви», его лицензия на издательскую деятельность была упразднена. Это событие вызвало большой интерес у образованной публики и стимулировало желание приобрести и прочитать каждый из одиннадцати опубликованных томов.

С самого начала работы над энциклопедией Вольтер всячески превозносил и поощрял эту работу. Он писал Д'Алемберу: «Вы с Дидро выполняете работу, которая прославит Францию и станет позором тем, кто вас преследует. Среди всех известных философов я признаю только вас и его». Шесть лет спустя, когда у проекта снова возникли неприятности, Вольтер писал ободряющие строки: «Продолжайте, храбрый Дидро и неустрашимый Д'Алембер. Нападайте на подлецов, громите их пустую риторику, их жалкую софистику, их историческую ложь, бесчисленные противоречия и абсурд!»

Российская императрица была среди тех, кто внимательно следил за развитием этих событий. Вскоре после восшествия на престол она узнала о влиянии Дидро и Д'Алембера на просвещенных людей Европы и решила заручиться их поддержкой. В августе 1762 года после двух месяцев на троне она получила такую возможность, поскольку с изданием «Энциклопедии» во Франции возникли сложности. Она предложила печатать все последующие тома в Риге, самом западном из городов ее империи. Но это предложение поступило слишком скоро после смерти Петра III в Ропше, и издатели «Энциклопедии» с подозрением отнеслись к нему. Они были не готовы доверить печать своих работ правительнице, добившейся своего положения столь сомнительными способами. В конечном счете французское правительство, узнав о предложении Екатерины, смягчилось и позволило продолжать публикации во Франции.

В 1765 году Екатерина сделала в отношении Дидро широкий жест, о котором заговорила вся Европа. У Дидро и его жены было трое детей, и все трое умерли. Затем, когда мадам Дидро исполнилось сорок три года, родился четвертый ребенок – дочь Мария-Анжелика. Дидро боготворил маленькую девочку и более всего ценил время, проведенное вместе с ней. Он знал, что должен был обеспечить ее приданым. Но у него не было денег; все средства уходили на «Энциклопедию». Тогда он решил продать единственное ценное имущество – свою библиотеку. Екатерина услышала о его решении от друга Дидро, посла России во

Франции и Голландии, князя Дмитрия Голицына. Дидро просил за все свои книги пятнадцать тысяч фунтов. Екатерина предложила шестнадцать тысяч, но поставила условие: книги должны были оставаться во владении Дидро до его смерти. «Было бы жестоко разлучать ученого с его книгами», – объяснила она. Таким образом, Дидро стал библиотекарем Екатерины, хотя ни он, ни его книги даже не покидали Парижа.

За его услуги Екатерина платила ему жалованье в тысячу фунтов в год. В последующий год, когда о жалованье забыли и не выплатили его, смущенная Екатерина послала ему пятьдесят тысяч – чтобы покрыть срок в пятьдесят лет, как объяснила она.

Покупка библиотеки Дидро императрицей приковала к ней внимание всей литературной Европы. Потрясенный Дидро написал своей благодетельнице: «Великая владычица, я лежу ниц у ваших ног, я протягиваю к вам руки, я заговорил бы с вами, но у меня не хватает духу, а мысли мои затуманены <…> О Екатерина, будьте уверены, что ваше влияние столь же сильно в Париже, как и в Санкт-Петербурге». Вольтер присоединился к нему: «Дидро, Д'Алембер и я <…> мы втроем построим ваш престол <…> Разве могли мы пятьдесят лет назад представить, что однажды русские будут так благородно вознаграждать парижскую добродетель, науку и философию, к которой так постыдно относятся на родине». Гримм добавил: «За тридцать лет труда Дидро так и не получил награды. Это позволило императрице России сделать любезность и оплатить долги Франции перед ним». Ответ Екатерины был следующим: «Никогда не думала, что покупка библиотеки Дидро принесет мне столько похвалы в мой адрес».

Без сомнения, за ее щедростью стояли далеко идущие планы. И ее расчет оправдался: Европа поверила, что на Востоке были не только снега и волки. Дидро взял на себя задачу подыскивать для нее таланты в области искусства и архитектуры. Его дом превратился в агентство по найму, где он работал от ее имени. Писатели, художники, ученые, архитекторы и инженеры стекались туда, чтобы получить назначение в Санкт-Петербург.

В 1773 году Дидро, который ненавидел путешествия и никогда прежде не покидал Франции, набрался решимости нанести визит в Россию, считая, что должен сделать это ради Екатерины. Ему было шестьдесят, он страдал от желудочных колик, сквозняков и боялся русской еды. Перспектива проехать через всю Европу и оказаться в стране, славившейся своей жестокостью и морозами, внушала ему страх, однако он чувствовал необходимость поблагодарить свою благодетельницу

лично. В мае 1773 года он отправился в путь. Добравшись до Гааги, Дидро задержался там на три месяца, чтобы отдохнуть со своим другом, князем Дмитрием Голицыным.

С приближением осени философ приступил ко второму этапу своего путешествия. Кашляя и ёжась в почтовой карете, он надеялся добраться до пункта назначения до наступления холодов. К сожалению, когда он прибыл в российскую столицу 8 октября, там шел снег, и он слег в постель. На следующий день после приезда его разбудил звон колоколов и грохот пушек по случаю свадьбы девятнадцатилетнего наследника престола великого князя Павла и принцессы Вильгельмины Гессен-Дармштадтской. Дидро, равнодушный к пышным церемониям, избегал празднеств; эта склонность подкреплялась тем, что ему было нечего надеть, кроме простой черной одежды, а парик он потерял во время путешествия.

Екатерина тепло приняла издателя знаменитой «Энциклопедии». Человек, который предстал перед ней, обладал «высоким лбом, который выделялся на наполовину лысой голове, высоким и грустным, как будто при воспоминаниях о неисправимых ошибках или осознания нерушимости суеверий или что высокое рождение не избавляет от простоты». Императрицу и ее гостя проводили в Российскую Академию наук, а затем последовала серия бесед в ее личной гостиной. «Мосье Дидро, – сказала она ему при первой встрече, – вы видите эту дверь, через которую вошли? Она будет открыта для вас каждый день между тремя и пятью часами дня». Дидро был очарован ее простотой и долгими, задушевными встречами, которые проводились в абсолютно неформальной обстановке. Екатерина сидела на софе, иногда с шитьем в руках, а ее гость располагался в удобном кресле напротив. Дидро, чувствуя себя совершенно раскованным, все время говорил, возражал ей, кричал, жестикулировал и называл императрицу «моей доброй госпожой». Императрица смеялась над его энтузиазмом и простотой манер. Дидро брал ее за руки, тряс их, похлопывал ее по ногам, пытаясь отстоять свою точку зрения. «Ваш Дидро необыкновенный человек, – писала Екатерина мадам Жофрен. – После бесед с ним мои бедра покрываются синяками и становятся почти черными. Мне пришлось поставить между нами стол, чтобы защитить себя и мои члены».

Они беседовали на самые разные темы. Представляя примерно, о чем будет вестись разговор, Дидро готовил заметки или записки, которые зачитывал императрице; после такого вступления они оба говорили совершенно свободно. Дидро излагал ей свои взгляды на терпимость, на законодательную

процедуру, говорил о важности конкуренции в коммерции, о разводах (которые он одобрял в случая интеллектуальной несовместимости супругов) и об азартных играх. Он умолял ее принять в России постоянный закон о наследовании. Призывал императрицу ввести анатомию в школах для девочек, чтобы они стали лучшими женами и матерями, и помочь им противостоять уловкам соблазнителей.

Доброжелательность их бесед давала Дидро надежду, что он нашел правителя, желающего применять принципы Просвещения в управлении страной. Он считал, что Россию проще было реформировать, чем Францию, так как Россия казалась ему чистым листом, на котором история еще ничего не написала. Он высказал свое мнение по поводу образования великого князя Павла: прослужив помощником различных государственных деятелей в административных коллегиях, молодой человек должен был объехать всю Россию вместе с экономистами, геологами и юристами и познакомиться с различными аспектами жизни страны, которой он однажды будет править. Затем, когда его жена забеременеет и подарит стране наследника, он должен будет посетить Германию, Англию, Италию и Францию.

Если бы Дидро ограничивал себя советами лишь в определенных областях, они, возможно, были бы восприняты более благосклонно. Но, редактируя огромную энциклопедию, которая пыталась включить в себя обширные знания, Дидро считал себя авторитетом и, таким образом, полагал, что имеет право давать дельные советы во всех областях человеческой жизни, культуры и управления. Он считал своим долгом инструктировать императрицу по поводу того, как ей управлять империей. Он приводил примеры из Древней Греции и Рима и побуждал ее реформировать властные институты России, пока у нее была такая возможность. Дидро призывал ее организовать парламент по английскому типу. Он дал Екатерине анкету, состоявшую из восьмидесяти восьми пунктов, в которых были включены вопросы даже о качестве дегтя, доставляемого из каждой провинции, выращивании винограда, организации ветеринарных школ, количестве монахов и монашек в России, уровне жизни евреев, проживавших в империи, отношении между хозяевами и крепостными.

И если настойчивость Дидро забавляла Екатерину, его наводящие вопросы, возможно, ставили ее в неудобное положение. Слушая его, она, в конце концов, решила, что ее ученый, словоохотливый гость не имел никакого представления о российской реальности. «Мосье Дидро», – сказала она ему, наконец:

> «Я выслушала с величайшим удовольствием все вдохновляющие идеи, которые породил ваш блестящий ум. Но все ваши великие принципы, которые я хорошо пониманию, прекрасны в книгах, но плохо применимы на практике. В ваших планах реформ вы забываете о различии между двумя положениями: вы работаете только на бумаге, которая готова принять все – она гладкая и податливая и не чинит препятствий ни вашему воображению, ни вашему перу, пока я, бедная императрица, работаю на человеческой коже, более чувствительной и деликатной».

В конечном счете, Дидро понял, что императрица не собиралась воспользоваться советами, которые он давал ей в течение долгих недель, и воодушевление, возникшее после первого разговора, начало постепенно исчезать. Ухудшающееся здоровье, одиночество в чужой стране, открытая враждебность придворных, завидовавших, с какой легкостью Дидро получил доступ к государыне, – все это способствовало тому, что у Дидро возникло сильное желание вернуться домой. Он близко познакомился с Екатериной, но почти ничего не узнал о России. Когда Дидро заговорил об отъезде, Екатерина не стала уговаривать его остаться. Он гостил в ее стране в течение пяти месяцев, и она провела с ним шестьдесят дней. Дидро был единственным из философов Просвещения, с которым она встречалась лично.

Дидро уехал из России 4 марта 1774 года. Он боялся обратной дороги, и чтобы облегчить его путешествие, Екатерина выделила ему специально сконструированный экипаж, в котором Дидро мог лежать. На прощание она подарила ему кольцо, меха и три мешка, в каждом из которых было по тысяче рублей. Поездка оказалась еще более тяжелой, чем он опасался. Лед на реках вдоль балтийского побережья начал таять, а когда его экипаж пересекал Двину, лет треснул, и карета стала тонуть. Старика вытащили, но лошади утонули, и три четверти его багажа было потеряно. Сам Дидро слег с сильной лихорадкой. Наконец, он добрался до Гааги, где Петр Голицын позаботился о восстановлении его здоровья.

С точки зрения Екатерины, этот визит оказался совершенно бесполезным. Идеи Дидро были совершенно не применимы в России: благородный философ-идеалист не являлся действующим политиком или администратором. Восстановив силы, Дидро, однако, решил, что его визит был триумфальным. Из Парижа он писал Екатерине: «Теперь вы сидите рядом

с Цезарем, вашим другом [Иосифом Австрийским] и чуть выше Фридриха [Прусского], вашего опасного соседа».

Восторженные рассказы Дидро о его длительном пребывании у Екатерины так раздражали Вольтера, что он даже заболел от зависти. Месяцами он не получал из Санкт-Петербурга ни одного письма, было ясно, что Екатерина забыла о нем ради другого. 9 августа 1774 года через четыре месяца после отъезда Дидро из России, Вольтер больше не смог молчать:

> «Всемилостивейшая Государыня!
>
> Вижу ясно, что я при дворе вашем в немилости нахожусь! Ваше Императорское Величество поменяло меня на Дидро, или на Гримма, или на другого какого любимца! Вы никакого уважения моей старости не сделали! Простительнее бы вам было, когда б вы были французской кокеткой. Но как возможно победоносной и законы начертающей императрице быть столь ветреной? <…> Я всячески стараюсь свои преступления изыскать, чтобы ваше равнодушие казалось справедливым. Вижу, что нет такой страсти, которая не истребилась бы наконец. Мысль сия принудила бы меня умереть с печали, если бы я не был готов умереть от старости. <…>
>
> Подписано вашим обожателем,
>
> Вами забвенным вашим старым фернейским россиянином»

Ответ Екатерины был непринужденным: «Живите, государь мой! И примиримся! Ибо, впрочем, нам незачем ссориться! <…> Вы, будучи добрым россиянином, что не можете быть врагом Екатерины». Польщенный Вольтер заявил, что признает свое поражение и «возвращается к ней в цепях».

Вольтер оказал огромное интеллектуальное влияние на Екатерину, а Дидро стал единственным из философов Просвещения, с которым она встретилась лично, но именно Фридрих Мельхиор Гримм стал другом Екатерины, и дружба эта продлилась всю их жизнь. Родившийся в семье лютеранина в Регенсбурге в 1723 году и получивший образование в Лейпциге, Гримм отправился в Париж, чтобы сделать там карьеру. Он попал в литературные салоны и стал близким другом Дидро. В 1754 году он возглавил «Correspondance Litteraire» – выходящую раз в две недели культурную газету, редакция которой

располагалась в Париже. В ней публиковались рецензии на книги, поэзию, театральные постановки, картины и скульптуры. Пятнадцать или около того подписчиков, все коронованные особы или принцы Священной Римской империи, получали копии через свои посольства в Париже, таким образом, газета избегала цензуры и позволяла Гримму писать совершенно свободно. Взойдя на трон, Екатерина стала подписчиком газеты, но лично с Гримом она познакомилась лишь в сентябре 1773 года, когда он приехал в Санкт-Петербург – за месяц до Дидро – на свадьбу великого князя Павла и принцессы Вильгельмины Гессен-Дармштадтской. Гримм входил в свиту невесты.

Екатерина знала о репутации Грима по его газете. Он был на шесть лет старше Екатерины, у них оказалось много общего: немецкое происхождение, французское образование, амбиции, космополитизм, любовь к литературе, страсть к сплетням. Помимо этого Гримм также был привлекателен для Екатерины благодаря своему благоразумию, сочетающемуся с остроумием и умеренным обаянием. С сентября 1773 года по апрель 1774 года он часто бывал на частных аудиенциях у Екатерины в той же комнате, что и Дидро. Она предлагала ему остаться в Санкт-Петербурге и поступить к ней на службу, но он отклонил предложение, ссылаясь на свой возраст, незнание русского языка и обычаев русского двора. Тем не менее, когда в апреле Гримм уехал в Италию, они начали вести переписку, которая продолжалась до последнего письма Екатерины в 1796 году, за месяц до ее смерти. Гримм вернулся в Санкт-Петербург в сентябре 1776 года и оставался там почти год, за это время Екатерина попросила его возглавить новую комиссию, занимающуюся общественными школами. И снова он отверг предложение, хотя позже согласился работать ее официальным культурным агентом, представляя ее интересы в области искусства и культуры и предоставляя ей контакты в этой сфере.

Дружба Екатерины с Гриммом стала одной из самых важных в ее жизни. Он выполнял роль доверенного лица, рупора, даже буфера – которому она могла полностью доверять. Она писала ему совершенно свободно, могла откровенно говорить о своей личной жизни, рассуждала по поводу своих любовников. Помимо сына Павла и впоследствии внуков, у нее не было семьи, и лишь одному Гримму она могла поведать свои мысли и чувства как любимому дяде или старшему брату.

51
«Наказ»

В 1766 году Екатерина написала Вольтеру о том, что она работала над особым проектом. Это был ее «Наказ» – концепция, которая должна была стать основой для полностью переработанного российского свода законов. Екатерина считала, что при благоприятном исходе это повысило бы уровень правительственного управления, законности и терпимости в ее империи. Она также надеялась, что таким образом продемонстрирует Европе, что в России начинается новая эра, в основу которой будут положены принципы Просвещения.

Когда Екатерина взошла на престол, российской свод законов, принятый еще в 1649 году при царе Алексее, отце Петра Великого, сильно устарел. С момента его введения были приняты тысячи новых указов, которые часто не содержали ссылок на аналогичные предыдущие законы. Полного свода всех законов не существовало. Императорские указы новых государей часто шли вразрез с предыдущими, а министры и чиновники издавали законы, противоречащие существующим. В результате правительственные департаменты были неорганизованны, управление в империи – неэффективным и коррумпированным, а невозможность определить точные полномочия местных чиновников приводило к тому, что землевладельцы получали все большую власть над крестьянами.

Долгое правление Петра Великого (1689–1725 годы) еще больше усугубило этот хаос. Петр сосредоточился на активном проведении реформ, однако половина его приказов даже не была записана. Ни один из последователей не выказывал большего уважения к реформам великого царя, чем Екатерина. Петр превратил Россию в европейскую державу, он создал западную столицу с доступом в Европу, построил флот, мобилизовал победоносную армию, вывел женщин в свет, потребовал религиозной терпимости, а также поддержал развитие индустрии и коммерции в стране. Но он умер в возрасте пятидесяти двух лет, и в последующие с его смерти пятьдесят лет ленивые и некомпетентные правители еще больше запутали российское законодательство. Екатерина понимала, ее задача заключалась в том, чтобы внести ясность в законы и завершить начинания Петра. Изучив либеральные политические теории восемнадцатого века, которые подчеркивали силу законов, способных изменить общество, Екатерина пришла к выводу, что лекарством от всех

несовершенств в империи может стать новый свод законов. Поскольку Екатерина взошла на трон, находясь под впечатлением от идей о просвещенных европейцах, она решила, что эти новые законы должны будут базироваться на принципах Просвещения.

В ее планы входило создание национальной ассамблеи, которую выбирали бы изо всех социально свободных классов и этнических групп империи. Она хотела бы прислушиваться к их жалобам и приглашать их для того, чтобы корректировать недостатки новых законов. Однако перед тем как собрать эту ассамблею, Екатерина решила, что она должна представить ее членам перечень базовых принципов, на которых должны были основываться новые законы. В результате был создан ее «Наказ», полное название которого было следующим: «Инструкция Ее Императорского Величества Екатерины Второй для комиссии, собранной с целью подготовки нового свода законов». Эту работу Екатерина считала самым значимым интеллектуальным достижением за всю ее жизнь и самым большим ее вкладом в преобразование страны.

Екатерина начала работать над «Наказом» в январе 1765 года и посвящала этой деятельности по два или три часа в день в течение двух лет. Документ был опубликован 30 июля 1767 года и был, по мнению Изабель де Мадарьяга, знаменитого историка, занимавшейся изучением екатерининской эпохи: «Одним из самых выдающихся политических документов, созданных и опубликованных правящим государем». В 526 статьях, сгруппированных по двадцать глав, она представляла новый взгляд на природу российского государства и рассказывала, как им следует управлять. Она начала с идей Локка о том, что в организованном обществе закон и свобода были необходимы друг другу, так как последняя не могла существовать без первого. Она многое почерпнула из «Духа закона» Монтескье, опубликованного в 1748 году, где анализировались структура общества и политические права людей в плане их взаимоотношений с государством. Из 526 статей 294 были заимствованы или адаптированы из трудов Монтескье. Она также взяла 108 статей из работы итальянского юриста и правоведа Чезаре Беккариа, чье «Эссе о преступлениях и наказаниях» было опубликовано в 1764 году. Эта работа представляла собой яростную атаку на взаимоотношения между преступлением и наказанием в большинстве государств современной Европы. Беккариа заявлял, что главной целью закона, правосудия и тюремного заключения должно быть не наказание преступника, а стремление изменить его. Помимо всего прочего, Беккариа испытывал отвращение к

практически повсеместному применению пыток. Екатерина, находясь под впечатлением от его работы, пригласила автора в Россию. Но Беккариа предпочел остаться в Милане.

«Наказ» Екатерины должен был решить целый ряд политических, юридических, социальных и экономических вопросов. В нем обсуждалось, чем являлась Россия в настоящий момент и чем она должна была стать, как нужно изменить общество и как следовало руководить правительством и контролировать исполнение законов. По своему тону он больше напоминал наставления учителя, чем указы государыни. Во вводной части делегатам и читателям напоминалось, что христианская религия учит людей по возможности быть добрыми со всеми. Екатерина выражала свое убеждение, что каждый человек желает своей стране счастья, процветания, стабильности и безопасности, что все люди хотят жить при законах, которые защищают, а не подавляют их. Исходя из этих представлений и принципов, она переходила к тому, что считала базовыми фактами, на которых основывалось ее государство. «Россия – европейское государство», – заявляла она, стремясь таким образом положить конец географической и культурной изоляции России, и в то же самое время развеять представление европейцев о России как о далекой, примитивной и дикой стране. Затем Екатерина переходила к объяснению, почему абсолютистская власть была необходима для России. Государь обладал неограниченной властью. Екатерина говорила, что «нет авторитета, кроме того, что сосредоточен в руках одного человека, который может распоряжаться им с энергией, сопоставимой с бескрайними владениями монарха». Все остальные формы правления могли представлять угрозу.

В Монтескье она нашла оправдание ее приверженности абсолютизму, и она согласилась с тем, что высшая власть русского правителя может быть ограничена некоторыми «фундаментальными законами». Эти «законы» были определены как традиции, привычки и институты, настолько сильно исторически укоренившиеся в жизни общества, что ни один монарх, какой бы абсолютной властью он ни обладал, не мог действовать в противоречии с ними. Они подразумевали уважение к основной религии страны, к закону наследования трона и к существующим правам и привилегиям главенствующих социальных групп, к которым относилось дворянство. Монтескье определял подобное государство с таким правителем как «умеренную монархию». Екатерина же представляла Россию как страну с умеренной автократией.

Сведя роль законов к регулированию жизни и отношений между людьми, Екатерина писала: «Законы должны быть составлены подобным образом, чтобы по возможности обеспечить безопасность каждому гражданину… Политическая свобода вовсе не означает, что человек может делать, что ему заблагорассудится, свобода – это право делать то, что позволяет закон… Равенство граждан заключается в том, что они должны подчиняться одним и тем же законам». Пытаясь разрешить серьезную проблему преступления и наказания, она полностью приняла точки зрения Монтескье и Беккариа, соглашаясь, что «намного лучше предотвратить, чем наказывать преступление». Екатерина настаивала на том, что смертная казнь может применяться лишь в делах, касающихся политических убийств, бунтов, измены или гражданской войны. «Опыт показывает, – писала она, – что частое использование жестокого наказания никогда не делает людей лучше. Смерть преступников – менее эффективная мера в сдерживании преступлений, нежели постоянный пример того, как человек, лишенный свободы на всю свою жизнь, пытается исправить тот ущерб, который он нанес обществу». Даже бунт и измена имели очень узкие определения. Она делала различия между святотатством и оскорблением правителя. Пускай и считалось, что государь правит по воле Бога, но он или она не были божественными особами и поэтому ни бунт, ни предательство не наносили ему нефизического оскорбления. Слова нельзя было назвать преступными, если они не подкреплялись действиями. Сатира на монархию, даже если в них затрагивалась личность монарха – возможно, в данном случае она вспомнила о борьбе Вольтера во Франции, – должна была рассматриваться как правонарушение, но не преступление. Но даже здесь нужно было проявлять осторожность, потому что цензура может «не привести ни к чему, кроме как к невежеству, и способна подавить устремления гения, уничтожив в нем всякую волю писать».

Екатерина отвергла пытки, которые традиционно использовались для получения признаний. «Использование пыток противоречит разумному суждению и здравому смыслу, – заявила она. – Гуманизм буквально вопиет против них, и они должны быть полностью искоренены». Она ставила в пример Великобританию, где были запрещены пытки, «что не вызвало ни малейшего неудобства». Екатерина возмущалась тем, что пытки использовались для получения признаний:

> «Какое право имеет кто-либо пытать граждан, даже не зная, виновны они или нет. По закону каждый человек

> считается невиновным, пока его преступление не будет доказано… Обвиняемый на дыбе в мучительной агонии не владеет собой в достаточной мере, чтобы говорить правду… Боль может быть такой сильной, что он не сможет добровольно сделать хоть что-нибудь, кроме как попытаться избавиться от боли. В таких невыносимых обстоятельствах даже невинные будут кричать: «Виновен!», лишь бы их прекратили пытать… И судьи не могут быть уверены, кто перед ними: невинный или преступник. Таким образом, дыба – верный метод обвинить невиновного, который слаб, и оправдать виновного, полагающегося на свою физическую силу».

Екатерина также отвергала пытки по гуманистическим соображениям. «Любое наказание, которое калечит человеческое тело, – варварство», – писала она.

Екатерина хотела, чтобы наказание соответствовало совершенному преступлению, и в «Наказе» подробно анализировались различные преступления и уместные для них наказания. Преступления против собственности, говорила она, должны быть наказаны лишением собственности, хотя она понимала, что виновные в воровстве люди сами часто ничего не имели. Она настаивала, чтобы процесс велся на основании законной судебной процедуры. Екатерина требовала особое внимание уделять судьям, а также правдивости показаний и качеству доказательств, необходимых для вынесения вердикта.

Судьи должны быть из того же сословия, что и обвиняемый. Если судья будет равен ему, то подсудимый не станет думать, что попал в руки человека, который заранее против него настроен. Судья не имеет права интерпретировать закон, это может сделать лишь государь, который создает законы. Судья должен следовать букве закона, это единственный способ добиться того, чтобы одно и то же преступление везде и всегда судилось одинаково. Если приверженность закону ведет к несправедливости, государь, создатель законов, должен выпустить новый.

Попытка Екатерины обратиться к проблемам крепостничества, была последней и самой неудачной частью «Наказа». Она начала главу II, в которой пыталась разобраться с крепостничеством, со слов, что «цивилизованное общество требует установить определенный порядок: одни должны руководить, другие – подчиняться». В подобном контексте она полагала, что даже самый скромный человек имеет право на то,

чтобы с ним обращались по-человечески, но здесь ее слова пошли вразрез с общепринятыми в России представлениями о том, что крепостные являлись собственностью помещиков. Даже намек на освобождение крепостных встречал протест иногда среди людей, которые гордились своими либеральными взглядами. Княгиня Дашкова была так убеждена в праве дворянства на крепостных, что пыталась убедить Дидро в необходимости крепостничества в России. Екатерина отвергала эту мораль, однако политически она была бессильна изменить ее. Когда Дидро находился в Санкт-Петербурге, он обратил внимание, что русские крестьяне были очень грязными, и императрица ответила ему с горечью: «Зачем им очищать свои тела, если их души им не принадлежат?»

Екатерина писала «Наказ» на французском, секретарь переводил ее рукопись на русский и другие языки. Она работала над ним в одиночестве до сентября 1766 года, когда начала показывать свои наброски сначала Орлову, затем Панину. Мнение Орлова оказалось предсказуемо лестным. Панин был осторожен – он видел в «Наказе» опасность существующему политическому, экономическому и социальному строю. «Эти аксиомы разрушат стены», – предупреждал он. Панин опасался, какое действие окажут идеи, позаимствованные у Монтескье и Беккариа, на малообразованных делегатов Уложенной комиссии. Особенно он был обеспокоен, потому что прямое налогообложение крестьян и вербовка в армию основывались на институте крепостничества; он боялся, что без этих двух необходимых требований государство ослабнет в экономическом и военном плане. Кроме того, он задавался вопросом, как будут жить освобожденные крепостные, ведь они не владели землей. Панин поинтересовался, где государство возьмет деньги, чтобы компенсировать землевладельцам потерю крепостных и земли, которую крепостным необходимо возделывать, чтобы выжить.

Екатерина не стала игнорировать реакцию Панина. Он не был крупным землевладельцем, боявшимся потерять своих многочисленных крепостных; он двенадцать лет провел в Швеции и, в целом, выступал за реформы. Екатерина понимала, что он был не одинок в своей оппозиции. Закончив первый черновик «Наказа» в 1767 году, она передала его на изучение в Сенат. «Каждая его часть вызвала разногласия, – вспоминала она позже. – Я позволила им удалить то, что сочли нужным, и они убрали более половины из написанного мной». После этого она показала документ ряду образованных дворян; они убрали половину оставшихся статей. После этих исключений «Наказ» был, наконец-то, опубликован, но это была лишь четверть текста,

над которым Екатерина работала в течение двух лет. В этом и заключались ограничения абсолютной монархии: даже государь не мог пренебрегать мнением тех, чья поддержка была ему необходима, чтобы оставаться у власти.

В той версии «Наказа», который был, наконец, опубликован, огорчение Екатерины по поводу существования крепостничества было видно из того, какой язык она использовала, чтобы сформулировать свои мысли. Она писала осторожно, едва ли не извиняясь перед читателями, быстро шла на попятную, противоречила сама себе и всеми силами сдерживала себя. Таким образом, ее попытка сказать, что крепостничество было временным институтом, что правитель должен избегать попыток подвергать свой народ рабству, что гражданские законы должны предотвращать злоупотребление рабством, обернулась бессвязным потоком сбивчивых слов:

> «Поскольку Закон Природы велит Нам работать на пределе Нашей силы во благо всех людей, Мы вынуждены сделать положение наших подданных настолько же легким, насколько позволяет наш разум <…> И вследствие этого не превращать людей в рабов, за исключением особых случаев, которые неумолимо заставляют нас сделать это; в таких случаях это должно быть сделано не ради личной выгоды, а во блага народа. Однако подобные случаи редки и происходят крайне редко. Но при любой форме закабаления гражданские законы должны препятствовать злоупотреблению рабством и охранять от угроз, которые оно за собой влечет».

Две статьи, которые Екатерина позаимствовала у Монтескье, были исключены из финального опубликованного документа. В одной заявлялось, что крепостным позволялось скопить определенные средства, чтобы выкупить свою свободу; в другой – что рабство должно быть ограничено до шести лет служения. Кроме того, Екатерина добавила свою собственную мысль о том, что после освобождения крепостные никогда не должны были возвращаться в крепостничество. Этот пункт также был исключен, и ни делегаты Уложенной комиссии, ни другие русские так и не услышали о нем, не читали и не обсуждали его и не действовали, согласно этим словам.

Екатерина не предъявляла прав на оригинальность или авторство. Когда она послала копию «Наказа» Фридриху, то честно написала: «Вы увидите, что, как ворона в басне, я украсила

себя павлиньими перьями; в этой работе я в основном объединила различные материалы, лишь некоторые реплики и слова принадлежат мне». Д'Алемберу она призналась: «Ради своей империи, я ограбила Монтескье, даже не упомянув его имени. Если он из загробного мира увидит мой труд, то, надеюсь, он простит меня за это воровство ради блага двадцати миллионов человек. Он слишком любил человечество, чтобы принять это за оскорбление. Его работа – мой «молитвенник»».

«Наказ» был написан в надежде, что усовершенствованный свод законов поможет создать более развитую в политическом смысле, культурно утонченную и эффективную Россию. Этого не случилось. Однако Екатерина адресовала «Наказ» на только Уложенной комиссии, которую она собиралась создать, но и всему образованному обществу в ее империи и заграницей. И когда переводы появились за пределами России, даже при всех их сокращениях, несообразностях и ужасных текстовых заимствованиях этот документ все равно производил сильное впечатление и принес Екатерине широкое одобрение. Переводы на немецкий, английский и латынь появились почти сразу же. В декабре 1768 года Екатерина отправила копию в Ферне. Вольтер притворился, что поверил, будто «Наказ» был полным, подробным сводом законом и объявил, что ни Ликург, ни Солон «не смогли бы создать подобного». Его напыщенные фразы сводились к абсурду, он называл «Наказ» «самым прекрасным памятником эпохи, которая принесет вам больше славы, чем десять битв, потому что был порожден вашим гением и написан вашей маленькой прекрасной ручкой».

Правительство Франции придерживалось другого мнения. Король посчитал документ настолько опасным, что по его приказу публикация «Наказа» во Франции была запрещена, и две тысячи копий, которые должны были доставить из Санкт-Петербурга в Париж, задержали на границе. Вольтер издевался над французскими цензорами, запретившими эту работу, и заверил Екатерину, что это комплимент, гарантирующий ей популярность. Дидро писал: «Справедливость и гуманизм водили пером Екатерины II. Она реформировала все». Фридрих Прусский назвал «Наказ» «мужественным, смелым сочинением, достойным великого человека» и включил императрицу в число членов Берлинской Академии.

«Наказ» не был, несмотря на хвалебные отзывы Вольтера, сводом законов; скорее он представлял собой собрание принципов, на которых, как считала Екатерина, должны были

основываться достойное правительство и нормальное общество. В письме Фридриху она продемонстрировала, что ей хорошо было известно несоответствие между реальной Россией и той страной, в которую она желала ее превратить: «Должна предупредить Ваше Величество, что в документе вы найдете ряд мест, которые покажутся вам странными. Умоляю вас запомнить, что нередко я стараюсь приспособиться к настоящему, при этом не закрывая двери в желанное будущее».

52
«Всем свободным сословиям»

Екатерина написала «Наказ» как прелюдию к созыву ассамблеи, которая должна была помочь в создании нового свода законов империи. Когда документ был опубликован даже в сильно урезанном виде в декабре 1766 года, она перешла ко второй стадии, издав императорский манифест, который назывался «Всем свободным сословиям» – то есть всех жителей Российской империи, кроме крепостных, она призывала выбрать делегатов в Уложенную комиссию. В течение весны 1767 года делегаты были выбраны, они представляли людей различных вероисповеданий, званий, профессий и социальных классов Российской империи. В число делегатов входили правительственные чиновники, представители дворянства, горожане, купцы, свободные крестьяне, а также жители удаленных частей России, которые не были ни христианами, ни этническими русскими. Их задача заключалась в том, чтобы информировать императрицу о жалобах, нуждах и надеждах людей, которых они представляли, таким образом обеспечив ее материалом, который она использовала бы при создании нового свода законов.

Основными критериями для выбора служили географическая территория и принадлежность к определенному сословию. Главные правительственные учреждения прислали 28 делегатов. Все дворяне, живущие в определенном округе, должны были выбрать по одному делегату, что обеспечило 161 делегата от дворянства (среди них были три брата Орловых, включая Алексея и Григория). Все владельцы собственности в городах должны были выбрать по одному представителю своего города, в результате оказалось 208 делегатов от горожан – и это была самая большая группа в ассамблее. Государственные крестьяне, работавшие на принадлежавших государству землях и являвшиеся по закону свободными, присылали по одному делегату от каждой провинции. Всего их было 79. Казаки с Дона, Волги, Яика и из Сибири должны были прислать такое количество делегатов, которое сочтут нужным их атаманы, в результате они прислали 54 делегата. Еще 34 делегата прислали иноземцы: христиане, мусульмане и даже буддисты, они выбирали по одному делегату от каждого племени. Крепостные, представлявшие большую часть населения России, считались собственностью и не были представлены в собрании,

предполагалось, что их интересы будут отстаивать их хозяева. Когда выборы закончились, в Уложенную комиссию вошло 564 делегата.

Было ясно, что собрание будет ограничено лишь предоставлением информации и советов, а окончательные решения все равно оставались за императрицей. Екатерина не планировала, чтобы Уложенная комиссия обсуждала управление Россией. Она не хотела создавать орган, который ограничил бы абсолютистскую власть русского правителя, и ясно дала понять в «Наказе», что абсолютизм являлся единственной эффективной для России формой правления; также Уложенной комиссии не было дозволено претендовать на постоянную политическую роль. На время обсуждений не вводилось никаких ограничений на выражение общих политических взглядов, а также высказывание жалоб как на местном, так и на национальном уровне, однако роль Комиссии была исключительно совещательной. Так случилось, что делегаты Уложенной комиссии не высказали намерений расширить свои полномочия. Все понимали и принимали свой статус и верховную власть государыни.

Большинство делегатов оказалось сбито с толку и не понимало, чего от них ждали. Все предыдущие требования об участии в центральном управлении с подозрением встречалось дворянством, которые рассматривали вызов в столицу для исполнения государственного долга как своего рода службу, которой они по возможности старались избежать. Екатерина решила изменить сложившуюся картину и сделать роль делегатов более привлекательной, благодаря прилагавшимся к ней наградам и привилегиям. Все расходы оплачивались из государственной казны. Делегаты также должны были получать зарплату, которая составляла 400 рублей в год для дворян, 122 рубля – для горожан и 32 рубля – для свободных крестьян. Все делегаты пожизненно освобождались от смертной казни, пыток и телесных наказаний, а их собственность ограждалась от конфискации. Делегаты должны были носить на заседаниях специальные значки, которые необходимо было вернуть государству после их смерти. Дворянам вменялось в обязанность включить этот символ в свой герб, чтобы их потомки знали, что они принимали участие в историческом процессе. «С помощью этого института, – писала Екатерина в заключении манифеста, – Мы показываем нашим подданным пример Нашей искренности, Нашего безграничного доверия к ним и Нашей материнской любви».

Екатерина заявила, что новая Уложенная комиссия будет собираться в Москве, и она лично откроет его работу. Созвав собрание в древней столице, она надеялась доказать консервативному населению города, что она, ее «Наказ» и новый свод законов должны будут служить Старой России точно так же, как и Новой. Еще до того, как делегаты собрались, она подкрепила свои добрые намерения заявлением о том, что совершит путешествие по Волге в самое сердце Старой России. Это не только помогло бы ей получше узнать свою собственную империю, таким образом, она продемонстрировала бы себя народу и произвела бы впечатление на наблюдателей у себя дома и заграницей. Перспективы подобного путешествия волновали императрицу. 26 марта 1767 года она написала Вольтеру: «И вы, может быть, к удивлению своему, получите от меня письмо, написанное мною из какого-нибудь азиатского города, когда вы этого отнюдь не ожидаете».

Путешествие прошло с размахом. Более тысячи человек сопровождали ее на флотилии из больших речных кораблей, которые отплыли из Твери 28 апреля 1767 года. Путешественники остановились в Ярославле, затем – в Костроме, куда в 1613 году делегация, представлявшая «все сословия и все города России», прибыла с прошением занять русский престол к первому из династии Романовых – шестнадцатилетнему Михаилу. Из Костромы императрица со свитой двинулась вниз по реке к Нижнему Новгороду, Казани и Симбирску. Екатерине нравился подобный способ путешествия. «Нет ничего приятнее, чем путешествовать как будто бы целым домом и не чувствовать усталости», – писала она Никите Панину.

В Казани, где Екатерина остановилась на неделю, она почувствовала себя так, словно оказалась в другом мире. Ее окружало этническое и культурное разнообразие, и она подумала, что в России вполне можно было бы применить принципы, которые она описала в «Наказе». 29 мая она писала Вольтеру:

> «Эти законы, о коих столько разговаривают, не совсем еще окончены. Но кто может ручаться в доброте их? Конечно, не нам, но потомкам предоставляется право решать сию задачу. Вообразите, что они должны будут служить Европе и Азии! Какая выйдет чрезвычайная разность в климате, народах, обычаях и даже в самом понятии! <…> В сем городе находится двадцать различных народов, не имеющих между собой ни малейшего сходства! Надобно однако иметь им

свойственную каждому одежду. Они могут быть довольны общими правилами, но если взять подробности?..»

Два дня спустя в следующем письме в Ферне она вернулась к этой теме:

> «Так много тем, достойных рассмотрения – здесь можно почерпнуть идей на десять лет вперед. Это сама по себе целая империя, и лишь здесь можно увидеть, какое это большое дело – творить законы и как мало они согласовываются с положением в империи, в целом».

Путешествуя дальше на юг по великой реке, Екатерина поражалась богатству природы на ее берегах. Она писала Никите Панину:

> «Здесь на Волге люди богаты и очень хорошо питаются. Разнообразное зерно здесь необычайно хорошее, а из деревьев растут только дубы и липы. Земля здесь такая темная, как ни в каком ином месте. Иными словами, эти люди испорчены Богом. С самого рождения я не ела такой вкусной рыбы, как тут, и все здесь в невероятном изобилии, и я не представляю, есть ли что-нибудь на свете, чего у них еще нет».

Вместе со своей свитой Екатерина отплыла из Симбирска и повернула к Москве. Через полтора столетия Александр Керенский, премьер-министр Временного правительства России в 1917 году, так описывал Симбирск, в котором родился:

> «Город возвышался на холме над рекой и простиравшимися до восточного горизонта лугами с высокой, густой травой. С вершины холма до самой воды раскинулись пышные яблоневые и вишневые сады. Весной склон холма становился цветущим и благоуханным, и по ночам душу щемило от пения соловьев».

Вернувшись в Москву, Екатерина приготовилась открыть первое заседание Уложенной комиссии. Когда делегаты прибыли в город, Екатерина решила продемонстрировать всю важность работы, которую они должны были выполнить. Утром в воскресенье 30 июля она в золоченой карете проехала по улицам до Кремля. После религиозной церемонии в Успенском соборе

она направилась в Грановитую палату, где ей представили делегатов, пока сама она сидела на троне. Справа от нее на столе, покрытом красным бархатом, лежал «Наказ» в переплете из красной кожи, по другую сторону – стоял великий князь Павел, министры правительства, члены двора и иностранные послы. В приветственной речи Екатерину сравнили с Юстинианом. Она ответила делегатам, что у них есть уникальная возможность «прославить себя и свою страну и завоевать себе уважение и признание на века вперед». Екатерина подарила каждому из делегатов по «Наказу» и по золотой медали на цепочке. На медали был выгравирован портрет императрицы. Надпись гласила: «Блаженство каждого и всех». Медали сразу стали очень популярными, и многие делегаты вскоре их продали.

На следующее утро комиссия начала свою работу. В течение нескольких дней вице-канцлер князь Александр Голицын зачитывал вслух «Наказ» Екатерины. Это было первое из многочисленных чтений, в которых существовала необходимость, поскольку не все делегаты умели читать. Можно лишь догадываться, какое впечатление произвел этот документ на получивших довольно скромное образование дворян, городских торговцев и крестьян, чье представление о мире ограничивалось пределами их провинции, а иногда и деревни, не говоря уж о представителях этнических племен, живущих за Волгой. Трудно даже представить, что казаки с Дона или калмыки из степей могли воспринять из принципов, позаимствованных у Монтескье и сформулированных принцессой немецкого происхождения. Афоризмы вроде «Свобода – это право делать все, что не запрещено законом» были настолько чужды большинству населения России, что они просто не понимали их.

В конференц-зале делегаты занимали скамьи согласно округу, из которого они прибыли. Дворянство сидело в первых рядах, за ними располагались горожане, казаки и делегаты от крестьянства. Важную роль маршала (или президента) собрания Екатерина поручила генералу Александру Бибикову, солдату, которому было поручено организовывать и руководить работой собрания. Прежде чем делегаты приступили к работе, ради которой они были вызваны, они настояли на проведении дебатов по поводу того, как им следовало называть императрицу в признательность за то, что она собрала их всех вместе. «Великая, мудрая матерь отечества» – оказалось самым популярным обращением. Дискуссия продлилась несколько заседаний, что побудило императрицу обратиться к Бибикову: «Я собрала их, чтобы обсуждать законы, а они занимаются тем, что обсуждают мои добродетели». Наконец, она отказалась от каких-либо

титулов, объяснив, что не заслужила ни одного из них, что лишь потомки могут беспристрастно судить о ее достижениях и только Бога можно называть «мудрым». Тем не менее она благосклонно восприняла новость о том, что «Екатерина Великая» получила наибольшее число голосов; она находилась на троне всего пять лет, в то время как Петр Великий получил это звание от Сената лишь на четвертый десяток своего пребывания царем. И без сомнения, это звание, присвоенное ей свободными гражданами страны, укрепило законность ее нахождения во власти. Это положило конец дальнейшим дискуссиям по поводу сведения ее роли к регентству, а также о восхождении на трон Павла, когда тот достигнет своего совершеннолетия.

Комиссия утвердила устав проведения заседаний и распределение обязанностей. Целое собрание должно было выступать в качестве арены для общих дискуссий, в то время как основная работа по анализу, координации и составлению черновых версий новых законов распределялась между девятнадцатью подкомиссиями. Функция комиссии сводилась к зачитыванию отчетов, которые делегаты привезли с собой. Екатерина считала, что обсуждение их жалоб и предложений, объясняющих потребности каждого региона и сословия, будут одной из самых важных задач Уложенной комиссии, она ожидала получить подробное представление об условиях жизни в России. Каждый делегат был уверен, что его личный список жалоб станет главной заботой комиссии. Были доставлены сотни списков и петиций; шесть делегатов от государственных крестьян из Архангельского региона привезли с собой семьдесят три петиции. Некоторые из них были обычными списками часто несвязных и противоречащих друг другу желоб; другие содержали маловразумительные предложения по реформам. В общем, Уложенной комиссии было представлено более тысячи петиций от крестьянства. Разумеется, у крестьян было меньше возможностей, чем у дворян и горожан, четко сформулировать свои жалобы, поэтому они, как правило, сводились к описанию частных трудностей: разрушение забора, вытоптанный скотом урожай, нехватка бревен, дороговизна соли, неисполнение закона, невежество правительственных чиновников. Поскольку крестьяне были уязвимы перед давлением со стороны дворянства или местных чиновников, им трудно было конкретизировать свои жалобы. Чтобы выслушать все жалобы, заседания проходили по многочисленным подкомитетам, многие рассмотрения были начаты, но так и не закончены. В конечном счете Екатерина поняла, что порученное делегатам задание найти подходящие для

всех граждан империи законы оказалось для них непосильным. Однако случилось небывалое: впервые в России представители разных сословий были собраны вместе, они сидели в одном помещении и говорили открыто и искренне, без страха о том, что тревожило их и людей, интересы которых они представляли.

Екатерина часто присутствовала на заседаниях, расположившись на трибуне за опущенным занавесом. Она кое-что узнала о состоянии ее империи, но ее так раздражал медлительный темп, в котором проходили собрания, что однажды она даже встала со своего места и ушла. Ее разочаровали не только сами заседания, но и деятельность некоторых подкомитетов. Однажды, узнав, что подкомитет горожан перенес свои заседания на срок, пока не будут переплетены дополнительные копии «Наказа», Екатерина взорвалась. «Неужели они потеряли те экземпляры, которые им роздали?» В декабре, после пяти месяцев заседаний, она решила, что слышала уже достаточно, и приостановила сессии в Москве. Надеясь, что перемена места оживит делегатов, Екатерина приказала возобновить работу в Санкт-Петербурге через два месяца. В середине января она отправилась в путь на санях по заледенелой дороге. За ней последовала длинная вереница саней с делегатами.

Когда Уложенная комиссия снова встретилось в Санкт-Петербурге 18 февраля 1768 года, она начала обсуждать статус дворян, горожан, купцов и свободных крестьян. Дворяне просили расширить их полномочия и наделить их большей властью в провинциях и правительстве на местах, они также хотели получить право заниматься коммерцией и развивать производство в городах. Кроме того, дворяне спорили между собой по поводу определения статуса и прав различных слоев дворянства. Потомственные дворяне из древних родов требовали установить строгие разграничения между урожденными дворянами и людьми, которые недавно получили дворянство за службу или в качестве награды – как, например, Орловы.

Другие яростные дебаты проводили дворяне-землевладельцы против купцов. Дворяне требовали права, по которому лишь они могли пользоваться трудом крепостных и имели бы полную свободу решать проблемы крепостных: и экономическое, и административное. Купцы, узнавшие из «Наказа» о том, что все граждане равны перед законом, потребовали таких же привилегий, как и у дворянства, включая право иметь собственных крепостных. Землевладельцы пытались противостоять этому, тогда как купцы старались помешать

помещикам заниматься торговлей и промышленностью. В итоге, обе эти инициативы провалились.

В процессе дебатов между дворянами и купцами касательно прав владения крепостными стала видна более обширная и опасная проблема крепостничества. Собрание разделилось на два лагеря с противоположными точками зрения. Те, кто поддерживал крепостничество, заявляя, что этот институт должен быть неизменным, и он является единственным решением экономических проблем, которые лежали глубже, чем социальный статус и привилегии, поскольку крепостничество было необходимо для возделывания земель в огромной, преимущественно сельскохозяйственной стране. Оппоненты крепостников говорили о зле и человеческих страданиях, которые причиняла эта форма угнетения, близкая к рабству. С экономикой и традициями с одной стороны и философией и состраданием с другой казалось, что невозможно будет найти решения, способного удовлетворить обе стороны.

Екатерина так же, как и остальные, не могла найти решения. В изначальном варианте «Наказ» зашел настолько далеко, что поддерживал постепенное освобождение от крепостного права, позволяя крепостным с разрешения их хозяев покупать себе свободу. Российское дворянство в массе своей выступало против подобных идей, поэтому данные пункты были изъяты из документа еще до того, как он был отдан в печать. Вопрос о том, стоит ли разрешить крепостным владеть собственностью, помимо земли, был поставлен перед собранием. Он привел к горячим дискуссиям, касавшимся отношений между крепостными и землевладельцами, а также административной и карательной властью помещиков, которую они могли осуществлять над своими крепостными. На обвинения, что крестьяне ленивы и склонны к пьянству, либеральные делегаты отвечали: «Крестьянин тоже может чувствовать. Он знает, что все его имущество принадлежит помещику. Как он может быть добродетельным, когда он лишен всех средств, чтобы оказаться таковым? Он пьет не от лени, а от уныния. Даже самый трудолюбивый человек станет беспечным, если его будут постоянно угнетать и у него ничего не будет». Другие просвещенные помещики выступали за законные ограничения власти помещиков над крепостными. Маршал Бибиков заявлял, что дворяне, которые пытали своих крепостных, должны быть объявлены сумасшедшими, и это позволит на законных основаниях конфисковывать их имущество. Но когда были предложены конкретные меры по улучшению положения крепостных с их последующим постепенным освобождением от

крепостничества, выступавшие замолчали. Либералы из кандидатов-дворян подверглись поношению и даже угрозам расправы со стороны агрессивно настроенных членов консервативного большинства.

Екатерина надеялась на содействие графа Александра Шувалова. Он получил образование в Женеве и Париже, именно он поддержал ее, когда Петр III публично обозвал ее «дурой» во время представительского банкета. Но когда Шувалов выступил перед Уложенной комиссия, он стал страстно защищать крепостничество. Князь Михаил Шувалов, считавший потомственное дворянство институтом, который был создан Богом, выдвинул аргументы, что в такой холодной, северной стране, как Россия, крестьяне просто не будут работать, если их не заставлять. На это способны лишь дворяне, но они должны делать это традиционным способом, без вмешательств государства.

Поэт и драматург Александр Сумароков возражал против особых привилегий, как, например, пожизненное освобождение от телесных наказаний, которое даровалось делегатам Уложенной комиссии от крестьян. Сумароков также возражал против принципа большинства голосов. «Большинство голосов не подтверждает правду, а лишь указывает на желание большинства, – говорил он. – Правду подтверждают лишь веская причина и беспристрастность». Далее Сумароков жаловался, что «если крепостных освободят, то дворяне лишатся поваров, кучеров, лакеев, поскольку их повара и парикмахеры уйдут в поисках лучшей доли, и возникнут постоянные беспорядки, для разрешения которых потребуется военное вмешательство. В то время как сейчас помещики тихо живут в своих имениях». («И время от времени им перерезают там глотки», – прокомментировала Екатерина.) Всем известно, заключил Сумароков, что господа любят своих крепостных и те отвечают им взаимностью. В любом случае, добавил он, простые люди не могут испытывать тех же чувств, что и люди благородные. («И в нынешних обстоятельствах просто не могут их иметь», – заметила Екатерина.) В конце концов, императрица отреагировала на возражения Сумарокова следующим образом: «Господин Сумароков хороший поэт <…> но не обладает достаточной ясностью ума, чтобы быть хорошим законодателем».

Несмотря на личные убеждения Екатерины и опасения по отношению к крепостничеству, реакция делегатов от дворянства заставила ее воздержаться от дальнейшего противостояния. Ее мысли о том, насколько это было опасно держать большую часть населения в постоянной зависимости, нашли свое воплощение в

письме, которое она написала генерал-прокурору Вяземскому:

> «Невозможно обеспечить полного освобождения от жестокого и невыносимого ига <…> если только мы не согласимся сдерживать жестокость и улучшить нестерпимое положение людей, иначе рано или поздно они сами добьются этого даже против нашей воли».

Поскольку ее принципы Просвещения подверглись суровой критике, Екатерина, знавшая, что правит прежде всего благодаря поддержке дворянства, решила больше не настаивать. Позже она прокомментировала это следующим образом:

> «Как же я настрадалась от неразумного и жестокого общественного мнения, когда этот вопрос рассматривала Уложенная комиссия! Дворяне <…> заподозрили, что эти дискуссии могут привести к улучшению положения крестьян <…> Кажется, там не было и двадцати человек, которые отреагировали бы на эту тему с сочувствием».

Заседания в Санкт-Петербурге оказались еще менее продуктивными и вызвали даже больше распрей, чем в Москве. Комиссия по-прежнему работала очень медленно, отягощенная процедурой, конфликтами между классами и, в целом, нереальностью поставленной перед ней задачей. Двадцать девять делегатов от русских крестьян играли в дискуссиях незначительную роль, за исключением одного неутомимого делегата от архангельского крестьянства, который выступал пятнадцать раз. Многие делегаты от крестьян просто передали свое право выступать дворянам от их регионов. Несколько свободных крестьян, которые выступали, ухватились за возможность изложить свои жалобы перед самой императрицей. Екатерина, слушая, как они, запинаясь, рассказывали о своих унижениях, трудностях и опасениях, поняла, как они были далеки – и как сама она была далека – от Монтескье. К осени 1768 года, по-прежнему не видя конкретных результатов, императрица устала. Работа комиссии тянулась восемнадцать месяцев, было проведено более двухсот заседаний, но не написано ни одного закона.

Летом и осенью 1768 года императрица и ее министры сосредоточили внимание на других вопросах. Вмешательство России в дела соседней Польши и надвигающаяся война с Турцией отвлекли их от заседаний Уложенной комиссии. Энтузиазм Екатерины относительно нового свода законов иссяк, а

когда в октябре 1768 года Турция объявила войну, ее мысли и устремления были направлены на решение новой задачи. К тому времени некоторые делегаты от дворян покинули собрание, чтобы приступить к службе в качестве армейских офицеров. 18 декабря 1768 года граф Бибиков заявил, что по приказу императрицы работа полной Уложенной комиссии прерывается на неопределенный срок, однако подкомитеты продолжат заседания. Последняя встреча полной комиссии состоялась 12 января 1769 года, после чего делегаты были отпущены по домам, где они должны были ждать нового заседания. Подкомитеты проводили время от времени встречи, но к сентябрю 1771 года и они прекратились. В промежуток между 1772 и 1773 годом генерал-прокурору сообщили, что императрица намеревается собрать полную ассамблею после завершения русско-турецкой войны. Однако делегатов так и не вызвали. Уложенная комиссия больше не проводила встреч.

Новый свод законов России так и не был создан. Расстояние, отделявшее идеальный образ монархии, созданный философами Просвещения, от реальной аграрной России с ее повседневными проблемами, оказалось слишком велико. Екатерина ориентировалась на Монтескье, а дворяне желали получить подтверждение своего статуса и расширить свои привилегии, крестьяне же хотели восстановить сломанные изгороди, потоптанный урожай и прекратить незаконную вырубку леса. Тем не менее восемнадцать месяцев, в течение которых было проведено 203 заседания, вовсе не были потрачены впустую. Все жалобы были собраны, а дискуссии на общих заседаниях и встречах подкомитетов предоставили ценную информацию. Изучая многочисленные детали – все эти бесконечные жалобы и претензии сторон, – Екатерина укрепилась в своем убеждении, что стабильность России зависела от поддержания абсолютного авторитета монарха.

Наряду с укреплением веры Екатерины в абсолютизм произошли и другие важные события. Под влиянием «Наказа», в котором делегаты видели, в том числе, и свою защиту, во время дискуссий они получили немало новых идей, которые никогда прежде не обсуждались в России публично. В некоторых случаях делегаты буквально цитировали отдельные параграфы из «Наказа» Екатерины, ссылаясь на авторитет императрицы, чтобы обеспечить поддержку своим собственным идеям. В конечном счете, несмотря на то, что Уложенная комиссия так и не смогла создать новый свод законов, она внесла важный вклад в историю страны. Созыв комиссии, выборы и 203 заседания, – все это стало

первым в Российской империи прецедентом участия населения в решении государственных дел. Впервые людям дали право голоса и возможность решать свою политическую судьбу.

Есть мнение, что Уложенная комиссия ничего не достигла и что с самого начала и «Наказ», и Уложенная комиссия были созданы как исключительно показное действо, демонстрация, которую Екатерина устроила для своих друзей-просветителей. Это суждение – поверхностно. Естественно, Екатерине были приятны лестные отзывы Вольтера о «Наказе», но нельзя на основании этого делать вывод, будто она написала его лишь для того, чтобы затем продемонстрировать Вольтеру и получить его одобрение. Биограф Екатерины Изабель де Мадарьяга писала:

> «Трудно принять идею о том, что главная цель столь затратного и длительного предприятия <…> заключалась лишь в желании пустить пыль в глаза западным интеллектуалам. Екатерина могла завоевать их расположение посредством переписки, как в случае с Вольтером; покупки библиотеки Дидро, которую она оставила в распоряжении хозяина; приглашения Д'Алембера и Беккариа приехать в Россию (хотя они оба отклонили его); назначения Гримма своим агентом в Париже <…> Этих примеров было достаточно в ее просветительском послужном списке <…> Ей не имело никакого смысла начинать такое грандиозное предприятие, как Уложенная комиссия».

Как бы там ни было, но написание Екатериной «Наказа» и созыв Уложенной комиссии произошли за девять лет до того, как Томас Джефферсон написал, а Континентальный Конгресс утвердил в ходе голосования американскую «Декларацию Независимости». И только через двадцать два года король Людовик XVI созвал Генеральные штаты. Никто из последователей Екатерины на троне не осмелился собрать подобную ассамблею до 1905 года, когда Николай II в результате революции был вынужден подписать договор, превративший Россию из страны с абсолютистским правлением в полуконституционную монархию, а затем в 1906 году собрать первый выборный парламент в России – Государственную Думу.

53
«Король, которого мы делали»

Новый свод законов, отвечающий потребностям современной России, был важен для Екатерины, однако внешняя политика в тот момент стояла для нее на первом месте. С самого начала своего правления Екатерина действовала напористо и прямолинейно в традициях Петра Великого. Взойдя на трон, она стала полностью контролировать отношения России с иностранными государствами. Она хотела продемонстрировать, что является теперь самодержавной императрицей, и немедленно потребовала, чтобы ей показывали все дипломатические депеши, которые доставляли в коллегию иностранных дел.

Была проведена большая работа. Когда Петр Великий стал единолично править в 1694 году, Россия была изолированным гигантом, лишенным постоянного доступа к свободному ото льдов морскому порту. Швеция доминировала в Северной Балтике, а Черное море контролировали турки-османы. Позже, в результате триумфальной победы в Великой Северной войне, Петр ослабил хватку Швеции, расширил владения России вдоль Балтийского побережья, включив в них большой порт в Риге, и построил новую столицу на берегу Финского залива. На юге, воюя с турками, он пытался добраться до Черного моря. Сначала Петр одержал победу в устье Дона у Азовского моря, но затем потерял это завоевание, когда турки разгромили его на реке Прут. На момент смерти Петра в 1725 году Россия все еще не имела южного выхода к морю и остальному внешнему миру. Вдоль западной границы России находилась огромная, политически нестабильная Польша, которая ранее оторвала большой кусок от России и Украины. Поэтому в своем желании подражать Петру и создать новые выходы во внешний мир Екатерина смотрела на запад и на юг. На западе находилась Польша, на юге – Турция.

Смертельная болезнь польского короля привела к тому, что своей первой целью она выбрала Польшу. Речь Посполитая, объединявшая королевство Польское и княжество Литовское, по своей территории превосходила Францию. Она тянулась с востока на запад между Днепром и Одером и с севера на юг от Балтики до Карпат и дунайских провинций, находившихся на территории турецких Балкан. Граница между Польшей и Россией имела протяженность в девятьсот миль. В прежние времена, когда Польшей правили польские короли, она была одним из самых

могущественных государств в Европе. В 1611 году польская армия заняла Кремль. Позже цари отвоевали утраченные земли – Смоленск, Киев и Западная Украина снова стали русскими – однако большая часть Западной России, населенная православными славянами, все еще оставалась частью Польши.

К середине восемнадцатого века Польша переживала сильный упадок. Польский Сейм был слабым, квазипарламентским органом, его избирало польское и литовское дворянство, тысяча его членов-аристократов имели одинаковое право голоса. Король, который не наследовал трон, а получал его в результате анонимного голосования Сейма, – был еще более слабой в политическом отношении фигурой. Короля выбирали только анонимным голосованием, и таким образом он был обязан каждому члену Сейма. Кроме того, Сейм имел право выбирать короля лишь среди иностранцев, поскольку влиятельные польские дворяне могли не прийти к согласию или вступить в сговор против оппонентов. С 1736 года корона находилась на голове курфюрста Августа Саксонского, который в то же время правил как король Август III Польский. Теперь Август умирал, и необходимо было найти нового приемника.

Статус республики, которой правил избранный король, значительно ослаблял Польшу, кроме того, страна сильно страдала от уникальной и очень болезненной политической ситуации. Каждый член Сейма мог остановить заседание, наложив открытое вето. Эта процедура позволяла одному члену наложить вето на любое решение собрания, даже если оно было поддержано остальными членами. Единственный голос против мог отвергнуть любое важное решение, принятое на заседаниях Сейма. Поскольку голос одного из депутатов всегда можно было купить, открытое вето делало невозможным проведение реформ. Польское правительство влачило жалкое существование, переходя от одного кризиса к другому, пока богатые землевладельцы, по сути, управляли страной.

Однако существовала политическая процедура, с помощью которой можно было бы нейтрализовать открытое вето. Это было возможно путем установления временной «конфедерации», собрав группу дворян для достижения одной, особой цели. После этого объединенный Сейм мог принимать решения большинством голосов (а не в результате анонимного голосования), и затем, достигнув желаемого, снова разойтись, позволив Польше вернуться к привычной политической анархии.

Неудивительно, что эти постоянные разногласия и некомпетентность приводили к иностранному вмешательству – государственное устройство Польши давало соседям немало

поводов для вмешательства во внутренние дела страны. Особенно удачным моментом для этого оказался 1762 год, когда король Польши находился на смертном одре. Многие считали, что сын унаследует от него и саксонское курфюрство, и польскую корону, его кандидатуру поддерживали Австрия, Франция и многие поляки.

Но Екатерине он не нравился. Не дожидаясь смерти Августа, она приняла непростое решение. Самой сильной фигурой среди урожденных поляков был принц-канцлер Адам Чарторыжский, ведущий член польской партии русофилов, сильная личность, человек влиятельный и очень богатый. Но сила, опыт и здоровье были вовсе не теми качествами, которые Екатерина хотела бы видеть в новом короле. Ей нужен был более слабый, более уступчивый и нуждавшийся в деньгах кандидат. И у нее был на примете человек, отвечавший ее требованиям. Речь шла о племяннике Адама Чарторыжского и бывшем любовнике Екатерины – Станиславе Понятовском. Уже 2 августа 1762 года, через месяц после восшествия на трон, она написала Станиславу: «Я отправляю немедленно графа Кейзерлинга послом в Польшу, чтобы сделать вас королем по кончине настоящего». Екатерина сообщила Герману Кейзерлингу, что он уполномочен подкупать любого, кого сочтет нужным, и может потратить на это несколько сотен тысяч рублей. А чтобы укрепить золото сталью, она направила к русско-польской границе тридцать тысяч солдат.

Не желая, чтобы избрание ее кандидата зависело только от русских денег и штыков, она искала другого монарха, который поддержал бы ее выбор. Екатерина знала, что Австрия и Франция предпочитали Саксонию; ей также было известно, что Фридрих Прусский открыто выступал против еще одного саксонского правителя и, по сути, он был против любой кандидатуры, которую предложила бы Мария Терезия Австрийская. Она понимала, что если Пруссия объединится с Россией, Польша начнет испытывать давление и с востока, и с запада, и, таким образом, страна с нестабильным политическим строем окажется в дипломатических и военных тисках.

Фридрих тщательно обдумал предложение Екатерины. Его собственное положение было слабым. Едва избежав поражения в Семилетней войне, Пруссия была истощена и находилась на грани нищеты и политической изоляции. Фридриху нужен был союзник, и Россия казалась самой лучшей и, возможно, единственной перспективой. Но Фридрих был слишком опытен в таких делах, как переговоры, чтобы сразу же ввязаться в мероприятие, единственным призом в котором стала бы польская корона. Он, как и Екатерина, предпочитал урожденного поляка

саксонскому кандидату, но понимал, что интересы Екатерины в продолжении «счастливой анархии» шли дальше, чем его собственные. Поэтому он объявил, что объединится с ней, но только в случае, если исполнится его давняя мечта о российско-прусском альянсе. Однако подобные условия не устраивали Екатерину, она знала, новый альянс с Пруссией напомнит русским о Петре III и о его кратковременном и очень непопулярном союзе с Фридрихом, которого он называл своим «королем и повелителем».

Екатерина не стала сразу давать ответ, пытаясь смягчить Фридриха и добиться его расположения с помощью экзотических подарков. Вместо подписанного договора Фридрих получал арбузы из Астрахани, виноград из Украины, одногорбых верблюдов из Центральной Азии, а также икру, осетров, меха лисы и куницы. Фридрих поблагодарил ее за подарки, сухо заметив: «Велика разница между астраханскими арбузами и собранием делегатов в Польше, но все это доказывает ваше стремление действовать. Рука, которая раздает фрукты, может даровать корону и гарантировать Европе мир, за который я и все те, кто заинтересован в делах Польши, будут благодарить вас вечно».

Общие интересы взяли верх. Фридрих в конечном счете поддержал кандидата Екатерины на роль польского монарха, наградив Станислава орденом Черного Орла, высшей наградой Пруссии. Екатерина благосклонно забыла, что незадолго до этого Фридрих тем же орденом наградил ее мужа, Петра III, который был таким же никудышным солдатом, как и Станислав. Но Фридрих смог заключить желанный союз – союзный договор на срок восемь лет. Каждая из двух сторон обязалась помогать другой в случаях нападения стороннего государства и выслать субсидию в размере четырехсот тысяч рублей. Если же одного из союзников атакуют две враждебные стороны, его партнер должен был послать пехоту в количестве двухсот тысяч человек и двух тысяч кавалерии. Далее подразумевалось, что Россия и Пруссия будут действовать сообща по всем делам, касавшимся политической трясины, в которой увязла Польша. В тот момент это означало, что Пруссия поддержит кандидатуру Станислава. Никакие нюансы и никакие промедления не должны были этому помешать. В тайном дополнительном соглашении оба монарха объявили, что стороны приняли решение гарантировать «свободные и независимые выборы» и «при необходимости привлечь все военные силы, если кто-либо попытается воспрепятствовать свободным выборам короля Польши или же вмешаться в существующую ситуацию». Если же кто-либо из

поляков выступит против своего нового «законно избранного короля», устроив против него заговор, союзники согласились привлечь «военную силу против них и их имущества без малейшей жалости».

Переговоры по поводу заключения договора еще не были окончены, когда в сентябре 1763 года умер Август III. Однако эта смерть уже не имела сколь-либо важного политического значения. Договоренность между Екатериной и Фридрихом была достигнута, а российско-прусский кандидат выбран. Императрица с колким сарказмом отреагировала на известие о смерти: «Не смейтесь над тем, что я подпрыгнула в кресле, услыхав новость о смерти польского короля, – писала она Панину. – Король Пруссии выскочил из-за стола, когда узнал об этом».

Через два года после того, как Станислав Понятовский был бесцеремонно отправлен домой из России императрицей Елизаветой в 1758 году, Екатерина все еще испытывала душевную привязанность к польскому дворянину. Она часто писала ему как отцу своей маленькой Анны и пыталась вернуть ему пост посла в Санкт-Петербурге. Затем она познакомилась с Григорием Орловым – человеком менее утонченным, но обладавшим огромной уверенностью в себе, силой и энергией. Екатерина и Станислав продолжали переписку, и их письма были наполнены выражением взаимной нежности, их теплые письма внушали Понятовскому уверенность, что между ними по-прежнему оставалась прочная связь. Однако великая княгиня не рассказывала ему всей правды. Она старалась не упоминать в письмах о своих отношениях с Григорием Орловым, включая свою беременность и рождение ребенка от Орлова. Если Станислав и знал о Григории из других источников, он убедил себя, что этот грубый, необразованный солдат не мог стать для нее чем-то большим, нежели предметом страсти. А когда Екатерина заняла трон, и ее муж умер, он перестал думать об Орлове и продолжал считать дни до тех пор, пока она призовет его к себе.

Екатерина, знавшая о его чувствах или же подозревая нечто подобное, пыталась предостеречь его. 2 июля 1762 года она писала ему:

> «Я настоятельно прошу вас не приезжать сюда, поскольку ваш визит в данных обстоятельствах может быть опасен для вас и причинит серьезный вред мне. Мое восшествие стало настоящим чудом. В подобное единогласие трудно поверить. Я полностью погружена в работу и не могу посвятить себя вам. Всю свою жизнь я

буду служить вам и уважать вашу семью, но в данный момент очень важно не вызывать подозрений. Я не спала три ночи и за четыре дня ела всего два раза. Прощайте. Будьте здоровы! Екатерина».

Письмо было написано с нежностью, но его тон безошибочно указывал на эмоциональный разрыв. Ее следующее письмо, написанное месяц спустя, было посвящено перевороту и смерти Петра III и содержало заявление о том, что она посылает графа Кейзерлинга с миссией сделать Станислава королем. К тому времени необходимо было подавить в Станиславе всякие надежды на их скорое воссоединение как любовников и будущих супругов.

«Я вас прошу воздержаться от поездки сюда. <…> Я получила ваше письмо. Правильная переписка была бы подвержена тысяче неудобств, а я должна соблюдать двадцать тысяч предосторожностей, и у меня нет времени писать опасные признания в любви. <…> Я должна соблюдать тысячу приличий и тысячу предосторожностей, и вместе с тем чувствую все бремя правления. <…> Прощайте, бывают на свете положения очень странные».

Она по-прежнему ничего не говорила о своих интимных отношениях с Григорием Орловым, однако лестно отзывалась о нем и о его братьях:

«Узел секрета находился в руках троих братьев Орловых <…> Орловы блистали своим искусством управлять умами, осторожною смелостью в больших и мелких подробностях, присутствием духа и авторитетом. <…> Они патриоты до энтузиазма и очень честные люди, страстно привязанные к моей особе, и друзья, какими никогда еще не были никакие братья; их пятеро <…> старший [на самом деле, Григорий был вторым из братьев по старшинству] всюду за мною следовал, и делал тысячу безумных вещей. Его страсть ко мне была всем известна. <…> Я очень многим обязана этим людям; весь Петербург тому свидетель».

Эти письма потрясли Станислава. Им никогда не владело желание носить польскую корону. Он не хотел быть королем и даже не желал жить в Польше. Считая себя образованным, воспитанным европейцем, он понимал, что имеет мало общего с грубой, распущенной польской аристократией, которая отрицала

всяческие авторитеты, кроме своего собственного, и была готова выступить против любого избранного короля при первой же угрозе их привилегиям. Если ему и суждено было оказаться рядом с троном, то он рассматривал себя скорее в роли принца-консорта, помогающего императрице привнести цивилизацию в свою империю, а не правителя страны, в которой он чувствовал себя иноземцем. Поэтому план Екатерины посадить его на польский трон совсем не привлекал его.

Однако у Екатерины было три причины прекратить их отношения и сделать его королем: она хотела удостовериться, что он окончательно ушел из ее личной жизни; кроме того, она желала компенсировать ему разлуку с ней, и, что еще более важно, она хотела с его помощью получить власть над Польшей. Ее письма к бывшему любовнику становились все холоднее. Она перестала держать втайне свои отношения с Орловым. Станислав все еще верил, что его личное присутствие сможет возродить былую страсть к нему. Он умолял позволить ему приехать в Россию хотя бы на несколько месяцев или несколько недель. Но Екатерина дала отрицательный ответ.

Станислав отказывался принять или даже понять ее отказ. В своем воображении он все еще рисовал портрет одинокой женщины, которая пыталась решить проблемы огромной империи, женщины, которая так отчаянно нуждалась в помощи. Более рациональный человек понял бы, что Екатерина говорила ему о том, что у нее появился другой любовник, чья роль в ее жизни и чей вклад в ее успех давали ему слишком большое преимущество перед ним. Лишь постепенно Станислав осознал горький факт, что польская корона должна была стать ему компенсацией. Его ответ был последним, полным отчаяния криком:

> «Я молю вас выслушать меня. Я думал, что вы, в отличие от других женщин, никогда не изменитесь. Позвольте мне быть с вами в любом качестве, каком вы только пожелаете, но не делайте меня королем. Призовите меня к себе. Я смогу сослужить вам куда более значимую службу в качестве частного лица. Я уверен, что это изменило бы любую женщину, но только не вас! Что мне остается? Без вас я ничто, пустая оболочка и истосковавшееся сердце. Я умоляю вас выслушать меня. София, София, вы заставляете меня жестоко страдать! Я бы тысячу раз предпочел быть послом подле вас, чем королем здесь».

Но его мольбы оказались тщетными. Екатерина уже приняла

решение. Ей было выгодно иметь на польском троне влюбленного в нее человека. Еще выгоднее для нее было то, что этот человек беден, а польский король имел лишь скудное жалованье. Это означало, что он всегда будет нуждаться в деньгах и зависеть от нее. Станислав хоть и носил мантию короля, но стал лишь пешкой в польской партии. Самой весомой фигурой в ней была королева, в данном случае, императрица. Учитывая покорный нрав ее бывшего любовника и отсутствие интереса к королевской политике, Екатерина была уверена, что в скором времени Польша полностью окажется под влиянием России. Это стало лишь вопросом времени.

Когда новость о русско-прусском решении отдать корону Станиславу достигла иностранных столиц, все поняли, императрица решила сделать своего бывшего любовника королем Польши, а позже женить его и объединить королевство со своей империей. И хотя обнародование этого события могло спровоцировать напряженные отношения с Австрией и Францией, ни одно из этих двух государств, ослабленных войной, как и Пруссия, не были готовы бороться за польский трон. Но это не означало, что они одобряли план Екатерины. Франция передала протест через своего союзника – Турцию, южного соседа Польши. Французские дипломаты в Константинополе не теряли времени и обрисовали перед султаном и великим визирем всю опасность положения, если на троне окажется молодой, неженатый мужчина, человек, который был когда-то любовником императрицы и мог быть избран ей в мужья в случае, если этот брак обеспечит Екатерине власть над территориями к западу от Днепра. Эта тщательно спланированная акция имела свои результаты. В июне 1764 года великий визирь отправил в Санкт-Петербург послание, в котором заявлял, что его страна хотела бы признать русско-прусский альянс, а также одобряет избрание на польский трон урожденного поляка, но отрицает кандидатуру Станислава под предлогом того, что он слишком молод, неопытен и, кроме всего, неженат.

В Польше Чарторыжские, родственники Станислава, приняли логику в отрицании турок. Они предложили решение – король обязуется жениться, вероятнее всего, на польской католичке. Ему исполнилось тридцать два, и он уже миновал тот возраст, когда молодому человеку уместно было вступить в законный брак. Чарторыжские давили на своего племянника, чтобы он избрал себе невесту до выборов в Сейме. Все стороны: Екатерина, семья, турки и стоявшие за ними французы – теперь имели общую цель: заставить Понятовского дать обещание жениться лишь с

одобрения Сейма и взять себе в жены польскую католичку. Станислав отказался, заявив, что никто не заставит его стать королем на подобных условиях и что он скорее потеряет корону.

К сожалению, именно Екатерина начала настаивать на принятии подобного решения. Станислав получил официальное послание из российского министерства иностранных дел в Санкт-Петербурге, где говорилось, что ему необходимо еще до выборов в Сейме жениться или по крайней мере выбрать себе невесту. Станислав, наконец, понял, что потерял любимую женщину, поэтому сдался и подписал заявление о том, что женится только на римской католичке и только с одобрения польского Сейма. Однако он оказался достаточно практичным человеком, поэтому написал Екатерине и сообщил, что если она хочет сделать его королем, то должна обеспечить достаточным для данного положения количеством денег. Она выслала ему денег. Его обещание жениться успокоило тревоги турок, и выборы могли проходить своим чередом.

Получив согласие Станислава, Екатерина послала русскую армию помочь ему выполнить свое обещание. Четырнадцать тысяч русских солдат окружили Варшаву, чтобы «поддержать там мир» и «гарантировать свободу и спокойствие выборов». Некоторые поляки поговаривали о вооруженном сопротивлении и обращении за помощью к иностранным державам, но большинство членов Сейма были довольны перспективой выбора королем урожденного поляка и не желали сопротивляться интервенции русских.

«Свободные выборы» состоялись посредством устного голосования присутствующих летним днем 26 августа 1764 года за пределами Варшавы. Члены Сейма, расположившиеся на лугу, могли хорошо видеть большой русский военный лагерь неподалеку. Станислав был избран и, как он писал впоследствии: «Выборы были единогласными и спокойными». Теперь он стал королем Станиславом Августом II Польским и, как выяснилось впоследствии, последним королем Польши. Бывший любовник Екатерины, мечтавший стать ее мужем, стал ее царственным вассалом. В Санкт-Петербурге Екатерина с облегчением приветствовала это событие, послав Панину записку: «Поздравляю Вас с королем, которого мы делали».

54
Первый раздел Польши и первая русско-турецкая война

Екатерина была довольна. Выборы Станислава королем стали триумфом не столько для Польши и Станислава, сколько для нее самой. Однако победа привела к тому, что она сильно переоценила свое влияние в польских делах. Два года спустя, пытаясь заставить Сейм изменить политику, касавшуюся проблемы польских «диссидентов», она спровоцировала серьезный конфликт и войну.

«Диссидентский вопрос» был официальным термином для обозначения дискриминации различных религиозных меньшинств в преимущественно католической Польше. Эти меньшинства – русское православное население в восточной трети страны, а также сотни тысяч протестантских лютеран на севере – активно преследовались за их вероисповедание и были лишены большинства политических прав. Им не разрешалось выбирать делегатов в Сейм или занимать высокие политические либо военные посты. Годами их лидеры искали помощи заграницей: православные – в России, протестанты – в Пруссии. Их проблемы и постоянные призывы о защите предоставили России и Пруссии еще один общий интерес в Польше и открыли дальнейшие перспективы для вмешательства в польские дела.

С начала своего правления Екатерина слышала о православных верующих, которым было запрещено строить новые церкви и часто не позволялось посещать уже существующие храмы. У императрицы была причина для реагирования. Она подвергла секуляризации церковные земли и церковных крепостных в России и теперь хотела вернуть расположение церкви у себя на родине. Еще один мотив заключался в том, что любое ослабление католической церкви согласовывалось с принципами Просвещения о религиозной терпимости.

Через три месяца после избрания Станислава на польский престол русский посол, князь Николай Репнин, сообщил новому королю о том, что императрица не позволит проводить реформы в Польше, о которых просили Чарторыжский и другие влиятельные дворяне – аннулирование открытого вето, передачу короны по наследству, увеличение армии – до тех пор, пока религиозным меньшинствам, православным и протестантам, не будет позволено поклоняться Богу в своих церквях и принимать участие в политической жизни общества и в государственных

делах. Станислав согласился поднять вопрос о проблеме «диссидентов» на следующем заседании Сейма. Тут же вспыхнула агитация против «диссидентов», она исходила от фанатично настроенных католических священников. Обе стороны были непреклонны. Требуя политических прав для религиозных меньшинств, Екатерина выдвигала эти требования преимущественно католикам, которые были готовы воевать, лишь бы не допустить малейшего изменения их веры или посягательств на их привилегии. Религия являлась объединяющим нацию фактором, угроза католической вере напоминала каждому поляку о том, что он – патриот. Когда в 1766 году Сейм собрался, он твердо отказался удовлетворить какие-либо жалобы религиозных меньшинств. Екатерина стояла на своих позициях: реформы не будут проведены до тех пор, пока Польша не признает прав диссидентов.

Станислав оказался меж двух огней. Хорошо знакомый с верованиями своих крестьян-католиков, он умолял императрицу не вмешиваться в религиозные дела. Своему послу в Санкт-Петербурге король писал: «[Это требование] как гром среди ясного неба для страны и лично для меня. Если это возможно, постарайтесь доказать императрице, что корона, которую она мне преподнесла, может превратиться в хитон Несса. Меня сожгут заживо, и мой конец будет ужасным».

Екатерина проигнорировала эту мольбу. Ее позиция оставалась незыблемой – она поддерживала права преследуемого католической церковью религиозного меньшинства. Кроме того, она выделяла Станиславу деньги и считала, что покупает этим его поддержку. Своему послу она велела обеспечить содействие ее политическому курсу.

Фридрих Прусский был счастлив, что у него появилась возможность держаться в стороне от борьбы Екатерины с королем и Сеймом, он стал оказывать поддержку волнениям в протестантских районах Польши. Это привело к усилению сопротивления польских католиков против любого иностранного влияния и еще больше усложнило инициативу Екатерины. Пока члены Сейма были рассержены и упрямы, католические епископы выступали против греховности диссидентов, а некоторые дворяне вооружали своих последователей, Екатерина не видела другой альтернативы, кроме как послать в Польшу дополнительный контингент русских войск. Когда состоялось следующее заседание Сейма в октябре 1767 года, Варшава оказалась занята русской армией. Репнин окружил здание Сейма солдатами, а некоторых из них разместил в зале заседаний, чтобы убедиться, что делегаты будут голосовать согласно его инструкциям. Сначала

Сейм отказался подчиниться. Когда епископы стали выступать против предоставления уполномоченным религиозных меньшинств прав, собравшиеся встретили их речи одобрительными криками. Тогда Репнин арестовал двух главных епископов, включая пожилого епископа Кракова, и отправил их в изгнание в Россию. Члены Сейма ждали, что их король возмутится, но Станислав принял требования Репнина, поэтому короля обвинили в том, что он предал свою страну. 7 ноября 1767 года Сейм в отсутствии многих делегатов и в окружении поблескивающих русских штыков, не найдя ни одной фигуры, вокруг которой можно было бы сплотить сопротивление, с неохотой подчинился и согласился признать равные права для «диссидентов». Однако Екатерина и Репнин еще не закончили. В феврале 1768 года они вынудили подписать договор о польско-русском альянсе, который подтверждал гарантию свободы вероисповедания для религиозных меньшинств и обязал короля не пытаться вносить изменения в польскую конституцию без согласия России.

Через два дня после того, как заседания Сейма в Варшаве закончились, группа консервативно настроенных дворян-католиков собралась в Баре – южном польском городе около турецкой границы и объявила себя Конфедеративным Сеймом, целью которого была защита независимости Польши и католической веры. Взрыв польского патриотизма спровоцировал плохо подготовленное и нескоординированное восстание. Российские войска продвинулись на юг и разгромили восставших, однако антироссийские союзы стали возникать в Польше повсюду, и Екатерина была вынуждена послать в Польшу новые войска. Эти объединения привлекли внимание католиков Австрии и Франции, которые посылали им деньги и офицеров для поддержки. Екатерина ответила тем, что наводнила страну еще большим числом российских солдат. Она понимала, что сильно недооценила силу польского католицизма и национальную гордость, и, к своему удивлению, оказалась втянутой в серьезную военную кампанию. Поляки боролись, писала она Вольтеру «чтобы помешать четверти своего населения наслаждаться гражданскими правами».

Екатерина смогла сделать Польшу своим государством-вассалом с подвластным ей королем, но она также разожгла ненависть в поляках, встревожила Турцию, вызвала беспокойство Австрии и даже взволновала Пруссию. Фридрих не подписал договор с Россией, чтобы Польша окончательно не оказалась под влиянием России.

Опасения, вызванные событиями в Польше, распространились по всей Европе. Монархи и государственные деятели, уже сильно встревоженные успехами бывшей принцессы Ангальт-Цербстской, ставшей императрицей, теперь следили за тем, как она сделала своего бывшего любовника королем и распространила влияние России на его новое королевство. Турки, являвшиеся соседями России и Польши, были сильно обеспокоены растущим военным влиянием России в Польше, которую Турция хотела бы видеть в качестве слабого государства, выполняющего роль буфера между ними и Россией. Русские войска теперь находились на позиции, с которой они в любой момент могли продвинуться дальше по Днепру, Бугу и Днестру и представлять угрозу турецким провинциям на Балканах, в Валахии и Молдавии. Если бы они добрались до Дуная и форсировали его, они оказались бы в опасной близости к Константинополю. Франция, традиционный союзник Турции, также хотела ослабить влияние России на Польшу. Поэтому французским дипломатам в Константинополе было несложно убедить султана и великого визиря, что русскую экспансию необходимо остановить и что самым разумным курсом стало бы объявление войны, пока Россия не успела к ней подготовиться. Благодаря подкупу, Франции удалось убедить Константинополь. Теперь Турции нужен был только предлог.

Идеальный казус белли представился в октябре 1768 года. Русские войска, сражаясь с поляками на юго-востоке Польши, преследовали их до польской границы и пересекли ее. Османская империя ответила тем, что выдвинула перед русским послом ультиматум, требуя от него вывести все русские войска не только с территории Турции, но и изо всей Польши. Когда русский посол отказался даже передать эти требования в Санкт-Петербург, турки сопроводили его в Семибашенный замок и заперли там – таков был турецкий протокол объявления войны. Фридрих II, следивший за этими событиями из Берлина, схватился за голову и простонал: «Боже мой, сколько же нужно пережить, чтобы сделать короля Польши?»

Екатерину не напугало объявление Турцией войны. На деле она считала, что это дает ей возможность достигнуть важных для России целей. Конечно, ей пришлось вступить в эту войну без союзника, поскольку Россия сражалась лишь с одной враждующей стороной. У Фридриха Прусского по договору не было никаких обязательств для мобилизации хотя бы одного своего гренадера. Он ограничился выплатой ежегодных субсидий России, которую требовал русско-прусский договор. В частных беседах он отзывался о войне как о соревновании «одноглазого со слепым»,

однако прекратил подобные разговоры в 1769-м и 1770-м, когда значительный успех генералов Екатерины доказал, что он заблуждался.

Весной 1769 года российские войска заняли крепости Азова и Таганрога, которые в свое время завоевал Петр Великий, но впоследствии был вынужден отдать туркам. Контроль над этими портами и крепостями давал выход к устью Дона, где река впадала в Азовское море. Затем русские заняли Керчь в том месте, где Азовское море соединялось с Черным, и тем самым обеспечили себе выход и к Черному морю. Между тем русская армия в количестве восьмидесяти тысяч человек, используя Польшу как плацдарм, продвинулась на юг в турецкие провинции Молдавию и Валахию. Войска генерала Петра Румянцева заняли всю Молдавию и большую часть Валахии в верхней части Дуная. В 1770 году Румянцев с войсками численностью 40 000 человек форсировал Днестр и нанес два сокрушительных поражения большей по численности турецкой армии. Во время битвы при Ларге 7 июля он разгромил 70 000 турок, в битве при Кагуле, 21 июля, он разбил войско в 150 000 человек. Румянцев был возведен в фельдмаршалы. Наблюдая за всем из Санкт-Петербурга, радостная Екатерина хвасталась Вольтеру, что «рискуя повторяться и вызвать вашу скуку, мне не о чем писать вам, кроме как о победах». Императрица почти каждый день встречалась со своим консулом и постоянно посылала длинные письма признательности и ободрения своим генералам. Офицеров, находившихся в отпуске, развлекали в Зимнем дворце, и на каждом военном параде императрица появлялась в мундире одного из полков, почетным полковником которых она являлась.

С первого месяца войны Екатерина искала возможности использовать в войне с турками свой флот. У России не было выхода к Черному морю. Поскольку Российская империя не имела плацдарма на воде, Петр Великий создал балтийский флот, однако в правление его последователей флот пришел в упадок. В начале своего правления Екатерина начала восстанавливать флот: ремонтировать старые корабли, строить новые. Она также обратилась к британскому правительству за разрешением пригласить на службу опытных офицеров Британской империи. Было нанято довольно много английских капитанов, включая капитана Самуэля Крейга и Джона Эльфинстона, оба они получили звание контр-адмиралов и жалованье вдвое больше, чем у себя на родине.

Екатерина хотела, чтобы флот и эти офицеры приносили

пользу. Когда на заседании военного совета Григорий Орлов поинтересовался, можно ли использовать флот в Средиземном море, дабы атаковать турок с тыла, Екатерина задумалась над этим. План казался довольно смелым – послать часть русского флота буквально на другую сторону европейского континента, на границу с океаном. Флот должен был выйти из Балтики, пересечь Северное море, затем – Ла-Манш, пройти вдоль берегов Франции, Испании, Португалии, миновать Гибралтарский пролив и войти в западную часть Средиземного моря, после чего под флагом Российской империи достигнуть Эгейского моря. Чтобы эта стратегия оправдала себя, Екатерине требовалась поддержка дружественных европейских держав. И снова она обратилась к Англии, и опять Уайтхолл ответил согласием. Когда Россия воевала с Турцией, британское правительство предполагало, что она также будет воевать с Францией, постоянным противником Англии, и Лондон это одобрил. Поэтому Британия предложила обеспечить русский флот всем необходимым для отдыха, а также провиантом, ремонтом в английских морских портах Гулле и Портсмуте, а также в Гибралтаре и на острове Менорка в Средиземном море.

6 августа 1769 года Екатерина наблюдала за тем, как первая русская эскадра отбыла из Кронштадта и отправилась в долгое плаванье. Корабли пополнили свои запасы в Гулле, а затем перезимовали на британской базе на Менорке, в западной части Средиземного моря. Вторая эскадра под командованием адмирала Джона Эльфинстона последовала за первой в октябре, прошла по Северному морю, переждала зиму в Спидхеде, около острова Уайт. В апреле эти корабли вышли в море и прибыли в Ливорно, где герцог Таскании пополнил их запасы. В мае 1770 года объединенный русский флот появился около мыса Матапан, находившегося на полуострове Пелопоннес, который располагался у восточного входа в Эгейское море. К тому времени командование флотом было поручено брату Григория Орлова – Алексею, который присоединился к флоту в Ливорно. Этот высокий офицер с изуродованным шрамом лицом в свое время сыграл важную роль в перевороте и смерти Петра III. Своей решительностью он старался скомпенсировать отсутствие опыта в военных делах, а личным советником он взял к себе Самуэля Крейга. Собрав свои корабли, он вышел в Эгейское море в поисках врага. К концу июня он нашел его.

Остров Хиос находится около турецкой Анатолии, и в водах Хиоса 25 июня турецкий адмирал, командовавший шестнадцатью кораблями, увидел нечто неожиданное для себя: четырнадцать больших кораблей, над которыми развевался белый флаг с синим

крестом Святого Андрея – морской флаг России, – приближавшихся в боевом порядке. Орлов тут же занял северную часть Чесменской бухты. Русский корабль протаранил турецкий флагман, а русские и турецкие матросы сошлись в рукопашной схватке на палубе кораблей. Пламя охватило оба корабля, и они взорвались. Остатки турецкого флота поспешили в Чесменскую бухту, где по предположению турецкого адмирала им ничего не угрожало – море там было мелким, и у русских кораблей не оказалось бы достаточно пространства для маневра. На следующее утро Орлов провел новую атаку. Крейг вошел в залив с тремя кораблями и напал на турецкий корабль с 96 пушками. За ними, скрываясь в дыму и пользуясь всеобщей суматохой, три судна, снаряженные как брандеры, подошли к стоящим на якоре турецким кораблям. Турецкие моряки сначала увидели стену из огня, двигающуюся им навстречу. Ветер, господствовавший в бухте, раздул огонь, пламя быстро распространилось, и один за другим турецкие корабли охватило пламя, а вскоре они взорвались. Результат оказался разрушительным: пятнадцать турецких линейных кораблей были уничтожены, лишь одному удалось уйти. Погибло девять тысяч турецких моряков и только тридцать русских.

Битва в Чесменской бухте стала поразительным достижением для флота и страны, у которой практически не было морского опыта. Эта победа позволила Орлову, который теперь считал себя освободителем православных греков, пройти дальше по Эгейскому морю, пытаясь убедить греков поднять восстание против турецкого гнета. Не имея активной поддержки и союзников в армии на суше, он потерпел неудачу. Некоторое время он держал блокаду Дарданелл. К осени среди русских матросов вспыхнула эпидемия дизентерии, и флот вернулся на зимовку в Ливорно. Весной Орлову приказали отправиться домой. На родине его приняли как героя. Он преклонил колено перед Екатериной и получил орден святого Георгия.

Удивительный успех России в 1770 году – достижения на Черном море и Дунае, присутствие русского флота в Средиземном море и полный разгром турецкого флота в Чесменской бухте – привел Европу в состояние замешательства и тревоги. Быстрый рост военной мощи России стал беспокоить и ее друзей, и врагов. Одним из них был союзник Екатерины – Фридрих Прусский, которого вовсе не ободряла мысль о возможном господстве Екатерины над всей Польшей. Ни Пруссия, ни Австрия не были в восторге от перспективы российского влияния на Балканах или от мысли о взятии Россией

Константинополя. С другой стороны, ни Фридрих, ни Мария Терезия не видели способов помешать России в достижении целей, которые она поставила перед собой. Поэтому Фридрих поздравил Екатерину («Я не мог писать вам после каждой победы. Я ждал, когда их набралось с полдюжины»). Более всего он опасался дальнейших масштабных военных действий, которые заставили бы Францию и Австрию выступить против России, поскольку это потребовало бы от Пруссии оказать России помощь в качестве союзника. По договору 1764 года Пруссия обязывалась прийти на помощь Екатерине, если на Россию нападут. В нынешней войне Турция была явным агрессором, и Пруссия уже послала в Россию финансовую помощь. Но теперь Австрия, встревоженная русским вторжением на Балканы, угрожала вступить в союзничество с Турцией. Если бы это привело к войне, Россия потребовала бы от Пруссии выполнить обязательства, и Фридриху пришлось бы воевать с Австрией третий раз в жизни. К тому времени Фридрих устал от войны. В свои пятьдесят пять он уже дважды воевал с Австрией, чтобы присоединить Силезию к своему королевству. Теперь эта провинция принадлежала ему, и он не хотел новой войны, предпочитая ей дипломатию. Польская независимость казалась шаткой, русский посол уже фактически управлял королевством, и это был лишь вопрос времени, прежде чем империя Екатерины окончательно поглотит страну. Чтобы предотвратить это, не прибегая к военным действиям, Фридрих пытался найти решение, которое отвечало бы желаниям правителей всех трех соседних государств. А если предположить, что Пруссия, Австрия и Россия смогут удовлетвориться, получив свои зоны влияния в раздробленном государстве? Если Екатерина согласится взять восточные, населенные преимущественно православными, земли Польши, а Фридрих возьмет часть протестантского северо-запада, тогда Австрия могла бы получить обширные земли на юге, населенные католиками. Он был уверен, три державы согласятся с его планом и никто в Европе не сможет противостоять их альянсу – ни турки, ни французы, и уж точно ни поляки.

В основе этой циничной привязанности к польскому соседу и в желании использовать его для расширения государства, лежали территориальные интересы самого Фридриха. Восточная Пруссия была физически отделена от всех остальных владений династии Гогенцоллернов. Годами Фридрих надеялся исправить эту ситуацию, получив прибрежные земли польской Балтики, которые разделяли его страну. Осенью 1770 года дипломатические интересы Пруссии представлял его младший брат, принц Генрих Прусский, нанесший официальный визит в Санкт-Петербург. Этот

маленький человечек с невыразительным лицом приехал в столицу неохотно, по требованию своего брата, чтобы помочь в реализации планов Фридриха по разделению Польши. Генриха, как и его брата, мало интересовали пышные церемонии, но он отличался наблюдательностью и быстро ориентировался в ситуации. Екатерина развлекала его банкетами, концертами и балами. Генрих чувствовал себя неуютно при роскошном дворе Екатерины, он был пунктуален и скрупулезен, и ситуация, в которой он оказался, тяготила его. Его бесстрастная манера держать себя и курносый прусский нос не способствовали его успеху при русском дворе. Но с Екатериной, которая также была немкой, он хорошо поладил.

К декабрю принц и императрица всерьез обсуждали предложение Фридриха о разделе Польши. Согласна ли Екатерина умерить свои территориальные амбиции в отношении поверженной Турции в обмен на польские территории? Екатерина размышляла над этим вопросом, наслаждаясь своими военными и морскими победами, но с неохотой шла на компромисс. В конце концов, Россия была единственной державой, которая вела войну с Турцией, именно она сражалась и побеждала турок. Более того, вложив столько сил и денег в польскую авантюру, она предпочла бы с помощью Станислава сделать всю Польшу сателлитом России. Однако, обдумав свое положение, Екатерина стала более уступчивой. Она поняла, что ни ее союзник Пруссия, ни Австрия, которая становилась все более враждебной, вряд ли позволят ей захватить обширные территории на Балканах за счет Турции. В глубине души она боялась, что Австрия и Франция могут вступить в войну в качестве союзников Турции; уже несколько месяцев Австрия и Франция посылали материальную помощь и военных советников польской конфедерации. Далее, она понимала, что давняя глубокая ненависть между католиками и православными в Польше могут привести страну к военному и финансовому истощению. Наконец, она знала, для многих русских, включая священников и последователей православной церкви, большой радостью станет извести о том, что Россия возьмет под свою защиту православных Польши, и этого будет достаточно, чтобы успокоить тех, кто хотел большего.

В январе 1771 года, пока принц Генрих пытался пережить празднование Рождества и Нового года в России, австрийские войска неожиданно перешли Карпаты и заняли территорию Южной Польши. Эта новость достигла ушей императрицы и принца Генриха во время концерта в Зимнем дворце. Генрих, услыхав известие, покачал головой и сделал заключение: «Похоже, Польше остается только смириться и утешиться».

Екатерина услышала его замечание и ответила: «Почему бы нам обоим и не взять то, что нам причитается?» Генрих передал этот короткий разговор Фридриху, заметив, что «хотя это была всего лишь шутка, ясно было, что сказала она так неспроста, и я не сомневаюсь, что вы сможете извлечь пользу из данной ситуации».

Вскоре в марте брат Фридриха вернулся в Берлин. Фридрих изложил Екатерине свое предложение: ввиду австрийской агрессии будет уместно, если Россия и Пруссия последуют ее примеру и возьмут желанные земли. В середине мая прусский министр в Санкт-Петербурге сообщил в Берлин, что императрица согласилась на раздел Польши.

На переговоры ушел год, и лишь после этого была достигнута договоренность о разделе с Австрией. В течение этого года основная дипломатическая работа была сосредоточена на Марии Терезии. Встревоженная российскими победами на Балканах и отрицавшая любые предложение о том, что турок на Дунае должны заменить русские, австрийская императрица в июле 1771 года заключила секретный договор с Турцией и обязалась оказывать помощь древнему мусульманскому врагу Габсбургов. Однако тайна быстро раскрылась, и когда Екатерина и Фридрих узнали об этом, они проигнорировали Австрию и 17 февраля 1772 года заключили договор о разделе Польши. Между тем сын Марии Терезии – император Иосиф II, деливший с ней трон, – пытался убедить мать, что в интересах Австрии было бы присоединиться к Фридриху и Екатерине. Это оказалось мучительным временем для австрийской императрицы. Она ненавидела и презирала этих двух монархов: Фридрих был протестантом, отнявшим у нее Силезию; Екатерина – узурпатором, которая все время меняла любовников. Мария Терезия была ревностной католичкой, она вздрагивала при мысли о том, что будет помогать в разрушении соседней католической державы.

Потребовалось время, чтобы преодолеть эти предрассудки, но ее сын приложил много усилий, чтобы на ее решения повлияли более значимые факторы, чем личные чувства. Перед императрицей Австрии встал выбор: либо придерживаться только что подписанного договора с Турцией и идти на Россию войной, не имея поддержки со стороны других европейских держав, либо отвергнуть турок и присоединиться к Пруссии и России и заполучить большой кусок Польши. Наконец, Мария Терезия отказалась от Турции. 5 августа 1772 года император Иосиф II от лица матери поставил подпись под договором о разделе Польши.

Три державы, участницы договора, послала свои войска на

только что полученные территории и потребовали от польского Сейма ратифицировать эту аннексию. Летом 1773 года Станислав покорно созвал Сейм. Многие польские дворяне и католическое духовенство отказались от участия; некоторые из пришедших были арестованы, другие – подкуплены и промолчали. Остатки Сейма превратились в союз, который уже не требовал участия большинства для принятия решений. Таким образом, 30 сентября 1773 года Польша подписала договор о разделе, согласно которому формально уступала уже потерянные земли.

Это событие впоследствии было названо Первым разделом Польши. Ослабевшее государство потеряло почти треть своей территории и более трети населения. Российская доля оказалась самой большой и составляла 36 000 квадратных миль, в нее вошла вся Восточная Польша до реки Днепр, а также территория вдоль Днепра, простиравшаяся на север до Балтики. Эти земли, известные как Белая Россия (теперь часть независимого государства Белоруссия) имела население в 1 800 000 человек, преимущественно русского происхождения, с русским мировоззрением, традициями и религией. Прусский кусок Польши был самым маленьким, его площадь составляла 13 000 квадратных миль и население в 600 000 человек, в основном немцев-протестантов. Фридрих был доволен, по крайней мере в то время. Получив балтийские анклавы Западной Пруссии и Польской Померании, он достиг цели, географически объединив свое королевство, присоединив провинцию Восточной Пруссии к Бранденбургу, Силезии и другим прусским территориям в Германии. Австрия взяла значительную часть южной Польши в 27 000 квадратных миль, включая большую часть Галиции. Мария Терезия получила наибольшее число новых подданных – 2 700 000 поляков, в подавляющем большинстве католиков. Некоторые поляки сопротивлялись подобной агрессии, но против трех крупных держав они не имели шансов. Англия, Франция, Испания, Швеция и папа прокляли этот раздел, но ни одно из европейских государств не было готово к войне ради Польши.

Вмешательство Екатерины в дела Польши оказалось для нее успешным. Она подвинула российские границы к великому торговому пути вдоль Днепра. Два миллиона православных могли открыто исповедовать свою веру. Но оставалось еще много важных задач, которые она должна была решить в ходе войны с Турцией. Тот факт, что западные границы России снова были расширены до Днепра, не означал открытого пути к Черному морю, поскольку турки по-прежнему контролировали дельту, где

река впадала в море. Екатерина должна была очистить устье реки. Война с Турцией продолжалась.

1771 год принес военные разочарования. Русские генералы на Дунае не смогли повторить свои победы 1770 года. И хотя генерал Василий Долгорукий ворвался в Крым и его войска наводнили полуостров, это не убедило султана заключить мир. Последовали три года растерянности и пробуксовки. Лишь в конце 1773 года для России открылись новые перспективы. В декабре султан Мустафа III умер, трон унаследовал его брат – Абдула Хамид. Новый султан, понимая убыточность и опасность продолжения войны, решил положить ей конец. Екатерина подтолкнула его к этому решению новой атакой на Дунае. В июне 1774 года Румянцев переправился через Дунай с пятьюдесятью пятью тысячами солдат. 9 июня в пятидесяти милях к югу от реки в ходе ночной атаки восемь тысяч вооруженных штыками русских солдат напали на сорокатысячную турецкую армию и прорвали турецкие ряды. В результате это привело к оглушительной победе русских при Козлуджи. Великий визирь, опасаясь, что русские могут беспрепятственно добраться до Константинополя, предложил заключить мир. Румянцев провел переговоры в поле и обсудил все условия договора с великим визирем. 10 июля 1774 года в неприметной болгарской деревушке Кючук-Кайнарджи договор был подписан. Румянцев тут же отправил своего сына в Петербург передать эту новость, и 23 июля Екатерина покинула концерт, чтобы получить ее.

Договор стал для России невероятно значимым достижением. Екатерина обменивала свои завоевания на Дунае на более важные приобретения на Черном море. Балканские провинции, Молдавия и Валахия, были возвращены Турции. Взамен Екатерина получила выход России к Азовскому морю, Таганрог и Керчь, которые обеспечивали ей доступ к Черному морю. Далее на западе она получила дельту реки Днепр и устье самой реки, дававшие императрице еще один важный доступ к Черному морю. Хотя на западном берегу широкого устья реки все еще находилась большая турецкая крепость Очаков, теперь у русских был форт и порт в Кинбурне на восточном берегу, а устье было достаточно широким, чтобы русские могли проводить там свои торговые суда и строить военные корабли. В договоре также говорилось о завершении политического владычества султана на Крымском полуострове, где татарское ханство под протекторатом Турции существовало веками. Теперь крымские ханы были объявлены независимыми от Турции. Все понимали, что независимость Крыма вряд ли продлится долго: и действительно, через девять лет Екатерина решила окончательно присоединить полуостров

к России.

Цели русских не ограничивались территориальными интересами. Договор открыл России Черное море для торговли и гарантировал свободу морской навигации. В договоре также указывались права русских торговых судов на свободное перемещение через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море. Турки также обязывались выплатить военную контрибуцию в размере четырех с половиной миллионов рублей. Преследования христиан в Молдавии и Валахии должны были прекратиться, а православные верующие в Константинополе должны были получить право свободно посещать свои храмы. В более широком масштабе – война изменила баланс сил в регионе в пользу России. Теперь Европа знала о том, что господство над Черным морем перешло к России. По замыслу Екатерины, эти достижения стали достойны тех, что добился ее предшественник, Петр Великий. Он первым через Балтику открыл для России морской путь к остальному миру.

55
Врачи, оспа и чума

Русские считают свой народ одной большой семьей. Царь или император был их батюшкой, отцом. Его жена, царица, или незамужняя правительница императрица, такие как Екатерина I, Анна, Елизавета или Екатерина II, были матушками. Екатерине нравилось думать о себе в таком духе, она проявляла поистине материнскую заботу о своем народе. И пускай она не смогла дать ему новый свод законов, но по крайней мере попыталась решить их проблемы со здоровьем. «Если вы приедете в деревню и спросите у крестьянина, сколько у него детей, – говорила она, – он скажет, что десять или двенадцать, иногда – даже двадцать. Если вы спросите, сколько из них выжило, он ответит, что один или два, редко – четыре. С такой смертностью нужно бороться».

В 1763-м, во второй год своего правления, Екатерина основала первый русский медицинский институт, чтобы готовить там врачей, хирургов и фармацевтов. А пока в России не появилось достаточно своих врачей, она приглашала на работу европейских докторов, предлагая щедрое жалованье и пансион. В том же году, чтобы предотвратить случаи детоубийства среди незамужних и нищих матерей, Екатерина на личные средства основала в Москве приют, рядом с которым находился родильный дом. Матерям гарантировалась анонимность с помощью целой системы, состоящей из корзин, блоков и звонков. Когда на улице звонил звонок, с верхнего этажа спускалась корзина, куда укладывался нежеланный ребенок, после чего корзина поднималась. В приют принимались все дети: законные и незаконнорожденные, изо всех сословий, о них заботились, они получали образование. Кроме того, соблюдалось одно правило: когда эти дети покидали приют, они оставались свободными. В приюте было пять этажей и две сотни кроватей. Комнаты были большими и светлыми. У каждого ребенка имелась своя кровать, чистая ночная сорочка, постельное белье и маленький прикроватный столик, на котором стоял кувшин с водой, стеклянный стакан и звонок, чтобы обратиться за помощью. Один английский посетитель пожалел, что «в английских больницах не уделялось столь много внимания чистоте». Приют стал образцом для создания похожих заведений в Санкт-Петербурге и других городах. Императрица обратилась к еще одной серьезной проблеме и создала больницу для лечения венерических заболеваний, где и мужчины, и женщины, могли получить

помощь. В 1775 году Екатерина издала указ о том, что в столице каждой провинции должны быть созданы общие больницы, и каждая губерния в провинции должна иметь врача, хирурга и двух ассистентов хирурга, двух стажеров и фармацевта. Поскольку в некоторых губерниях проживало по двадцать или тридцать тысяч человек, такое количество оказалось ничтожным, но все равно это было лучше, чем ничего.

Сама Екатерина не любила обращаться к врачам. В свою бытность великой княгиней она часто болела, и состояние ее здоровья постоянно тревожило императрицу Елизавету. После того как Екатерина заняла трон, ее здоровье стало вопросом государственной важности. Она испытала на себе бремя абсолютной власти: нужно было выслушивать отчеты, консультироваться с советниками, принимать ответственные решения. Она пыталась поддерживать здоровье с помощью отдыха, диеты, прогулок на свежем воздухе. Однако Екатерина часто жаловалась близким на головные боли и боли в спине. В 1768 году она написала Никите Панину: «Я больна: моя спина разболелась сильнее, чем когда бы то ни было. Прошлой ночью от боли у меня началась лихорадка, и я даже не знаю, в чем причина. Я глотаю лекарства и делаю все, что они [врачи] хотят». И снова из письма Панину: «Прошло четыре года с тех пор, как головная боль в последний раз покидала меня. Вчера я не ела весь день».

Хотя она считала, что сохранит здоровье, игнорируя докторов, в конце концов она согласилась пригласить ко двору личного врача. Она выбрала молодого шотландца – доктора Джона Роджерсона из Эдинбургского университета. Все еще убежденная в том, что врач ей не нужен, Екатерина поощряла его шутки по поводу современной медицины, ей нравилось рассказывать о нем своим приближенным как о своего рода шарлатане от медицины вроде одного из героев Мольера. «Нельзя вылечить укус блохи», – говорила она ему. Роджерсон смеялся и продолжал убеждать ее принять пилюли, которые он ей предлагал. Когда же ему удавалось это сделать, он хлопал императрицу по спине и весело говорил: «Молодец, мэм! Молодец!»

Но о шутках пришлось забыть, когда Екатерина столкнулась с одним из самых тяжелых заболеваний ее времени – оспой. Против нее императорская семья была защищена не более, чем семья простого крестьянина. Юный император Петр II умер, заболев оспой в пятнадцать лет. Гольштейнский жених императрицы Елизаветы, дядя Екатерины, заболел оспой накануне свадьбы.

Екатерина не могла забыть о том, как болезнь обезобразила ее мужа, будущего императора Петра III. Она считала, что ей повезло, раз она достигла взрослого возраста без единой оспины, однако Екатерина знала, что в любой момент все может измениться.

Свирепая эпидемия оспы, поразившая Габсбургов, напугала Екатерину. В мае 1767 года императрица Мария Терезия и ее невестка, Мария Йозефа, жена ее сына и наследника Иосифа II, обе заразились оспой. Через пять дней Мария Йозефа умерла. Мария Терезия поправилась, однако на ее лице остались отметины. Ее вдовствующий сын, Иосиф II, отказался жениться повторно, и у него не осталось детей. В следующем октябре дочь Марии Терезии, также носившая имя Мария Йозефа, умерла от оспы. Еще две дочери Габсбургов перенесли эту болезнь, но выжили, однако на их лицах остались глубокие оспины. Цепочка трагедий убедила Марию Терезию сделать прививку трем младшим детям.

Зная об этих трагедиях в династии, Екатерина боялась, что Павел или она сама могут заболеть оспой. Она знала, что при дворе постоянно говорили о невысоких шансах великого князя унаследовать престол, так как он не перенес еще оспы. Императрица с Паниным постоянно переживали за здоровье мальчика. Они старались изолировать Павла от людных мест и ото всех, кто мог заразить его. Павел задыхался от наложенных на него ограничений. В двенадцать лет его спросили, будет ли он присутствовать на маскараде. Он ответил:

> «Вы знаете, я еще ребенок и не могу решать, должен ли я пойти куда-то или нет, но я готов поспорить, что не пойду туда. Господин Панин скажет мне, что ужасное чудовище под названием Оспа бродит по бальному залу. Это же чудовище хорошо осведомлено о моих передвижениях и обычно бывает в тех местах, куда я намереваюсь пойти».

Болезнь приблизилась к Екатерине и Павлу весной 1768 года, когда невеста Никиты Панина, графиня Анна Шереметьева, описанная британским дипломатом как женщина «необычайных достоинств, красоты и невероятного богатства», заболела оспой. Императрица с нетерпением ждала вестей в Царском Селе. Когда 5 мая она узнала, что сам Панин помещен под карантин на две недели, она втайне приказала привести к ней Павла. «Я очень расстроена, – говорила она, – что не могу сосредоточиться на приятных мыслях, настолько все было ужасно». Павел приехал в Царское Село 6 мая, и мать с сыном стали вместе ждать

дальнейшего развития событий. 14 мая Екатерина почувствовала себя нехорошо, на следующее утро ей стало лучше, и она тут же сообщила Панину о своем скором выздоровлении и передала заверение ее доктора, что «тяжелые дни для вашей невесты уже миновали». Два дня спустя ей сказали, что графиня Шереметьева умерла. «Я только что узнала о смерти графини Анны Петровны и не могу не выразить вам моих глубочайших соболезнований, – писала она Панину 17 мая. – Я так расстроена постигшим вас горем, что не нахожу слов описать мое состояние. Пожалуйста, берегите себя». Она провела семь недель в Царском Селе, и до конца лета они с Павлом переезжали из одного имения в другое, избегая людных мест.

Страх за себя и сына, а также за свой народ побудил императрицу изучить новый, спорный метод вакцинации, который давал временный иммунитет: пациенту делали инъекцию вещества, взятого из пустулы пациента, выздоровевшего после легкой формы болезни. Подобная процедура проводилась в Британии, а также в британских североамериканских колониях (Томаса Джефферсона вакцинировали в 1766 году), но был запрещен в континентальной Европе, так как считался опасным.

Доктор Томас Димсдейл был шотландским квакером. Его дед сопровождал Уильяма Пена в Америку в 1684 году. Томас Димсдейл, которому в то время было пятьдесят шесть лет, получил ученую степень в Эдинбургском университете и только что опубликовал «Современный метод вакцинации от оспы», описывая свои успехи и заявляя, что это уменьшало риски заболевания. Его книга выдержала четыре переиздания в Британии, и Екатерина, услышав о ней, пригласила автора в Санкт-Петербург. Димсдейл прибыл в Россию в конце августа 1768 года и привез с собой своего сына и ассистента, Натаниэля. Вскоре Екатерина пригласила их на частный ужин.

Димсдейл был очарован Екатериной, которую нашел «самой очаровательной из представительниц ее пола». Он был поражен «ее невероятной проницательностью и уместностью вопросов, которые она задавала касательно практики вакцинации и успеха от ее применения». Екатерине, в свою очередь, понравились его здравые рассуждения, но, по ее мнению, Димсдейл оказался чрезмерно осторожным. Она с улыбкой слушала его неуклюжий французский и пыталась понять его английский. Она рассказала ему, что боялась оспы всю свою жизнь, но теперь хотела бы сделать вакцинацию, поскольку это самый лучший способ преодолеть страхи остальных перед болезнью и прививкой.

Екатерина хотела сделать вакцинацию как можно скорее. Димсдейл попросил сначала позволить ему проконсультироваться с ее придворным врачом, но Екатерина сказала, что в этом нет необходимости. Тогда Димсдейл предложил в качестве предосторожности сперва сделать прививку другой женщине ее возраста, и снова Екатерина ответила отказом. Чувствуя серьезную ответственность, Димсдейл умолял ее подождать несколько недель, пока он проведет ряд экспериментов над местными молодыми людьми. Екатерина с неохотой согласилась при условии, что его приготовления будут храниться в секрете. В судебном реестре присутствие Димсдейла было полностью проигнорировано, хотя британский посол в своем отчете от 29 августа сообщил, что намерения императрицы «были секретом, о котором знали все. И похоже, он не вызвал особых пересудов». Наконец, императрица и врач определили дату вакцинации – 12 октября.

Екатерина перестала есть мясо и пить вино за десять дней до этой даты, начала принимать каломель и порошок из клешней краба, а также рвотный камень. В девять вечера 12 октября Димсдейл ввел Екатерине в обе руки вакцину, состоявшую из вещества, взятого из пустулы крестьянского юноши по имени Александр Марков, которому в тот же день было даровано дворянство. На следующее утро Екатерина уехала в Царское Село, чтобы отдохнуть там в уединении. Она чувствовала себя здоровой, «за исключением легкой слабости», и гуляла на свежем воздухе по два-три часа в день. У нее выступило несколько пустул, которые высохли за неделю. Димсдейл объявил о том, что вакцинация прошла успешно. Три недели спустя Екатерина вернулась к своему привычному распорядку. Она приехала в Санкт-Петербург 1 ноября, и на следующий день Павел без особого труда подвергся вакцинации. Приняв поздравления от сената и законодательного собрания, Екатерина ответила: «Своим примером я хотела бы спасти от смерти моих многочисленных подданных, которые не знали о важности этой процедуры, боялись ее и подвергали себя большой опасности».

Примеру Екатерины последовало 140 представителей дворянства в Санкт-Петербурге, включая Григория Орлова, Кирилла Разумовского и архиепископа. Затем Димсдейл отправился в Москву и сделал вакцинацию еще пятистам человек. Его трактат, переведенный на русский и объяснявший его технику, был опубликован в Санкт-Петербурге, а клиники для проведения вакцинаций были основаны в Санкт-Петербурге, Казани, Иркутске и других городах. К 1780 году двадцать тысяч русских были вакцинированы, к 1800 году их число достигло двух

миллионов. В награду за службу Екатерина сделала Димсдейла бароном Российской империи, наградила его десятью тысячами фунтов и определила пожизненную годовую ренту в пятьсот фунтов. В 1781 году Димсдейл вернулся в Россию, чтобы сделать прививку первому внуку Екатерины, Александру.

Желание Екатерины подвергнуться вакцинации было благосклонно воспринято в Западной Европе. Вольтер проводил сравнение между ее решением вакцинироваться у Димсдейла и нелепыми взглядами и традицией «наших сварливых шарлатанов из наших медицинских школ». В то время среди большинства преобладали фаталистические взгляды касательно этой болезни: люди считали, что рано или поздно все должны перенести ее, и кто-то выживет, а кто-то умрет. Большинство отказывалось от вакцинации. Фридрих Прусский писал Екатерине и просил ее не подвергать себя риску. Она ответила, что всегда боялась оспы и больше всего хотела бы избавиться от этого страха. В мае 1774 года почти через шесть лет после вакцинации, оспа убила короля Франции. Людовик XV уложил к себе в постель девочку, едва достигшую половой зрелости, которая оказалась больна оспой. Вскоре после этого он умер, завершив правление, длившееся пятьдесят девять лет. Его наследник, девятнадцатилетний Людовик XVI, был немедленно подвергнут вакцинации.

Екатерина на личном примере продемонстрировала способ борьбы с оспой за три года до того, как России пришлось вступить в отчаянную борьбу с еще более страшной болезнью – бубонной чумой. Чума являлась постоянной угрозой со стороны южных границ империи – европейской части Турции. Считалось, что она распространялась только в теплом климате – тогда еще не знали о том, что ее разносчиками были блохи и крысы. Традиционным средством защиты стала изоляция: от карантина лиц, подозревавшихся в общении с заболевшими, до изоляции целых регионов с помощью военных кордонов.

В марте 1770 года чума распространилась среди русских войск, оккупировавших турецкую провинцию на Балканах – Валахию. В сентябре она добралась до Киева. Прохладная осенняя погода задержала распространение болезни, но время от времени беглецы проникали на север. К середине января 1771 года, казалось, опасения стали сходить на нет, но с первыми признаками весны у москвичей стали появляться характерные темные пятна и распухать лимфатические железы. Сто шестьдесят рабочих умерли за одну неделю на текстильной городской фабрике. 17 марта Екатерина объявила о срочном карантине в Москве: театральные представления, балы и массовые сборища

были запрещены. Неожиданное похолодание в конце марта временно затормозило распространение болезни. Екатерина и муниципальные власти начали ослаблять ограничения. Однако к концу июня чума снова возобновилась. К августу она уже свирепствовала в городе. Солдаты убирали с улиц тела больных и умерших. Главный врач города попросил отпустить его на месяц, чтобы он сам смог вылечиться от своей болезни. 5 сентября Екатерина получила известие, что ежедневная смертность в городе составляла от трех до четырех сотен, тела лежали прямо на улицах, а люди голодали, поскольку им не доставляли продовольствие. Мужчины, женщины и дети, которые уже заболели, должны были жить в карантинных центрах.

Насильственные медицинские меры привели к бунту. Многие перепуганные москвичи пришли к выводу, что именно врачи и их лечение привели в город чуму. Они отказывались подчиняться приказам, запрещавшим им собираться на площадях и в церквях, а также целовать святые иконы в надежде на защиту. Вместо этого они стекались к этим иконам, желая найти избавление и утешение. Знаменитая икона Божьей Матери у Варварских ворот служила для них источником притяжения; день за днем толпа заразившихся собиралась около нее. Это место стало опасным очагом заражения в городе.

Врачи знали, что происходило, но не смели вмешиваться. Архиепископ Московский, отец Амвросий, был просвещенным человеком, который видел, что врачи оказались совершенно беспомощными. Пытаясь предотвратить распространение инфекции, воспрепятствовав массовому собранию народа, и полагаясь на свой авторитет в качестве священника, он распорядился убрать икону Божьей Матери с Варварских городских ворот под покровом ночи и спрятать ее. Он полагал, что как только люди узнают, что это было делом его рук, они разойдутся по домам, и основное место распространения чумы будет ликвидировано. Но его поступок, совершенный в благих целях, привел к бунту. Толпа вместо того, чтобы разойтись, пришла в ярость. Амвросий бежал в монастырь, надеясь найти убежище в подвале, однако его вытащили и разорвали на части. Бунт был подавлен войсками, которые убили сто человек и еще триста арестовали.

Екатерина понимала, что Москва и ее население вышли из-под контроля. Дворяне покинули город и уехали в свои загородные имения; фабрики и мастерские закрылись; рабочие, крепостные и горожане, жившие в маленьких деревянных домах, которые кишели крысами и разносчиками чумы блохами, были предоставлены сами себе. В сентябре императрица получила

известие от губернатора Москвы, семидесятидвухлетнего генерала Петра Салтыкова о том, что смертность превысила рубеж в восемьсот человек в день, он ничего не может с этим поделать и совершенно не контролирует ситуацию. Он просил разрешения покинуть город до наступления зимы. Императрица была потрясена. Постоянно растущее число смертей, жестокое убийство Амвросия, уход Салтыкова со своего поста. Как она могла со всем этим справиться? К кому могла обратиться?

Тогда в дело вмешался Григорий Орлов и попросил разрешения отправиться в Москву, чтобы остановить эпидемию и навести порядок. Это был своего рода вызов, которого он ждал после многих лет бездействия – ему нужно было реабилитироваться в глазах Екатерины. Императрица приняла его «прекрасное и ревностное» устремление, как она сказала Вольтеру, «не без чувства сильной тревоги из-за опасности, которой он себя подвергал». Екатерина знала его неугомонный нрав и энергию, видела его подавленность из-за того, что он был вынужден находиться в Санкт-Петербурге, пока его брат Алексей и другие офицеры одерживали победы на море и суше и получали награды. Екатерина дала ему полную свободу действий. Орлов собрал врачей, военных офицеров и администраторов и отправился в Москву 21 сентября.

Орлов взял под контроль пораженный чумой город. Смертность уже достигла предела в шестьсот – семьсот человек в день. Орлов выяснил у врачей, как они собираются действовать, и ему удалось усмирить толпу. Он был властным и эффективным, но вместе с тем гуманным. Орлов сопровождал врачей до постелей больных, наблюдал за раздачей лекарств, следил за тем, чтобы убирали трупы, которые гнили в домах и на улицах. Он обещал свободу крепостным, которые добровольно будут работать в больницах, открыл приюты для сирот, раздавал еду и деньги. За два с половиной месяца он потратил сто тысяч рублей на еду, одежду и кров для уцелевших. Он приказал сжигать одежду умерших и сжег более трех тысяч деревянных домов. Орлов восстановил принудительный карантин, чем снова вызвал бунты. Он почти не спал, его целеустремленность, мужество и усердие вдохновляли остальных. Смертность в городе, который в сентябре потерял 21 000 человек, сократилась в октябре до 17 561 человека, в ноябре – до 5255 и в декабре – до 850. Отчасти это было результатом деятельности Орлова, отчасти – следствием наступления холодов.

Уверенность в Орлове, а также надежда на наступление ранней зимы поддерживали императрицу эти недели. Она боялась, что эпидемия может распространиться на север, к Санкт-

Петербургу. Уже были подозрительные вспышки в Пскове и Новгороде. Для защиты города на Неве были приняты меры: все дороги блокировали контрольно-пропускные пункты; почта передавалась с особенной осторожностью; после каждой подозрительной смерти следовал обязательный медицинский осмотр. Екатерина переживала по поводу того, какой эффект будут иметь новости и слухи, приходившие из ее империи в страны Европы. Сначала она пыталась запретить распространение историй о массовых смертях, ужасе и жестокости. Затем, в разгар эпидемии, чтобы воспрепятствовать дальнейшим опасным слухам – например, о том, что людей закапывали живыми, – Екатерина распорядилась опубликовать официальные данные о восстаниях в Москве. Иностранные газеты приняли и распространили ее версию. Однако в душе она была возмущена происходящим. Вольтеру она так прокомментировала смерть Амвросия: «Подлинно, вот чем восемнадцатый век может похвалиться! Вот какими мы просвещенными сделались!» Александру Бибикову, бывшему председателю Законодательного собрания, она писала: «Мы провели месяц в обстоятельствах, при которых Петр Великий жил тридцать лет. Он с триумфом преодолевал все невзгоды. И мы надеемся, что сможем выйти из нашего положения с честью».

К середине ноября 1772 года кризис миновал, и Екатерина разрешила людям посещение церквей для благодарственных молитв. 4 декабря когда Орлов вернулся в Санкт-Петербург, она осыпала его почестями. Екатерина изготовила золотую медаль, на одной стороне которой был изображен профиль мифического римского героя, а на другой – профиль, имевший сходство с Орловым. Надпись была следующей: «У России тоже есть такие сыны». Она возвела триумфальную арку в Царском Селе, на которой была сделана надпись: «Герою, спасшему Москву от чумы».

Слово «спасение» было уместно использовать лишь в том значении, что потери могли оказаться еще большими. По примерным подсчетам, чума унесла 55 000 жителей Москвы – одну пятую населения города. По другим подсчетам, в Москве умерло 100 000 человек, и еще 120 000 – в остальной части империи. Чтобы предотвратить новую вспышку, карантин сохранялся на южной границе России еще два года, пока в 1774 году не закончилась война с Турцией.

56
Возвращение «Петра Третьего»

Во время последнего, кульминационного года войны с Турцией (1773—74) в России назрел еще один кризис, более опасный, чем война с иностранной державой. Это было восстание, названное Пугачевщиной в честь ее лидера – донского казака Емельяна Пугачева. В течение одного года, объединив казаков, беглых крепостных, крестьян, башкир, калмыков и представителей других племен, а также просто недовольных властью людей, Пугачев обрушил на страну настоящую волну насилия, которая прокатилась по степи, и некоторое время представляла серьезную угрозу даже для Москвы. Гражданская война и социальная революция переросли в анархию, и угроза переворота поставила под сомнение многие принципы Просвещения, в которые верила Екатерина, оставив ее наедине с воспоминаниями, которые мучили ее до конца дней. Она выжила и одержала победу в результате дворцового переворота. Но это восстание случилось на бескрайней территории России, простиравшейся далеко за пределами Санкт-Петербурга и Москвы – на Дону, Волге и Урале. Екатерина узнала о том, какие страсти бушевали на просторах ее страны, и это заставило ее принять решение и выполнить свой главный долг – защитить российскую корону. Ради этого она призвала солдат, а не философов.

Многие русские до сих пор жили в угнетенном положении и испытывали недовольство. Бунты случались и прежде: рабочие на шахтах нападали на своих приказчиков; деревни сопротивлялись сбору податей и вербовке в рекруты. Однако восстание Пугачева был взрывом массового возмущения, которое можно описать как классовую войну. Ни «Наказ» Екатерины, ни решения Уложенной комиссии не привели к значительным переменам; крепостные и крестьяне, которые работали на земле или трудились в шахтах, по-прежнему существовали в условиях изнурительного труда. Императрица пыталась изменить подобное положение вещей, но пришла к выводу, что сделать это невозможно. Неповоротливая машина имперского правительства, ее зависимость от дворянства, обширная территория России – все это стало препятствием к серьезным переменам. В конечном счете ей пришлось оставить все как есть. А затем, на пятый год войны с Турцией, Россия взорвалась.

5 октября 1773 года Екатерина присутствовала на традиционной встрече с военным советом в Санкт-Петербурге. Председательствовал генерал граф Захар Чернышев, красивый офицер, который оказывал Екатерине знаки внимания двадцать два года назад и который благодаря военным заслугам возглавил военное ведомство. Екатерина внимательно слушала, когда Чернышев зачитывал рапорты из Оренбурга – города-гарнизона, находившегося в трехстах милях к юго-востоку от Казани, в котором банда взбунтовавшихся казаков устроила беспорядки. Волнения среди казаков не были совсем уж необычным явлением для России, но это возмущение отличалось от предыдущих. Его возглавлял человек, провозгласивший себя царем Петром III, мужем Екатерины, чудесным образом спасшимся от смерти. Теперь он продвигался вдоль юго-восточной границы России, призывая крестьян к мятежу и обещая свободу, если ему помогут взойти на трон.

Казаки традиционно являлись авантюристами, которые игнорировали многочисленные императорские указы, ограничивавшие их свободу. Чтобы избавиться от угнетения, они бежали на границы государства, где основывали свои поселения, выбирали своих лидеров и жили замкнутыми коммунами со своими законами и обычаями. Некоторые из них оставались староверами, укрывавшимися от преследования православной церкви и посещавшими свои храмы. Мужчины, как правило, были прекрасными всадниками, которых против воли вербовали в армию, где их использовали в качестве нерегулярной конницы, приводившей в ужас врагов России. Война с Польшей и Турцией привели к тому, что визиты сборщиков налогов и вербовщиков участились. К августу 1773 года настроение в казачьих общинах накалилось до предела, нужен был лишь лидер, чтобы поднять восстание. В подобной ситуации трудно было представить лучшего лидера, чем человек, провозгласивший себя царем.

Появление самозванца не было редкостью для России: в неспокойные для страны времена нередко появлялись фальшивые цари, которых необразованный, доверчивый народ был готов принять. В 1605 году самозванец Григорий Отрепьев объявил себя сыном Ивана Грозного Димитрием (который умер ребенком) и захватил престол после смерти царя Бориса Годунова. Степан Разин, казак, побежденный отцом Петра Великого, царем Алексеем, за два года до казни стал легендарным народным героем. Сам Петр Великий во время Северной войны против Швеции был вынужден столкнуться с

дезертирством украинских казаков под командованием гетмана Ивана Мазепы. После смерти Петра в 1725 году неуверенность по поводу того, кто из Романовых должен унаследовать престол, привела к появлению ряда претендентов, объявлявших себя то Петром II, то Иваном VI. В первые десять лет правления Екатерины появлялись самозванцы, называвшие себя Петром III, но всех их арестовывали еще до того, как они успевали доставить серьезные неприятности. Екатерина не испытывали к ним особого интереса, ее лишь волновало, что иностранные державы могут попытаться финансировать их. Однако обещания, выдвигаемые этими ранними самозванцами, были довольно специфическими и узконаправленными. Их последователями обычно было небольшое число людей, которые протестовали против местных властей, а не против царя и дворянства. Бунт Пугачева отличало то, что он восстал против самой императрицы.

Основной очаг восстания находился между реками Дон и Урал, в низовьях Волги. Это были малонаселенные земли с обширными лугами, густыми лесами, плодородными черноземами, где протекали три великие реки. На западе жили донские казаки, постепенно сменившие недисциплинированную, кочевую жизнь на более организованное оседлое существование. Хотя они по-прежнему посылали в армию рекрутов, их главным занятием было возделывание сельскохозяйственных земель и торговля, и они преуспевали в этих делах. Дальше на восток вдоль Волги проживало смешанное население из различных нехристианских племен, жизнь которых также не подчинялась строгому укладу: в 1770 году это была земля факторией, кочующих авантюристов и переселенцев. На востоке, там, где река Яик спускалась с Уральских гор, находился пограничный округ – Оренбургская провинция – малонаселенная территория, чьи реки были полны рыбой, а недра – соляных шахт, в чьих лесах добывали пушного зверя и строительное дерево. Главный город, носивший название Оренбург, был крепостью и торговым центром, находившимся на пересечении рек Орел и Яик.

Здесь, в Оренбургской провинции, в деревне Яицк, в сентябре 1773 года появился Пугачев, объявивший себя царем Петром III, который чудом избежал покушения, организованного его женой-узурпаторшей. Теперь он вернулся, чтобы отобрать трон, наказать врагов, спасти Россию и освободить свой народ. По словам Пугачева, Екатерина с помощью дворянства свергла его с престола, а затем попыталась убить, поскольку он планировал освободить крепостных. Некоторые поверили ему – годами

ходили слухи, что после указа Петра III об освобождении дворянства от обязательной службы его следующим намерением было освобождение крепостных и что императрица помешала ему сделать это. Некоторые даже говорили, будто его декрет уже был подготовлен, но его жена, узурпировавшая престол, не стала обнародовать его. Для тех, кто верил в эту историю, Петр III, который в свое краткое правление был очень непопулярен, теперь стал героем, а Екатерина – женой-тираном.

Пугачев не имел никакого сходства с высоким, узкоплечим Петром III, который разговаривал преимущественно на немецком и был солдатом, привыкшим маршировать на плацу, но никогда не видевшим настоящего боя. Новый «Петр» был низкорослым, коренастым и мускулистым мужчиной, его густые черные с проседью волосы падали на лоб; он носил короткую, лохматую черную бороду, и у него недоставало многих зубов. Внешняя непохожесть на царя, однако, не стала причиной разочарования в нем народа, поскольку настоящий Петр III правил очень мало и большинство русских не знало, как он выглядел. Новый Петр, который путешествовал по глубинке во главе войска казаков и представителей местных племен, в окружении бородатых офицеров и развевающихся знамен, был достаточно харизматичной фигурой и опытным солдатом, к тому же он обещал прекрасное будущее, в котором все русские будут свободны. Ему не составляло труда находить последователей. Для людей в юго-восточных провинциях, никогда не видевших царя, этот невысокий, крепкий, обладавший большим обаянием человек с черной бородой в алом кафтане и меховой шапке вполне соответствовал воображаемому образу царя.

На самом деле Емельян Пугачев был казаком, он родился примерно в 1742 году в одной из казацких станиц в низовьях Дона. Он имел небольшой участок земли, был женат на казачке и имел трех детей. Его рекрутировали в русскую армию, и он служил в кавалерии в Польше, а затем в армии Румянцева в военную кампанию против Турции в 1769 и 1770 годах. В 1771 году он дезертировал, был схвачен и выпорот, однако вскоре снова бежал. Он отправился в восточные степи, но не на родину к семье, на Дон. Вместо этого он перемещался в низовьях Волги от одной общины староверов к другой. В ноябре 1772 года он оказался на реке Яик, надеясь найти убежище среди яицких казаков.

Во время своих странствий Пугачев узнал о настроениях людей, живших в низовьях Волги: они были яростными

противниками официальной власти, что отвечало его собственным взглядам. Эта ненависть вдобавок к военному опыту превратила его в фигуру, вокруг которой могли собраться яицкие казаки. Когда он предложил предводительствовать взбунтовавшимися казаками против местных властей и других угнетателей, за ним пошли люди. Планы пришлось отложить, когда Пугачева опознали, арестовали и отвезли в Казань на дознание. Через шесть месяцев он снова бежал и в мае 1773 года вернулся в Яицк. В сентябре, когда местный губернатор Яицка узнал, где он находится, и приказал снова арестовать его, Пугачев и казаки-отступники тут же начали восстание. Именно тогда Пугачев внезапно объявил, что он царь Петр III.

Пугачев обещал свободу от угнетения и возвращение старого уклада жизни. Он обещал прекратить преследования казаков-староверов, «прощение всех прошлых преступлений» и «владение землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями и солеными озерами без покупки и без оброку». Он обещал бесплатную соль, оружие, свинец, порох, еду и двенадцать рублей в подарок каждому казаку. В «императорском манифесте», который раздали 17 сентября 1773 года, он заявил: «Жалуем сим именным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственно нашей короне, и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностию и свободою вечно казаками, не требуя рекрутских поборов, подушных и прочих денежных податей». Он назвал и своих главных врагов. «Если господь позволит мне добраться до Санкт-Петербурга, – сказал он, – я отправлю мою жену-злодейку Екатерину в монастырь. Затем я освобожу всех крестьян и истреблю дворянство до последнего человека».

Это послание распространилось не только среди яицких казаков. Башкиры поддержали его, за ними последовали калмыки, киргизы и другие кочевые народы, жившие в низовьях Волги. Вскоре крепостные и свободные крестьяне тоже покинули свои дома и присоединились к нему. Немногие приезжали верхом с саблями и копьями, большинство брали свои крестьянские орудия труда: косы, топоры, вилы. До наступления зимы к Пугачеву примкнули индустриальные крепостные на шахтах и заводах Урала.

Пугачев первым делом атаковал небольшую крепость в Яицке и расположился на высоком берегу, откуда открывался вид на реку Яик. У него было всего триста человек, а у командующего гарнизоном – тысяча, но многие из этих солдат были казаками. Когда они поспешно дезертировали, командующий укрылся в

крепости и оставил поселение бунтовщикам. Пугачев не стал его преследовать и продвинулся вверх по реке. 5 октября он добрался до крепости в Оренбурге. Теперь силы Пугачева насчитывали больше трех тысяч человек, и они превосходили гарнизон крепости во всем, кроме артиллерии. И снова солдаты укрылись в крепости, которую защищали семьдесят пушек, и вновь восставшие оказались недостаточно сильны, чтобы взять крепость штурмом. На этот раз Пугачев устроил осаду, чтобы заморить защитников голодом и заставить их сдаться. Он разбил лагерь на Берде, в трех милях от крепости.

К ноябрю число последователей самозванца значительно выросло за счет прибывающих добровольцев. Теперь слава о Пугачеве распространилась на большую территорию между Волгой и Яиком, а также по западной Сибири. В декабре тысяча башкир присоединилась к его армии, а в январе 1774 года – две тысячи татар. Фабричные крепостные и крестьяне захватили литейные цеха и другие металлообрабатывающие предприятия на Урале; и вскоре сорок четыре фабрики и шахты начали поставлять оружие и боеприпасы для армии бунтовщиков. Но стоит отметить один интересный момент: в постоянно разрастающейся армии Пугачева отсутствовали донские казаки, выходцем из которых он являлся.

Новости о бунте достигли Санкт-Петербурга с большим опозданием. Императрица и ее советники не придали им особого значения: им казалось, что речь идет о локальных возмущениях в нестабильном регионе. Екатерина и ее советники сосредоточились на Польше и Дунае, где сейчас находилась значительная часть российской армии и где в течение лета они надеялись завершить войну с Турцией, которая длилась уже шестой год. Поскольку армия была слишком утомлена, чтобы ввязываться в новую кампанию, требовалось участие свежих войск. Максимально, что они смогли сделать, – это послать генерала Василия Кара из Казани с маленьким отрядом солдат. Кроме того, в противовес манифесту Пугачева Екатерина издала свой собственный, который нужно было распространить лишь в регионах, охваченных мятежом, чтобы в других районах не узнали о нем. Екатерина объявила притязания Пугачева на трон «безумием» и «безбожным возмущением людей» и обращалась к генералу Кару с просьбой разгромить и схватить «главного разбойника, подстрекателя и самозванца». К сожалению, ее советники недооценили силу врага, навстречу которого был послан Кар со своим отрядом. Приблизившись к Оренбургу, Кар обнаружил, что армия бунтовщиков по своей численности

значительно превосходила его предположения и что каждый день Пугачев получал подкрепление в лице новобранцев. Пугачев и его последователи разгромили маленький отряд генерала. Кар бежал и вернулся в Санкт-Петербург, чтобы сообщить о случившемся, он был отстранен. Еще одна маленькая экспедиция была тут же послана из Симбирска. Пугачев легко победил и этот отряд и повесил полковника.

В своем штабе в Берде Пугачев с наслаждением играл роль царя. Одетый в алый кафтан, в бархатной шапке, держа в одной руке скипетр, а в другой – серебряный топор, он смотрел сверху вниз на преклонивших перед ним колени просителей. Не умея ни читать, ни писать, он держал подле себя секретаря, которому диктовал свои приказы, и тот подписывал их как: «Великий правитель, русский царь, император Петр III». Он объявил, что, взойдя на трон, снизойдет до того, чтобы ставить подпись своей рукой. Были изготовлены медали с его портретом и надписью: «Петр III».

Каждый день он много ел, постоянно пил и распевал казацкие песни со своими товарищами. Многие из этих людей стали «дворянами». Поклявшись истребить настоящее дворянство, Пугачев распределял титулы среди своих союзников, называя их, как главных вельмож при дворе Екатерины. Там был свой граф Панин, граф Орлов, граф Воронцов, фельдмаршал граф Чернышев. Эти новоиспеченные сановники были увешаны медалями, которые они снимали с мертвых офицеров. Их награждали будущими поместьями на Балтийском побережье, некоторым даже дарили крепостных. В феврале 1774 года Пугачев, оставивший свою жену с тремя детьми на Дону, «женился» на Устинье Кузнецовой, дочери яицкого казака, и окружил ее дюжиной фрейлин, которых также набрали из казачек. Каждый день произносилась молитва во славу императора и Устиньи, к которой обращались как к «Ее императорскому величеству».

Приближенные Пугачева никогда не сомневались в том, что сидящий рядом с ними человек, объявивший себя императором, на самом деле был безграмотным казаком, а так называемая императрица – уральской казачкой, которая даже не являлась его законной женой. Его настоящая жена осталась на Дону, а другая, якобы жена-узурпаторша, императрица Екатерина находилась в Санкт-Петербурге. В течение своего краткого «правления» и Пугачев, и его приближенные жили в наполовину вымышленном мире. Но никто не жаловался на этот любительский театр, а Пугачеву было выгодно это молчаливое

согласие продолжать игру. Веря, что постоянно разраставшееся восстание сделает его неуязвимым, безграмотный казак не мог остановиться.

Декорациями к его костюмированному представлению служили кровь и террор. Императорские указы Пугачева, объявлявшие о том, что дворянство должно быть истреблено, дали волю настоящему безумию. Крестьяне убивали помещиков, их семьи и ненавистных управляющих. Крепостные, которых всегда считали смиренными и покорными Господу Богу, царю и своему хозяину, погрязли в кровавых оргиях. Дворян вытаскивали из их укрытий, с них сдирали кожу, сжигали живьем, разрезали на куски или вешали на деревьях. Их детей калечили и убивали на глазах у родителей. Жен щадили, но лишь для того, чтобы изнасиловать на глазах у мужей, после чего им перерезали горло или бросали в телеги и увозили как добычу. Довольно скоро в лагере Пугачева оказалось много пленных жен и дочерей дворян, которых распределяли как трофеи среди бунтовщиков. Крестьян, которые отказывались признать Екатерину «узурпаторшей», вешали в ряд, ближайшие овраги оказались заполнены трупами. Отчаявшиеся крестьяне, не знавшие, что хотят услышать допрашивающие их люди, когда у них допытывались, кого они считают своим законным правителем, давали дежурные ответы: «Того, кого вы представляете».

По мере того как разрастающаяся армия Пугачева, подобно бурному потоку, продвигалась по степи, ночь освещалась пламенем пылающих поместий, а дым, словно тяжелый занавес, висел на горизонте. Жители городов и деревень открывали ворота и сдавались. Священники спешили радушно встретить бунтовщиков хлебом-солью. Офицеров в маленьких гарнизонах вешали, солдатам предлагали выбор: перейти на сторону Пугачева или умереть.

Сначала, пока Екатерина еще не осознала истинных масштабов восстания, она пыталась приуменьшить важность этого события в глазах Западной Европы. В январе 1774 года она написала Вольтеру, что «этот дерзкий Пугачев» был всего лишь «разбойником». Она даже не допускала мысли, что выходки Пугачева могут помешать ее вдохновенным беседам с знаменитым гостем, Денни Дидро – редактором «Энциклопедии», находившимся в ту пору в Санкт-Петербурге. Вольтер соглашался, что диалог Екатерины с одним из лидеров Просвещения не должно расстроить «буйство человеческого рода». Екатерина жаловалась, что европейская пресса подняла слишком много шума из-за того, что «маркиз Пугачев понаделал мне в этом году

премножество хлопот». Когда же она сообщила, что ее дерзкий разбойник на самом деле объявил себя Петром III, Вольтер, подражая ее беззаботному, пренебрежительному тону, говорил о нем Д'Аламберу, как об «этом новом муже, устроившем переворот в Оренбургской провинции». Но «новый муж» и «казацкий разбойник» доставлял Екатерине больше тревог, чем она готова была в этом признаться. К весне 1774 года, когда армия Пугачева выросла до пятнадцати тысяч человек, императрица поняла, что локальный казацкий бунт может перерасти в народную революцию. После неудачи генерала Кара, которому так и не удалось взять «злодея» в плен, и после отчета осажденного генерала из Оренбурга о том, что они испытывают острую нехватку еды и вооружения, она призналась Вольтеру, что «принуждена была с лишком шесть недель беспрерывно и с великим вниманием сим делом заниматься».

Решив разгромить бунтовщиков, Екатерина вызвала опытного генерала, Александра Бибикова, и предоставила ему руководство армией и гражданскими представителями власти в юго-восточной части России. Бибиков являлся ветераном войн с Пруссией и Польшей и завоевал уважение народа, выступая в качестве маршала-председателя Уложенной комиссии. И хотя турецкая война по-прежнему не позволяла привлечь значительную часть регулярной армии, Бибиков задействовал столько военной силы, сколько смог собрать. Он приехал в Казань 26 декабря, сделал город своим штабом и тут же стал предпринимать действия для урегулирования ситуации. Дворян убедили сформировать добровольческие отряды и вооружить крестьян, которые по-прежнему оставались им верны. Также Екатерина приказала Бибикову собрать в Казане комиссию, чтобы определить источник бунта этой «пестрой толпы, которой двигал либо яростный фанатизм, либо политическое вдохновение, либо силы тьмы». Нужно было допросить пленных бунтовщиков, чтобы убедиться, не присутствовало ли здесь иностранное влияние. Имели ли к этому отношение турки? Или Франция? Что или кто подтолкнул Пугачева называть себя Петром III? Не было ли здесь заговора для достижения определенных целей? Не оказались ли в этом деле замешаны староверы? Или недовольные властью дворяне? Бибикову запретили применять пытки. «Также при расспросах какая нужда сечь? – писала она ему. – Двенадцать лет Тайная экспедиция под моими глазами при допросах не секла ни чем, а всякое дело начисто разобрано было; и всегда более выходило, нежели мы желали знать». Если вина будет установлена, Бибиков был наделен властью привести в действие смертный приговор, хотя в случае признания виновным дворянина или офицера, его

приговор требовал подтверждения императрицы.

Прежде чем отправить Бибикова на выполнение этой миссии, Екатерина выпустила еще один манифест, который имел силу только в охваченном мятежом регионе:

> «Беглый казак Емельян Иванов сын Пугачев <…> собрав шайку подобных себе воров и бродяг из яицких селений, дерзнул принять имя покойного императора Петра III <…> мы, прилагая всегда неусыпное попечение о внутреннем душевном спокойствии каждого из наших верноподданных… объявляем, что к конечному истреблению сего злодея, приняли мы немедленно все достаточные меры, и с числом войск, довольным на искоренение толпы разбойников, которые отважились уже нападать на бывшие в той стороне малые военные команды и умерщвлять варварским образом попадавшихся в их руки офицеров, отправили туда нашего генерал-аншефа, лейб-гвардии майора и кавалера Александра Бибикова».

Две недели спустя, после того как из новых рапортов Екатерина узнала о расширении бунта, она решила, что восстание больше нельзя скрывать от общественности. Чтобы объяснить свое решение, она написала новгородскому губернатору:

> «Оренбург уже два месяца осажден толпой бандитов, которые творят ужасающую жестокость и разорения. Генерал Бибиков отправляется туда с войсками… чтобы побороть этот ужас XVIII столетия, который не принесет России ни славы, ни чести, ни прибыли, но, наконец, с Божиею помощью надеюсь, что мы возьмем верх, ибо на стороне этих каналий нет ни порядка, ни искусства: это сброд голытьбы, имеющий во главе обманщика столь же бесстыдного, как и невежественного. По всей вероятности, это кончится повешениями. Какая перспектива, г. губернатор, для меня, не любящей повешений! Европа в своем мнении отодвинет нас ко временам Ивана Васильевича – вот та честь, которой мы должны ожидать от этой жалкой вспышки».

Прибыв в Казань в конце декабря, Бибиков увидел, что ситуация оказалась гораздо серьезнее, чем она виделась из Санкт-Петербурга. По его оценкам, сам по себе Пугачев был не так уж и страшен, но как символ растущего в народе недовольства имел огромное значение. Войска Бибикова быстро атаковали, чтобы

освободить Оренбург, который находился в осаде целых шесть месяцев и испытывал серьезную нехватку продовольствия. Пугачев держал удар со своей девятитысячной армией и тридцатью шестью пушками, но исход битвы решила профессиональная артиллерия регулярной армии. Пугачев был разбит, четыре тысячи его людей оказались в плену, а «Петр III» поспешно ретировался в Берду. Осада Оренбурга закончилась.

В штабе Пугачева в Берде его офицеры и последователи были готовы обратиться в бегство, но они прекрасно знали, что убежать могут лишь те, у кого имелись лошади. «Предоставим крестьян судьбе, – поступило предложение. – Простые люди не бойцы, они просто овцы». 23 марта Пугачев покинул штаб в Берде, взяв с собой две тысячи людей и бросив оставшуюся часть армии. Разросшаяся армия Бибикова вошла в Берду в тот же день. Однако ситуация изменилась после того, как Бибиков, благодаря которому и была одержана победа, неожиданно слег с лихорадкой и умер. Опечаленная Екатерина посчитала, что подчиненные ему офицеры должны завершить задачу. Пугачев исчез на Урале.

Перед смертью Бибиков заверил Екатерину, что «подозрения об иностранном участии не были подтверждены». Тогда императрица написала Вольтеру, что эти «ужасающие события» произошли вследствие того, что Оренбургский регион населен «всякими мошенниками, от коих Россия себя освобождала в продолжении сорока лет, подобным почти образом, как американские поселения людьми снабдились». Она определила свою политику снисхождения в отношении пленных бунтовщиков в своем письме фрау Бильке в Гамбург, жаловавшейся, что принятые меры были недостаточно жесткими. «Поскольку вы любите повешение, я скажу вам, что четверо или пятеро несчастных уже повешены. А редкость данного наказания в тысячу раз действеннее для нас здесь, чем в тех местах, где повешения происходят каждый день».

Екатерина считала, что восстание подавлено. Следующие три месяца она отвлеклась от Пугачева и вновь сосредоточилась на военных действиях, которые Россия вела на Дунае. Однако Екатерина продолжала следить за расследованием причин бунта. Отчет комиссии, сделанный 21 мая 1774 года, подтвердил ранние предположения Бибикова, исключив возможность заговора внутри страны или вмешательство зарубежных держав. Вина в организации восстания была возложена на Пугачева, воспользовавшегося недовольством яицких казаков, местных племен и крепостных рабочих с уральских металлургических заводов. Пугачева описывали как грубого необразованного

мужика, однако дознаватели предупреждали, что он хитер, изобретателен и обладает даром убеждения. Об этом опасном человеке нельзя забывать или игнорировать его, пока он не умрет или не будет доставлен в цепях офицерами императрицы.

57
Последние дни «маркиза Пугачева»

Когда в конце мая 1774 года Екатерина прочитала отчет Тайной канцелярии, она решила, что это станет своего рода эпитафией Пугачевскому бунту. Затем, к ее ужасу, 11 июля Пугачев появился у Казани на Волге во главе армии из двадцати тысяч человек. На следующий день он взял штурмом и сжег почти беззащитный город. Своей следующей целью он объявил Москву. Пугачев уже обещал: «Если Господь даст мне сил взять город, когда Москва будет моей, я прикажу всем следовать старой вере и носить русские одежды. Я запрещу брить бороды и велю всем стричься на казацкий манер».

Казань, чье население в одиннадцать тысяч человек, было представлено разнообразными этническими группами, поразила Екатерину во время ее первого визита в июле 1768 года. Теперь атака Пугачева быстро сломила уступавших по численности защитников города и нанесла ему значительный урон, превратив этот преимущественно деревянный город в руины. К пожарам добавились бесчисленные убийства, изнасилования и грабежи. Безбородых мужчин в европейских одеждах убивали, женщин в иностранных платьях уводили в лагерь Пугачева. Две трети из девятисот двадцати зданий Казани было уничтожено. Дворяне, которым удалось спастись, бежали в Москву.

Старая столица стала готовиться к обороне, но Пугачев не пришел. Русская армия уже поспешила в Казань, однако прибыла слишком поздно, чтобы спасти город. И все же 15 июля она сошлась с армией Пугачева и разгромила ее. На следующий день фальшивый царь снова появился с армией численностью в пятнадцать тысяч человек. Во время четырехчасовой битвы армия бунтовщика была разгромлена, две тысячи погибли и пять тысяч взяты в плен. После битвы десять тысяч мужчин, женщин и детей, которые удерживались в плену в лагере Пугачева, были освобождены. Самозванец с остатками армии бежал на юг, вниз по Волге.

Взятие и сожжение Казани стало кульминацией Пугачевского бунта. Если бы его не разгромили на этом этапе, он двинулся бы на Москву и перенес восстание в самое сердце крепостнической России. Сразу же после этого самозванец узнал о мирном российско-турецком договоре и понял, что регулярные войска оказались теперь в распоряжении правительства. К августу закаленная в боях русская армия под командованием генерала

Александра Суворова, освободившаяся после Дунайской кампании, направилась в его сторону. Люди Пугачева, подавленные поражением и отступлением начали опасаться возможных последствий бунта. Многие дезертировали.

Теперь Пугачев вступил на территорию мелкопоместного дворянства, владевшего небольшим количеством крепостных. Стараясь собрать новую армию, он призывал этих крепостных подняться против своих хозяев и обещал им свободу, чтобы «вечно быть казаками, свободными от налогов, оброка, хозяев, рекрутства и продажных судей». Некоторые крепостные убегали от своих хозяев, но их численность была незначительной: бунт начал затихать, терять энергию и цели. Направившись на юг, Пугачев вернулся в места своего детства, на земли донских казаков. Но редкий самозванец может добиться успеха у людей, среди которых вырос. «Почему он называет себя царем Петром? – спрашивали донские казаки. – Он же Емельян Пугачев – крестьянин, который бросил свою жену Софью и своих детей».

После неожиданного появления Пугачева у Казани Екатерина знала, что еще рано успокаиваться. На совете 14 июля она заявила, что победа Румянцева на Дунае приблизила Россию к миру. А потом 21 июля, за два дня до прибытия сына Румянцева, объявившего о заключении мира с Турцией, в Санкт-Петербург пришла новость об уничтожении Казани. В то утро, когда Екатерина собрала советников, она еще не знала ни о поражении Пугачева, ни о заключении мира с Турцией. Потрясенная новостями из Казани, она прервала совещание и заявила, что намерена немедленно отбыть в Москву, чтобы восстановить там спокойствие. Ее советники молчали. Наконец, слово взял Никита Панин, заявивший, что ее неожиданный приезд может скорее взволновать людей, чем успокоить их. Было решено, что младший брат Панина, генерал Петр Панин, самый опытный из генералов, расположится со своим войском близ Москвы и при появлении Пугачева сможет принять командование.

Екатерина неохотно согласилась с этим выбором. Она признавала военные заслуги Петра Панина, но недолюбливала его лично. Он часто высказывался, что Россией должен управлять мужчина, и предпочел был видеть в качестве правителя великого князя Павла. Также Екатерине не нравилось его репутация солдафона и эксцентричные выходки: иногда он появлялся у себя в штабе в серой атласной ночной рубашке и большом французском ночном колпаке с розовыми лентами. У нее вызывала раздражение театральность его внезапной отставки, предпринятой по причине того, что он считал полученные

награды неадекватными его успехам в войне с Турцией. Осенью 1773 года она распорядилась вести надзор за этим «надутым индюком». Теперь, столкнувшись с необходимостью назначить Петра Панина, она призналась своему новому фавориту Григорию Потемкину: «Перед всем миром, напуганным Пугачевым, я хвалю и возвышаю надо всеми смертными в империи первостатейного пустомелю, оскорбившего меня лично». Тем не менее Екатерина-императрица взяла верх над Екатериной-обиженной женщиной, и 22 июля Петр Панин был назначен главнокомандующим. На следующий день 23 июля новость о заключении мира с Турцией достигла Санкт-Петербурга. Екатерина была рада вдвойне: согласно Кучук-Кайнарджийскому мирному договору, ее империя приобретала обширные земли, а ее армия теперь, наконец, была свободна, чтобы противостоять Пугачеву.

Петр Панин потребовал, чтобы ему подчинялись все военные силы, которые были брошены на подавление мятежа, а также все чиновники и находившиеся на данной территории люди. Екатерина продолжала жаловаться Потемкину: «Вот видите, мой друг, что граф [Никита] Панин хочет сделать своего брата правителем с неограниченной силой в самой лучшей части империи. Если я подпишу это, то не только князь Волконский [генерал-губернатор Москвы] будет оскорблен и выставлен глупцом, но и я сама предстану перед всеми как человек, который осыпает наградами форменного лжеца, нанесшего мне личное оскорбление».

Екатерина не захотела полностью уступать требованиям Петра Панина. Воодушевленная оглушительной победой над Турцией и разгромом Пугачева под Казанью, она ограничила его власть до регионов, которые были непосредственно охвачены мятежом, и заявила, что следственная комиссия по-прежнему будет оставаться под ее надзором. Дальнейшие ограничения заключались для Панина в том, что вторым командующим был назначен Суворов. Панин, как и Бибиков, хотел привлечь к службе дворян из мятежных провинций. В качестве награды все привилегии дворян, включая полную власть над крепостными, гарантировались короной. Подобный метод имел результат, дворяне собрали людей, деньги и запасы продовольствия.

Во время военных действий, методы наказаний Панина мало чем отличались по жестокости от тех, что применял Пугачев. Ранее, под командованием Бибикова, армия довольно снисходительно обращалась с пленными мятежниками. После освобождения Оренбурга большинство последователей Пугачева, взятых в плен, были освобождены и вернулись домой. Большая часть пленных взятых при Казани, были отпущены, им даже

выдали по пятнадцать копеек, чтобы добраться до дома. Теперь, когда бунт перешел в свою финальную стадию, а бесчинства Пугачева переместились вниз по Волге, Панин организовал жестокую расправу. 24 августа он выпустил манифест, угрожавший всем, кто принял участие в бунте, смертью посредством четвертования. Панин осознавал, что превышал полномочия, данные ему Екатериной, однако императрица была далеко, и он попросту проигнорировал ее.

Екатерина провела август в Царском Селе, с волнением следя за погромами, которые устраивал Пугачев в низовьях Волги. К концу месяца она сказала Вольтеру, что ожидает «чего-то решающего», потому что в течение десяти дней у нее не было вестей от Панина, а поскольку «дурные новости разносятся быстрее, чем добрые, я надеюсь, что произошло что-то хорошее». Войска Суворова одержали победу, и армия Пугачева начала терять численность. И все же почти до самого конца Пугачев продолжал внушать страх. 26 июля в Саранске он обедал в доме вдовы губернатора, а затем повесил ее напротив окон ее же комнаты. Дворяне были повешены около дома группами, их головы, руки и ноги были отрублены. 1 августа конный гонец объявил на рыночной площади в Пензе о приближении «Петра III» и о том, что, если его не принять традиционным хлебом и солью, все горожане, включая младенцев, будут вырезаны. Пугачева встретили радушно, двести человек оказались насильно завербованы в его ряды, дом губернатора сожжен, а самого губернатора и еще двадцать мелкопоместных дворян предварительно заперли внутри дома. В другом городе повесили местного астронома, чтобы «он был поближе к звездам».

Попытки Пугачева привлечь своих прежних товарищей – донских казаков – по большей части игнорировались последними. Все знали о награде в двадцать тысяч рублей, объявленной за его поимку, а также о приближении регулярных войск. Кроме того, многим было известно, что Пугачев не являлся Петром III. Когда 21 августа он появился около Царицына (позже – Сталинграда, сейчас этот город носит название Волгоград) и выехал вперед, чтобы побеседовать с донскими атаманами, его тут же узнали и объявили самозванцем. Два дня спустя 24 августа он потерпел новое поражение в Сарепте, к югу от Царицына. Это поражение стало для Пугачева настоящим разгромом. Пугачев бежал с тридцатью своими последователями и переплыл Волгу. Но поражение, страх и голод подточили верность окружавших его людей.

15 сентября 1774 года, через год после начала бунта, Пугачев

оказался там же, где и начинал, – в Яицке, на реке Яик. Там группа напуганных последователей, надеявшихся спасти себя предательством, напала на спящего предводителя. «Как посмели вы поднять руку на императора? – закричал он. – Вы ничего не добьетесь!» Но эти слова не тронули их, и Пугачева в цепях доставили к Петру Панину.

30 сентября Панин написал Екатерине, что видел «дьявольское отродье» Пугачева, который больше не пытался выдавать себя за царя. Он упал перед ним на колени, объявив, что он – Емельян Пугачев, и признался, что выдавал себя за Петра III, что он грешен перед Господом и перед Ее Императорским Величеством. Его посадили в железную клетку, в которой он не мог встать в полный рост, а эту клетку закрепили болтами к двухколесной телеге. Так он проехал сотни миль до Москвы через деревни и города, где когда-то его встречали как героя-освободителя.

4 ноября 1774 года Пугачев в клетке прибыл в Москву. Последовали шесть недель допросов. Императрица решила рассеять свои сомнения по поводу бунтовщика: она до сих пор не верила, что безграмотный казак мог сам поднять бунт. Вольтер беспечно предложил спросить у Пугачева: «Государь мой, что вы такое? Господин или слуга? Я не спрашиваю, кто вас нанял, но желаю знать, были ли вы кем-то наняты?» Екатерина хотела большего: если и существовали подобные наниматели, она желала знать их имена. Екатерина внимательно изучала результаты допросов, но, несмотря на свою чрезвычайную заинтересованность, она отказалась использовать дыбу. Перед тем как начались допросы, Екатерина написала князю Волконскому, генерал-губернатору Москвы: «Ради Господа Бога, удержитесь от любых допросов с пристрастием, потому что они всегда затмевают правду». За этим указанием стояло не только ее неприятие этих варварских методов, но и политический расчет. Складывалось впечатление, что бунт изжил себя, однако то же самое ей казалось и перед неожиданной атакой на Казань. Возможно, был еще один лидер, который только и ждал предлога для мятежа. Пытка человека, которому многие крестьяне верили как царю, могла послужить новой искрой. И хотя императрица была заинтригована личностью самозванца и его мотивами, она не желала видеть его. Она запланировала длительный визит в Москву, чтобы отпраздновать победу над Турцией, и ей хотелось, чтобы дела с Пугачевым были закончены до ее приезда. Что касалось иностранного влияния: еще до того, как завершились допросы, Екатерина пришла к выводу, что ничего подобного не было. Вольтеру она писала: «Маркиз де Пугачев жил

злодеем и умрет в скором времени подлым трусом. <…> Пугачев ни читать, ни писать не умеет, однако он очень смелый и решительный человек. До сего времени нет ни малейшего признака, чтобы он от какой-то державы был орудием или чтобы поступал по чьему-нибудь внушению. Можно, наверное, утверждать, что Пугачев был самовластным разбойником, никем не правимым. Я думаю, что после Тамерлана не было никого, кто более его бы человеческого рода истребил».

5 декабря работа следственной комиссии была завершена. Пугачев сознался и выразил надежду на снисхождение, но смертный приговор был неизбежен. Тем не менее Екатерина написала Вольтеру: «Если бы он одну меня бы оскорбил, то мнение его было бы основательно, и я, конечно, бы его простила». Чтобы ускорить процесс и суд, она лично послала генерал-прокурора Вяземского в Москву с поручением побыстрее завершить это дело. После этого она написала губернатору Москвы князю Волконскому. «Прошу вас, помогайте всем внушить умеренность как в числе, так и в казни преступников. Противное человеколюбию моему прискорбно будет. Не должно быть лихим для того, что с варварами дело имеем».

Вяземский старался выполнить ее поручение. Чтобы избежать публичного давления в охваченной жаждой мщения Москве, он собрал специальный суд из высокопоставленных чиновников и членов Священного Синода. Процесс проводился тайно в Кремле 30 и 31 декабря. Пугачева привели в суд на второй день. Он упал на колени, снова признался в том, что он, Емельян Пугачев, сознается в своих преступлениях и заявил, что раскаивается перед Богом и перед милосердной императрицей. Когда его увели, судьи решили, что его нужно живьем четвертовать, а затем обезглавить. Но когда тот же приговор был вынесен одному из его соратников, судьи стали возмущаться – казнь Пугачева должна быть более жестокой и болезненной, чем у остальных. «Поэтому они хотели Пугачева колесовать, – писал Екатерине Вяземский, – чтобы выделить его среди остальных». В конце концов, генеральный прокурор убедил суд оставить приговор как есть. Зная, что императрица не согласится на публичное представление, во время которого Пугачева будут четвертовать живым, Вяземский втайне договорился с начальником полиции Москвы: палач должен был сначала «случайно» обезглавить Пугачева, а лишь потом отрубить ему руки и ноги. Казнь состоялась при большом стечении народа на московской площади 10 января 1775 года. Пугачев перекрестился и положил голову на плаху. Затем к большому возмущению собравшихся, среди которых было много дворян, пришедших насладиться отмщением,

палач совершил ошибку и сразу же отрубил Пугачеву голову. Многие решили, что либо палач был недостаточно профессионален, либо его кто-то подкупил. Четверо сторонников Пугачева были сначала четвертованы, и лишь после этого им отрубили головы. Последователи Пугачева, которые предали своего предводителя, были прощены.

Несколько дней спустя после смерти Пугачева Екатерина отправилась в Москву, чтобы отпраздновать победу России над Турцией. В то же время она распорядилась ликвидировать все следы бунта. Обе жены Пугачева и трое его детей были заключены в крепость Кексгольм в русской Финляндии. Дом Пугачева на Дону снесли. Было запрещено произносить его имя, а его брату, не принимавшему участия в восстании, запретили использовать свою фамилию. Яицкие казаки были переименованы в уральских, а Яицк и протекавшая около города река стали называться Уральском и Уралом, соответственно. 17 марта 1775 года императрица объявила амнистию для всех, кто имел отношение к «внутренним мятежам, восстаниям, волнениям и беспорядках, произошедших в 1773 и 1774 годах», постановив, «что все случившееся предается полному забвению и молчанию». Все смертные приговоры заменялись каторжными работами; менее серьезные наказания сводились к ссылке в Сибирь, военные дезертиры и беглые крестьяне были прощены. Петра Панина отблагодарили: ему позволили уйти в отставку и коротать свои дни в Москве в мрачном расположении духа.

В провинции лишь немногие представители дворянства поддерживали Екатерину в выборе наказаний для восставших. Помещики жаждали мести за уничтожение их родных и друзей. Как только армия восстановила порядок, дворяне проявили особую жестокость. Крепостных, которых они считали виновными, предавали смерти без суда. За редким исключением, землевладельцы даже не думали о том, что на кровавый беспредел крестьян толкнули невыносимые условия жизни.

Пугачевщина стала самым крупным из восстаний на территории России. Сто тридцать лет спустя революция 1905 года породила по всей стране забастовки и вспышки насилия в городах. Кровавое воскресенье в Санкт-Петербурге, прибытие мятежного броненосца «Потемкин» в порт Одессы, штурм баррикад в Москве и, наконец, создание Государственной Думы, которой было дано право говорить, но не действовать. Русская революция 1917 года по меркам примененного в ее ходе насилия была всего лишь мирным переворотом, лишившим власти

думских министров, пришедших на смену отрекшемуся Николаю II.

Пугачевский бунт оказался самым серьезным испытанием для авторитета Екатерины во время ее правления. Она не испытывала гордости за победу над Пугачевым и его казнь. Екатерина знала, что многие в России и Европе считали ее виновной – некоторые за то, что она сделала, другие – за то, чего не сделала. Она приняла во внимание их критику, а затем пошла дальше и никогда не оборачивалась назад. Но Екатерина не забыла, что после семи лет правления ее люди, чью жизнь она старалась улучшить, поднялись против нее и примкнули к «Петру III». Не забыла она и того, что дворянство снова поддержало ее. Больше уже не было разговоров об отмене крепостного права. Помещиков убеждали относиться к своим крепостным по-человечески, но императрица осознала, что просвещение нельзя даровать безграмотной нации, пока люди не будут подготовлены и образованы в достаточной мере. «Наказ», воплощавший в себе принципы Просвещения, а также идеалы, вдохновлявшие ее в юности, теперь остались лишь в воспоминаниях. После Пугачева она сосредоточилась на тех интересах России, которые, как ей казалось, она могла бы реализовать: на расширении империи и обогащении ее культуры.

Часть VI
Потемкин и фаворитизм

58
Васильчиков

Одиннадцать лет: с 1761 по 1772 год Екатерина была верна Григорию Орлову. Она невероятно гордилась им, часто награждала за храбрость, щедрость и верность ей и короне. И хотя, несмотря на все достижения, он не отличался блестящим интеллектом, а среди недостатков его характера были эгоизм, тщеславие и праздность, он тем не менее нередко проявлял мужество и излучал мужское обаяние, которые так привлекали Екатерину. Не убедив ее выйти за него замуж и не найдя возможности подчинить ее себе, Орлов находил утешение в объятиях других женщин. Екатерина страдала, но закрывала на это глаза. В 1771 году он реабилитировал себя героическим поведением во время эпидемии чумы в Москве. Это произвело на Екатерину сильное впечатление, и она наградила его новым назначением, чтобы он мог повысить свой престиж. Затянувшаяся ситуация в ходе военных действий на юге России подтолкнула императрицу к попытке провести мирные переговоры с турками. Екатерина назначила Григория ответственным за ведение переговоров, и в марте 1772 года он отправился на Дунай. После его отъезда она написала в Гамбург фрау Бильке: «Он должен появиться перед турками, как ангел мира во всей своей великолепной красе». Однако эгоизм и неуклюжесть в ведении переговоров сыграли с Орловым злую шутку. Он упорствовал в том, чтобы условия России рассматривались как требования завоевателя, и отстаивал свою позицию с такой надменностью, что оскорбленные турецкие эмиссары приостановили переговоры. Однако положение Орлова пошатнулось еще до этой решающей развязки. В день его отъезда Екатерине сообщили, что у ее «ангела» имелся новый роман. Возвышение Орлова продлилось тринадцать лет, и Екатерина многое прощала ему – но это было уже слишком. Устав от постоянных измен, Екатерина решила положить конец их отношениям. Ей нелегко дался этот разрыв, но когда она приняла решение, то собралась сделать это так, чтобы любое воссоединение стало бы невозможным. Екатерина ждала, пока Орлов окажется далеко от нее.

Никита Панин не был другом Орлова и видел, что Екатерина – в отчаянии и гневе. Поэтому он нашел замену Орлову – двадцативосьмилетнего офицера конной гвардии Александра Васильчикова. Екатерина признавалась: «Я не могу ни дня

прожить без любви». Однако с этим кандидатом вряд ли могла идти речь о любви. Александр Васильчиков казался человеком абсолютно безвредным. Он происходил из старинного дворянского рода, был скромен и покладист, у него были отличные манеры, он прекрасно говорил по-французски. Во время придворного обеда Екатерина отметила все эти качества, а также обратила внимание на его мужественное лицо и красивые черные глаза. Прусский министр заметил, что хорошее расположение духа императрицы в присутствии этого молодого человека вызвало волнение у родственников Орлова. Когда Васильчикову подарили золотую табакерку, его колебание перед тем, как принять ее, вызвали у дарителя желание наградить его чем-то большим. К августу он стал камергером, а к сентябрю – придворным гофмейстером. Затем внезапно молодого человека перевели в покои Орлова в Зимнем дворце – его комнаты соединялись с покоями Екатерины потайной лестницей. Васильчиков был назначен генерал-адъютантом и получил в награду сто тысяч рублей, а также годовое жалованье в двенадцать тысяч рублей, драгоценности, новый гардероб, слуг и загородное поместье. Это внезапное и яркое восхождение поразило двор, который подогревался слухами, что по возвращении Орлова Васильчиков не протянет и недели.

Григорий все еще ждал возобновления переговоров на Балканах, когда получил срочное письмо от своего брата Алексея из Санкт-Петербурга, в нем сообщалось, что Екатерина взяла себе нового любовника, гвардейского офицера, которого Алексей описывал как «приятной наружности, обходительного и совершенно никчемного». Глава российской делегации тут же оставил мирные переговоры и поспешил обратно в Санкт-Петербург. На окраине города он был остановлен: по приказу Екатерины ему было велено удалиться в свое поместье в Гатчине. Предлогом послужила прошлогодняя вспышка чумы, из-за которой все путешественники с юга должны были пройти через карантин, прежде чем им будет дозволено проехать в столицу. На самом деле Екатерина боялась Григория. Она велела повесить новый замок на дверь и окружила свои покои верными солдатами. Но даже находясь под усиленной охраной, она вздрагивала от легкого шороха и была готова броситься в бегство из страха, что это Григорий явился к ней. «Вы не знаете его, – говорила она. – Он может убить меня и великого князя Павла».

Из Гатчины Орлов умолял о встрече с ней. Она отказала, но послала ему письмо, сообщив, что он должен быть разумным и ему стоит отправиться в путешествие для поправки здоровья.

Григорий возражал, он никогда не чувствовал себя лучше. Она попросила вернуть ее миниатюрный портрет, усыпанный драгоценностями, который он носил у сердца. Орлов отказался отдать портрет, но выслал бриллианты из оправы.

Через четыре недели «карантина» Орлов внезапно появился в обществе и стал вести себя так, словно ничего не случилось. Он притворялся, что не замечает, что Васильчиков выполняет его обязанности, даже шутил и снизошел до того, что подружился с новым фаворитом, громко его хвалил на людях и посмеивался над собой. И когда однажды вечером императрица в присутствии всего двора, включая Орлова, подала Васильчикову руку, чтобы тот сопроводил ее в покои, он густо покраснел. Никто не знал, как реагировать. В тот момент Орлов понял, что миловидное «ничтожество» одержало победу. Он знал, что Екатерина не была влюблена: она взяла этого молодого человека по той же причине, по которой он коллекционировал любовниц – ей нужен был компаньон, всегда послушный и всегда готовый выполнять ее прихоти. Понимая, что его собственное положение становится смехотворным, он подал прошение отправиться в путешествие. Екатерина согласилась без единого упрека в его адрес. Перед отъездом Орлов принял награду в виде дополнительной внушительной суммы и права пользоваться титулом светлейший князь Римской империи.

Сразу после отъезда Орлова при дворе установился мир, за который Екатерине приходилось платить скукой. Васильчиков был красив, но его интеллект и личные качества оказались настолько ограниченными, что ей было не о чем с ним говорить. Екатерина, устававшая за день от государственных дел, хотела, чтобы в часы досуга ее развлекали и отвлекали интеллектуальными беседами. Васильчиков не обладал подобным умением, и она вскоре поняла, что связала себя со скучнейшим человеком, не способным рассказать что-либо интересное или забавное. Он очень старался. Был внимателен, исполнителен, хорошо одет, имел прекрасные манеры. Но ничего не помогало: она находила его невероятно скучным, и впоследствии это стало для нее просто невыносимым. Позже фавориты, выбранные императрицей за физическую привлекательность, должны были также обладать выдающимся умом, или, по крайней мере, быстро обучаться. У Васильчикова не было ни способностей, ни перспектив. Те двадцать два месяца, что он пребывал в качестве фаворита, были отмечены самыми напряженными, тяжелыми и тревожными событиями за все правление Екатерины: раздел Польши, война с Турцией, восстание Пугачева. Ей нужен был кто-

то, с кем она могла бы поговорить, кто предложил бы ей если не политические и военные советы, то хотя бы поддержку и утешение. Васильчиков на это был не способен, и это понимали все.

Таким образом, именно Васильчиков, а не Орлов оказался главной жертвой переворота в будуаре, и никто не знал этого лучше, чем сам несчастный фаворит. Он оказался достаточно чувствителен, чтобы понимать, насколько был скучен императрице, и что все рассматривали его как временную фигуру. Его робкий, покладистый нрав, который прежде считался одним из главных его достоинств, сменился сварливым и мрачным расположением духа. Рассказ Васильчикова о жизни с императрицей похож на жалобы брошенного ребенка:

«Я был для нее всего лишь мужчиной-кокоткой, именно так со мной и обращались. Мне не позволяли принимать гостей или выезжать куда-либо. Если я просил за себя или кого-то, она не отвечала на мои просьбы. Когда я хотел получить орден святой Анны, я обратился к императрице. На следующий день я обнаружил в моем кармане тридцать тысяч рублей. Таким образом, она всегда заставляла меня замолчать и уйти в свои покои. Она никогда не снисходила до того, чтобы обсуждать со мной дела, которые меня волновали».

Екатерина продолжала держать Васильчикова подле себя. Совершив неудачный выбор и взяв в фавориты безвестного молодого гвардейца, она думала, что будет жестоко прогнать его за то, в чем он сам не был виноват. Однако, в конце концов, она не смогла больше выносить его и написала Потемкину: «Скажите Панину, что он должен отослать Васильчикова на лечение. Я задыхаюсь в его обществе, а он жалуется на боли в груди. Позже его можно назначить куда-нибудь послом, там, где у него будет немного работы. Он скучен. Я обожглась с ним, и это никогда больше не повторится».

Хотя Васильчиков оказался, наверное, самым слабым из фаворитов Екатерины, она во многом винила себя. Она выбрала его, повинуясь импульсу, как замену Орлову, разозлившись на частые и возмутительные измены последнего. «Это был случайный выбор, – признавалась она позднее, – сделанный из-за отчаяния. Я не могу передать словами, насколько в то время было разбито мое сердце».

Несчастный Васильчиков покинул двор, щедро награжденный за свои старания и добрые намерения. Он уехал в большое загородное поместье под Москвой, подаренное императрицей. За годы он превратился в тихого помещика, которого государыня

игнорировала и почти забыла. После его отъезда она заменила посредственность на гения, а скуку – на интеллектуальный фейерверк. Екатерина послала за Потемкиным.

59
Екатерина и Потемкин: страсть

Одной из самых выдающихся фигур в эпоху Екатерины наравне с самой императрицей был Григорий Потемкин. В течение семнадцати лет, с 1774 по 1791 год, он был самой влиятельной фигурой в России. За всю жизнь Екатерины никто не был так близок к ней; он был ее любовником, ее советником, ее главнокомандующим, губернатором и наместником в половине ее империи, создателем новых городов, морских портов, дворцов, армий и флота. А кроме того, он, возможно, был ее мужем.

Семья Григория Потемкина служила российским монархам несколько поколений. В семнадцатом веке его предок Петр Потемкин был отправлен царем Алексеем, отцом Петра Великого, с дипломатическими миссиями в Испанию и Францию. Он всюду стремился поддерживать статус и сан своего повелителя и потребовал в Мадриде от испанского короля снимать головной убор при упоминании имени царя. В Париже он отказался говорить с Королем-Солнце, Людовиком XIV, поскольку в титуле царя была сделана ошибка. Позже, в Копенгагене, его принял король Дании, который был болен и прикован к постели. Посол потребовал, чтобы ему принесли другую кровать и поставили ее рядом с королевским ложем, дабы он мог вести переговоры в равном с королем положении. Петр Потемкин, дед Григория, умер в 1700 году, в возрасте восьмидесяти трех лет, до конца дней оставаясь таким же требовательным и эксцентричным.

Отец Григория Александр Потемкин был во многом на него похож. Еще совсем молодым человеком в 1709 году он сражался в битве при Полтаве против Карла XII Шведского. Выйдя в отставку в чине полковника, он отправился в свое маленькое поместье под Смоленском и во время путешествия встретил красивую, но бедную вдову Дарью Скуратову. Ему было пятьдесят, ей – двадцать, он сразу же на ней женился, забыв предупредить о том, что уже имел жену. Дарья забеременела еще до того, как узнала, что вышла за двоеженца. Она обратилась к первой жене Потемкина и попросила ее о защите. Пожилая женщина, которая прожила несчастливую жизнь со своим супругом, разрешила ситуацию, уйдя в монастырь и таким образом обеспечив полковнику развод. Дарья ладила со своим новым мужем не лучше, чем ее предшественница, но родила ему шестерых детей: пять дочерей и сына Григория.

Мальчик родился 13 сентября 1739 года, с детства его

окружали любовью и заботой мать и пятеро сестер. У семьи не было денег на учителей, поэтому вначале воспитанием Григория занимался деревенский дьякон. Мальчик любил музыку, а у дьякона был красивый голос, и он приучал своего одаренного, но непокорного ученика к дисциплине, угрожая, что больше никогда не будет петь ему. В пять лет Григория отправили жить к дедушке – крупному государственному чиновнику в Москве. Имея великолепный слух и такие же прекрасные способности к языкам, как и к музыке, мальчик выучил греческий, латынь, французский и немецкий. Подростком он стал интересоваться теологией и военным делом. Григорий заявлял, что какую бы карьеру ни выбрал, он хотел быть командиром. «Если я стану генералом, – говорил он своим друзьям, – я буду командовать солдатами. Если же я стану епископом, то – монахами». Поступив в недавно открывшийся Московский университет, он получил золотую медаль за успехи в изучении теологии. Но затем, утратив к учебе интерес, отказался посещать лекции, и был исключен. Затем Потемкин поступил в конную гвардию, стал капралом, а к 1759 году – капитаном. В 1762 году он присоединился к пяти братьям Орловым и Панину во время переворота, возведшего на трон Екатерину. Именно он, воспользовавшись ситуацией, передал Екатерине портупею, после чего она отправилась в Петергоф. Впоследствии, когда Екатерина раздавала награды тем, кто поддержал ее во время переворота, капитан Потемкин получил продвижение по службе и десять тысяч рублей.

В двадцать два года Потемкин был высоким и худощавым молодым мужчиной, с густыми рыжевато-каштановыми волосами. Он был умен, образован и смел. Его появление при дворе и представление Екатерине организовали Орловы, которые восхищались молодым солдатом, как прекрасным собеседником и талантливым имитатором, способным подражать голосам других людей. Вечером Екатерина попросила Потемкина изобразить ее. Без промедления он заговорил, прекрасно имитируя ее манеру и немецкий акцент. Подобная интерпретация представлялась очень рискованной, но Потемкин решил, что императрицу это развлечет, поэтому она простит и, возможно, не забудет его. Расчет оправдался. Впоследствии его часто приглашали на вечера, где собирался узкий круг из примерно двадцати приближенных и где были запрещены любые церемонии и формальности. Екатерина распорядилась, что на этих вечерах все гости должны были пребывать в доброжелательном расположении духа и ни о ком не говорить ничего дурного. Ложь и хвастовство были под запретом, а все неприятные мысли нужно было оставлять вместе со шляпами и шпагами у дверей. На встречах

царила непринужденная атмосфера. Григорий – остроумный, аристократичный, обладающий музыкальными способностями и умеющий развлечь императрицу – всегда был желанным гостем.

Придворные заметили, как росло их взаимное влечение друг к другу. Говорили, что Потемкин, столкнувшись с императрицей в коридоре дворца, упал перед ней на колени, поцеловал ей руку и не получил осуждения за свой смелый поступок. Орловым не нравились эти сплетни. Григорий Орлов был официальным фаворитом и отцом ребенка императрицы, Бобринского. Вместе с братьями они обладали огромной властью и богатством. Им казалось, что Потемкин начал покушаться на их положение. Потемкина вызвали в покои Орлова по какому-то делу, где два брата, Григорий и Алексей, повалили его на пол и избили, чтобы преподать ему урок. Позже пошел слух, что именно после этого столкновения Потемкин потерял зрение в левом глазу (существует и более правдоподобное объяснение о том, что он ослеп в результате неудачного лечения воспаления). Какова бы ни была причина, потеря зрения так расстроила Потемкина, что он покинул двор. Когда императрица справилась о нем, ей сказали, что он перенес физическое увечье, она ответила, что это – недостаточно веская причина, и велела ему вернуться. Потемкин подчинился.

Екатерина начала использовать административный талант Потемкина с 1763 года, когда узнала о его интересе к религии, и назначила ассистентом прокурора Священного Синода, который управлял делами и финансами церкви. В то же время она способствовала и его повышению по военной службе, и к 1767 году он стал старшим командиром конной гвардии. На следующий год Потемкин был назначен придворным камергером. Когда собрали Уложенную комиссию, Потемкину отвели роль куратора представителей от татар и других этнических меньшинств Российской империи. Впоследствии Потемкин испытывал особый интерес к субъектам Российской империи, населенным другими этносами; он обладал высшей властью на юге, и его окружали лидеры народов, исповедовавшие разную религию. Однако он не утратил свою прежнюю любовь к церковной полемике. Потемкин не упускал возможность обсудить вопросы веры с представителями других религий. Когда началась первая русско-турецкая война в 1769 году, он добровольцем отправился на фронт. С позволения Екатерины Потемкин присоединился к армии генерала Румянцева, в которой служил сначала в качестве адъютанта, а затем – командира кавалерии и добился больших успехов на поле боя. В признание за службу он был возведен в чин генерал-майора, и в ноябре 1769 года ему

было поручено передать Екатерине отчеты Румянцева о ведении боевых действий. В Санкт-Петербурге Потемкина приняли как заслуженного командира и пригласили на обед к императрице.

Когда он вернулся в армию на юге, то получил от Екатерины позволение писать ей лично. Она была удивлена, что Потемкин не спешил воспользоваться своей привилегией. 4 декабря 1773 года она решила приободрить его:

> *«Господин Генерал-Поручик и Кавалер. Вы, я чаю, столь упражнены глазеньем на Силистрию, что Вам некогда письма читать. И хотя я по сею пору не знаю, преуспела ли Ваша бомбардирада, но тем не меньше я уверена, что все то, чего Вы сами предпримете, ничему иному приписать не должно, как горячему Вашему усердию ко мне персонально и вообще к любезному Отечеству, которого службу Вы любите.*
>
> *Но как с моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то Вас прошу попусту не даваться в опасности. Вы, читая сие письмо, может статься зададитесь вопросом, к чему оно писано? На сие Вам имею ответствовать: к тому, чтоб Вы имели подтверждение моего образа мысли об Вас, ибо я всегда к Вам весьма доброжелательна. Екатерина».*

Вероятно, Потемкин смог прочитать скрытое приглашение, содержавшееся в этом письме. В январе 1774 года, когда его армия была расквартирована на зиму, он покинул ее и поспешил в Санкт-Петербург.

По прибытии он узнал, что правительство во главе с Екатериной пыталось разрешить ряд критических моментов. Война с Турцией длилась уже шесть лет, бунт Пугачева был в самом разгаре, а близкие отношения Екатерины с Васильчиковым переживали свою последнюю стадию. Потемкин считал, что его вызвали по личным причинам, и был раздражен, увидев, что Васильчиков ни на шаг не отходил от императрицы. Он просил о личной аудиенции у Екатерины, и 4 февраля отправился в Царское Село. Она сказала, что хотела бы держать его подле себя. Потемкин вернулся ко двору и, казалось, был счастлив, продолжая развлекать Екатерину. Все признавали в нем наиболее вероятную кандидатуру на роль нового фаворита. Есть версия, что однажды он поднимался по лестнице дворца и встретил спускавшегося вниз Григория Орлова. «Какие новости при дворе?» – спросил Потемкин. «Ничего особенного, – ответил Орлов. – За исключением того, что вы поднимаетесь наверх, а я –

спускаюсь вниз». Васильчиков смог удержаться на своем месте еще несколько недель, поскольку Екатерина не была уверена в том, какое впечатление подобные перемены могут произвести на общество в Санкт-Петербурге и зарубежные державы, к тому же она боялась настроить против себя Панина, отвергнув его протеже. Но более всего она хотела убедиться, что не ошиблась с новым избранником.

Раздраженный медлительностью Екатерины, Потемкин решил форсировать события. Он редко являлся ко двору, а когда делал это, то оставался молчалив. Затем он неожиданно исчез. Екатерине сказали, что Потемкин страдает от несчастной любви, поскольку одна женщина не принимает его знаков внимания, и его отчаяние так глубоко, что он думает уйти в монастырь. Екатерина пожаловалась: «Я не понимаю, что ввергло его в такое отчаяние… Я думала, что мое дружелюбное отношение заставило его понять, что его рвение не было мне неприятно». Когда эти слова передали Потемкину, он понял, что дни Васильчикова как фаворита сочтены.

Задействовав свои актерские способности, Потемкин решил усилить давление на Екатерину. К концу января он уехал в Александро-Невскую лавру, находившуюся на окраине Санкт-Петербурга. Там, под действием меланхолии, он начал отращивать бороду и вести размеренную жизнь монаха. Панин понимал игру Потемкина и потребовал аудиенции у императрицы, во время которой сообщил, что хотя заслуги генерала Потемкина повсеместно признаны, он уже получил достаточно наград, и этому господину ничего больше не нужно давать. В случае же если она хочет и дальше поощрять Потемкина, заметил Панин, она должна понимать, что «государство и вы сами, мадам, в скором времени почувствуете, насколько это гордый, амбициозный и эксцентричный человек. Я боюсь, что ваш выбор принесет вам много неприятных моментов». Екатерина ответила, что эта тема была поднята преждевременно. Учитывая способности Потемкина, он может быть полезен и как солдат, и как дипломат. Он смел, умен и образован: таких людей в России – наперечет, и она не может позволить, чтобы он продолжал скрываться в монастыре. Поэтому она сделает все, что в ее силах, дабы помешать Потемкину принять духовный сан.

Екатерина не хотела рисковать, опасаясь, что Потемкин может навсегда покинуть двор. Согласно одной из версий, она отправила свою подругу и фрейлину графиню Прасковью Брюс в монастырь повидаться с Потемкиным и сказать ему, что если он вернется ко двору, то может рассчитывать на покровительство императрицы. Потемкин не стал облегчать задачу посланника. По

прибытии фрейлины в монастырь, он попросил ее подождать, сказав, что собирается прочитать молитву и его нельзя прерывать. В монашеских одеждах он прошел во главе процессии монахов, участвовавших в службе, а затем распростерся перед иконой Святой Екатерины. Наконец, он поднялся, перекрестился и отправился поговорить с посланницей Екатерины. В качестве подтверждения графиня Брюс представила кольцо, более того, высокий придворный ранг посланника произвел впечатление на Потемкина. Убежденный, он снял рясу, сбрил бороду, надел форму и вернулся в Санкт-Петербург на придворной карете.

Он стал любовником Екатерины и тут же начал ревновать ее. Помимо своего беспомощного мужа, у Екатерины до Потемкина было еще четыре мужчины: Салтыков, Понятовский, Орлов и Васильчиков. Существование предшественников и образ Екатерины как женщины, имевшей сексуальные отношения с другими мужчинами, мучил Потемкина. Он обвинял императрицу в том, что прежде у нее было пятнадцать любовников. Пытаясь его успокоить, 21 февраля Екатерина заперлась у себя в комнате и написала письмо, озаглавленное как «Искреннее признание», где она описывала свои прежние романтические увлечения. Это уникальный образец признания правительницы, написанный ею самой, таким образом всевластная царица пыталась получить прощение нового требовательного любовника за свои прошлые романы.

Рассказ о своей прошлой жизни она начала с обстоятельств своего замужества, а затем описала болезненные разочарования в последующих любовных отношениях. Ее искренний, полный раскаяния тон, едва ли не мольбы, показывал, как отчаянно она желала Потемкина. Она пыталась объяснить, как императрица Елизавета переживала за ее неудачи произвести на свет наследника престола, что и подтолкнуло ее на первую любовную интригу. Екатерина призналась, что под давлением императрицы и Марии Чоглоковой выбрала Сергея Салтыкова «преимущественно из-за его расположения». Затем Салтыкова отослали, «ибо он себя нескромно вел».

> «По прошествии года и великой скорби приехал нынешний король Польский [Станислав Понятовский] которого отнюдь не приметили, но добрые люди заставили пустыми подозрениями догадаться, что он есть на свете, что глаза были отменной красоты и что он их обращал (хотя так близорук, что далее носа не видит) чаще на одну сторону, нежели на другую. Сей был любезен и любим от 1755 до 1761. Но трехлетняя

отлучка, то есть от 1758, и старания князя Григория Григорьевича, которого добрые люди заставили приметить, переменили образ мыслей. Сей бы век остался, если б сам не скучал. Я сие узнала в самый день его отъезда на конгресс из Села Царского и просто сделала заключение, что о том узнав, уже доверия иметь не могу, мысль, которая жестоко меня мучила и заставила сделать из дешперации выбор кое-какой [Васильчикова], во время которого и даже до нынешнего месяца я более грустила, нежели сказать могу <…>

Потом приехал некто богатырь[Потемкин]. Сей богатырь по заслугам своим и по всегдашней ласке прелестен был так, что услышав о его приезде, уже говорить стали, что ему тут поселиться, а того не знали, что мы письмецом сюда призвали неприметно его <…>

Ну, господин Богатырь, после сей исповеди могу ли я надеяться получить отпущение грехов своих. Изволишь видеть, что не пятнадцать, но третья доля из сих: первого по неволе да четвертого из дешперации я думала на счет легкомыслия поставить никак не можно; о трех прочих, если точно разберешь, Бог видит, что не от распутства, к которому никакой склонности не имею, и если б я получила смолоду мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась. Беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви. Сказывают, такие пороки людские покрыть стараются, будто сие происходит от добросердечия, но может статься, что подобная диспозиция сердца более есть порок, нежели добродетель. Но напрасно я сие к тебе пишу, ибо после того возлюбишь или не захочешь в армию ехать, боясь, чтоб я тебя позабыла. Но, право, не думаю, чтоб такую глупость сделала, и если хочешь на век меня к себе привязать, то покажи мне столько же дружбы, как и любви, а наипаче люби и говори правду».

Это письмо не только содержит интерпретацию романтических увлечений Екатерины, данную ею самой, но и показывает, какое влияние оказал Потемкин на ее личную жизнь. Потемкин понял это. Уверенный, что сумел затмить всех, кто был у Екатерины прежде, он написал ей, требуя то, что теперь считал принадлежащим ему по праву:

«Остаюсь непобуждаем я завистью к тем, кои моложе меня, но получили лишние знаки Высочайшей милости, а тем единственно оскорбляюсь, что не заключаюсь ли я

в мыслях Вашего Императорского Величества меньше прочих достоин? Сим будучи терзаем, принял дерзновение, <…>, просить, ежели служба моя достойна Вашего благоволения <…> разрешить сие сомнение мое пожалованьем меня в генерал-адъютанты Вашего Императорского Величества. Сие не будет никому в обиду, а я приму за верх моего счастия».

Звание генерал-адъютанта было официальным званием фаворита Екатерины, и тот факт, что присвоение его Потемкину никого бы не обидело, было абсолютной неправдой. Помимо Васильчикова, с мнением которого никто уже не считался, это оскорбило бы Орловых, Панина, большую часть двора, а также великого князя Павла, наследника престола. Проигнорировав все это, Екатерина ответила уже на следующий день в письме, официальный слог которого сочетался с довольно интимной, тонкой иронией:

«Господин Генерал-Порутчик! Письмо Ваше господин Стрекалов мне сего утра вручил. Я просьбу Вашу нашла столь умеренной в рассуждении заслуг Ваших, мне и Отечеству учиненных, что я приказала заготовить указ о пожалованье Вас генерал-адъютантом.

Признаюсь, что и сие мне весьма приятно, что доверенность Ваша ко мне такова, что Вы просьбу Вашу адресовали прямо письмом ко мне, а не искали побочными дорогами. В прочем пребываю к Вам доброжелательная Екатерина».

Екатерина написала генералу Александру Бибикову, который в то время руководил войсками, противостоящими Пугачеву, и сообщила ему, что хотела бы назначить Потемкина своим личным адъютантом, «и, поскольку он думает, что вы его любите, вы обрадуетесь сей новости, которую я вам сообщаю. Мне кажется, что, учитывая его преданность и верное служение мне, я сделала для него недостаточно, но его радость трудно описать. И я, глядя на него, сама рада тому, что рядом со мной находится столь счастливый человек». Также она сделала Потемкина подполковником Преображенской гвардии, самого знаменитого полка в империи, полковником которого являлась сама Екатерина. Несколько дней спустя английский министр, сэр Роберт Гуннинг, сообщил в Лондон об этих новшествах:

«Мистер Васильчиков, фаворит, оказался слишком ограниченным, чтобы иметь серьезное влияние или

завоевать доверие императрицы. Теперь на смену ему пришел человек, который, скорее всего, обретет и то, и другое, причем в самой наивысшей форме. Когда я сообщил Вашей Светлости, что выбор императрицы не одобрили и партия великого князя [включая Панина], и Орловы <…> вы не удивитесь, что это вызвало величайшее удивление у всех».

Пока новости распространялись среди придворных, графиня Румянцева написала своему мужу – генералу, который всего несколькими месяцами ранее был командиром Потемкина во время русско-турецкой войны. «Мой дорогой, теперь нам придется обращаться за прошениями к Потемкину».

Панин, несмотря на предупреждения, которые он высказывал Екатерине относительно Потемкина, был рад переменам, поскольку они означали уменьшение влияния Орловых. Никто не высказал участия беспомощному Васильчикову, который до сих пор жил во дворце и стал причинять серьезные неудобства. Екатерина была увлечена новым фаворитом и даже восхищалась его многочисленными победами над другими женщинами. «Не удивляюсь, что весь город бессчетное число женщин на твой счет ставил, – писала она ему. – Никто на свете столь не горазд с ними возиться, я чаю, как Вы». Однако она хотела, чтобы он принадлежал только ей. Не прошло и недели с написания ее «Искреннего признания», как она уже ждала, что Потемкин придет к ней ночью. На следующий день она писала ему:

> «Я не понимаю, что Вас удержало. <…> Вы <…> не пришли. Но не изволь бояться. Мы сами догадливы. Лишь только что легла и люди вышли, то паки встала, оделась и пошла в библиотеку к дверям, чтоб Вас дождаться, где в сквозном ветре простояла два часа; и не прежде как уже до одиннадцатого часа в исходе я пошла с печали лечь в постель, где по милости Вашей пятую ночь проводила без сна <…> как бы то ни было, но хочу тебя видеть и нужду в том имею».

Потемкин продолжал ревновать к каждому и возмущался всякий раз, когда она уделяла внимание другому мужчине. Однажды в театре, когда Екатерина дружелюбно заговорила с графом Григорием Орловым, Потемкин выбежал из императорской ложи. Екатерина предупредила его, что он должен смягчить свое поведение в отношении ее бывшего любовника:

> «Только одно прошу не делать: не вредить и не стараться вредить Князю Орлову в моих мыслях, ибо я сие почту за неблагодарность с твоей стороны. Нет человека, которого он более мне хвалил и, по видимому мне, более любил и в прежнее время и ныне до самого приезда твоего, как тебя. А если он свои пороки имеет, то ни тебе, ни мне непригоже их расценить и расславить. Он тебя любит, а мне они [братья Орловы] друзья, и я с ними не расстанусь. Вот тебе нравоученье: умен будешь – примешь; не умно будет противоречить сему для того, что сущая правда».

В апреле Потемкин переехал в покои, находившиеся прямо под покоями императрицы: теперь их спальни соединяла отдельная винтовая лестница, устланная зеленым ковром. Поскольку у них был разный режим – Екатерина обычно вставала и начинала работу в шесть утра и ложилась спать в десять, а Потемкин часто беседовал и играл в карты с друзьями до рассвета, а после вставал к полудню – они нечасто спали в одной постели. Вместо этого по вечерам он поднимался по лестнице, или же Екатерина спускалась вниз, чтобы провести время вместе.

Когда они стали любовниками, Екатерине исполнилось сорок четыре, и она была на десять лет старше Потемкина. Склонная к полноте, она по-прежнему сохраняла острый ум и энергичность. Потемкин видел, что его страсть к этой женщине находила бурный ответ, и это делало ее еще более привлекательной. Он мог вести блестящую жизнь фаворита и пользоваться благами, которые давало ему это положение. Однако Потемкин не хотел оставаться лишь источником интимных радостей для императрицы. Он старался вести активную жизнь, брать на себя серьезную ответственность и намеревался добиться своих целей с помощью женщины, которая воплощала собой Россию.

Екатерина была рада принять его в этой роли. Она считала Потемкина самым привлекательным мужчиной изо всех, кого встречала, и почти не замечала его поврежденного глаза. В тридцать три года он стал набирать вес, его тело уже не было таким стройным, как прежде. Привычка кусать ногти перешла у него в подобие одержимости. Но это не имело значения. Екатерина писала Гримму: «Я рассталась с, несомненно, прекрасным, но очень скучным человеком [Васильчиковым], коему тут же была найдена замена – сама не знаю как – в лице одного из самых великолепных, самых удивительных и занимательных эксцентриков железного века».

Ссоры бывали с самого начала их отношений. И дня не проходило без сцен, и почти всегда начинал Потемкин, а Екатерина делала первый шаг к примирению. Он не верил в постоянство ее чувств к нему, изводил и ее, и себя вопросами и упреками. Поскольку большая часть его писем и заметок утрачены, сохранилась лишь незначительная часть того, что он писал к ней, но письма Екатерины к Потемкину дают представление о том, что он говорил ей. В любом случае она старалась смягчить его и льстила ему, как капризному ребенку:

> «Нет, Гришенька, статься не может, чтоб я переменилась к тебе. Отдавай сам себе справедливость: после тебя можно ли кого любить. Я думаю, что тебе подобного нету и на всех плевать. Напрасно ветреная баба меня по себе судит. Как бы то ни было, но сердце мое постоянно. И еще более тебе скажу: я перемену всякую не люблю.
>
> Незачем сердиться. Только нет, пора перестать тебе дать уверения: ты должен уже быть преуверен, что я тебя люблю <…, Я хочу, чтоб ты меня любил. Я хочу тебе казаться любезною <…, Хочешь, я сделаю тебе экстракт из сей страницы в двух словах, и все прочее вымараю: а вот он – я тебя люблю.
>
> Миленький, как тебе не стыдно. Какая тебе нужда сказать, что жив не останется тот, кто место твое займет. Похоже ли на дело, чтоб ты страхом захотел приневолить сердце. Самый мерзкий способ сей непохож вовсе на твой образ мысли, в котором нигде лихо не обитает».

Но не только ревность, но также и тревога за то, что его положение могло быть временным, толкало Потемкина на эти ссоры. Он не желал, чтобы с ним обращались лишь как с новым фаворитом императрицы. Есть письмо от него, на полях которого Екатерина сделала пометки, а затем отослала ему. Это письмо демонстрирует, как протекала одна из их ссор и как произошло примирение:

Рукой Потемкина	Рукой Екатерины
Позволь, голубушка, сказать последнее, чем, я думаю, наш процесс и кончится. Не дивись, что я беспокоюсь в деле любви нашей. Сверх бессчетных благодеяний твоих ко мне, поместила ты меня у себя на сердце. Я хочу быть тут один преимущественно всем прежним для того, что тебя никто так не любил; а как я дело твоих рук, то и желаю, чтоб мой покой был устроен тобою, чтоб ты веселилась, делая мне добро; чтоб ты придумывала все к моему утешению и в том бы находила себе отдохновение по трудах важных, коими ты занимаешься по своему высокому званию. Аминь	Дозволяю. Чем скорее, тем луче. Будь спокоен. Рука руку моет. Твердо и крепко. Есть и будешь. Вижу и верю. Душою рада. Первое удовольствие. Само собою придет. Дай успокоиться мыслям, дабы чувства действовать свободно могли; они нежны, сами сыщут дорогу лучшую. Конец ссоры. Аминь.

Так в жизни Екатерины начался новый период – у нее появился любовник и партнер, который дал ей почти все, о чем она мечтала. Их близкие отношения позволяли Потемкину входить в ее комнату по утрам, одетым лишь в ночную рубашку на голое тело, хотя в комнате находились посетители и придворные. Потемкин не обращал на них никакого внимания, все его мысли были заняты разговором, прерванным несколько часов назад, когда Екатерина заявила, что должна немного поспать, покинула его покои и вернулась к себе.

Поскольку днем они работали в разных частях дворца, их беседы продолжались в форме переписки. В этих письмах заверения в любви соседствовали с обсуждениями государственных дел, придворными слухами, полными укоризны упреками и заботами о здоровье влюбленных. Екатерина называла его: «моим золотым фазаном», «миленьким голубчиком», «котенком», «батенькой», «родной душой», «маленьким попугаем», «Гришей» и «Гришенькой». А также «казаком», «московом», «львом в тростнике», «тигром», «гяуром», «моим добрым господином», «князем», «Вашим

превосходительством», «Вашим высочеством» и «Красавцем моим миленьким, на которого ни единый король непохож». Обращения Потемкина к Екатерине были более официальными, что подчеркивало разницу в их положениях: «Матушка», «Мадам» или «Ваше Императорское Величество». Екатерина переживала из-за того, что он носил ее маленькие записки в кармане, часто доставал их и перечитывал. Она боялась, что однажды он обронит одну из них и она попадет не в те руки.

Для человека с расчетливым немецким умом, привыкшего строго контролировать себя, сильные эмоции, которые Екатерина переживала с Потемкиным, одновременно помогали ей освободиться и отвлекали ее. Она должна была выбирать между волнующими и изматывающими сексуальными удовольствиями и обязанностями правительницы. Екатерина старалась все совмещать, и ее переполняли различные мысли. Она не могла быть с Потемкиным всякий раз, как ей этого хотелось, поэтому постоянно думала о нем. Ее мысли были полны им, пока она изучала бумаги или слушала бесконечные официальные донесения. Так как Екатерина не имела возможности проводить эти часы в общении с ним, она изливала всю свою любовь в этих маленьких записках.

Потемкин также был поглощен страстью, но не мог избавиться от тревоги. Он понимал, что своим привилегированным положением был обязан исключительно императрице, что именно она приблизила, а затем отослала Васильчикова, а значит, и от него она может избавиться в любой момент. Конечно, существовала мера, которая могла радикально изменить его статус. Его планы были экстравагантны, практически неосуществимы и напоминали скорее мечты – он хотел узаконить их отношения посредством брака. Потемкин говорил с императрицей об этом вскоре после того, как стал ее официальным фаворитом, и его власть над ней оказалась так сильна, что она даже задумалась над его предложением. Екатерине непросто было принять решение: она боялась потерять власть. Но на этот раз ради любви к Потемкину она могла и согласиться.

Существует довольно распространенная (но не подтвержденная) версия по поводу вероятной свадьбы Екатерины и Потемкина.

Для заключения брака, согласно православным традициям, требовались церковь, священник и свидетели. Все приготовления были выполнены заранее. 8 июня 1774 года после обеда в честь Измайловского полка Екатерина, одетая в военную форму, в сопровождении своей любимой горничной села в лодку на

Фонтанке, пересекла Неву и вышла на Выборгской стороне, где ее ожидала карета без гербов, которая отвезла ее в церковь Святого Самсония. Там уже находился Потемкин в генеральском мундире. На церемонии присутствовало только пять человек: Потемкин, Екатерина, ее горничная, ее камергер и племянник Потемкина Александр Самойлов. Брачный союз был заключен.

Насколько правдива эта история? Никаких документальных подтверждений не существует, но есть другие свидетельства. В 1782 году сэр Роберт Кит, британский посол в Австрии, во время прогулки с императором Иосифом II спросил его мнение по поводу доходивших до него слухов. «Похоже, сир, что влияние князя Потемкина уменьшается?» «Напротив, – ответил император, – даже трудно себе представить, насколько оно возросло. Императрица России не желает с ним расставаться, и по тысяче причин и из-за того, что их связывают самые разные узы, ей будет непросто избавиться от него, даже если она этого захочет». Если Потемкин был обычным фаворитом, то почему Екатерина не могла от него избавиться? Она отослала даже Орлова, который вместе с братьями помог ей взойти на престол и который был отцом ее сына, князя Бобринского. Однако в случае если они вступили в брак, все менялось. Возможно, именно на это намекал император.

Послы, как и императоры, любят делать вид, будто обладают особыми сведениями. Филипп де Сегюр, французский посол в Санкт-Петербурге, сообщил в 1788 году в Версаль, что Потемкин обладает «определенно тайными и неотъемлемыми правами, которые обеспечивают ему продолжительные привилегии… Счастливый шанс позволил мне узнать об этом после тщательного изучения. Я должен при первой же возможности сообщить об этом королю». Но такого случая так и не представилось. Год спустя произошла Французская революция. Сегюр вернулся домой, а через пять лет король Людовик XVI был обезглавлен на гильотине.

Самое веское доказательство заключалось в том, как изменился текст посланий Екатерины, которые она ежедневно писала Потемкину, начиная с весны 1774 года. Она обращалась к нему как «супруг милой» или «нежный муж» и подписывалась как «любящая вас верная жена». Екатерина никогда ни к кому из своих любовников, которые были до или после Потемкина, не обращалась как к «мужу» и сама никогда не называла себя «женой». В июне и июле 1774 года, сразу же после замужества – если таковое имело место быть – она писала: «Я тебя чрезвычайно и без памяти люблю, друг милой, целую и обнимаю душою и телом, муж дорогой». Несколько дней спустя: «Дорогой супруг,

изволь приласкаться. Твоя ласка мне и мила и приятна».

Однако самое серьезное доказательство предоставляет нам история России. После того как физическая страсть стала утихать, Екатерина и Григорий Потемкин по-прежнему сохраняли особые отношения, которые часто были непонятны окружающим. Брачный союз кажется наиболее вероятным этому объяснением. Если они были тайно обвенчаны и по-прежнему глубоко привязаны друг к другу, это могло объяснить, почему Потемкин до конца жизни пользовался столь необычайным авторитетом в империи Екатерины. В течение этого времени – более пятнадцати лет – он отвечал Екатерине глубокой преданностью и сильной страстью. И они сохранили эту привязанность даже после того, как в жизни обоих появились новые любовные увлечения.

60
Восхождение Потемкина

Потемкин быстро поднялся к вершинам власти. Его назначения генерал-адъютантом при императрице и подполковником Преображенской гвардии стали первым ощутимым знаком его восхождения, затем последовали другие титулы, почести и привилегии. 6 мая 1774 года сэр Роберт Ганнинг сообщил в Уайтхолл: «Не было еще ни одного примера столь быстрого взлета. Вчера генералу Потемкину позволили присутствовать на заседании Тайного совета». Месяц спустя Потемкин был назначен председателем военного ведомства и генерал-губернатором Новороссии – обширных территорий, простиравшихся к северу от Крыма и Черного моря. За его заслуги в русско-турецкой войне он был награжден украшенной бриллиантами шпагой и усыпанным алмазами миниатюрным портретом императрицы, который носил у самого сердца, подобный подарок прежде имелся лишь у Григория Орлова. Он получал самые высшие российские и зарубежные награды: сначала под Рождество 1774 года орден Святого Андрея – высшую награду Российской империи; затем последовали прусский орден Черного Орла и польский – Белого Орла, датский орден Белого Слона и шведский – Святого Серафима. Екатерина не всегда добивалась успеха в украшении своего героя. Австрия отказалась сделать Потемкина рыцарем Золотого руна, поскольку он не был католиком; при попытке наградить его орденом Подвязки в Великобритании она получила решительный отказ от короля Георга III. Московский университет, исключивший в свое время Потемкина за лень, присвоил ему почетную ученую степень. Когда Потемкин общался с одним из профессоров, выступавшим за его отчисление, он спросил: «Вы помните, как вышвырнули меня?» «Тогда вы этого заслужили», – ответил профессор. Потемкин рассмеялся и похлопал старика по спине.

Екатерина присылала Потемкину драгоценности, меха, фарфор и мебель. Она оплачивала его еду и вино, на которые тратилось около ста тысяч рублей в год. Пять дочерей его вдовствующей сестры, Марии Энгельгард, были представлены ко двору и все пять стали фрейлинами. Екатерина была внимательна к матери Потемкина. «Я заметила, что ваша матушка, очень утонченная особа, но у нее нет часов, – сказала она однажды. – Вот, я прошу вас передать это ей».

Когда Потемкин впервые попросил позволить ему войти в

императорский совет, Екатерина ему отказала. Последующие события французский дипломат описывал следующим образом:

> «В субботу, мне довелось сидеть за столом рядом с… [Потемкиным] и императрицей, и видел, что он не только не говорил с ней, но даже не отвечал на ее вопросы. Императрица была раздражена и сильно огорчена. Встав из-за стола, она удалилась одна, а когда вернулась, ее глаза были красными. В понедельник она казалась более веселой. В тот же день он вошел в Совет».

Потемкин понимал, что его возвышение вызывало сильную зависть и что его дальнейшее будущее зависело не только от отношений с Екатериной, но и от личных достижений. При дворе быстро поняли, что новый фаворит не был ни марионеткой, как Васильчиков, ни добродушным праздным обывателем вроде Григория Орлова. Придворные разделились на тех, кто пытался снискать расположение этой новой фигуры, и тех, кто противостоял Потемкину.

Никита Панин оказался меж двух огней. Он был против быстрого продвижения Потемкина, но ненавидел Орловых и стремился преодолеть свое недоверие к амбициозному новичку. Сначала Потемкин старался завоевать расположение Панина ради собственной выгоды, поскольку надеялся таким образом примириться с великим князем Павлом. Панин обладал большим влиянием: он был наставником Павла в его детские годы, а также помог Екатерине взойти на трон. Именно эти заслуги, а вовсе не его нынешняя должность в министерстве иностранных дел, позволяли ему по-прежнему оставаться во дворце. «Пока моя постель находится во дворце, я не потеряю своего влияния», – сказал он однажды. Попытки Потемкина приблизиться к Павлу и старому советнику имели неоднозначный результат. Пока Потемкин не покушался на привилегии Панина в решении государственных дел, отношения между ними оставались нейтральными. Однако великий князь Павел был настроен против всех, кто оказывался близок к его матери, и попытки Потемкина наладить с ним отношения оказались безрезультатными.

Весной 1774 года, пока продолжалась война с Турцией, а дело с восстанием Пугачева еще не было решено, Потемкин получил дополнительные назначения. Екатерина приказала передавать ему все бумаги и донесения касательно мятежа. Вскоре он стал проводить все дни за составлением документов, чтением писем и помощи ей в принятии решений. Она консультировалась с ним по любому вопросу, от важных

государственных дел до мелких личных вопросов. Он поправлял ее, когда она делала ошибки в русском произношении, а также грамматике и стиле не только в официальных документах, но и в частной корреспонденции. «Если ошибок нет в орфографии, – писала она ему, – то возврати, и я запечатаю. А если есть, прошу поправить и прислать». Между тем за пределами дворца Потемкин решал военные, финансовые и административные вопросы министерства иностранных дел. Он участвовал в обсуждениях стратегии, установлении квот на вербовку солдат, разработке военной формы, закупках лошадей для армии, составлял списки кандидатов на присвоение военных наград и почестей. Потемкин присутствовал на заседаниях Императорского совета, где со временем все чаще начал оспаривать аргументы и решения своих старших коллег.

Екатерину впечатляли и радовали его достижения, но она жаловалась, что дела занимали у него слишком много времени. Они виделись все реже. «Нет, уж и в девять часов тебя невозможно застать спящего! – возмущалась она. – Я приходила, а у тебя, сударушка, люди ходят и кашляют, и чистят. А приходила я за тем, чтоб тебе сказать, что я тебя люблю чрезвычайно». В другой раз она писала: «Сто лет, как я тебя не видала. Как хочешь, но очисти горницу, как приду из Комедии, чтоб прийти могла. А то день несносен будет, и так ведь грустно проходил».

Несмотря на любовь, войну и восстание, теология и вопросы церкви по-прежнему чрезвычайно интересовали Потемкина. Он был готов оставить важные политические и военные встречи, чтобы принять участие в теологической дискуссии. Он с удовольствием принимал у себя любого клерикала, выдающегося или малоизвестного, православного или старовера, католического священника или иудейского раввина. Он любил окружать себя новыми интересными людьми и никогда не упускал возможности поговорить с мужчинами или женщинами, которые совершили путешествия: он старательно запоминал все, что ему рассказывали. Его отношения с иностранными дипломатами были не особо близкими, поскольку он считал необходимым поддерживать хорошие отношения с Паниным. В то же самое время он не оставался совсем уж безучастным к международным делам. На юбилее восхождения Екатерины на престол весь дипломатический корпус пригласили на роскошный обед в Петергофе. Хозяином вечера был Потемкин, а не Панин.

Первая возможность проявить свой талант в организации массовых развлечений появилась в начале 1775 года, когда Екатерина праздновала окончание войны с Турцией. Именно Потемкин убедил ее организовать празднования в Москве,

древней столице России и сердце империи. Он стал организатором и церемониймейстером парадов, фейерверков, иллюминаций, балов и банкетов. Именно в этой роли Потемкин серьезно противопоставил себя Никите Панину. Екатерина дала Потемкину инструкции, касавшиеся наград для героев войны, и Никита Панин решил, что его брат, генерал Петр Панин, получил недостаточно почестей. Потемкин был вынужден признаться, что сама императрица принимала решение, а он лишь исполнял ее волю. Вскоре конфликт усилился частыми вмешательствами Потемкина в дела, которые Панин считал исключительно своей прерогативой – международную политику. Панина раздражало, что на заседаниях совета Потемкин спорил и противоречил ему. Когда прибыло донесение, касавшееся беспорядков в Персии, Потемкин заявил, что в интересах России будет поддержать эти волнения, Панин же ответил, что никогда не будет участвовать в подобной политике. Тогда Потемкин встал и вышел из комнаты.

В то время Екатерина приняла без участия Потемкина лишь одно политическое решение. Летом 1775 года король Георг III Английский попросил предоставить ему на условиях аренды русские войска, чтобы сражаться с их помощью против восставших колоний в Америке. Первая по этом делу инструкция поступила британскому послу в России сэру Роберту Гуннингу 30 июня 1775 года от герцога Суффолка из министерства иностранных дел:

> «В связи с восстанием в значительной части американских колоний Его Величества было бы благоразумно искать любую возможность получить подкрепление. Вам необходимо узнать, возможно ли использовать иностранные войска в Северной Америке. Его Величество, возможно, обратится к императрице России с просьбой обеспечить его необходимым количеством пехоты для данных целей. Не буду говорить вам о том, что данное поручение носит весьма деликатный характер. Какие бы аргументы вы не использовали при беседе с мистером Паниным или с императрицей, вы должны быть очень осторожны и непринужденны, чтобы у всех создалось впечатление, что вы лишь высказываете свое мнение в праздной беседе, а никак не делаете предложение».

Вскоре британское правительство более четко обозначило свою позицию. Им нужны были российские войска в количестве двадцати тысяч пехотинцев и одной тысячи казацкой конницы, за

которые Британия была готова понести любые расходы, включая транспортировку в Америку, полное обеспечение и жалованье. Екатерина размышляла над этой просьбой. Она была в долгу у английского короля за помощь, оказанную пять лет назад, когда русский флот шел из Балтики в Средиземное море – морской переход, который привел к победе русского флота над Турцией в Чесменской бухте. Ей льстило, что в Англии так уважали ее солдат. И она сочувствовала трудностям, с которыми столкнулся король Георг III – она сама только что подавила серьезное восстание Пугачева. Тем не менее она отказала королю в его просьбе. Когда она сделала это, Гуннинг обратился к Панину, а затем к еще одному влиятельному лицу – Потемкину, но Екатерина была непреклонна. Даже личное письмо от короля Георга не смогло переубедить ее. Она ответила королю в дружественном тоне и пожелала ему успеха, но все равно отказала в помощи. Главная причина столь неожиданного решения заключалась в том, что Екатерина связывала будущее России с новыми землями и с Черным морем. Несмотря на мирный договор с Турцией, она чувствовала, что это было лишь временное затишье, и вскоре могла начаться новая война. И Екатерина знала, что когда война начнется, ей самой понадобятся эти двадцать тысяч солдат[9].

61
Екатерина и Потемкин: расставание

Несмотря на сильную страсть в самом начале их романа, отношения Екатерины и Потемкина никогда не были гладкими. После первой зимы и весны, проведенных вместе, в письмах, которые Екатерина адресовала своему фавориту, страсть уступила место разочарованию, утрате иллюзий, раздражению, ожесточению и боли. Екатерина сожгла большую часть писем Потемкина к ней, но из ее собственных писем можно понять точку зрения обеих сторон:

> «Милой друг, я не знаю почему, но мне кажется, будто я у тебя сегодня под гневом. Если же нет, и я ошибаюсь, то тем лучше. И в доказательство сбеги ко мне. Я тебя жду в спальне, душа моя желает жадно тебя видеть.
>
> Длинное Ваше письмо и рассказы весьма изрядны, но то весьма глупо, что ни единое ласковое слово нету. Мне что нужда до того, кто как врет в длину и поперек, а Вы, превираючи, мне казалось, по себе судя, обязаны были вспомнить, что и я на свете и что я ласку желать право имею.
>
> Вы расположены к ссоре. Скажите мне, когда это настроение пройдет.
>
> Душенька, я взяла веревочку и с камнем, да навязала их на шею всем ссорам, да погрузила их в прорубь. Не прогневайся, душенька, что я так учинила. А буде понравится, изволь перенять.
>
> Друг мой, вы сердиты, вы дуетесь на меня, вы говорите, что огорчены, но чем? Тем, что сегодня утром я написала вам бестолковое письмо? Вы мне отдали это письмо, я его разорвала перед вами и минуту спустя сожгла. Какого удовлетворения можете вы еще желать? Даже церковь считает себя удовлетворенной, коль скоро еретик сожжен. Моя записка сожжена. Вы же не пожелаете сжечь и меня также? Но если вы будете продолжать дуться на меня, то на все это время убьете

мою веселость. Мир, друг мой, я протягиваю вам руку. Желаете ли вы принять ее?

Батенька, голубинька, сделай со мной Божескую милость: будь спокоен, бодр и здоров, и будь уверен, что я всякое чувство с тобою разделяю пополам. После слез я немного бодрее и скорбит меня только твое беспокойство. Милой друг, душа моя, унимай свое терзанье, надо нам обеим успокоение, дабы мысли установились в сносном положенье, а то будем, как шары в игре в мяч».

13 января 1776 года Екатерина написала своему послу в Вене и распорядилась, чтобы он попросил у императора Иосифа II присвоить ее фавориту титул князя Священной Римской империи. Этот титул не требовал, чтобы носившая его персона исповедовала католицизм, и был присвоен Потемкину в марте 1776 года. Теперь к нему обращались как к «князю» и «вашей светлости».

21 марта 1776 года Екатерина подписала указ, позволявший ему пользоваться этим титулом. Однако между ними произошел какой-то разлад, и через несколько дней после того, как Екатерина послала ему гневную записку, она написала письмо в оправдание:

«От Вашей Светлости подобного бешенства ожидать надлежит, буде доказать Вам угодно в публике так, как и передо мною, сколь мало границы имеет Ваша необузданность. И, конечно, сие будет неоспоримый знак Вашей ко мне неблагодарности, так как и малой Вашей ко мне привязанности, ибо оно противно как воле моей, так и несходственно с положением дел и состоянием персон. Венский двор один. Из того должно судить, сколь надежна я есмь в тех персонах, коих я рекомендую им к вышним достоинствам. Так-то оказывается попечение Ваше о славе моей».

Затем она изменила подход и обратилась с другой просьбой:

«Владыка и дорогой супруг! Я зачну ответ с той строки, которая более меня трогает: кто велит плакать? Для чего более дать волю воображению живому, нежели доказательствам, глаголющим в пользу твоей жены? Два года назад была ли она к тебе привязана Святейшими узами? Голубчик, изволишь подозревать невозможное.

Переменяла ли я глас, можешь ли быть нелюбим? Верь моим словам, люблю тебя и привязана к тебе всеми узами. Теперь сам личи: два года назад были ли мои слова и действия в твоей пользы сильнее, нежели теперь?

Когда ни поступки, ни слова не могут служить доказательством, тогда или воображение наполнено пустотою и своенравием, либо подозрением равномерна пустым. Как бы то ни было, не имев на сердце, ни за душою оскорбительной для тебя мысли, пребываю в надежде, что бред сей поскорее кончится, чему истинная пора.

Бог да простит Вам, по моему желанию, пустое отчаяние и бешенство не токмо, но и несправедливости, мне оказанные <…> Катарина никогда не была бесчувственная. Она и теперь всей душою и сердцем к тебе привязана <…> Она иного тебе не говорила и, снося обиды и оскорбления (читай вчерашнее ея письмо), увидишь, что ты найдешь всегда, как ее желать можешь. Я не понимаю, почему называешь себя немилым и гадким, а меня милостивой ко всем, опричь тебя. Не прогневайся, сии суть три лжи. В милости по сю пору ты первый. Гадким и немилым едва быть ли можешь <…> Я верю, что ты меня любишь, хотя и весьма часто и в разговорах твоих и следа нет любви <…> Кто более желает покой и спокойствие твое, как не я?»

В мае 1776 года Потемкин ответил на ее письмо, касавшееся отсутствия должного контроля в Преображенской гвардии. Глубоко обиженый Потемкин ответил:

«Вы изволили мне приказать: «такого-то смотреть сквозь пальцы». Я, Всемилостивейшая Государыня, где смотрю, там смотрю не сквозь пальцы. Отступаюсь же там, где у меня вырвутся из пальцев. Но, когда бы перестали мои способности или охота, то можно избрать лучшего, нежели я, на что я со всей охотой согласен».

Ответ Екатерины был следующим:

«Прочитала я тебе в угодность письмо твое <…> Бога для опомнись <…> Не в твоей ли воле уничтожить плевелы и не в твоей ли воле покрыть слабость, буде бы

она место имела. От уважения, кое ты дашь или не дашь сему делу, зависит рассуждение и глупой публики».

Теперь Потемкин постоянно казался Екатерине сердитым, каким бы темам ни были посвящены ее письма, в них отражалось ее стремление к спокойствию и гармонии. В минуты примирения они обменивались заверениями, что их страсть не угасла. Однако со временем постоянные вспышки гнева Потемкина утомили императрицу. Наконец, настал момент, когда она предупредила, что если Потемкин не изменит своего поведения, то у нее не останется выбора и ей придется отказаться от его любви в целях самосохранения. Екатерина устала от непрерывных ссор. Она надеялась найти в Потемкине спасение от постоянного напряжения и одиночества, на которые обрекала ее власть, но теперь их отношения стали еще одним бременем для нее. Его тяжелый нрав и постоянное недовольство стали принимать публичный характер. Потемкин стал делиться своими проблемами со своими родственниками, даже описывать свои ссоры с Екатериной. Она писала ему:

> «… чтоб свету дать таковую комедию, Вашим и моим злодеям торжество. Я не знала по сию пору, что Вы положения сего собора исполняете и что они так далеко вникают в то, что меж нами происходит. В сем я еще с Вами разномыслю. У меня ни единого есть конфидента в том, что до Вас касается, ибо почитаю Ваши и мои тайны и не кладу их никому на разбор <…> стократно тебе сие повторяю и повторяла. Перестань беситься, сделай милость для того, чтобы мой характер мог вернуться к натуральной для него нежности. Впрочем, вы заставите меня умереть».

Ответ Потемкина:

> «Вот, матушка, следствие Вашего приятного обхождения со мною на прошедших днях. Я вижу наклонность Вашу быть со мною хорошо. Но довели и до того, что Вам ко мне милостивой быть становится уже не в Вашей воле. Я приехал сюда, чтоб видеть Вас для того, что без Вас мне скучно и несносно. Я видел, что приезд мой Вас стеснял. Я не знаю, кому и чему Вы угождаете, только то знаю, что сие и ненужно и напрасно. Кажется, Вы никогда не бывали так стеснены. Всемилостивейшая Государыня, я для Вас хотя в огонь, то не отрекусь. Но, ежели, наконец, мне определено быть от Вас изгнанным,

то лучше пусть это будет не на большой публике. Не замешкаю я удалиться, хотя мне сие и наравне с жизнью».

К тому времени связь Потемкина с императрицей длилась уже два с половиной года, и тучи продолжали сгущаться над ними. Потемкин постоянно упрекал ее, будто она плела интриги с целью от него избавиться, а также в том, что она оставляла в своем окружении его врагов; Екатерина жаловалась, что он уже не был таким же любящим, нежным и веселым, как прежде. Краткие перемирия сменялись продолжительными ссорами. Иногда его вызывающее поведение так утомляло ее, что она, обычно быстро прощавшая и всегда делавшая первый шаг к примирению, сама давала волю чувствам. Однако ее гнев никогда не был продолжительным, и если Потемкин, продолжал сердиться, а Екатерина в течение нескольких дней с ним не виделась, она чувствовала себя несчастной. Поворотный момент в их отношениях приближался, и Екатерина это понимала:

«Нежное твое со мною обхождение везде блистает и колобродство твоих толков всегда одинаковое тогда, когда менее всего ожидаешь. <…> Сумасбродство тебя милее нету, как беспокойство твое собственное и мое, а спокойствие есть для тебя чрезвычайное и несносное положение. Благодарность, которою я тебе обязана, не исчезла, ибо не проходило, чаю, время, в которое бы ты не получал о том знаки. Но притом и то правда, что дал мне способы царствовать, отнимаешь сил души моей, растерзая ее непрестанно новыми и несносными человечеству выдумками. Сладкая позиция, за которую прошу объяснить: надлежит ли же благодарить или нет. Я думала всегда, что здоровье и покойные дни во что-нибудь же в свете почитают? Я бы знать хотела, где и то, и другое с тобою быть может?»

С горечью пытаясь проанализировать причины их разлада, она начинала с сарказма:

«Иногда, слушая вас, можно сказать, что я чудовище, имеющее все недостатки и в особенности же глупость. Я ужасно скрытная. И если я огорчена, если я плачу, то это не от чувствительности, но совсем по иной причине. Следовательно, нужно презирать это и относиться ко мне свысока. Прием весьма нежный, который не может не воздействовать на мой ум. Все же этот ум, как бы зол и

ужасен он ни был, не знает других способов любить, как делая счастливыми тех, кого он любит. И по этой причине для него невозможно быть, хоть на минуту, в ссоре с теми, кого он любит, не приходя в отчаяние. И тем более невозможно ему быть постоянно занятым упреками, направленными то на одно, то на другое, каждую минуту дня. Мой ум, наоборот, постоянно занят выискиванием в тех, кого он любит, добродетелей и заслуг. Я люблю видеть в вас все чудесное. Скажите на милость, как бы вы выглядели, если бы я постоянно упрекала вас за все недостатки ваших знакомых, всех тех, кого вы уважаете или которые вам служат? Если бы я делала вас ответственным за все глупости, которые они делают, были бы вы терпеливы или нет?! Если же, видя вас нетерпеливым, я сердилась бы, встала бы и убежала бы, хлопая дверьми, а после этого избегала бы вас, не смотря на вас, и даже бы притворялась более холодной, чем на самом деле; если бы я к этому добавила угрозы – значит ли это, что я важничала? Наконец, если после всего этого у вас голова также разгорячена и кровь кипит, было бы удивительно, что мы оба не в своем уме, не понимали друг друга и говорили одновременно. Христа ради выискивай способ, чтоб мы никогда не ссорились. А ссоры – всегда от постороннего вздора. Мы ссоримся о власти, а не о любви. Вот те истина».

И это действительно было правдой, в этом и крылась главная проблема. Вопрос власти всегда мучил Потемкина. Он жаждал власти, и она всегда легко приходила к нему. Так было в детстве, когда он был единственным сыном в семье, кумиром своей матери и пяти сестер. Так было и в университете, когда, поступая, он заявил, что будет командовать либо солдатами, либо монахами. Он искал признания, именно это подтолкнуло его преподнести портупею новой императрице, а также имитировать ее голос и акцент, чтобы рассмешить ее. Это было его целью, когда он покинул армию и поспешил в Санкт-Петербург, надеясь стать новым фаворитом. Теперь он регулярно получал титулы, богатство, земли и высокие чины. Императрица вознесла его на невероятную высоту и, возможно, заключила с ним брачный союз. Чего же ему еще оставалось желать? Какой еще властью могла наделить его Екатерина? Потемкин был первым человеком в империи, но оставался несчастным и неудовлетворенным. Он давал понять, что всех предлагаемых ему благ: титулов, орденов, денег – было недостаточно. Он хотел высшей, неограниченной

власти.

Но проблема заключалась в том, что все его достижения, награды и положение целиком и полностью зависели от Екатерины. Он прекрасно осознавал это. Потемкин видел, что, если их разлады продолжатся, не исключено, что однажды императрица может взять верх над женщиной, и тогда она обратит на него свой гнев и избавится от него. В таком случае он станет кем-то вроде оступившегося Орлова или жалкого Васильчикова. Он не хотел рисковать. Наступал момент сделать выбор между любовью и властью. Потемкин выбрал власть. Это означало, что он должен был отказаться от любви и от Екатерины. Разумеется, не полностью. Хотя природа их интимных отношений изменилась, их связь непостижимым для двора образом по-прежнему оставалась настолько сильна, что политическое влияние Потемкина не ослабло, а, казалось, напротив, усилилось.

Двор, наблюдавший за переменой в отношениях между любовниками, считал, что в скором времени Потемкин будет отправлен в отставку. 22 июня 1776 года, когда все узнали, что императрица подарила ему Аничков дворец, который императрица Елизавета построила на Невском проспекте для Алексея Разумовского, все решили, что этот подарок сделан для того, чтобы обеспечить Потемкина новой резиденцией после его переезда из Зимнего дворца. Отчасти это было правдой. Готовясь к фактическому разрыву, Екатерину занимал вопрос, где Потемкин будет жить. Она предложила ему остаться в Зимнем дворце, но также решила подыскать другое место, где он при желании мог бы поселиться. Потемкин, который неоднократно угрожал, что уйдет от нее, принялся жаловаться, когда она поймала его на слове. Екатерина ответила ему:

> «Батенька, видит Бог, я не намерена тебя выживать изо дворца. Пожалуй, живи в нем и будь спокоен <…> Буде же для диссипации на время уроненное ты находишь за лучший способ объездить губернии, о том препятствовать не буду. Возвратясь же, изволь занять свои покои во дворцах по-прежнему. Впрочем, свидетельствуюсь самим Богом, что моя к тебе привязанность тверда и неограниченна и что не сердита. Только сделай одолжение – пощади мои нервы».

Потемкин поблагодарил ее, но ответ его был уклончивым:

> «Всемилостивейшая Государыня! По сообщению <… > о пожалованье мне дома Аничковского я лобызаю

ноги Ваши. Приношу наичувствительнейшую благодарность. Милосерднейшая мать, Бог, дав тебе все способы и силу, не дал, к моему несчастию, возможности знать сердца человеческие. Боже мой, внуши моей Государыне и благодетельнице, сколько я ей благодарен, сколько предан и что жизнь моя в Ея службе. Всемилостивейшая Государыня, имей в твоем покрове и призрении человека, тебе преданного душою и телом, который наичистосердечнейшим образом по смерть

Вашего Величества
вернейший и подданнейший раб
Князь Потемкин»

Потемкин никогда не жил в Аничковом дворце. После восстановительных работ он использовал его для вечерних увеселений, когда бывал в Санкт-Петербурге. А через два года продал его.

Орловы, представившие Потемкина Екатерине, теперь его возненавидели. Считая, что отставка нового фаворита была неизбежной, Алексей Орлов воспользовался своим привилегированным положением, чтобы поговорить с императрицей по душам, и сказал ей, что она должна осознавать, какой вред причиняет ей фаворит и как важно было отослать его. Орлов пошел дальше: «Вы знаете, государыня, я ваш раб. Моя жизнь посвящена служению вам. Если Потемкин смущает ваше душевное спокойствие, только… Он немедленно исчезнет, вы никогда больше не услышите о нем». Екатерина упомянула об этом разговоре Потемкину, результат оказался довольно неожиданным. Сославшись на болезнь, Алексей Орлов попросил освободить его от своих обязанностей и удалился от двора.

62
Новые увлечения

Зимой и весной 1776 года, когда страсть, в свое время вспыхнувшая между Екатериной и Потемкиным, стала постепенно утихать и любовники затаили друг на друга обиды, Екатерина нашла ему преемника. Это был Петр Завадовский, протеже фельдмаршала Румянцева, командовавшего победоносной русской армией по время войны с Турцией. Вернувшись в Санкт-Петербург, Румянцев привез с собой двух молодых украинцев, Завадовского и Александра Безбородко. Оба были хорошо образованны, а во время войны и мирных переговоров служили при штабе Румянцева. Когда Екатерина попросила Румянцева порекомендовать талантливых офицеров в личный секретариат, фельдмаршал назвал эти два имени. Оба были приглашены и сделали блестящую карьеру.

Сначала казалось, что у Завадовского было больше шансов преуспеть. Он родился в хорошей семье, сопровождал фельдмаршала на поле боя, где благодаря мужеству получил чин премьер-майора. Ему исполнилось тридцать семь, он был того же возраста, что и Потемкин, хорошо сложен, получил классическое образование, отличался умом, скромностью и хорошими манерами. Что же касается Безбородко, то он имел грубую плебейскую внешность и простоватые манеры, но в конечном счете сделал более выдающуюся карьеру. Завадовский недолго купался в лучах императорской благосклонности, после чего продолжил жизнь уважаемого гражданского чиновника, в то время как Безбородко благодаря трудолюбию и выдающемуся интеллекту стал князем и канцлером империи.

Вначале отношение Екатерины к Завадовскому было довольно сдержанным. Его смуглое красивое лицо, стройное, высокое тело и спокойный нрав привлекли императрицу, и через месяц с согласия Потемкина она пригласила его в свою свиту в качестве личного секретаря. Безбородко продолжил служить в канцелярии. В конце июля 1775 года Завадовский стал обедать с Екатериной и Потемкиным.

Удачное появление Завадовского в разгар бурных отношений Екатерины и Потемкина произошло с согласия обеих сторон. Оба хотели поскорее разрешить сложившуюся ситуацию без дальнейших потерь, и Завадовский помог им в этом, выполняя функцию буфера. Сначала эта новизна оправдывала себя, присутствие тихого, скромного украинца дало Екатерине отдых

от чрезмерно требовательного Потемкина, подверженного резким перепадам настроения; ей это было необходимо, чтобы управлять империей. Однако она не хотела терять эмоциональной поддержки, необычайной энергичности, уникальных политических и административных качеств, которыми обладал Потемкин. Потемкину также требовалась фигура вроде Завадовского. Он страстно, даже отчаянно желал найти решение, которое помогло бы ему закрепиться в положении наиболее влиятельного человека в жизни императрицы, а также обеспечило бы его необходимой автономностью, чтобы действовать свободно и не испытывать постоянного страха, что однажды утром он проснется и узнает, что ему нашли замену. И Екатерина, и Потемкин хотели устроить все так, чтобы сохранить все самое ценное, что было в их отношениях. Потемкин желал укрепить свою власть и устранить нестабильность своего положения; Екатерина хотела, чтобы рядом был любимый мужчина, но ей нужны были стабильность и предсказуемость. Она считала, что нашла в Завадовском нужного человека. Поначалу Потемкин был с ней согласен.

В марте 1776 года Екатерина, чьи отношения с Потемкиным так до сих пор и не были полностью завершены, интимно сблизилась с Завадовским. Двор и дипломатические круги были в недоумении: если не считать того, что Завадовский теперь намного чаще Потемкина сопровождал Екатерину в ее покои под вечер, казалось, ничто не изменилось. Потемкин продолжал жить в Зимнем дворце и присутствовал везде, где появлялась Екатерина. На публике они с Екатериной вели себя все так же нежно, между нынешним и прошлым фаворитом не наблюдалось никаких признаков напряженности или ревности. Более того, Потемкин был приветлив с Завадовским и относился к нему почти как к младшему брату.

Завадовский оправдал надежды Екатерины и принес в ее жизнь радость. Он был страстным и совершенно уникальным среди ее любовников, поскольку не жаждал ни почестей, ни богатства. Их общение было полно страсти: Екатерина обращалась к нему в уменьшительной форме, а он называл ее Катей и Катюшей. Когда Завадовский только переехал в Зимний, все могло сложиться вполне благополучно, если бы им не овладела одержимая любовь к Екатерине, а вслед за ней – жестокая ревность к Потемкину. Он хотел, а впоследствии и стал требовать, полной близости и жаловался, что тень предшественника всегда преграждала ему путь. Екатерина пыталась объяснить ситуацию и свои чувства. Но Завадовский не хотел ее слушать. Это и стало причиной его падения.

28 июня Завадовский стал официальным фаворитом. Несколькими днями ранее Потемкин покинул столицу и отправился в Новгород. Он отсутствовал четыре недели. Все это время Завадовский чувствовал себя несчастным: он не был придворным, и дворцовая жизнь утомляла его. Завадовский слишком плохо говорил по-французски, чтобы участвовать в светских беседах. Потемкин также был несчастен. Вернувшись в конце июля, он пожаловался императрице на свое одиночество и на то, что ему некуда было идти. Екатерина ответила: «Мой муж сказал мне только что: «Куда мне идти, куда мне деваться?» Мой дорогой и горячо любимый супруг, придите ко мне: вы будете встречены с распростертыми объятиями».

Потемкин, который прежде утвердил кандидатуру своего последователя, теперь понял, что Завадовский начал представлять угрозу не только его личной жизни, но и публичному положению. Он пожаловался Екатерине. Она, надеявшаяся обрести умиротворение в своем окружении, поняла, что теперь ей придется мириться с ревностью и Завадовского, и Потемкина. Весной 1777 года Потемкин не присутствовал на дне рождения Екатерины, он удалился в загородное поместье. В безапелляционной форме он потребовал отставки Завадовского. Екатерина отказала:

> «Просишь ты отдаления Завадовского. Слава моя страждет всячески от исполнения сей просьбы. Плевелы тем самым утвердятся и только почтут меня притом слабою более, нежели с одной стороны. И совокуплю к тому несправедливость и гонение на невинного человека. Не требуй несправедливостей, закрой уши от наушников, дай уважение моим словам. Покой наш восстановится. Буде горесть моя тебя трогает, отложи из ума и помышления твои от меня отдалиться. Ей Богу, одно воображение сие для меня несносно, из чего еще утверждается, что моя к тебе привязанность сильнее твоей».

Потемкин оказался непреклонен: Завадовский должен был уйти. Летом 1777 года после менее чем восемнадцати месяцев пребывания в качестве фаворита, он ушел, ожесточенный и безутешный, приняв прощальный подарок императрицы – восемнадцать тысяч рублей – и заперся в своем имении в Украине. Той же осенью Екатерина предприняла вялую попытку вернуть его, но в 1777 году разразился политический кризис. К тому времени Потемкин как наместник управлял южной частью империи Екатерины, и его поддержка была слишком важна для

нее, чтобы рисковать ею из-за перипетий личной жизни. Завадовский жил вдали от двора в течение трех лет и вернулся в Санкт-Петербург в 1780 году, когда получил назначение в качестве тайного советника. В 1781 году он стал директором государственного банка, который был организован на основании предложенного им же плана. Впоследствии он стал сенатором и закончил карьеру в должности министра народного просвещения при внуке Екатерины Александре I.

Новые отношения между Екатериной и Потемкиным давали им свободу в выборе сексуальных партнеров, но позволяли сохранять при этом нежные чувства друг к другу и тесный политический союз. Екатерина часто скучала без него: «Сгораю от нетерпения увидеть вас, мне кажется, что мы не виделись уже год. Целую вас, мой друг. Возвращайтесь счастливым и в добром здравии, и мы будем любить друг друга… Целую вас и так хочу увидеть, потому что люблю вас всем сердцем». В своих письмах она также сообщала ему, что ее новый фаворит – кем бы он на тот момент ни был – шлет ему выражение любви и признательности. Она также заставляла своих любовников писать ему. В основном это были льстивые заверения в том, как они скучают, восхищаются или даже преклоняются перед ним. Молодые люди подчинялись, поскольку они знали, в сравнении с влиянием Потемкина на Екатерину, их собственное – являлось ничтожным.

Между тем Потемкин по-своему продолжал любить Екатерину. Его физическая страсть угасла, но привязанность и верность ей остались. В то же самое время он вступал в связи с различными женщинами. Среди его увлечений были три из пяти его племянниц: Александра, Варвара и Екатерина – дочери его сестры Марии Энгельгардт.

Варвара первой привлекла внимание дяди. Золотоволосая, кокетливая и требовательная, она в свои двадцать лет знала, как вертеть князем, которому на тот момент было уже тридцать семь. Потемкин предпринимал титанические усилия, чтобы понравиться ей. Его письма к ней были гораздо более пылкими, чем те, что он писал Екатерине:

> «Варенька, когда я люблю тебя до бесконечности, когда мой дух не имеет, опричь тебя, другой пищи <…> Прости, божество милое <…> Прощайте, сладость губ моих <…> Ты заспалась, дурочка, и ничего не помнишь <…> Я, идучи от тебя, тебя укладывал и расцеловал и одел шлафроком и одеялом и перекрестил <…> Варенька, моя жизнь, красавица моя, божество

мое; скажи, душа моя, что ты меня любишь, от этого я буду здоров, весел, счастлив и покоен; моя душа, я весь полон тобой, моя красавица. Прощай, целую тебя всю».

Варвара без труда навязывала свою волю без памяти влюбленному в нее дяде. Она дразнила его и водила за нос. Когда Потемкин уехал на юг, она притворилась, будто ей одиноко и грустно. Это заставило императрицу написать ему: «Слушай, голубчик, Варенька очень неможет. Если ваш отъезд тому причиною, вы неправы. Уморишь ее, а она очень мне мила становится». На самом деле молодая женщина обманывала их обоих; она влюбилась в молодого князя Сергея Голицына и пыталась добиться у Екатерины и Потемкина разрешения на этот брак. Варвара успешно вышла замуж и родила от Сергея десятерых детей.

Ее сестра, Александра, или Сашенька, стала следующей. Она была на два года старше Варвары, и ее связь с Потемкиным оказалась не такой страстной, но более серьезной и продолжительной. До конца жизни они были преданы друг другу; даже после того, как Александра вышла замуж за польского дворянина, графа Ксаверия Браницкого, она часто бывала у Потемкина. Кроме того, Сашенька много времени проводила с императрицей и стала одной из самых любимых фрейлин Екатерины. Она была стройной шатенкой с голубыми глазами и высокими скулами и всегда держалась с безупречным достоинством. Изо всех племянниц Сашенька имела особое значение для Потемкина. Именно ей он оставил большую часть своего имущества, и в пожилом возрасте Александра обладала состоянием, которое оценивалось в двадцать восемь миллионов рублей. Тем не менее до смерти Екатерины она почти все зимы проводила в Зимнем дворце, а когда императрица умерла, переехала в свой деревянный загородный дом.

Самой хорошенькой и самой ленивой из сестер Энгельгардт была Екатерина, которая уступила Потемкину лишь потому, что не хотела сопротивляться его ухаживаниям. Их отношения были не такими бурными, как с Варварой, и не такими нежными, как с Сашенькой. Екатерина вышла замуж за графа Павла Скавронского, но когда Екатерина послала графа в качестве министра в Неаполь, его жена отказалась сопровождать его и осталась в Санкт-Петербурге, поскольку этого захотел ее дядя. Когда же она все-таки выехала в Италию, то застала своего мужа прикованным к постели с тяжелым хроническим недугом. Екатерина оставила его в своей комнате и проводила дни и ночи на софе, кутаясь в черную шубку и играя в карты. Она

отказывалась носить крупные бриллианты, подаренные ей Потемкиным, или парижские наряды, купленные ее мужем. «Какой во всем этом толк? Кому это нужно?» – спрашивала она. Пока Екатерина находилась в Италии, умер Потемкин. А когда скончался и ее муж, она вернулась в Россию, вышла замуж на итальянского графа и прожила с ним до конца своих дней.

В то время отношения между дядями и племянницами не одобрялись, но воспринимались довольно сдержанно, и практически никто не выступал с открытыми порицаниями. В России, как и во всей Европе восемнадцатого века, в блестящем, закрытом от посторонних глаз мире королевских особ и аристократии физическое влечение между родственниками было явлением достаточно распространенным, а потому не подвергалось особой критике. В тринадцать лет сама Екатерина (тогда еще София Ангальт-Цербстская) увлеклась ненадолго своим дядей Георгом перед тем, как уехать в Россию и выйти замуж за своего троюродного брата, великого князя Петра. Но среди равнодушного к связям Потемкина с его племянницами российского общества было одно исключение. Мать Григория, Дарья Потемкина, подчеркивала свое неодобрительное отношение к роману ее сына и ее внучек. Никто не слушал ее. Потемкин смеялся над ее осуждающими письмами, а потом сминал их и бросал в огонь.

Екатерина не ревновала его к этим молодым женщинам лишь из-за того, что они спали с Потемкиным. Но она завидовала их молодости. Ее собственная юность была навеки утрачена. Ей исполнилось всего шестнадцать, когда она вышла замуж за убогого юношу. Она была уже взрослой женщиной двадцати пяти лет, когда у нее случился первый сексуальный опыт, и ее избранником оказался бессердечный развратник. Теперь, на пороге пятидесятилетия, она видела в племянницах Потемкина пылких молодых девушек, таких же как она когда-то. Императрица ненавидела приближавшуюся старость. Ее дни рождения, отмечавшиеся с большим размахом, были для нее днями личной скорби. В своем письме к Гримму она писала: «Вы не находите, как было бы замечательно, если б императрица всегда оставалась пятнадцатилетней?»

63
Фавориты

Когда в четырнадцать лет Екатерина, тогда еще София, приехала в Россию, она усвоила, что термин «фаворит» означал официально признанного любовника правительницы – императрицы Елизаветы. Еще будучи замужем, великая княгиня Екатерина имела любовников: Салтыкова, Понятовского и Григория Орлова. Ни один из них не был в ту пору «фаворитом», поскольку сама она еще не являлась императрицей. Орлов, разумеется, остался ее любовником и после того, как она взошла на престол, и таким образом, стал ее первым фаворитом. В течение жизни у Екатерины было двенадцать любовников: первые три, перечисленные выше, были еще до того, как она взошла на трон в возрасте тридцати трех лет, еще девять – за тридцать четыре года ее пребывания на троне. Из двенадцати она любила Понятовского, Орлова, Потемкина, Завадовского и Александра Ланского. Еще к трем – Салтыкову, Ивану Римскому-Корсакову и Александру Мамонову – испытывала страсть. Остальные трое – Васильчиков, Симон Зорич и Александр Ермолов – были выбраны наскоро и быстро отправлены в отставку. Двенадцатый и последний, Платон Зубов, представлял собой особую категорию.

Обычно между уходом одного из фаворитов Екатерины и появлением следующего наступал короткий перерыв. Большинство фаворитов не имело влияние на политику правительства, но они состояли в близких отношениях с Екатериной, и во время ее правления депеши иностранных послов содержали сообщения об их взлетах и падениях вместе с попытками интерпретировать каждую из подобных перемен. Некоторые любовники Екатерины играли лишь декоративную роль в жизни женщины, которая поднимала их из небытия, а со временем снова отправляла в тень. За эту роль всегда шла острая борьба. Выбранный кандидат награждался драгоценностями, деньгами, дворцами и загородными поместьями. Когда его отсылали, расставание всегда происходило без слез и упреков: нередко бывший любовник впоследствии вновь появлялся при дворе.

Большинство фаворитов Екатерины были молодыми офицерами, которых изначально выбирали за внешнюю красоту, однако выбор любовника и его присутствие в жизни императрицы не были продиктованы исключительно чувственным влечением

Екатерины. Она хотела любить и быть любимой. Она много лет прожила с невыносимым супругом в эмоциональном вакууме. Прочитав ее письма к Потемкину, можно понять, что помимо физического удовлетворения, она хотела найти близкого друга в лице умного и любящего мужчины.

Смирившись с тем, что он больше не являлся фаворитом императрицы, Григорий Орлов утешился тем, что влюбился и попросил руки и сердца своей пятнадцатилетней троюродной сестры Екатерины Зиновьевой, с которой отправился в длительное путешествие по Восточной Европе. Императрица, хоть и была задета тем, что ей так быстро нашли замену, обратилась от его имени в Священный Синод с просьбой уладить дело, касавшееся церковного запрета на браки между людьми из одной семьи. В 1777 году Орлов, наконец, смог жениться. Однако его невеста заболела туберкулезом, и состояние ее здоровья стало стремительно ухудшаться. Орлов окружил ее заботой и возил на курорты, однако она умерла четыре года спустя в Лозанне. Орлов вернулся в Санкт-Петербург, но вскоре и у него начались серьезные проблемы со здоровьем. Он страдал галлюцинациями и приступами безумия. 12 апреля 1783 года в возрасте сорока шести лет Орлов умер. Свое внушительное состояние он оставил Алексею Бобринскому, их с Екатериной сыну.

Какой бы страстной ни была Екатерина на первом, самом пылком, этапе отношений с очередным фаворитом, публично она всегда держалась с достоинством. Она никогда не извинялась перед фаворитами и не показывала, что считает подобные связи неподобающими. Все ее фавориты получали признание, двор и высшее общество спокойно относились к этим мужчинам, и это казалось совершенно нормальным. Они все время находились при дворе. Екатерина должна была управлять великой империей, но в то же самое время оставалась гордой и страстной женщиной, у нее не было времени для объяснений и уверток. Она была одинока и нуждалась в партнере, в человеке, с которым не могла поделиться властью, но желала бы вести беседы, радоваться жизни и получать от него человеческое тепло. В этом и заключалась одна из проблем, с которой ей постоянно приходилось сталкиваться: любовь к власти и умение завоевывать любовь непросто уживаются вместе.

За исключением Завадовского, все ее фавориты были офицерами гвардии, и большинство происходило из не особенно знатных семей. Когда появлялся новый фаворит, ему отводили

апартаменты рядом с императрицей в императорском дворце. Прибыв туда, он обнаруживал в ящике туалетного столика большую пачку денег – приветственный подарок от императрицы. Так начиналась его новая, совершенно бессмысленная жизнь. Каждое утро в десять часов он начинал свой день с того, что императрица вызывала его в свои апартаменты. На публике к нему относились как к высокопоставленному вельможе. Он повсюду сопровождал Екатерину, был учтив и предельно внимателен к ее желаниям в течение всего дня. Его рука всегда была готова поддерживать ее руку, пока он сопровождал ее ко двору, на обед или же в ложу театра. Когда императрица ехала в карете, он сидел подле нее. Он стоял рядом во время придворных приемов, сидел с ней за карточным столом, и каждый вечер в десять часов подавал ей руку и провожал в ее покои. За исключением этих публичных обязанностей, он жил в полнейшей изоляции. После Потемкина и Завадовского большинству фаворитам Екатерины не позволяли наносить визиты или принимать посетителей. Екатерина осыпала молодых людей подарками и почестями, но подобное существование в золотой клетке редко продолжалось более двух лет. При расставании почти все они получали экстравагантные подарки, ни один из них не столкнулся с гневом императрицы.

Большинство фаворитов были молодыми мужчинами, чья юность и социальная неопытность являли собой яркий контраст с величественным образом их царственной патронессы. Различие в возрасте и социальном положении смущало двор и рождало многочисленные сплетни в Европе. Но манера общения и интимные практики, которыми фавориты ублажали императрицу, так и остались неизвестными. Лишь в случае с Потемкиным и Завадовским имелся доступ к частной корреспонденции, но и она не проливала свет на эти темы. Те, кто хотел выяснить физиологические подробности романтических связей Екатерины, ничего не смогли узнать о ее сексуальных предпочтениях и наклонностях ни с ее слов, ни со слов ее фаворитов. Двери ее спальни так и остались закрытыми.

За исключением ее отношений с Потемкиным, Завадовским и под конец жизни с Зубовым, Екатерина отделяла свою личную жизнь от политической, административной и дипломатической деятельности. Опасаясь, что любовники могут использовать ее привязанность к ним, чтобы добиться политического влияния, она не позволяла фаворитам играть значительную роль в правительстве. С возрастом ее потребность в интимной близости и поддержке сделали Екатерину более уязвимой, и фавориты,

которые проявляли интерес к ее интеллектуальным и артистическим увлечениям, держались дольше. Ланской (1780—84) и Мамонов (1786—89) служат тому ярким примером. Но Ланской умер, а Мамонов предал ее, влюбившись в другую.

До появления череды молодых гвардейцев романтические увлечения Екатерины не особенно шокировали Европу. Пример, который подавали другие монархи того времени, едва ли давал повод для упреков императрице. Все монархи имели любовниц и любовников. В России Петр Великий имел детей от своей любовницы до того, как женился на ней и сделал своей императрицей. Императрица Анна и императрица Елизавета обе подготовили почву для возникновения фаворитизма в России. Политические достижения Екатерины способствовали тому, что недостатки ее личной жизни не замечались или же к ним относились со снисхождением. Помимо того, она управляла своим двором «с величайшим достоинством и внешней благопристойностью», – как сказал сэр Джеймс Харрис, британский посол в 1780-е годы.

Проблема, появившаяся с годами, заключалась не в институте фаворитизма, а в том, что фавориты становились все более юными, и разрыв в возрасте между ними и Екатериной все увеличивался. Поскольку внимание сосредоточилось исключительно на вопросе возраста, Екатерина объясняла это тем, что подобные отношения несли на себе исключительно педагогическую функцию. Она говорила, что ее молодые кавалеры обучались искусству стать украшением искушенного, многонационального двора; они должны были блистать изысканностью и вместе с тем быть полезными не только для монаршей особы, но и для всей империи. В своей переписке с Гриммом Екатерина объясняла, что эти молодые люди были такими необычными и она чувствовала себя обязанной дать им шанс и развить их таланты.

Когда Петр Завадовский впал в немилость, Потемкин стал подыскивать нового кандидата, которого Екатерина захотела бы принять и в чьей преданности он мог бы не сомневаться. Его выбор пал на тридцатидвухлетнего Симона Зорича, русского офицера с сербскими корнями. Зорич был высоким красивым мужчиной, очень вежливым, хотя и не отличавшимся особым интеллектом. Он добился значительного успеха на поле боя: проявил мужество в битве с турками и с достоинством пережил пять лет военного плена. Вернувшись в Россию в 1774 году, Зорич стал адъютантом Потемкина. В мае 1777 года после ухода

Завадовского, Екатерина выбрала его новым фаворитом.

Зорич продержался еще меньше Завадовского. Новое положение вскружило ему голову. Екатерина сделала его графом, но он потребовал, чтобы ему дали титул князя, как Орлову или Потемкину. Его жалобы оскорбили императрицу. Зорич пробыл фаворитом всего десять месяцев, после чего она сказала Потемкину: «Прошлой ночью я была влюблена в него, но сегодня просто не могу его больше выносить». Потемкин проигнорировал тот факт, что Екатерине был нужен человек, с кем она могла бы вести беседы. Их отношения все ухудшались, и Зорич просто не мог понять, почему женщина, которая осыпала его богатством, неожиданно охладела к нему. Обвиняя в этом Потемкина, он решил сражаться за свое место фаворита. Зорич предъявил Потемкину претензии, но князь с презрением повернулся к нему спиной и ушел. В мае 1778 года через год после своего приезда, Зорич был отправлен в отставку. Ему назначили содержание. Страстный игрок, позже он был обвинен в растрате армейских средств и умер в опале.

Зорича заменил двадцатичетырехлетний офицер гвардии Иван Римский-Корсаков, чье пребывание продлилось два года. Новый фаворит был красив, играл на скрипке и обладал прекрасным тенором. Екатерине его красота напоминала героев Древней Греции, и в своих письмах Гримму она говорила, что ее новый любовник похож на «Пирра, царя Эпирского, которого должен нарисовать каждый художник, каждый скульптор обязан запечатлеть в скульптуре, и каждый поэт сложить о нем песню… Каждый его жест, каждое движение полны грации и благородства».

Однако яркая внешность не дополнялась интеллектом. Когда Екатерина подарила новому фавориту дом в Санкт-Петербурге, он решил, что ему нужна библиотека, чтобы подчеркнуть его новый статус, поэтому оборудовал комнату с книжными шкафами и вызвал самого главного книготорговца в столице. Его спросили, какие книги ему нужны. «Вы понимаете в этом лучше, чем я, – ответил новоявленный библиофил. – Большие книги поставьте вниз, маленькие – выше, и так до самого верха». Книготорговец выстроил многочисленные ряды из непроданных комментариев к Библии на немецком в хороших кожаных переплетах. Вскоре после этого британский посол решил разузнать побольше о новом фаворите и выяснил, что он «сменил свое обычное имя – Иван Корсаков – на более благозвучное – Иван Римский-Корсаков[10]».

Несмотря на похвалы Екатерины в адрес нового фаворита,

при дворе ожидали, что Римский-Корсаков продержится недолго, поскольку все, кроме императрицы, видели, что он не питал особого интереса к своим обязанностям. От него ожидали, что он будет постоянно присутствовать во дворце, ему запрещали выезжать, и это вызывало у него скуку и беспокойство. Он спасался в объятиях графини Брюс, главной фрейлины Екатерины, которая долгое время являлась ее ближайшей подругой. Пара наивно полагала, будто они смогут спокойно встречаться во дворце. Им удавалось это почти год, но все закончилось в один день, когда императрица застала их за любовной игрой. Екатерина послала Римскому-Корсакову письмо с уведомлением, что она позволяет ему немедленно покинуть Санкт-Петербург. Графине Брюс было приказано вернуться к своему мужу.

Однако история оказалась еще более запутанной. Вскоре Екатерина, двор и графиня Брюс выяснили, что Римский-Корсаков использовал графиню Брюс, чтобы скоротать время и развеять скуку. А настоящей его целью была красивая молодая графиня Екатерина Строганова, жена одного из богатейших людей в России. Строгановы только что вернулись после шестилетнего проживания в Париже, и при первой же встрече с прекрасным «царем Эпирским» молодая графиня влюбилась в него. После того как Римский-Корсаков с позором вернулся в Москву, графиня Екатерина Строганова немедленно последовала за ним, и таким образом, всем стало известно о его романтическом двойном предательстве. Граф Строганов повел себя с поистине аристократическим достоинством. Опасаясь, что публичный скандал может нанести вред его маленькому сыну, он подарил супруге дворец в Москве, где они с любовником счастливо прожили тридцать лет. Там они нажили трех совместных детей.

В течение шести месяцев после фиаско Римского-Корсакова Екатерина оставалась одна, но на Пасху 1780 года появился новый фаворит, Александр Ланской. В ту пору ему исполнилось двадцать два года, он служил офицером конной гвардии. Когда он понял, что у него недостаточно средств, чтобы жить так же, как остальные офицеры, он попросил перевести его в провинциальный гарнизон, где расходы были значительно ниже. Его прошение отклонили военное ведомство и лично Потемкин, который назначил молодого человека своим личным адъютантом и представил его Екатерине. Ланской обладал изысканными манерами и нежным лицом, Екатерина писала, что Ланской – «добрый, веселый, честный и полный нежности». В ноябре 1779 года его официально перевели в покои, которые пустовали

после отъезда Римского-Корсакова. Его по обычаю осыпали подарками и подношениями: драгоценности, сотни тысяч рублей, загородное имение. Два его кузена стали офицерами Преображенского полка, три его сестры были представлены ко двору и стали фрейлинами, вышли замуж и получили должности камер-фрау.

Екатерина была восхищена этим очаровательным адъютантом, это чувство стимулировало ее педагогические устремления обучить русских служить своей империи. Ланской с благодарностью отозвался на подобные инициативы. Он получил довольно скромное образование, но был предан Екатерине, в которой видел свою императрицу и учителя. Когда Екатерина увидела его желание учиться, она помогала ему составлять письма Гримму на французском.

Екатерина не испытывала страсти к Ланскому, как к Орлову или Потемкину, но его мягкость и преданность пробуждали в ней почти материнскую нежность. Он был умен и тактичен: не вмешивался в публичные дела, обладал хорошим вкусом, серьезно интересовался литературой, живописью, архитектурой. Он стал идеальным компаньоном, сопровождал ее на концерты и в театр, тихо сидел и слушал, когда она говорила, помогал придумывать новое оформление садов в Царском Селе.

По прошествии двух лет молодой любовник стал для Екатерины просто незаменимым. Даже циничный Безбородко признал, что «в сравнении с остальными он был просто ангелом. У него были друзья, он не старался причинить вред соседям, часто пытался помочь людям». Время от времени ходили слухи, что Потемкин ревновал этого безобидного молодого человека к Екатерине, и что Ланской – на грани отставки. Но это было неправдой. Потемкина полностью удовлетворяло сложившееся положение, и Екатерина могла свободно отдавать свое сердце Ланскому. По ее словам, его доброе расположение духа превратило Царское Село в «самое очаровательное и приятное место, где дни пролетали так быстро, что это трудно было себе представить».

Прошло четыре года, это оказался самый длительный период, который Екатерина провела со своими любовниками, после ее расставания с Орловым, с которым она прожила двенадцать лет. 19 июня 1784 года Ланской пожаловался на боль в горле. Его состояние быстро ухудшалось. Появилась сильная лихорадка. И через пять дней после начала болезни он умер от воспаления в горле. Считалось, что это была дифтерия.

Неожиданная смерть Ланского стала сильным потрясением для Екатерины. Оставшись без возлюбленного, она была

переполнена горем, которое не могла контролировать. Екатерина в течение трех недель отказывалась покидать свою комнату. Ее сын, его жена, ее любимые внуки – всем было отказано в посещении; они лишь слышали постоянные всхлипывания за дверью. Потемкин немедленно вернулся с юга. Вместе с остальными приближенными он старался утешить ее, но Екатерина позже писала Гримму: «они помогали, но я не могла выносить этой помощи. Никто не мог говорить или думать в соответствии с моими чувствами. Каждый предпринятый шаг сопровождался борьбой: иногда эта борьба заканчивалась победой, иногда – поражением». Наконец, Потемкин сумел успокоить и отвлечь ее. «Он смог пробудить нас от мертвого сна», – говорила она.

Слезы иссякли, но императрица по-прежнему пребывала в депрессии. Она писала Гримму:

> «Я погружена в глубочайшее горе, мне больше не испытать счастья. Я думала, что сама умру от невосполнимой потери моего лучшего друга. Я надеялась, что он поддержит меня в старости <…> Этот молодой человек, образованием которого я занималась, который был благодарным, нежным и честным, разделял мои горести и радовался вместе со мной <…> Я превратилась в молчаливое существо, охваченное глубоким отчаянием. Я брожу, словно тень. Я не могу смотреть на человеческие лица – меня сразу же начинают душить слезы. Не знаю, что со мной стало, но за всю свою жизнь я не была так несчастна, как сейчас, когда мой самый лучший, самый дорогой и добрый друг покинул меня навсегда».

Ланской оставил Екатерине все свое имущество, полученное им за время пребывания фаворитом. Она разделила его поровну между его матерью, братьями и сестрами. Екатерина не могла оставаться в Царском Селе без него, она не появлялась на публике до сентября и отказалась возвращаться в Зимний дворец до февраля. Наконец, она приехала в Царское Село лишь для того, чтобы установить греческую вазу в его честь в саду, над созданием которого они работали вместе. Надпись на ней гласила: «Моему самому дорогому другу».

В череде фаворитов Екатерины прослеживалась некоторая закономерность: после окончания серьезных отношений следовало появление менее важных фигур. Вслед за Орловым появился Васильчиков, за Завадовским – Зорич. Теперь эта

закономерность повторилась: после смерти Ланского пришел Александр Ермолов. Правда, случилось это не сразу. Глубокая рана, нанесенная смертью Ланского, заживала медленно, в течение года апартаменты фаворита пустовали. Когда же Екатерина вернулась к жизни, то нашла легкое утешение с тридцатилетним Ермоловым.

Он, как и остальные, был гвардейцем, и, как Ланской, служил адъютантом Потемкина. Князь одобрил кандидатуру Ермолова, которого он считал неопасным, к тому же знал, что тот был невежественным и не хотел ничему учиться. Ермолов был красив и казался честным, что вполне подходило в тот момент Екатерине. У нее не было настроения вступать в отношения с еще одним пылким молодым студентом, она считала, что никто не сможет сравниться с очаровательным, умным и преданным Ланским. Весной 1785 года она писала Гримму: «Теперь я вновь спокойна и безмятежна в душе… я нашла очень способного друга».

В течение семнадцати месяцев пребывания фаворитом Ермолов не пытался полностью завладеть вниманием Екатерины или разделить ее интересы. В конце концов, он сам спровоцировал свой уход. Ермолов являлся протеже Потемкина, но начал вести себя с Потемкиным так, словно был ровней князю. Укрепившись, как ему казалось, в своем положении, он начал критиковать князя в присутствии Екатерины. Сообщал императрице обо всех связанных с князем скандальных историях, правдивых или ложных, которые только доходили до него. Обвинял Потемкина, что тот якобы присвоил себе деньги, которые должны были передать крымскому хану. Развязка оказалась предсказуемой. В июне 1786 года взбешенный Потемкин публично обрушил свой гнев на Ермолова и стал кричать на него: «Ты грязный пес, ты – обезьяна, которая осмелилась поливать меня грязью из канавы, откуда я тебя вытащил!» Ермолов, чья честь была задета, положил было руку на эфес шпаги, но удар Потемкина сбил его с ног. Затем Потемкин ворвался в покои Екатерины и закричал: «Либо он, либо я должен уйти! Если это ничтожество из ничтожеств останется при дворе, я сегодня же покину государственную службу». Ермолова немедленно отправили в отставку, ему дали 130 000 рублей и взяли с него обещание пять лет прожить за границей. Екатерина никогда больше не видела его.

После ухода Ермолова Екатерина, следуя выбранной схеме, сменила ничтожество на человека, который казался ей совершенством, в котором она надеялась найти нового Ланского.

Александр Мамонов, которому в ту пору исполнилось двадцать шесть лет, был еще одним гвардейцем, красивым, образованным, свободно говорившим на французском и итальянском. Он приходился племянником щедрому графу Строганову, чья молодая жена сбежала с Римским-Корсаковым. На следующий день после отъезда Ермолова Мамонов уже сопровождал Екатерину в ее апартаменты. «Они спали до девяти часов утра», – написал на следующее утро в своем блокноте секретарь Екатерины. Новый фаворит немедленно был возведен в высокий чин Преображенской гвардии и в мае 1788 года повышен до звания генерал-майора. Позже, в том же месяце, Екатерина сделала его графом. Она придумала ему прозвище «L'habit rouge» (Красный мундир), поскольку этот цвет формы был у него любимым. Он оказался гораздо лучше развит в интеллектуальном плане, чем большинство его предшественников, поэтому она время от времени спрашивала у него советов в политических делах. И хотя при личном общении вела себя с Мамоновым очень серьезно, при посторонних говорила с ним как любящая мать со своим ребенком: «Мы же умны как сам дьявол. Мы обожаем музыку, мы скрываем свою любовь к поэзии, словно это преступление», – писала она Гримму. Потемкину она сообщала с энтузиазмом: «Саша же человек, которому цены нет <…> он неутомимый источник веселья, оригинален в своих взглядах и прекрасно информирован <…> Безусловно, мы одни из самых блестящих людей нашего двора. Мы просто идеально пишем по-русски и по-французски, у нас правильные черты лица, черные глаза и брови, благородная, непринужденная осанка».

Несмотря на энтузиазм, который Екатерина проявляла вначале, после восемнадцати месяцев ее отношения с Мамоновым стали заметно холоднее. К январю 1788 года ее фаворит уже стал явно скучать, пошли слухи, что он избегал своих интимных обязанностей. На самом деле Мамонов считал те ограничения, которые накладывали отношения с Екатериной, слишком тяжелыми. В Санкт-Петербурге Екатерина редко выпускала его из виду, он ненавидел поездки за пределы столицы, где ему приходилось молчать весь день, находясь на корабле или в карете; он жаловался, что находил поездки в карете «удушающими».

Весной 1788 года Мамонов вступил в тайные отношения с двадцатипятилетней княгиней Дарьей Щербатовой. Вскоре он написал Потемкину прошение об освобождении его от отношений с Екатериной. Потемкин ответил твердо: «Ваш долг оставаться на этом посту. Не будьте глупцом и не рушьте вашу карьеру». К декабрю 1788 года Мамонов уже собирался уйти, предупредив,

что не может дальше выполнять свои обязанности. Тем не менее в начале 1789 года он все еще считался официальным фаворитом, и Екатерина оставалась глуха к предложениям найти ему замену. Затем вечером 11 февраля они поссорились, он попросил об отставке, и Екатерина плакала весь следующий день. Потемкин быстро уладил дело, но Мамонов признался другу, что считает свою жизнь «тюрьмой». 21 февраля 1789 года Екатерина со слезами на глазах пожаловалась, что Мамонов был «холоден и поглощен своими мыслями». В последующие недели императрица видела его лишь изредка; 21 апреля свой шестидесятый день рождения она провела в уединении. К тому времени об отношениях Мамонова с Щербатовой знали уже многие придворные, хотя Екатерине по-прежнему ничего не было известно. 1 июня Петру Завадовскому, бывшему фавориту, сказали, что Мамонов решил жениться на Щербатовой, которую описывали как «совершенно заурядную девицу, не обладавшую ни красотой, ни другими добродетелями». 18 июня Мамонов, наконец, пришел к императрице и во всем сознался. Начав свою аргументацию с хитрости, он пожаловался, что Екатерина была холодна к нему, и спросил совета, что ему делать. Она поняла, что он просит о свободе, но, пытаясь оставить его при дворе, предложила ему жениться на тринадцатилетней дочери графини Брюс, одной из богатейших наследниц в России. Екатерина удивилась, когда он отклонил ее предложение, а затем внезапно правда всплыла наружу. Дрожа, Мамонов признался, что уже год как влюблен в Щербатову и что шесть месяцев назад он дал ей слово жениться на ней. Екатерина испытала потрясение, но была слишком горда, чтобы не проявить великодушия. Она немедленно вызвала Щербатову и увидела, что молодая женщина – беременна. Екатерина простила Мамонова и позволила паре заключить брак, даже настояла на том, чтобы церемонию провели в часовне дворца. Она не присутствовала на венчании, но выделила молодоженам сто тысяч рублей и загородное поместье. «Пусть Господь дарует им счастье», – сказала она, поставив условием их отъезд из Санкт-Петербурга.

Екатерина была щедрой, но за этой щедростью скрывалась глубоко уязвленная женщина. «Не могу выразить, как сильно я страдаю», – писала она Потемкину. Теперь он был виновен в «тысяче противоречий и противоречивых мыслей, и несообразимом поведении». У нее вызывало возмущение, что все считали, будто бы она удерживала его подле себя против его воли. «Я ничей тиран никогда не была и принуждения ненавижу».

Мамонова же постигла серьезная неудача. Он ошибочно принял прощальную щедрость императрицы за все еще не

потухшие угли страсти. В 1792 году, устав от своей жены, он стал писать императрице из Москвы, умоляя возобновить их связь, обвиняя свою «молодость» в том, что так поторопился потерять ее благосклонность, и память об этом, по его словам, «постоянно мучает мою душу». Екатерина не ответила ему.

Чего искала Екатерина в объятиях этих красивых молодых людей? Она предполагала, что любовь. «Я не могу и дня прожить без любви», – писала она в своих «Мемуарах». У любви много форм, однако она имела в виду не только сексуальную любовь, но также и дружбу, тепло, поддержку, ум и по возможности юмор. А также уважение, вкладывая в это понятие не только почитание ее как императрицу, но и восхищение, которое мужчина испытывает по отношению к красивой женщине. По мере того как Екатерина старела, она все больше хотела подтверждения тому, что она еще способна привлекать мужчин и влюблять их в себя. Будучи одновременно и реалистом, и романтиком, она понимала и принимала тот факт, что молодые люди видели в ней не только влюбленную женщину, но и императрицу. Желание любви и секса играло лишь незначительную роль в ее притягательности для этих молодых любовников; они руководствовались амбициями, стремлением получить высокое положение, богатство, а иногда и власть. Екатерина знала это. Она же просила их о чем-то большем, нежели сексуальное удовлетворение. Она хотела видеть, что ее общество им приятно, убедиться, что они разделяют ее взгляды, что они признают ее чувство юмора и умеют рассмешить ее. Физиологическая сторона их отношений лишь ненадолго отвлекала ее. Когда Екатерина прогоняла любовников, это происходило не потому, что они теряли для нее мужскую привлекательность, а потому что надоедали ей. Не только императрицы находят невыносимым необходимость общаться с человеком, с которым провели предшествующую ночь.

История ее юности и молодости помогает объяснить отношения Екатерины с фаворитами. Ей было четырнадцать, когда она приехала в чужую страну. В шестнадцать она вышла замуж за физически ущербного и психически неуравновешенного юношу. После замужества она девять лет оставалась девственницей. У нее не было семьи, ее мать и отец умерли, с тремя своими детьми она была разлучена сразу после родов. С годами она пыталась наверстать упущенное, найти средство сохранить молодость. Сейчас имеется много возможностей продлить иллюзию утраченной молодости, но во времена Екатерины таких способов не существовало. Она пыталась продлить юность, отождествляя ее с восхищением, порой,

неискренним, которым окружали ее молодые красивые мужчины. Когда они не могли поддерживать эту иллюзию, один из любовников заканчивал шараду, и она искала кого-то другого.

У Екатерины было двенадцать любовников. Ее современников поражало не их число, а разница в возрасте между Екатериной и ее поздними фаворитами. Она пыталась дать объяснение, объявляя этих молодых людей своими учениками, которых она надеялась развить в интеллектуальном плане во время их общения. Если же они не оправдывали ее надежд в полной мере – она не притворялась, что они могут стать новыми Вольтерами или Дидро, или даже Потемкиными – тогда Екатерина могла хотя бы сказать, что помогла им подготовиться к роли новых вельмож и государственных деятелей.

Можно ли осуждать этих молодых людей за то, что они позволяли использовать себя, особенно за то, что они вступали в сексуальную связь с женщиной, которую не любили? Этот вопрос уместен не только для восемнадцатого века и задать его можно не только в отношении этих молодых людей. Женщины часто вступают в сексуальную связь с мужчинами, которых не любят. Помимо физического насилия, они нередко руководствуются побуждениями, схожими с теми, что были у любовников Екатерины: амбиции, желание богатства, в какой-то степени власти и возможной независимости в будущем. Любовники Екатерины не всегда были независимы в своем желании стать фаворитами. Являясь выходцами из небогатых дворянских семей, они часто подстегивались к подобным действиям родственниками, надеявшимися на то, что монаршая щедрость коснется и их. И не сказать, чтобы этот факт рассматривался как нечто аморальное. Никто из родственников любовников Екатерины не пытался их остановить и внушить, что это является чем-то предосудительным.

Екатерина выставляла напоказ публичную сторону своих романтических увлечений. В своей частной переписке, в мемуарах или в письмах Потемкину, а также другим адресатам она пылко расписывала достоинства молодых людей, ставших ее фаворитами. Эти поступки можно списать на недальновидность, а также излишнюю сентиментальность императрицы. Екатерина была откровенна, она признавалась Потемкину, что до него у нее было четыре любовника, и писала в своих мемуарах, как трудно было удержаться от искушения в обстановке императорского двора. Ее происхождение также во многом определяло ее отношения с мужчинами. Возможно, если бы она была дочерью великого короля, как Елизавета Английская, она также

использовала бы свою девственность и аскетизм, чтобы искушать и манипулировать властными мужчинами, и в жизни этих двух великих правительниц в истории европейской монархии было бы больше общего.

Часть VII
«Меня зовут Екатерина Вторая!»

64
Екатерина, Павел и Наталья

Екатерину привезли в Россию, чтобы она родила наследника и тем самым продлила царский род. Ее попытки зачать ребенка от мужа Петра растянулись на девять лет. Неудачи подтолкнули императрицу Елизавету к тому, чтобы предоставить Екатерине выбор между двумя потенциальными «суррогатными отцами»: Сергеем Салтыковым и Львом Нарышкиным. А затем, когда успех был достигнут, Елизавета забрала новорожденного младенца у матери.

Этот жестокий поступок оказал сильное влияние на жизнь Екатерины и ее сына, Павла. Екатерине не позволили испытать радости материнства в полной мере, а ее воспоминания о рождении и первых месяцах жизни этого ребенка были тяжелыми и болезненными. Салтыков, являвшийся, вероятнее всего, отцом Павла, оставил ее и открыто хвастался своей победой над ней. Таким образом, Павел стал для Екатерины постоянным напоминанием о мужчине, грубо отказавшимся от нее. Петр, ее муж, повел себя еще хуже. Он годами унижал ее и угрожал заточить в монастырь. Оба эти мужчины, Петр – признанный отец ребенка и монарх, и его биологический отец оставили у нее воспоминания, полные грусти, разочарований и одиночества.

В 1762 году Екатерина взошла на трон и обрела, наконец, своего сына, однако оказалось уже слишком поздно налаживать с ним отношения. Павлу было уже восемь, он выглядел слишком маленьким для своего возраста, хрупким и болезненным. Сначала он скучал по Елизавете – высокой, необычайно нежной женщине, которая испортила его, окружив няньками и служанками, которые ничего не позволяли ему делать самостоятельно. Когда Екатерина, наконец, получила возможность свободно видеться с сыном, ее всегда сопровождал Григорий Орлов, который требовал к себе внимания, предназначавшееся Павлу.

Отношения Екатерины с Павлом (в которые, разумеется, входил и вопрос наследования), были самой сложной проблемой за время ее правления в психологическом и политическом аспекте. С самого начала Екатерина поняла: любой, кто захочет плести против нее интриги, всегда сможет использовать в них наследника дома Романовых – ее сына. Эта проблема затмевала даже вопрос, в действительности ли Павел приходился сыном

Петру III или же он – ребенок любовника Екатерины, Сергея Салтыкова. В своих мемуарах Екатерина утверждала, что Павел – сын Салтыкова и на момент рождения Павла почти никто из придворных не верил в то, что он являлся сыном Петра. Всем было известно о сексуальной несостоятельности Петра, об эмоциональном и физиологическом барьере между супругами и о романе Екатерины с Салтыковым. Однако большинство россиян за пределами двора не обладали подобными сведениями и верили, что наследник престола был сыном Екатерины и царя Петра III. Москвичи приветствовали Павла на коронации Екатерины, считая, что Павел – родной правнук Петра Великого. Екатерина, ехавшая на коронацию, слышала их восторженные крики и понимала, что Павел – это ее соперник. Однако официальный статус Павла как наследника не зависел от вопроса о его праве наследования. После того как Екатерину провозгласили императрицей, она ясно дала понять, что Павел получит право наследования по ее воле. Основываясь на указе Петра Великого о том, что государь может сам называть своего наследника, она объявила Павла своим преемником. Никто не мог оспаривать ее право принимать подобные решения.

Затем произошло нечто странное: лицо Павла начало меняться. Продолжительная болезнь, перенесенная в возрасте девяти лет, стерла его детскую миловидность, черты его лица, ранее приятные, исказились и приобрели свойственную многим подросткам асимметрию. У него были жидкие каштановые волосы, скошенный подбородок и выступающая нижняя губа. Он стал больше похож на Петра, чем на Салтыкова, его движения напоминали порывистые и неуклюжие движения Петра. Те, кто знал Петра лично, поверили, что Павел действительно был сыном убитого царя.

К тому времени, когда Павел достиг подросткового возраста, он считал себя сыном Петра и испытывал глубокое уважение к отцу. Он интересовался обстоятельствами его смерти, а также вопросом, почему трон перешел к его матери, а не к нему. Когда придворные затруднялись с ответом, он говорил, что все равно все узнает, когда вырастет. Если же Павел спрашивал о своих шансах стать государем, в разговоре возникала долгая, неловкая пауза. Старался он восполнить и другие пробелы в своих знаниях. До него доходили слухи о том, что брат Григория Орлова, фаворита его матери, подозревался в причастности к смерти его отца. Таким образом, одно только присутствие при дворе братьев Орловых и то, что у его матери были отношения с Григорием, мучило его. В то же самое время мальчик создал себе идеализированный образ Петра, старался подражать ему, его

наклонностям и поведению. Зная, что Петр был страстно увлечен всем, что имело отношение к армии, Павел стал играть в солдатиков. Сначала – с игрушечными, а затем муштровать настоящих солдат, как делал это Петр. Кроме того, подражая Петру, он стал восхищаться величайшим солдатом своего времени – Фридрихом Прусским.

С 1760 года, когда Павлу исполнилось шесть, Никита Панин стал его гувернером и старшим учителем. Павла учили иностранным языкам, географии, математике, естественным наукам, астрономии, религии, рисованию и музыке. Также его обучали танцевать, ездить верхом, фехтовать. Он был умен, нетерпелив и легко возбудимым. «Его Высочество имеет склонность торопить события: он спешит встать, спешит за едой, спешит лечь в постель, – говорил один из его учителей. – Во время обеда он придумывает разнообразные хитрости, чтобы сесть за стол пораньше… Он ест слишком быстро, не пережевывая пищу достаточно тщательно и поэтому дает своему желудку непосильную задачу».

В десять лет Павел стал изучать работы Жана Д'Аламбера, французского математика, одного из редакторов «Энциклопедии» Дидро. Екатерина пригласила Д'Аламбера в Россию, чтобы обучать своего сына математике. Когда француз отклонил приглашение, она повторила попытку, на этот раз предложив ему дом, большое жалованье, а также статус и привилегии посла.

К сожалению, ее щедрость спровоцировал отказ, сопровождавшийся личным оскорблением. Д'Аламбер не только вновь не согласился приехать в Россию, но также высказал замечание, которое имело публичную огласку. Ссылаясь на официальную, изложенную Екатериной версию смерти Петра III, он сказал: «Я имею большую склонность к геморрою, приводящему здесь, в России, к столь тяжким последствиям. Поэтому я предпочитаю, чтобы мой больной зад оставался в безопасности у меня дома». Императрица никогда не простила его.

Летом 1771 года Павел, которому исполнилось уже семнадцать лет, в течение пяти недель сражался с тяжелым гриппом. Екатерина и Панин с тревогой наблюдали за тем, как он переносит сильный жар и изнуряющую диарею. Когда же Павел поправился, вновь встал вопрос о наследовании. Екатерина знала, что не может откладывать его решение надолго, им нужно было заняться сразу же после наступления восемнадцатилетия Павла в сентябре 1772 года. Именно от Панина исходило предложение о

том, что брак со здоровой молодой женщиной поможет этому слабому здоровьем юноше возмужать. Наставник также добавил, что, возможно, Ее Величество в этом случае получит внука, которого сможет воспитать в соответствии со своими взглядами. Этот довод убедил Екатерину.

Тремя годами ранее, в 1768-м, когда Павлу было четырнадцать, Екатерина уже стала задумываться о подходящей для него невесте и составила список претенденток. Характерно, что она подбирала невесту по своему подобию: разумную немецкую принцессу из небольшого княжества. Одной из девушек, привлекших ее внимание, оказалась София Вюртембергская, но Софии ко времени восемнадцатилетия Павла исполнилось только четырнадцать, и она была слишком юной для брака. Императрица переключила внимание на младших дочерей ландграфа Гессен-Дармштадтского. В планы Екатерины входило пригласить в Россию ландграфиню с тремя ее незамужними дочерьми: Амалией, Вильгельминой и Луизой. Им было восемнадцать, семнадцать и пятнадцать, соответственно. Павлу предстояло выбрать одну из них. Как и в случае с самой Екатериной много лет назад, отца девушек приглашать не стали.

Летом 1772 года после того, как Григория Орлова отправили в отставку, отношения Екатерины и ее сына стали налаживаться. Екатерина жила вместе с Павлом в Царском Селе и стала компаньонкой своего сына. Казалось, что отчужденность между ними была преодолена. «В моей жизни не было более радостного времени, чем те девять недель в Царском Селе, которые я провела с моим сыном, ставшим моим милым другом. Кажется, ему действительно доставляло удовольствие мое общество, – писала она своей гамбургской подруге фрау Бильке. – Я вернусь в город во вторник вместе с моим сыном, который не хочет покидать меня и которому я имела честь доставить столько радости, что иногда он даже вскакивал со своего места за столом и садился подле меня». Затем, после того как Павел решил, что Орлов исчез навсегда, Григорий снова появился при дворе. Павел пришел в уныние.

Весной 1773 года три гессенские принцессы и их мать были приглашены в Россию. Сначала они остановились в Берлине, как и в случае с Софией Ангальт-Цербстской тридцать один год назад, Фридрих напомнил, что они не должны забывать о своем немецком происхождении. К концу июня четыре русских корабля прибыли в Любек и повезли немецких гостей по Балтике. Фрегатом, на котором находились три молодые женщины и их мать, командовал лучший друг Павла, Андрей Разумовский, сын

друга Екатерины – Кирилла Разумовского. Андрей был очарован средней дочерью, Вильгельминой, она также ответила ему взаимностью.

В Санкт-Петербурге Павлу понадобилось только два дня, чтобы сделать свой выбор, и он совпал с выбором Андрея Разумовского – это была принцесса Вильгельмина. К сожалению, реакция девушки на невысокого, странного молодого человека, предназначенного ей в мужья, была лишена энтузиазма. Екатерина обратила внимание на ее колебания, заметила это и ее мать. Тем не менее дальнейшие события развивались в соответствии с требованиями дипломатического этикета. Как и в случае с самой Екатериной и ее матерью, и будущая невеста, и ее мать спокойно отнеслись к требованию о смене религии. Довольно предсказуемо, что незадолго до свадьбы ландграф написал из Германии письмо, в котором запрещал дочери переходить в православие. Также предсказуемо он сдался уговорам своей жены. 13 августа 1773 года Вильгельмина приняла православие и стала Натальей Алексеевной. На следующий день она была помолвлена с Павлом и стала великой княгиней.

В конце лета стали устраивать банкеты, балы и пикники, на которых Екатерина с удовольствием проводила время в компании ландграфини – энергичной женщины, дружившей с Гёте. Князь Орлов пригласил трех принцесс, их мать, Екатерину и двор в Гатчину, где дал пышный прием: пятьсот гостей обедали на золотых блюдах и севрском фарфоре. Орлов, надеясь вызвать раздражение императрицы, приехавшей в компании нового фаворита, Васильчикова, тут же начал флиртовать с Луизой, самой юной из принцесс. Прусский министр в своем письме в Берлин описывал «необычайное внимание, которое князь Орлов оказывал ландграфине, и ту свободу в обращении, с которой он обращался с принцессами, особенно самой младшей из них».

Свадьба девятнадцатилетнего Павла и семнадцатилетней Натальи произошла 29 сентября 1773 года. За ней последовали десять дней придворных балов, театральных представлений и маскарадов, во время которых на улицах люди пили бесплатное пиво, ели пироги с мясом и смотрели фейерверки, вспыхивавшие в небе над Петропавловской крепостью. Павел торжествовал: казалось, он был на пороге новой жизни и обретал свободу. Наталья утешала себя тем, что Андрей Разумовский теперь всегда будет подле нее.

По мере приближения свадьбы, Никита Панин боролся за возможность удержать влияние над Павлом и его будущей женой.

Екатерина понимала, что, женившись, Павел станет менее зависимым от нее, и она хотела, чтобы постепенно он также избавился от влияния Панина. Свадьба Павла была одновременно и предлогом, и возможностью разорвать связь между великим князем и его учителем. Однако с потерей своей роли наставника Панин лишался прочного положения при дворе, которое позволяло ему оставаться там и ежедневно выполнять свои обязанности. В таком случае он терял возможность и дальше оказывать влияние на политические взгляды Павла, что в свое время подтолкнуло, по мнению Екатерины, ее сына к чрезмерному обожанию короля Пруссии – Фридриха II.

Панин, продержавшийся на своей должности тринадцать лет, был не готов к такому маневру. Будучи воспитателем и наставником наследника трона, он обладал лидирующим положением в правительстве и обществе. В качестве хранителя духовного и физического благополучия будущего государя, он мог выбирать, направлять и увольнять учителей, библиотекарей, врачей и слуг при дворе великого князя. Обеды в его доме славились одной из самых лучших кухонь в столице. Панин почти каждый день принимал гостей, возможно, что и от лица великого князя, присутствовавшего на встречах. Среди его посетителей были влиятельные государственные чиновники, придворные сановники, иностранцы, писатели, ученые, а также многочисленные родственники Панина. Можно сказать, что должность наставника служила основой политического влияния Панина. Не желая рисковать и потерять ее, он всегда отказывался от других официальных постов. Фактически возглавив коллегию по иностранным делам в 1763 году, он продолжал занимать второстепенную должность, уступив формальное первенство канцлеру Михаилу Воронцову, который редко посещал заседания. Находясь в постоянном контакте с императрицей, Панин также мог регулярно давать ей советы личного характера; годом ранее, осенью 1772 года он помог Екатерине разорвать отношения с Орловым, представив ей Васильчикова. Учитывая все многочисленные обязанности и услуги, которые он оказывал, Панин считал себя незаменимым и неуязвимым.

К сожалению для Панина, в мае 1773 года Орлов вернулся в столицу и снова был принят в Совет. Он не упустил возможности отомстить Панину и помочь Екатерине ослабить влияние наставника на великого князя. В результате накануне свадьбы Павла Панину сообщили, что образование великого князя завершено и что он в полной мере выполнил свои обязанности наставника. Панин ответил тем, что пригрозил навсегда уехать в свое имение под Смоленском, если его разлучат с Павлом.

Екатерина, не желавшая терять Панина окончательно, нашла компромисс. Панин оставил пост наставника Павла и перестал управлять двором великого князя. Когда же он не захотел освободить свои комнаты во дворце, Екатерина сказала, что они нуждаются в ремонте. Чтобы успокоить Панина, она наградила его чином, соотносимым с канцлером или фельдмаршалом, сделав его министром иностранных дел. Также Панину было пожаловано сто тысяч рублей и ежегодная пенсия в тридцать тысяч рублей. Павел сожалел о разлуке, но был слишком занят предстоящей женитьбой и не высказал жалоб.

После свадьбы императрица сказала ландграфине, что великая княгиня была «золотой молодой женщиной», и ее сын влюбился в нее с первой минуты. Однако со временем, хорошо изучив свою невестку, Екатерина стала испытывать раздражение в общении с ней. Она жаловалась Гримму:

> «Во всем у нее крайности. Если соберется гулять пешком, то за 20 верст, если начнет танцевать, то сразу танцует 20 контрдансов и столько же менуэтов, не считая алеманов. Чтобы в комнатах не было слишком жарко, их вовсе перестали топить <…> Одним словом, золотая середина от нас далека. … Словом, до сих пор не видать ни добродушия, ни осторожности, ни благоразумия. <…> Вообразите, вот уже полтора года как мы здесь, а еще ни слова не знаем по-русски».

С Потемкиным она тоже делилась наболевшим:

> «Великий князь <…> Пришел сам сказать, что на него и на Великую Княгиню долг опять есть <…> Он мне сказал, что ее долг там оттого, от другого, на что я ответствовала, что она имеет содержание (и оно такое), как никто в Европе, что сверх того сие содержание только на одни платья и прихоти, а прочее – люди, стол и экипаж – им содержится <…> Одним словом, он просит более двадцати тысяч, и сему, чаю, никогда конца не будет <…> А спасибо и благодарности ни на грош».

До Екатерины также доходили слухи о том, что отношения Натальи и Андрея Разумовского стали необычайно теплыми. Теперь она не только отчитывала Павла за расточительное поведение его жены, но и предложила ему внимательнее следить за ее поведением. Павел понимал, что происходит что-то нехорошее. Его брак оказался разочарованием – фривольное поведение его жены не возбуждало в нем нежности. Но когда мать

заговорила о том, чтобы отослать Разумовского, Павел заявил, что никогда не расстанется с Андреем – своим лучшим другом, которого он любил почти так же сильно, как свою жену.

Однако главные претензии Екатерины к Наталье касались отнюдь не финансовой стороны. После двух с половиной лет брака ее невестка так и не подарила империи наследника. Однако ее тревоги были забыты, когда осенью 1775 года великая княгиня решила, что она беременна. «Ее друзья не без основания очень волновались, удастся ли ей это доказать», – писал в своем отчете британский посол. Месяц спустя последовало официальное объявление о том, что Наталья беременна и ребенка ожидают к весне. До марта 1776 года беременность Натальи протекала так спокойно, что императрица вызвала кормилиц для ребенка, который вскоре должен был родиться. Брат Фридриха II, принцы Генрих Прусский, выехал из Берлина, чтобы присутствовать при столь важном для династии событии.

В четыре часа утра, в воскресенье, 10 апреля Павел разбудил свою мать и сказал, что у его жены в полночь начались схватки. Екатерина встала, надела халат и поспешила к постели роженицы, и хотя серьезные схватки еще не начались, она оставалась с супругами до десяти часов утра. Затем Екатерина ушла, чтобы одеться, и вернулась к полудню – к тому времени схватки были уже достаточно сильными, Наталья мучилась от боли, и казалось, что ребенок должен вот-вот появиться на свет. Но день и вечер прошли безрезультатно. Приступы боли чередовались с тяжелым забытьем. В понедельник все повторилось. Во вторник повитуха и врачи заявили, что спасти ребенка невозможно: все согласились с тем, что скорее всего ребенок уже умер. В среду, тринадцатого числа, врачи уже отчаялись спасти жизнь роженицы. Наталья исповедовалась. Около шести часов вечера в пятницу 16 апреля после пяти дней мучительной агонии Наталья умерла.

Екатерина и Павел оставались с ней все эти пять дней. «Никогда еще моя жизнь не была так тяжела, ужасна и наполнена болью, – писала императрица Гримму. – Три дня я не ела и не пила. Временами ее страдания вызывали у меня такое чувство, будто и мое тело готово было разорваться на части. Затем я словно каменела, я, которая так часто плачу, смотрела, как она умирает, и не проронила ни слезинки. Я сказала себе: «Если ты заплачешь, зарыдают и остальные. Если ты зарыдаешь, остальные лишатся чувств»». Мучения Екатерины усиливало и осознание того, что, по заключению врачей, ее внук был «прекрасно сформировавшимся мальчиком». Вскрытие показало, что ребенок

был слишком большим, чтобы пройти через родовой канал, причиной стал врожденный порок скелета, который не позволил Наталье родить живого ребенка. Когда тело молодой женщины вскрыли после смерти, Екатерине сообщили, что «там было найдено отверстие лишь в четыре пальца шириной, тогда как плечам ребенка требовалась ширина в восемь пальцев».

Несмотря на сильное утомление, Екатерина сохраняла ясность мыслей. У нее не было другого выхода: Павел, охваченный горем, не позволял унести тело жены и хотел остаться рядом с ней. Однако он не присутствовал на погребении в Александро-Невской лавре. Екатерину на похоронах сопровождали Потемкин и Григорий Орлов.

Помимо смерти Натальи и безутешного горя Павла, Екатерина была поставлена перед фактом: после трех лет брака и беременности наследник так и не появился на свет. Более того, эмоциональное состояние великого князя было таково, что никто не мог предсказать, захочет ли он вновь вступить в брак и сможет ли исполнить свой династический долг. Он был подвержен частым сменам настроения: то замкнут и печален, то вдруг срывался на рыдания и крики, метался по комнате, крушил мебель и угрожал покончить с собой, выбросившись из окна. Павел отказывался даже думать о новом браке.

Чтобы переломить его эмоциональный срыв, Екатерина решила использовать жестокое лекарство. Она вскрыла стол Натальи. Там, как она и ожидала, были обнаружены любовные письма между умершей женщиной и Андреем Разумовским. Придя в ярость от того, что ее сын убивался по женщине, предавшей его с лучшим другом, Екатерина решила использовать эти письма, чтобы вернуть сына к реальности. Она показала их Павлу. Великий князь прочитал доказательство того, что два человека, которых он любил, обманывали его, и теперь даже он усомнился в том, был ли он отцом неродившегося ребенка. Павел начал стонать, плакать, а затем пришел в ярость. Стал требовать, чтобы Андрея сослали в Сибирь, однако императрица, преданная отцу Андрея, отказалась и велела Разумовскому немедленно покинуть столицу. Опустошенный, едва не лишившийся рассудка Павел согласился со всеми решениями матери. Он был готов немедленно жениться вновь, как только пройдет время официального траура. Гримму Екатерина писала: «Я не теряла время и тут же предприняла меры, чтобы восполнить потерю и развеять печаль, переполнявшую всех нас. Пусть мертвые остаются с мертвыми, мы должны думать о живых».

Екатерина была сильно огорчена из-за смерти Натальи, но не

потому что она потеряла невестку, а потому что лишилась внука. В своем письме фрау Билькe она описывала случившееся с полнейшим отсутствием сочувствия: «Поскольку она не смогла родить живого ребенка, мы больше не должны думать о ней». Самым важным для нее было поскорее найти замену умершей жене великого князя. Судьба династии и всей империи была поставлена на кон: государь должен обеспечить династию наследником. В день смерти Натальи Екатерина уже обдумывала возможную замену.

65
Павел, Мария и наследование

Тремя годами ранее Екатерина рассматривала в качестве главной кандидатуры в невесты Павла принцессу Софию Вюртембергскую. Но София была исключена из списка кандидаток, поскольку ей в ту пору еще не исполнилось пятнадцати. Теперь Софии было почти семнадцать, и она полностью отвечала требованиям Екатерины: немецкая принцесса из аристократического, но довольно скромного рода, одна из девяти детей в семье: трое сыновей были высокими и сильными, шесть дочерей – красивыми и широкобедрыми. Присутствие в Санкт-Петербурге Генриха Прусского позволяло Екатерине быстрее достигнуть намеченной цели. София Вюртембергская являлась внучатой племянницей Фридриха II и принца Генриха, а Павел идеализировал Пруссию и прусского монарха. Екатерина надеялась, что принц Генрих поможет убедить ее безутешного сына жениться на родственнице своего героя. Генрих, зная, что его брат всегда стремился укрепить связи с Россией, послал письмо Фридриху с самым быстрым гонцом.

Фридрих делал все, чтобы понравиться Екатерине и посодействовать ей. Он уговаривал Софию и ее родителей согласиться на брак, подчеркивая политические преимущества для Пруссии, а также потенциальную финансовую выгоду для дома Вюртембергов. Он заметил, что Екатерина обещала обеспечить приданым всех трех дочерей Вюртемберга. Однако существовало одно препятствие: София уже была помолвлена с Людвигом, принцем Гессен-Дармштадтским, приходившимся братом недавно умершей Натальи и свояком Павлу. По приказу короля помолвку расторгли, и, получив от Екатерины обещание получать жалованье, а также руку другой дочери Вюртемберга, принц Людвиг успокоился.

Следующим шагом стало устройство встречи между предполагаемыми женихом и невестой. Фридрих пригласил Софию в Берлин, куда должен был приехать и Павел, чтобы встретиться с ней. Этот план устраивал всех. Путешествие за границу должно было отвлечь Павла от мыслей о смерти Натальи и мучившем его оскорблении, которое нанесло ее предательство. Более того, перспектива поездки в Берлин, судя по всему, нравилась молодому вдовцу, никогда прежде не покидавшему свою страну. Возможность встретиться с Фридрихом II служила дополнительным стимулом.

Путешествие в Берлин началось 13 июня 1776 года. Вместе с Павлом в большой, удобной карете сидел принц Генрих. В отсутствие Павла Екатерина часто ему писала, хвалила его письма и волновалась за его здоровье. По ее совету Павел изучал провинциальную администрацию, военные гарнизоны и коммерческие предприятия, попадавшиеся ему по дороге до границы. Она ответила на хвалебный отзыв Павла по поводу порядка и благообразия Ливонии следующими словами: «Я надеюсь, что со временем основная часть России не будет ни в чем уступать… [Ливонии], ни в порядке, ни в хороших манерах, и что случится это при вашей жизни». Пока Павел путешествовал, Фридрих коротко рассказал Софии Вюртембергской о русском дворе, как прежде он рассказывал о нем Софии Ангальт-Цербстской тридцать два года назад. Как и в случае с Софией, он подчеркнул, что переход из лютеранства в православие является лишь незначительной уступкой в решении государственных дел.

Когда Павел доехал до Берлина, Фридрих постарался произвести впечатление на двадцатитрехлетнего великого князя. Павла встречали салютом из пушек, он проезжал под триумфальными арками, между выстроившимися в два ряда солдатами. В его честь устраивались приемы, обеды, балы. Немногие могли похвастаться таким же мастерством в искусстве лести, как король Фридрих. Павел, привыкший играть незначительную роль при дворе матери, теперь вдруг оказался обласканным вниманием и почтением великого Фридриха. Впервые в жизни ему были оказаны почести как наследнику великой империи. «Ничто не может превзойти внимание Его Прусского Величества, оказанного великому князю, а также усилия, которые он принял, чтобы очаровать его и угодить ему», – писал британский посол в Берлине. Павел купался во внимании, которое лишь утвердило его суждение о том, что король Пруссии являлся величайшим человеком и монархом в Европе. Он писал своей матери, что уровень цивилизации в Пруссии на два столетия опережает Россию.

Но не только оказанный Павлу в Берлине прием укрепил его в решимости повторно вступить в брак, после первой же встречи с Софией он увлекся ею. София была высокой, светловолосой, цветущей, нежной и сентиментальной девушкой. А поскольку ее рекомендовал сам Фридрих, это вдвое усиливало желание Павла жениться на ней. Что до самой Софии, то она не протестовала, когда ее помолвка с красивым Людвигом Гессенским была внезапно расторгнута, и ее дяди Фридрих и Генрих предложили ей взамен маленького и менее привлекательного Павла. Какие бы чувства она ни испытала при первой встрече с Павлом, она с

готовностью приняла нового жениха. «Великий князь очень добр, – писала она матери. – И очарователен».

Екатерине понравилось то, что Павел писал в своих письмах о приятной внешности и добром нраве Софии, о ее желании стать хорошей женой и готовности учить русский. Императрица послала свое благословение, но, желая сохранить полный контроль над происходящим, настояла на том, чтобы София оставила свою мать в Берлине и приехала в Россию одна. Она писала принцессе и хвалила ее желание стать «моей дочерью… Уверяю вас, что не будет и случая, когда я не смогу доказать Вашему Высочеству, насколько нежны мои материнские чувства к вам». Екатерина также подчеркнула, что хотела бы заключить брак как можно скорее. Она писала Гримму:

> «Она должна приехать через десять дней. Как только она прибудет, мы сразу же займемся ее обращением в православие. Чтобы убедить ее, понадобится, думаю, около пятнадцати дней. Я не знаю, сколько времени уйдет на то, чтобы обучить ее разборчиво и связно читать, чтобы она могла произнести клятву на русском. Но чем скорее все будет сделано, тем лучше <…> Чтобы ускорить события <…> [секретарь кабинета] отправился в Мемель, дабы обучить ее алфавиту. По дороге ее исповедуют и причастят. Через восемь дней после этого я назначу свадьбу. Если вы хотите танцевать на ней, то должны поспешить».

В то же время императрица послала бриллиантовое колье и серьги будущей невесте, а также табакерку, инкрустированную драгоценными камнями и шпагу ее родителям. 24 августа София пересекла российскую границу в Риге, а 31 августа ее и Павла принимали в Царском Селе. Императрица тепло поприветствовала Софию, а через несколько дней написала мадам Бильке:

> «Мой сын вернулся, и он увлечен принцессой. Признаюсь, я и сама очарована ею. Она как раз то, что я хотел: сложена, как нимфа, ее кожа цвета розы и лилии – самая прекрасная кожа на свете; она высокая, но грациозная, а лицо ее полно скромности, очарования, доброты и невинности <…> Весь мир очарован ею <… > она всем старается доставить радость <…> Иными словами, именно о такой принцессе я и мечтала. Я довольна».

6 сентября Екатерина, Павел и София отправились из Царского Села в Санкт-Петербург. Лютеранский пастор и православный священник подтвердили мнение Фридриха Прусского о том, что разница между лютеранством и православием – минимальная. 14 сентября произошло официальное обращение Софии Доротеи, она приняла православие и стала Марией Федоровной. Формальная помолвка состоялась на следующий день. По этому случаю принцесса написала Павлу: «Клянусь любить и почитать вас всю жизнь и всегда быть верной вам, и ничто на свете не сможет изменить моего к вам отношения. Таковы чувства вашей нежной и преданной нареченной».

26 сентября 1776 года через пять месяцев после смерти Натальи Павел и Мария поженились, и новая великая княгиня приступила к выполнению своих обязанностей. Четырнадцать с половиной месяцев спустя 12 декабря 1777 года через несколько часов схваток без особых затруднений Мария родила здорового мальчика, первого внука Екатерины и будущего императора. Екатерина была в восторге и назвала мальчика Александром. Через восемнадцать месяцев родился второй здоровый мальчик, продолжатель династии. И снова Екатерина была счастлива. Она назвала его Константином.

Второй брак Павла, возможно, подарил ему самое большое счастье в жизни. «Мой дражайший муж – ангел, жемчужина среди мужей. Я безумно влюблена в него и невероятно счастлива», – писала Мария своей подруге в Германию. Она оказалась прекрасной женой для Павла: стремилась сделать его счастливым, успокоить его тревоги, стать для него не только женой, но и другом. Дома она поддерживала Павла в лучших его начинаниях, а на публике вела себя с ним уважительно и с почтением. Павел был ей благодарен и писал Генриху Прусскому: «Куда бы она ни пошла, повсюду несет с собой легкость и веселье. Она не только умеет прогнать мои печальные мысли, но даже вернула мне чувство юмора, которое я полностью потерял за эти три несчастливых года». Павел и Мария произвели на свет девять здоровых детей.

В 1781 году Екатерина, надеясь убедить своего сына, симпатизировавшего Пруссии, в преимуществах ее новых дружеских отношений с Иосифом II Австрийским, организовала для Павла и Марии путешествие в Европу. Оно должно было продолжаться год, в течение которого супругам предстояло посетить Вену, Италию, родной дом Марии в Вюртемберге и Париж, однако Берлин был намеренно исключен. Мария

Федоровна с нетерпением ждала возможности увидеть родных, но ее счастье было омрачено сообщением о том, что дети останутся дома. Разочарование Петра носило политический характер: отказ матери в повторном посещении Берлина означал, что он не сможет продолжить свое общение с Фридрихом. Напряженные отношения между матерью и сыном усилились после совпавшего с этим смещения Никиты Панина с лидирующего положения в иностранной коллегии. Отставка Панина была связана с отказом Екатерины в посещении Павлом Берлина. Близкие отношения между Россией и Пруссией, которые являлись центром международной политики Панина, стали распадаться по мере того, как укреплялась дружба между Екатериной и Иосифом II Австрийским. Иосиф посетил Екатерину в Санкт-Петербурге годом ранее, и императрица надеялась, что Австрия станет ее партнером и союзником против Турции.

1 октября 1781 года Павел и Мария отправились в путь. Пара путешествовала инкогнито как граф и графиня дю Нор. Мария, расстроенная разлукой с детьми, трижды падала в обморок прежде, чем экипаж смог сдвинуться с места. Однако в дороге она быстро пришла в себя, и путешествие стало настоящим триумфом. Екатерина проявила щедрость, предоставив триста тысяч рублей на расходы в путешествии. Она писала нежные письма «моим дражайшим детям», советовала им немедленно возвращаться домой, если у них появится тоска по родине, а также сообщала, что трехлетнему Александру «вручили карту Европы, чтобы он мог отслеживать маршрут, которым следовали его родители».

Их первой остановкой стала Польша, где Станислав оказался очарован Марией Федоровной. Екатерине было любопытно узнать про своего бывшего любовника, и она спросила Павла, «по-прежнему ли польский монарх остается приятным собеседником, или заботы о государстве лишили его этой особенности». Она добавила: «Мой старый друг может испытывать трудности, пытаясь отыскать сходство между моими нынешними портретами и лицом, которое он запомнил в прошлом».

Теплый прием в Польше стал предвестником следующих событий. Иосиф II подъехал к границе Австрии, чтобы поприветствовать наследника российского престола. Вена праздновала приезд супругов, а Мария наслаждалась элегантным австрийским двором. Визит, на который вначале отводилось две недели, продлился месяц, в течение этого времени Павел несколько охладел в отношении Пруссии и проникся симпатией к Иосифу II. Когда его гости отправились на юг, Иосиф сообщил своим родственникам в Тоскане и Неаполе, что великая княгиня

«предпочитает тушеные фрукты изысканным десертам, и ни она, ни ее супруг не притрагивались к вину. Они очень любят минеральную воду».

Габсбургские принцы в Италии также оказали супругам теплый прием, но кульминацией долгого путешествия стал Париж. Толпы народа приветствовали молодую пару, где бы она ни появлялась: в театре, на ипподроме или на прогулке в садах Тюильри. В Версале Мария Антуанетта, сестра Иосифа II, постаралась угодить Павлу и писала: «Великий князь производит впечатление человека горячего и стремительного, но старающегося сдерживать себя». Королева обращалась с великой княгиней как со старой и близкой подругой. Подарила ей редкий фарфоровый обеденный сервиз, произведенный в Севре. Мария сначала решила, что он предназначался ее свекрови, императрице, пока не увидела на тарелках переплетенные гербы России и Вюртемберга.

Возвращение в Россию сопровождалось болезненной акклиматизацией. Граф и графиня дю Нор отсутствовали четырнадцать месяцев, при первой встрече с сыновьями мальчики смотрели на них как на чужих людей и цеплялись за бабушкину юбку. Казалось, императрица намеренно решила омрачить чувство удовлетворенности, оставшееся у супругов после поездки. За границей Павла встречали с распростертыми объятиями и делали все, чтобы он ощутил собственную значимость, теперь же Екатерина сказала ему, что путешествие испортило его. Молодую великую княгиню ждала другая, особая отповедь. Она сделала несколько заказов у шляпницы Марии Антуанетты, знаменитой мадемуазель Бертин. Коробки из Парижа все еще не были распакованы после приезда в Санкт-Петербург, когда Екатерина запретила носить при дворе высокие головные уборы с перьями, как раз такого фасона, которые привезла с собой Мария, желавшая подражать королеве Франции. Жене Павла велели вернуть покупки, ей было сказано, что высокой женщине больше идут простые русские наряды, а не безвкусная парижская мишура. Между тем Павел узнал, что здоровье Никиты Панина ухудшилось. В 1783 году великий князь и его жена оказались у смертного ложа человека, который был учителем, советником, защитником и другом Павла в течение двадцати трех лет.

Павел был счастлив во втором браке, но остальные аспекты его жизни вызывали у него постоянное раздражение. Временами казалось, что в нем уживались две совершенно разные личности, и люди, встречавшие его, часто поражались, что наследник престола нередко высказывал противоположные взгляды на одни

и те же предметы. В 1780 году император Иосиф II Австрийский впервые посетил Россию и сообщил о своих впечатлениях матери, Марии Терезии. Как и все, он восхищался Марией Федоровной. Что более удивительно, он также очень тепло отзывался и о Павле:

> «Великого князя сильно недооценивают заграницей. Его жена очень красива и, казалось, была рождена для своей царственной роли. Они прекрасно понимают друг друга. Они умны, жизнерадостны и очень хорошо образованы, обладают высокими моральными принципами, открыты и беспристрастны. Счастье окружающих для них важнее, чем богатство. С императрицей они ведут себя скованно, особенно великий князь. Отсутствует близость [между Павлом и его матерью], без которой <…> я не смог бы жить. Великая княгиня держится более непринужденно. Она имеет большое влияние на своего мужа, любит его и руководит им. Без сомнения, когда-нибудь она будет играть очень важную роль <…> Великий князь заслуживает уважения за многие свои качества, но трудно играть вторую партию на флейте, когда первую исполняет Екатерина. Чем больше я узнаю великую княгиню, тем сильнее мое восхищение ей. Она обладает выдающимися качествами ума и души, хороша собой и безупречна в своем поведении. Если бы лет десять назад я встретил такую принцессу, то был бы самым счастливым человеком, согласись она стать моей женой».

Французский посол граф де Сегюр, прибывший в Санкт-Петербург в 1784 году, также высказывал положительное мнение о Павле, хотя в своих отзывах пытался провести некоторую классификацию:

> «Когда меня пригласили в их общество, я уже научился распознавать все те редкие качества, которые в ту пору вызывали наибольшее восхищение <…> Их круг, хотя и довольно большой, напоминал, скорее, общество собравшихся вместе друзей, чем чопорных придворных, особенно когда они выезжали за город. Ни одна семья не принимает гостей с большей легкостью и изяществом <…> на всем лежит отпечаток изысканности и утонченного вкуса. Великая княгиня величественна, обходительна и непосредственна, она хороша собой, но без тени кокетства, дружелюбна, но без

чрезмерной эмоциональности, кажется добродетельной, но без позерства. Павел хорошо информирован и всем старается сделать приятное. Многих поражает его жизнерадостность и благородство его души. Однако это лишь первое впечатление. Вскоре можно заметить, что когда он говорит о своем нынешнем положении и о будущем, в его словах слышится беспокойство, недоверие и сильная обида; на деле именно эти странности и служат причиной его недостатков, его неправедных поступков и несчастий. Окажись он в другом положении, возможно, ему удалось бы сделать себя и окружающих счастливее; но такой человек на престоле, особенно на российском престоле, может быть опасен».

Годы спустя, вернувшись во Францию после того, как правление Павла закончилось убийством императора, Сегюр вновь высказал свое мнение о нем. И этот отзыв оказался менее хвалебным:

«Он сочетал в себе ум и информированность с самым неспокойным и недоверчивым нравом и самым неуравновешенным характером. Временами он бывал обходителен на грани фамильярности, но гораздо чаще он был надменен, деспотичен и резок. Никогда прежде не доводилось мне видеть более опасного, своевольного и неспособного осчастливить себя или окружавших его людей человека. Это не было злобой <…> скорее, болезнью ума. Он мучил всех, кто был близок ему, поскольку сам был беспрестанно мучим <…> Боялся разочароваться в своих суждениях. Воображаемые угрозы породили настоящую опасность».

После смерти Григория Орлова в 1783 году Екатерина купила его дворец в Гатчине в тридцати милях к югу от столицы. Когда-то она подарила его своему фавориту, теперь же отдала Павлу. Живя там со своей семьей, он горько жаловался, на то, что был отстранен от возможности управлять государством и принимать важные решения. «Вы упрекаете меня в ипохондрии и дурном настроении, – писал он принцу Генриху. – Возможно, так оно и есть. Но бездействие, на которое я обречен, служит мне оправданием». В другой раз он писал принцу Генриху: «Разрешите мне писать вам чаще: мне нужно излить кому-то душу, особенно при той печальной жизни, которую я веду». Письмо обрывалось резко: «Слезы не позволяют мне писать дальше».

В Гатчине Павел получил возможность дать волю своему увлечению, позаимствованному у Петра – строевой подготовке. Чтобы утешиться после того, как ему не позволили командовать настоящей армией, что он воспринимал как большое оскорбление, Павел пригласил прусского инструктора и начал создавать свою маленькую личную армию. К 1788 году у него было уже пять отрядов солдат, одетых в застегнутую на все пуговицы прусскую форму и в напудренных париках. Каждый день Павел выходил в высоких сапогах и перчатках до локтя и до изнеможения муштровал своих солдат – как в свое время Петр III. Он был вспыльчив и выражал свое недовольство тем, что бил солдат тростью. Граф Федор Ростопчин писал своему другу:

> «Невозможно увидев, что творит великий князь, и не испытать жалость и ужас. Он словно пытается изобрести различные способы, как вызвать к себе ненависть и отвращение. Он вбил себе в голову, что люди ненавидят его и хотят выказать ему свое неуважение. Уверовав в это, он хватает первое, что попадается под руку, и наказывает всех без разбора. Малейшее опоздание, малейшее возражение < … > и он впадает в ярость!»

Павел не мог примириться с присутствием при дворе фаворитов матери, которые автоматически становились его врагами. Он считал это унизительным и по этой причине старался держаться вдали от двора. В детстве он ненавидел Орлова. Затем Орлова сменил Васильчиков, а после него другие дворяне: Зорич, Ермолов, Римский-Корсаков и Зубов. Огромные деньги, тратившиеся на этих молодых людей, подчеркивали лишний раз Павлу, который всегда был в долгах, различие между тем, как Екатерина относилась к своим любовниками и к нему, своему сыну. Потемкин же, получив неограниченную власть, даже не пытался быть вежливым с великим князем и открыто обращался с ним как с дураком.

Когда Екатерина захватила трон, она объявила Павла своим наследником. Можно было предположить, что по достижении совершеннолетия она позволит ему править наравне с собой и наделит значительными обязанностями, как поступила Мария Терезия в отношении своего сына Иосифа. В Вене Павел видел результат подобного подхода: когда мать обучает своего сына управлению страной, позволяя вместе с ней решать государственные дела. Но у Павла не было никаких надежд на то, что Екатерина поступит так же. Она рассматривала сына как соперника, а не помощника, поэтому не дала Павлу должности в

правительстве России. От него и его жены требовалось лишь появляться на официальных церемониях, но в остальное время они редко виделись с императрицей.

Чтобы удерживать Павла в статусе политического ничтожества, Екатерина находила у него многочисленные недостатки: временами он казался ей слишком инфантильным, временами – чересчур независимым. Она то обвиняла его в том, что он не оказывал должного внимания серьезным делам, то жаловалось, что он вмешивается в дела, не входившие в его компетенцию. Не в силах решить, где он мог бы оказаться полезен, она решила вообще не задействовать его в политической жизни страны. Когда Павел попросил позволения стать членом Императорского совета, ему было отказано. «Я говорила, что ваша просьба требует зрелого размышления, – сказала ему мать. – По моему мнению, ваше участие в Совете пока нежелательно. Вы должны быть терпеливы, пока я не изменю своего решения». Перед началом второй войны с Турцией в 1787 году Павлу было тридцать три, и он попросил о возможности вступить в армию добровольцем. Сначала Екатерина отказала ему в позволении, затем уступила, но быстро изменила решение, когда Мария забеременела. Она сказала Павлу, что, оставляя жену накануне родов, он подвергает риску драгоценную жизнь нового Романова. Павел сильно возмущался из-за того, что ему запретили нести военную службу. Когда год спустя неожиданно началась война со Швецией, Екатерина смягчилась и позволила Павлу посетить армию в Финляндии. Его страсть к исполнению этой обязанности была так велика, что жена испугалась за его безопасность, решив, что Павел действительно собирается сражаться. «Я буду разлучена с любимым мужем, – писала Мария. – Мое сердце разрывается от тревоги за жизнь того, ради кого я, не задумываясь, пожертвовала бы своей жизнью». Павел надел форму и покинул Санкт-Петербург 1 июля 1788 года, но его служба оказалась короткой. В Финляндии он критиковал русских солдат, поскольку они не соответствовали тем парадным стандартам, которые были приняты в Гатчине; спорил с верховным главнокомандующим; ему не позволили посмотреть на карты обсуждаемых военных операций. К середине сентября он вернулся в Санкт-Петербург и больше уже на войну не ездил.

Когда сын Павла и Марии, Александр, был еще ребенком, Екатерина начала всерьез думать о том, чтобы лишить Павла права наследования и передать его своему внуку. Для этого не существовало конституционных барьеров: закон о наследовании, установленный Петром Великим, наделял действующего правителя России возможностью нарушать традиционное право

наследование по мужской линии и выбирать будущего преемника, мужчину или женщину, по своему усмотрению. Екатерина не смогла принять такого решения до конца жизни. Многие, включая Павла, подозревали, что Екатерина планировала назвать преемником своего талантливого и красивого внука. У Павла появилась еще одна причина ненавидеть мать: она не только стояла между ним и троном, теперь она пыталась настроить его против собственного сына: не по годам одаренного, внешне привлекательного и любимого императрицей – как соперника за приз, который он ждал долгие годы.

Годы разочарований негативно отразились на характере Павла. Его эксцентричность стала все более нарочитой. Прежде он был склонен к меланхолии и пессимизму, теперь же начал проявлять неуравновешенность. Его поведение начало волновать даже его преданную жену. «Я не знаю человека, который бы ежедневно не высказывал замечаний по поводу смятения, в котором пребывал его ум», – говорила Мария. По иронии судьбы, неустойчивая репутация Павла и его странное поведение еще больше укрепили на троне Екатерину: все хотели, чтобы власть оставалась в ее сильных руках как можно дольше. Когда она почувствовала, что силы начинают ее покидать, волнение за будущее России охватило ее, она никогда не говорила о грядущем правлении своего сына. Именно в Александре она видела наследника. Или же мрачно замечала: «Я знаю, что руки империи опустятся, когда я умру». В своем письме Гримму в 1791 году, упоминая кровавый водоворот Французской революции, она предсказала приход в Европу нового Тамерлана. «Это случится не в мое время, – говорила она, – и я надеюсь, что не во время Александра». В последние месяцы своей жизни Екатерина, возможно, думала о том, чтобы изменить имя наследника. Тридцать лет спустя Мария, к тому времени уже вдова Павла, призналась своей дочери Анне, что за несколько недель до смерти императрица пригласила ее подписать бумаги, требующие от Павла отказа от своих прав на трон. Мария с возмущением отказалась. Последующий призыв Екатерины к Александру спасти свою страну от правления его отца также был безрезультатен.

Павел, вынужденный переносить этот долгий кошмар, не знал, чем все закончится. Годами ему было известно о том, что мать хочет лишить его трона. В 1788 году, уезжая к российской армии в Финляндию, он продиктовал жене свое завещание, в котором приказывал ей спрятать все бумаги императрицы сразу же после ее смерти; он не хотел, чтобы составленное в последний момент завещание оспорило бы его право на трон. До последнего часа многие при дворе верили, что Екатерина лишит Павла права

наследования. Манифеста, в котором объявлялось бы о том, что преемником Екатерины становится ее внук, ждали 1 января 1797 года. Оставила ли она подобное завещание, которое впоследствии было уничтожено Павлом, или же нет, доподлинно неизвестно. Вполне возможно, что она до самой смерти не могла принять такого решения.

Раскол в отношениях между матерью и сыном продлился до самой смерти Екатерины. Когда, наконец, в 1796 году Павел взошел на престол, он тут же восстановил право первородства при наследовании короны. Впоследствии до падения монархии и династии Романовых в 1917 году старший сын умершего государя, или же, при отсутствии сына, старший мужчина, имевший наиболее близкое родство по линии династии, наследовал трон. Никогда наследнику престола не приходилось больше переживать то, что перенес Павел. И никогда больше Россией не правила женщина.

66
Потемкин: строитель и дипломат

Григорий Потемкин сражался в первой русско-турецкой войне 1769–1774 годов, это была война, которая передвинула границы России к Черному морю. Он понимал, что завоевать новые территории – недостаточно: новые владения нужно защищать и развивать. Значительную часть своей жизни Потемкин провел в южных регионах империи, где воплощал в реальность все свои мечты и планы, которыми он делился с Екатериной.

Екатерина наделила его безграничной властью во многих сферах, которой обладала только она сама. Потемкин доказал, что может быть хорошим организатором, администратором и строителем. Были ли это государственные дела, дипломатические встречи, военные кампании, планирование путешествия или же просто театральные представления, концерты, парады – именно Григорий все организовывал сам: руководил, договаривался, распределял средства. Но основное его внимание было сосредоточено на юге, где он добился выдающихся результатов за тринадцать лет между первой и второй русско-турецкими войнами.

Потемкин управлял югом России, как император, хотя всегда делал это от имени находившейся в Санкт-Петербурге императрицы. Его наиболее весомым и значительным достижением была постройка крупных городов. Херсон в низовье Днепра стал первым. Его возводили прежде всего ради порта и верфи для строительства военных кораблей – в 1778 году там построили первые доки и судостроительную верфь. Херсон находился в двадцати милях от Черного моря, однако выход к нему осуществлялся через дельту реки Днепр. Русские контролировали восточный берег, где узкий песчаный участок земли, называемый Кинбурном, уходил прямо в море; туркам принадлежал западный берег, где находилась огромная крепость Очаков. Несмотря на это грозное препятствие, Потемкин решил начать строительство. Тысячи рабочих привезли в Херсон, и первые военные корабли были спущены на воду в 1779 году. В 1780 году были готовы линейный корабль с шестьюдесятью четырьмя пушками и пять фрегатов. Когда Кирилл Разумовский посетил в 1782 году Херсон, он увидел там каменные дома, крепость, бараки, в которых размещались десять тысяч солдат, а также множество греческих торговых судов, пришвартованных в

порту. В 1783 году Екатерина присоединила Крым, и Потемкин начал строительство второй морской базы на южном берегу полуострова. Город, названный Севастополем, находился в глубокой, защищенной бухте, в которой можно было поставить много кораблей.

В 1786 году Потемкин спроектировал и приступил к строительству новой столицы юга империи. Место было выбрано в изгибе Днепра, где ширина реки составляет почти милю. Он был назван Екатеринославом. В городе планировалось возведение собора, университета, суда, консерватории, парков, садов и двадцати фабрик для изготовления шелка и переработки дерева. В 1789 году Потемкин основал Николаев, еще один морской порт с верфью в двадцати милях вверх по реке от Херсона. А когда война с Турцией закончилась, Потемкин выбрал место и начал планировать строительство еще одного города, Одессы, однако умер прежде, чем началось строительство.

Работая над преобразованием южных провинций, Потемкин также занимался реформированием армии и международными отношениями на подконтрольной ему территории. В феврале 1784 года Екатерина назначила его президентом военного министерства и возвела в ранг фельдмаршала. Он тут же представил ей проект реформ, носивших практический характер: русские солдаты должны были носить самую простую и самую удобную форму, состоявшую из свободных рубашек, широких брюк, удобных сапог и удобных шлемов. Он распорядился, чтобы солдаты перестали обрезать, завивать и пудрить волосы. «Разве этим должен заниматься солдат? – спрашивал он. – У них нет личных камердинеров!» Год спустя Потемкин стал командовать флотом на Черном море. В его компетенции оказалось все, что касалось отношений между Россией и Турцией, за исключением принятия окончательных решений по вопросам войны или мира.

По мере того как влияние России росло в восточной и центральной частях Европы, другие государства стали все сильнее добиваться расположения России. Британия пыталась взять в аренду русских солдат, чтобы те помогли ей одержать победу в американских колониях, но Екатерина отклонила эту просьбу. Весной 1778 года Британии был нанесен сокрушительный удар, когда Франция, желая отомстить за потерю колоний в пользу Англии в результате Семилетней войны, признала независимость восставших американских колоний. К июню между Англией и Францией вновь вспыхнула война. Лондон послал в Санкт-Петербург нового посла. Это был Джеймс

Харрис, который позже стал сэром Джеймсом Харрисом, а еще позже – герцогом Малмсбери. Харрис, сын известного специалиста по греческому языку, родился в 1746 году. Ему было всего тридцать два года, когда его назначили послом, но ранняя седина придавала ему солидный вид. Он служил главой британской дипломатической миссии в Мадриде, а затем советником посольства в Берлине, где провел успешные переговоры с Фридрихом II. Теперь ему поручили убедить Россию заключить военный союз с Великобританией. В Санкт-Петербурге Харрис встретился с Паниным и Екатериной, оба держались дружелюбно, но были уклончивы в обсуждении дипломатических вопросов. Панин был против союза с Великобританией, а Екатерина не имела желания втягивать Россию в войну Великобритании с Францией и ее союзницей Испанией. Затем Харрис получил инструкцию вновь попросить у России помощь в борьбе против «заблудших подданных Его Величества в Америке». Чтобы смягчить ситуацию, Харрису поручили формально заверить императрицу, что Англия не имеет возражений против расширения границ России до Черного моря.

Харрис провел переговоры с Паниным, но в августе 1779 года через восемнадцать месяцев после прибытия в Санкт-Петербург, посол сделал вывод, что положение Панина при дворе стало таким шатким, что на него нельзя было возлагать особых надежд. По прибытии Харрис с недоверием относился к Потемкину, но впоследствии сосредоточил свое внимание на князе, которого описывал как человека, обладавшего сочетанием «ума, веселости, образованности и чувства юмора, которые ему не доводилось встречать прежде». В июле 1789 года Потемкин устроил неофициальную встречу между Харрисом и императрицей после вечера за карточной игрой. Вот как Харрис описывал этот разговор:

> «Она жаждала нам помочь, но отказывалась из боязни подвергнуть свою империю новым бедам и, возможно, закончить свое правление в состоянии войны <…> Она очень высокого мнения о нашем патриотизме и силе духа и не сомневается, что мы должны победить французов и испанцев. Затем Ее Императорское Величество стала обсуждать войну с Америкой и посетовала на то, что мы не смогли остановить ее в самом начале, а также намекнула на возможное восстановление мира, если мы откажемся от борьбы с нашими колониями. Я спросил ее, если бы колонии принадлежали ей и иностранные силы предложили бы

ей установить мир на таких условиях, приняла бы она его. «Я бы скорее лишилась головы, чем допустила бы это», – ответила она с большой страстью».

Харрис понимал, что Екатерину мучили противоречия: она восхищалась Англией, но не испытывала сожаления из-за возможности увидеть, как британское правительство ввяжется в новую войну с Францией. Сильная Англия не входила в интересы Российской империи; императрица боялась, что Англия может изменить свою политику и воспротивиться расширению российского влияния в Черноморском регионе. Харрис не стал сообщать об этом в Лондон, но понимал, что если Екатерина и вступит в новую войну, то не с Францией. Это будет новая война с Турцией.

Император Иосиф II Австрийский имел свой интерес относительно турок. Желая компенсировать ущерб и унижения, нанесенные его стране и его матери Фридрихом II, захватившим Силезию, он хотел присоединить к Австрии турецкие территории на Балканах и востоке Средиземного моря. Благодаря союзу между Австрией и Россией он видел возможность достигнуть желаемого. Стараясь добиться своей цели, император попросил о возможности лично нанести визит Екатерине в Могилеве – русском городе неподалеку от границы с Австрийской империей. Екатерина, понимая, что в случае будущей войны с Турцией Австрия будет более ценным союзником, чем Пруссия, велела Потемкину заняться подготовкой этой встречи.

В мае 1789 года два монарха встретились в Могилеве. Екатерина была рада принимать такого почетного гостя. Хотя император путешествовал инкогнито под именем графа Фалкенштейна, он был императором Австрии, правившим вместе со своей матерью, происходил из старинного рода Габсбургов, а также являлся императором Священной Римской империи. Его приезд в Россию был беспрецедентным поступком: среди зарубежных правителей никто не совершал таких визитов за всю историю России. По просьбе Екатерины император сопровождал ее из Могилева в Санкт-Петербург, где оставался в течение трех недель и провел пять дней в Царском Селе. Поскольку император путешествовал инкогнито без свиты придворных и слуг и предпочитал ночевать на обычных постоялых дворах, один из флигелей дворца переделали в постоялый двор, и все слуги были одеты соответствующим образом. Садовник Екатерины, англичанин из Ганновера по имени Джон Буш, чьим родным языком был немецкий, взял на себя роль хозяина постоялого

двора. К тому времени, когда приехал Иосиф, между императором и императрицей уже была достигнута договоренность о создании военного альянса, а также поддержании регулярной переписки. Темой обсуждения стали отделение и раздел европейских территорий Османской империи. Екатерина хотела восстановления Греческой империи, которой бы правил ее внук Константин, со столицей этого государства в Константинополе. Иосиф жаждал получить османские провинции на Балканах, а также по возможности выходы к Эгейскому морю и восточной части Средиземного моря.

Визит Иосифа в Могилев и Санкт-Петербург происходил в мае и июне 1780 года. В ноябре того же года его мать, императрица Мария Терезия, умерла в возрасте шестидесяти трех лет, и тридцатидевятилетний Иосиф стал единоличным правителем Австрии и всей империи Габсбургов. В мае 1781 года Иосиф подписал договор с Екатериной, предлагавший России помощь в войне с Турцией. Подписание этого договора ознаменовало окончание внешней политики Никиты Панина в России. Он всегда выступал за союз с Пруссией против Австрии и заявлял, что «не может замарать свои руки», поставив подпись под таким договором, поэтому попросил разрешения покинуть страну. В сентябре 1781 года пожилой канцлер, который девятнадцатью годами ранее помог Екатерине занять трон, подал в отставку.

Потемкин занял место Панина. Британский посол, Джеймс Харрис, все еще пытался добиться союза между Россией и Англией. Он убедил короля Георга III написать теплое неформальное письмо Екатерине, но даже этим не смог убедить императрицу. Когда Харрис обратился к Потемкину, тот объяснил: «Вы выбрали неподходящий момент. Фаворит [Ланской] опасно болен, желание выяснить причины этой болезни и неуверенность в выздоровлении настолько измучили императрицу, что она не способна думать о чем-либо другом; все ее амбиции, мысли о славе и величии поглощены этой единственной страстью. Она опустошена и избегает всего, что требует от нее активных действий и какого-либо напряжения».

Состояние Ланского ухудшалось, Харрис сам заболел гриппом, к тому же у него разлилась желчь, а затем и Потемкин болел в течение трех недель. Когда волна заболеваний стала ослабевать, Потемкин сообщил, что Екатерина по-прежнему питает теплые чувства к Англии. Сама Екатерина сказала Харрису: «Интерес, который я испытываю ко всему, что касается вашей страны, придает мне решимости помочь вам всеми

возможными способами. Я сделала бы что угодно, чтобы сослужить вам добрую службу, за исключением участия в войне. Я в ответе перед моими подданными, моим приемником и, возможно, всей Европой за последствия такого поступка». Ее позиция, касавшаяся альянса с Англией, осталась неизменной.

Англия не сдалась. В октябре 1780 года лорд Стормонт из министерства иностранных дел велел Харрису вновь обратиться к Екатерине и предложить ей «нечто, достойное ее внимания – уступку территорий, которые поспособствуют коммерческому сообщению, а также усилят военно-морскую мощь, и таким образом убедят ее заключить договор с королем против Франции и Испании и наших мятежных колоний». Ответ Харриса был следующим: «Князь Потемкин считает – он не сказал мне это прямо, но дал ясно понять, – что единственной уступкой, которая побудила бы императрицу стать нашим союзником, была бы Менорка». Этот остров на западе Средиземного моря был укрепленным портом и морской базой. Порт Махон являлся сокровищем британских владений. Харрис попросил о возможности переговорить с Екатериной. Потемкин устроил встречу, посоветовав ему: «Постарайтесь как можно больше льстить ей. Но не переусердствуйте, льстите ей по поводу ее будущих свершений, а не того, что она уже имеет».

Увидев императрицу, Харрис сказал: «Вы можете требовать от нас всего, что только пожелаете. Мы не можем ни в чем отказать Вашему Императорскому Величеству. Только дайте нам знать, чем мы можем доставить вам радость». Екатерина по-прежнему не желала вмешиваться в войну Англии против Франции, Испании и Америки. Затем началась очередная беседа между Потемкиным и Харрисом – оба еще надеялись, что ситуацию можно спасти.

– Что вы можете нам уступить? – спросил Харриса Потемкин.

– У нас обширные владения в Америке, в Восточной Индии и на Сахарных островах [на Карибах], – ответил Харрис.

Потемкин покачал головой.

– Вы разорите нас, если отдадите нам дальние колонии. Наши корабли едва добираются до Балтики. Как заставить их пересечь Атлантический океан? Если бы вы уступили нам территории, которые находились бы ближе к нам <…> Если вы уступите нам Менорку, обещаю, что смогу убедить императрицу согласиться на все.

Харрис написал в Лондон: «Я сказал ему <…> что считаю невозможным уступку требуемой территории».

«Более того, – ответил Потемкин, – благодаря этому мы навечно будем вам обязаны».

Несмотря на значительность требуемого дара и того,

насколько болезненным может быть эта передача, британское правительство было готово пойти на эту меру и составило черновик будущего союза, которого так хотела добиться Британия: «Императрица России должна посодействовать восстановлению мира между Великобританией, Францией и Испанией <…> Обязательным условием является следующее: французы немедленно покидают остров Род-Айленд и остальные колонии Его Величества в Северной Америке. С взбунтовавшимися подданными Его Величества не будет заключено никаких соглашений».

Екатерина так до сих пор и не дала своего согласия. Она по-прежнему была убеждена, что этот договор являлся попыткой втянуть ее и ее подданных в европейскую войну. Когда Потемкин пришел к ней, она сказала ему: “La marieé est trop belle, on veut me tromper” («Невеста слишком красива, меня хотят обмануть»). Она подчеркнула, что испытывала к Англии дружеские чувства, однако отказалась от предложения. К концу 1781 года инцидент был исчерпан. В декабре того же года британская армия в Северной Америке была окружена, и лорд Корнуэлл отдал свою шпагу Джорджу Вашингтону в Йорктауне. В марте 1782 года правительство лорда Норта пало, и его заменил кабинет министров партии вигов. Идея о союзе с Россией была отвергнута.

У Екатерины была еще одна причина для отказа от союза с Англией. Она возобновила отношения с Австрией и заключила с ней формальный союз. Опираясь на этот альянс, они с Потемкиным готовились к присоединению Крыма, который считали более важным приобретением, чем Менорка. Именно Потемкин предложил и осуществил это присоединение. По условиям Кучук-Кайнарджийского мирного договора от 1774 года первая русско-турецкая война была завершена и устанавливалась независимость Крыма, однако крымское ханство по-прежнему формально оставалось вассалом османского султана. Потемкин волновался, что географически полуостров отделял Россию от ее владений на Черном море и объяснял Екатерине, как сложно охранять южные границы империи, пока Крым не вошел в ее состав. «Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставит», – писал он ей. В июле 1783 года Екатерина объявила о присоединении Крыма к Российской империи. Потемкин смог провести это присоединение без войны и смуты, но лично ему это обошлось большой ценой: в Крыму он подхватил малярию, болезнь проходила тяжело, и он не смог полностью восстановить здоровье до конца своих дней.

67
Путешествие в Крым и «потемкинские деревни»

Со временем история путешествия Екатерины Великой вниз по Днепру в Крым весной 1787 года обросла слухами и легендами. Это предприятие было описано как самое выдающееся путешествие, предпринятое правящим монархом, а также как самый значимый публичный триумф Потемкина. Однако значение этого события нередко принижалось и даже выдавалась за огромную мистификацию: говорили, что процветающие деревни, которые демонстрировали императрице по дороге, были сделаны из раскрашенного картона, а счастливые крестьяне были переодетыми крепостными, которые переходили с места на место, снова и снова приветствуя проезжавшую мимо Екатерину. Эти обвинения лежат в основе мифа о «потемкинских деревнях» – поселениях, которые Потемкин намеренно «возводил» на берегах Днепра, чтобы ввести в заблуждение Екатерину и ее гостей относительно реального положения дел на южных территориях. Со временем выражение «потемкинские деревни» стало обозначать подлог или какое-то мошенничество, придуманное для того, чтобы скрыть неприглядную правду. Таким образом, оно стало клише, прочно вошедшим в русский язык. При изучении данного утверждения, стоит принять во внимание два факта. Во-первых, те, кто обвинял Потемкина и насмехался над ним, сами в этом путешествии не участвовали. Во-вторых, результат работы Потемкина видели множество свидетелей, включая искушенных иностранцев, отличавшихся острым взглядом, как, например, австрийский император Иосиф II, французский посол граф де Сегюр и австрийский фельдмаршал принц Карл де Линь. За двести лет не было обнародовано ни одного доказательства того, что кто-то из этих троих сказал или написал о том, будто их путешествие было обманом.

Девять лет Потемкин работал над тем, чтобы превратить новоприсоединенные территории на юге России в процветающую часть империи Екатерины. Гордясь своими достижениями, он хотел, чтобы императрица поскорее приехала и увидела, чего он достиг. Наконец, она согласилась посетить южные провинции весной и летом 1787 года, в год серебряного юбилея – двадцать пять лет назад она взошла на российский престол. Началось планирование и подготовка к путешествию Екатерины в Крым.

Это было самое длительное путешествие в ее жизни и самое яркое представление для народа за все время ее правления. За более чем шесть месяцев, она преодолела более четырех тысяч миль, путешествую по суше и по воде, в санях, на речном корабле и в карете. Своим поступком она утверждала будущее своего правления. С момента ее путешествия до немецкого вторжения в 1941 году и до передачи Крыма Украине в 1954 году эти территории всегда принадлежали России[11].

Крымский полуостров, который Потемкин больше всего хотел показать императрице, имел многовековую историю. В пятом и четвертом веках до Рождества Христова греки основали вдоль крымского побережья поселения, названные впоследствии Тавридой – здесь Эфигения, дочь Агамемнона и Клитемнестры, по легенде, служила жрицей в храме Дианы. Через триста лет эти греческие колонии вошли в Римскую империю, а позднее Крым был завоеван и занят монголами. Когда Екатерина присоединила полуостров в 1783 году, она велела Потемкину построить дороги, города и порты, обогатить и расширить сельское хозяйство и ввести мусульманское население в ее империю, не уничтожая их религию и культуру. Потемкин начал возводить города, создавать парки, виноградники и бахчи. Затем он строил военные корабли, а в Херсоне, Николаеве и бухтах Севастополя создал военные базы для черноморского флота России.

Екатерина хотела увидеть эти земли и узнать их получше, ведь она так много о них слышала и вложила в них столько средств. Она также имела и дипломатические основания для данного путешествия: ей хотелось произвести впечатление на Европу и запугать турок. Во время своего путешествия она встретила короля и императора: Станислава Польского и австрийского императора Иосифа II. Станислав, ее бывший любовник, должен был присоединиться к ней там, где Днепр образовывал природную границу между Россией и Польшей. Иосифа, ее союзника, убедили, что они с Екатериной должны совершить путешествие вместе, чтобы продемонстрировать мощь русско-австрийского союза. Таким образом, путешествие Екатерины одновременно должно было стать и приятной прогулкой, и инспекцией новых владений, и серьезным дипломатическим заявлением.

Екатерине было пятьдесят восемь, когда она начала путешествие, это был серьезный поступок для женщины ее возраста. Он демонстрировал не только энергию и энтузиазм, но также веру в выдающийся ум того, кто в течение трех лет планировал это путешествие. Отправившись в путь, она сказала Сегюру:

> «Казалось, все удерживало меня от этого путешествия, я была уверена, что мое продвижение будет сопровождаться препятствиями и напастиями. Меня хотели напугать историями о трудностях пути. Эти люди очень плохо меня знают. Они не ведают, что препятствуя мне, они меня лишь этим подбадривают, и каждая преграда, которую они устанавливают на моем пути, служит мне дополнительным стимулом».

Прежде всего Екатерина хотела одобрить и поставить свою императорскую печать на достижениях Потемкина на юге. Долгие годы его враги при дворе преуменьшали его достижения, уверяли ее, что он тратит впустую или даже ворует крупные суммы, которые выделялись на развитие этих территорий. Потемкин знал, что успех путешествия Екатерины сделает его неуязвимым, а неудача погубит его. Он также понимал, что все дворы Европы будут наблюдать за ним. Поэтому он убеждал Екатерину, чтобы она взяла с собой иностранных послов, находившихся в Санкт-Петербурге, и они могли сообщить своим правителям обо всем, что видели.

Потемкин приложил все усилия и весь свой талант организатора для этого грандиозного предприятия. Он решал, где большой императорский караван будет останавливаться каждый вечер. Он сооружал или брал в аренду дома, поместья или дворцы, чтобы разместить там путешественников. Он выбирал места для балов, фейерверков и праздничных церемоний. Он заказал строительство больших, роскошных галеонов для путешествия императрицы и ее гостей по Днепру. Он печатал путеводители, где содержались детальные описания городов и деревень, мимо которых проплывали галеоны, а также было указано расстояние, которое флот преодолевал каждый день.

Екатерина составила список гостей. В него вошли далеко не все влиятельные вельможи. В список не включили прусского посла, поскольку после смерти Фридриха Великого годом ранее на трон в Берлине взошел его племянник Фридрих Вильгельм, а нелюбовь племянника к Екатерине была встречена взаимностью. Саксонский посол Георг фон Хелбиг также не был приглашен, так как имел обыкновение порочить Потемкина и его достижения.

Гораздо больше бросалось в глаза отсутствие членов семьи Екатерины. До последней минуты она планировала взять с собой двух старших внуков: десятилетнего Александра и восьмилетнего Константина. Она хотела показать им территории, города и флот, которые благодаря ее стараниям они должны унаследовать. Но чем ближе был день отъезда, тем сильнее возражали против него

их родители. Обычно спокойная Мария Федоровна едва не впадала в истерику при мысли, что ее сыновья отправятся в путешествие в места, где регулярно случались эпидемии чумы и малярии. Доктор Роджерсон поддержал ее, Екатерина возражала, что будет жестоко, если бабушка отправится в столь долгое путешествие без сопровождения в лице кого-нибудь из членов ее семьи. Она писала Павлу и Марии: «Ваши дети принадлежат вам, но также они принадлежат мне и государству. С раннего детства я считала своим долгом окружить их самой нежной заботой. И я руководствуюсь следующими доводами: для меня станет утешением, что вдали от вас они будут рядом со мной. Неужто я в мои преклонные годы на шесть месяцев буду лишена возможности видеться с кем-нибудь из членов моей семьи?» Получив это письмо, Мария впала в еще большее отчаяние. Тогда Павел предложил себя и Марию в качестве сопровождения сыновей и его матери. Или, если это было возможно, он сам сопровождал бы императрицу в качестве члена ее семьи. В конце концов, он являлся наследником трона, и те земли, которые он посетит, однажды будут принадлежать ему. Почему бы ему не увидеть их? Но это предложение, как и все остальные, были холодно отвергнуты. «Ваше последнее предложение сильно расстроило меня», – писала Екатерина. Она не хотела брать с собой «тяжелое бремя», которым для нее являлось присутствие Павла, из-за него она не смогла бы насладиться триумфом Потемкина в полной мере.

В конце концов, проблема решилась сама собой. Накануне отъезда оба внука заболели ветряной оспой. Вызвали шесть докторов, чтобы они изучили этот случай, и лишь после этого Екатерина разрешила внукам остаться дома. Павел тоже остался и был возмущен тем, что императрица не передала ему своих полномочий на время ее отсутствия.

В день нового 1787 года Екатерина принимала дипломатический корпус в Зимнем дворце, после чего отправилась в Царское Село. В одиннадцать часов утра 7 января в холодный солнечный день она покинула Царское Село в первой из четырнадцати удобных карет, поставленных на широкие полозья и превращенных таким образом в сани. В экипаже Екатерины имелось шесть посадочных мест, она начала свое путешествие вместе со своим нынешним фаворитом Александром Мамоновым, а также со Львом Нарышкиным, Иваном Шуваловым и фрейлиной. Все были одеты в теплые шубы, их колени закрывали медвежьи шкуры. Позади них в санях ехали иностранные послы, придворные, правительственные чиновники

и прислуга. Зная, что несмотря на давнюю вражду между двумя странами, французский и английский послы испытывали друг к другу симпатию, Екатерина посадила Филиппа де Сегюра и Аллейна Фицгерберта (позже лорда Сент-Хеленса) в один экипаж. За каретами следовало сто меньших по размеру саней, в которых находились врачи, аптекари, музыканты, повара, инженеры, парикмахеры, полировщики серебра, прачки, а также множество слуг обоего пола.

В январе на севере России вся земля исчезает под толстым покрывалом снега. Реки, поля, деревья, дороги и сады пропадают, и весь пейзаж представляет собой сплошное белое море снега. Когда небо хмурится, трудно разглядеть горизонт. В ясные дни, когда небо ярко-голубое, снег ослепительно сверкает, как миллионы бриллиантов, отражая солнечный свет. Во времена Екатерины дороги, выложенные летом досками, покрывал снег и лед, который позволял передвигаться саням на большой скорости, и в некоторые дни процессия проезжала по сотне миль. «В эту пору, – писал де Сегюр, – когда каждое животное остается в своей норе, каждый крестьянин – в своей избе, и единственным признаком человеческой жизни была процессия саней, которая подобно веренице кораблей передвигалась по замерзшему морю». В северных широтах в это время года день длится всего около шести часов, но это не мешало передвижению Екатерины. Когда в самом начале путешествия смеркалось около трех часов дня, дорогу освещали костры и сияющие факелы.

Путешествие не изменило ежедневный распорядок Екатерины. Как и в Санкт-Петербурге, она вставала в шесть утра, пила кофе, затем работала одна или со своим секретарем и советником в течение двух часов. В восемь она приглашала на завтрак своих близких друзей, а в девять садилась в экипаж и продолжала путешествие. В два часа она останавливалась, чтобы пообедать, а час спустя снова отправлялась в путь. В семь вечера, уже после наступления темноты, она останавливалась на ночлег. Обычно Екатерина не уставала во время дороги и снова возвращалась к работе или же собирала друзей, с которыми беседовала, играла в карты и другие игры до десяти вечера.

Путешествуя в санях, Екатерина время от времени меняла своих попутчиков, чтобы те предлагали ей новые темы для беседы и немного развлекли ее. Нередко Шувалова и Нарышкина меняли на де Сегюра и Фицгерберта. Сегюр был утонченным и образованным человеком, прирожденным рассказчиком и ее любимым собеседником. Она смеялась почти над всеми его шутками, однако в один из моментов он понял, что у императрицы существовали строгие рамки допустимого:

«Однажды, когда я сидел напротив нее в экипаже, она изъявила желание послушать отрывок из шуточных куплетов, которые я сочинял. Ее мягкая, дружелюбная манера общения с попутчиками, присутствие молодого фаворита, ее веселость, а также то, что она вела переписку с <…> Вольтером и Дидро, породили во мне уверенность, что ее не смутят фривольные любовные истории, и я прочитал ей одно из стихотворений, которое, признаюсь, было немного пикантным, однако весьма достойным и хорошо принятым парижскими дамами.

К моему величайшему удивлению, я заметил, что моя попутчица, только что весело смеявшаяся, одарила меня грозным взглядом царственной особы, перебила совершенно неуместным вопросом и таким образом сменила тему беседы. Несколько минут спустя, желая показать, что я усвоил урок, я попросил ее выслушать другое, отличное по духу стихотворение, которому она уделила свое самое пристальное внимание».

Путешественники задержались в Смоленске на четыре дня из-за сильных снежных заносов, а также из-за болезни Мамонова, у которого поднялся жар и разболелось горло. Но письмо от Потемкина, который все еще находился в Крыму, побудило Екатерину вновь отправиться в путь. «У нас здесь зелень на лугах начинает показываться, – писал он. – Я думаю, скоро и цветы пойдут».

29 января кавалькада достигла Киева, находившегося на высоком западном берегу Днепра. Императрицу, чей предыдущий визит сюда состоялся сорок три года назад, когда она была пятнадцатилетней великой княгиней и сопровождала императрицу Елизавету, приветствовал залп из пушек и колокольный звон. Каждому из послов была отведена своя комната. Дом был обставлен красивой мебелью, здесь имелся свой штат прислуги и подавали отличные вина. Вечером были игры, музыка и танцы. Екатерина часто играла в вист с Сегюром и Мамоновым.

Потемкин приехал из Крыма. Сначала он держался особняком, вдали от того возбужденного веселья, режиссером которого сам выступил. Он заявлял, что приехал для того, чтобы соблюсти Великий пост в обществе монахов, а не придворных и дипломатов. Он выбрал Киево-Печерскую лавру, знаменитый монастырь, расположенный над пещерами. Здесь, в подземных лабиринтах, в низких, узких туннелях в открытых нишах лежали

семьдесят три мумифицированных святых, и достаточно было протянуть руку, чтобы дотронуться до них. Екатерина, знавшая характер Потемкина, предупредила гостей: «Избегайте князя, если видите, что он зол, как волк». Причина поведения князя заключалась в его переживаниях: организовав путешествие, он понимал ту огромную ответственность, которая была возложена на него, и знал, что самая тяжелая часть была еще впереди.

Вместе с Потемкиным к ним в Киеве присоединился еще один путешественник. Принц Карл де Линь, пятидесятилетний аристократ, рожденный в Бельгии, а теперь австрийский фельдмаршал на службе императора Иосифа II. По прибытии из Австрии ему был оказан радушный прием. Европейский космополит, ведущий переписку в Вольтером и Марией Антуанеттой, он был остроумным, мудрым, циничным, утонченным, сентиментальным и в то же самое время тактичным и осторожным. Друг государей и принцев, любезный с равными себе, популярный у тех, кто был ниже его по положению, он мог найти общий язык с кем угодно. Ему было приятно, что его пригласила Екатерина, которую он позже описывал как «величайшего гения своего времени». Среди гостей Екатерины во время ее путешествия Линь пользовался особым уважением не только у императрицы, но и у остальных. Сама Екатерина описывала его как «самого приятного компаньона и самого простого в общении человека изо всех, кого я только встречала». Когда же его государь, король и доверенное лицо, Иосиф II, присоединился к обществу, Линя часто приглашали к императрице, где он слушал беседы двух монархов. Линь вступал в беседу, когда его просили об этом. Александру Мамонову же их разговоры казались такими скучными, что однажды он уснул.

Екатерина и ее гости провели в Киеве шесть недель. После этого путешествие должно было возобновиться на больших галеонах, специально построенных для плавания по реке. 22 апреля пушки оповестили о том, что лед на реке треснул. К полудню императрица и ее гости поднялись на семь пышно украшенных и обставленных в римском стиле галер, которые были раскрашены в красный и золотой цвета, а по бокам располагались русские гербы – двуглавые орлы. На галере Екатерины, названной «Днепр», спальня императрицы была отделана золотой и алой шелковой парчой, также там находилась библиотека, комната для занятий музыкой и столовая. Отдельная палуба с балдахином позволяла Екатерине дышать свежим воздухом, но при этом защищала от солнца. Шесть остальных галер были почти такими же роскошными: внутри они были выкрашены в красный и золотой цвет, а каюты – отделаны

дорогой парчой. На галере Потемкина размещался сам князь, который больше не казался «злым волком», две его племянницы, их мужья, а также его новый друг – беспутный авантюрист, князь Карл де Нассау-Зиген. Это был сорокадвухлетний дворянин франко-немецкого происхождения, разорившийся наследник крошечного княжества, который путешествовал по миру, участвовал в войнах на суше и на воде, женился на польке, затем приехал в Россию, где познакомился с Потемкиным. Екатерина с подозрением относилась к такому знакомству. «Странно, как тебе Князь Нассау понравился, тогда когда повсюду имеет репутацию сумасброда, – писала она Потемкину, – а притом известно, что он храбр».

В день отплытия, пока галеры были все еще у берега, Екатерина пригласила пятьдесят гостей на обед на борту специальной «обеденной» галеры. В три часа дня флот отплыл и направился вниз по течению. Семь галер в сопровождении восьмидесяти меньших по размеру судов, на которых размещалось тысяча человек прислуги, представлял собой необычную флотилию. В шесть часов некоторые из гостей отправились на корабль императрицы ужинать, в последующие дни путешествия это стало традицией.

Под голубым небом, по сверкающей от солнца реке, раскрашенные гребные суда ритмично опускали весла в реку, и «флот Клеопатры», как назвал его Линь, двигался по Днепру. Путешествие по великой реке было привычным для России способом передвижения, но никто еще не видывал подобного великолепия, и толпы людей собирались на берегах, наблюдали за вереницей судов и махали вслед проплывавшим кораблям. Флот следовал мимо лугов, на которых цвели дикие цветы, паслись стада коров и овец, мимо деревень, а недавно выкрашенные крыши домой и церквей блестели на солнце. Пока большие галеры проплывали мимо, рой маленьких лодок сновал между ними, перевозя посетителей с одной галеры на другую, а также доставляя вино, еду и музыкантов, которые играли во время трапез и вечерних концертов. Днем Екатерина лежала на палубе галеры под шелковым навесом. Для ее гостей и других пассажиров, не являвшихся прислугой императрицы, утро было свободным, путешественники навещали друг друга, обсуждали дела, сплетни, играли в карты. К полудню галера императрицы выстреливала из пушки – это был сигнал, приглашающий к обеду; иногда лишь с десяток гостей направлялись на ее галеру; когда же гостей было больше пятидесяти, они плыли на специальную обеденную галеру. Часто флотилия останавливалась, суда вставали на якорь, и пассажиры могли устроить пикник или

просто погулять по берегу.

Через шесть дней флот добрался до Канева, где восточный берег Днепра был русским, а западный принадлежал Польше. Здесь Екатерину встретил Станислав Понятовский, которого она сделала королем Польши. Эти двое не виделись с 1759 года, и со времени их последней встречи прошло двадцать восемь лет. Даже теперь Станислав, которому уже исполнилось пятьдесят шесть, все еще оставался красивым, утонченным человеком с прекрасными манерами и таким же благожелательным и слабохарактерным, как прежде. Екатерина забеспокоилась. Ей было пятьдесят девять лет, и она знала, как годы повлияли на ее внешность, поэтому без воодушевления ждала встречи с бывшим любовником.

Когда флот встал на якорь в Каневе, короля привезли на галеру Екатерины. В то утро было ветрено и шел дождь, и одежда короля вся промокла к тому времени, когда он поднялся на борт. Екатерина оказала ему королевские почести, а Станислав отвечал ей с прежней утонченностью. Как королю ему, согласно польской конституции, было запрещено покидать территорию Польши, поэтому он приехал инкогнито. Поклонившись тем, кто встречал его на палубе, он сказал: «Господа, король Польши попросил меня поручить графа Понятовского вашей заботе».

Екатерина была холодна. Теперь Станислав казался ей скучным, его манеры слишком изящными, его комплименты чересчур претенциозными и многословными. Екатерина писала Гримму: «Прошло уже тридцать лет с тех пор, как я в последний раз видела его, вы можете себе представить, как мы оба изменились». Она представила Понятовского своим министрам и иностранным гостям, а затем с чопорным видом удалилась вместе с ним для получасового разговора с глазу на глаз. Когда они вернулись, Екатерина держалась скованно, а ее глаза были печальны. Во время обеда Сегюр сидел напротив императрицы и короля и позже написал: «Они мало разговаривали, но наблюдали друг за другом. Мы слушали великолепный оркестр и пили за здоровье короля под артиллерийские залпы». Перед отбытием король встал из-за стола, но не смог найти свою шляпу. Екатерина передала ему шляпу. Станислав поблагодарил ее и, улыбнувшись, сказал, что это уже второй головной убор, который она ему вручает, первым была польская корона.

Понятовский пытался убедить ее продлить свой визит и погостить у него несколько дней, однако ему не удалось этого сделать. Он уже организовал праздничные обеды и балы в ее честь во дворце, построенном специально для этого случая. Екатерина отказалась, решив, что их встреча не должна длиться

дольше одного дня. Станиславу сказали, что ей необходимо встретиться с императором Иосифом II в Херсоне, находившимся вниз по течению реки, император ждал ее, и она не могла изменить расписание. Потемкин, которому нравился Станислав, испытывал раздражение и предупредил Екатерину, что ее отказ может пошатнуть положение короля Польши. Но Екатерина была непреклонна: «Я знаю, наш гость хотел, чтобы я осталась здесь еще на день или два, но вы сами знаете, что это невозможно, учитывая мою предстоящую встречу с императором. Сообщите ему деликатно и вежливо, что я не могу менять свой маршрут. Более того, как вы знаете, я не люблю любые изменения в планах». Когда Потемкин продолжил спорить, она стала раздражительной: «Ты сам знаешь, что по причине свидания с Императором сие сделать нельзя. И так, пожалуй, дай ему учтивым образом чувствовать, что перемену делать в моем путешествии возможности нету. Да сверх того всякая перемена намерения, ты сам знаешь, что мне неприятна». Чтобы успокоить Потемкина, она разрешила его гостям присутствовать на первом балу Станислава, который давали тем же вечером, но сама осталась на галере и наблюдала с палубы фейерверк вместе с Мамоновым. На следующее утро галеры отплыли. Екатерина сказала Потемкину: «Король мне наскучил». Она никогда больше не видела Станислава.

Между тем Иосиф уже прибыл в Херсон и ожидал там императрицу. Иосиф предпочитал путешествовать налегке и снова отправился в путь под именем графа Фалкенштейна. С небольшим багажом в компании единственного конюшего и двух слуг он обычно быстро добирался до пункта своего назначения. В Херсоне он подождал некоторое время императрицу, а затем решил двинуться вверх по реке, чтобы встретить Екатерину в Кременчуге, где флот из галер должен был замедлить ход около первого из порогов Днепра. Когда галеры прибыли в Кременчуг, Екатерине сообщили, что граф Фалкенштейн ожидает ее в Херсоне. Вскоре пришла следующая новость: он уже двинулся в путь и направился в Кременчуг. Не желая быть застигнутой врасплох, Екатерина быстро сошла на берег и в карете поспешила навстречу союзнику. Они встретились на дороге, а после вместе поехали в ее карете и вернулись в Кременчуг, находившийся неподалеку. Присоединившись к путешественникам, Иосиф настоял на сохранении своего инкогнито, присутствовал на приеме вместе с другими придворными, где был представлен как граф Фалкенштейн. Он был рад видеть своего друга и командующего армией Линя, а также нашел нового друга –

Сегюра. Иосиф с восхищением говорил с французским послом о необычайно энергичной женщине, которая стала его союзницей и была на десять лет старше его. В адрес Мамонова он высказал лишь несколько комплиментов: «Новый фаворит хорош собой, – писал Иосиф, – но не производит впечатления умного человека. Складывается впечатление, что его пугает собственное положение, и он кажется всего лишь испорченным ребенком».

Проведя в Кременчуге сутки, Екатерина и Иосиф покинули придворных, предоставив им сомнительное удовольствие преодолевать пороги Дона на галерах, а сами в карете отправились к Екатеринославу, возведением которого занимался Потемкин. Там в присутствии Иосифа Екатерина положила первый камень в основание нового городского собора. Император, сомневавшийся, стоит ли строить большую церковь до того, как город отстроен и заселен жителями, писал другу в Вену: «Сегодня я совершил большое дело. Императрица положила первый камень в фундамент новой церкви, а я – последний».

Когда галеры благополучно преодолели пороги, оба правителя снова сели на корабль и добирались до Херсона уже по воде. Девятью годами ранее, когда Потемкин только выбирал это место, находившееся в двадцати милях от Черного моря, Херсон был всего лишь маленьким поселком на болотах. Теперь же он превратился в город-крепость с двумя тысячами белых домов, прямыми улицами, раскидистыми деревьями, цветущими садами, церквями, административными зданиями, и бараками, в которых размещалось двадцать тысяч человек. На улицах было много людей, магазины ломились от продуктов, процветающая судоверфь с пакгаузами были возведены вдоль набережной, а два полностью построенных линейных корабля и один фрегат готовились к спуску на воду. Более сотни кораблей, многие из которых были русскими, стояли на якоре в порту. 15 мая Екатерина и Иосиф участвовали в спуске на воду трех кораблей, включая линейный корабль «Владимир» и мощный линейный корабль с восемьюдесятью пушками, названный «Святым Иосифом».

Близость Турции волновала мысли обоих правителей. Они видели арку, которую возвел Потемкин у входа в город и на которой была выгравирована провокационная надпись на греческом: «Дорога на Византию». Они встретились с Яковом Булгаковым, русским послом в Константинополе, который прибыл, чтобы отчитаться перед императрицей и сообщить ей о том, что им с Потемкиным уже было известно: Османская империя так и не признала присоединение Крыма и наличие для России выхода к Черному морю. Турки лишь выжидают удобный

момент, предупредил ее Булгаков. Екатерина и Потемкин понимали, что в ближайшие два года Россия будет еще не готова к войне, и поэтому велели Булгакову приложить все усилия, чтобы сохранить в течение этого времени мирные отношения.

Сама Екатерина теперь должна была соблюдать осторожность. Изначально она надеялась проплыть по всему Днепру и из Херсона по устью реки направиться к Черному морю. Турки воспрепятствовали ее намерениям совершить последний этап путешествия по реке, послав четыре военных корабля и десять фрегатов в устье реки. Это послужило напоминанием о том, что Днепр еще не являлся полностью открытой рекой.

Несмотря на разочарование, Екатерина намеревалась произвести впечатление на своего царственного союзника и иностранных послов и взяла их с собой в поездку по Крыму. Покинув Херсон 21 мая, они продолжили путешествие по суше в каретах. Оказавшись в степи, Иосиф был потрясен, когда неожиданно перед ними в облаке пыли появились двенадцать сотен татарских всадников; это были кочевники, чьи земли лишь недавно присоединились к империи, однако они уже были преданы Екатерине и готовы служить ей почетной охраной. Пораженный зрелищем Иосиф покинул в сумерках лагерь и вместе с Сегюром совершил прогулку по степи, простиравшейся до самого горизонта. «Какая необычная земля, – сказал император, – и кто мог ожидать, что я вместе с Екатериной Второй, французским и английским послами буду путешествовать по татарской пустыне? Какая замечательная страница в истории!»

Во время переезда через Перекопский перешеек, соединяющий Крымский полуостров с Украиной и Россией на севере, процессия из экипажей двигалась по крутой, каменистой дороге, ведущей к Бахчисараю – бывшей столице крымского ханства. Там, в покоях ханского дворца, была создана временная резиденция для двух монархов. Несколькими месяцами ранее Екатерина отправила Чарльза Камерона, шотландского архитектора, восстановить и украсить дворец. Камерон сохранил атмосферу ислама. Там были внутренние дворы и потайные сады, окруженные высокими стенами и живой изгородью из миртовых деревьев; прохладные, простые по убранству комнаты со стенами, выложенными разноцветными изразцами, толстыми коврами, искусно выделанными гобеленами, а в центре каждой комнаты располагался мраморный фонтан. Из открытого окна Екатерина могла видеть минареты, возвышавшиеся над стенами дворца, и вдыхать запах роз, жасмина, апельсиновых и гранатовых деревьев. Вокруг дворца расположился город, в котором находилось

девятнадцать мечетей с высокими минаретами, откуда пять раз в день голос призывал правоверных на молитву. Во время своего пребывания в городе Екатерина распорядилась возвести еще две мечети. За пределами дворца также повсюду были видны, слышны и ощутимы все признаки исламской страны: шумные городские базары, татарские мужчины в длинных одеждах, их жены, полностью скрывавшие себя за длинными одеждами и позволявшие видеть лишь свои глаза.

Поскольку Потемкин стремился показать Екатерине и императору свое самое большое достижение на юге, они провели в Бахчисарае только три дня и две ночи. 22 мая путешественники направились в горы через заросли сосен и кипарисов к изрезанному скалистому мысу южного черноморского побережья Крыма. Здесь они оказались в прекрасном, похожем на Ривьеру месте, где климат был мягким круглый год, где росли оливковые деревья, виноградники, фруктовые деревья, жасмин, лавр, сирень, глицинии, розы и фиалки. Каждой весной буйное цветение фруктовых деревьев, кустарников, вьющихся растений и диких цветов превращало побережье в огромный благоухающий сад.

Пунктом их назначения был Инкерман – находившаяся на возвышении крепость с видом на Черное море, где они обедали в новом павильоне. После полуденного банкета Потемкин встал и отодвинул полог одной из стен шатра. Путешественники увидели под безоблачным голубым крымским небом амфитеатр из морщинистых вершин гор, поднимавшихся над изумрудно-голубой водой. Залив Севастополя сверкал в лучах солнца. В порту стояли корабли Черноморского флота, разросшегося стараниями Потемкина. По сигналу из павильона корабли дали торжественный залп в честь двух монархов. По завершении салюта один из новых кораблей поднял флаг императора и салютовал специально для него.

Екатерина повела Иосифа к карете и вместе они отправились в порт, чтобы осмотреть пристань и город. Они увидели новые верфи и пристани, оборонительные сооружения, склады боеприпасов, бараки, церкви, две больницы, магазины, дома и школы. Иосиф, который во время визита в Херсон пребывал в довольно скептическом настроении, был поражен Севастополем, по его словам, это был «самый красивый порт, который ему доводилось видеть». Впечатленный высоким качеством исполнения и боевой готовностью российских кораблей, император добавил: «Здесь нужно побывать лично, чтобы поверить тому, что я увидел».

Из Севастополя Екатерина намеревалась провести своих гостей по Крыму, а затем направиться в Таганрог на Азовском

море. Но летняя жара и намерение Иосифа вернуться в Вену убедили ее остановиться. Они сели в карету и вернулись к Днепру, по дороге обсуждая политику и планы на будущее. 2 июня они расстались. Екатерина продолжила путешествие на север, в Полтаву, где Потемкин воссоздал битву при Полтаве 1709 года, во время которой Петр Великий разгромил шведскую армию Карла XII, вторгшуюся в Россию. Екатерина наблюдала за тем, как пятьдесят тысяч русских солдат, часть которых была переодета в русскую форму, а часть – в шведскую, разыгрывали знаменитую битву.

10 июня в Харькове Екатерина и Потемкин расстались. На прощание он подарил ей великолепное ожерелье из жемчуга, которое было куплено и привезено из Вены. Екатерина пожаловала ему титул князя Таврического. После этого путешествие продолжилось через Курск, Орел и Тулу. Карету Екатерины трясло на неровной дороге – теперь ее путь был уже не такой гладкий, как в начале, когда путешественники ехали на санях. 27 июня Екатерина достигла Москвы и была невероятно рада видеть своих внуков Александра и Константина, родители которых разрешили им приехать и встретить бабушку. Это был последний визит Екатерины в старую столицу, и когда императрица добралась до Царского Села 11 июля, она чувствовала себя совершенно разбитой.

Екатерина гордилась достижениями Потемкина. После того как императрица оставила его в Харькове, она писала ему эмоциональные, полные благодарности письма: «я тебя и службу твою, исходящие из чистого усердия, весьма, весьма люблю, и сам ты бесценный <…> При великих жарах, кои у вас на полудни, прошу тебя всепокорно, сотвори милость, побереги свое здоровье ради Бога и ради нас и будь столь доволен мною, как я тобою».

Потемкин ответил с почти сыновей благодарностью и преданностью:

> «Матушка Государыня! Я получил Ваше милостивое писание <…> Сколь мне чувствительны оного изъяснения, то Богу известно. Ты мне паче родной матери <…> Сколько я тебе должен. Сколь много ты сделала мне отличностей. Как далеко ты простерла свои милости на принадлежащих мне. Но всего больше, что никогда злоба и зависть не могли мне причинить у тебя зла, и все коварства не могли иметь успеху. Вот что редко в свете. Непоколебимость такой степени тебе одной предоставлена. Здешний край не забудет своего счастия. <…> Прости, моя благотворительница и мать

<…> будучи по смерть вернейший раб».

Екатерина отписала ему по поводу «злобы и зависти» его врагов: «Между тобою и мною, мой друг, дело в кратких словах: ты мне служишь, а я признательна. Вот и все тут. Врагам своим ты ударил по пальцам усердием ко мне и ревностью к делам Империи».

Потемкин строил новые города и порты, создавал производство и флот, импортировал и разводил новые сельскохозяйственные культуры, обеспечил России выход к Черному морю. Вопреки всем слухам, одна из заинтересованных сторон не верила в то, что эти города и поселения, эти верфи и военные корабли, которые Потемкин показывал Екатерине, были сделаны из картона. Турки прекрасно знали, насколько сильна была новая империя, которая распространяла свои границы вдоль северного берега Черного моря. Они не стали ждать. Екатерина вернулась в Царское Село, чтобы отдохнуть, но ее отдых оказался недолгим. Почти сразу же после ее приезда с юга поступило известие о том, что Турция объявила России войну.

68
Вторая русско-турецкая война и смерть Потемкина

Мир, заключенный между Россией и Турцией после подписания договора 1774 года, был шатким. Турки так и не смирились с утратой территорий и тем, что Черное море оказалось открытым для российских торговых судов. Когда Потемкин приступил к строительству черноморского флота, это лишь усилило тревоги турок. Затем Екатерина присоединила Крым к своей империи. Она совершила триумфальное путешествие на юг в компании австрийского императора, а кульминацией ее вояжа стала проверка новой военно-морской базы в Севастополе, где стояли многочисленные военные корабли, находившиеся всего в двух днях плавания от Константинополя. Этот жест показался туркам заранее спланированной провокацией. Султан объявил войну.

Эта неожиданная агрессия застала Россию врасплох. Екатерина и Потемкин знали о враждебности Турции, но они ожидали, что триумфальное путешествие императрицы на юг приведет турок в ужас, а не спровоцирует их на ответные действия, они и представить себе не могли, что это приведет к немедленному объявлению войны. Туркам, однако, пришлось заплатить серьезную цену за то преимущество, которое они получали, нанеся удар первыми: объявление войны Турцией приводило в действие тайный договор между Россией и Австрией, обязывающий Иосифа II оказать помощь Екатерине. Через две недели после того, как Турция объявила войну, император сообщил Екатерине, что исполнит свои обязательства по договору, и в феврале 1788 года Австрия объявила войну Османской империи.

Цели турок в новой войны были простыми: вернуть себе Крым и уничтожить черноморский флот России. Задача Екатерины оказалась более сложной. Она по-прежнему хотела изгнать турок из Европы и захватить Константинополь, но первоочередную задачу она видела во взятии крепости Очаков, благодаря которой турки контролировали дельту Днепра. После падения этого важного стратегического пункта, охраняемого двадцатью тысячами человек, Екатерина и Потемкин планировали перебросить армию на запад вдоль северного побережья Черного моря и занять территорию, находившуюся между реками Буг и Днестр. После этого они должны были

оценить свои перспективы и подготовиться к походу на Константинополь.

Было ясно, что Потемкин станет главнокомандующим этой военной кампании со стороны России. У него было достаточно власти для этого. Он являлся наместником и главнокомандующим военными силами в южных провинциях уже десять лет. Потемкин возводил города и создавал флот. Более того, он был председателем военного ведомства и хорошо знал о военных ресурсах армии, о расположении всех войск, а также обо всех административных и политических нюансах. Он стал главнокомандующим благодаря своим заслугам, и даже самый старый русский генерал, Петр Румянцев, согласился служить под его началом. Суворов, наиболее успешный русский военачальник того времени, также был под командованием Потемкина.

И Потемкин, и Суворов были людьми эксцентричными. В военном деле Суворов превосходил Потемкина. Князь был хорошим солдатом, но слишком осторожным, к тому же его часто отвлекали политические дела. Выдающийся государственный деятель и администратор, а также военный стратег, он не обладал способностью Суворова к быстрым, нередко основанным на интуиции, решениям, касавшимся военной деятельности. Они дополняли друг друга. Потемкин предоставлял Суворову план действий, войска и боеприпасы. Суворов обеспечивал Потемкину и России победы. Потемкин всегда настаивал на том, чтобы Суворова награждали за его достижения самыми высокими наградами. Например, Суворов получил орден Святого Андрея раньше других, более старших по званию генералов.

Турки начали войну с нападения на российскую крепость в Кинбурне, находившуюся на восточном берегу дельты Днепра, напротив Очакова. Две попытки высадиться в Кинбурне были отражены войсками Суворова, который во время боя предпочитал использовать холодную сталь. «Пуля – дура, штык – молодец!» – такова была его философия. Используя данную тактику, русские атаковали турок, когда те высаживались из лодок, и перебили почти всех еще в воде. Эта победа русских была омрачена ранением, которое Суворов получил во время боя, а также последовавшим вскоре штормом, застигшим русский флот, идущий из Севастополя: один большой корабль затонул, еще несколько оказались повреждены. Огорченный вредом, нанесенным его любимым кораблям, Потемкин заговорил об эвакуации из Крыма и о своем намерении отказаться от командования, ответ Екатерины был полон возмущения: «Вы нетерпеливы, как пятилетнее дитя, тогда как дела, вам порученные в эту минуту, требуют невозмутимого терпения, –

писала она ему. – Вы принадлежите государству, вы принадлежите мне <…> Ни время, ни отдаленность и никто на свете не переменит мой образ мыслей к тебе и о тебе». К этому она добавила свое мнение (как оказалось впоследствии правильное), что буря нанесла урон и турецкому флоту. Потемкин извинился, ссылаясь на то, что потерял присутствие духа из-за своей восприимчивости, а также головной боли и геморроя.

Когда зимний лед покрыл Днепр, обе стороны приостановили военные действия, которые возобновились лишь в мае. К тому времени Потемкин выстроил против Очакова пятьдесят тысяч солдат. Но даже тогда он, казалось, не спешил. Полагая, что крепость в конечном счете падет, и опасаясь, что попытку активного штурма крепостного вала могут сопровождать серьезные потери, он намеренно сдерживал атаку и ждал добровольной сдачи. Сам он не был трусом: во время длительной осады он постоянно подвергал свою жизнь риску. Уверенный, что его защищает Бог, он мог появиться на огневом рубеже в парадном мундире, представляя собой идеальную мишень. Его уверенность в себе подкрепилась после того, как пушечный выстрел убил офицера, стоявшего прямо позади него. Своим солдатам он говорил: «Не нужно вставать передо мной! Старайтесь только не ложиться от турецких пуль». Суворов не соглашался с такой стратегией предосторожности, он верил во внезапный, решающий удар, невзирая на возможные потери. Когда Потемкин удержал его от штурма Очакова, сказав: «Полагайтесь на Божью помощь, я постараюсь взять ее подешевле», Суворов ответил: «Нельзя взять крепость, просто глядя на нее». Однако они по-прежнему восхищались друг другом. Когда Суворов был ранен, Потемкин написал: «Мой дорогой друг, вы один значите для меня больше, чем десять тысяч остальных». Суворов отвечал: «Долгой жизни князю Григорию Александровичу! Он – честный человек, он – хороший человек, он – великий человек, и я с радостью умру за него».

Осада продолжалась. У турок был довольно кровавый обычай: они обезглавливали русских пленных, насаживали головы на пики и выставляли их вдоль крепостного рва. Наконец в декабре 1788 года, когда наступила вторая зима осады и армия стала страдать от холода, Потемкин сдался. Пообещав своим солдатам, что отдаст им полную власть над городом, как только крепость будет взята, он организовал штурм силами шести колон из пяти тысяч солдат в каждой и начал бой в четыре часа утра 6 декабря. Штурм длился всего четыре часа и стал одной из самых кровопролитных битв в российской военной истории; согласно

сведениям, в то утро погибло двадцать тысяч русских и тридцать тысяч турецких солдат. Однако со взятием Очакова путь к Днестру и Дунаю был открыт.

В следующем, 1789, году русская армия захватила территорию вдоль Днепра. Города-крепости Аккерман и Бендеры сдались без боя – только в Бендерах гарнизон насчитывал двадцать тысяч человек. В том же году Белград и Бухарест заняли австрийцы. Однако в феврале 1790 года друг и союзник Екатерины – император Иосиф II умер от туберкулеза. Иосиф был бездетным, и трон унаследовал его брат Леопольд, великий герцог Тосканский, который стал императором Леопольдом II. Он не был заинтересован в продолжении войны с Турцией. В июне 1790 года он заключил с султаном перемирие, а в августе – мир. Таким образом, Екатерина осталась вести войну в одиночестве. Несмотря на то что Австрия вышла из войны, российская армия достигла низовьев Дуная и брала один город за другим, пока не остановилась около Измаила – одной из самых неприступных крепостей в Европе. Массивные стены бастиона и крепостные рвы защищали тридцать пять тысяч солдат и 265 пушек. Крепость окружили тридцать тысяч русских солдат с шестью тысячами пушек. К концу ноября 1790 года прогресса так и не удалось добиться, и три русских генерала приказали готовиться к отступлению. Обеспокоенный грядущим отступлением Потемкин послал за Суворовым, предоставив ему свободу действий: начинать штурм или прекратить осаду в зависимости от того, какой вариант он сочтет лучшим. «Поспешите, мой дорогой друг, – писал он. – Моя единственная надежда на Бога и на вашу доблесть. Здесь слишком много генералов, одинаковых по званию, и в результате они похожи на парламент, который не может принять решение». Суворов прибыл 2 декабря, изменил расположение артиллерии, начал вести ожесточенный обстрел и сообщил Потемкину, что начнет штурм в течение пяти дней. Он предложил туркам сдаться, предупредив: «Если Измаил окажет сопротивление, то никого не пощадят». Турецкое командование не выполнило требование. Русские начали штурм на рассвете. Турки оборонялись на крепостных валах, у ворот, на каждой улице, у каждого дома. Внезапная атака русских привела их в ярость. Но к четырем часам дня Измаил пал.

В течение 1788–90 годов Россия сражалась в двух войнах – на севере и на юге. В июне 1788 года Густав III, король Швеции, попытался восстановить отданные Петру Великому в начале столетия земли, пока основная часть русских войск была сосредоточена на юге. Он хотел вновь захватить Финляндию и отвоевать у России балтийские провинции, в случае же

поражения, он объявил, что последует примеру королевы Христины, которая за сто лет до этого отказалась от трона, перешла в католичество и уехала в Рим. 1 июля 1788 года Екатерина получила от него ультиматум, в котором были изложены не только требования вернуть утраченные Швецией балтийские территории. Король также настаивал на том, чтобы императрица согласилась с примирительным вмешательством Швеции в русско-турецкую войну и вернула туркам Крым и другие османские территории, завоеванные начиная с 1768 года. Финальным оскорблением этого провокационного документа стало упоминание «помощи», которую король оказал России, не напав на нее во время первой русско-турецкой войны и восстания Пугачева. В Стокгольме Густав хвастал, что вскоре он будет завтракать в Петергофе, а затем войдет в Санкт-Петербург, где разрушит памятник Петру и поставит на его место свою статую. Екатерина охарактеризовала этот ультиматум как «безумный документ», который она получила от «сэра Джона Фальстафа». Потемкину она описывала его как короля, одетого в «латы, кирасу, брассары и квиссары и шишак с преужасными перьями<…> Чем я прогневила Бога, что он решил наказать меня столь ничтожным инструментом, как король Швеции?»

В июле 1789 года Густав вторгся в Финляндию и послал свой флот в Финский залив, его армия так и не смогла высадиться на берег, а морские операции были успешны лишь отчасти. В конце концов, война со Швецией так и не пришла к решающему завершению только потому, что Екатерина полностью сосредоточила свое внимание на войне с Турцией, а на Балтике лишь старалась поддерживать существующий порядок. Летом 1790 года Густав попросил о мире. Шведско-российский мир был заключен третьего августа, и все границы остались прежними, как до того момента, когда король представил свой «безумный документ». Екатерина вздохнула с облегчением. В своем письме Потемкину, который по-прежнему сражался с турками, она писала: «Велел Бог одну лапу высвободить из вязкого места [на Балтике]. <…> Теперь молю Бога, чтоб тебе помог сделать то же и с турками».

Вторая война с Турцией стала источником для колоритных историй, которые добавились к многочисленным легендам о Григории Потемкине. В одной из таких историй рассказывалось о подземном штабе, который он соорудил для себя, пока его армия осаждала Очаков. В штабе был огромный подземный зал отделанный мрамором, с рядами колонн из лазурита, огромными люстрами, мириадами свечей, большими зеркалами и целым

взводом лакеев в напудренных париках и шитых золотом ливреях, которые прислуживали господину. В другой невероятной истории сообщалось о том, что Потемкин якобы содержал целый театр и симфонический оркестр из сотни музыкантов для вдохновения и развлечения. Были также и экстравагантные упоминания о любовных приключениях Потемкина, которые имели место быть во время осады Очакова. Говорили, что он содержал гарем из прекрасных женщин, в который входила княгиня Екатерина Долгорукая, чей муж служил под его командованием, и прекрасная Прасковья Потемкина, жена его родственника Павла Потемкина.

Однако самым ярким феноменом Очакова был сам Потемкин. Принц де Линь, австрийский фельдмаршал, который присоединился к Екатерине и Потемкину во время их крымского путешествия, находился в русском штабе и уговаривал Потемкина начать штурм крепости, чтобы отвлечь польские войска, сражавшиеся с австрийцами на Балканах. Несмотря на постоянный отказ Потемкина начинать штурм, Линь находился под сильным впечатлением от этого человека. Своему другу де Сегюру, находившемуся в Санкт-Петербурге, он писал:

> «Я могу здесь лицезреть верховного главнокомандующего, который кажется праздным, но все время чем-то занят; у которого нет иного стола, чем его колено, иного гребня, чем его пальцы; который при любом удобном случае ложится на кушетку, но не спит ни днем, ни ночью. Пушечные залпы, которые не могут достигнуть его самого, тревожат его, поскольку стоят жизни его солдатам. Он дрожит за других, но сам храбр. Скучающий среди развлечений, он кажется пресыщенным, брезгливым, мрачным и непостоянным. Он глубокий философ, талантливый министр, великий политик; не мстителен, готов просить прощение за причиненную обиду, легко устраняет несправедливость, считает, что любит Бога, но на самом деле боящийся дьявола. Одной рукой он машет женщинам, которые ему приятны, а другой осеняет себя крестом; он получает бесчисленные подарки от своей государыни и тут же раздает их другим; предпочитает быть щедрым в своих дарах, всегда готов расплатиться; невероятно богат и не стоит ни гроша; легко добивается расположения и способен настроить против себя любого; обсуждает святость со своими генералами и военную тактику с епископами; никогда не читает, но добывает сведения у

всех, с кем ему приходиться общаться; необычайно учтив и невероятно дикий; самый привлекательный или невероятно отталкивающий в своих манерах; скрывающийся за маской грубости, самый доброжелательный человек в душе, как ребенок, ждущий получить все, или как великий муж, знающий, как обойтись без всего; грызет ногти, или яблоки, или репу; насмехается или смеется; уделяет время шалостям или молитвам; собирает двадцать своих адъютантов и ни одному из них ничего не говорит; не боится холода, но не мыслит своей жизни без мехов; расхаживает в рубахе без штанов или в богатых мундирах; босой или в тапочках; согнувшийся в три погибели, когда его никто не видит, и высокий, прямой, гордый, красивый, благородный и царственный, когда он предстает перед армией, как Агамемнон посреди греческих монархов. Так в чем же заключается его очарование? Гений, природные способности, великолепная память, естественное притворство, умение завоевать любое сердце, щедрость, любезность и справедливость в раздаваемых наградах, а также непревзойденное знание человеческой природу».

Еще одна интересная история о русско-турецкой войне – на этот раз правдивая – связана с фигурой, не имевшей прямого отношения к императрице Екатерине или Григорию Потемкину. Речь идет о Джоне Поле Джонсе, прославившемся в Америке как основатель военно-морского флота США.

Джонс начал свою карьеру с низов и умер в одиночестве, всеми отвергнутый и снова ставший никем. Но за свою жизнь он добился славы, о которой так мечтал. При рождении он получил имя Джон Пол – «Джонс» добавилось позже. Он был сыном бедного безвестного садовника, проживавшего на берегу Солуэй-Ферт в Шотландии. В тринадцать лет он отправился в море в качестве юнги на торговом судне, направлявшемся на Барбадос и в Виргинию. В 1766 году, в девятнадцать, он завербовался на африканское судно, перевозившее рабов, в должности третьего помощника капитана и занимался торговлей рабами в течение четырех лет. В двадцать три он стал капитаном торгового судна, проявив себя непревзойденным мореходом. Однако команда быстро устала от его вспыльчивого нрава. Он был миниатюрным и худощавым, ростом всего пять футов и пять дюймов, со светло-карими глазами, острым носом, высокими скулами и мощным подбородком. Одевался Джон Пол опрятно и своим внешним обликом напоминал скорее военного офицера, чем капитана

торгового судна, и всегда носил шпагу. Он воспользовался ею в Вест-Индии, чтобы заколоть главаря бунтовщиков из числа своей команды. Не зная, похвалят его за подавление мятежа или осудят за убийство, он сменил имя с Джона Пола на Джона Джонса и отплыл на первом же корабле, выходившем из порта.

Летом 1775 года Джонс прибыл в Филадельфию и попытался завербоваться на только что зарождавшийся флот бунтующей американской колонии; он стал первым старшим лейтенантом, принятым на должность Континентальным конгрессом. Год спустя, после подписания «Декларации Независимости», Джонс отплыл в Европу, надеясь найти фрегат, который отдадут ему под командование. Французское правительство, взбудораженное новостью о том, что британский генерал Джон Бургон сдался при Саратоге, полностью признало независимость Америки, а Бенджамин Франклин, американский представитель в Париже, стал патроном Джонса. С помощью Франклина Джонс принял командование на французском вест-индском торговом судне, побывавшем во многих путешествиях. Джонс вооружил его тридцатью пушками и назвал «Простаком Ричардом» в честь знаменитой работы Франклина «Альманах простака Ричарда».

14 августа 1779 года Джонс отплыл в путешествие, которое сделало его знаменитым. У побережья Северного моря в Йоркшире он столкнулся с караваном из сорока четырех судов, нагруженных припасами и следующих из Балтики в сопровождении быстроходного, маневренного британского фрегата «Серапис» с пятьюдесятью пушками, которым командовал опытный капитан Его Величества. Джонс атаковал его. Битва началась в 18.30 и продолжалась четыре часа под полной луной. Два корабля, прижатые рея к рее американскими кошками, палили друг в друга. Посреди сражения британский капитан крикнул со своей палубы Джонсу: «Ваш корабль уже спустил флаг?» Он имел в виду сигнал о капитуляции. Кто-то услышал, а возможно, писатель, сидевший на палубе, впоследствии представил себе, что Джонс крикнул в ответ: «Я еще не начинал бой!» Битва продолжалась до тех пор, пока «Простак Ричард» не утопил «Серапис» в огне. Британский капитан был ранен. Джонс перевел раненого капитана и остальную команду на захваченный корабль, прекратил огонь и вернулся во Францию. В Париже его приняли как героя. В Версале Людовик XVI сделал его кавалером ордена святого Людовика и вручил шпагу с золотым эфесом. Его боевые победы и умение держать себя привлекали внимание женщин, у него было несколько романов, в результате одного из которых родился внебрачный сын.

Джонс никогда не отказывался от мечты стать американским

адмиралом, но ни один из военно-морских офицеров не получал такого звания до Гражданской войны в Америке. Джонс вернулся в Париж, и в декабре 1787 года Томас Джефферсон, который сменил Франклина в качестве посла США во Франции, сообщил ему, что русский посол в Париже хотел бы узнать, не интересует ли Джонса пост в верховном командовании русского флота и служба на черноморском флоте в качестве адмирала. Джонс ухватился за это предложение: он не мог стать американским адмиралом, но у него появилась возможность стать адмиралом русского флота.

Новый адмирал приехал в Санкт-Петербург 4 мая, и Екатерина написала Гримму: «Пол Джонс только что прибыл к нам и поступил в мое распоряжение. Я видела его сегодня. Думаю, он замечательно подходит нашим целям». Джонс также был полон оптимизма: «Я был совершенно покорен императрицей и отдался в ее руки без каких-либо условий, позволявших мне извлечь какую-либо выгоду. Я попросил императрицу лишь об одном одолжении: она никогда не станет осуждать меня, предварительно не выслушав». Джонс отправился на юг и встретился с Потемкиным в Екатеринославе. Решив, что его сделают верховным главнокомандующим Черноморского флота, он проследовал через Херсон в сторону Днепровского лимана. Там, к своему ужасу, он оказался в обществе еще трех контр-адмиралов, включая принца Нассау-Зигена, и ни один из них не желал уступать в своей значимости Джонсу. Потемкин предпочел не вмешиваться.

Театром военных действий стал Днепровский лиман – тридцать миль в длину, всего восемь миль в ширину и восемнадцать миль в глубину. Большим кораблям, чье перемещение зависело от ветра, было сложно маневрировать, не сталкиваясь друг с другом. Джонсу поручили командование эскадрой из больших кораблей, в которую входил один линейных корабль и восемь фрегатов. Если его враги, турки, решились бы вступить в эти узкие, тесные воды, они смогли бы провести туда восемнадцать кораблей и сорок фрегатов, а также большое число гребных галер, которыми управляли прикованные к своим лавкам цепями рабы. У русских также имелась флотилия из двадцати пяти весельных мелкосидящих галер, однако их командир, принц Нассау-Зиген, был независим от Джонса и подчинялся непосредственно Потемкину. Битва с турками 5 июня была не завершена, после нее русское командование спорило о тактике, а также обсуждало заслуги тех, кому удалось вытеснить турок с данного участка. Потемкин встал на сторону Нассау-Зигена. «Я одного вас считаю победителем», – писал он. Екатерине Потемкин

написал: «Нассау – настоящий герой, победа принадлежит лишь ему». Бой возобновился через десять дней, и Джонс испытал серьезные сложности, но не с турками, а с русскими. Он не говорил по-русски, а между его кораблями не существовало единой сигнальной системы оповещения; адмиралу приходилось самому перемещаться между ними на лодке и отдавать капитанам приказы, но даже их необходимо было передавать через переводчика. Тем не менее он выиграл: турецкий флагманский корабль сел на мель и был уничтожен. Нассау-Зиген присвоил эту заслугу себе. «Мы одержали полную победу, – писал он своей жене. – Это сделала моя флотилия. Я властелин лимана. Бедный Пол Джонс! В этот великий день ему не нашлось места!» Джонс всю свою жизнь стремился к признанию. Он написал Потемкину: «Надеюсь, меня больше не будут унижать, и в скором времени я получу положение, которое мне обещали, когда я принял предложение вступить во флот Ее Императорского Величества». Вместо этого Потемкин освободил Джонса от командования, объяснив императрице, что «никто не желает служить под его началом». К концу октября Джонс вернулся в Санкт-Петербург, где был принят Екатериной, которая велела ему подождать назначения на Балтийский флот.

Он прождал всю зиму, коротая дни в обществе своего друга – французского посла Филиппа де Сегюра. В первую неделю апреля 1789 года столица была потрясена сообщением о том, что контр-адмирал Джонс попытался изнасиловать десятилетнюю девочку, дочь немецкой иммигрантки, которая владела молочной фермой. В полицию сообщили, что девочка разносила масло, а слуга Джонса сказал, что его хозяин хочет купить у нее немного товара, и отвел ее в квартиру Джонса. Там, по словам девочки, она нашла своего покупателя, которого никогда прежде не видела, одетого в белую форму с золотой звездой на красной ленте. Он купил у нее немного масла, а затем запер дверь, схватил, оттащил в спальню и набросился на нее. Позже девочка убежала домой, где рассказала все матери, а та отправилась в полицию. Сегюр вступился за друга, а некоторое время спустя описал этот случай в своих мемуарах, продолжая оправдывать Джонса. Он сказал, что юная девушка спросила у Джонса, не желает ли он, чтобы она заправила ему постель. Он отказался. «Тогда она стала показывать неприличные жесты, – Сегюр цитировал слова Джонса: – Я посоветовал ей не вступать на путь разврата, дал денег и отослал прочь». Как только она вышла из дома, девочка разорвала платье, закричала: «Насилуют!» и бросилась к матери, которая неожиданно оказалась неподалеку.

Две недели спустя Джонс написал Потемкину обо всем, что

ему удалось узнать – мать девочки призналась, что какой-то господин с орденами дал ей денег и велел рассказать эту историю про американца. Она также сообщила, что ее дочери – двенадцать, а не десять лет, и что ее соблазнил слуга Джонса за три месяца до того, как она посетила адмирала. Позднее Джонс говорил, что сразу же после предполагаемого изнасилования, вместо того чтобы сидеть дома, девочка продолжила разносить масло. «Обвинения против меня были всего лишь низким подлогом, – продолжал свое письмо Потемкину Джонс. – Стоит ли мне говорить, что в России распутная женщина, которая оставила мужа, выкрала ребенка, живет в доме, пользующемся дурной репутацией и ведет развратную, разнузданную жизнь, вызывает достаточно доверия, чтобы принимались во внимание ее ничем не подтвержденные жалобы против заслуженного старшего офицера, имеющего прекрасную репутацию, заслуги и награды Америки, Франции и Российской империи? Признаюсь, я люблю женщин и удовольствия, которые дарит нам этот пол, но брать их силой кажется мне ужасным. Я не могу полностью удовлетворить свою страсть без взаимного согласия, даю вам слово солдата и честного человека, что если девочка, о которой идет речь, не побывала ни в чьих больше руках, кроме как в моих, то она все еще невинна».

Однако существует и третья версия случившегося. Прежде чем говорить с Сегюром и писать Потемкину, Джонс дал показания начальнику полиции: «Выдвинутые против меня обвинения ложные. Их придумала мать испорченной девчонки, которая несколько раз приходила ко мне домой и с которой я часто badiner[12], всегда давал ей денег, но на чью девственность я никогда не покушался. Я думал, что ей на несколько лет больше, чем утверждает ваше превосходительство. Каждый раз приходя ко мне домой, она охотно позволяла делать с собой все, что угодно. В последний раз все было, как обычно, она была довольна и спокойна, никто не пытался обидеть ее. Если кому-нибудь придет в голову проверить, не была ли она дефлорирована, я заявляю, что не являюсь автором этого деяния, и могу с легкостью доказать ложность всех обвинений». К письму прилагались письменные показания трех свидетелей, которые клялись, что девочка покинула квартиру Джонса тихо, на ней не было ни крови, ни синяков, ее платье не было разорвано, и она не плакала.

Даже если это и не являлось преступлением, в любом случае подобные отношения между нервным, одиноким мужчиной средних лет и девочкой-подростком кажутся аморальными. Никто не знал точно, что именно случилось, но Джонс был изгнан из петербургского общества. Сегюр считал, что с Джонсом сыграли

злую шутку, и стоял за этим Нассау-Зиген. «Пол Джонс виновен не больше, чем я, – заявлял посол, – человек в его положении никогда не подвергался подобному унижению – обвинениям от женщины, чей муж называет ее сводницей, и чья дочь открыто пристает к мужчинам». Обвинения в изнасиловании были сняты с Джонса, но вместе с ними исчезло и предложение встать во главе командования Балтийским флотом (командование перешло к Нассау-Зигену, который вскоре проиграл морскую битву шведскому флоту). Вместо позорного изгнания Екатерина предоставила Джонсу двухлетний отпуск. 26 июня она публично протянула ему на прощание руку для поцелуя и пожелала счастливого пути.

Остаток его жизни был кратким и небогатым на яркие события. Он никогда больше не командовал кораблем и уж тем более целым флотом. Ему было чуть больше сорока, и он пережил в Париже первые годы Французской революции: ни американский посол Говернер Моррис, ни Лафайет не нашли времени увидеться с ним. Он умер 18 июля 1792 года через две недели после своего сорок пятого дня рождения от нефрита и пневмонии. После его смерти Моррис отказался выделить государственные средства для его похорон или избавить Джонса от похорон на кладбище для нищих. Вместо этого Французская национальная ассамблея, которая помнила Джонса как героя, выплатила небольшую сумму, которая была необходима чтобы похоронить его.

Столетие спустя, в 1899 году, американский посол во Франции Горацио Портер за собственный счет разыскал могилу Джонса. Он нашел его тело в свинцовом гробу на заброшенном кладбище на окраине Парижа. Когда Теодор Рузвельт являлся президентом, он с особым рвением занимался созданием американского военно-морского флота. Рузвельт отправил броненосец в Шербур, чтобы перевезти тело Джонса через Атлантику. В 1913 году, через 121 год после смерти, Джон Пол Джонс, названный основателем американского флота, был похоронен в мраморном саркофаге в склепе часовни военно-морской академии США. С тех пор каждый кадет военно-морского училища знает девиз Джонса, хотя точно неизвестно, действительно ли он произнес эту фразу: «Я еще не начал сражаться».

Летом 1791 года русская армия заставила турок сесть за стол мирных переговоров. В договоре, заключенном в Яссах, в Молдавии, в декабре 1791 года, самая главная цель Екатерины не была достигнута: турки сохранили за собой Константинополь и полумесяц по-прежнему оставался на куполе собора Святой

Софии; греческая империя для великого князя Константина так и не была основана. Однако Екатерине удалось многое. Турки формально уступили Крым, устье Днепра с крепостью Очаков, а также территории, находившиеся между реками Буг и Днестр, сделав таким образом реку Днестр западной границей России. Формальное присоединение земель по договору о военной базе в Севастополе и признание турками размещенного в нем флота обеспечивало России постоянное присутствие на Черном море. Последующее создание торгового порта в Одессе предоставляло стране возможности для экспорта русской пшеницы.

Вторая турецкая война была войной Потемкина: он отвечал за стратегию, командование и снабжение. Екатерина поддерживала его. Она была более уравновешенной, в отличие от Потемкина, не подверженной частой смене настроений, его сомнениям, страхам и приступам отчаянии. Но по одиночке ни один из них не добился бы такого успеха. Когда военные действия завершились, Потемкин передал остальным генералам право проводить переговоры в Яссах и вернулся в Санкт-Петербург, где Екатерина готовилась встретить его как победителя. Но даже во время поездки на север, Потемкин продолжал переживать. Впервые за семнадцать лет Екатерина взяла себе нового фаворита, чью кандидатуру он яростно не одобрял: красивого молодого человека по имени Платон Зубов. Он был плохо образованным, пустым и жадным до денег, поместий, почестей и титулов, которых требовал не только для себя, но и для своего отца и трех братьев: все они вскоре стали графами. Самый видный мужчина при дворе и в империи начал выставлять себя на посмешище во время утренних приемов. Когда дверь в его приемную открывалась, посетители часто видели Зубова, раскинувшегося на кушетке перед зеркалом, укладывающего и пудрящего свои волосы. Он мог надевать шелковый цветной сюртук, расшитый драгоценными камнями, белые атласные штаны и зеленые туфли. Нарочито игнорируя министров, генералов, придворных иностранцев и просителей, в молчании застывших перед ним, он уделял внимание лишь своей ручной обезьянке. Когда хозяин жестом приказывал ей развлечь его, она начинала прыгать по комнате, затем подскакивала, хваталась за люстру и приземлялась на плечо одного из посетителей, снимала с него парик и начинала ерошить волосы. Зубов смеялся, и все поддерживали его.

Потемкин знал, что они с Зубовым будут соперничать за доверие императрицы. Пока он опережал фаворита: Екатерина советовалась с ним по всем вопросам, она говорила ему, что если начнется война с Польшей, то он станет главнокомандующим,

однако Потемкин все равно беспокоился. Пока его карета направлялась к северной столице, он повторял про себя: «Я должен вытащить этот Зуб».

Прибыв в Санкт-Петербург 28 февраля 1791 года, Потемкин быстро показал, что его характер со временем совсем не изменился. Когда Кирилл Разумовский явился к нему, чтобы сообщить о бале, который он дает в честь Потемкина, тот встретил посетителя в старой ночной рубашке. Разумовский ответил ему сторицей, и несколько дней спустя принял князя в ночной рубашке и ночном колпаке. Потемкин рассмеялся и обнял хозяина дома.

Вскоре он вернулся к проблемам, связанным с Зубовым, которые, по его мнению, нужно было решить, чтобы, прежде всего, защитить Екатерину, а не ради собственной выгоды. Он видел, что больше не может использовать свою политическую власть, как было в случае с Ермоловым: если молодого человека и удастся отправить в отставку, то это требовалось сделать более деликатным образом. Потемкин пришел к выводу, что лучше всего будет воссоздать атмосферу их прежних романтических отношений. На удивление ему это почти удалось. В письме Гримму 21 мая Екатерина говорила о Потемкине с тем же энтузиазмом, что и несколько лет назад:

> «Глядя на генерал-фельдмаршала Потемкина, можно сказать, что победы и успехи делают его еще краше. Он явился к нам с поля боя прекрасным, как ясный день, веселым, как само веселье, ярким, как звезда и блещущим остроумием. Он больше не кусает ногти, каждый день устраивает празднества, и принимает гостей с такой изысканностью и учтивостью, что очаровывает всех».

Но успех Потемкина не был полным. Екатерина явно хотела продолжать свои отношения с Зубовым. Соревнование между двумя соперниками закончились ничьей. Потемкин открыто показывал свое презрение к Зубову, который в ответ улыбался и ждал удобной минуты. Между тем, когда потребовалось оплатить счета Потемкина, Екатерина сделала это и сказала казначейству, что расходы князя Потемкина должны оплачиваться как ее собственные.

Потемкин пытался отвлечься, давая и посещая приемы, обеды и балы. Празднество, превзошедшее все предыдущие, было устроено 28 апреля 1791 года в Таврическом дворце Потемкина. Было приглашено три тысячи гостей: и всех их представили императрице, когда она приехала. Князь стоял у дверей в алом

фраке с пуговицами из чистого золота и большим бриллиантом в каждой из них. Когда императрица села, двадцать четыре пары, включая двух внуков Екатерины: Александра и Константина, начали танцевать кадриль. После этого хозяин провел свою гостью через комнаты своего дворца. В одной поэты читали стихи, в другой – пел хор, в третьей – играли французскую комедию.

Под конец вечера начался бал и был подан роскошный ужин. Екатерина и Потемкин удалились в зимний сад, чтобы погулять между фонтанами и мраморными статуями. Когда во время разговора Потемкин упоминал Зубова, Екатерина ничего не отвечала. Екатерина оставалась во дворце до двух часов ночи – обычно она никогда не задерживалась так поздно на балах. Когда Потемкин провожал ее, она остановилась и поблагодарила его. Они попрощались. Переполненный чувствами, он опустился перед ней на колени, а когда поднял голову, они оба плакали. После ее отъезда Потемкин еще несколько минут стоял молча, а затем ушел в свои покои.

В пять утра 24 июля Потемкин покинул Царское Село в последний раз. Он устал, а поездка на юг утомила его еще больше. Потемкин по-прежнему переживал из-за Зубова, а Екатерина как будто не понимала, как сильно она задевала его тем, что продолжала рассказывать в письмах о своем молодом любовнике: «Дитя прислало поздравления… Дитя находит, что вы умнее, занимательнее и любезнее всех вас окружающих». Годы спустя, когда и Потемкин, и Екатерина умерли, «дитя» высказал свои истинные чувства о своем сопернике: «Я не смог убрать его с дороги, а нужно было это сделать, потому что императрица исполняла его желания прежде, чем он успевал их высказать, и боялась его так, словно он был ее законным мужем. Она любила только меня, но часто ставила Потемкина мне в пример, которому я должен был следовать. Это его вина, что мое нынешнее состояние в два раза меньше, чем могло бы быть».

Погрузившись в меланхолию, Потемкин ехал медленно – поездка в трясущейся карете была не из легких, – но затем вдруг приказал гнать лошадей быстрее. Промчавшись по пыльным дорогам через города и деревни, он прибыл в Яссы через восемь дней после того, как покинул город на Неве. Поездка подточила его и без того ослабевшее здоровье. Он написал Екатерине, что чувствует прикосновение руки смерти. У него появились симптомы малярии, которую он перенес в Крыму в 1783 году. Путешествуя по югу, он отказывался принимать хинин и другие лекарства, прописанные ему тремя докторами, которые его сопровождали; как и Екатерина, он был убежден, что лучший

способ вылечиться – позволить организму самому решить свои проблемы. Вместо рекомендованной докторами диеты, он много ел и злоупотреблял спиртным. Чтобы смягчить боль, он обвязывал голову мокрым полотенцем. Когда Потемкин приехал в Яссы, его подчиненные послали за его племянницей, Сашенькой Браницкой, надеясь, что она убедит его проявить благоразумие и согласиться на лечение. Александра спешно прибыла из Польши. В середине сентября у Потемкина началась лихорадка, и он не мог унять дрожь в течение двенадцати часов. Он писал Екатерине: «Прошу отыскать для меня шлафрок китайский и прислать. Оный крайне мне нужен». Русский посол в Вене, Андрей Разумовский, в письме сообщил, что может прислать «самого первого пианиста и лучшего композитора в Германии», чтобы утешить его. Предложение было сделано, и композитор согласился, но у Потемкина не было времени ответить, и Вольфганг Амадей Моцарт не приехал.

С трудом вынося влажный воздух Ясс, Потемкин дважды уезжал за город в надежде, что там ему будет легче дышать, а затем возвращался. В Санкт-Петербурге Екатерина ждала известий и писем от него, и попросила графиню Браницкую писать ей каждый день. Ради Потемкина Екатерина изменила свое отношение к докторам и лекарствам: «Ежели нужно, прими, что тебе облегчение, по рассуждению докторов, дать может. Да, приняв, прошу уже и беречь себя от пищи и питья, лекарству противных». При поддержке Александры врачи, наконец, убедили больного принимать лекарства. Несколько дней, казалось, что он пошел на поправку. Затем лихорадка и сонливость вернулись. Заявляя, что он «горит», Потемкин требовал мокрых полотенец, пил холодные напитки и вылил себе на голову бутылку одеколона. Он просил, чтобы все окна были открыты настежь, а когда и это не смогло остудить его, потребовал, чтобы его вынесли в сад. Каждый день он настойчиво спрашивал, не было ли известий от императрицы, а когда приносили новое письмо, плакал, читал и перечитывал письмо и постоянно целовал его. Когда ему приносили государственные документы и зачитывали их, он едва находил в себе силы поставить под ними подпись. Было ясно, что он умирает; сам Потемкин тоже осознавал это. Он отказался принимать хинин. «Я не поправлюсь. Я давно уже болею… да свершится Божья воля. Молитесь за мою душу и не забывайте меня, когда я умру. Я никогда никому не желал зла. И всегда хотел сделать людей счастливыми. Я не плохой человек и не злой гений нашей матушки, императрицы Екатерины, как о том говорят». Он попросил о последнем причастии, и когда обряд был совершен, успокоился. Гонец из Москвы принес еще одно

письмо от Екатерины, а также шубу и шелковый халат, который он просил. Он расплакался и спросил у Александры: «Скажи мне честно, я поправлюсь?» Она заверила его, что тот обязательно выздоровеет. Он взял ее руки и погладил их. «Какие хорошие ручки, – сказал он, – они так часто меня утешали».

Постепенно страстный, амбициозный мужчина, которому в то время было только пятьдесят два года, успокоился. Те, кто находился с ним в последние дни, видели, что он умирал в безмятежности. Он просил простить его за ту боль, которую, возможно, причинил окружавшим его людям. Ему пообещали, что передадут императрице его скромную признательность за все, что она для него сделала. Когда прибыло новое послание от нее, Потемкин снова расплакался. Он согласился принять хинин, но не смог удержать его в руках. Он начал терять рассудок и часто впадал в забытье. Потемкин чувствовал, что задыхается. Он написал Екатерине: «Матушка, как же я болен!» Он попросил перевезти его из Яссы в Николаев – воздух там был прохладнее, и это могло пойти ему на пользу. Перед тем как отправиться в путь, он продиктовал записку Екатерине: «Матушка Всемилостивейшая Государыня. Нет сил более переносить мои мучения. Одно спасение остается оставить сей город, и я велел себя везти в Николаев. Не знаю, что будет со мною».

В восемь часов утра 4 октября его отнесли в карету. Потемкин проехал несколько миль и сказал, что не может дышать. Карета остановилась. Когда Потемкина занесли в дом, он уснул. После трех часов отдыха, он бодро общался до полуночи. Потемкин попытался снова заснуть, но не смог. На рассвете он попросил продолжить поездку. Процессия проехала лишь семь миль, когда он приказал остановиться. «Вот и все, – сказал Потемкин. – Некуда ехать! Выньте меня из коляски: я хочу умереть на поле!» На траве расстелили персидский ковер. Потемкина положили на него и укрыли шелковым халатом, который ему прислала Екатерина. Все искали золотую монету, чтобы закрыть ему глаз в соответствии со странной традицией, но так и не нашли. Один из сопровождавших казаков предложил медную пятикопеечную монету, ей и закрыли ему глаз. В полдень субботы пятого октября 1791 года Потемкин умер. Императрице доставили послание: «Светлейший князь покинул эту землю».

В пять часов вечера 12 октября гонец принес новость в Зимний дворец в Санкт-Петербурге. Екатерина пришла в отчаяние: «Теперь не осталось никого, на кого я могла бы положиться! – воскликнула она. – Кто заменит Потемкина? Теперь все будет иначе! Он был настоящим дворянином». Шли дни, а ее секретарь лишь писал в своих отчетах: «Слезы и

отчаяние… слезы… и снова слезы…»

69
Искусство, архитектура и медный всадник

Основу великолепной коллекции произведений искусства, находящейся в музее Эрмитаж в Санкт-Петербурге, Екатерина начала закладывать уже через год после своего восхождения на трон. В 1763 году она узнала, что коллекция из 225 картин, собранных в Берлине польским торговцем, регулярно поставлявшим картины Фридриху II, не была оплачена. Торговец скупал и хранил картины для короля во дворце Потсдама – Сан-Суси, однако Фридрих решил, что не может себе позволить эту коллекцию. Его личные и государственные средства сильно сократились из-за расходов на Семилетнюю войну, кроме того, необходимость платить армии, а также восстанавливать разоренную страну возобладала над желанием купить картины, чтобы украсить стены своего дворца. Таким образом, торговец оказался в серьезных долгах и срочно искал нового клиента. Тогда на сцене появилась Екатерина, которая, практически не торгуясь, скупила всю коллекцию.

Возможно, в ее жесте по покупке коллекции, предназначавшейся изначально Фридриху, скрывалась и некоторая доля ехидства. Когда на троне была Елизавета, Россия воевала с Пруссией, затем Петр III унаследовал престол своей тетки, и все изменилось, он стал союзником Фридриха. Теперь Екатерина увела у него из-под носа коллекцию картин и таким образом отчасти поквиталась с ним. Не все картины были шедеврами, но среди них находились три работы Рембрандта, картины Франса Хальса и Рубенса.

Когда картины прибыли в Санкт-Петербург, Екатерина была так рада, что предупредила своих послов и агентов в Европе, чтобы они немедленно сообщали ей о других коллекциях, которые могли поступить в продажу. К счастью, русским послом в Париже был князь Дмитрий Голицын, утонченный, просвещенный человек, друг Вольтера и Дидро, а также завсегдатай интеллектуального и артистического салона мадам Жофрен. Голицын организовал для Екатерины покупку библиотеки Дидро в 1765 году и приобретал для нее картины все время, что оставался в Париже. Когда он покинул Францию и стал русским послом в Гааге, Дидро согласился быть агентом Екатерины и покупать картины для нее. Самый престижный и информированный критик в мире начал действовать от лица самой богатой и влиятельной женщины в мире.

Несколько лет спустя, в 1769 году, Екатерина сделала еще одно удачное приобретение – она купила знаменитую дрезденскую коллекцию покойного графа Генриха фон Брюля, министра иностранных дел короля Августа II Польского и курфюрста Саксонии, когда эта коллекция только поступила на рынок. Она заплатила 180 000 рублей и приобрела коллекцию, в которую входили работы Рембрандта, Караваджо и пять работ Рубенса. Картины доставили по морю на Балтике, а затем – по Неве до Зимнего дворца. Корабль встал на якорь всего в пятидесяти футах от входа во дворец. Следующие четверть века для Санкт-Петербурга стали обыденным явлением прибывавшие из Франции, Голландии и Англии суда, которые пришвартовывались у причала и с которых сгружали ящики и коробки с картинами Рембрандта, Рубенса, Караваджо, Франса Хальса и Ван Дейка. Во дворце эти ящики открывались в присутствии Екатерины, чтобы она могла первой увидеть и оценить их содержимое. Когда ящики раскрывали и доставали картины, их прислоняли к стенам, а Екатерина стояла напротив или проходила вдоль ряда картин, внимательно изучая и стараясь понять их содержание. Екатерина ценила приобретенные картины в меньшей степени за красоты и технику художников, а в большей – за сюжет и глубину содержания, а также за то признание и престиж, которые давали ей эти покупки.

25 марта 1771 года императрица вновь удивила Европу, купив знаменитую коллекцию Пьера Кроза, сменившую после смерти своего коллекционера много владельцев. В нее входило восемь работ Рембрандта, четыре – Веронезе, дюжина – Рубенса, семь картин Ван Дейка и несколько картин Рафаэля, Тициана и Тинторетто. Она получила всю коллекцию, за исключением одной картины Ван Дейка – портрета короля Карла I Английского, который был обезглавлен Оливером Кромвелем. Мадам Дюбарри, любовница Людовика XV, купила этот портрет, поскольку была уверена, что в ней течет кровь Стюартов. Екатерина была рада, когда Дидро сказал ей, что сумел приобрести коллекцию за половину ее стоимости. Четыре месяца спустя, в том же году, Екатерина купила 150 картин из коллекции герцога де Шуазеля. И снова Дидро, занимавшийся оформлением покупки, оценил, что Екатерина заплатила за нее половину от настоящей цены.

В 1773 году Дидро и Гримм прибыли в Санкт-Петербург. По возвращении во Францию Гримм взял на себя роль Дидро в качестве агента Екатерины в Париже. С Гримом Екатерине стало легче: Дидро, как и Вольтер, казался ей великим человеком, с которым нужно было вести себя очень осторожно; Гримм был

умным, приятным в общении человеком, с которым она вела неформальную переписку, насчитывающую более пятнадцати тысяч писем. Ради Екатерины Гримм проводил активную работу, например, он приобрел для нее копию скульптора Гудона, изображавшую сидящего Вольтера, необычайно похожего на философа. Оригинал находится теперь в «Комеди де Франсез», а копия – в музее Эрмитаж.

В 1778 году императрица получила известие от своего посла в Лондоне о том, что Джордж Уолпол, расточительный внук сэра Роберта Уолпола, собирается продать фамильную коллекцию картин. Роберт Уолпол входил в парламент от партии вигов, занимал пост премьер-министра в течение более двадцати лет в правление Георга I и Георга II и всю жизнь коллекционировал картины. В течение тридцати трех лет после смерти Роберта Уолпола они висели на стенах его фамильного особняка в Хоутон-холле в Норфолке. Внук Уолпола, пытаясь расплатиться с долгами и поддержать свое увлечение – разведение грейхаундов, решил продать всю коллекцию, самую значительную и знаменитую в Англии, и одну из самых лучших в мире. В нее входило почти двести картин, включая картину Рембранта «Авраам приносит в жертву Исаака», пятнадцать работ Ван Дейка и тринадцать работ Рубенса. Екатерина имела намерение купить их все. После двух месяцев переговоров она приобрела всю коллекцию за тридцать шесть тысяч фунтов.

Англия отреагировала бурным возмущением. Мысль о том, что иностранной императрице позволят купить и увезти принадлежащие Британии ценности, была для многих невыносима. Из страны не просто уходила коллекция картин, исчезала целая глава в истории и культуре Британии. Горацио Уолпол, писатель и эстет, дядя Джорджа, всегда хотел получить эту коллекцию и надеялся, что однажды она перейдет к нему. Случившееся он называл «воровством». Он заявил, что если он не может получить коллекцию, то «Я бы предпочел, чтобы картины продали английской короне, чем русской императрице, потому как тогда они сгорят в деревянном дворце при первом же государственном мятеже». Кампания по сбору подписей по обратному выкупу картин провалилась. Екатерина даже не волновалась по этому поводу. В своем письме Гримму она сказала: «Картины Уолпола никто больше не получит, по той простой причине, что ваша венценосная слуга уже завладела ими и не расстанется с ними, как кошка, которая ни за что не отдаст мышь».

Покупка коллекции Уолпола подтвердила репутацию Екатерина как самого дальновидного коллекционера предметов

искусства Европы, а также одного из наиболее перспективных клиентов для владельцев крупных коллекций. Она продолжила совершать покупки, но теперь стала более избирательной. В 1779 году, когда Гримм рекомендовал ей купить коллекцию французского графа де Бодуэна, в которую входили девять картин Рембранта, две – Рубенса и четыре – Ван Дейка, она не стала спешить заключать сделку, жалуясь на высокую цену. Гримм сообщал ей: «Граф де Бодуэн представляет Вашему Величеству решить, каковы будут условия, сроки и другие обстоятельства». Екатерина признала, что «было бы невежливым отказывать при таком щедром предложении», однако она не давала согласия до 1784 года. «Мир – странное место, и счастливых людей в нем очень мало, – писала она Гриму. – Я понимаю, что граф де Бодуэн не будет счастлив до тех пор, пока не продаст свою коллекцию, и, судя по всему, именно мне уготовано судьбой осчастливить его». Екатерина послала Гримму пятьдесят тысяч рублей. Когда картины прибыли и были распакованы, Екатерина написала Гримму: «Мы очень довольны».

Многие богатые европейцы считали себя ценителями искусства, и конкуренция на рынке произведений искусства была высокой. Екатерина являлась лидером; она была очень богатым коллекционером, доверяла своим агентам и была уверена в том, что может приобрести только самое лучшее и готова платить за это. Позже она признавалась, что отчасти ей двигали эгоизм и желание заработать престиж, ей нравилось обладать и собирать. «Это не любовь к искусству, – шутливо признавалась она. – Это прожорливость. Я обжора». Ее агенты продолжали покупать все, что представляло ценность и обладало эстетической красотой. В период ее правления коллекция Екатерины выросла до четырех тысяч картин. Она стала самым большим коллекционером и меценатом в истории Европы.

Екатерина являлась не только коллекционером, но и строителем. Благодаря архитектуре, как и коллекционированию произведений искусства, она хотела оставить в Санкт-Петербурге культурный след, который не сотрет время. В период ее правления в столицу приглашали самых знаменитых архитекторов, которые создавали элегантные правительственные здания, дворцы, усадьбы, а также другие строения, ставшие образцами высокого архитектурного стиля и напоминанием о той большой европейской цивилизации, к которой она хотела присоединить Россию. Елизавета также занималась строительством, и избыточность елизаветинского барокко, представленного архитектурой Растрелли, уступила место более

сдержанному и чистому стилю неоклассицизма. Здания Екатерины должны были представлять в камне ее чувство прекрасного и ее характер. Она предпочитала сочетать простоту и элегантность, используя величественные колонны и геометрические фасады из гранита и мрамора вместо свойственных Растрелли кирпича и крашеного гипса.

Огромный барочный Зимний дворец – признанный шедевр Растрелли – строился восемь лет и был закончен в 1761-м – в год смерти Елизаветы. Выкрашенный в яблочно-зеленый и белый цвета с фасадом высотой в 450 футов, он представлял собой массивную конструкцию, состоявшую из 1050 комнат и 117 лестниц. Через шесть месяцев после окончания строительства, когда Екатерина взошла на трон, она решила, что дворец давит на нее своими размерами и душит богатым декором. При ее любви к рациональности и порядку она не могла свыкнуться с избыточной позолотой и блеском и хотела убежать от всего этого. Ей не нравились помпезность и толпы народа, а также архитектурные изыски; она предпочитала общество близких друзей, которые собирались в небольших комнатах, где можно было насладиться интимными дружескими беседами. Кроме того, она хотела, чтобы рядом находился просторный, хорошо освещенный холл, где она могла бы повесить картины, которые привозили ей. Чтобы создать такое убежище, она обратилась к французскому архитектору, которого в свое время привез в Россию Иван Шувалов, фаворит Елизаветы в последние годы ее правления. Шувалов убедил императрицу создать постоянно действующую Академию художеств и в конечном счете уговорил французского архитектора Жана-Батиста Мишеля Валена-Деламота приехать в Санкт-Петербург и построить галерею, где бы размещалась академия. Екатерина, тогда еще великая княгиня, восхищалась новым зданием, которое возвел Деламот в 1759 году. Взойдя на престол, она поручила архитектору построить что-нибудь для нее.

В 1765 году Деламот спроектировал для Екатерины частный павильон и картинную галерею. Она назвала все это Эрмитажем, а впоследствии он стал называться Малым Эрмитажем. Деламот спроектировал трехэтажную пристройку, которую присоединил к огромному Зимнему дворцу Растрелли и каким-то образом, возможно, из-за своего небольшого размера, этот неоклассический фасад смотрелся вполне органично рядом с огромным, пышно украшенным Зимним дворцом Растрелли. В период своего правления Екатерина использовала этот небольшой павильон как частный дом, где она могла читать, работать и беседовать. Именно здесь она встречалась с Дидро во время его визита в Санкт-Петербург, с Гриммом – во время его двух

визитов, с британским послом Джеймсом Харрисом и со многими другими. Здесь она могла гулять по галерее в одиночестве или в окружении друзей и изучать свои новейшие приобретения.

«Вы должны знать, что наша одержимость строительством сейчас невероятно сильна, – писала Гримму Екатерина в 1779 году. – В этом есть что-то дьявольское. Она пожирает деньги, и чем больше вы строите, тем больше вы хотите еще построить. Это болезнь, как пристрастие к спиртному». Но в основном она строила для других. В 1766 году Екатерина поручила Антонио Ринальди построить загородный дворец для Григория Орлова в Гатчине, неподалеку от Санкт-Петербурга. Именно в Гатчину Орлов приглашал Руссо, и в Гатчину же Екатерина отправила Орлова на месяц «карантина», когда он в ярости примчался с юга, узнав, что его заменил новый фаворит – Васильчиков. В 1768 году Екатерина поручила Ринальди построить Мраморный дворец для Орлова в Санкт-Петербурге, в саду на берегу Невы. Вместо того чтобы построить дворец из кирпича, а затем покрыть кирпич слоем штукатурки и раскрасить ее в яркие цвета, как это сделал бы Растрелли, Ринальди возвел для Орлова дворец из серого и красного гранита и отделал его мрамором различных оттенков: розовым, белым и серо-голубым. На фасаде было написано: «дом благодарности».

Изо всех частных домов, построенных Екатериной, самым большим и великолепным стал дворец Потемкина. Она выбрала русского архитектора Ивана Старова, который десять лет обучался в Париже и Риме. Старов построил уникальный Таврический дворец в стиле неоклассицизма; когда он закончил его в 1789 году, этот дворец считался самым прекрасным частным строением в России. Над входным холлом возвышался купол высотой в 230 футов, вдоль стен стояли ионические колонны, а одна из дверей вела в огромный зимний сад. В 1906 году, когда царь Николай II основал Государственную Думу, (вскоре, однако, этот орган власти потерял свое значение), его разместили в Таврическом дворце.

Несмотря на то что Екатерина поручала Старову ответственные задания, он не входил в число архитекторов, с кем Екатерина тесно сотрудничала и чьи творения в полной мере соответствовали ее вкусу. Совсем иное положение занимал тихий, неприметный шотландец Чарльз Камерон. Родившийся в 1743 году Камерон был якобитом и обучался в Риме. Очарованный архитектурой античности, он написал книгу о древнеримских банях. Когда он приехал в Россию летом 1779 года, то уже был хорошо известен как дизайнер интерьеров и мебели в неоклассическом стиле. Екатерина поручила ему

переделать и украсить ее покои во дворце в Царском Селе, где она проводила лето. Екатерина не любила Зимний дворец Растрелли в Санкт-Петербурге, а также находила совершенно непригодным для жизни большой, раскрашенный в ярко-голубой, фисташковый и белый цвета барочный дворец Растрелли, построенный для императрицы Елизаветы в Царском Селе. Его фасад в 325 футов высотой казался ей слишком огромным. Бесконечная анфилада богато отделанных комнат и залов для приемов напоминали ей пышно убранные бараки. Сначала Екатерина поручила Камерону переделать и по-новому украсить ее личные покои во дворце. Таким образом, она пыталась проверить вкус Камерона. Он создал простые, элегантные комнаты, отделанные в спокойных цветах: молочно-белом, светло-голубом, зеленом и филетовом. «Я не перестаю удивляться его работе, – писала Екатерина Гримму. – Никогда не видела ничего подобного». Впоследствии она позволяла, а позже и поощряла Камерона в том, чтобы он использовал только самые дорогие материалы: агат, яшму, лазурит, малахит и бронзу.

В 1780 году императрица попросила Камерона построить дворец для ее сына, великого князя Павла и его жены Марии в Павловске, неподалеку от Царского Села. В 1777 году по случаю рождения внука Александра императрица подарила паре тысячу акров земли и большой английский парк с прудами, мостами, церковью, статуями и колоннадами. Камерон приступил к работе над дворцом, который стал для Марии домом во времена ее вдовства. Сейчас, отреставрированный после серьезных повреждений, нанесенных во время Второй мировой войны, он по-прежнему считается шедевром архитектуры.

Следующим заданием для Камерона стало преобразование части большого дворца в Царском Селе. Он создал Агатовые комнаты: три комнаты, стены которых были выполнены из яшмы и красного агата. Затем последовал его окончательный триумф – на террасе и колоннаде новой галереи было написано: «Камеронова галерея». Это была мраморная галерея с потолками в 270 футов высотой, гранитным основанием и открытой колоннадой с изящными ионическими колоннами. Она находилась в конце дворца Растрелли, рядом с новыми апартаментами Екатерины, к которым была расположена под острым углом и перпендикулярно к основному зданию. Между колоннами Екатерина распорядилась разместить пятьдесят бронзовых бюстов греческих и римских философов и ораторов. В окружении личностей, которыми она восхищалась, она любила сидеть и читать летними днями. Закончив чтение, Екатерина проходила до конца галереи, где начиналась крутая изогнутая

лестница, разделенная на два ответвления: одно было обычной лестницей со ступенями, другое – простым спуском. Лестница вела к раскинувшемуся у ее подножия парку. В последние годы своей жизни Екатерина любила прогуливаться по парку или же предпочитала, чтобы ее возили по нему в кресле с колесиками.

После Камерона любимым архитектором Екатерины стал Джакомо Кваренги, итальянец, который также работал в неоклассическом стиле. Кваренги приехал в Россию в 1780 году через два года после Камерона. Он начал с того, что спроектировал неоклассический палладианский театр в Малом Эрмитаже, украсив его мраморными колоннами и статуями драматургов и композиторов. Также Кваренги создал строгий Александровский дворец в Царском Селе для любимого внука Екатерины Александра, впоследствии – императора Александра I. Столетие спустя этот дворец стал загородным домом для потомка Екатерины – последнего русского царя Николая II и его семьи.

Не все люди искусства, чье творчество поддерживала и поощряла Екатерина, приезжали из-за рубежа. Лучшие студенты Академии художеств за государственный счет отправлялись для обучения заграницу группами по двадцать человек. Два, четыре года, а иногда и больше они проводили во Франции, Италии или Германии. Самые величайшие портретисты времени Екатерины – украинцы Дмитрий Левицкий и Владимир Боровиковский. Наиболее известной работой Боровиковского является портрет пожилой Екатерины, которая изображена гуляющей со своей собакой в Царском Селе. Другим художником екатерининских времен, рожденным в России, был Георг Фридрих Фельтен, чей отец приехал в Россию в качестве главного повара Петра Великого. Молодой Фельтен изучал архитектуру за рубежом, а по возвращении ему поручили избавиться от деревянных причалов Невы и построить набережные из финского гранита. Этот архитектурный ансамбль вдоль Невы, протяженностью в двадцать четыре мили, придал набережной величественный и элегантный вид. А гранитные причалы служили пристанью для речных и морских судов.

Если в архитектуре Екатерина искала чистые, классические линии, то от парков и садов она ждала противоположного. Когда она занималась преобразованием Голландского и Французского садов в Царском Селе, ее советником и главным садовником был Джон Буш – англичанин ганноверского происхождения, общавшийся с Екатериной на немецком языке. Способности Буша к языкам пришлись кстати, когда ему поручили играть роль «хозяина постоялого двора» во время визита императора Иосифа II в Царское Село в качестве «графа Фалкенштейна». Буш занимал

пост садовника в течение долгих лет, а когда ушел в отставку, эту должность унаследовал его сын, Иосиф. Буш также был знаком с Камероном. Когда шотландец прибыл в Россию, то не говорил ни по-русски, ни по-французски. Он переехал жить в дом Буша и, в конце концов, женился на его дочери.

Екатерина занималась и созданием новых парков. Ей нравились цветы, кустарники, памятники, обелиски, триумфальные арки, каналы и извилистые тропы. Буш создавал все это для нее. Она писала Вольтеру: «В настоящее время я люблю до сумасшествия английские сады, кривые линии, нежные скаты, пруды наподобие озерков и резко определенные береговые очертания, и питаю глубочайшее отвращение к линиям прямым, похожим друг на друга. Я ненавижу фонтаны за ту пытку, которой они подвергают воду, заставляя ее следовать направлению, противному ее естественному течению; статуям отведены места в галереях, в передних и т. д., – одним словом, англомания овладела вполне моею плантоманией». Под конец рабочего дня она гуляла в парке в простом платье, дрессировала своих собачек и часто смешивалась с толпой – в парк пускали всех прилично одетых людей. Именно в этом парке в Царском Селе происходит одна из финальных сцен повести Александра Пушкина «Капитанская дочка», посвященной Пугачевскому восстанию и написанной через сорок лет после смерти Екатерины. Молодая девушка, невеста офицера, арестованного по ложному обвинению в участии в бунте, гуляла в этом парке. Она случайно встречается с просто одетой женщиной средних лет, которая в одиночестве сидела на скамейке. Пожилая женщина спросила ее, почему та расстроена, и девушка поведала ей свою историю и сказала, что надеется вымолить помилование у императрицы. Даме «казалось лет сорок. Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую». Она сказала встревоженной девушке, что та может идти ко двору и сообщить свою историю императрице, а также попросила ее не терять надежды. Вскоре после этого молодую девушку вызвали во дворец и отвели в уборную императрицы, где она поняла, что женщина, с которой она встретилась в парке, была Екатериной. Молодой офицер получил прощение и на смену отчаянию пришла радость.

Но не только непревзойденная коллекция картин и элегантные дворцы в неоклассическом стиле, которые Екатерины строила для себя и для своих приближенных, создали ей репутацию покровительницы искусств. Самым знаменитым произведением искусства, созданным в России за время ее

правления, стал конный памятник Петру Великому, выполненный Этьеном Морисом Фальконе. С момента его открытия в 1782 году этот уникальный шедевр, созданный по приказу Екатерины, желавшей доказать, что она является наследницей великих русских царей, уже почти два с половиной века стоит на берегу Невы в городе, основанном Петром.

Для императрицы Елизаветы, дочери Петра Великого, Петр всегда был кумиром, однако она так и не создала достойного, по мнению Екатерины, памятника ему. Теперь Екатерина, которая не была рождена в России, но надеялась, что в ней признают истинную политическую наследницу великого царя, решила, что должна отдать дань уважения человеку, сделавшему Россию великой европейской державой. Себя она считала дочерью Европы, приехавшей в Россию через восемнадцать лет после смерти Петра и ставшей его продолжательницей в стремлении к цивилизации и величию. Она хотела, чтобы все русские поняли и приняли эту связь между двумя монархами.

Поскольку Екатерина не нашла ни одного русского скульптора, чей талант смог бы удовлетворить ее требованиям, она посоветовалась со своим послом в Париже – князем Дмитрием Голицыным – и поручила ему найти французского скульптора, который придумал бы и создал героическую конную скульптуру в бронзе. Первоначально князь предлагал за эту работу 300 000 луидоров. Он обратился к трем наиболее известным скульпторам во Франции, и те запросили 400 000, 450 000 и 600 000 луидоров соответственно. Затем Голицын поговорил со своим другом Дидро, а тот, в свою очередь, – со скульптором Этьеном Морисом Фальконе, директором скульптурной мастерской на фарфоровом заводе «Рояль Севр». Фальконе казался не самым привлекательным кандидатом – сын бедного плотника, он считался достаточно компетентным, но не обладавшим выдающимся талантом. Екатерина сообщала Голицыну и Дидро, что хотела бы создать масштабную скульптуру, а Фальконе до этого был известен как создатель миниатюр из фарфора, которыми восхищалась фаворитка Людовика XV – мадам де Помпадур. Ему был уже пятьдесят один год, и он никогда не работал над монументальными скульптурами. Тем не менее, уступив убеждениям Дидро, он принял приглашение Екатерины и согласился на 25 000 луидоров в год, сказав, что готов посвятить работе восемь лет. На самом деле он оставался в России двенадцать лет.

Фальконе прибыл в Санкт-Петербург в 1766 году, Екатерина была рада его приезду. Ей было приятно, что Фальконе запросил меньше, чем она предлагала, и намного меньше остальных

кандидатов. Хотя в Париже Фальконе заработал себе репутацию раздражительного и самовлюбленного человека, после приезда в Россию, приступив к работе над первыми, еще глиняными вариантами статуями, он постоянно нуждался в одобрении своей патронессы. Екатерина не только демонстрировала ему энтузиазм по поводу его работы, но и выказывала свое уважение. В 1767 году, когда Фальконе представил первый вариант статуи Петра, она заявила, что не обладает достаточными знаниями и извинилась за то, что высказывает свое мнение по данному вопросу. Екатерина порекомендовала скульптору полагаться на свои собственные суждения и на возможное мнение потомков. Фальконе возразил: «Для меня нет иного мнения, кроме Вашего Величества. А дальнейшее пусть идет своим чередом».

«Нельзя так, – ответила Екатерина. – Как вы можете полностью подчиняться моему мнению? Я даже не умею рисовать. Любой школьник знает о скульптуре больше, чем я».

Польщенный тем, как высоко ценит его суждение императрица, Фальконе стал давать советы относительно картин, которые покупал и присылал Дидро. Его комментарии были полны подобострастия. «Какая очаровательная картина, – писал он о произведении малоизвестного художника. – Какое великолепное владение кистью! Какие красивые тона! Какая прелестная головка Афродиты! Какая восхитительная насыщенность красок!» О другой картине он отозвался: «Мы должны преклонить перед ней колени. Любой, кто осмелится думать иначе, не обладает ни верой, ни моралью. Я кое-что знаю в искусстве, это в буквальном смысле слова моя профессия». Екатерина ответила на его замечание: «Думаю, вы правы. Я хорошо знаю, почему не могу разделить ваши взгляды. Все дело в том, что я не обладаю достаточными знаниями, чтобы увидеть то, что можете видеть вы». Часто после первого изучения новоприобретенных картин Екатерина показывала их Фальконе. «Мои картины красивы, – писала она о новой поставке. – Когда вы придете и посмотрите на них?»

Екатерина, возможно, не слишком хорошо разбиралась в искусстве, но прекрасно представляла, какую статую Петра ей хотелось бы увидеть. Фальконе никогда не рассчитывал, что будет работать с масштабами, которых требовала от него императрица, но ее высокие ожидания заставили его прилагать особые усилия и поднять свое мастерство на новый уровень. Пытаясь помочь ему получше разобраться с внешним видом и движениями вздыбленного коня, императрица предоставила ему двух любимых коней, а также наездников, которые поднимали их на дыбы столько раз, сколько это было необходимо скульптору.

Между тем ученица Фальконе, восемнадцатилетняя Мари Анн Колло, прибывшая с ним из Парижа, работала над головой и лицом Петра, используя посмертную маску Петра и имевшиеся на тот момент портреты. Она оставалась со скульптором все время его пребывания в России, а позже вышла замуж за его сына, который приехал навестить отца.

К лету 1769 года работа Фальконе над статуей значительно продвинулась, и это позволило представить на суд публике модель. Не все отзывы оказались положительными. Одним из спорных моментов было присутствие змеи, которую скульптор поместил под копытами вставшего на дыбы коня. Многие высказывали Фальконе свое мнение, что эту недостойную тварь нужно убрать. Однако они не знали, что присутствие змеи было необходимым элементом скульптуры. Без трех точек опоры, которые образовывали задние ноги и хвост, опиравшийся на спину змеи, лошадь не устояла бы. «Они, в отличие от меня, не делали расчетов, которые производил я, – отвечал на критику скульптор. – Они не знают, что, если последовать их совету, работе придет конец». Екатерина не хотела вмешиваться в спор и ответила Фальконе: «Это старая песня «если да кабы». Вот мой ответ по поводу змеи. Ваши доводы хороши».

К весне 1770 году модель была завершена, но жалобы продолжались. Фальконе говорили, что он нарядил русского героя римским императором, это провоцировало православную церковь, которая возмущалась, что француз придал Петру сходство с языческим монархом. Екатерина успокоила эту критику, объявив, что на Петре – идеализированная версия национального русского костюма. Позже Екатерина снова писала, чтобы приободрить чрезмерно чувствительного художника: «Я слышу только хвалебные отзывы о статуе. Лишь один человек высказал пожелание, чтобы на одежде было больше складок, дабы глупые люди не принимали ее за женскую рубаху, но нельзя угодить всем». Наконец, когда полная глиняная версия была представлена публике, Екатерина продолжала подбадривать нервного Фальконе, который теперь волновался, что на его работу, казалось, не было никакой реакции: люди не говорят о нем, жаловался он. И снова Екатерина пыталась его успокоить: «Я знаю об этом… в основном все довольны, – говорила она ему. – Если люди ничего вам не говорят, то лишь из деликатности. Некоторые считают себя недостаточно знающими; другие, возможно, боятся огорчить вас, высказав свое мнение; кто-то просто ничего не понимает. Не воспринимайте все превратно».

Пока колоссальную статую отливали, скульптор и его патронесса пытались найти основу, на которую необходимо было

поставить статую. Старатели, добывавшие в Карелии гранит для набережной Невы, нашли огромный монолит, глубоко вросший в землю. Когда его извлекли, он оказался двадцать два фута высотой, сорок два фута в длину и тридцать четыре фута в ширину. Эксперты рассчитали, что его вес составил полторы тысячи тонн. Екатерина решила, что эта глыба времен ледникового периода должна послужить пьедесталом для памятника. Чтобы привезти его в Санкт-Петербург, была разработана целая система, которая стала новым словом в инженерном деле. С наступлением весны, когда земля оттаяла, валун протащили четыре мили до моря. Его положили на деревянную платформу, которая катилась по медным шарам, выполнявшим функцию современных шариковых подшипников, шарики катились по рельсам, сделанным из бревен, выложенных на всем протяжении пути. Понадобились подъемные ворота, ременные шкивы и более тысячи человек, чтобы продвигать камень по сто ярдов в день от места, где его обнаружили, до берега Финского залива. Там глыбу ожидала специально построенная баржа, а когда ее погрузили, баржу стали поддерживать с двух сторон два военных корабля, чтобы она не перевернулась. Таким образом, камень медленно поплыл по заливу и был доставлен в Неву, где его вытащили на берег и установили на специально отведенном для этого месте.

К тому времени работа над памятником велась уже пять лет. Еще четыре года было потрачено на то, чтобы найти подходящую мастерскую для изготовления памятника и создания формы для отливки огромного количества сплава меди и олова. Конь и всадник весили шестнадцать тонн, а толщина бронзы варьируется от дюйма до четверти дюйма. В один из моментов во время отливки форма треснула и расплавленная бронза вылилась. Начался пожар, но он был потушен, а застывший металл снова отправили в переплавку. Неудача следовала за неудачей, деньги тратились впустую. Отношения Фальконе с Екатериной постепенно охладели. На смену ее прежнему энтузиазму и желанию приободрить пришло равнодушие и недовольство. Фальконе, нервный и раздражительный, не мог дать отпор императрице, которая не понимала причины постоянных задержек. Сначала ей нравился его артистический темперамент, но со временем ей это надоело. В своем письме Гримму, где она просила пригласить на работу двух итальянских архитекторов, она выразила свое раздражение: «Выберете честных и разумных людей, а не мечтателей, как Фальконе. [Мне нужны] люди, которые ходят по земле, а не витают в облаках».

Фальконе провел в России около двенадцати лет, но, в конце

концов, не смог продолжить работу. В 1778 году, устав от задержек, измученный постоянной критикой, с надломленным духом и подорванным здоровьем, Фальконе попросил разрешения уехать. Екатерина заплатила все, что ему причиталось, но не захотела встретиться с ним лично. Он вернулся в Париж, где стал директором Академии изящных искусств. В 1783 году он перенес инсульт, однако после этого прожил еще восемь лет. Фальконе продолжал писать об искусстве, но никогда больше не занимался скульптурой.

После отъезда Фальконе прошло еще четыре года – и всего шестнадцать лет после приезда скульптора в Россию – прежде, чем памятник был открыт. Екатерина не пригласила скульптора на церемонию. Но время скомпенсировало эту неблагодарность. В результате двенадцати лет его работы статуя стала визитной карточкой Санкт-Петербурга, самым известным памятником в России, и одним из самых выдающихся памятников в мире. В течение девятисот дней блокады во время Второй мировой войны город пострадал от непрерывной немецкой бомбардировки, однако памятник, стоявший на берегу, не был поврежден.

7 августа 1782 года Екатерина устроила официальное открытие памятника. Глядя из окна расположенного рядом здания Сената на полки гвардии и огромную толпу, собравшуюся на площади внизу, императрица подала знак. Драпировка упала вниз, и в толпе раздались восторженные крики.

Это был Петр, увековеченный в бронзе, его голова находилась на высоте почти пятидесяти футов. На нем была простая римская туника, а голову венчал лавровый венец. Его лицо было устремлено на протекавшую перед ним Неву. Левая рука держала повод коня, опиравшегося задними ногами на волну, выбитую в камне. Его вытянутая правая рука указывала на находившуюся на другой стороне реки крепость и первые здания, которые он создал. Змея, символизирующая трудности, которые он преодолел, лежала раздавленная под копытами коня. Хвост коня опирался на змею, обеспечивая третью точку опоры, необходимую для баланса памятника. На каждой стороне гранитного основания была выгравирована надпись: «ПЕТРУ ПЕРВОМУ ОТ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ», с одной стороны она была сделана на русском, с другой – на латыни. Таким образом, императрица отдала дань своему предшественнику и идентифицировала себя с ним.

В классической поэме «Медный всадник» Александр Пушкин писал:

Кто неподвижно возвышался

Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Над морем город основался…
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

Так русский поэт описывал работу французского скульптора, создавшего памятник величайшему русскому императору, благодаря вдохновению и целеустремленности рожденной в Германии императрицы. Статуя стала самым ярким воплощением стремления императрицы идентифицировать себя со своим великим предшественником. Екатерина была достойной преемницей Петра и единственной равной ему в своей дальновидности, грандиозности замыслов и достижений за все время существования монархии в России.

70
«Они способны повесить своего короля на фонарном столбе!»

Его христианнейшее величество, Людовик XVI, король Франции и Наварры, был простоватым, приятным и доброжелательным человеком, который получал удовольствие от вкусной еды, охоты на оленей и слесарного ремесла. Окруженный министрами, которые давали ему противоречащие друг другу советы, он с трудом принимал решения. Необходимость выбрать что-то одно приводила его в замешательство; даже сделав выбор, он продолжал колебаться и нередко менял решение. Этот незадачливый тридцатипятилетний монарх уже шестнадцать лет находился на троне, когда в 1789 году созвал Генеральные штаты в Версале. Людовик сделал это не потому, что ему этого хотелось, и не потому, что это было обычным делом для французских королей. Скорее, он действовал так из-за отсутствия выбора: правительство отчаянно нуждалось в деньгах, чтобы избежать национального банкротства.

Со стороны Франция по-прежнему казалась вершиной европейской культуры и величия. Ее население, составлявшее двадцать семь миллионов человек, было самым многочисленным в Европе. Она обладала самым богатым и продуктивным сельским хозяйством на континенте. Франция была центром интеллектуальной мысли, а французский язык – международным языком общения образованных людей. С тех пор как Вильгельм Нормандский выиграл битву при Гастингсе в 1066 году, Франция одерживала победы в огромном количестве битв. Начиная с шестнадцатого века величайшие французские короли: Франциск I, Генрих IV и Людовик XIV занимали исключительное положение среди монархов Европы. Но когда в 1715 году на смену Королю-Солнце пришел его внук Людовик XV, а бесконечная война все продолжалась, успехи стали не такими уж и постоянными. По окончании Семилетней войны в 1763 году Англия забрала почти все основные колонии Франции в Северной Америке и Индии. В свою очередь, Франция отомстила тем, что поддержала американских колонистов в их борьбе за независимость. Эйфория, последовавшая за военным триумфом в Америке, в Париже была не менее сильной, чем в Филадельфии.

Но война стоила денег, и счета нужно было оплачивать. Государственная казна была истощена, а затем и вовсе опустошена войной, а расходы правительства продолжали

накапливаться. Казна оплачивала займы, и к 1788 году выплата процентов по задолженности поглотила половину правительственных расходов. Налоги, которые сильнее всего ударили по низшим слоям общества, были огромными, несмотря на плодородность земель во Франции, простые люди жили в нищете. Плохой урожай в 1787–1788 годах привел к дефициту зерна и росту цен на продовольствие. Перед лицом финансового краха король и правительство понимали, что у них нет другого выбора, кроме как созвать Генеральные штаты – представительный орган Франции, долгое время находившийся в бездействии. Созывая эту ассамблею, правительство признавало, что не может и дальше повышать налоги без согласия народа.

Генеральные штаты собрались в Версале 5 мая 1789 года. Три основных сословия были представлены тысячей двумястами кандидатами. Духовенство, считавшееся первым сословием, владело 10 процентами земель во Франции, они пользовались наибольшими налоговыми послаблениями и были представлены тремястами кандидатами. Дворянство, второе сословие, владело 30 процентами земель, также имело многочисленные налоговые послабления и было представлено еще тремястами кандидатами. Примерно сто из них были настроены либерально, а пятьдесят (самые молодые, кому не исполнилось еще сорока лет) были готовы и даже желали перемен. Простолюдинов, третье сословие, представляли шестьсот делегатов, и они выступали от людей, которые составляли 97 процентов населения Франции. Большая часть этих людей были крестьянами, хотя в третье сословие входили и проживавшие в городах рабочие. Хлеб, который составлял три четверти рациона простых людей, стоил от одной трети до половины их дохода. Буржуазия, или средний класс – банкиры, юристы, врачи, художники, писатели, владельцы магазинов и т. д. – также принадлежали к третьему сословию. Страдая от высоких налогов, недостатка еды, безработицы, нищеты и тревожных настроений, третье сословие более всего хотело перемен. Однако делегаты знали, что их собрали не для того, чтобы улучшить положение людей, которых они представляли, а потому что правительство серьезно нуждалось в деньгах.

За две недели первых заседаний, делегаты от двух привилегированных классов: духовенства и дворянства заставили простолюдинов почувствовать свое униженное положение. 20 июня делегаты от третьего сословия явились на очередное заседание, однако вооруженная стража преградила им дорогу и заставила ждать под проливным дождем. Кто-то вспомнил, что неподалеку находился крытый корт для игры в мяч, и все

шестьсот делегатов поспешили туда. Оказавшись там, они дали волю чувствам, объявили себя Национальным собранием и поклялись: «Перед Богом и страной никогда не разлучаться, пока не будет создана надежная и справедливая конституция, как просили наши избиратели». Сорок семь членов либерально настроенного дворянства присоединились к новому Национальному собранию, чтобы принести клятву, которая впоследствии стала известна как Клятва в зале для игры в мяч.

Третьему сословию не позволялось заявлять о себе или действовать как национальной ассамблеи, король угрожал распустить Генеральные штаты, если возникнет такая необходимость. Граф Мирабо – дворянин, выбранный простолюдинами и быстро ставший лидером среди делегатов третьего сословия, стал возражать посыльным короля. «Идите и скажите тем, кто вас послал, – заявил он, – что мы явились сюда по воле народа и ничто, кроме силы штыков, не изгонит нас отсюда». 27 июня декрет Людовика запретил все собрания Генеральных штатов, объявив их «бессмысленными, незаконными и противоречащими конституции». В результате в городах стали подниматься восстания, а в деревнях начались бунты. Самым известным стал штурм Бастилии.

Бастилия – крепость четырнадцатого века, состояла из восьми круглых башен и соединяющей их стены в пять футов толщиной, она была переведена в статус тюрьмы, в которую отправляли людей, нарушивших закон или выступавших против правительства, многие из которых больше не возвращались назад. Однако к 1789 году ситуация изменилась, и тюрьма стала уже скорее символом тирании, чем мрачным местом для отбывания заключения. Маркиз де Сад, находившийся в Бастилии в ту неделю, когда крепость штурмовали, повесил на стенах своей камеры фамильные портреты, а также держал там гардероб модной одежды и библиотеку, насчитывающую десятки книг. В день нападения в крепости оставалось только семь пленников: пять фальшивомонетчиков и два психически нездоровых человека. И все же Бастилия по-прежнему считалась королевским арсеналом и имела гарнизон из 114 солдат, к тому же правительство решило использовать это место, чтобы складировать там 250 бочек с порохом.

14 июля двадцать тысяч парижан, возмущенных королевским указом, распустившим Генеральные штаты, а также значительное количество парижских солдат, располагавших запасом пороха, двинулись к Бастилии. Несколько часов спустя крепость пала, толпа освободила семерых узников и захватила порох. Комендант

крепости был заколот ножами, саблями и пиками, его шею перерезали карманным ножом, голову водрузили на пику и пронесли по улицам во главе шествия.

Падение Бастилии стало поворотным этапом и в политическом, и психологическом отношении. 4 августа Национальная ассамблея написала новую конституцию и проголосовала за отмену большей части прав аристократии, а также налоговых привилегий для дворянства и духовенства. 26 августа ассамблея приняла декларацию о правах человека, текст которой отражал идеи Просвещения и был схож с американской «Декларацией о Независимости».

Людовик XVI и его семья оставались в Версале. 5 октября процессия из пяти тысяч женщин (и мужчин, переодетых женщинами – они слепо верили, что король не прикажет охранявшим дворец солдатам стрелять в женщин) прошли десять миль от Парижа и вторглись на территорию дворца, построенного Королем-Солнце, а на следующий день заставили королевскую семью вернуться вместе с ними в Париж. Семья была доставлена во дворец Тюильри, где она находилась под домашним арестом (им даже разрешались утренние прогулки на экипаже в городском парке). Там они провели девять месяцев, пока лидеры Национального собрания, большую часть которых составляли интеллектуалы и юристы, а также несколько дворян, пытались придумать новую форму конституционной монархии и при этом старались поддерживать порядок во время проведения реформ. Пока они работали до весны 1791 года (через двадцать четыре месяца после сбора Генеральных штатов и двадцать два месяца после штурма Бастилии), Францией правило Национальное собрание во главе с монархистским большинством, которое возглавлял Мирабо.

Вечером 25 марта 1791 года Мирабо пригласил к себе домой двух танцовщиц из оперы, с которыми провел ночь, а затем внезапно заболел и через восемь дней умер. Этой смертью устранялась фигура, чья политическая репутация и мастерство оратора могли обеспечить страну конституционной монархией. Но даже без него 3 мая Национальное собрание объявило о создании новой конституции, которая устанавливала конституционную монархию. Теперь монарх должен был именоваться королем французов, а не королем Франции, однако Франция оставалась монархической, а власть переходила в руки политиков-буржуа.

20 июня Людовик и Мария Анутанетта своим недальновидным поступком спровоцировали личную и политическую катастрофу. Им удалось бежать из Тюильри,

переодевшись слугами. Король и королева бежали из Парижа вместе со детьми и направились к западной границе, где находились Австрийские Нидерланды. Королевский экипаж двигался со скоростью всего семь миль в час, поскольку королева настояла на том, чтобы вся семья была вместе в одной большой и очень тяжелой карете. Решив, что им уже ничего не угрожает, они остановились на ночь в Варенне, всего в нескольких милях от границы. Там неуклюжую фигуру, одетую в бутылочно-зеленый камзол и лакейскую шляпу, опознали, задержали и с позором доставили обратно в Париж.

Провал попытки побега в Варенн выбил почву из-под ног у короля. Он также дискредитировал лидеров Национального собрания, которые вели с Людовиком переговоры о создании новой формы монархии, и которые теперь чувствовали себя преданными. Многие зарубежные лидеры также проклинали Людовика. До его побега и ареста в Варенне Екатерина относилась в нему как к человеку слабому, но свободному в своих поступках. Однако после того как короля привезли обратно в Париж, словно животное в клетке, иллюзия свободы рассеялась. «Боюсь, что самым большим препятствием в побеге короля был сам король, – сказала Екатерина. – Зная своего мужа, королева не оставила его. И она была права, хотя это еще больше усложнило ситуацию».

Неудавшийся побег спровоцировал повсеместные разговоры о необходимости спасти монарха и его семью. До конца июня брат Марии Антуанетты, новый император Леопольд II Австрийский, призывал всех правителей Европы помочь восстановить во Франции монархию. Леопольд, унаследовавший престол от своего старшего брата Иосифа II, правил всего один год. Его призыв был неискренним, скорее, даже лживым, поскольку в тот момент он не имел никаких намерений возглавить или даже участвовать в про-французской военной операции. Но тревога Леопольда привела его к встрече с королем Фридрихом Вильгельмом Прусским на курорте в Пильнице, в Саксонии. К двум монархам присоединился самонадеянный брат Людовика XVI, граф Артуа, который прибыл без приглашения и потребовал немедленного вмешательства.

Декларация, подписанная в Пильнице 27 августа 1791 года, утихомирила графа Артуа. В ней были изложены аргументы Леопольда о том, что судьба французской монархии «представляла для всех интерес», кроме того, она призывала других европейских монархов помочь в принятии «самых эффективных мер по возведению короля Франции на трон».

Никаких конкретных шагов не предлагалось. Леопольд был осторожен, поскольку в унаследованной от брата империи Нидерланды находились на грани переворота, да и в остальных ее частях было неспокойно. В то же самое время он не мог игнорировать то плачевное положение, в котором оказались его сестра и зять, пребывавшие в тот момент в Париже. Он понимал, что теперь они оба находились в серьезной опасности. С другой стороны, Леопольд переживал, что военное вмешательство, на котором так настаивал Артуа, подвергло бы жизнь его сестры еще большему риску. В конечном счете, Леопольд принял решение, что он может выступить против Франции только в союзе с другими державами, поскольку знал – в таком случае он обезопасит себя. Следовательно, Пильницкая декларация позволяла Австрии не предпринимать никаких активных мер. По сути, она не решила ничего, но зато вызвала сильное недовольство Национального собрания, и восемь месяцев спустя в апреле 1792 года Франция объявила войну Австрии. К тому времени Леопольда, внезапно умершего в марте того же года, сменил его неопытный, двадцатичетырехлетний сын, Франциск II.

События первых двух лет Французской революции – с весны 1789 года до лета 1791 года – свободно освещались в русской прессе. На новости из Франции не накладывалось никакой цензуры, как и на новости о только что возникших Соединенных Штатах Америки, создавших свою республиканскую конституцию и обнародовавших ее. Созыв Генеральных штатов, декларация третьего сословия, формирование Национальной ассамблеи, штурм Бастилии, отмена привилегий для дворянства, Декларация прав человека – все это полностью публиковалось в переводе на русский в «Санкт-Петербургской газете» и «Московской газете». По словам Филиппа де Сегюра, падение Бастилии вызвало в России большой энтузиазм: «Французы, русские, датчане, немцы, англичане и голландцы… все поздравляли и обнимали друг друга на улицах».

Когда третье сословие создало Национальное собрание и Екатерина поняла, что к крестьянам и буржуа присоединились дворяне, желавшие дать им политические и социальные привилегии, которыми обладали сами, она была потрясена. «Не могу поверить, что сапожники и башмачники обладают талантом руководить правительством и принимать законы», – писала она Гримму. Через несколько недель на смену ее удивлению пришла тревога. «Это сущая анархия! – восклицала она в сентябре 1789 года. – Они способны повесить своего короля на фонарном столбе!» Особенно ее волновала судьба Марии Антуанетты:

«Помимо всего, я надеюсь, что положение королевы будет под стать моему живейшему интересу к ней. Мужество восторжествует над всеми угрозами. Я люблю ее как мою дорогую сестру моего лучшего друга Иосифа II и восхищаюсь ее смелостью… Она может быть уверена, что, если ей понадобится моя помощь, я выполню свой долг». Но пока Россия вела войну на двух фронтах: на юге – против Турции, и на Балтике – против Швеции, она не могла исполнить своей «долг», однако могла интерпретировать это понятие.

К октябрю 1789 года Екатерина поняла, что во Франции произошла настоящая революция, угрожающая монархии всей Европы. Это поставило ее в сложное положение в отношении Филиппа де Сегюра. Когда через четыре года службы в России в качестве посла он явился к императрице, чтобы проститься, Екатерина передала ему дружественное послание для его короля, а также дала несколько личных советов:

> «Мне грустно, что вы уезжаете. Было бы лучше, если бы вы остались здесь со мной, а не бросались бы в пучину, которая может оказаться гораздо глубже, чем вы думаете. Ваши познания в новой философии, ваша страсть к свободе, возможно, приведут к тому, что вы примкнете к популярной партии. Мне будет жаль, потому что я останусь аристократкой. Это мое métier[13]. Помните, когда вы приедете во Францию, то обнаружите, что она охвачена сильной лихорадкой и очень больна».

Сегюр, не менее огорченный разлукой, ответил: «Я тоже боюсь этого, мадам, но именно поэтому считаю своим долгом вернуться». Когда Екатерина пригласила его остаться на обед и оказала ему невероятно теплый прием, расставание стало особенно трудным. «Когда я уходил, то думал, что это лишь временный отъезд, – писал Сегюр в одном из своих писем. – Отъезд был бы намного более болезненным, если бы я знал, что вижу ее в последний раз».

Комментарии Екатерины по поводу событий во Франции стали особенно едкими. Национальное собрание было «гидрой с двенадцатью головами». О новых политических фигурах в правительстве она говорила, что они «всего лишь люди, запустившие механизм, управлять которым у них нет таланта… Франция – жертва толпы адвокатов, глупцов, выдающих себя за философов, мошенников, молодых хлыщей, лишенных начисто здравого смысла, марионеток горстки бандитов, которые не заслужили даже звания знаменитых разбойников». Ее стремление защитить монархию исходили из веры в необходимость

эффективной администрации и в сохранении общественного порядка. «Велите тысяче человек составить письмо, позвольте им спорить по поводу каждой фразы и посмотрите, сколько на это уйдет времени и что вы получите». Она с сожалением наблюдала за тем, как разрушался порядок и над Францией нависала угроза анархии, поскольку сама кое-что знала об анархии – она видела ее плоды во времена восстания Пугачева.

Екатерина не могла поддержать свои взгляды военными действиями на территории страны, находившейся через половину Европейского континента от России, но еще до побега королевской семьи в Варенне, она старалась предпринять некоторые меры. Екатерина сообщила своим послам в Швеции о своем желании, чтобы монархи Европы озаботились бы судьбой Франции. Она писала, что речь шла не только о разрушительном влиянии революции, речь также шла о том, что Франция должна восстановить свои позиции и таким образом укрепить баланс сил в Европе. Зная Густава III Шведского, вечно ищущего славы и желавшего возглавить монархический крестовый поход против Французской революции, Екатерина выбрала в союзники именно его. В октябре 1791 года всего через год после окончания короткой, бессмысленной войны на Балтике между Россией и Швецией, Екатерина предложила Густаву субсидировать его армию из двенадцати тысяч солдат, чтобы они вторглись во Францию. Датой обсуждаемой операции должна была стать весна 1792 года.

Жестокие события в Швеции помешали этому военному мероприятию. 5 марта 1792 года Густав III получил ранение в спину во время маскарада в Стокгольме; он умер к концу месяца. Хотя убийцей был шведский аристократ и покушение связывали со шведской политикой, Екатерина немедленно увидела в этом отголоски волны антимонархического насилия. Полиция доносила о том, что французский агент был послан в Санкт-Петербург, чтобы убить императрицу, и что некоторые гвардейцы в Зимнем дворце подкуплены. Никаких дальнейших разговоров о вторжении шведских солдат во Францию больше не велось.

Весной 1792 года Екатерина сделала достоянием общественности десятистраничный меморандум, в котором предлагались меры по подавлению анархии во Франции и восстановлению монархии, чтобы вернуть Францию на путь безмятежности и величия. Екатерина начинала с того, что заявила: «Дело короля Франции является делом всех королей… Все работы [французского] Национального собрания были посвящены уничтожению монархии, которая существовала во Франции уже тысячу лет. [Сейчас] Европа заинтересована в том,

чтобы Франция вновь заняла место, достойное великого королевства». По поводу того, как это может быть достигнуто, она говорила: «Войска из десяти тысяч человек достаточно, чтобы пройти из одного конца Франции в другой… Возможно, стоит оплатить услуги наемников – лучше всего швейцарцев, а остальных взять у немецких принцев. С такими силами мы сможем вырвать Францию из рук бандитов, восстановить монархию, изгнать самозванцев, наказать мошенников и освободить королевство от угнетения». После реставрации императрица советовала не прибегать к массовым репрессиям. «Некоторых рьяных революционеров нужно будет наказать, но амнистировать тех, кто подчинится и снова станет верным подданным». Она считала, что многие из делегатов Национального собрания приняли бы прощение, осознав, что «они вышли за пределы своих полномочий, ибо их избиратели не требовали уничтожить монархию и уж тем более христианскую веру». Она продолжала, что для восстановления королевства было бы важно, чтобы все три сословия: духовенство, дворяне и простолюдины сосуществовали в мире. Церкви необходимо вернуть отнятую у нее собственность, дворянство вновь должно получить свои привилегии, а популярные и справедливые требования свобод «могут быть удовлетворены хорошими и справедливыми законами». Прежде всего, писала Екатерина, королевская семья должна быть освобождена. «По мере продвижения войск, принцы и войска должны сосредоточиться на самой главной задачи: освобождении короля и королевской семьи из рук парижан».

Этот документ, написанный за месяц до сентябрьской резни, формального освобождения Франции от монархии и обезглавливания короля, был беспомощным и наивным; Екатерина абсолютно не понимала, как изменилась жизнь французов в политическом, экономическом, социальном и психологическом аспектах. Пока Екатерина составляла этот документ, радикальные настроения во Франции продолжали набирать обороты. Клуб якобинцев, имевший огромную популярность в Париже, стал распространять свое влияние по всей стране, а также принимать новых членов. Встречи проходили в бывшем конвенте якобинцев на улице Сент-Оноре. Сначала клуб играл важную роль в революции – здесь зачитывались и обсуждались реформы, в которых нуждалась страна; затем он превратился в арену сражений радикальных мыслей, яростных речей и требований решительных действий. Его лидеры – Жорж Дантон, Жан Поль Марат и Максимилиан Робеспьер – достигли вершин политического влияния в стране. К лету 1792 года

Парижская коммуна – новое муниципальное правительство, поддерживаемое санклютами, простыми горожанами, «которые не носили красивые бриджи», – захватила власть над городом. Дантон, новый тридцатилетний министр юстиции, решил, что теперь он отвечает за судьбу королевской семьи в Тюильри.

10 августа толпа, собранная коммуной, штурмовала дворец Тюильри. Шестьсот швейцарских гвардейцев, защищали королевскую семью, пока король, желая предотвратить кровопролитие, не приказал им сдаться. Швейцарцы подчинились, их захватили в плен, а затем убили. Толпа ворвалась в покои короля. Король, его жена и их дети были схвачены и препровождены в тюрьму в Тампль.

Весной 1792 года Пруссия присоединилась к Австрии в ее войне против Франции. В середине лета прусская армия стояла на берегу Рейна и уже готовилась направиться к Парижу. Когда армия начала продвижение, герцог Брансвик, командовавший прусскими войсками, узнал о том, что Людовик XVI и его семья были увезены из Тюильри. Герцог написал манифест, в котором угрожал Парижу тем, что он переживет «поучительный и незабываемый акт возмездия… если королю и его семье причинят какой-либо вред». Эта угроза имела обратный результат. Манифест Брансвика подтолкнул Париж к ужасающему возмездию. Узнав, что они уже совершили поступки, за которые будут наказаны, парижане пришли к выводу, что им больше нечего терять. Пошли слухи, что, если враги войдут в Париж, все население будет уничтожено.

30 июля 1792 года пятьсот человек в красных колпаках явились в Париж из Марселя и южных провинций. Описанные одним из членов Национального собрания как «шайка разбойников, исторгнутых из тюрем Генуи и Сицилии», они были наняты Коммуной, чтобы защитить город. Желая поддержать их, коммуна также привлекла местных уголовников. Заключенных освобождали из тюрем при условии, если они будут выполнять приказы Коммуны.

Жестокие расправы в тюрьмах 2–8 сентября 1792 года планировались заранее. В последние две недели августа сотни парижан, в которых видели «возможных предателей», были арестованные. Поскольку их собирались уничтожить, этих людей свезли в тюрьмы, для большего удобства. Многие из арестованных были священниками, которых забирали из семинарий и церквей по обвинению в антиреволюционных настроениях. Среди заключенных находились бывшие слуги короля и королевы. Также в число арестантов входили драматург

Пьер Бомарше и близкая подруга Марии Антуанетты – принцесса де Ламбаль, которая сначала бежала в Лондон, но затем вернулась в Париж, чтобы быть вместе с королевой. Но в большинстве своем это были простые люди. Дантон не был зачинщиком резни, однако ему было известно о происходящем. «Меня не волнует судьба заключенных, – сказал он. – Пусть они сами о себе позаботятся». Позже он добавил: «Казни были необходимы, чтобы успокоить парижан». Робеспьер же просто сказал, что таким образом была выражена воля народа.

Известие о том, что прусская армия захватила Верден, достигла Парижа 2 сентября. Резня началась тем же днем. Двадцать четыре священника были вытащены из карет, перевозивших их в тюрьму в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре, у самых ворот тюрьмы и изрублены на куски шпагами, ножами, топорами и лопатами прямо на мостовой. Пленников, которые уже были заключены в аббатстве, вытаскивали по одному в сад, где их рубили ножами, тесаками и пилами. Другие тюрьмы также были атакованы бандами: 328 заключенных убили в Консьержери; 226 – в Шатле; 115, включая архиепископа, – в монастыре Кармелитов. В Бисетре было убито 43 мальчика и юноши. Тринадцати из них было пятнадцать, троим – четырнадцать, двоим – тринадцать, а одному – двенадцать лет. Женщины всех возрастов, включая девочек-подростков, подверглись жестокому насилию. Когда принцесса де Ламбаль отказалась принести клятву ненависти к королевской чете, она была зарублена. Ее голову насадили на пику и отнесли в Тампль, чтобы показать королю и королеве.

9 сентября французы победили прусскую армию при Вальми и, таким образом, положили конец иностранному вторжению, заставив прусскую армию отступить к Рейну. Но на этом французы не остановились, они двинулись дальше, захватив Майнц и Франкфурт. 21 сентября, через три недели после резни, французская монархия была ликвидирована и установлена республика. В декабре Национальное собрание объявило о том, что везде, где пройдет французская армия, любое правительство будет заменено властью народа.

21 января 1793 года казнили Людовика XVI. Это потрясло многих, даже тех, кто еще верил в революцию. Генерал Франсуа Дюмурье, одержавший победу при Вальми, друг Дантона, дезертировал в Австрию; Лафайет бежал за границу после штурма Тюильри. Провинция поднялась против парижского правительства, за что жестоко поплатилась. Когда Лион, второй по значимости город во Франции после Парижа, капитулировал, пленных, большинство из которых были крестьянами и рабочими,

связывали вместе в большие группы, выводили в поле рядом с городом и расстреливали из пушек. Один из агентов Робеспьера, присутствовавший при казни, писал своему хозяину: «Какую радость вы испытали бы, если бы могли видеть народную справедливость, обрушившуюся на этих двести девяносто негодяев! Какое величие! Какие возвышенные звуки! Какое незабываемое зрелище – видеть, как эти мерзавцы получили по заслугам!»

При правительстве был создан Комитет общественной безопасности, его создателями стали Дантон и Робеспьер. В конце концов, Робеспьер решил, что революция оказалась идеологически неправильной и была установлена Власть Террора для того, «чтобы защитить республику от внутреннего врага… от тех, кто своим поведением, своим окружением, а также своими словами или письмами выказывал поддержку тирании и врагам народа», или тем, «кто не доказывает постоянно своей преданности делу революции». За девять месяцев официальная статистика казненных составила шестнадцать тысяч человек. Но по некоторым расчетам в реальности Террор унес в два или даже три раза больше жизней.

Известие о том, что Людовик Французский был отправлен на гильотину, так потрясло Екатерину, что она заболела. Неделю она провела в одиночестве и распорядилась, чтобы при дворе установили шестинедельный траур. Она приказала разорвать все отношения с Францией. Французско-российский торговый договор 1787 года был аннулирован, а торговля между двумя странами запрещена. Судам, плавающим под революционным французским триколором не позволено было заходить в российские воды. Все русские подданные, жившие во Франции или путешествующие по стране, были отозваны на родину, а всем французским гражданам, находившимся в России, была дана неделя, чтобы принести клятву королю Франции или покинуть империю Екатерины. Из пятнадцати тысяч французов, живших в России, только сорок три отказались приносить такую клятву. В марте 1793 года, через два месяца после смерти брата, граф Артуа был радушно принят в Санкт-Петербурге, где ему обещали финансовую поддержку и предоставили возможность работать с другими эмигрантами. Однако императрица по-прежнему воздерживалась от военного вмешательства в войну против Франции. После неудачи Австрии и Пруссии она считала, что вряд ли возможно было достигнуть успеха без Британии, а Британия не имела намерений вступать в войну. Уильям Питт, премьер-министр, ясно дал понять, что политика Британии

направлена на обеспечение безопасности Европы, а не на борьбу с правительством Франции. Казнь Людовика XVI изменила мнение Питта. Он заявил, что убийство короля стало «самым грязным и ужасным деянием, которое только видел мир»[14]. Французскому послу было приказано покинуть Лондон. И снова Франция первой перешла к действиям. 1 февраля 1793 года Франция объявила Великобритании войну.

Через шесть месяцев после смерти мужа Марию Анутанетту, чьи волосы в тридцать семь лет были уже седыми, разлучили с детьми и отвезли в тюрьму Консьержери. Бывшая королева Франции, габсбургская эрцгерцогиня, дочь австрийской императрицы, сестра двух австрийских императоров и тетя третьего, в одиночестве провела два месяца в камере размером одиннадцать на шесть дюймов. 5 октября 1793 года ее посадили в телегу и провезли через улицы Парижа на гильотину.

Телеги продолжали двигаться по улицам Парижа. Массивное лезвие поднималось и опускалось по сорок, пятьдесят, шестьдесят раз в день. Напуганные политики отправляли на гильотину друг друга, чтобы самим избежать казни. Сотни человек были казнены из-за личной вражды или зависти соседей; их преступления заключались лишь в том, что они находились «под подозрением». Среди жертв оказались двадцать крестьянских девушек из Пуату, у одной из которых был новорожденный ребенок – она укачивала его, сидя на мостовой во дворе Консьержери в ожидании казни. Поэт Андре Шенье был отправлен на гильотину лишь потому, что его ошибочно приняли за его брата. Затем, узнав об ошибке, Коммуна казнила и брата. Антуан Лавуазье, ученый, попросил небольшую отсрочку от казни, чтобы закончить эксперимент. «Революции не нужны ученые», – таков оказался ответ. Одним из осужденных, был восьмидесятилетний маршал герцог де Муши, чья пожилая жена не понимала, что происходит. «Мадам, мы должны идти, – спокойно сказал он ей. – Господь так желает, так давайте исполним его волю. Я не покину вас. Мы умрем вместе». Когда их вывозили из тюрьмы, кто-то крикнул: «Мужайся!» Де Муши ответил: «Мой друг, когда мне было пятнадцать я рисковал жизнью ради моего короля. В восемьдесят я должен идти на эшафот за моего Бога. Я не такой уж и несчастный человек». Французские эмигранты и беженцы рассказали эту историю Екатерине.

Террор достиг своей кульминации и стал постепенно стихать. 13 июля 1793 года Марат был заколот у себя в ванной Шарлоттой Корде. 5 апреля 1794 года Робеспьер послал на гильотину Дантона. Три с половиной месяца спустя, 27 июля 1794 года

голова Робеспьера упала в корзину. После смерти Робеспьера кровавый Террор подошел к концу. На смену ему пришла Директория, а затем и Консульство. Молодой армейский генерал Наполеон Бонапарт стал первым консулом в 1804 году, после чего короновал себя как император. Войны, начатые революционной Францией, продолжились при Наполеоне и в общей сложности продлились двадцать три года. С падением Наполеона бывший граф Прованса, старший из выживших братьев Людовика XVI, вернулся во Францию и взошел на трон как Людовик XVIII. После него трон унаследовал его младший брат граф Артуа, который стал королем Карлом X. А затем трон занял последний король Франции – Луи Филипп. Все эти короли оказались ничуть не лучше доброжелательного, нерешительного Людовика XVI, который был плохим монархом, но до конца оставался верен своей стране, с достоинством перенеся заключение, и пошел на смерть смело и без сожалений.

Самым ярким символом Французской революции стала гильотина. Казни Людовика XVI и Марии Антуанетты оставили глубокий культурный след в сознании людей, а созданный Диккенсом образ мадам Дефарж, которая вязала у подножия безжалостной машины, сделал этот символ еще более зловещим.

Изначально гильотина была создана для того, чтобы на практике доказать идею о том, что смертная казнь применялась для лишения человека жизни, а не для причинения ему страданий. Прежде чем она унесла жизнь своей первой жертвы в 1792 году, осужденные во Франции нередко умирали мучительно: их ломали на колесе или разрывали на части лошадями. Чаще всего дворян обезглавливали с помощью меча или топора, а простолюдинов вешали. Но палачи иногда оказывались недостаточно квалифицированными, мечи или топоры – тупыми, а петли часто душили медленно, и задыхающаяся жертва долго извивалась в воздухе. Гильотина должна была сделать смерть осужденного более гуманной; ее изобретатель доктор Жозеф Гильотен так описывал ее действие: «Механизм падает внезапно, головы отлетают, кровь брызжет, человек умирает». Кроме того, гильотина считалась более справедливым орудием, так как предназначалась для всех осужденных, независимо от их происхождения. В любом случае гильотина служила долго. Она использовалась в имперской Германии, в Веймарской республике, а также в нацистской Германии, где между 1933 и 1945 годом было гильотинировано шестнадцать тысяч человек. Во Франции она оставалась главным орудием смертной казни до 1977 года. Через четыре года после

этого смертная казнь во Франции была отменена.

Является ли гильотина более гуманным способом казни, чем топор, петля, электрический стул, расстрельная команда или смертельная инъекция в медицинском, политическом или моральном значении – вопрос спорный. Наиболее эффективным решением проблемы был бы повсеместный запрет на вынесение государством смертной казни. Пока общественность разных стран борется за это, стоит задать второй вопрос медицинского или научного свойства: в действительности ли смерть на гильотине мгновенна и безболезненна? Некоторые считали, что это было не так. Приводился аргумент, что поскольку лезвие быстро разрезало шею и спинной мозг, оно не соприкасалось с головным мозгом, а потому не приводило к мгновенной потере сознания. Если это правда, можно ли считать, что некоторые жертвы осознавали, что с ними происходит? Свидетели гильотинирования описывали моргающие веки, движения глаз и губ. В 1956 году патологоанатомы проводили эксперименты с головами казненных на гильотине заключенных, объясняя реакцию голов на свое имя, произнесенное вслух, или на боль от укола булавкой, лишь случайными сокращениями мышц или анатомическими рефлексами; работа мозга была тут совершенно ни при чем. Разумеется, шок от перерубания позвоночника, а также резкое падение кровяного давления должны были приводить к очень быстрой, если не мгновенной потере сознания, но что происходило в эти секунды?

В июне 1905 года уважаемому французскому врачу позволили провести эксперимент с только что отрубленной головой заключенного по имени Лангвиль. Он писал, что «сразу же после отрубания головы… спазмы стихли… Тогда я громко и резко сказал: «Лангвиль!» И увидел, что веки медленно приподнялись… это было спокойное, хорошо различимое и нормальное движение… Затем глаза Лангвиля уставились на меня, а зрачки четко сфокусировались… На меня смотрели абсолютно живые глаза… Несколько секунд спустя глаза закрылись… Я снова произнес его имя, и опять веки поднялись, и глаза посмотрели на меня, возможно еще более пристально, чем в прошлый раз. Потом веки снова закрылись… [и] больше уже не двигались».

Что ощущали (если такое вообще возможно) отрубленные головы Людовика XVI, Марии Антуанетты, Жоржа Дантона, Максимилиана Робеспьера и десятков тысяч других, умерших на гильотине? Этот вопрос так и останется без ответа.

71
Инакомыслие в России. Финальный раздел Польши

Французская революция оказала сильное влияние на Екатерину. Императрица не только была напугана деградацией, унижениями и жестокостью, которые сопровождали уничтожение французской монархии, но боялась, что революционная лихорадка может распространиться дальше. Она считала, что должна предпринять меры и защитить себя, и Россия пережила результат серьезного изменения в ее взглядах, прежде полных свободомыслия. В политической и военной сфере ее страх перед тем, что она называла «французским ядом», привел – или послужил оправданием – к редкому в истории Европы событию: полному исчезновению большого государства.

В самом начале своего царствования молодая Екатерина с восхищением дружила с философами Вольтером и Дидро, которые называли ее самым либеральным правителем Европы, Семирамидой Севера. Благодаря им, а также книгам Монтескье она пришла к выводу, что лучшей формой правления являлась филантропическая автократия, образованная и руководствующаяся принципами Просвещения. В первые годы правления она надеялась, что сможет исправить или хотя бы улучшить работу некоторых наименее эффективных институтов России, среди которых было крепостничество. Она созвала Уложенную комиссию в 1767 году и выслушивала жалобы и рекомендации разных классов, включая крестьян. Но затем случилось восстание Пугачева. Однако после него она по-прежнему продолжала дружить с философами, хотя больше и не следовала их наставлениям. Она часто оспаривала их утопии и сомневалась в их идеях.

К 1789 году, после двадцати семи лет правления, Екатерина достигла некоторых своих либеральных целей, которые сформулировала еще в юности. Она помогла создать русскую интеллигенцию. Помимо дворянства, многие люди стали учиться в университетах, путешествовать за рубеж, говорить на иностранных языках, писать пьесы, прозу, стихи. Подающих надежду юношей посылали за государственный счет учиться и приобретать знания в иностранные школы и университеты. Образованные люди, не рожденные в дворянских семьях, становились крупными государственными чиновниками, поэтами,

писателями, врачами, архитекторами и художниками. Но затем, словно желая поставить под вопрос ее ранние устремления и цели, пришла суровая реальность: восстание Пугачева, а следом за ним, двадцать лет спустя – события во Франции.

Екатерина с ужасом наблюдала за разрушением монархии и прежнего режима во Франции. Каждый месяц французские эмигранты и беженцы прибывали в Россию и рассказывали ужасающие истории. Больше всех монархов в Европе она ощущала, что радикальная идеология во Франции была направлена в том числе и против нее, и чем более радикальные настроение возникали во Франции, тем более оборонительной и реакционной становилась ее политика. Теперь Екатерина поняла, как опасно оказалось применять философию Просвещения на практике. Сочинения философов, которыми она восхищалась, несли некоторую ответственность за последующий революционный экстремизм. Годами их письма подтачивали уважение к власти и религии и подвергали их постоянным нападкам. Неужели философы не были ответственны хотя бы отчасти? Почему они да и она сама не смогли увидеть, к чему это ведет?

В 1791 году Екатерина приказала, чтобы все книжные лавки зарегистрировали в Академии наук каталоги книг, в которых были выступления против «религии, благопристойности и Нас». В 1792 году она приказала конфисковать полное издание работ Вольтера. В 1793 году она распорядилась, чтобы правительство в провинциях запретило публиковать книги, которые «способствовали разложению морали, имели бы отношению к правительству, и помимо всего прочего, которые были бы посвящены Французской революции». Она стала бояться той легкости, с которой революционные идеи из Франции могли пересечь границы, поэтому импорт французских книг и газет был запрещен. В сентябре 1796 года была создана первая за ее правление система формальной цензуры. Все частные типографии были закрыты, все книги должны были направляться к цензорам и лишь после этого публиковаться. В числе первых эти новые ограничения повлияли на молодого, образованного дворянина, занимавшего видный пост в императорской администрации.

Александр Радищев родился в 1749 году в Саратовской губернии, был старшим из одиннадцати детей образованного дворянина, владевшего тремя тысячами крепостных. В тринадцать лет Александр поступил в Пажеский корпус в Санкт-Петербурге и служил при дворе. В семнадцать он среди двенадцати молодых людей был избран для того, чтобы изучать

философию и закон в Лейпцигском университете за государственный счет. Там он учился вместе с Гёте. В 1771 году в двадцать два года он вернулся в Россию, где служил сначала как чиновник в Сенате, а затем среди судебного персонала в военном ведомстве. В 1775 году Радищев женился и занял пост в Коммерц-коллегии, возглавляемой Александром Воронцовым, братом подруги Екатерины – княгини Дашковой. В конце концов, он стал начальником петербургской таможни.

В 80-е годы восемнадцатого века Радищев начал писать книгу «Путешествие из Петербурга в Москву». В 1790 году он напечатал несколько экземпляров в частной домашней типографии. Как того и требовалось, он отнес одну из книг главному полицейскому цензору в Петербурге. Чиновник взглянул на название книги, решил, что это путевые заметки, одобрил ее и вернул дворянину книгу. После этого Радищев отпечатал ее тиражом в шесть тысяч анонимно. Время было выбрано неудачно – это случилось на следующий год после падения Бастилии, а Россия все еще вела войну с Турцией и Швецией.

«Путешествие» Радищева не было путевыми заметками. На самом деле это было страстное обличение института крепостничества и критика правительства, а также социальной структуры, благодаря которой крепостничество продолжало существовать. Радищев обращался к читателям с эмоциональным воззванием:

> «<…> неужели толико чужды будем ощущению человечества, чужды движениям жалости, чужды нежности благородных сердец, любви чужды братния и оставим в глазах наших на всегдашнюю нам укоризну, на поношение дальнейшего потомства треть целую общников наших, сограждан нам равных, братии возлюбленных в естестве, в тяжких узах рабства и неволи? Зверский обычай порабощать себе подобного человека, <…> обычай, знаменующий сердце окаменелое и души отсутствие совершенное, простерся на лице земли быстротечно, широко и далеко. И мы, сыны славы, мы, именем и делами словуты в коленах земнородных, <…> восприяли обычай сей; и ко стыду нашему, ко стыду прошедших веков, ко стыду всего разумного времяточия сохранили его нерушимо даже до сего дня».

Писатель наглядно демонстрировал результат существования крепостничества, приводя в качестве примера множество сцен, которые описывал в качестве «путешественника», проезжавшего

мимо деревень, городов и станций. Он описывал, как унизителен труд крепостных, какие шокирующие вердикты выносили коррумпированные судьи, и рассказывал о беззащитном положении крепостных женщин, находящихся во власти своих хозяев-эксплуататоров. В одном из эпизодов рассказывалось, как трое жестоких сыновей помещика накануне свадьбы выкрали красивую крепостную девушку, связали ее, заткнули ей рот и намеревались использовать ее для своего «зверского намерения». Ее жених, тоже крепостной, увидел происходившее, напал на троих мерзавцев и «проломил голову» одному из них. В наказание помещик приказал жестоко выпороть жениха. Молодой человек принял это с достоинством, но когда увидел, что трое сыновей хозяина тащат его будущую жену к себе в дом, он вырвался, освободил девушку и приготовился драться с тремя врагами, размахивая палкой из ограды у себя над головой. В этот момент появились другие крепостные и вступили в рукопашную, в результате, помещика и его сыновей забили насмерть. Все крепостные, участвовавшие в расправе, были осуждены на каторжные работы пожизненно. Радищев рассказал эту историю не только как пример отношений между хозяином и крепостными, но и как предупреждение читателям: крепостные, охваченные отчаянием, только и ждали предлога, чтобы начать бунт:

> «Не ведаете ли, любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель, в коликой мы вращаемся опасности. <…> Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему не возможет. Таковы суть братия наша, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем. Приведите себе на память прежние повествования [Пугачев] <…> Не щадили они ни пола, ни возраста. Они искали паче веселие мщения, нежели пользу сотрясения уз. Вот что нам предстоит, вот чего нам ожидать должно».

Желая смягчить эту мрачную перспективу, Радищев предложил план постепенного освобождения крепостных. Все домашние крепостные должны быть освобождены сразу же,

сельскохозяйственные крепостные должны были получить в полную собственность свои земельные наделы, а затем им должно быть позволено использовать заработанные ими деньги для того, чтобы выкупить себе свободу. Кроме того, они должны были жениться, не спрашивая позволения своих хозяев. В суде их должны судить равные им – то есть другие крестьяне.

Екатерина прочитала эту книгу в июне 1790 года и исписала все поля заметками. Она отдала должное интеллектуальным способностям Радищева: «[автор] достаточно образован и прочитал много книг <…> у него богатое воображение, и он бесстрашен в своей работе». Екатерина предположила, что автор получил образование в Лейпциге, «таким образом подозрение падает на господина Радищева более всего, ибо говорят, что он владеет частной типографией у себя дома». Если бы эта книга была написана тридцать или даже двадцать лет назад, Екатерина могла бы узнать в ней свои собственные идеи, теперь же, заняв новую позицию, она заявила, что «цели данной книги видны на каждой странице. Ее автор заражен французским безумием и пытается всеми возможными способами разрушить уважение к власти и вдастьимущим, взбудоражить народное возмущение против власти и правительства». Она отрицала приведенные Радищевым примеры поведения помещиков и положения крепостных и была в ярости от предупреждений по поводу гнева крепостных и неминуемой их мести. Автор, по ее словам, был «смутьяном похуже Пугачева <…> подстрекавшим крепостных к кровавому мятежу». Он призывал не только крестьян, но и остальное население страны к неуважению по отношению ко всем представителям власти от императрицы до местных чиновников. В обличениях правительства Радищевым и в его попытках смешать ужасы бунта Пугачева с новыми «ядами», изобретенными во Франции, она видела попытку пропаганды идей парижских революционеров и дестабилизации России, находившейся в состоянии войны. С этой книгой, как Екатерина написала на полях, «нельзя было мириться».

Радищев был разоблачен, арестован и доставлен в Петропавловскую крепость для допросов. Его не пытали. И все же, зная о том, какие последствия арест мог навлечь на его семью, он начал отрекаться от своих слов. Радищев заявил, что написал книгу из-за тщеславия, что хотел снискать литературной славы. Он старался смягчить свое наказание, признавая, что допустил большие преувеличения и что его обвинения против лиц государства были неточными. Он отрицал любые намерения нападок на правительство Екатерины, а лишь хотел указать на определенные, поправимые недостатки. Он не имел никакого

желания поднимать крестьян против помещиков; а лишь хотел заставить плохих помещиков устыдиться своего поведения. Радищев признался, что надеялся на освобождение крепостных, но заявил, что хотел достигнуть этого на основании законов, вроде тех, которые уже предлагались императрицей Екатериной. В конечном счете он отдал себя на милость Екатерины. Его допрашивали в центральном суде Санкт-Петербурга по криминальным делам. Обвинили в подстрекательстве к мятежу и оскорблении Ее Величества и приговорили к смертной казни через обезглавливание. Сенат в порядке надлежащей процедуры одобрил вердикт. Однако в процессе следствия Екатерина передала экземпляр его книги Потемкину, чтобы выслушать его замечания. Несмотря на личные нападки на себя, а также на императрицу, князь попросил о снисхождении. «Я прочитал присланную мне книгу. Не сержусь, – писал он Екатерине. – Кажется, матушка, он и на Вас возводил какой-то поклеп. Верно, и Вы не понегодуете. Ваши деяния – Ваш щит». Мягкий ответ Потемкина успокоил Екатерину, которая поступила, как всегда делала в таких случаях: заменила смертную казнь ссылкой в Сибирь на десять лет.

Впоследствии с Радищевым обращались относительно снисходительно. После вынесения приговора его вывели из суда в кандалах, но на следующее утро их сняли по приказу Екатерины. Ему отвели шестнадцать месяцев, чтобы он смог добраться до места своей ссылки, находившегося на расстоянии четырех тысяч миль к востоку от Петербурга. Министр торговли Александр Воронцов, патрон и друг Радищева, присылал ему одежду, книги и тысячу рублей в год. Наконец, к Радищеву, который к тому времени уже стал вдовцом, в Сибирь приехали его двое младших детей, их привезла с собой его свояченица, которая осталась с ним и родила ему еще трех детей. Он построил большой дом, где разместил свою семью, своих слуг и книги. Радищев работал врачом, учил детей и читал книги, которые присылали ему друзья. Вскоре после смерти Екатерины в 1796 году ее сын Павел отменил ссылку Радищева и позволил ему вернуться в свое поместье неподалеку от Москвы. В 1802 году в состоянии сильной депрессии он совершил самоубийство, оставив после себя прощальную записку со словами Катона: «Теперь я сам себе хозяин». Его «Путешествие» было опубликовано в Лондоне в 1859 году. Через три года – и через шестьдесят лет после смерти Радищева – правнук Екатерины, император Александр II, отменил крепостное право.

Во времена раздела Польши в 1772 году Россия, Австрия

и Пруссия навязали этой стране конституцию, которая ограничила власть короля и Сейма и оставила ее в руках независимой, консервативной аристократии, которая отказывалась управлять или быть управляемой, в результате чего в стране возникло положение, близкое к анархии. Станислав Август, король, посаженый на трон Екатериной, правил следующие шестнадцать лет, однако все важные вопросы польское правительство решало с одобрения Санкт-Петербурга. Территориально Польша оставалась большим государством, и за все эти годы неприязнь многих поляков к государствам, разделившим страну, особенно к России, только укреплялась. В сентябре 1788 года, пока Екатерина и ее союзник Иосиф II Австрийский были вовлечены в войну с Турцией, поляки увидели шанс к переменам. Польский Сейм, желавший покончить с зависимостью Польши от России, собрался и почти сразу же устроил сговор. Открытое вето было временно отменено, чтобы Сейм мог принять решение большинством голосов. Посреди возросшей волны антирусских настроений и оскорблений, которые произносились в адрес Екатерины, Станислав предупредил об опасности принятия односторонних изменений в конституции без одобрения императрицы. Его слова проигнорировали. Следующие месяцы сплоченный Сейм продолжал менять структуру правительства, поддерживаемого Россией в течение шестнадцати лет. Пока армия находилась на юге, Екатерина не способна была ничего предпринять, по крайней мере она не могла ввести войска, а поэтому сделала вид, что ничего не замечает.

В следующем, 1790, году Екатерина пережила несколько политических неудач. В марте король Фридрих Прусский, унаследовавший трон своего дяди Фридриха Великого в 1886 году, удивила Россию и Австрию, подписав оборонительный договор с Польшей, обязуясь предоставить ей военную поддержку в случае иностранного вмешательства. 3 марта 1791 года ободренный поддержкой Пруссии Сейм, знавший, что Россия все еще продолжала войну на Черном море, а также считавший, что теперь Польша защищена договором с Пруссией, проголосовал за новую конституцию, которая устанавливала наследственную, а не выборную монархию. Нынешнему правителю, Станиславу, позволялось оставаться на троне до конца своей жизни, но после его смерти корона должна была передаваться по наследству от отца к сыну в пределах семьи курфюрста Саксонии. Открытое вето упразднялось и заменялось большинством голосов в Сейме. Целью новой конституции было ослабление старого дворянства, чтобы обеспечить Польшу более

эффективным национальным правительством.

Екатерина понимала, насколько сильно новая конституция могла ослабить влияние старого польского дворянства, на которое она полагалась, чтобы сохранять Польшу слабым государством. Ее это встревожило. Русско-польский договор 1772 года был упразднен в одностороннем порядке. У императрицы не было свободных войск, которые могли бы защитить старую конституцию, однако, охваченная гневом и растерянностью, она тем не менее быстро нашла союзников среди самих поляков. Консервативное дворянство, зная, что слабое центральное правительство было необходимо для того, чтобы сохранить власть в их руках, также отрицало конституцию от 3 мая. Эти дворяне собрались в Гродно и создали свою новую федерацию, а также объявили о реставрации конституции 1772 года и послали делегацию в Санкт-Петербург, чтобы просить Екатерину о помощи.

Екатерина очень хотела помочь им. Конституция от 3 мая была далеко не радикальной, но Екатерине казалось, что она могла спровоцировать такие же нападки на монархию, как и во Франции. К июлю 1791 года мир с Турцией уже был близок, и вскоре у русской армии появилась бы возможность поддержать консервативных поляков. Она говорила Потемкину во время его последнего визита в Санкт-Петербург о своем намерении назначить его командующим в новой кампании. Но существовал и некоторый риск. И Леопольд Австрийский, и Фридрих Вильгельм Прусский переживали из-за напряженной ситуации во Франции и надеялись успокоить волнения в соседней с ними восточной Европе, поэтому они согласились принять новую польскую конституцию от 3 мая. Фридрих Вильгельм действовал как новый союзник Польши; Леопольд же стремился сосредоточить все свое внимание на Франции. Оба монарха хотели, чтобы Екатерина присоединилась к ним.

Екатерина, которая уже решила действовать в одиночку в случае необходимости, отказалась. Вместо этого она попыталась убедить пруссаков и австрийцев поддержать ее. Она прямо заявила своему председателю коллегии иностранных дел в декабре 1791 года, что никогда не согласится с новым устройством Польши и что она намерена действовать. Пруссия и Австрия «могут противостоять нам только на бумаге», – предсказывала она. Екатерина предполагала, что столкнется с протестом других европейских государств, однако Австрия, вступившая в войну с Францией, ничего не предприняла, и Екатерина готова была согласиться на новый раздел Польши, если от Пруссии можно было бы добиться, чтобы та

проигнорировала свой договор с Польшей в обмен на дополнительные польские территории. Что касалось поляков, то Екатерина понимала – для восстановления конституции 1772 года необходимо будет ввести русскую армию.

За новой военной политикой Екатерины в отношении Польши стояло осознание того, что, несмотря на ее разговоры о необходимости противостоять Франции, прежде всего ее заботило то, что происходило ближе к ее дому. Она была рассержена теми шагами, которые уже предприняли поляки, и волновалась по поводу возможных новых действий. Эффективный и, возможно, революционный новый режим в Польше мог представлять опасность для России. Могла ли она проигнорировать эту вероятную угрозу и начать борьбу с якобинцами во Франции? Она должна была бороться с теми врагами, которые представляли для нее наибольшую угрозу. Екатерина говорила Гримму, что намерена «уничтожить гнездо якобинцев в Варшаве». Это было лишь оправданием, но она раскрыла свои истинные замыслы, когда дала волю своим чувствам в присутствии личного секретаря 14 ноября 1791 года: «Я ломаю голову, подстрекая австрийский и прусский двор вмешаться в дела Франции. Австрийский двор согласился, но двор в Берлине отказывается предпринимать активные действия <…> Есть причины, которые я не могу объяснить [им]. Я хочу, чтобы они отвлеклись. Мне известно, как много дел осталось незавершенными, поэтому очень важно занять их чем-то, чтобы они не мешали мне». Ее «неоконченным делом» было восстановление контроля над Польшей.

9 апреля 1792 года новое французское правительство ненамеренно помогло Екатерине, объявив войну Австрии. Императрица теперь могла быть уверена, что Австрия не сдержит свои обещания, данные Польше, и не поддержит их конституцию от 3 мая. К концу апреля она известила Берлин и Вену о своих намерениях вторгнуться в Польшу: 7 мая русские войска численностью в пятьдесят шесть тысяч пересекли польскую границу. Несколько недель спустя за ними последовали еще тридцать пять тысяч. Польша немедленно обратилась к Фридриху Вильгельму, ссылаясь на договор о защите 1790 года. Король Пруссии поступил так, как и предполагала Екатерина. Ожидая войны с Францией, он отказался от своих обязательств помогать Польше, заявив, что, принимая конституцию от 3 мая, с ним не советовались, и это освобождает его от обязательств по договору. Он заявил, что не «обязан защищать конституцию, созданную без его ведома». Станислав снова играл на два фронта, сначала поклявшись защищать конституцию от 3 мая, он попытался вести переговоры с Екатериной, предложив ей отдать свой трон ее

внуку Константину. Но ее это не заинтересовало. Не в силах ничего больше предложить императрице, польский король приказал своей армии сложить оружие.

Захват Польши прошел довольно гладко, но вскоре Россия испытала серьезные политические трудности. Консервативные польские лидеры, которых поддерживала Екатерины, начали ссориться между собой и доказали свою полную неуправляемость. К декабрю 1792 года Екатерина решила, что единственным способом покончить с этим хаосом будет формализация оккупации и второй раздел Польши. Фридриху Вильгельму предложили территории на севере и западе, которые Пруссия давно желала приобрести. Он согласился. Россия и Пруссия довели до всеобщего сведения, что их действия были направлены на подавление якобинства в Польше. Фридрих Вильгельм объявил, что он был вынужден послать свою армию в Польшу, чтобы защитить Пруссию от якобинства у своих границ. Екатерина также использовала этот аргумент. «Очевидно, что вы игнорируете тот факт, что якобинцы в Варшаве связаны с Якобинским клубом в Париже», – писала она Гримму. В январе 1793 года Россия и Пруссия втайне подписали договор, узаконивавший второй раздел Польши.

Не зная об этом договоре, польские консервативные лидеры попросили Екатерину заверить их, что она будет защищать территориальную целостность их страны. Но было уже слишком поздно. В начале апреля 1793 года манифесты России и Пруссии объявили о том, что произошел новый раздел. Пытаясь придать своим действиям видимость закона, Екатерина и Фридрих Вильгельм заставили Станислава покинуть Варшаву и приехать в Гродно, центр проигравшей консервативной конфедерации, там он должен был возглавить заседание Сейма, который пришел бы к «пониманию с разделяющими сторонами». Чтобы помочь Сейму принять такое решение, русский посол заявил, что «солдаты Ее Императорского Величества займут земли любого из членов Сейма, который выступит против воли народа». В июле члены Сейма с неохотой одобрили договор с Россией о новом разделе, однако, испытывая еще более сильную ненависть к Пруссии, они отказались ратифицировать передачу своих территорий стране, которая их предала. Здание Сейма в Гродно было окружено русскими войсками, и депутатов предупредили, что никому не позволят покидать его, пока договор не будет одобрен. Заседание продолжилось ночью. Сначала депутаты кричали и отказывались садиться, затем внезапно все замолчали и неподвижно замерли на своих местах. В 4 утра маршал Сейма трижды спросил: «Сейм наделяет делегатов полномочиями подписать договор?» Ни один

из депутатов не ответил. После этого маршал объявил: «Молчание означает согласие». Таким образом, договор о разделе был одобрен польским Сеймом.

В результате договор с Россией превратил лишенную ряда территорий Польшу в протекторат, или, как с горечью сказал один из польских депутатов, в «провинцию России». Внутренняя и внешняя политика должна была согласовываться с Россией; назначения в правительстве одобрялись в Санкт-Петербурге; польская армия сократилась до пятнадцати тысяч человек. Станислав остался на троне. Политически бессильный, ненужный и жалкий, он вернулся в свой дворец в Варшаве, ненавидимый своими подданными.

Новая доля, полученная Россией, была значительной: Российской империи переходило восемьдесят девять тысяч квадратных милей на востоке Польши, включая оставшуюся часть Белоруссии с Минском; а также еще один значительный кусок Литвы, включая Вильнюс, и оставшуюся часть польской Украины. Население Российской империи выросло на три миллиона человек. Пруссия взяла себе двадцать три квадратные мили, наконец присоединив давно желанный регион в Данциге и Торне, а также часть Западной Польши, ее население выросло на один миллион человек. Австрия в этот раз ничего не получила, однако Францису II было обещано, что Пруссия останется активным союзником Австрии в войне против Франции. Территория Польши сократилась на две трети от своих прежних размеров, а численность населения уменьшилась на четыре миллиона. Когда договор был подписан, Екатерина сказала себе, что она не только дала отпор революционной заразе, принесенной из Франции, но и вернула земли, которые принадлежали великому Киевскому княжеству в шестнадцатом веке, «земли, все еще населенные людьми русской веры и национальности».

К весне 1794 года, когда Робеспьер еще стоял во главе Франции, многие поляки решили, что с дальнейшим расчленением страны и унижением конституционных прав нельзя более мириться. В марте, когда было предпринято разоружение польской армии, нация поднялась. Тадеуш Костюшко, польский офицер, учившийся в Париже и сражавшийся вместе с Вашингтоном и Лафайетом во время американской войны за независимость, неожиданно появился в Кракове и возглавил польское восстание. 24 марта с четырьмя тысячами солдат и двумя тысячами крестьян, вооруженных косами, он разбил русское войско из семи тысяч солдат под Краковом. Восстание разрасталось так быстро, что когда оно достигло Варшавы,

русский гарнизон из семи тысяч человек был захвачен врасплох. Три тысячи русских солдат были убиты или взяты в плен; тела убитых раздевали и протаскивали по городу. Фридрих Вильгельм Прусский был объявлен предателем, а портрет Екатерины, взятый из русского посольства, был разорван на куски.

Когда отчет об этих событиях достиг Санкт-Петербурга, Екатерина заявила Пруссии и Австрии, что настало время «погасить последнюю искру якобинского пожара в Польше». Фридрих Вильгельм, задетый оскорблениями, брошенными в его адрес поляками, попросил о чести лично подавить польское сопротивление. Екатерина предложила ему взять на себя ответственность за подавление мятежа на западе от реки Висла, а затем попросила короля Франциска II продвинуться на юге. Оба императора отозвались на ее просьбу, ожидая, что их усилия будут не напрасны, и все стороны рассчитывали на дальнейший раздел Польши. Фридрих Вильгельм перегруппировал армию, часть которой направил против Франции, а двадцать пять тысяч солдат послал в Польшу. К середине июля двадцать пять тысяч прусских и четырнадцать тысяч русских солдат приблизились к Варшаве с двух сторон. Позже, в июле, Фридрих Вильгельм сам прибыл к Варшаве, чтобы руководить осадой города. Прусская армия не добилась особых успехов, а в сентябре король заявил, что ему нужны еще войска, чтобы отразить французскую угрозу, и прекратил осаду.

К тому времени русским уже не нужна была помощь. Екатерина понимала, что, если Россия подавит восстание без чьей-либо помощи, она одна будет диктовать условия. Она поручила Румянцеву общее руководство войсками в Польше, а Суворову – тактическое командование. 10 октября Суворов победил Костюшко в битве, во время которой тринадцать тысяч русских одержали верх над семью тысячами поляков. Костюшко был тяжело ранен, взят в плен и отправлен в Санкт-Петербург, где его поместили в крепость Шлиссельбург. Затем Суворов отправился к Праге – укрепленному форштадту, находившемуся на другом берегу реки Висла в предместьях Варшавы.

Перед началом атаки Суворов напомнил солдатам об апрельской резне русского гарнизона в Варшаве. Войска выступили на рассвете. «Три часа спустя, – отчитывался Суворов, – вся Прага была усеяна телами, кровь лилась потоками». Численность убитых по разным источникам колебалась от двенадцати до двадцати тысяч. Русские позже заявили, что Суворов не смог сдержать своих солдат, которые жаждали мести за своих убитых весной товарищей, однако этот аргумент не мог оправдать убийства женщин, детей, священников

и монахов. Суворов, таким образом, сделал предупреждение Варшаве: если они не сдадутся, то город постигнет участь Праги. Варшава немедленно капитулировала, и вооруженному сопротивлению в Польше пришел конец.

Екатерина объявила Костюшко агентом революционного экстремизма, она считала, что он состоял в переписке с Робеспьером. Именно в такой обстановке Екатерина и ее канцлер решали, как в дальнейшем поступить с поверженной Польшей. Они пришли к согласию, что поскольку якобинство по-прежнему угрожало России, было бы неправильно допустить существование польского правительства. Безбородко настаивал на том, что предыдущие столетия доказали невозможность мирного сосуществования с поляками; они всегда будут поддерживать врагов России, будь то Турция, Пруссия, Швеция или кто-либо еще. Подобное буферное государство могло представлять угрозу для России. Консул предлагал поступить с Польшей как с поверженным врагом: все польские регалии, флаги и государственный герб, а также содержимое архивов и библиотек было собрано и отправлено в Россию. Суворова назначили командующим русскими войсками в Польше.

Следующим этапом было установление договоренности о новом разделе территории Польши. Екатерина предпочла бы присоединить всю оставшуюся территорию Польши к России, но она знала, что Пруссия и Австрия этого не примут. Поэтому она предложила третий и финальный раздел Польши. Австрия колебалась, предлагая вернуть статус кво с наблюдением со стороны. Пруссия приветствовала раздел, либо полный, либо с сохранением маленького, незначительного буферного государства между странами-разделителями. Предложение Екатерины оказалось самым экстремальным: она хотела разделить оставшуюся территорию Польши и, таким образом, стереть с карты своего опасного соседа. Ее предложение было принято.

2 января 1795 года Россия и Австрия согласились на третий и финальный раздел Польши. Пруссия все еще вела войну с Францией, поэтому ей сообщили, что желаемую территорию она сможет забрать, когда будет готова это сделать. 5 мая Пруссия подписала мирный договор с революционной Францией и заняла причитавшийся ей кусок Польши. Россия получила Курляндию, оставшуюся часть Литвы, а также оставшуюся часть Белоруссии и Западной Украины. Пруссия забрала Варшаву и территорию к востоку от Вислы. Австрия взяла Краков, Люблин и Западную Галицию. После этого Екатерина не раз повторяла, что она не

взяла себе «ни одного поляка», а просто вернула древние русские и литовские земли, населенные православными людьми, которые «теперь воссоединились со своей родиной – Россией».

25 ноября 1795 года Станислав, чье королевство было разорвано на части, отрекся от престола. Когда Екатерина умерла годом позже, новый император Павел пригласил бывшего короля в Санкт-Петербург, где поселил его в Мраморном дворце, который Екатерина построила для Григория Орлова. Он умер там в 1798 году. Для Польши третий раздел означал исчезновение государства как такового. Это продолжалось до подписания Версальского договора после Первой мировой войны, когда Российская, Германская и Австрийская империи прекратили свое существование, а Польша возродилась как государство. Но до этого момента в течение 126 лет народ и культура Польши не имели своей страны.

72
Сумерки

В 1796 году Екатерина, пребывавшая на российском троне уже тридцать пятый год, была самым знаменитым правителем в мире. Годы отложили свой отпечаток на ее внешности, но никак не отразились на ее преданности работе и оптимистичных взглядах на жизнь. Она располнела, ее волосы поседели, однако голубые глаза по-прежнему выглядела молодыми, ясными и чистыми. Даже в шестьдесят семь лет ее кожа была свежей, а вставные зубы создавали иллюзию белозубой улыбки. Она всегда держалась с изяществом и большим достоинством и была любезна с окружавшими ее людьми. У своих друзей, придворных, вельмож и слуг она вызывала глубокую симпатию и уважение.

Екатерина вставала в шесть утра и надевала шелковый халат. Маленькие английские грейхаунды, спавшие на атласной розовой софе рядом с ее кроватью, тоже пробуждались, поняв, что хозяйка проснулась. Самые старые из них, которых она называла сэром Томом Андерсоном и его супругой герцогиней Андерсон, были подарком доктора Димсдейла, вакцинировавшего ее и сына Павла от оспы. Они вместе со второй женой сэра Тома – мадемуазель Мими – произвели на свет множество щенков. Екатерина заботилась о них. Когда собаки хотели гулять, она открывала двери в сад. После этого она выпивала четыре или пять чашек черного кофе и садилась изучать многочисленную официальную и личную корреспонденцию, которая уже ждала ее. Зрение у нее ухудшилось, поэтому она читала в очках, иногда пользуясь увеличительным стеклом. Однажды, когда секретарь увидел, что она читает подобным образом, Екатерина улыбнулась и сказала: «Наверное, вам пока не нужны подобные приспособления. Сколько вам лет?» Он ответил, что ему двадцать восемь. Екатерина кивнула и сказала: «Наше зрение затуманилось после долгого служения государству, поэтому теперь Нам приходится пользоваться очками». Примерно в девять утра она откладывала перо и звонила в колокольчик, сообщая сидевшему у двери ее кабинета слуге, что она готова принимать дневных посетителей. Начинался долгий день, в течение которого она принимала министров, генералов и других правительственных чиновников; читала и слушала их отчеты; подписывала документы, подготовленные для нее. Также она устраивала своего рода совещания; визитеры должны были высказывать свое мнение по поводу ее идей и предлагать свои, когда считали, что она была

неправа. Екатерина почти всегда оставалась внимательна, благожелательна и сохраняла невозмутимый вид.

Однако ее реакция на визиты талантливого генерала Александра Суворова была непредсказуемой. Искренний и вместе с тем эксцентричный, Суворов входил в ее комнаты, кланялся три раза иконе Казанской Божьей Матери, висевшей на стене, затем опускался перед императрицей на колени и касался лбом пола. Екатерина всегда старалась остановить его словами: «Ради Бога, неужели вам не совестно?» Безо всякого смущения Суворов садился и повторял свою просьбу получить разрешение сразиться с французской армией на севере Италии, которой командовал молодой генерал Наполеон Бонапарт. «Матушка, позволь мне выступить против Франции!» – просил он. После ряда таких визитов и просьб, она согласилась, и в ноябре 1796 года Суворов был готов выступить во главе шестидесятитысячной русской армии. Но накануне похода Екатерина умерла, и кампанию отменили. Эти два знаменитых полководца так и не встретились на поле боя.

В час дня, когда утренняя работа подходила к концу, Екатерина удалялась, чтобы переодеться – обычно она предпочитала платья из серого или фиолетового шелка – для обеда. На обедах присутствовало от десяти до двадцати гостей: ее личные друзья, дворяне, знатные вельможи и иностранные дипломаты. Екатерину не особенно интересовали деликатесы, и сервировка была спартанской, поэтому после обеда гости потихоньку удалялись в свои покои во дворце, где обедали еще раз.

Днем Екатерина читала книги или слушала, как читали ей, пока она занималась шитьем и вышиванием. В шесть, если был назначен придворный прием, она принимала приглашенных в гостиных комнатах Зимнего дворца. Когда подавали ужин, Екатерина обычно не ела, и в десять уходила в свои покои. Если придворных приемов не было, она обычно отдыхала в Эрмитаже, вместе с друзьями слушала концерты, смотрела французские или русские пьесы или просто играла в разные игры, шарады или в вист. Во время этих вечеров всегда соблюдалось ее давнее правило: придворный этикет не действовал, нельзя было вставать, если вставала императрица; все свободно говорили о чем хотели; дурное настроение было запрещено, а веселье наоборот приветствовалось. Своей подруге фрау Бильке Екатерина писала: «Мадам, вы должны быть веселы: только так вы сможете продлить жизнь. Я говорю вам из личного опыта, потому что должна прожить как можно дольше, и у меня это получается лишь

потому, что я смеюсь при каждом удобном случае».

В 1790-е годы здоровье Екатерины стало ухудшаться. Она долгие годы страдала от головных болей и несварения желудка, теперь к ним добавились еще и частые простуды, и ревматизм. Летом 1796 года у нее возникли открытые нарывы на ногах. Иногда ее ноги распухали и кровоточили, ее это так тревожило, что она старалась каждый день промывать их холодной морской водой: скептицизм доктора Роджерсона по поводу нетрадиционных методов лечения еще больше убеждал ее в том, что это средство может иметь «чудодейственный эффект».

Физические недуги доставляли некоторые неудобства, но не лишали ее дееспособности. Осень и зиму Екатерина проводила в Зимнем дворце и Эрмитаже. После смерти Потемкина у нее появилась еще одна резиденция в столице, поэтому несколько недель весной и следующую осень она провела в Таврическом дворце, который выкупила у наследников князя. Живя там, она воскрешала в памяти человека, который был ее другом, любовником и возможно, мужем. Она предпочитала это место своим дворцам в Петергофе и Ораниенбауме на Финском заливе, которые могли вызвать неприятные воспоминания из ее прошлого. Царское Село, где она могла проводить время в окружении друзей и внуков, было ее любимым местом отдыха летом. Между императорской семьей и обычными людьми не возводилось серьезных барьеров: все парки в столице и поблизости от города были открыты для посетителей, которые были «надлежащим образом одеты». Парк в Царском Селе не являлся исключением. Однажды утром после ранней прогулки Екатерина сидела на скамейке, а подле нее – ее любимая горничная. Проходивший мимо мужчина бросил взгляд на двух пожилых женщин и, не узнав императрицу, пошел дальше, что-то насвистывая. Горничная была оскорблена, но Екатерина лишь заметила: «Чего ты ожидала, Мария Савишна? Двадцать лет назад такого бы не случилось. Но мы постарели. Это наша вина».

В 1777 году Екатерине было сорок восемь, когда ее сноха родила первого внука. Именно Екатерина, а не отец или мать, дали ему имя – Александр. Материнство подарило Екатерине немного радости, но теперь, став бабушкой, она получила возможность наверстать это упущение. Забыв о своих давних страданиях, которые ей доставила императрица Елизавета, забрав ее первенца, Павла, Екатерина постаралась играть центральную роль в жизни новорожденного. Она руководствовалась примерно теми же мотивами, что и Елизавета. Обе женщины испытывали раздражение от своей неспособности: в одном случае – родить

самой, в другом – стать матерью для своего ребенка. Обе давали одно и то же оправдание своему поведению: юная, неопытная мать не могла проявить достаточно ответственности, чтобы вырастить будущего царя.

Екатерина не забирала Александра себе, как поступила Елизавета с Павлом. Но велела, чтобы каждый день мальчика приносили к ней и сажали на ковер рядом с ее столом. Когда его приводили, она сразу же откладывала все свои дела и играла с ним. Она лежала на полу рядом с внуком, рассказывала ему сказки, придумывала игры, исправляла его ошибки и часто обнимала его. «Я уже говорила вам и скажу снова, – писала Екатерина Гримму, – я души не чаю в маленькой обезьянке <…> днем моя маленькая обезьянка может приходить столько раз, сколько ему захочется, и проводит по три-четыре часа в день в моей комнате». Она называла внука «месье Александром» и говорила: «Просто невероятно, он не может пока говорить, но в свои двенадцать месяцев уже знает вещи, непостижимые для детей трехлетнего возраста». Когда Александру было три, она сказала: «Если бы вы только знали, какие чудеса творит Александр как повар и как архитектор, как он рисует и смешивает краски, как колет дрова, как играет в садовника и кучера, как сам учится читать, рисовать, считать и писать». Эта лесть мало чем отличается от рассуждений любой бабушки, которая хочет, чтобы весь мир узнал о необычайных достоинствах и достижениях ее внука. В любом случае, Екатерина была убеждена, что Александр уникален исключительно благодаря ей. «Я делаю из него очаровательного ребенка, – говорила она. – Он беззаветно любит меня». Она придумала для него свободную одежду, которую легко было надевать, и которая не ограничивала движение его рук и ног. «Ее можно быстро сшить и сразу же одеть, сзади она скрепляется четырьмя или пятью крючками, – объясняла Екатерина Гримму. – Шведский король попросил прислать ему выкройку одежды месье Александра».

Ее второй внук родился через восемнадцать месяцев после Александра. Императрица назвала его Константином, намекая выбором имени на трон, который она хотела ему дать. Екатерина надеялась, что однажды он будет править новой империей православных греков в Константинополе. Когда Константин подрос, он стал вместе с братом играть на ковре в ее комнате. Поскольку для них подразумевались разные троны, они получили разное образование. Александр, который в будущем должен был унаследовать трон Екатерины, обучался по английской модели образования. У него была английская няня, он изучал историю Европы, а также литературу Просвещения. Константин, которому

предполагалось отдать Константинополь, воспитывался няней-гречанкой, его друзья по играм были греками, чтобы он с ранних лет выучил этот язык. Его обучали истории Греции, Рима и Византии, а также России.

Когда Александру исполнилось семь, а Константину – почти шесть, к ним приставили наставника, и Екатерина написала тридцать страниц инструкций по их образованию. Они должны быть правдивыми и мужественными. Они должны быть вежливыми со слугами и со старшими. Должны рано ложиться спать в хорошо проветриваемых комнатах, и чтобы температура в них была шестьдесят градусов по Фаренгейту. Они должны спать на кроватях с плоским, кожаным матрасом. Каждый день они должны умываться холодной водой, а зимой ходить в русскую баню. Летом они должны учиться плавать. Еда должна быть простой, летом на завтрак должны подаваться разные фрукты. Они должны сами сажать деревья и выращивать овощи. Наказание должно учить детей тому, как постыдно непослушание. Отчитывать нужно наедине, хвалить прилюдно. Телесные наказания были запрещены.

В 1784 году Екатерина назначила швейцарца Фридриха Цезаря Лагарпа главным наставником мальчиков. Республиканец, скептически относившийся к автократии, он завоевал уважение и любовь Александра и с позволения Екатерины внушал ему, что правитель находится в огромном долгу перед своим народом. Александр прислушивался к его наставлениям, но Константин выступал против них. Однажды он крикнул Лагарпу, что когда получит власть, то войдет в Швейцарию со своей армией и уничтожит эту страну. Лагарп спокойно ответил: «В моей стране рядом с маленьким городом Морат есть здание, где покоятся кости тех, кто уже пытался нанести нам подобный визит».

С появлением на свет Александра Екатерина вынашивала планы сделать его наследником престола вместо сына. Довольно скоро Павел стал подозревать, что за привязанностью матери к его сыну стояли намерения лишить его самого права на престол. Александр, когда он подрос, понял, что он стал объектом борьбы между его родителями и бабушкой. Он научился приспосабливаться к окружающим его людям. В Гатчине он слушал жалобы отца на императрицу, при дворе соглашался со всем, что говорила его бабушка. Не имея возможности выбора, он стал нерешительным и уклончивым и сохранил эти черты на всю свою жизнь. Александру с трудом давались прямые, однозначные решения.

За девятнадцать лет у Павла и Марии родилось десять детей. Четыре мальчика и шесть девочек. Их третий сын Николай

появился на свет в 1796 году в последний год жизни Екатерины, поэтому избежал строгого надзора с ее стороны. Девочки, в отличие от старших братьев, оставались с родителями, которым было позволено самостоятельно заниматься их образованием. Особое внимание Екатерина уделяла Александру, ее тревога по поводу наследования и будущего династии заставила ее рано женить внука. Хотя наставники считали его слишком юным для брака, в октябре 1792 года Екатерина пригласила двух немецких принцесс из Бадена в Санкт-Петербург на смотрины. Старшей из сестер, Луизе, исполнилось четырнадцать; Фредерике – на год меньше. Луиза была очень робкой, однако быстро влюбилась в русского великого князя. Александр признался, что и она понравилась ему. Для Екатерины этого оказалось достаточно. В январе 1793 года Луиза приняла православие и стала великой княгиней Елизаветой Алексеевной. Венчание Александра состоялось, когда ему было еще пятнадцать лет, а его юной невесте – четырнадцать. Это произошло в сентябре 1793 года. К сожалению, династические ожидания Екатерины не оправдались, Елизавета так и не смогла произвести на свет живого ребенка. Константин, который в 1825 году отказался от трона под конец правления Александра, тоже не имел законных детей, в результате Николай, внук Екатерины, который был оставлен на попечение матери, унаследовал престол и стал продолжателем династии.

Екатерина разрешила Павлу и Марии оставить дочерей у себя, но когда она сочла, что молодые девушки готовы к вступлению в брак, она занялась устройством их личной жизни. Старшей из ее внучек, Александре Павловне, было тринадцать, когда императрица решила, что пришло время выходить замуж. Екатерина хотела выдать ее за Густава Адольфа, юного некоронованного короля Швеции, сына Густава III, который был убит четырьмя годами ранее. Замужество за Густавом должно было смягчить давнюю вражду между Россией и Швецией и укрепить положение России в северной Балтике.

Но существовало одно препятствие. В ноябре 1795 года Густав был помолвлен с принцессой Луизой, протестанткой и дочерью герцога Мекленбург-Шверингского. Екатерина не сдалась. Шведскому регенту, герцогу Зюдерманландскому, брату убитого Густава III и дяде юного некоронованного короля, передали, что в шведскую казну выделят сотни тысяч рублей, как только желание императрицы будет удовлетворено. В начале апреля 1796 года регент согласился отложить женитьбу своего племянника до того времени, когда он достигнет

восемнадцатилетия – это должно было случить в ноябре того же года.

Екатерина пригласила Густава и его дядю в Санкт-Петербург. Поскольку король все еще не был коронован, это должно было восприниматься как «частный» визит, и члены королевской шведской семьи путешествовали инкогнито. Густав прибыл под именем «графа Гага», а его регент – «графа Ваза». 15 августа два «графа» прибыли. Король оказался мрачным, одетым во все черное юношей со светлыми волосами до плеч. Его представили Александре, и пара открыла менуэтом бал, который состоялся тем же вечером. Екатерина, вопреки своим правилам, не покидала праздник до полуночи. Следующие три недели прошли в разнообразных развлечениях, однако паре предоставляли возможность уединяться. Императрица была рада видеть, что поведение Густава немного смягчилось, она часто замечала, как он о чем-то перешептывался с Александрой. Наконец, во время танца, он даже решился пожать ей руку. «Я не знала, что со мной будет, – прошептала Александра своей гувернантке, – я так испугалась, что мне казалось, я упаду в обморок». Два дня спустя после обеда в Таврическом дворце Густав вместе с Екатериной сидели на скамейке в саду, и он сообщил ей, что хотел бы жениться на ее внучке. Екатерина напомнила ему, что он уже помолвлен с другой. Густав пообещал немедленно разорвать помолвку. Начались переговоры относительно того, что свадьбе будет сопутствовать русско-шведский альянс. Швеции были обещаны ежегодные субсидии в триста тысяч рублей.

Довольная тем, как развивались события, Екатерина назначила официальную помолвку на 11 сентября. Осталось завершить лишь одно важное дело: определиться с религией невесты после ее свадьбы. Екатерина хотела, чтобы Александра могла исповедовать православие, Густав возражал, он видел это невозможным, он считал само собой разумеющимся, что Александра должна принять лютеранство. Екатерина продолжала настаивать на том, что он должен гарантировать ее внучке, даже после того, как она станет королевой лютеранской Швеции, возможность оставаться в лоне русской православной церкви. Екатерина была удивлена – она и представить себе не могла, что некоронованный король-подросток захочет, чтобы русская великая княжна, внучка императрицы отказалась от своей веры. Для Екатерины личный и национальный престиж был также важен – а возможно, и даже важнее – как и соблюдение религиозных обрядов. Более того, она считала, что имела право ставить условия, ведь в качестве оплаты этого брачного союза Швеции выплачивались значительные денежные субсидии.

Но существовала и еще одна причина. Екатерина была в том же возрасте, что и Александра, когда получила предложение о замужестве, которое приняли за нее и которое заставило ее, вопреки возражениям отца, сменить религию. Теперь она пообещала себе, что ее внучке не придется пережить то, что ей самой пришлось пережить полстолетия назад. Она включила в брачный контракт пункт, который не только гарантировал Александре право оставаться православной, даже будучи королевой Швеции, но и позволявший ей иметь личную часовню с православным священником и духовником при шведском королевском дворце. Густав, преданный своей протестантской религии и считавший, что его королева должна разделять его веру, отказался. На возражение Екатерины, что его министры уже гарантировали исполнение ее желания, молодой король ответил, что его министры и русские вельможи, с которыми они вели переговоры, должно быть, не поняли друг друга. Тогда Екатерина потребовала, чтобы король своей рукой написал свои личные заверения. Густав колебался, но затем под давлением своего дяди согласился на изменения в брачном договоре.

Казалось, что теперь не было никаких помех для церемонии обручения, за которой должен был последовать бал в Таврическом дворце. Семьи и их уполномоченные представители встретились в полдень, чтобы стать свидетелями подписания договора. Однако русские быстро выяснили, что пункт, касавшийся религии Александры, в договоре отсутствует. Густав исключил его, чтобы обсудить этот вопрос с императрицей. Тем днем он отказался пойти дальше обещания, что «великая княжна никогда не испытает трудностей со своей религией». Екатерина трактовала это как новое обязательство и предложила регенту провести церемонию помолвки. После обсуждения с Густавом регент согласился. «С церковного благословения?» – спросила Екатерина. «Да, – ответил регент. – Согласно вашим ритуалам». Уверенная в том, что все улажено, Екатерина не видела смысла продолжать личное обсуждение с Густавом и поручила окончательное составление договора Платону Зубову.

В семь утра Екатерина вошла в тронный зал и села на трон. Перед ней стоял митрополит православной церкви Гавриил, на столе лежали два кольца. Два кресла, обитые синим бархатом, ожидали короля и его невесту. Павел, Мария и все члены императорской семьи присутствовали на церемонии. Все взгляды были устремлены на Александру, стоявшую рядом с троном своей бабушки и ожидавшую своего будущего жениха. Шло время… полчаса… затем час. Собравшиеся переглядывались. Все были

удивлены: в царствование Екатерины II при дворе соблюдалась пунктуальность. Наконец, двери распахнулись. Но вошел не Густав, а всего лишь секретарь, который прошептал что-то Зубову и передал ему бумагу. Зубов поспешно развернул ее. Король отказывался подписывать исправленный брачный договор, в котором присутствовал новый пункт, добавленный Екатериной. Он вернулся на прежнюю позицию: королева Швеции должна быть лютеранкой. Зубов в отчаянии поспешил переубедить короля. Екатерина, ее семья и весь двор продолжали ждать.

Напряжение в зале нарастало. Сначала Екатерина была спокойна. Затем, когда прошло время, улыбка исчезла с ее лица, она покраснела. Стоявшая рядом внучка была в слезах. Стрелки часов показали девять, а затем стали двигаться к десяти. И снова двери распахнулись. Вошел Зубов и протянул Екатерине бумагу. Король вновь поменял решение. Он давал слово, что Александре не будут препятствовать в сохранении ее религии, однако он не будет давать никаких письменных обещаний и не подпишет брачный договор, пока в нем присутствует пункт с требованиями Екатерины.

Сама Екатерина едва могла поверить в то, что она прочитала. Поднявшись с трона, она попыталась высказаться, но лишь пробормотала что-то неразборчивое. Некоторым придворным показалось, что у нее кружится голова, другие решили, что она пережила легкий удар. Однако это помутнение сознания было временным, через минуту она уже заявила: «Король Густав нездоров. Церемония откладывается». Она удалилась в свою комнату под руку с Александром. И хотя регент прислал извинения за поведение своего племянника, Екатерина была потрясена. На следующее утро она ненадолго встретилась с регентом и королем. Регент был в отчаянии, но Густав, «прямой как жердь», продолжал повторять: «Я написал то, что считаю нужным. И не отступлюсь от своих требований».

Екатерина отказывалась признать, что семнадцатилетний юноша может победить императрицу России в ее собственном дворце. Она решила, что время поможет преодолеть его упрямство, и настояла на том, чтобы Густав и его дядя остались в Санкт-Петербурге еще на две недели. Густав согласился задержаться еще на десять дней, однако это не изменило его мнения. В конечном счете свадьба не состоялась.

Унижение, пережитое Екатериной, и ее попытка подавить свой гнев на публике оказали серьезное влияние на ее здоровье. Позже она узнала, что строгий лютеранский пастор внушил Густаву, что подданные никогда не простят ему, если он возьмет себе в жены не лютеранку. Кроме того, Екатерина узнала, что в то

время, когда молодые проводили вместе и всем казалось, будто юный король ухаживает за великой княжной, на самом деле он пытался убедить ее принять лютеранство. Екатерина с горечью писала Павлу:

> «Король вообразил себе, будто Александра пообещала ему сменить веру и дать обед по лютеранскому обряду, и что она выходит за него на этом условии <…> Она сказала мне со свойственными ей искренностью и наивностью, как он говорил ей, что в день коронации она должна будет дать [лютеранский] обет вместе с ним, а она повторяла лишь: «Конечно, если я смогу и если бабушка позволит»».

Александра, несостоявшаяся невеста, так полностью и не оправилась от случившегося. Когда ее бабушка умерла, ее отец, новый император Павел, выдал Александру за эрцгерцога из рода Габсбургов. Брак оказался несчастливым, и в семнадцать лет она умерла при родах. 1 ноября 1796 года Густав был коронован как король Густав IV. В конечном счете он женился на принцессе Фредерике Баденской, младшей сестре великой княгини Елизаветы, жены внука Екатерины Александра.

73
Смерть Екатерины Великой

Вечером в четверг 4 ноября 1796 года Екатерина в последний раз появилась на публике, когда в Эрмитаже собралась небольшая компания ее друзей. Среди них был Лев Нарышкин, который за сорок лет до этого получал предложение вместе с Сергеем Салтыковым стать потенциальным отцом ребенка Екатерины; а впоследствии мяукал, как кот, чтобы выманить Екатерину из дворца вечером на встречу с ее любовником Понятовским. Теперь он все еще играл при дворе роль шута. Одетый, как уличный торговец, он подошел к Екатерине с подносом, полным разных игрушек и безделушек, и сделал вид, что пытается продать их. Его игра рассмешила императрицу. Она ушла рано, сославшись на то, что очень много смеялась и теперь нуждается в отдыхе.

На следующее утро, 5 ноября, она встала в шесть, выпила черный кофе и села писать. В девять она попросила, чтобы ее ненадолго оставили одну, и ушла в уборную. Оттуда – не вернулась. Слуги ждали ее. Камердинер постучал в дверь примыкавшего к комнате туалета. Она оказалась закрыта. Вместе с горничной они с большим трудом открыли дверь и обнаружили императрицу лежащей на полу без сознания. Ее лицо было пунцовым, а глаза закрыты. Когда они осторожно подняли ее голову, она тихо застонала. Камердинер позвал помощь, и вместе с остальными слугами они отнесли императрицу в комнату. Но ее обмякшее тело оказалось слишком тяжелым, чтобы поднять ее на кровать, поэтому ее положили на кожаный матрас на полу. Доктор Роджерсон пришел и вскрыл ей вены на руках.

Императрица была жива, но глаз не открывала и не говорила. Вельможи собрались и приняли решение срочно послать за великим князем Павлом. Платон Зубов тут же велел своему брату Николаю верхом скакать в Гатчину и сообщить Павлу о случившемся. Вскоре после этого девятнадцатилетний Александр в слезах попросил графа Федора Ростопчина отправиться в Гатчину и известить отца о произошедшем. Александр хотел убедиться, что именно Павел – а не он – унаследует трон. Ростопчин последовал за Николаем Зубовым в Гатчину.

Николай Зубов приехал в 3.45 пополудни и сообщил о том, что у Екатерины, возможно, случился удар. Павел приказал запрягать сани и вместе с Марией отправился в Санкт-Петербург. На почтовой станции посреди дороги они встретили Ростопчина. Позже граф вспоминал:

«Великий князь вышел из саней, чтобы справить естественную нужду. Я тоже вышел и обратил его внимание, как прекрасна ночь. Было на удивление спокойно и светло <…> луна виднелась сквозь облака, стояла тишина, не было слышно ни звука <…> Я увидел, что великий князь смотрит на луну, слезы наполнили его глаза и покатились по щекам <…> Я сжал его руку. «Мой господин, какое тяжелое для вас время!» Он пожал мне руку: «Подождите, мой дорогой друг, подождите. Я прожил сорок два года. Возможно, господь даст мне силы и разум, чтобы перенести то, что уготовано судьбой»».

Павел и Мария приехали в Зимний дворец в 8.25 вечера. Их встретили Александр и Константин, которые уже переоделись в «гатчинскую» прусскую форму с облегающим, застегнутым на все пуговицы мундиром и высокими сапогами. Великий князь увидел свою мать лежащей на кожаном матрасе без движения с закрытыми глазами. Опустившись перед ней на колени, Павел поцеловал ее. Она никак не отреагировала. Павел и Мария просидели рядом с ней всю ночь.

Во дворце недавно пережившая удар императрица вызывала жалость и вместе с тем стала предметом для обсуждений. Поправится ли она? Сможет ли хотя бы прийти в себя, чтобы лишить Павла права наследования и назвать своим преемником Александра? Придворные не знали, кому приносить клятву верности. И когда они должны это сделать. Платон Зубов ничего не говорил и тихо сидел в своем углу, никто не обращал на него внимания.

Ночью все бодрствовали. На рассвете врачи сообщили Павлу, что Екатерина пережила удар, и надежды на выздоровление не было. Павел послал за Безбородко и велел ему приготовить манифест о своем восшествии на престол. В полдень великий князь приказал Безбородко разобрать под присмотром его сыновей все бумаги матери и запереть их в ее кабинете, потом закрыть кабинет и отдать ключ ему. В пять дня, когда Екатерина стала задыхаться, Роджерсон сообщил Павлу, что конец уже близок. Митрополит Гавриил провел последние ритуалы, помазав лоб, щеки, рот, грудь и руки Екатерины освященным маслом.

Часы тянулись бесконечно долго. Все молчали. В 9.45 вечера 6 ноября 1796 года через тридцать шесть часов после удара, не приходя в сознание, Екатерина умерла. Придворные собрались в передней и выслушали официальное объявление. «Господа, императрица Екатерина умерла, а Его Величество Павел Петрович

унаследовал русский престол».

8 ноября, через два дня после смерти матери новый император явился в Александро-Невскую лавру, где приказал вскрыть гроб человека, которого он считал своим отцом – Петра III. Тело не было забальзамировано, поэтому в гробу лежали лишь кости, прах, шляпа, перчатки, сапоги и пуговицы. 2 декабря процессия покинула монастырь и сопроводила тело в Зимний дворец. Павел, его семья, придворные и дипломатический корпус следовали за ним по улицам, вдоль которых стояли гвардейцы. Процессию сопровождала и фигура из прошлого. Восьмидесятилетний Алексей Орлов, который командовал гвардейцами в Ропше и сообщил Екатерине о смерти ее мужа, по приказу Павла, шел за гробом Петра и нес на подушке корону. Орлов с достоинством пережил это унижение: он шел, распрямив спину и с бесстрастным выражением лица. Во дворце гроб Петра был установлен рядом с гробом Екатерины, чтобы произвести почетную церемонию прощания с ними обоими. 5 декабря оба гроба по замерзшей Неве отнесли в Петропавловский собор, где они были помещены рядом с усыпальницей Петра Великого. Там они находятся и сейчас.

Екатерина верила в просвещенную автократию. Чтобы поддержать эти убеждения и воплотить их в жизнь, она уделяла огромное внимание общественному мнению. Именно поэтому Екатерина сказала Дидро: «То, что я отчаялась перевернуть, я подтачиваю». Она смогла годами удерживать власть, в том числе и благодаря умению оценивать свои возможности. Годы спустя адъютант Потемкина, В. С. Попов подробно описал все это, рассказав молодому императору Александру I о разговоре, который состоялся однажды между ним и императрицей:

> «Темой была абсолютная власть, с помощью которой великая Екатерина правила своей империей <…> Я рассказал, как меня удивило то слепое подчинение, с которым повсюду исполнялась ее воля, тот пыл и рвение, с которыми все хотели угодить ей.
>
> «Это не так просто, как вы думаете, – ответила она. – Прежде всего, мои приказы не исполнялись бы, если бы это были приказы, которые невозможно исполнить. Вы знаете, с каким благоразумием и осмотрительностью я действую при оглашении моих законов. Я изучаю все обстоятельства, выслушиваю советы, спрашиваю мнение у просвещенных людей и таким образом понимаю, какое действие будут иметь мои законы. А когда я уже

убеждена заранее в их одобрении, то я издаю приказы и с удовольствием наблюдаю за тем, что вы называете слепым подчинением. Это и есть основа неограниченной власти. Но, поверьте, люди не стали бы слепо подчиняться мне, если бы законы не были сообразны их мнению».

Екатерина знала, что ее личную жизнь часто подвергали критике, поэтому ответила, что ее жизнь была уникальной. «Прежде чем стать тем, кем я сейчас являюсь, я тридцать три года жила, как все люди. Прошло лишь тридцать лет с тех пор, как я стала тем, кем я есть, и это учит жизни».

После смерти Потемкина Екатерина написала эпитафию на саму себя:

«Здесь лежит Екатерина Вторая, родившаяся в Штеттине 21 апреля 1729 года.

Она прибыла в Россию в 1744 году, чтобы выйти замуж за Петра III. Четырнадцати лет от роду она возымела тройное намерение – понравиться своему мужу, императрице Елизавете и народу. Она ничего не забывала, чтобы успеть в этом. В течение восемнадцати лет скуки и уединения она поневоле прочла много книг.

Вступив на Российский престол, она желала добра и старалась доставить своим подданным счастие, свободу и собственность.

Она легко прощала и не питала ни к кому ненависти. Пощадливая, обходительная, от природы веселонравная, с душою республиканскою и с добрым сердцем, она имела друзей. Работа ей легко давалась, она любила искусства и быть на людях».

Разумеется, эта характеристика была одновременно и идеализированной, и очень скромной. Екатерина всегда отказывалась от экстравагантных титулов вроде тех, которыми ее награждала Уложенная комиссия, которая в 1764 году предложила именовать ее Екатериной Великой; или Вольтера, который использовал в своих письмах цветистые обращения; или Гримма, называвшего ее Екатериной Великой в письмах с 1788 года. Отвечая Гримму, она написала: «Умоляю вас, не называть меня больше Екатериной Великой <…> я – Екатерина II». Однако после смерти ее все-таки стали называть Екатериной Великой.

Она была удивительной фигурой в век монархии; единственной женщиной из европейских правителей, которую

можно сопоставить с Елизаветой I Английской. В истории России она и Петр Великий занимают особое место благодаря своим незаурядным способностям и достижениям среди четырнадцати царей и императриц, правивших за триста лет существования династии Романовых. Екатерина стала достойной наследницей Петра. Петр подарил России «окно в Европу» и побережье Балтики, построив там город, ставший столицей империи. Екатерина открыла еще одно окно – на побережье Черного моря, жемчужинами которого стали Севастополь и Одесса. Петр принес в Россию европейские технологии и систему управления. Екатерина – европейскую мораль, политику, философию Просвещения, литературу, живопись, архитектуру, скульптуру, медицину и образование. Петр создал русский флот и регулярную армию, ставшую одной из лучших в Европе. Екатерина собрала величайшую художественную галерею в Европе, создавала больницы, школы и сиротские приюты. Петр сбрил бороды и укоротил одежды дворянства. Екатерина убедила их делать вакцинацию против оспы. Петр сделал Россию великой державой, Екатерина усилила это величие, а также способствовала культурному развитию страны. В последующие годы в русском искусстве появились такие выдающиеся имена, как Державин, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстой, Тургенев, Чехов, Бородин, Римский-Корсаков, Мусоргский, Глинка, Чайковский, Стравинский, Петипа и Дягилев. Эти деятели искусства и их труды были частью культурного наследия, которое подарила России Екатерина.

В 1794 году в возрасте шестидесяти четырех лет она писала Гримму:

> «Позавчера, девятого февраля было пятьдесят лет с тех пор, как я прибыла вместе с матушкой в Москву. Сомневаюсь, что в Петербурге найдется человек десять, кто помнит об этом. Еще жив Бецкой, слепой, одряхлевший, выживший из ума, он до сих пор спрашивают у молодых пар, помнят ли они Петра Великого… Одна из моих старых горничных, которая до сих пор служит у меня, хотя она уже все забыла. Все это – доказательства старости, и я – одно из них. И все же я, как и пятьдесят лет назад, люблю играть в жмурки, и молодые люди, включая моих внуков, говорят, что со мной эта игра кажется им особенно веселой. И я все еще люблю смеяться».

Это было долгое и удивительное путешествие, которое никто,

даже она сама, не мог себе представить, когда в возрасте четырнадцати лет Екатерина отправилась в заснеженную Россию.

Выражение признательности

При написании этой книги я активно использовал материалы Мемориальной библиотеки Стерлинга в Йельском университете. Благодаря помощи сотрудников библиотеки я мог проводить целые дни в хранилищах и брать необходимые мне книги домой, возвращая их в надлежащее время. Я благодарен библиотеке за проявленную ею щедрость, а также сотрудникам, которые оказывали мне помощь. Кроме того, я часто пользовался услугами Публичной библиотеки Нью-Йорка и также благодарен сотрудникам этой жемчужины культурной жизни Нью-Йорка.

Среди тех, кто словом и делом поддерживал меня в годы работы над этой книгой, я хочу назвать Андре Бернарда, Дональда Бицбергера, Кеннета Бурроуза, Джанет Бирн, Джорджину Кэйпл и Энтони Читмана, Роберта и Айну Кэйро, Патрицию Сайвейл, Роберта и Элайн Крамб, Дональда Холдена, Мелани Джексон и Томаса Пинчона, Джеймса Мэрлеса и Мэри Наджент-Хэд, Ким, Лорну и Маргарет Макквейд, Гилберта Мерритта, Юнис Мейер, Дэвида Микаэлиса и Нэнси Стейнер, Эдмуела и Сильвию Моррис, Мэри Маллиган, Сару Нельсон, Сидни Офит, Джорджа Пэйна, Хитер Преви, Дональда Ремника и Эстер В. Фейн, Питера и Ману Сарандинаки, Ричарда Вейсса и Бренду Уайнэппл. Дуглас Смит великодушно разрешил мне использовать его перевод переписки Екатерины с Потемкиным. Дуг Смит также разрешил мне воспользоваться материалами его книги «Жемчужина» и его описаниями положения русских крепостных, особенно крепостной оперы, балета, театра, симфонических оркестров и других видов исполнительского искусства.

Мне также повезло работать с издательством Random House и его талантливыми сотрудниками, которые опубликовали мою книгу. Я хочу перечислить имена этой большой семьи, которая оказала мне огромную помощь: Авиде Баширра, Эван Кэмфилд, Джина Сентрелло, Джонатан Джао, Сьюзан Кэмил, Лондон Кинг, Кэрол Лоунштейн, Джинн Мартин, Салли Марвин, Том Перри, Робин Шифф, Бен Стейнберг и Джессика Уотерс. Также мне очень помогли Долорес Карл, Лэйн Трип и Алекс Ремник.

На протяжении многих лет моим хорошим другом, оказывавшим мне поддержку и помощь, был Боб Лумис, который уволился в 2011 году после пятидесяти четырех лет плодотворной и успешной работы в издательском доме и покинул его. Я один из многих сотен авторов, чьи работы увидели свет в наилучшем виде благодаря его поддержке и советам, которые

обычно начинались с: «Давайте посмотрим, как это можно улучшить». Он достоин только восхищения.

Ознакомившись с рукописью, Дебора Карл, моя жена, литературный агент и самый преданный читатель изо всех, кого я знаю, дала мне много советов, каждый из которых нашел свое отражение в книге. Трое моих детей, Боб-младший, Элизабет и Кристофер, также читали рукопись и задавали много вопросов. Моя дочь Сюзанна следила за мной издалека, а мои дочери София и Нора поддерживали меня своей любовью, неиссякаемым оптимизмом и возвышенным артистическим талантом.

Наконец, я должен высказать слова благодарности в адрес замечательной женщины, о которой я написал эту книгу. После восьми лет непрерывного присутствия в моей жизни я буду скучать по ней.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

notes

Примечания

1

Изощренный ум *(фр.)*.

2

Любопытно, что подобное «маленькое несовершенство» было и у шестнадцатилетнего французского дофина, будущего короля Людовика XVI, когда он женился в 1770 году на пятнадцатилетней австрийской эрцгерцогине Марии Антуанетте. Он испытывал данную проблему в течение следующих семи лет. Наконец, в 1777 году Людовик подвергся обрезанию, и тогда же был зачат его первый ребенок. – *Примеч. авт.*

3

Во время последовавшей за этими событиями Семилетней войны (1756—63) Россия и Англия так и не вступили в нее, несмотря на то что были союзниками враждующих сторон.

4

Многие столетия польский король определялся путем выборов, и большая часть польской аристократии предпочитала подчиняться слабому иностранному королю, чтобы не приносить в жертву свои привилегии, отдавая предпочтение кому-то из соотечественников. В результате страна постоянно находилась в состоянии, близком к анархии.

5

Брак вчетвером. – *Прим. пер.*

6

Георг Людвиг был младшим братом матери Екатерины и троюродным братом Петра. Считалось, что в молодости он был влюблен в Екатерину – тогда еще Софию, когда ей было четырнадцать лет.

«Трактат о веротерпимости» *(фр.)*.

8

Чепухе *(фр.)*.

9

В восемнадцатом веке подобные просьбы от королей не были чем-то необыкновенным. Короли и принцы, в основном немецкие, с удовольствием давали «взаймы» солдат более могущественным просителям. Так, Англия наняла тысячи гессенских солдат, которых возненавидели в американских колониях. О том, к каким для Америки восемнадцатого века последствиям привело бы участие в подавлении восстаний двадцати тысяч русских солдат, можно лишь догадываться.

Семья решила сохранить эту фамилию, и известный композитор девятнадцатого века Николай Римский-Корсаков приходился ему дальним родственником по боковой линии.

11

Информация частично устарела.

12

Джонс писал свои письма на смеси французского и английского, именно он выбрал французское слово badiner. Его можно перевести как «играл с», «забавлялся с», «шутил с», «дурачился с», «баловался с». В современном значении это выражение можно перевести как «флиртовал с». Никто не может точно сказать, насколько интимны были эти встречи. Однако Джонс отрицал, что между ними что-то произошло. Он настаивал на том, что не вступал в интимные отношения с десяти– или двенадцатилетней девочкой.

13

Ремесло *(фр.)*.

14

Питт, возможно забыл, что в Англии в 1588 году обезглавили Марию Стюарт – бывшую королеву Франции и действующую на тот момент королеву Шотландии. И что в 1649 году англичане свергли и обезглавили своего монарха, короля Карла I.